



ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 13(5) • 2020

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе и международному сотрудничеству МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Research and Global Engagement MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of Center for Central Asian and Afghan Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 40,385 усл. п.л. Заказ № 952.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

США в мировой политике и экономике

- 7 Петров А.Ю., Косторниченко В.Н., Коскина М.М. – Международные аспекты колонизации северо-запада Америки и Калифорнии в конце XVII – XVIII вв.
- 31 Коновалова Ю.А., Ушанов С.А., Зарубин И.С. – Торговое сотрудничество США и ЕС в контексте изменения американской внешнеэкономической политики
- 55 Швыдко В.Г. – Американско-японские торговые отношения на фоне кризиса глобализации
- 78 Соков И.А. – Новое в американско-канадских отношениях и ратификация соглашения ЮСМКА
- 97 Дорофеев М.Л. – Влияние монетарной политики на уровень экономического неравенства в США

Ближний Восток в истории и современной мировой политике

- 115 Черникова Т.В. – Крымско-османский фактор в социокультурной системе России в раннее Новое время
- 149 Беккин Р.И. – Мусульманский банк как историческая категория: опыт создания кредитных учреждений для мусульман в первой половине XX в.
- 168 Bucsky P., Kenderdine T. – Is the Iron Silk Road Really So Important? Rail Freight Use on China's "Silk Road Economic Belt"
- 194 Мельянцев В.А. – Долгосрочные тренды социально-экономического развития арабских стран
- 220 Мелкумян Е.С. – Роль Лиги арабских государств в структурировании арабского регионального пространства
- 236 Рыжов И.В., Бородин М.Ю., Баранова Т.В. – Американская стратегия «достаточного присутствия» на Ближнем Востоке

- 252 Мачитидзе Г.Г. – Борьба Ирана с международным терроризмом

Политическая экспертиза и теория

- 266 Варфоломеев А.А., Иванов О.П., Сурма И.В., Трефилова Ю.А. – Российская система внешнеполитической экспертизы
- 293 Лебедева М.М. – Концептуальные перевоплощения публичной дипломатии

Технологии и финансы в современных производстве, образовании и медицине

- 307 Евтодьева М.Г. – Аддитивное производство и дополненная реальность как новые производственные технологии в авиационной отрасли
- 331 Антюхова Е.А., Касаткин П.И. – Цифровой вектор глобальной образовательной политики
- 352 Бударин С.С., Ватолин Д.О., Эльбек Ю.В. – Кросс-трансовой анализ моделей финансирования медицинских организаций в условиях пандемии COVID-19

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 375 Симонова М.Д. – Экономика благосостояния: ориентиры инклюзивного развития
- 387 Крылов А.В., Федорченко А.В., Шуминов Н.З. – «План Трампа» по урегулированию палестино-израильского конфликта

Table of Contents • 13(5) • 2020

RESEARCH ARTICLES

United States in world politics and economics

- 7 Petrov A.Y., Kostornichenko V.N., Koskina M.M. – International Dimension in Colonization of the North-West of America and California at the End of the 17-18th Centuries
- 31 Konovalova Yu. A., Ushanov S.A., Zarubin I.S. – US - EU Trade Cooperation in the Context of Changing American Foreign Economic Policy
- 55 Shvydko V. G. – US-Japan Trade Relations Amid the Globalization Crisis
- 78 Sokov I.A. – New in US-Canadian Relations and Ratification of the USMCA Agreement
- 97 Dorofeev M. L. – Impact of Monetary Policy on the Level of Economic Inequality in the United States

The Middle East in history and modern world politics

- 115 Chernikova T.V. Crimean-Ottoman Factor in The Socio-Cultural System of Russia in Early Modern Times
- 149 Renat I. Bekkin – Muslim Bank as a Historical Category: Creating Credit Institutions for Muslims In the First Half of the 20th Century.
- 168 Bucsky P., Kenderdine T. – Is the Iron Silk Road Really So Important? Rail Freight Use on China's "Silk Road Economic Belt"
- 194 Meliantsev V.A. – Long-term trends in the socio-economic development of Arab countries
- 220 Melkumyan E.S. – Role of the Arab League in Structuring the Arab Regional Space
- 236 Ryzhov I.V., Borodina M.Yu., Baranova T.V. – American Strategy of "Sufficient Presence" in the Middle East

- 252 Machitidze G.G. – Iran's Fight against International Terrorism

Political expertise and theory

- 266 Varfolomeev A.A., Ivanov O.P., Surma I.V., Trefilova Yu.A. – Russian System of Foreign Policy Expertise
- 293 Lebedeva M.M. – Conceptual Transformations of Public Diplomacy

Technology and finance in modern production, education and medicine

- 307 Yevtodyeva M.G. – Additive Manufacturing and Augmented Reality as New Production Technologies in the Aviation Industry
- 331 Antyukhova E.A., Kasatkin P.I. – Digital Vector in Global Educational Policy: Will it Ensure Social Justice and Access to Education?
- 352 Budarin S.S., Vatolin D.O., Elbek Iu.V. – Cross-Country Analysis of Funding Models of Medical Organizations in the Context of the COVID-19 Pandemic

BOOK REVIEWS

- 375 Simonova M.D. – The Economy of Well-Being: Creating Opportunities for People's Well-Being and Economic Growth
- 387 Krylov A.V., Fedorchenko A.V., N.Z. Shuminov – Trump Plan for Settlement of Palestine-Israeli Conflict



Международные аспекты колонизации северо-запада Америки и Калифорнии в конце XVII – XVIII вв.

А.Ю. Петров, В.Н. Косторниченко, М.М. Коскина

Институт всеобщей истории РАН
Московский государственный лингвистический университет
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Статья посвящена начальному периоду колонизации севера Тихого океана и Калифорнии в контексте дипломатических отношений России и Испании в конце XVII – XVIII вв. Рассматривается политика европейских государств, направленная на открытие и продвижение в северной части Тихого океана. Анализируются вопросы истории освоения указанных территорий, экспедиции в северную часть Тихого океана, карты данного региона. Рассматривается малоисследованная в отечественной историографии тема начального этапа колонизации территорий Калифорнии в XVIII в., выявлено влияние внешнеполитического фактора на динамику колонизационных процессов в этом регионе.

В статье отмечено, что исследования северной части Тихого океана издавна привлекали внимание европейских держав. Указаны факторы, которые привели к освоению части северо-западного американского побережья, включая отдельные области Калифорнии, Аляски и Алеутских островов. Отмечено, что это был сложный и многоплановый процесс, в котором приняли участие государственные власти и частные купеческие компании. Авторы подтвердили, что экспансия испанской империи в Калифорнию стала возможной отчасти из-за опасений мадридского двора по поводу укрепления Российской и Британской империй в северной части Тихого океана. На основании впервые введенных в научных оборот испанских документов была показана обоснованность опасений мадридского двора в отношении неизбежного развития российской колонизации в указанном регионе. Уверенному территориальному продвижению русских к Тихому океану способствовала амбициозная, но в тоже время сбалансированная дипломатия Петра I, сумевшая обеспечить расширение границ Российской империи. В свою очередь, продвижение России к берегам Америки было обусловлено экономическими причинами: во многом выход к Тихому океану отрядов казаков и представителей купечества был вызван стремлением получить прибыль от пушного промысла и торговли. Кроме этого, имелся в виду национальный интерес: по мере расширения экономического влияния реализовывались государственные задачи присоединения территорий и приведения в подданство местного населения. В статье отмечаются особенности испанского закрепления на отдельных территориях в Калифорнии, которое было направлено на возможное сдерживание рус-

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 07.04.2020 г.

Принята к публикации: 04.07.2020 г.

ского продвижения. Сделан вывод о том, что российско-испанские отношения на северо-западе Тихого океана в конце XVII – XVIII вв. внесли свой вклад в характер последующего освоения территорий на севере Тихого океана. Статья написана на основании широкого круга источников из отечественных и зарубежных архивов, включая архивы Мадрида, Севильи и Симанкаса.

Ключевые слова: колонизация, международные отношения, Тихий океан, Россия, Испания, США, Русская Америка, Калифорния.

Изучение взаимодействия ведущих держав на северо-западе Америки особенно актуально в настоящее время, когда в повестку дня современной политики включены вопросы координации действий государств АТР в вопросе эффективного освоения прилегающих к региону арктических территорий. Кульминация процесса освоения территорий на севере Тихого океана пришлось уже на середину XIX в., завершившись включением Калифорнии в состав США и покупкой Аляски и Алеутских островов у России. Между тем основы политики ведущих держав на севере Тихого океана были заложены в конце XVII – XVIII вв. В колонизации важную роль играл внешнеполитический фактор, происходивший из опасений Испании утратить сферу своего влияния в тихоокеанском регионе. Мы рассматриваем колонизацию северо-запада Америки и Калифорнии в контексте дипломатических отношений России и Испании в конце XVII – XVIII вв.

Формат статьи лимитирует возможности авторов по всестороннему анализу отечественной и зарубежной историографии, в том числе новейших статей по изучаемой проблеме. Коллектив авторов намеревается это сделать в дальнейшем в рамках специальной монографии, а здесь – ограничится упоминанием тех авторов, которые, на наш взгляд, наиболее полно помогли нам в раскрытии темы.

К изучению вопросов, связанных с историей колонизации севера Тихого океана, обращались отечественные и зарубежные учёные. П.А. Тихменев, С.Б. Окунь, А.В. Ефимов, Х. Бэнкрофт (США), Ф. Голдер (США) и др. посвятили свои исследования истории Сибири, Дальнего Востока и открытия Америки. В дальнейшем в работах Н.Н. Болховитинова и Б.П. Полевого, М.С. Альперовича, А.В. Постникова, В.А. Коноплева, В. Вилар (Испания), Г. Фелкля (Германия) были рассмотрены вопросы взаимодействия в этом регионе представителей европейских держав. И.П. Магидович и В.И. Магидович провели большую работу по введению источников и литературы на русском языке: об освоении испанцами Калифорнии в XVIII в. говорится в их пятитомном труде «Очерки по истории географических открытий».

В конце XX в. был издан первый том серии «Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX вв.», где собраны различные документы об открытиях русских мореплавателей в северной части Тихого океана в указанный период. В начале XXI в. появились фундаментальные сборники докумен-

тов, редакторы которых А.А. Истомин, Дж. Р. Гибсон, В.А. Тишков представили документы о присутствии русских в Калифорнии и об основании Форта-Росс (Россия в Калифорнии... 2005; Россия в Калифорнии... 2012). Эти сборники важны и с методологической точки зрения (Tishkov 2018). В новейшее время коллектив российских и испанских авторов под руководством О.В. Волосюк предпринял значительные усилия по изучению российско-испанских отношений во всём их многообразии (Россия и Испания... 1991). Весьма полезны для нас были материалы о плаваниях испанцев на Аляску, использованные в работе Олсона (Olson 2002). Сведения об этих плаваниях были отмечены в специальной статье Д. Макмэхана (McMahan 2004: 158–159). Безусловную помощь в рассмотрении русской и испанской колонизации на северо-западе Америки оказали последние работы известного аляскинского учёного Стивена Хэйкокса (Hays 2006).

Методологические подходы историков Испании и США к изучению Калифорнии проанализированы в книге американских исследователей К. Шмидт-Новара и Дж. Ньето-Филлипа (Schmidt-Nowara, Nieto-Phillip 2005: 269).

Из новейших публикаций стоит отметить работу «Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII в. (по материалам испанских архивов)» (Россия и Испания на северо-западе... 2020: 218). Здесь приведены ранее не публиковавшиеся испанские архивные материалы по тематике нашего исследования. Весьма полезны при работе в испанских архивах специальные указатели на документы на английском и испанском языках (Diaz 2010: 310).

В упомянутых работах основными причинами освоения северо-запада Америки и, в частности, Калифорнии, учёные называют: поиск богатых пушиной территорий, новых сельскохозяйственных угодий, а также мест для торговли. Как представляется, одним из важнейших мотивов колонизации было опасение метрополий утратить сферы своего влияния. Между тем этот фактор либо игнорируется, либо упоминается вскользь. В зарубежной и отечественной научной литературе до сих пор нет комплексных исследований с привлечением источников из российских и зарубежных архивов, в которых бы изучались вопросы освоения северо-запада Америки и Калифорнии в контексте движения России на Восток в XVII–XVIII вв. Авторам статьи нередко доводилось слышать на международных конференциях за рубежом о якобы тенденциозности и информационной однобокости документов из отечественных архивов, поэтому мы провели работу по выявлению документов зарубежных архивов, чтобы показать взгляд со стороны испанского и французского правительств на ход колонизации Северной Америки.

В данной статье мы рассмотрим развитие региона на основе не только отечественных опубликованных и архивных документов, но и материалов из американских, испанских, французских и эстонских архивов, которые нами вводятся в научный оборот и до последнего времени были неизвестны исследователям.

Территория на северо-западе Америки издавна привлекала внимание многих держав. С одной стороны, у европейских государств наблюдалась заинте-

ресованность в расширении научных знаний о мире, с другой – они вели ожесточённую борьбу за природные ресурсы, развитие промыслов и торговли. Конкуренция стран за расширение сфер влияния была одной из причин поиска и освоения новых земель. Овладение северо-западным американским побережьем представляло собой сложный и многоплановый процесс, в котором принимали участие государственные власти и частные купеческие компании.

Изучаемым нами событиям предшествовали важнейшие договорённости, которые лучше позволяют понять ситуацию конца XVII – начала XVIII вв. Испанские территориальные права на северо-западное побережье Северной Америки были заявлены официально на международном уровне и подтверждены географическими исследованиями ещё в XV в. 4 мая 1493 г. папа Александр VI передал во владение испанским монархам исключительные права на колонизацию всего западного полушария. Затем 7 июня 1494 г. Испания и Португалия подписали Тордесильяское соглашение о разделе своих колониальных устремлений. По соглашению, географические пространства к востоку от условно обозначенной линии – «папского меридиана» (49°32'56" з.д.) – вошли в зону интересов Португалии, а к западу – Испании. Договор показал, что у этих европейских держав было весьма слабое представление о новых землях, оказавшихся в их распоряжении. Ситуация изменилась в 1513 г., когда испанец Нуньес де Бальбоа сумел пересечь Панамский перешеек и зашёл в «Южное море», которое вскоре объявил входящим в колониальные владения Испании. Семь лет спустя Ф. Магеллан совершил кругосветное путешествие, доказав возможность колонизировать тихоокеанские территории. Испанская империя заявила о своих претензиях на территории, которые впервые посетили испанцы, что было обычной практикой того времени (Pérez-Grueso 1992).

В первой половине XVI в. в Северной Америке среди европейских колонизаторов ходили почерпнутые от индейцев легенды о Семи городах Сиболы, королевстве Кивира, сказочно богатой стране Сагений. С 30-х гг. XVI в. испанцы постепенно продвигались на север: открыли Нижнюю Калифорнию, заливы Монтерей и Сан-Диего, исследовали Калифорнийский залив. В 1602 г. экспедиции под руководством С. Вискаино удалось дойти до 44° с.ш., после чего испанские исследования тихоокеанского побережья Северной Америки прекратились почти на 150 лет.

На всём протяжении XV–XVII вв. у европейских мореплавателей была твёрдая уверенность в том, что к западу от американского континента со стороны Калифорнии существуют крупные острова. Картографы лишь расходились во мнении, находятся ли эти острова на западе или на северо-западе Тихого океана.

Стремясь защитить свои права на этот регион, власти Испании отправили ряд экспедиций к берегам нынешних Аляски и Канады. В те времена первое наблюдение или открытие территории давало нации право нанести на карту свои названия новых географических объектов, тем самым указав на принадлежность земель (Петров, Климент (Капалин), Савельев).

В данном случае наиболее яркими примерами могут быть семь мифических островов (Рика-де-Оро, Рика-де-Плата, Санта-Мария-ла-Горда, Рока Партида, Ла Меса, Нублада, Пахарос), которые появились на картах в XVII в., а окончательно исчезли лишь к 1860-м гг.

Острова Рико-де-Оро и Рико-де-Плата впервые были изображены на географических картах конца XVI в.: голландский картограф Авраам Ортелиус обозначил остров Исла-де-Плата севернее Японии. Картограф заимствовал эту информацию с карты Меркатора 1569 г., а также с португальских рукописных карт. Краткую историю поисков этих островов в XVII в. в письме И.Ф. Крузенштерну изложил Н.П. Румянцев. Он сообщал, что район Тихого океана к востоку от Японии от тропика до 48 параллели и 148° до 210° з.д. мореплаватели посещали мало, поэтому он перспективен для поиска неизвестных земель. Румянцев приводил сведения о предполагаемых островах; он полагал, что в ещё 1610 г. испанцы на 37 параллели обнаружили крупный остров: «Они описывали, что этот остров высок и огромен, населён жителями белыми, кроткими, в градожителстве просвещёнными и чрезвычайно богатыми золотом и серебром. Сие известие получено с испанским судном из Манилы в Новую Испанию ходившим, для чего король испанский и посылал тогда из Акапулько корабль, чтоб завладеть островом, но сие предприятие, худо исполненное, осталось без успеха»¹.

По всей видимости, Румянцев имел в виду экспедицию Вискаино. Действительно, в сентябре 1611 г. испанцы достигли широты, на которой должны были лежать искомые острова и прошли более 200 лиг в областях, где эти острова были показаны на картах. Мореплаватели заметили многие признаки земли, в частности, многочисленные рифы из пемзы, которые иногда даже мешали продвижению корабля, а также черепах и уток. Плавание продолжалось до 12 октября, пока команда не начала роптать и открыто говорить, что земель не существует. В итоге Вискаино решил прекратить поиски².

После испанцев в 1639 г. и 1644 г. за поиски принялась голландская Ост-Индская компания, но также безрезультатно³. Тем не менее к концу XVII в. географы Испании, Франции и других европейских стран полагали доказанным существование указанных островов⁴. Эти идеи получили отражение в атласе французского картографа Гийома Делиля 1731 г., где на карте Азии, датирован-

¹ Письмо Н.П. Румянцева И.Ф. Крузенштерну о возможных открытиях русской кругосветной экспедиции в Тихом океане, 13 июня 1803 г. 1994. *Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера 1799–1815*. Сборник документов. Москва. С. 61.

² Vizcaino Sebastian Relacion del viaje hecho para el descubrimiento de las islas llamadas "Ricas de Oro y Plata" situadas en el Japon. 1867. *Collecion de documentos Ineditos relativas al descubrimiento, conquista y organizacion de las antiguas posesiones espanolas de America y Oceania*. Vol. 8. Madrid. P. 189–192.

³ Письмо Н.П. Румянцева И.Ф. Крузенштерну.... С. 61.

⁴ В качестве примера можно привести инструкцию Людовика XVI французскому мореплавателю Лаперузу от 1786 г. о поиске данных островов: «Великий остров населённый и богатый, открытый испанцами ок. 1600 г.», в качестве ссылки на его существование приводятся философские труды Королевского общества за 1674 г. см.: La Perouse G. 1798. *The Voyage of La Perouse Round the World in the years 1785, 1786, 1787 and 1788*. Vol. 1. London. P. LVIII, LXXXIX.

ной 1723 г., на 30° с.ш. 170° в.д. изображён о. Рико-де-Оро, а на 34° с.ш. 175° в.д. – о. Рико-де-Плата⁵. После этой публикации острова стали появляться на многих картах Тихого океана и Азии, созданных другими картографами⁶.

В XVI – первой половине XVIII вв. многие страны снарядили экспедиции по поиску пролива Аниан. Первым этого пролива пытался достичь английский флибустьер Френсис Дрейк, проходя в 1579 г. вдоль северо-западного берега Америки на север. Голландская экспедиция М.Г. Фриса, посланная к северу от Японии на поиски легендарных золотого и серебряного островов, также ставила цель найти северо-западный берег Америки. В результате появилась ложная версия об открытии «западного мыса Америки» на «Земле Компании» (о-в Уруп) (История Русской Америки. 1997: 14).

Существует и другая версия истории поисков пролива. Так, испанский мореход Мальдонадо сообщал, что якобы посетил воды пролива во время своего похода к Северному полюсу. Он утверждал, что пролив Аниан находится в координатах 60° с.ш., на одном из его берегов есть прекрасная бухта, где могут легко поместиться до пятисот кораблей. Он якобы пробыл там почти три месяца и своими глазами видел судно с грузом китайских товаров, которое следовало в один из российских портов (Марков 1991: 14–15).

Что касается движения на Восток представителей России, выхода их к Тихому океану и дальнейшего продвижения к берегам Америки, то следует отметить основные плаванья, информация о которых стала принципиально важной в деле дальнейшего превращения России в морскую державу. В 1639 г. Иван Москвитин достиг берегов Охотского моря. С.И. Дежнёв в 1648 г. и Иван Рубец в 1662 г. совершили плаванья из Ледовитого океана в Тихий. Благодаря полученным сведениям на российских картах второй половины XVII в. было отмечено, что сибирский восточный берег омывается морем. А. Виниус, Н.Г. Спафарий и другие стали отмечать на картах расширяющиеся границы Евразии (Петров 2018). Спафарий в 1678 г. предположил, что Индия может соединяться с Новым Светом через цепь гор. Это было не более чем гипотезой, и всё же идея о том, что Новый Свет может соединяться с восточными окраинами Российской империи, стала занимать умы картографов. Однако её проверить на практике было крайне сложно из-за труднодоступности региона. Известный голландский политик, предприниматель и картограф Н. Витсен осознавал всю сложность задачи по точному отражению территорий на севере Тихого океана. На своей карте 1687 г. он нарисовал полуостров, который выдаётся далеко на северо-восток. Витсен изобразил его, оставляя возможность существования перешейка, соединяющего континенты.

⁵ Lisle, Guillaume de, Carte d'Asie. 1731. *Atlas de Geographie*. Paris. P. 66.

⁶ В данный период выходит значительное количество различных атласов. Мы не можем в данном разделе охватить весь их массив, многие из них представлены в коллекции Дэвида Рамси. David Rumsey Map Collection. Cartography Associates. URL: <http://www.davidrumsey.com/view/atlas#world-atlases-1570-1800>. (accessed 10.10.2020).

Пётр I считал карты Витсена весьма точными и руководствовался ими при изучении границ Российской империи. Царь был хорошо осведомлён в том, что Испания давно претендовала на северо-запад Америки, но для него было также ясно, что у испанцев, французов и англичан нет точных сведений о северных тихоокеанских территориях. Из этого следовало, что Россия может включиться в борьбу за колонии по праву первооткрывателя. Кроме того, до Петра доходили сведения о богатстве пушниной открытых земель. «Соболиный хвост» вёл русских промышленников⁷ всё дальше в поисках новых угодий, когда у многих была уверенность, что богатые пушниной земли лежат «за морем» (История Русской Америки. 1997: 5).

Информация от индейцев, а также наблюдение за окружающей средой, флорой и фауной были единственными источниками формирования географических представлений на раннем этапе исследования американского континента. Со временем появились средства для более точного определения географических координат и создания карт, однако информация от индейцев сохраняла значение на протяжении первой половины XIX в.

«Прорубив окно в Европу», российское государство стало проявлять интерес и к далёким заокеанским территориям. Напомним, что в 1721 г. Россия была провозглашена империей. Пётр I уже видел Россию колониальной державой, которая, закрепившись на своих западных и северо-западных границах, имеет амбиции на южном и восточном направлениях. Географические открытия, помимо расширения научных знаний, могли способствовать образованию «заморских» колониальных владений. Это, в свою очередь, способствовало бы усилению международного положения страны и закреплению за ней имперского статуса.

В начале XVIII в. стали появляться проекты по колонизации Америки Россией. Например, в 1711 г. английский купец Руперт Бек предложил России занять остров Тобаго и сделать его плацдармом для дальнейшего продвижения в Америке. По его мнению, после присоединения Курляндии Россия имела право (до 1704 г. Тобаго принадлежал Курляндии, позднее там гнездились пираты) присоединить и подданных этого княжества, живших на острове. Данный проект положили под сукно.

Первая разведка русскими побережья Америки была предпринята геодезистами И.М. Евреиновым и Ф.Ф. Лужиным в 1722 г. Однако они не смогли дать ответ на вопрос, «сошлася ли Азия с Америкой»⁸. Получалось, что для решения этой задачи нужно организовать экспедицию с серьёзной финансовой поддержкой, которую возглавил бы опытный капитан на современном для начала XVIII в. океанском судне. Пётр I поручил подготовку такой экспедиции вице-адмиралам П.И. Сиверсу и Н.А. Синявину. Они порекомендовали привлечь к

⁷ То есть охотников, промышлявших зверя, рыбу, птицу; в Русской Америке так называли и наёмных рабочих РАК. См.: (Хлебников 1979: 255).

⁸ Инструкция Петра I И.М. Евреинову и Ф.Ф. Лужину о задачах экспедиции, 2 января 1719 г. *ПСЗРИ*, т. V, № 3266.

экспедиции поручика М. Шпанберга и подпоручика А.И. Чирикова и отметили: «А не худо бы, чтоб де был над ними командир из капитанов, Беринг или фон Верд (фон Верден), понеже де Беринг во Ост-Индии был и обхождение знает, а фон Верд был штурманом»⁹.

В инструкции руководителю экспедиции Витусу Берингу¹⁰ император написал отправиться из Камчатки на поиски новых земель¹¹. Данная секретная инструкция была вручена Берингу в день его отъезда в Сибирь. Власти не хотели, чтобы о тексте инструкции узнали иностранцы, особенно испанцы и голландцы. У русских были подозрения, что в Мадриде собирают сведения о российских экспедициях к Тихому океану¹².

Во время первой Камчатской экспедиции удалось подтвердить, что Чукотский полуостров с востока омывается океаном. В результате второй Камчатской экспедиции была открыта *неведомая земля*, которую стали называть Русской Америкой¹³. При этом ещё в августе 1732 г. И. Фёдорову и М. Гвоздеву удалось подойти к побережью Северной Америки, однако результаты их плавания остались неизвестными (Альперович 1993: 10).

После упомянутых экспедиций в придворных кругах Российской империи стали задумываться о том, чтобы составить конкуренцию Испании на северо-западе Америки. Использовать для этого предполагалось как дипломатические усилия, так и уязвимые места испанской колониционной политики. Так, обер-секретарь Правительствующего сената И.К. Кириллов 17 марта 1733 г. в специально подготовленной «Записке» отмечал: «...Ожидать же пользы той надлежит, что Россия в восточную сторону в соседи своим владениям в Калифорнии и Мексике достигнет, где хотя богатых металлов, какие имеют гишпанцы, вскоре не получим, однако ж со временем и готовое без войны ласкою доставать можем, хотя ведаю, гишпанцам сие не любо будет. К тому ж от гишпанцев весьма народ тамошней ожесточён, от чего принуждены в неизвестныя места далее уходить (а иново места кажется нет, как к нам ближе). С здешнюю же сторону жестоко подтверждено таких народов не озлоблять (о чём особливо имею труд в сочинении полной инструкции камчатскому командиру, коя годится для всех диких народов)» (Русские экспедиции по изучению... 1984а: 154)¹⁴.

⁹ Российский государственный архив Военно-морского флота (ГВМФ). Ф. 223. *Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-Совета и других мест*. Коллекция 1659–1855. Оп. 1. Д. 29. Л. 110–111. ИРТО, т. 1. С. 33.

¹⁰ Инструкция Петра I В.И. Берингу о задачах Первой Камчатской экспедиции, 6 января 1725 г. *ПСЗРИ*, т. VII, № 4679.

¹¹ Подробный анализ инструкции Петра I предприняли В. Фишер, Н.Н. Болховитинов и Б.П. Полевой. См.: *История Русской Америки (1732–1867): в 3-х томах. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799)*. 1997. Отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. Москва. С. 53–56.

¹² Данный факт подтверждается выявленными в испанских архивах документами. См., например: Письмо 27 июля 1773 г. Букарели (вице-король Мексики) Арильеге (испанскому губернатору Верхней Калифорнии). *Archivo General de Indias, Estado 20 (1)*, переписка испанских властей о русских экспедициях на север Тихого океана: *Archivo Histórico Nacional, Estado 4289 Exp. 1*.

¹³ Результаты плавания были занесены также в Атлас Российский (1745). См.: (Болховитинов 1991: 21–22).

¹⁴ Использование фактора противопоставления различных видов колонизации было характерно и для Аляски. См. (Easley 2008).

Представляется, что сведения о позиции царского правительства в той или иной степени стали доступны иностранным дипломатам в Санкт-Петербурге. В этой связи первая и, особенно, вторая Камчатские экспедиции Беринга вызвали интерес и вместе с тем нараставшее беспокойство у Испании и Франции – держав, находившихся под управлением династии Бурбонов и состоявших в союзных отношениях. Подтверждающие данный факт документы были выявлены нами в Национальном архиве Франции. Так, в одной из депеш французский специальный посланник Эдуар-Саломон Фонтон де ль’Этан-ла-Виль докладывал из Санкт-Петербурга 1 октября 1734 г.: «Я получил депешу, что Вы отправили мне 20 января сего года, в которой Вы попросили меня предоставить сведения об открытиях, которые капитан Беринг намерен совершить в восточном море у Камчатки... Для этого также считаю необходимым напомнить Вам о том, что произошло в конце правления царя Петра Великого, наказавшего совершить путешествия капитану Берингу в Восточном море у Камчатки, в связи с чем в 1724 году были направлены на Камчатку служащие Петербургского адмиралтейства, дабы построить в порту оной судно, пригодное для совершения открытий в Восточном море. Я читал подписанные капитаном приказы. Они были довольно краткими и гласили о том, что капитан должен как можно быстрее выйти из порта Камчатки и следовать вдоль российских земель, всегда оставаясь на северо-востоке до 6-й степени широты; 2 градусов долготы; если он обнаружит на этой высоте какие-то неизвестные до ныне земли, он исследует их и высадится туда, дабы узнать у жителей, находятся ли они в подданстве у каких-либо европейских *государей*, и что это за *государя*, после чего он вернётся на Камчатку, независимо от того, обнаружил ли он новые ему земли или нет»¹⁵. Как писал посланник, Пётр I «был убеждён, что континент Америки соединяется с Азией, что позволяет русским очень легко сообщаться с народами Америки через Восточное море»¹⁶. Внимание Франции к российским открытиям было обосновано растущим интересом к новым географическим сведениям как среди придворных кругов, так и картографов. Так, в атласе 1731 г. француза Ж.Н. Делиля показан маршрут испанца Менданы, причём на месте Гавайских островов изображены острова Св. Франциска, Св. Бартоломео, Санта Мария ла Горда. В «Общем атласе» Ж.Б. де Анвиля, вышедшем в Париже в 1737–1780 гг. на 46 картах, показаны острова Лос Монхес, Св. Франсуа, земля, виденная Менданьей, Дона Мария Лахара, Ла Меса, Десграсиада, Нублада и Рока Партида (D’Anville 1771: 1). Интересно, что упомянутые выше картографы долгое время сотрудничали с Петербургской академией наук. По всей видимости, с середины XVIII в., по крайней мере, на французских картах мы можем видеть на западе Тихого океана архипелаг из предполагаемых островов.

¹⁵ Archives Nationales de Paris. Dossier AE / B1 / 985. Feuille 387-392.

¹⁶ Ibid.

В свою очередь, российские открытия вызвали неподдельный интерес у англичан, которые начинают проявлять свои колониционные устремления в этом регионе. Так, английская кругосветная экспедиция Н. Портлока и Дж. Диксона на кораблях «Король Георг» и «Королева Шарлотта» (1786), имевшая целью исследование северо-запада американского побережья, дважды попыталась обнаружить данные острова. Следует сказать, что это плавание имело большей частью торгово-промысловое направление.

Корабль «Король Георг» Диксона 8 мая отправился на север вслед за Портлоком, где 11–14 мая занимался поиском островов Лос-Махос и др. Не обнаружив землю, Диксон предположил, что испанцы ошиблись в определении долготы, даже если правильно определили широту. 15 мая местоположение корабля было определено значительно западнее того места, где испанцы показывали искомые острова. В связи с этим Натаниэль Портлок и Джордж Диксон заключили, что испанские карты содержат значительные ошибки (Dixon 1789: 47–49).

В октябре на пути от берегов северо-западной Америки к Гавайским островам экспедиция Диксона попыталась отыскать о. Санта-Мария-ла-Горда, который, после того как Джеймс Кук открыл Гавайские острова, стал изображаться севернее¹⁷. По возвращении из экспедиции её участники опубликовали книгу с прилагаемыми картами, на которых было изображено побережье северо-запада Америки. Книга была переведена на немецкий язык, проиллюстрирована гравюрами и дополнительными картами (Beresford 1790).

Неразрешённые географические загадки осложняли взаимодействие европейских государств при определении колониальных зон. В этих условиях большую роль играло личное влияние монархов и их расположение к той или иной державе. Испанский король Карл III, взошедший на престол в 1759 г., стал проводить политику, направленную на сближение с Россией¹⁸. Первым из испанских монархов он признал императорский титул русских государей¹⁹. В 1760 г. после тринадцатилетнего перерыва были восстановлены русско-испанские отношения. Причина таких перемен обуславливалась растущей ролью России в мировой политике: «Хотя удалённость Московии от наших владений отдаляет также и взаимные интересы обеих монархий, мощь этой державы и её воздействие на переговоры и воздействие в Европе делают её дружбу всё более желанной» (Россия и Испания 1991: 196).

¹⁷ Cook J. 1785. General chart Cook voyages. King J. *Voyage to the Pacific Ocean, undertaken by the Command of His Majesty, for making discoveries in the Northern Hemisphere*. Performed under the direction of Captains Cook, Clerke and Gore, in His Majesty's ships the Resolution and Discovery, in the years 1776, 1777, 1778, 1779 and 1780. London. 1785, см. <https://www.biodiversitylibrary.org/bibliography/6762#/summary>

¹⁸ Основными элементами внешнеполитической стратегии Карла III стало заключение в 1761 г. с Францией «семейного договора» (*pacte de famille*), противостояние Великобритании, курс на сохранение позиций Испании в Средиземноморье и в своих американских колониях.

¹⁹ В послании от 1763 г. к Екатерине II Карл III подтвердил это признание, что было отмечено русским правительством как «в высшей степени своевременное решение». См.: (Россия и Испания 1991: 194).

Особый интерес Испания стала проявлять к распространению русского влияния в Америке. От назначенного в Санкт-Петербург испанского посланника маркиза де Альмодовара²⁰, среди прочего, требовалось собрать сведения о русских открытиях в Калифорнии. «В то же время я требую, чтобы вы с величайшим мастерством и настойчивостью пытались выяснить, как обстоит дело с продвижением русских в Калифорнию, потому что помимо подтверждения того, что в этом они добились большего успеха, чем другие страны, выглядит подозрительным молчание этого (русского – А.П., В.К, М.К.) и лондонских дворов в этом вопросе, которое однажды могло бы иметь большое значение для обоих. Нам придётся пристально следить за политикой вышеупомянутых дворов, чтобы предотвратить их продвижение в этой земле»²¹.

В феврале 1761 г. посол Альмодовар послал в Мадрид отчёт о русском присутствии в северной части Тихого океана. Он сообщал о распространении влияния России и об экспедициях В. Беринга и А. Чирикова. В докладе к государственному секретарю правительства Испании посланник дал следующую оценку угрозы испанским владениям: «На настоящий момент можно сказать, что русским удалось лишь увидеть берега Америки; несмотря на это, среди них нашлись те, кто заявил о том, что открытые Берингом и Чириковым земли можно по праву называть Новой Россией, по аналогии с Новой Испанией и Новой Англией, потому что, хотя они и не обрели контроль над этими землями, но вольны это сделать, когда им заблагорассудится, и нет в Европе монарха, который мог бы присвоить их себе и воспрепятствовать русским ... риск для нас, который может следовать от морских экспедиций русских, сегодня столь мал, что едва ли заслуживает внимания»²².

Отмечая, что опасность со стороны российских открытий на северо-западе Америке несущественна на 1761 г., посол Альмодовар не исключал будущего усиления позиций России. Он говорил также, что «в мире происходят необычные перемены, и если какие-либо из восточных стран станут цивилизованными, сменяют своё внутреннее устройство и извлекут выгоду из ситуации, то они смогут вершить неизмеримо масштабные дела, но сегодня мы не должны ни бояться этого, ни воображать их масштаб»²³.

В начале 1763 г. отношения между Испанией и Россией стали ухудшаться: обозначились испано-русские противоречия по курляндскому и польскому вопросам. Государственный секретарь правительства Испании маркиз де Гримальди, сторонник «теснейшей связи между бурбонскими дворами»²⁴ и проводник

²⁰ В 1759 г., в должности полномочного посла при дворе Российской императрицы Елизаветы, он восстановил прерванные российско-испанские отношения.

²¹ *Corpus diplomatico hispano-ruso*. Т. I. 1991. Ministerio de Asuntos Exteriores. Madrid. P.138.

²² Доклад испанского посланника в России маркиза де Альмодовара государственному секретарю правительства Испании Рикардо Уоллу об открытиях на берегах Америки, совершённых русскими в Тихом океане в ходе экспедиций с Камчатки, 7/11 октября 1761 г. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.

²³ Там же.

²⁴ «Бурбонскими дворами» называли Францию, Испанию и королевство Обеих Сицилий, где правили тогда представители трёх династических линий Бурбонов: французской, испанской и неаполитанской.

жесткой линии по отношению к Англии, вызывал подозрения у Екатерины II. Главная задача его пребывания в России – недопущение англо-русского союза – потерпела неудачу, так как в июне 1763 г. состоялись переговоры о подписании оборонительного соглашения между Россией и Англией.

Ситуация изменилась к лету 1763 г., когда на посту представителя испанского двора в России Альмодовара сменил виконт де ла Эррерия. Ему удалось заслужить доверие русской императрицы²⁵, что привело к улучшению русско-испанских отношений²⁶.

Испания сосредоточила особое внимание на проникновении европейских держав на север Тихого океана. Захват в ходе Семилетней войны Великобританией испанских колоний в Новом Свете (1762 г.) показал слабую защищенность владений Карла III. Сведения о продвижении русских промышленников в северной части Тихого океана испанский двор расценил как угрозу своим американским колониям. Посланник в Швеции граф Франсиско Антонио Ласи после посещения России сообщал испанскому правительству в депеше от 30/19 марта 1764 г.: «Недавно с Камчатки прибыл российский купец, поведавший на приеме у Императрицы о том, что он и три его компаньона отправились на небольшом судне в Америку из Авачинской бухты и, следуя по заданному курсу, в районе 65-й параллели северной широты обнаружили острова, к двум из которых подошли вплотную. Высадившись на этих островах, они вступили в торговлю с местными жителями (коих именовали эскимосами) и приобрели у них различные меха, среди которых было обилие шкур черной лисицы. Шкуры эти впоследствии за красоту их оценили в Тобольске в 100 рублей каждую. Несколько шкур привезли самой Императрице, говорят, они в самом деле весьма хороши»²⁷.

Ласи сообщал об открытии русскими одного из островов на северо-востоке Тихого океана недалеко от американских берегов. Он указывал, что «другая команда купцов вышла из устья реки Колыма, обогнула мыс Чукотский и вошла в пролив, разделяющий Америку и Сибирь. В районе 10-й параллели северной широты они обнаружили множество островов, на которых добыли различные меха, в том числе ценный мех черной лисицы, с этими товарами они высадились в Авачинской бухте, а затем вновь взяли курс на Камчатку»²⁸. По мнению графа Ласи, данное открытие держалось в тайне из-за корысти правивших в той части Сибири российских губернаторов: «Так как были [они – А.П., В.К., М.К.] заин-

²⁵ Расположения к себе императрицы виконт достиг тем, что любезно предоставлял ей читать его незашифрованные депеши, которые, судя по их содержанию, предназначались именно ей, а не испанскому министру иностранных дел. Так, в одной из этих депеш к маркизу Гримальди говорилось, что «в России никогда не было самодержицы, которая бы столько старалась о благополучии своих подданных, сколько она».

²⁶ Это проявилось в решении Екатерины II возвратить русского посла в Мадрид.

²⁷ Донесение испанского посланника в России графа Ласи, направленное государственному секретарю правительства Испании маркизу де Гримальди, об экспедициях российских купцов в Северную Америку, 19/30 марта 1764 г. *Archivo General de Indias*, Estado 86 B.100.

²⁸ Ibid.

интересованы в том, чтобы Министерство пребывало в неведении, ведь большая часть мехов, добытых на тех островах в обмен на разные безделицы, были отправлены в Китай и проданы там по очень высокой цене»²⁹.

В завершении депеши Ласи описал возможное развитие деятельности русских на севере Тихого океана: «В настоящее время на Камчатке строятся более крупные корабли, чем те, что до сих пор использовались в этих экспедициях, которые российское правительство намерено проводить и далее в надежде получить от этого большую прибыль в торговле, однако есть вероятность, что природа может этому воспрепятствовать»³⁰.

Следует отметить, что посол Эррерия также был обеспокоен русским продвижением в Америке. В донесении маркизу Гримальди от 1767 г. он отмечал, что к данному вопросу «следует относиться с благоразумной осторожностью», так как «экспедиции, которыми русские хотят закрепить результаты своих открытий в тех землях, могут положить начало новому торговому маршруту для Российской империи»³¹.

Действительно, важной причиной для организации купеческих промысловых экспедиций на северное побережье Тихого океана был промысел пушнины. Такие экспедиции способствовали русской колонизации тихоокеанских территорий. Алеутские, Командорские острова, прибрежные воды полуострова Аляски, небольшой участок в Калифорнии были главными районами охоты на пушного зверя. Несмотря на высокий риск, число русских промышленников с каждым годом увеличивалось.

Сержант команды Охотского порта Емельян Басов первым из Российской империи рискнул своим капиталом ради пушного промысла на Алеутских островах. В августе 1743 г. вместе с московским купцом А. Серебrenниковым он отправился к острову Беринга и вернулся на Камчатку с грузом пушнины из 4 000 песцов и 1 200 каланов (*морских бобров*). Его примеру последовали другие сибирские промышленники, которые уже к середине 1750-х гг. открыли многие из островов Алеутской гряды.

В середине XVIII в. купцы предприняли попытку получить от царского двора монопольное право на пушной промысел. Таким правом в 1748 г. воспользовался иркутский купец Емельян Югов. По всей видимости, это был единственный случай предоставления монопольных прав частной купеческой компании (до образования Российско-американской компании)³².

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ Донесение испанского посланника в России виконта де ла Эррерия государственному секретарю правительства Испании маркизу де Гримальди о продолжении русских исследовательских экспедиций в Америку, 20/31 ноября 1767 г. *Archivo General de Indias, Estado* 86. B.100.

³² Имеются различные указания как о сроках «вояжирования» Е. Югова, стоимости ввезённых им мехов и о месте его гибели (на о-ве Беринга или на Командорских островах). См.: (Макарова 1968: 51–52).

Купцы способствовали распространению власти Российской империи на территории северо-запада Америки³³. Ласи в упомянутых выше письмах невольно подметил главную составляющую русской колонизации тихоокеанских территорий – её хозяйственный характер. Представляется, что к середине XVIII в. в этом регионе в основном сформировалась система мехового промысла и торговли пушниной, которая охватывала значительные пространства. Купцы избегали вступать во взаимодействие с представителями других европейских государств; в основном они занимались организацией пушного промысла, строительством судна и обеспечением его экипажа всем необходимым (Берх 1823: 19). Первым русским, который достиг полуострова Аляски и там перезимовал, принято считать морехода Пушкарёва (История Русской Америки. 1997: 81). Таким образом, замечания испанского дипломата о значительном увеличении торговых операций русских промышленников в этом регионе в середине XVIII в. и связанном с этим колонизационным распространением соответствует действительности. Подтверждением выводов Ласи стала публикация на французском языке книги Герхарда Ф. Миллера «Путешествия и открытия, сделанные русскими вдоль берегов Полярного моря, на Восточном океане, в Японии и Америке», вышедшая в Амстердаме в 1766 г. Именно из этой работы европейская общественность узнала об открытиях русских. Эта книга, по всей видимости, преследовала политическую цель – обосновать права России на северо-восток Тихого океана и близлежащую американскую территорию (Волосюк 2018: 101).

Получив эту информацию, в середине 1760-х гг. испанский король Карл III пересмотрел свою политику. Он провёл важные реформы, направленные на улучшение в приграничных территориях экономического положения, снабжения и управления, а в 1767 г. принял решение разработать меры по укреплению границ Испании в тихоокеанском регионе.

Особое значение приобрело создание военных крепостей и католических миссий. В частности, форпостом, сдерживающим продвижение русских, должна была стать небольшая колония Сан-Блас. В мае 1768 г. по приказу вице-короля Новой Испании маркиза де Круа туда было направлено 116 семей во главе со священником Хуниперо Серра для официального основания новой военноморской крепости и католической миссии. К порту были приписаны пакетботы «Сан-Карлос» под командованием Хуана Переса и «Эль-Принсипи» под командованием Висенте Вила³⁴.

Затем по инициативе специального представителя короля в Новой Испании (*visitador*) Хосе де Гальвес на северном побережье Калифорнии были заложены ещё две военные крепости и католические миссии. В своём письме мадридско-

³³ Подробнее см.: (Петров 2000).

³⁴ Чуть позже в Сан-Бласе Гальвес приказал построить четыре новых судна, одним из которых была шхуна «Сонора», на которой в 1775 г. Хуан Франсиско де ла Бodega и Квадра совершил плавание на Аляску.

му правительству Гальвес подтвердил реальность угрозы испанским владениям со стороны России. В ответ он получил прямой королевский приказ: «Занять и укрепить Сан-Диего и Монтерей во имя Бога и короля Испании» (Rawls, Bean 2003: 32). Х. Гальвес немедленно организовал серию сухопутных и морских экспедиций из Сан-Бласа для создания военных укреплений и католических миссий в Нижней Калифорнии, в результате чего были основаны крепости Сан-Диего (1769)³⁵ и Монтеррей (1770), ставшие испанскими форпостами в сдерживании русского продвижения (Rawls, Bean 2003: 32).

Назначение в 1772 г. маркиза Ласи полномочным посланником ко двору российской императрицы укрепило испанскую активность в тихоокеанском регионе.

В инструкции для Ласи испанский король отмечал рост влияния России в мировой политике и требовал обратить особое внимание на «путешествия русских в Калифорнию, которые они неоднократно предпринимали с более успешным результатом, чем другие государства. Вы должны проявлять ловкость и скрытность, чтобы выяснить, предпринимались ли такие экспедиции и с каким результатом, так как для нас весьма важно воспрепятствовать им» (Россия и Испания 1991: 221).

Интерес Испании к русскому продвижению в Америке подогрел Мальвинский (Фолклендский) кризис, приведший к вооружённому конфликту между Великобританией и Испанией в конце 1760-х – начале 1770-х гг. Конфликт сделал фактически неизбежной морскую войну между Великобританией и Испанией. Ситуация стала критической для Испании, когда выяснилось, что в случае вооружённого конфликта за Мальвины российский флот может выступить на стороне Великобритании. Такие слухи активно подогревали российские дипломаты, в частности, бывший посланником в Мадриде с 1767 г. по 1771 г. Отто Магнус Штакельберг. Как отмечает исследователь русско-испанских отношений В.С. Бобылёв, «подобного рода дезинформацию он подбрасывал Гримальди при каждом удобном случае» (Бобылев 1997: 58). Как писал Штакельберг главе российского внешнеполитического ведомства Н.И. Панину, дезинформация распространялась, чтобы остановить попытки Испании помешать проходу русского флота в Средиземное и Чёрное моря в первые годы русско-турецкой войны, начавшейся в 1768 г.³⁶

После урегулирования Мальвинского конфликта в 1771 г. соперничество России и Испании на северо-западе американского побережья Тихого океана возобновилось с ещё большей силой. В октябре 1772 г. глава внешнеполитического ведомства Испании маркиз Гримальди направил Ласи материалы, при-

³⁵ В этом году Гаспар Портола основал здесь крепость, а францисканцы, под начальством Хуниперо Серры основали миссию, которая уже к 1797 г. насчитывала почти полторы тысячи новообращённых.

³⁶ Дель Рио – Гримальди от 20 апреля 1770 г. *Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)*, Ф. Секретнейшие дела. Испания, Д. 3-4, Л. 82 об.

сланные из вице-королевства Новой Испании, в которых говорилось о продвижении русских в Калифорнии. В ответ 22/11 октября 1772 г. граф Ласи писал: «Милостивый государь: Ваше Превосходительство отправило мне географическую карту экспедиций и поселений калифорнийского побережья, императорский журнал, содержащий отчёты о путешествиях, осуществлённых по приказу Вице-короля Мексики маркиза де Круа. Прилагалась также выписка новостей гавани Монтерея о плаваниях русских в Калифорнию, убеждающая меня в том, что русским чаще, чем другим народам, удавалось благополучно достичь калифорнийских берегов»³⁷.

В этом послании граф Ласи отмечал осведомлённость русского правительства о последних испанских экспедициях в Калифорнии. Он допускал возможность сотрудничества в вопросе колонизации Тихого океана правительства Екатерины II с английским правящим кабинетом. Ласи писал: «...несмотря на то, что англичане могут ввести свой флот в Охотскую и Камчатскую бухту, вполне возможно, что после того, как российское правительство поделилось с ними своими опасениями, они решили помочь русским в случае вторжения, но затем, рассудив, что мы никогда не вознамеримся отправить экспедицию в столь суровый, холодный и скудный край, как Камчатка, не оказали им никакой помощи»³⁸.

В заключительной части письма граф Ласи поделился информацией относительно англо-русской координации в этом регионе. «Завершу своё повествование описанием уникального события, которое, как мне доподлинно известно, более чем правдоподобно. Императрица этой державы, глядя на карту своих владений, сказала британскому адмиралу Ноулсу³⁹, что, если Азия и Америка являются собой один континент, она продолжит завоевания в этой части земного шара, а если, как утверждают русские мореходы, их разделяет всего один пролив, она бы послала разведку по морю. Её Величество часто спрашивает адмирала Ноулса, нет ли известий о сухопутных экспедициях, которые англичане собирались провести со стороны Канады, продвигаясь к морю по земле с юга»⁴⁰.

В 1773–1774 гг. граф Ласи отправил испанскому правительству несколько писем с предупреждением о русской экспансии в этом регионе, которые содержали неточную и ложную информацию⁴¹. Содержание этих писем говорит о

³⁷ Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. P. 8-9.

³⁸ Ibid. P. 10.

³⁹ Сэр Чарльз Ноулз, 1-й баронет (1704–1777) — адмирал британского королевского флота, недолгое время состоял на русской службе во время русско-турецкой войны. В числе прочих достоинств, был специалистом в строительстве и уничтожении укреплений. Его карьера протекала в основном в Вест-Индии, где он командовал эскадрами кораблей и действовал против испанских кораблей и поселений. Помимо военной службы, находил время для научных исследований, работал над переводами зарубежных научных исследований. В 1770 г. Ноулз принял приглашение Екатерины II прибыть в Россию для консультирования по вопросам развития Императорского военно-морского флота. Перед возвращением в 1774 г. на родину он представил Екатерине подробный план развития военно-морского флота по английскому образцу с предложением о строительстве по крайней мере пяти новых кораблей и реконструкции сухих доков. Британский исследователь Филипп Кленденнинг называл его вторым после Петра I «отцом русского флота», что является очевидным преувеличением (Clendenning 1973).

⁴⁰ Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. P. 11-12.

⁴¹ Подробнее об этом см.: (Россия и Испания на северо-западе...: 53-60).

том, что Ласи не располагал достоверной информацией о российском продвижении в направлении владений Испанской Америки, находящихся в северной части Тихого океана. Его шифрованные депеши об активности русских, о «координации действий» Великобритании и России в северо-западной части Тихого океана имели далеко идущие последствия. На основании этих сообщений правительство Испании и администрация колоний приняли решение направить в район предполагаемого российского продвижения «разведывательные» экспедиции Хуана Переса (1774) и Бруно де Эсета (1775).

Экспедиция под командованием Хуана Хосе Переса Эрнандеса (1773–1774 гг.) на 49°35' с. ш. обнаружила вход в залив, который был назван «якорной стоянкой Сан-Лоренсо». Вице-король Новой Испании Букарели-и-Урсуа доложил в Мадрид, что Перес установил отсутствие иностранцев в обследованной им части калифорнийского побережья.

Новая экспедиция, отправленная 16 марта 1775 г., достигла 58° с.ш., не встретив русских. Её участники высадились в нескольких пунктах нынешнего архипелага Александра и провозгласили власть испанской монархии над этими землями⁴².

Сухопутные отряды в сентябре 1776 г. заложили форт, а затем основали миссию Сан-Франциско. В 1776 г. монах Франсиско Гарсес открыл Калифорнийскую долину (История Русской Америки... 1997: 283–284).

В 1779 г. испанские фрегаты под командованием капитанов Игнасио де Артеаги и Бодеги-и-Куадры достигли 61° с. ш. 22 июля 1779 г. на берегу бухты острова Хинчинбрук, эта земля была объявлена испанским владением. Это была самая северная точка, достигнутая в Америке испанцами. Их притязания впоследствии распространялись на территорию до 61° с. ш. (Альперович 1993: 84).

Своими экспедициями испанцы стремились охватить как можно большую территорию западного побережья Северной Америки. Русских поселений к югу от 55° с.ш. испанцы не обнаружили. Фактически испанская экспансия стала затихать. Обеспечить колонистов необходимыми вещами, особенно изделиями из железа, было крайне сложно. Этим в дальнейшем воспользовались русские купцы и мореплаватели. Образование Российско-американской компании привело к активизации процесса освоения Америки русскими людьми и сооружению в начале XIX в. крепости Росс. Известный мореплаватель Ф.П. Врангель писал: «На приморском берегу Нового Альбиона (Верхней Калифорнии), компания заняла в 1812 году, с согласия туземцев, небольшое пространство земли около залива Бодега и стала соседкою Северо-Американским, Испанским, нынешней

⁴² На английском и испанском языках материалы, связанные с этими плаваниями, представлены в США в Библиотеке Бэнкрофта в Калифорнии. Там же имеются выборочные документы, подготовленные для Г. Бэнкрофта, который работал над историей Калифорнии. Подробнее см.: Bancroft Library. Manuscript Division. Western American Collection.

Республики Мексики»⁴³. В дальнейшем под воздействием ряда факторов, среди которых ключевую роль играла возрастающая экспансия правительства США, коренным образом изменилась обстановка сил в регионе, что в итоге привело к продаже русских колоний в Америке Соединённым Штатам⁴⁴.

Территория на северо-западе Америки издавна привлекала внимание многих держав. С одной стороны, европейские державы стремились расширить научные знания о мире, с другой – они вели борьбу за природные ресурсы, развитие промыслов и торговли. Конкуренция стран за расширение сфер влияния ускорила поиск и освоение новых земель. Уверенному территориальному продвижению русских к Тихому океану способствовала амбициозная, но в то же время сбалансированная дипломатия Петра I, сумевшая обеспечить расширение границ Российской империи. В свою очередь, освоение Испанией Калифорнии и продвижение на север с риском и всевозможными трудностями было осуществлено во многом в результате опасений русского закрепления в Калифорнии. Российско-испанские отношения на северо-западе Тихого океана в конце XVII – XVIII вв. определили вектор и характер последующего освоения запада Америки. Они привели к разграничению территорий и способствовали активизации экономической жизни региона, к активному вовлечению его в повестку международных переговоров европейских держав и США, и в итоге повлияли на характер и особенности развития всего Азиатско-Тихоокеанского региона в широкой исторической перспективе.

Об авторах:

Александр Юрьевич Петров – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Московского государственного лингвистического университета; 119991, Москва Ленинский проспект 32а. E-mail: alaska13@yandex.ru

Владимир Николаевич Косторниченко – доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета; 119034 Москва, Остоженка, 38. E-mail: kostornichenko@yandex.ru

Мария Михайловна Коскина – магистрантка Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, 150003, Ярославль, улица Советская дом 14. E-mail: maria14678@yandex.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант 20-09-42044).

⁴³ Национальный архив Эстонии. Ф. 341. Ф.П. Врангель. Краткие статистические замечания о российских колониях в Америке 6/д. Оп. 1. Д. 341. Л. 8.

⁴⁴ Подробнее об этом см. напр.: (Farrow 2016: 214-216).

Received: April 07, 2020

Accepted: July 04, 2020

International Dimension in Colonization of the North-West of America and California at the End of the 17-18th Centuries

A.Y. Petrov, V.N. Kostornichenko, M.M. Koskina

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-7-30](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-7-30)

Institute of World History of Russian Academy of Sciences
Moscow State Linguistic University
Yaroslavl State University

Abstract: The article reviews the initial period of European colonization of the North Pacific Ocean and California within the context of diplomatic relations between Russia and Spain during the late 17th and early 18th centuries. It tries to understand the policies of European powers in the American Northwest and the reasons for pursuing their colonial interests there. It analyses the history of exploration of these territories, expeditions to the northern part of the Pacific Ocean, and historical maps of this region. For the first time in Russian historiography the authors touch upon the exploration of California in the 18th century.

The exploration of the North Pacific Ocean, the northwestern American coast, including certain areas of California, Alaska and the Aleutian Islands has long attracted the attention of European powers. It was a process in which government authorities and private merchant companies took part. The expansion of the Spanish Empire into California was made possible in part because of the concerns of the Madrid court about the strengthening of the Russian and British empires in the North Pacific Ocean. The Spanish documents from the archives of Madrid, Seville and Simancas – the article introduces them into research communication the first time – show the validity of the fears of the Madrid court regarding the inevitable development of Russian colonization in the region. The advance of Russia to the shores of America has economic reasons: Cossacks and merchants reached the Pacific Ocean pursuing the desire to profit from the fur trade. As the economic influence expanded, the state interests of annexing territories and bringing the local population into citizenship followed behind. The territorial advance of the Russians to the Pacific Ocean was facilitated by the ambitious, but at the same time balanced diplomacy of Peter I, which managed to ensure the expansion of the borders of the Russian Empire.

Spanish consolidation in certain territories in California was aimed at a possible containment of the Russian advance. Russian-Spanish relations in the Northwest Pacific at the end of the 17th – 18th centuries contributed to the nature of the subsequent development of territories in the North Pacific Ocean.

Keywords: colonization, international relations, Pacific Ocean, Russia, Spain, USA, Russian America, California

About the authors:

Alexander Y. Petrov – doctor of historical Sciences, Principal research fellow at the Institute of World History of Russian Academy of Sciences, professor of the Moscow State Linguistic University. 119991 Leninsky prospect 32a, Moscow, Russia. E-mail: alaska13@yandex.ru

Vladimir N. Kostornichenko – doctor of economic sciences, professor of Moscow State Linguistic University. 119034 Ostozhenka Street, 38, Moscow, Russia. E-mail: Kostornichenko@yandex.ru

Maria M. Koskina – Master's Degree student, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. 150003 Sovetskaya 14, Yaroslavl, Russia. E-mail: maria14678@yandex.ru

Conflict of Interests: Authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (grant № 20-09-42044).

References:

- Bancroft H. H. 1886. *History of Alaska (1730–1885). Works, vol. XXXIII*. San Francisco: History Company. 775 p.
- Beresford W. 1790. *Der Kapitaine Portlock's und Dixon's Reise um die Welt besonders nach der Nordwestlichen Küste von Amerika während der Jahre 1785 bis 1788 in den Schiffen King George und Queen Charlotte*. Berlin. 314 S.
- Clendenning Ph. 1973. Admiral Sir Charles Knowles and Russia 1771–1774. *The Mariner's Mirror*. 61(1). P. 39–49.
- D'Anville J. 1771. Bourguignon Hemisphere Occidental ou du Nouveau Monde. Hemisphere Oriental ou de l'Ancien Monde, 1761. J.B.B. D'Anville Atlas general. Paris. P. 1.
- Diaz F.G. 2010. *The Threads of Memory: Spain and the United States: El Hilo de la Memoria: España y los Estados Unidos*. Frances Levine, Rene Harris & Josef Diaz (eds); Enrique Lamadrid (trans). Albuquerque: Fresco Fine Art Publishing. 310 p. DOI: 10.1017/S0165115311000180.
- Dixon G.A. 1789. *Voyage Round the World, but more particularly to the North West Coast of America: performed in 1785, 1786, 1787 and 1788*. London.
- Easley R. 2008. Demographic Borderlands: People of Mixed Heritage in the Russian American Company and the Hudson's Bay Company, 1670–1870. *Pacific Northwest Quarterly*. 99(2). P. 73–91. DOI: 10.2307/40492064.
- Farrow L. 2016. *Seward's Folly: A New Look at the Alaska Purchase*. University of Alaska Press. 225 p.
- Golder F. A. 1914. *Russian Expansion on the Pacific. 1641–1850*. Cleveland: The Arthur H. Clark co. 382 p.
- Haycox S. W. 2006. *Alaska: an American colony*. Published by: University of Washington Press. First Paper back edition. 372 p.
- McMahan D. 2004. Review: Through Spanish Eyes: Spanish Voyages to Alaska, 1774–1792. *Alaska Journal of Anthropology*. 2(1–2). P. 158–159.
- Olson W.M. 2002. *Through Spanish Eyes. Spanish Voyage to Alaska, 1774–1792*. Juno, Alaska: Heritage Research.
- Pérez-Grueso M.D. 1992. *España en el Pacífico: la colonia de las islas Carolinas, un modelo colonial en el contexto del imperialismo*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto de Cooperación para el Desarrollo.

Perras G.R. 2018. Review Farrow L. Seward's Folly: A New Look at the Alaska Purchase. *The American Historical Review*. 123(3).

Rawls J.J., Bean W. 2003. *California: An Interpretive History*. 585 p.

Russian California, 1806–1860. 2014. A History in Documents. Compiled and Edited by James R. Gibson and Alexei A. Istomin with the assistance of Valery A. Tishkov. United Kingdom: Taylor & Francis Ltd.

Schmidt-Nowara C., Nieto-Phillip J. M. 2005. *Interpreting Spanish Colonialism: Empires, Nations, and Legends*. Englanti: UNM Press. 269 p.

Tishkov V.A. 2018. Humanities Research in Russia: Status of the Art. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 87(5). P. 416–425.

Vilar V.E. 1966. *Los Rusos en America*. Sevilla: Escuela de Estudios Hispano-Americanos. 104 p.

Völkl E. 1968. *Russland und Lateinamerika 1741–1841*. Wiesbaden: Harrassowitz. 256 S.

Al'perovich M.S. 1993. *Rossiiia i Novyi Svet (posledniaia tret' XVIII veka)* [Russia and the New World (the Last Third of the 18th Century)]. Moscow: Nauka. 238 p. (In Russian).

Berkh V.N. 1823. *Khronologicheskaiia istoriia otkrytiia Aleutskikh ostrovov ili Podvigi rossiiskago kupechestva. S prisovokupleniem Istoricheskago izvestiia o mekhovoi trgovle* [Chronological History of the Discovery of the Aleutian Islands or the Feats of the Russian Merchant. With the Addition of Historical News about Fur Trade]. Saint Petersburg: V tipografii N. Grecha. (In Russian).

Bobylev V.S. 1997. *Rossiiia i Ispaniia v mezhdunarodnykh otnosheniakh vtoroi poloviny XVIII veka* [Russia and Spain in International Relations of the Second Half of the 18th century]. Moscow: RUDN. 284 p. (In Russian).

Bolkhovitinov N.N. 1991. *Rossiiia otkryvaet Ameriku, 1732–1799* [Russia Opens America, 1732–1799]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia. 302 p. (In Russian).

Volosiuk O.V. 2018. Ispantsy i russkie na Tikhom okeane [Spanish and Russians in the Pacific]. *Ispaniia i Rossiia: diplomatiia i dialog kul'tur*. Moscow: Indrik. P. 101–109. (In Russian).

Efimov A.V. 1971. *Iz istorii velikikh russkikh geograficheskikh otkrytii* [From the History of Great Russian Geographical Discoveries]. Moscow: Nauka. 300 p. (In Russian).

Ispaniia i Rossiia: diplomatiia i dialog kul'tur. Tri stoletiiia otnoshenii. Espana y Rusia: diplomacia y dialogo de culturas. Tres siglos de relaciones [Spain and Russia: Diplomacy and Dialogue of Cultures. Three Centuries of the Relations]. 2018. Otv. red. O.V. Volosiuk. Moscow: Indrik. 928 p. (In Russian).

Istoriia Russkoi Ameriki (1732–1867): v 3-kh tomakh. T. 1. Osnovanie Russkoi Ameriki (1732–1799) [History of Russian America (1732–1867): in 3 volumes. T. 1. Founding of Russian America (1732–1799)]. 1997. Otv. red. akad. N. N. Bolkhovitinov. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia. 478 p. (In Russian).

Khlebnikov K.T. 1979. *Russkaia Amerika v neopublikovannykh zapiskakh K.T. Khlebnikova* [Russian America in Unpublished Notes by K.T. Khlebnikov]. Sost., vved. i komment. R.G. Liapunovoi, S.G. Fedorovoi. Leningrad: Nauka. Leningr. otd.-nie. 280 p. (In Russian).

Konoplev V.A. 2012. El'dorado Russkoi Ameriki: poiski pushnykh bogatstv k iugu ot Aleutskogo arhipelaga (1741–1840) [Eldorado of Russian America: Search for Fur Riches South of the Aleutian Archipelago (1741–1840)]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. № 5. P. 24–33. (In Russian).

Magidovich I.P. 1962. *Istoriia otkrytiia i issledovaniia Severnoi Ameriki*. [History of the Discovery and Research of North America]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury. 475 p. (In Russian).

Magidovich I.P., Magidovich V.I. 1984. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytii. T. 3. Geograficheskie otkrytiia i issledovaniia novogo vremeni (seredina XVII – XVIII vv.)* [Essays on the History of Geographical Discoveries. T. 3. Geographical Discoveries and Studies of the New Time (mid-17th – 18th Centuries)]. Moscow: Prosveshchenie. 319 p. (In Russian).

Magidovich I.P., Magidovich V.I. 1985. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytii. T. 4. Geograficheskie otkrytiia i issledovaniia novogo vremeni (XIX – nachalo XX v.)* [Essays on the History of Geographical Discoveries. T. 4. Geographical Discoveries and Studies of the New Time (XIX – early XX centuries)]. Moscow: Prosveshchenie. 335 p. (In Russian).

Makarova R. V. 1968. *Russkie na Tikhom okeane vo vtoroi polovine XVIII v.* [Russians in the Pacific Ocean in the Second Half of the 18th Century]. Moscow: Nauka. 200 p. (In Russian).

Markov S. N. 1991. *Letopis' Aliaski* [Chronicle of Alaska]. Moscow: Rus. tsentr «Peresvet». 188 p. (In Russian).

Okun' S. B. 1939. *Rossiisko-amerikanskaia kompaniia*. [Russian-American Company]. Moscow – Leningrad: Sotsekgiz. 260 p. (In Russian).

Petrov A.Iu. 2018. Vitus Bering: u istokov istoriko-kul'turnogo nasledii Russkoi Ameriki. [Vitus Bering: at the Origin of the Historical and Cultural Heritage of Russian America]. *Vo-prosy istorii*. №7. P. 12–29. (In Russian).

Petrov A.Iu. 2020. *Obrasovanie Rossijsko-amerikanskoj kompanii* [Formation of the Russian-American Company]. Moscow. 153 p.

Petrov A.Iu., Mitropolit Kliment (Kapalin), Savel'ev I.V. 2015. Stanovlenie kolonial'nogo prava v Russkoi Amerike. [Establishment of Colonial Law in Russian America]. *Rossiiskaia istoriia*. №4. P. 101–111. (In Russian).

Postnikov A.V. 2000. *Russkaia Amerika v geograficheskikh opisaniiax i na kartakh, 1741–1867 gg.* [Russian America in Geographical Descriptions and Maps, 1741–1867]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. 470 p. (In Russian).

Rossiisko-amerikanskaia kompaniia i izuchenie Tikhookeanskogo Severa, 1799–1815. Sb. dok. [Russian-American Company and Study of the Pacific North, 1799–1815. Collection of documents]. 1994. T. 3. Red. A.L. Narochitskii, N.N. Bolkhovitinov. Moscow: Nauka. 275 p. (In Russian).

Rossiisko-amerikanskaia kompaniia i izuchenie Tikhookeanskogo Severa, 1815–1841 [Russian-American Company and Study of the Pacific North, 1815–1841]. 2005. T. 4. Red. N.N. Bolkhovitinov, A.V. Grinev, A.Iu. Petrov, T.S. Fedorova. Moscow: Nauka. 456 p. (In Russian).

Rossiisko-amerikanskaia kompaniia i izuchenie Tikhookeanskogo Severa, 1841–1867 [Russian-American Company and Study of the Pacific North, 1841–1867]. 2010. T. 5. Red. A.Iu. Petrov. Moscow: Nauka. 480 p. (In Russian).

Rossia v Kalifornii: russkie dokumenty o kolonii Ross i rossiisko-kaliforniiskikh svyaziakh, 1803–1850: v 2-kh tt. [Russia in California: Russian Documents on Ross Colony and Russian-California ties, 1803–1850: in 2 volumes]. 2005. T. 1. 2012. T. 2. Sost. i podgotov. A.A. Istomin, Dzh. Gibson, V.A. Tishkov. Moscow: Nauka. 752 s. 524 p. (In Russian).

Rossia i Ispaniia na severo-zapade Ameriki vo vtoroi polovine XVIII v. (po materialam is-panskikh arkhivov) [Russia and Spain in North-West America in the Second Half of the 18th Century (According to Spanish Archives)]. 2020. Sost., pod obshch. red. A. Iu. Petrova; red.–sost. V. N. Kostornichenko ; avt.: A. Iu. Petrov, V. N. Kostornichenko, A. A. Al'vares Soler, E. V. Vilar, O. V. Neshkes; per s isp. O. V. Neshkes, A. V. Ivolgin, D. S. Shmarev Riazan': Riaz. gos. un–t im. S. A. Esenina. 218 p. (In Russian).

Rossia i Ispaniia: v 2-kh tomakh. T. 1. [Russia and Spain: in 2 volumes. T. 1.]. 1991. Sost. O.V. Volosiuk, K. V. Rozhkov, Kh. M. Gonsales. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia. 470 p. (In Russian).

Russkie ekspedicii po izucheniyu severnoj chasti Tihogo okeana v pervoj polovine XVIII v. [Russian Expeditions to Study the North Pacific in the First Half of the 18th Century] Sb. dok. 1984. («Issledovaniya russkih na Tihom okeane v XVIII — pervoj polovine XIX v. Tom 1»). Sost. T.S. Fedorova i dr.; vstup. stat'ya A.L. Narochnickogo (gl.red.). Moscow: Nauka. 320 p. (In Russian).

Russkie ekspedicii po izucheniyu severnoj chasti Tihogo okeana vo vtoroj polovine XVIII v. [Russian Expeditions to Study the North Pacific in the Second Half of the 18th Century] Sb. dok. 1989. («Issledovaniya russkih na Tihom okeane v XVIII — pervoj polovine XIX v. Tom 2»). Sost. T.S. Fedorova i dr.). Moscow: Nauka. 400 s. (In Russian).

Tikhmenev P. A. 1861–1863. *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniia Rossiisko-Amerikanskoi kompanii i deistvii ee do nastoiashchego vremeni.* [Historical Overview of the Formation of the Russian-American Company and Its Actions to Date]. Ch. 1–2. Saint Petersburg: tip. E. Veimara. 780 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Альперович М.С. 1993. *Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века)*. Москва: Наука. 238 с.

Берх В.Н. 1823. *Хронологическая история открытия Алеутских островов или Подвиги российского купечества. С присовокуплением Исторического известия о меховой торговле*. Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча.

Бобылев В.С. 1997. *Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века*. Москва: РУДН. 284 с.

Болховитинов Н.Н. 1991. *Россия открывает Америку, 1732–1799*. Москва: Международные отношения. 302 с.

Волосюк О.В. 2018. Испанцы и русские на Тихом океане. *Испания и Россия: дипломатия и диалог культур*. Москва: Индрик. С. 101–109.

Ефимов А.В. 1971. *Из истории великих русских географических открытий*. Москва: Наука. 300 с.

Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. Espana y Rusia: diplomacia y dialogo de culturas. Tres siglos de relaciones. 2018. Отв. ред. О.В. Волосюк. Москва: Индрик. 928 с.

История Русской Америки (1732–1867): в 3-х томах. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799). 1997. Отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. Москва: Междунар. отношения. 478 с.

Коноплев В.А. 2012. Эльдorado Русской Америки: поиски пушных богатств к югу от Алеутского архипелага (1741–1840). *Гуманитарные и социальные науки*. № 5. С. 24–33.

Магидович И.П. 1962. *История открытия и исследования Северной Америки*. Москва: Государственное издательство географической литературы. 475 с.

Магидович И.П., Магидович В.И. 1984. *Очерки по истории географических открытий. Т. 3. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII – XVIII вв.)*. Москва: Просвещение. 319 с.

Магидович И.П., Магидович В.И. 1985. *Очерки по истории географических открытий. Т.4. Географические открытия и исследования нового времени (XIX – начало XX в.)*. Москва: Просвещение. 335 с.

Макарова Р.В. 1968. *Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в.* Москва: Наука. 200 с.

- Марков С.Н. 1991. *Летопись Аляски*. Москва: Рус. центр «Пересвет». 188 с.
- Окунь С.Б. 1939. *Российско-американская компания*. Москва–Ленинград: Соцэкгиз. 260 с.
- Петров А.Ю. 2000. *Образование Российско-американской компании*. Москва. 153 с.
- Петров А.Ю. 2018. Витус Беринг: у истоков историко-культурного наследия Русской Америки. *Вопросы истории*. № 7. С. 12–29.
- Петров А.Ю., Митрополит Климент (Капалин), Савельев И.В. 2015. Становление колониального права в Русской Америке. *Российская история*. № 4. С. 101–112.
- Постников А.В. 2000. *Русская Америка в географических описаниях и на картах, 1741–1867 гг.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 470 с.
- Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. Сб. док. 1994. Т. 3. Ред. А.Л. Нарочницкий, Н.Н. Болховитинов. Москва: Наука. 275 с.
- Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841. 2005. Т. 4. Ред. Н.Н. Болховитинов, А.В. Гринёв, А.Ю. Петров, Т.С. Федорова. Москва: Наука. 456 с.
- Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867. 2010. Т.5. Ред. А.Ю. Петров. Москва: Наука. 480 с.
- Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803—1850: в 2-х тт. 2005. Т. 1. Сост. и подготов. А.А. Истомин, Дж. Гибсон, В.А. Тишков. Москва: Наука. 752 с.
- Россия в калифорнии: русские документы о колонии Росс российско-калифорнийских связях, 1803—1850: в 2-х тт. 2012. Сост. и подготов. А.А. Истомин, Дж. Гибсон, В.А. Тишков. Москва: Наука. 524 с.
- Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII в. (по материалам испанских архивов). 2020. Сост., под общ. ред. А.Ю. Петрова; ред.-сост. В.Н. Косторниченко; авт.: А.Ю. Петров, В.Н. Косторниченко, А.А. Альварес Солер, Э.В. Вилар, О.В. Нешкес; пер. с исп. О.В. Нешкес, А.В. Иволгин, Д.С. Шмарёв. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. 218 с.
- Россия и Испания: в 2-х томах. Т. 1. 1991. Сост. О.В. Волосюк, К.В. Рожков, Х.М. Гонсалес, М. Семпере. Москва: Междунар. отношения. 470 с.
- Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. 1984. («Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в. Том 1»). Сост. Т.С. Федорова и др.; вступ. статья А.Л. Нарочницкого (гл. ред.). Москва: Наука. 320 с.
- Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб. док. 1989. («Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в. Том 2»). Сост. Т.С. Федорова и др). Москва: Наука. 400 с.
- Тихменев П.А. 1861–1863. *Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени*. Ч. 1–2. Санкт-Петербург: тип. Э. Веймара. 780 с.
- Хлебников К.Т. 1979. *Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова*. Сост., введ. и коммент. Р.Г. Ляпуновой, С.Г. Федоровой. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние. 280 с.



Торговое сотрудничество США и ЕС в контексте изменения американской внешнеэкономической политики

Ю.А. Коновалова, С.А. Ушанов, И.С. Зарубин

Российский университет дружбы народов
Ernst and Young

Торговое представительство Российской Федерации в Республике Болгария

В статье исследованы особенности динамики и структуры внешней торговли США со странами ЕС, которые вызваны изменением американской внешнеторговой политики после прихода к власти Д. Трампа. Актуальность темы обусловлена тем, что США задают общие настроения в системе международных экономических отношений, и в частности – в международной торговле. Усиление протекционизма, нарастание дезинтеграционных процессов (пересмотр условий НАФТА/ЮСМКА, выход США из ТТП, остановка переговоров о создании ТТИП) – это ответ президентской администрации на вызовы, с которыми столкнулись США. Глобализация и либерализация перестали отвечать интересам американской экономики, что привело к пересмотру идейных основ и практики внешнеэкономической деятельности.

Цель данной статьи состоит в выявлении основных черт сотрудничества США со странами ЕС в торговой сфере, а также особенностей структуры, динамики и географии американо-европейского внешнеторгового обмена, в том числе в период президентства Д. Трампа. Рассмотрена проблема торгового дефицита США. Статистические данные показывают, что экономическая заинтересованность Соединённых Штатов в ЕС исходит из конкурентных преимуществ отдельных стран. В настоящее время не исключена вероятность усиления дезинтеграционного процесса в Европейском союзе, поскольку после Брексита идею покинуть Союз высказывали Нидерланды и другие страны. Это будет играть на руку США, заинтересованным не в сильной единой Европе, а в повышении эффективности двусторонних связей с отдельными странами, входящими в Евросоюз. Основной вывод исследования заключается в следующем: глобализационный процесс и взаимозависимость экономик ослабели, и вне зависимости от результатов президентских выборов, вне зависимости от того, будут ли США в дальнейшем проводить политику протекционизма и вести «торговые войны», состоится ли прогнозируемый ЮНКТАД и МВФ мировой экономический кризис 2020-2021 гг., ЕС и США будут вынуждены искать компромиссы и пересматривать условия переформатирования несостоявшегося ТТИП.

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 15.06.2020

Принята к публикации: 17.08.2020

Ключевые слова: внешняя торговая политика, двустороннее сотрудничество, США, ЕС, торговля товарами и услугами, экспорт и импорт, структура внешней торговли

Отличительной чертой современного этапа глобализации является «турбулентность», то есть наличие разнонаправленных векторов в системе международных экономических отношений, что среди представителей научного сообщества вызвало расхождение мнений относительно перспектив глобализации.

Часть исследователей ожидает «свёртывания» глобализации, аргументируя свою позицию ссылками на следующие факты и явления:

- Постоянно увеличивается число ограничительных мер в торговле: с октября 2012 г. по октябрь 2013 г. была принята 201 мера, в октябре 2017 г. – октябре 2018 г. – 588 мер¹. Наибольшее число ограничительных мер были приняты за два первых года президентства Д. Трампа.

- Тенденция к дезинтеграции: Брекзит, выход США из ТТП, прекращение переговоров по созданию ТТИП, преобразование НАФТА в ЮСМКА, вероятность выхода из ЕС Нидерландов, а вслед за ними Швеции, Австрии, Дании, Финляндии, Италии.

- Во внешнеторговой политике США ориентация на двусторонний формат сотрудничества и переход на позиции открытого протекционизма.

- Эскалация «торговой войны» США и Китая, вероятность торгового конфликта между США и ЕС из-за «дела *Airbus*» и повышения импортных пошлин более чем на 400 товарных позиций, импортируемых из ЕС.

- Кризис ВТО.

Сторонники «свёртывания» глобализации полагают, что либерализация международных экономических отношений уже не отвечает запросам субъектов мирового хозяйства, она приводит к усилению глобальной конкуренции. События последних двух-трёх лет свидетельствуют о назревшей необходимости пересмотра научной парадигмы глобализации и международных экономических отношений, о росте неопределённости и нелинейности развития мирового хозяйства (Дынкин 2018; Иванов, Малинецкий 2020).

С другой стороны, динамика международных экономических отношений подтверждает правоту тех исследователей, которые оценивают современность как этап смены модели глобализации или перехода её на иной уровень. В частности, речь идёт о следующих элементах этой динамики:

- Рост показателей международной торговли: хотя темпы прироста объёмов экспорта и импорта товаров и услуг снизились, в абсолютном выражении за 2008–2018 гг. мировой экспорт товаров увеличился на 20%, а коммерческих

¹ World trade statistical review – 2019. *World Trade Organization*. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts2019_e.pdf (accessed 7.10.2020).

услуг – на 46%; произошли перестановки в структуре лидеров международной торговли².

- Увеличение числа устройств с доступом в интернет и пользователей сети Интернет; по некоторым прогнозам, в настоящее время должно насчитываться до 26 млрд устройств и 4 млрд пользователей сети, а мировой IP-трафик должен составить 2,3 зеттабайт³. Согласно предварительным оценкам, в 2019 г. общее число пользователей глобальной сети Интернет составило 4,1 млрд пользователей⁴.

- Восстановление и постепенный рост объёма прямых иностранных инвестиций. Докризисный максимум 2007 г., составивший 1,8 трлн долл., был восстановлен к 2015 г. (1,76 трлн долл.), но далее последовало падение мирового потока ПИИ: в 2016 г. до 1,75 трлн долл., в 2017 г. – 1,43, в 2018 г. – 1,3 трлн долл. Специалисты ЮНКТАД связывают последние данные с налоговой реформой, проведённой в США осенью 2017 г.⁵.

- Увеличение показателей международной миграции: в 2000 г. число международных мигрантов составляло 150 млн чел., по предварительным оценкам к концу 2020 г. может вырасти до 272 млн чел.⁶.

- За этот же период объём международных денежных переводов увеличился с 126 млрд долл. до 689 млрд долл.⁷.

Глобализация и либерализация экономических отношений способствовали тому, что некоторые развивающиеся страны переместились с периферии к центру мирового хозяйства. Напротив, развитые страны постепенно сдают свои позиции, что идёт вразрез с их интересами и заставляет менять свою политику.

С приходом к власти Д. Трампа внешнеторговая политика США кардинально изменилась. Наблюдаются переход от многостороннего к двустороннему формату сотрудничества, ослабление «веры» в либерализацию, ориентация на национальные интересы, постепенное утверждение неомеркантилизма.

Акцент на двусторонний формат сотрудничества официально был обозначен в докладе Д. Трампа «Повестка торговой политики США на 2017 г.», где указывалось: «...главная цель торговой политики США заключается в расширении торговых возможностей более свободным и справедливым способом... наилучшим образом эти цели могут быть достигнуты путём сосредоточения внимания на двусторонней форме сотрудничества»⁸.

² Ibid.

³ The Global Information Technology Report – 2016. *World economic forum*. URL: <https://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2016/> (accessed 7.10.2020).

⁴ ITU Statistics. Excel tables. URL: <http://www.itu.int/ict/statistics> (accessed: 07.10.2020).

⁵ World Investment Report – 2019. *UNCTAD*. P. 11, 17. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (accessed 7.10.2020).

⁶ World Migration Report – 2020. *International Organization for Migration*. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed 7.10.2020)

⁷ World Migration Report – 2020. *International Organization for Migration*. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed 7.10.2020)

⁸ Office of the United States Trade Representative. *Executive office of the President*. The President's 2017 trade policy agenda. URL: <https://www.bea.gov/international/dilusdop> (accessed 7.10.2020).

Под предлогом защиты национальных интересов США в отношениях со своими внешнеторговыми партнёрами используют экономические и внеэкономические методы на основе национального законодательства. Вашингтон вышел из ТТП, заменил НАФТА на ЮСМКА, заморозил переговоры о создании ТТИП, начал торговую войну против Китая и заложил предпосылки для торгового конфликта с ЕС; осенью 2017 г. в Соединённых Штатах прошла налоговая реформа, способная, как ожидали некоторые эксперты (Погорлецкий 2018; Heinemann, Olbert, Pfeiffer at al. 2018), «перевернуть» международное движение капитала. В действительности по итогам первого полугодия 2018 г. произошла репатриация прибылей американских холдинговых компаний: за 2018 г. общий показатель оттока американских ПИИ за рубеж составил -90,6 млрд долл., а по итогам 2019 г. – +125 млрд долл. Таким образом, в краткосрочной перспективе реформа себя оправдала. Значительные корректировки в движение глобальных ПИИ внесла пандемия *Covid-2019*: по оценкам ЮНКТАД, объём мировых ПИИ, составивший в 2019 г. 1,54 трлн долл., к концу 2020 г. может сократиться на 40%^{9, 10}.

Президент Трамп продемонстрировал свою заинтересованность в дестабилизации европейской интеграции, поддержав Брекзит. Он не оставляет попыток ослабить конкурентоспособность западноевропейских стран и своего основного соперника в Европе, Германии, требуя отказа от проекта «Северный поток – 2».

Современной внешнеэкономической политике США присущ радикализм – практика, которая нацелена на кардинальное изменение существующей общественно-политической, социальной и экономической обстановки. Об эффективности проводимой Вашингтоном протекционистской политики свидетельствуют экономические итоги 2018 и 2019 гг., главным образом, выраженные в сокращении внешнеторгового дефицита американской торговли товарам. Для решения внутренних экономических проблем США прибегают к увеличению импортных пошлин.

Настоящее исследование направлено на выявление характерных черт торгового сотрудничества США со странами ЕС, особенностей перераспределения потоков товаров и услуг между участниками региональной экономической интеграции в период до и после прихода к власти Д. Трампа.

Структура статьи такова. В первой части выдвинута гипотеза о том, что протекционизм и меркантилизм не являются характерной чертой внешнеэкономических политик, реализуемых государствами; в современных условиях эта идеология является «ответом» на усиление и ужесточение глобальной конкуренции. Во второй части работы авторы анализируют динамику и географию внешней торговли США товарами и услугами, особое внимание уделяя дефициту торгов-

⁹ World Investment Report. 2019. UNCTAD. 237 p. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (accessed 7.10.2020).

¹⁰ World Investment Report – 2020. 2020. UNCTAD. P. 14, 33. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf (accessed 7.10.2020).

ли товарами, который провоцирует обращение Вашингтона к протекционизму. В третьей части исследованы география и динамика торговли США с ЕС.

Обзор литературы

Ведущая роль США и ЕС в мировом хозяйстве, их обоюдная заинтересованность в углублении взаимного сотрудничества в условиях усиления глобальной конкуренции нашли отражение в многочисленных зарубежных и отечественных публикациях (Sawyer 2017; Nicolaides, Roy 2017; Kutsyk, Kozlova 2018; Swenson 2007; Motofei 2017; Komarek 2013; Супян 2019а; Супян 2019в; Супян 2020; Давыдов 2017).

В последние годы повышенный интерес со стороны правящих элит ведущих стран Евросоюза вызывает преобразованная в русле неомеркантилизма внешнеторговая политика США. Европейские государства беспокоят не только меры, которые предпринимает Вашингтон в попытке продвинуть свои национальные интересы, но и меняющийся в этих условиях геополитический ландшафт самой Европы, ломающий «глобализационную нормальность» и угрожающий кризисом системы международных отношений (Stelzenmüller 2019; Finbow 2018).

Протекционистская политика Трампа – это результат обострившейся конкуренции и не решённых экономических проблем США. Ежегодное обновление положений «Повестки торговой политики США» и смена статуса американских партнёров свидетельствуют о том, что представление властей о месте страны в мировом хозяйстве и системе экономических отношений остаётся туманным (Супян 2019а; Супян 2019в; Супян 2020). Ярким тому подтверждением можно считать отказ США от ТТИП. Переговорный процесс о создании Партнёрства был запущен в 2013 г., к концу 2016 г. без заметного прогресса прошли 15 раундов, и США сняли идею о Соглашении с повестки дня своей торговой политики. Выход американской стороны из переговорного процесса был обусловлен угрозой макроэкономических издержек, которые могла спровоцировать адаптация американских стандартов под европейские (Кондратьева 2017а; Кондратьева 2017в; Приходько 2018, 2019).

Между тем научные и деловые круги рассматривали подписание соглашения о ТТИП в качестве серьёзного потенциала для расширения экономической интеграции, увеличения объёмов международной торговли и международного движения капиталов, обмена знаниями и технологиями и т.д. Многие американские и европейские компании, в первую очередь транснациональные, связывали с соглашением надежды на расширение внешнеэкономических связей между Евросоюзом и Соединёнными Штатами и на укрепление своих позиций в мировой экономике в условиях усиления конкуренции со стороны Китая и других азиатских стран.

Внешнеэкономический интерес американского крупного бизнеса определяется широкой сетью аффилированных зарубежных предприятий, более половины из которых сосредоточено на территории стран Европы (Портанский 2017; Портанский 2019; Ушанов 2017а; Ушанов 2017в; Ушанов, Федякина 2019; Koeth 2020).

Обращение администрации президента США к лозунгам «Америка прежде всего» и «Сделаем Америку снова великой», превалирование двустороннего формата развития внешнеэкономических отношений над многосторонним и повышение импортных пошлин свидетельствуют о движении в сторону «экономического эгоизма по-американски» (Меньшикова 2019). Немаловажную роль играет при этом геополитический аспект. В настоящее время ЕС превратился в арену столкновения внешнеэкономических интересов США и Китая, и это серьёзный вызов для европейской интеграции (Chase, Sparding, Mukai 2018).

Несмотря на то, что проект ТТИП заморожен, США не отказались от идеи подписать соглашение о торговле с ЕС и Великобританией, что зафиксировано в последней «Повестке торговой политики США на 2020 г.»¹¹. Со своей стороны, эксперты прогнозируют заключение такого договора (Jungmittag, Welfens 2020).

Вес партнёров друг для друга, исторический контекст отношений, теснота кооперационных связей, взаимозависимость и внешнеэкономическая заинтересованность остаются и будут в дальнейшем определять американо-европейские отношения даже в условиях усиления глобальной конкуренции, «угрозы» со стороны «китайского фактора» и реализации политики протекционизма со стороны США. При всём многообразии мнений, высказываемых в научном сообществе, по вопросу о перспективах отношений США – ЕС имеется консенсус: ожидается дальнейшее углубление интеграции.

Теоретические и практические аспекты внешнеторговой политики США

Для изучения практических сторон развития интеграции наиболее подходящими остаются классические теоретические подходы В.Е. Рыбалкина, Н.Н. Ливенцева, Ю.В. Шишкова, Б. Баласса, Б. Балаши и других. Эти авторы исходят из «внутренней» составляющей самого интеграционного процесса, а не из особенностей и эффектов сотрудничества с интеграционным блоком для «третьих стран». То есть «извне» процесс региональной экономической интеграции изучен недостаточно, этот пробел мы и восполняем в настоящем исследовании.

В период становления капитализма и промышленных революций все развитые экономики придерживались протекционизма, устанавливая высокие импортные пошлины (Reinert 2007). Многие российские учёные (А.И. Бажан, М.Ю. Елсуков, В.В. Ханина, Л.И. Цедилин) полагают, что такая практика представляет собой обычную форму конкурентной борьбы, которая оправдывает себя и на современном этапе развития мирового хозяйства.

Идея неомеркантилизма заключается в поддержании положительного торгового баланса, и для этого допустимо использовать протекционистские меры, такие как повышение импортных пошлин и ограничения на ввоз товаров.

¹¹ Office of the United States Trade Representative. Executive office of the President. *The President's 2020 trade policy agenda*. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/2020_Trade_Policy_Agenda_and_2019_Annual_Report.pdf.

В современной практике неомеркантилизма широко применяются нетарифные методы регулирования внешней торговли, а также санкции и угрозы введения таковых при игнорировании международных правил. Для США политика неомеркантилизма показала свою эффективность: в частности, на фоне угроз (к примеру, угроза провести слушания по делу *Airbus* и повысить на товары из Евросоюза импортные пошлины на более чем 400 товарных подгрупп, в ряде случаев до 100%) американские фермеры и производители говядины получили доступ на европейский рынок.

Предпосылки для обращения США к неомеркантилистской внешнеторговой доктрине, притом агрессивного характера, начали формироваться в середине 2000-х гг. Ряд учёных усматривают причину этой перемены в том, что результаты глобализации и либерализации перестали отвечать национальным и внешнеэкономическим интересам США и других мировых лидеров (Дынкин 2018). Особый вклад в «турбулентность» и «непредсказуемость» развития мировой экономики, по мнению некоторых российских учёных, внёс «взлёт» китайской экономики (Гусаков 2011; Решетникова 2011; Решетникова 2013; Дынкин 2020)].

Рост вмешательства в экономику политических и правящих кругов привёл к выдвижению идей экономического патриотизма, связанных с концепцией экономического национализма и меркантилизма. Термин «экономический патриотизм» был введён в оборот Б. Карейоном (депутат национального собрания Франции от партии «Союз за народное движение»). Очевидно, что смысловая нагрузка этого термина сводится скорее к «общественной политике», а не «идеологии»¹² и требует более проработанного подхода.

Основы экономического национализма в США были заложены ещё в 20-30-х гг. прошлого века как реакция на Великую депрессию. Во второй половине XX в. интерес к национализму прослеживается у развивающихся экономик одновременно с ростом освободительных движений и падением колониальных режимов.

Чётко сформулированного определения экономического национализма или эгоизма до сих пор не выработано, эти термины нередко используют в качестве синонимов и отождествляют с экономическим протекционизмом. Как указывает Ю.А. Савинов, экономическая сущность всех трёх понятий сводится к защите национальных производителей и рынков, закреплению национальных интересов в условиях усиления глобальной конкуренции (Савинов 2019). По мнению Л.Е. Гринина (Гринин 2019), эгоизм США представляет собой одно из основных противоречий глобальной экономики в эру многополярности. Игнорирование и даже сознательное попрание американской стороной экономических интересов других игроков вынуждает последних принимать в ответ аналогичные меры. Например, в июне 2019 г. Китай повысил импортные пошлины на американскую продукцию, а в августе 2020 г. ввёл санкции в отношении 11 американских официальных лиц.

¹² Carayon B. 2003. *Intelligence économique, compétitivité et cohésion sociale*. Rapport au Premier ministre. Paris. P. 1-11.

Пересмотр внешнеторговой политики администрация президента США обосновала рядом фактов:

- большой дефицит внешнеторговых операций США, в 2019 г. -616,42 млрд долл., причём дефицит торговли товарами -866,24 млрд долл.¹³;
- высокий государственный долг, по данным на сентябрь 2020 г.: 26,7 трлн долл.¹⁴;
- «нечестные» торговые практики Китая, «воровство» технологий и требования их передачи в случае размещения производственных комплексов на территории Китая;
- относительное ослабление позиций США на мировых рынках. Собственно, скорее следовало бы констатировать усиление позиций других игроков, прежде всего, Китая. Например, в 2009-2019 гг. доля стран НАФТА в мировом производстве сырой стали сократилась с 6,7% до 6,4% при увеличении доли Китая с 46,6% до 53,3%¹⁵; в 2018-2019 гг. объём производства автомобилей в США сократился с 11,3 до 10,8 млн единиц, а в Китае с 27,8 до 25,7 млн единиц, но Китай остаётся мировым лидером автомобилестроения¹⁶;
- сокращение веса ряда видов экономической деятельности в структуре ВВП. В 2010-2019 гг., несмотря на рост абсолютных показателей, доля добывающей промышленности сократилась с 2% до 1,5%; обрабатывающей промышленности – с 12% до 11%¹⁷.

Американская сторона ставит внутреннее законодательство выше международных договорённостей, в т.ч. в рамках ВТО. Подобным образом действуют и другие страны, что ставит под вопрос эффективность функционирования международных торговых и финансовых институтов и поднимает в научных и экспертных кругах проблему «реформы системы ООН»¹⁸. В конфликтных ситуациях для исправления «дисбалансов» международной торговли, изменения условий международной конкуренции и обеспечения доступа американским производителям на зарубежные рынки США используют национальное законодательство. Последние и наиболее резонансные расследования, инициированные США в рамках Раздела 301¹⁹ Закона о торговле 1974 г., представлены в табл. 1.

¹³ U.S. Trade in goods and services, 1960 – present. Bureau of Economic Analysis. *U.S. Department of commerce*. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (accessed 7.10.2020).

¹⁴ *United States Debt Clock*. URL: <https://usdebtclock.org/> (accessed 7.10.2020).

¹⁵ World Steel in Figures – 2020. *World Steel Association*. URL: <https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:f7982217-cfde-4fdc-8ba0-795ed807f513/World%2520Steel%2520in%2520Figures%25202020i.pdf> (accessed 7.10.2020)

¹⁶ Production Statistics – 2019. *International Organization of Motor Vehicle Manufacturers*. URL: <http://www.oica.net/category/production-statistics/2019-statistics/> (accessed 7.10.2020).

¹⁷ Industry Data. GDP-by-Industry. Bureau of Economic Analysis. *U.S. Department of commerce*. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=51&step=1> (accessed 7.10.2020).

¹⁸ ООН должна пройти глубокий процесс реформ. *Известия*. 21.12.2018. URL: <https://iz.ru/825265/kirill-gulov/oon-dolzha-proiti-glubokii-protsess-reform> (дата обращения 7.10.2020).

¹⁹ Section 301 of the Trade Act of 1974. Congressional Research Service. 2020. 3 p. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11346> (accessed 7.10.2020)

Таблица 1. Расследования, инициированные в рамках Раздела 301

Table 1. Investigation initiated within the Section 301

Китай	Европейский союз	Франция
Дата инициации: август 2017. Дело: трансфер технологий, интеллектуальной собственности и инновационная политика/практика. Вердикт: дискриминационный характер носят следующие практики Китая: требование передачи технологий, киберхищения интеллектуальной собственности и коммерческой тайны, дискриминационное лицензирование, государственная финансовая поддержка для приобретения стратегических американских активов. Принятые меры: с мая 2018 г. на 2/3 китайского импорта пошлины повышены на 15-25% (с февраля 2020 г., после подписания Первой фазы соглашения между США и Китаем, некоторое смягчение этих мер). Процедуры ВТО: в июне 2019 г. дело было приостановлено по просьбе США. С апреля 2018 г. Китай подал три иска в ВТО в отношении дел, попадающих под Раздел 301.	Дата инициации: апрель 2019. Дело: субсидии ЕС гражданскому авиаперевозчику Airbus; нарушение прав США в соответствии с Соглашением ВТО; ЕС не выполнил требования ВТО по урегулированию споров. Вердикт: ЕС и некоторые государства-члены не прекратили поддержку разработки и производства новейших лайнеров, и не выполнили требования ВТО по урегулированию споров. Принятые меры: увеличение на 10-25% пошлин на импорт из ЕС в размере 7,5 млрд долл., в соответствии с выводами экспертов ВТО (октябрь 2019 г.). Процедуры ВТО: см. «Дело DS316». По состоянию на сентябрь 2020 г.: в марте 2020 г. США увеличили пошлину на импортируемые из ЕС самолёты с 10 до 15%. В мае 2020 г. торговый представитель США уведомил ВТО о том, что спор по делу Airbus фактически завершён и все претензии удовлетворены. В течение 2020 г. США отменили налоговые льготы американскому авиапроизводителю, а в августе 2020 г. пересмотрели список импортируемых из ЕС товаров, на которые ранее были повышены пошлины общей стоимостью 7,5 млрд долл. (пересматривается перечень товаров, стоимость остаётся прежней).	Дата инициации: июль 2019. Дело: введение Францией нового налога на цифровые услуги. Вердикт: налог на цифровые услуги нарушает и ограничивает права большинства американских компаний, оказывающих цифровые услуги, он противоречит принципам и правилам международной налоговой политики. Принятые меры: в декабре 2019 г. торговый представитель США опубликовал перечень импортируемых из Франции товаров, на которые США готовы повысить пошлины до 100%. США рассматривали возможность ввести штрафы или ограничения на импортируемые из Франции услуги. В июне 2020 г. США вышли из переговоров с европейскими странами о введении глобального цифрового налога. Процедуры ВТО: по состоянию на январь 2020 г. никаких мер не принято.

Источники: Congressional Research Service. Section 301 of the Trade Act of 1974. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11346> (accessed: 7.10.2020); Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices> (accessed 7.10.2020).

События конца 2019 – начала 2020 гг., появление в Китае очага вируса COVID-2019, снижение глобальной экономической активности, рост безработицы, сокращение ВВП, падение мировых цен на нефть, скорее всего, приведут к дальнейшему усилению протекционистской политики, притом со стороны не только США, но и Евросоюза. Нельзя исключать, однако, что в случае, если президентские выборы в США выиграет представитель Демократической партии, произойдёт смена внешнеэкономической политики.

Особенности внешней торговли США

За период 2008-2018 гг. мировой экспорт товаров увеличился на 20%, экспорт коммерческих услуг – на 46%²⁰. США неизменно входят в тройку лидеров

²⁰ World trade statistical review – 2019. World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statistics/wts2019_e/wts2019_e.pdf (accessed 7.10.2020).

международной торговли как товарами, так и услугами. В 2018 г. объём внешней торговли США товарами и услугами составил 5,6 трлн долл., или 27,8% ВВП. В 2019 г. экспорт товаров равнялся 1652 млрд долл., импорт – 2519, экспорт услуг – 845,2, импорт – 595,4 млрд долл.

Таблица 2. География американского экспорта товаров в 2000-2019 гг. (млрд долл. США/ %)

Table 2. Destination of U.S.' export of goods in 2000-2019 (bln \$/ %)

	Канада	Китай	Германия	Япония	Южная Корея	Мексика	Великобритания	ЕС	Другие страны
2000	179,0/23%	16,3/2%	29,4/4%	64,3/8%	28,1/4%	111,3/14%	41,4/5%	165,8/21%	149,1/19%
2005	212,3/23%	41,8/5%	34,8/4%	54,8/6%	28,6/3%	120,4/13%	38,8/4%	188,1/20%	192,9/21%
2010	250,2/19%	93,0/7%	48,5/4%	61,4/5%	39,7/3%	163,7/12,6%	49,2/4%	242,7/18%	341,4/26%
2015	281,5/19%	116,5/8%	50,0/3%	63,9/4%	44,4/3%	236,3/15,6%	56,5/4%	273,7/18%	388,6/26%
2019	293,3/17,7%	107,2/6,5%	60,2/3,6%	75,3/4,6%	57,8/3,5%	256,8/15,5%	69,6/4,2%	338,6/20,5%	393,8/23,8%

Источник: U.S. Trade in Goods and Services. International trade in goods and service. Bureau of economic analysis. U.S. Department of commerce. 2019. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (accessed 7.10.2020).

Как следует из приведённых данных, основными получателями американских товаров в 2000-2019 гг. были партнёры США по НАФТА/ЮСМКА и государства Евросоюза. Доля Канады сократилась с 23 до 17,7% при одновременном наращивании объёма американского экспорта в эту страну более чем в 1,6 раза. В связи с пересмотром условий зоны свободной торговли НАФТА/ЮСМКА следует ожидать, что вес Канады в структуре американского экспорта товаров увеличится как в абсолютном, так и в относительном выражении, поскольку США расширили себе доступ на канадские рынки молока и автомобилей. Доля Мексики практически не изменилась (14-16%), тогда как стоимость американского экспорта выросла в 2,3 раза. Доля стран-членов ЕС в структуре экспорта американских товаров колебалась от 18 до 21%, стоимость американского экспорта товаров увеличилась в два раза.

Привлекает внимание рост показателей Китая: доля в американском экспорте товаров за 2000-2017 гг. увеличилась с 2 до 8%, сократившись под действием американской протекционистской политики до 6,5% в 2019 г. Наращивание поставок американской продукции в Китай (см. табл. 2) обусловлено развитием китайской экономики: при росте ВВП на душу населения в текущих ценах почти в 10 раз КНР вошла в тройку мировых экспортёров и импортёров товаров и услуг; в стране созданы благоприятные условия для размещения производственных комплексов и т.д.

Очень незначительно увеличился экспорт товаров в Японию; если бы Д. Трамп не вышел из Транстихоокеанского партнёрства, доля Японии в структуре американской внешней торговли была бы выше. Несмотря на относительно скромные показатели взаимного товарооборота, в силу исторически сложив-

шихся кооперационных связей в системе внешнеэкономических отношений США Япония играет важную роль. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о зарубежных филиалах американских ТНК: в 2017 г. из 35374 филиалов 786 находятся в Японии; из 27,9 трлн долл. активов, которыми располагали эти филиалы, на Японию приходилось более 1 трлн долл. (из них 30,3 млрд в секторе химической промышленности, 814,9 млрд долл. в секторе финансовых и страховых услуг)²¹.

Таблица 3. География американского импорта товаров в 2000-2019 гг. (млрд долл./%)

Table 3. Destination of U.S.' import of goods in 2000-2019 (bln \$/%)

	Канада	Китай	Германия	Япония	Южная Корея	Мексика	Великобритания	ЕС	Другие страны
2000	233,5/19%	100,2/8%	59,0/5%	147,8/12%	40,5/3%	137,0/11%	44,1/4%	222,1/18%	247,2/20,1%
2005	294,2/17%	244,7/14%	85,7/5%	140,4/8%	44,2/3%	173,7/10%	51,8/3%	312,9/18%	348/20,5%
2010	281,8/15%	366,1/19%	83,5/4%	122,9/6%	49,7/3%	232,8/12%	51,5/3%	324,2/17%	426,1/22%
2015	302,7/13%	484,1/21%	125,4/6%	134,3/6%	72,4/3%	303,3/13%	58,6/3%	430,7/19%	361/16%
2019	325,7/13%	452,7/18%	127,8/5,1%	145,5/5,8%	78,1/3,1%	364,4/14,5%	63,8/2,5%	517,3/20,5%	443,5/17,6%

Источник: U.S. Trade in Goods and Services. International trade in goods and service. Bureau of economic analysis. U.S. Department of commerce. 2019. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (accessed 7.10.2020).

Из данных Таблицы 3 видно, что самые значительные изменения в географической структуре импорта товаров отмечаются в отношении Китая: рост более чем в 4,5 раза, а также Мексики и Евросоюза: увеличение в обоих случаях более чем вдвое. Отметим заметное сокращение доли Канады, стабильность доли Германии, двукратное сокращение доли Японии.

Таблица 4. Внешняя торговля США товарами и услугами в 2000-2019 гг. (млрд долл.)

Table 4. U.S.' foreign trade of goods and services in 2000-2019 (bln \$)

Годы	Баланс			Экспорт			Импорт		
	Всего	Товары	Услуги	Всего	Товары	Услуги	Всего	Товары	Услуги
2000	-369,7	-446,7	77,1	1082,3	784,9	298,0	1452,6	1231,7	220,9
2005	-716,5	-782,8	66,3	1291,5	913,0	378,5	2008,0	1695,8	312,2
2010	-503,1	-648,7	145,6	1872,3	1290,3	582,0	2375,4	1938,9	436,4
2015	-491,2	-761,8	270,6	2279,7	1511,3	768,3	2771,0	2273,2	497,7
2019	-576,8	-864,3	287,4	2528,2	1652,4	875,8	3105,1	2516,7	588,3

Источник: U.S. Trade in Goods and Services. International trade in goods and service. Bureau of economic analysis. U.S. Department of commerce. 2019. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (accessed 7.10.2020).

²¹ Bureau of economic analysis. U.S. Department of commerce. U.S. Direct Investment Abroad (USDIA). URL: <https://www.bea.gov/international/di/usdop> (accessed 7.10.2020).

Как отмечалось, администрация президента Трампа декларировала необходимость преодолеть дефицит внешнеторгового баланса. История вопроса вкратце такова. В 1960-1970 гг. внешняя торговля товарами сводилась с профицитом, торговля услугами – наоборот. С 1976 г. ситуация изменилась: профицит в торговле услугами сопровождался растущим дефицитом в торговле товарами, который к 2018 г. увеличился в 103 раза. Дефицит сократился (на 322,8 млрд долл.) в 2008-2009 гг., когда под влиянием глобального кризиса снизился объём международной торговли и произошёл спад американского товарного импорта (с 2,1 до 1,5 трлн долл.). На фоне роста дефицита в торговле товарами происходило сокращение веса ряда видов экономической деятельности в структуре ВВП США: с 2000 г. по 2018 г. доля обрабатывающей промышленности сократилась с 15,12 до 11,28%.

Благодаря протекционистским мерам нынешней власти по итогам 2019 г. дефицит торговли товарами немного сократился, составив в 2019 г. -866,24 млрд долл. По услугам баланс положительный, 249,8 млрд долл. В 2018-2019 гг. сокращение дефицита произошло за счёт китайского направления; воздействие на динамику и структуру китайского импорта, в т.ч. при сохранении поступлений от уплаты импортных платежей, представляется администрации президента одним из механизмов сокращения внешнеторгового дефицита.

Торговое сотрудничество США – ЕС на современном этапе

Не подлежит сомнению, что в центре внешнеполитической стратегии США всегда находилась Европа. Первые предпосылки к созданию Атлантического партнёрства были заложены в 1990 г. принятием Трансатлантической декларации об отношениях Европейского сообщества и США, где говорилось о готовности сторон проводить консультации по наиболее острым и важным вопросам²². В Новой Трансатлантической повестке (1995 г.) были определены четыре ключевые задачи взаимодействия сторон: обеспечение стабильности и мира, демократии и развития; ответ глобальным вызовам; наращивание торгово-экономического сотрудничества; расширение связей в областях бизнеса, науки и образования²³. В 1998 г. стороны подписали Соглашение о трансатлантическом экономическом партнёрстве²⁴, изъявив намерение снизить таможенно-тарифные барьеры во взаимной торговле. В 2013 г. Совет ЕС сформулировал принципы сотрудничества с США в рамках ТТИП. К тому времени Рабочая группа по занятости и экономическому росту подготовила Отчёт, в котором трансатлан-

²² European Parliament, *Transatlantic Declaration on EC-US Relations*, 1990. URL: http://www.europarl.europa.eu/cmsdata/124320/trans_declaration_90_en.pdf (accessed 7.10.2020).

²³ European Parliament, *The New Transatlantic Agenda*. URL: http://www.europarl.europa.eu/cmsdata/124321/new_transatlantic_agenda_en.pdf (accessed 7.10.2020).

²⁴ European Commission, *Transatlantic Economic Partnership 1998*. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/us/docs/trans_econ_partner_11_98_en.pdf (accessed 7.10.2020).

тическая торговля и инвестиции были охарактеризованы как «стержень» мировой экономики. Указывалось, что потенциал сотрудничества сторон раскрыт не полностью, поэтому необходимо начать переговорный процесс по ТТИП²⁵. В Евросоюзе сторонники заключения договора были убеждены в том, что расширение и углубление внешнеэкономических связей позволило бы Европе решить ряд внутренних проблем и справиться с затянувшимися последствиями кризиса 2008-2009 гг. (Де Вилль, Силес-Брюгге 2016)²⁶.

Заключение ТТИП предполагало ликвидацию всех барьеров во взаимной торговле и предоставление максимального доступа на рынок; устранение нетарифных барьеров. Особое внимание было уделено санитарным и фитосанитарным нормам²⁷. Первый раунд переговоров состоялся в 2013 г., последний, 15-й раунд, прошёл осенью 2016 г. С приходом Д. Трампа заключение ТТИП было снято с повестки дня.

Сама целостность ЕС скорее мешает внешнеэкономическим интересам США (не случайно на прошедшем в 2017 г. в Лиссабоне Саммите европейских стран Д. Трамп назвал Брекзит «замечательным делом» и моделью для других стран). Уход Штатов от многостороннего формата внешнеэкономического сотрудничества обоснован тем, что двусторонний формат предполагает более эффективное продвижение национальных интересов за рубежом; поэтому США активно поддерживали Брекзит.

Товарная структура торговли США с ЕС за период с 2010 по 2019 гг. характеризуется стабильностью²⁸ (см. Табл. 5).

Основу взаимной торговли составляют три группы товаров: инвестиционные товары, за исключением продукции автомобилестроения²⁹, промежуточная продукция; потребительские товары, за исключением продукции автомобилестроения и продуктов питания. Названные три позиции аккумулируют более 2/5 стоимости европейского экспорта и около 3/4 европейского импорта.

Особого внимания заслуживает торговля продукцией автомобилестроения. Для американской экономики это очень чувствительная отрасль, вес которой в структуре ВВП сокращается, поэтому администрации президента было важно поддержать автопром и через увеличение импортных пошлин на сырьё (сталь

²⁵ European Commission, *EU – US transatlantic trade and investment partnership*. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/february/tradoc_150519.pdf (accessed 7.10.2020).

²⁶ Реферат книги: Де Вилль Ф., Силес-Брюгге Г. *ТТИП: Правда о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве*. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. экономики; автор реферата Сидоров А.А., редактор Жилина И.Ю., отв. за вып. Пряжникова О.Н. 19 с.

²⁷ Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер. *Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902340082> (дата обращения 7.10.2020)

²⁸ U.S. Trade in Goods and Services. International trade in goods and service. 2019. *Bureau of economic analysis. U.S. Department of commerce*. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (accessed 7.10.2020)

²⁹ По данным БЭА США, к этой товарной группе относятся компьютеры и полупроводники, телекоммуникационное оборудование, сельскохозяйственное машиностроение, научная и медицинская техника, оборудование для проведения лабораторных исследований и контроля, транспортное оборудование, продукция гражданского авиастроения и моторостроения и др.

и алюминий), и через лоббирование интересов американских производителей в рамках членства ЮСМКА (США добились повышения доли американских компонентов в канадском и мексиканском автомобилестроении). Стоит отметить, что в 2010-2019 гг. импорт продукции автомобилестроения в среднем в 3,36 раза выше аналогичного показателя по экспорту.

Таблица 5. Структура американского экспорта и импорта товаров в/из ЕС в 2010-2019 гг. (млрд долл./%)

Table 5. Structure of U.S. export and import of goods in/from EU in 2010-2019 (bln \$/%)

	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2010	2015	2016	2017	2018	2019
	млрд долл.						%					
Экспорт товаров в ЕС	242,8	273,7	271,1	284,7	320,2	338,6	100	100	100	100	100	100
Продукты питания, корма, напитки	8,7	12,3	11,5	11,5	13,8	11,5	3,58	4,49	4,24	4,04	4,31	3,40
Промежуточные товары	66,3	67,6	62,2	71,8	86,8	95,15	27,31	24,70	22,94	25,22	27,11	28,10
Инвестиционные товары, за исключением автомобилестроения	89,2	102,2	105,3	110,8	121,9	120,5	36,74	37,34	38,84	38,92	38,07	35,59
Автомобили, части и моторы	11,4	17	17,7	17,7	18,6	23,3	4,70	6,21	6,53	6,22	5,81	6,88
Потребительские товары, за исключением автомобилей и продуктов питания	48,9	59,9	60,4	57,6	61,4	64,3	20,14	21,89	22,28	20,23	19,18	18,99
Другая продукция	10,8	10,2	9,5	9,6	11,06	11,8	4,45	3,73	3,50	3,37	3,45	3,48
Немонетарное золото	7,2	4	4,3	5,4	6,9	12	2,97	1,46	1,59	1,90	2,16	3,54
	млрд долл.						%					
Импорт товаров из ЕС	324,2	430,7	419,1	437,7	489,7	517,3	100	100	100	100	100	100
Продукты питания, корма, напитки	17,7	23,8	24,7	26,3	28,4	29,6	5,46	5,53	5,89	6,01	5,80	5,72
Промежуточные товары	69,5	69,9	66,8	70,9	82,9	82,1	21,44	16,23	15,94	16,20	16,93	15,87
Инвестиционные товары, за исключением автомобилестроения	87,9	122,7	118,1	126,5	139,7	148,4	27,11	28,49	28,18	28,90	28,53	28,69
Автомобили, части и моторы	35,7	67,1	61,8	62,5	63	61,9	11,01	15,58	14,75	14,28	12,87	11,97
Потребительские товары, за исключением автомобилей и продуктов питания	92,7	120,8	119,7	122,3	141,4	154,1	28,59	28,05	28,56	27,94	28,87	29,79
Другая продукция	20,3	26,1	27,6	28,8	34,1	40,7	6,26	6,06	6,59	6,58	6,96	7,87
Немонетарное золото	0,36	0,27	0,23	0,21	0,21	0,03	0,11	0,06	0,05	0,05	0,04	0,01

Источник: U.S. Trade in Goods and Services. International trade in goods and service. Bureau of economic analysis. U.S. Department of commerce. 2019. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (accessed 7.10.2020)

В страновом разрезе более половины экспорта американских товаров приходится на Францию, Германию, Италию и Великобританию. Основной покупатель американских товаров – Великобритания, вес которой при росте абсо-

любых показателей несколько сократился. На перечисленные выше страны приходится и большая часть американского импорта из Евросоюза, но этот показатель снижается (кроме Италии, её доля почти не изменилась).

Дефицит американской торговли товарами со странами ЕС за 19 лет утроился. В 2019 г. Франция, Германия и Италия сформировали 68% дефицита американской товарной торговли с ЕС. 38% дефицита (в 2000 г. – даже 52%) приходится на Германию. С 2016 г. в американо-английской торговле товарами наблюдается профицит, составивший по итогам 2019 г. 5,6 млрд долл.³⁰. Приведённые данные свидетельствуют не о том, что роль и значение четырёх ведущих экономик ЕС для американской торговли сокращается, а о расширении связей США с остальными участниками интеграционного объединения.

Таблица 6. География американского экспорта и импорта услуг в 2000-2019 гг. (млрд долл.)

Table 6. Destination of U.S.' export and import of services in 2000-2019 (bln \$)

Экспорт услуг из США в ЕС						
	Франция	Германия	Италия	Великобритания	Другие страны ЕС	ЕС
2000	10,4	15,9	5,6	32,5	30,1	94,7
2005	12,6	20,4	6,9	44,6	46,2	130,7
2010	17,9	26,5	8,4	55,8	76,3	184,9
2015	19,8	31,1	8,3	70,2	106,1	235,5
2019	22,4	36,6	9,6	78,3	132,0	279,0
Импорт услуг в США из ЕС						
	Франция	Германия	Италия	Великобритания	Другие страны ЕС	ЕС
2000	11,3	16,7	6,5	26,8	22,9	84,3
2005	13,4	24,3	8,5	32,4	34,7	113,4
2010	17,7	31,3	8,9	44,5	47,7	150,2
2015	17,8	33,4	9,3	56,4	60,2	177,1
2019	20,4	34,9	12,1	62,3	78,5	208,3

Источник: U.S. Trade in Goods and Services. International trade in goods and service. Bureau of economic analysis. U.S. Department of commerce. 2019. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (accessed 7.10.2020).

Американский экспорт услуг в ЕС постоянно увеличивается, однако положительное торговле сальдо по услугам не покрывает дефицита торговли товарами. В абсолютном выражении стоимость американского экспорта услуг в ЕС в 2000 г. составляла 94,6 млрд долл., к 2019 г. показатель увеличился в 2,9 раза, стоимость американского импорта услуг из ЕС за тот же период увеличилась с 84,3 млрд долл. до 209,84 млрд долл. Более чем двукратный рост американского экспорта услуг имел место в торговле с Францией, Германией и Великобританией, а в остальные страны ЕС – даже в 4,4 раза. Значительный вес Великобритании

³⁰ U.S. Trade in Goods and Services. International trade in goods and service. 2019. *Bureau of economic analysis. U.S. Department of commerce.* URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (accessed 7.10.2020).

в структуре американской торговли услугами сохраняется, главным образом, благодаря статусу Лондона как мирового финансового центра. В США финансовым центром глобального значения является Нью-Йорк. Оба центра тесно связаны между собой, более того, они постоянно соперничают: первое место на протяжении нескольких последних лет сохраняется за Нью-Йорком, второе место занимает Лондон³¹.

За период после 2000 г. увеличение объёма американского экспорта услуг происходило по нарастающей (см. Табл. 7).

Таблица 7. Экспорт и импорт услуг США в/из ЕС в 2000-2019 гг. (млрд долл.)
Table 7. Structure of U.S.' export and import of services in/from EU in 2003-2019 (bln \$)

	2000	2005	2010	2015	2019
Американский экспорт услуг в ЕС	94,7	130,7	184,9	235,5	279,0
Обслуживание и ремонт	н/д	н/д	3,9	5,7	9,3
Транспортные услуги	11,7	15,8	21,2	24,4	27,3
Туризм и образование	25,4	24,3	31,6	40,3	38,9
Страхование	1,1	2,3	3,6	4,1	4,0
Финансовые услуги	н/д	н/д	28,6	34,2	43,0
Платежи/поступления за использование прав интеллектуальной собственности	22,1	26,9	35,3	43,0	44,8
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	н/д	н/д	10,1	13,6	18,3
Другие бизнес услуги	н/д	н/д	40,0	57,9	80,5
Американский импорт услуг из ЕС	84,3	113,3	150,2	177,1	208,3
Обслуживание и ремонт	н/д	н/д	2,9	3,7	3,8
Транспортные услуги	19,9	28,3	30,6	35,0	37,5
Туризм и образование	23,3	25,0	27,4	29,7	42,1
Страхование	4,5	9,7	13,1	11,3	9,3
Финансовые услуги	н/д	н/д	10,6	15,9	18,0
Платежи/поступления за использование прав интеллектуальной собственности	6,8	10,0	14,6	15,9	20,1
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	н/д	н/д	9,3	9,4	14,0
Другие бизнес-услуги	н/д	н/д	30,2	43,5	47,5

Источник: U.S. Trade in Goods and Services. International trade in goods and service. Bureau of economic analysis. International transactions tables. U.S. Department of commerce. 2019. URL: https://apps.bea.gov/international/bp_web/tb_download_type_modern.cfm?list=144&RowID=30672 (accessed 7.10.2020)

Международная торговля коммерческими услугами развивается опережающими темпами: более 50% её стоимости приходится именно на учреждение коммерческого присутствия компании-нерезидента в стране оказания услуг. По данным ВТО, в 2007-2016 гг. поступления (доходы) и платежи (расходы)

³¹ *The Global Financial Centres Index (GFCI 27)*. URL: <https://www.zyen.com/publications/public-reports/global-financial-centres-index-27/> (accessed 7.10.2020).

основных стран-экспортёров и импортёров услуг методом коммерческого присутствия аффилированных предприятий иностранных ТНК и ТНБ следовали повышательной динамике. С 2007 по 2016 гг. поступления от американских зарубежных аффилированных предприятий от продажи коммерческих услуг в странах их базирования увеличивались в среднем за год в 1,6 раза, в среднегодовом исчислении они составили 1094 млрд долл. Платежи США за полученные от иностранных предприятий на территории США услуги выросли с 895 до 9004 млрд долл. В 2016 г. доходы, полученные аффилированными предприятиями США за рубежом, составили 1456,3 млрд долл., из которых 46,0% приходится на страны ЕС, 8,0% – на Канаду, 5,3% – на Сингапур, 5,1% – на Швейцарию и 4,9% – на Японию. Расходы США на оплату услуг, оказываемых аффилированными предприятиями иностранных ТНК и ТНБ на территории США, в 2016 г. составили 977,5 млрд долл., 52,2% из которых пришлось на ЕС, 16,2% – на Японию, 11,1% – на Канаду, 4,9% – на Швейцарию, 2,6% – на Бермудские острова³².

Структура основных импортёров услуг в США из стран ЕС за 19 лет претерпела значительные изменения. Прежде всего, обращает на себя внимание увеличение импорта услуг из «других стран» кроме Франции, Германии, Италии и Великобритании (см. Табл. 6). Стабильное положение Великобритании в качестве поставщика услуг в США (около 30% на протяжении 19 лет), видимо, пошатнётся в результате Брекзита. К тому же в самой Великобритании начался пересмотр внешнеторговой и таможенно-тарифной политики. К настоящему времени США и Великобритания подписали соглашения о торговле вином (*U.S. – UK Agreement on Trade in Wine – 2019*), о взаимном признании ряда дистиллированных алкогольных/спиртных напитков (*U.S. – UK Agreement on Mutual Recognition of Certain Distilled Spirits/Spirits Drinks – 2019*), о взаимном признании сертификатов на морское оборудование (*Agreement Between the U.S. – UK on the Mutual Recognition of Certificates of Conformity for Marine Equipment – 2019*).

Среди стран ЕС главными партнёрами в торговле товарами выступают Франция, Германия, Италия и Великобритания. В инвестиционном сотрудничестве с США лидируют Нидерланды, Ирландия, Великобритания и Люксембург.

То обстоятельство, что в торговых отношениях с США выделяется группа явно выраженных лидеров, свидетельствует, что Вашингтон не склонен рассматривать ЕС как целостный и единый субъект мирового хозяйства; он выстраивает экономические связи, исходя из индивидуальных характеристик каждого члена интеграции. Хотя доля «других стран» постепенно увеличивается, основой вес торгового сотрудничества ложится на ограниченное число участников ЕС.

Политика протекционизма не сказалась на главных характеристиках торговли США с Евросоюзом: продолжился рост товарооборота, сохранилось доминирование «узкого набора стран». В краткосрочном периоде можно кон-

³² World Trade Statistical Review – 2019. *World Trade Organization*. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statistics/wts2019_e/wts2019_e.pdf (accessed 7.10.2020).

статировать эффективность этой политики, которая позволила сократить внешнеторговый дефицит США, пусть даже незначительно. Несмотря на то, что вопрос о создании зоны свободной торговли ТТИП снят с повестки дня, поиск путей оптимизации взаимной торговли остаётся открытым.

В настоящее время при росте показателей международных экономических отношений (объём внешней торговли товарами и услугами, прямых иностранных инвестиций, масштаб международной миграции и т.д.), глобализация и либерализация привели к усилению международной конкуренции, росту развивающихся экономик, ротации позиций стран в международных рейтингах (мировых экспортёров и импортёров товаров и услуг, в частности) и на мировых рынках, появлении новых сильных игроков, «разочаровании» в интеграции и запуске дезинтеграционных процессов (в случае ЕС). Всё это свидетельствует о том, что глобализация перестаёт отвечать интересам развитых экономик, вынуждая их пересматривать свою внешнеэкономическую деятельность.

Д. Трамп кардинально изменил принципы внешнеэкономической политики США. Агрессивная торговая политика администрации президента в краткосрочном периоде привела к сокращению торгового дефицита, но не устранила его. Вопрос об иных потенциальных и эффективных способах решения проблемы остаётся открытым.

Первые результаты «торговой войны» с Китаем, которая была развязана американской стороной, стали предпосылкой для возможного торгового конфликта с ЕС, последствия которого могли быть плачевны для мировой экономики (напомним, США рассматривали возможность повысить импортные пошлины на более чем 400 товарных позиций европейского импорта до 100%, и в этом случае весьма высокой была вероятность эскалации американо-европейской «торговой войны»). Вашингтон проводит двойственный курс: с одной стороны, следуя политике протекционизма, повышает импортные пошлины, пересматривает своё членство в интеграционных блоках, а с другой стороны, рассчитывает на развитие экономических связей с партнёрами, пренебрегая их интересами.

Анализ динамики американо-европейской торговли за 19 выбранных лет показывает, что четыре страны ЕС представляют интерес для США: Франция, Германия, Италия и Великобритания. В 2020 г. Великобритания покинула ЕС, что, очевидно, приведёт к перераспределению долей Франции, Италии и Германии в структуре торговли с США, а также, с учётом подписанных американо-британских соглашений, может способствовать росту показателей американо-английской торговли. Постепенно расширяется торговля с другими членами Евросоюза. Одним из главных препятствий на пути дальнейшего развития в американо-европейской торговли остаются таможенно-тарифные и нетарифные барьеры. Торговое соглашение США с ЕС включено в «Повестку торговой политики США на 2020 г.», что даёт основания ожидать продолжения переговорного процесса, хотя бы с изменением принципов сотрудничества в складывающихся условиях.

Об авторах:

Юлия Александровна Коновалова – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, секретарь журнала «Вестник РУДН». Серия: Экономика, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: konovalova_yua@pfur.ru

Степан Андреевич Ушанов – старший эксперт Группы по расследованию мошенничества и содействию в спорных ситуациях Ernst and Young, 115035, Москва, Садовническая набережная, 77, стр. 1.

E-mail: UshanovSA@gmail.com

Иван Сергеевич Зарубин – консультант Торгового представительства Российской Федерации в Республике Болгария, 1113, Болгария, София, ул. Фредерик Жолио Кюри, 23.

E-mail: polnorbns@gmail.com

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: June 15, 2020
Accepted: August 17, 2020

US - EU Trade Cooperation in the Context of Changing American Foreign Economic Policy

Yu.A. Konovalova, S.A. Ushanov, I.S. Zarubin
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-31-54](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-31-54)

People's friendship university of Russia
Ernst and Young
Trade Representation of the Russian Federation in Republic of Bulgaria

Abstract: The article examines changing dynamics and structure of US foreign trade with the EU countries, caused by the changes in US foreign trade policy after D. Trump came to power. The United States sets the general mood in the system of international economic relations, and in particular, in international trade. The strengthening of protectionism, the growth of disintegration processes (revision of the conditions of NAFTA / USMCA, US withdrawal from the TPP, stopping negotiations on the TTIP) is the response of Trump administration to the challenges faced by the United States. Globalization and liberalization have ceased to meet the interests of the American economy, which has led to a revision of the ideological foundations and practice of foreign economic activity.

Statistics show that the United States' economic interest in the EU comes from the competitive advantages of individual EU countries. There is a possibility of continuing disintegration in the European Union, since after Brexit the Netherlands and other countries expressed the idea of leaving the Union. This will play into the hands of the United States, which is interested not in a strong united Europe, but in increasing the effectiveness of bilateral ties

with individual countries of the European Union. The main conclusion of the study is the following: the globalization process and the interdependence of economies have weakened, and regardless of the results of the presidential elections, regardless of whether the United States will continue to pursue a policy of protectionism and conduct "trade wars", whether the crisis of 2020-2021 predicted by UNCTAD and IMF will come true, the EU and the US will be forced to seek compromises and revise the conditions for reformatting the failed TTIP.

Keywords: foreign trade policy, bilateral level of cooperation, USA, EU, trade of goods and services, cooperation, export and import, structure of foreign trade

About the authors:

Yulia A. Konovalova – Candidate of Science (in Economics), the head teacher of the International economic relations Department, Peoples friendship university of Russia (6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation). E-mail: konovalova_yua@pfur.ru

Stepan A. Ushanov – expert in the Department of Investigation of financial fraud and assistance in disputable situations, Ernst and Young (77 build. 1, Sadovnicheskaya nab., Moscow, 115035, Russian Federation). E-mail: UshanovSA@gmail.com

Ivan S. Zarubin – Consultant in the Trade Representation of the Russian Federation in Republic of Bulgaria (1113, Bulgaria, Sofia, Joliot Curie Str., 23). E-mail: polnorbns@gmail.com.

Conflict of Interests: The authors declare absence of conflict of interests.

References:

- Chase P., Sparding P., Mukai Y. 2018. *Consequences of US Trade Policy on EU – US trade Relations and the Global Trading System*. 54 p.
- Finbow R.G. 2018. Can Transatlantic Trade Relations Be Institutionalised after Trump? Prospects for EU – US Trade Governance in the Era of Antiglobalist Populism. *Institutionalisation beyond the Nation State*. P 187-211. DOI: 10.1007/978-3-319-50221-2_12
- Heinemann F., Olbert M., Pfeiffer O. and other. 2018. Implications of the US Tax Reform for Transatlantic FDI. *Intereconomics*. №53. P. 87–93. DOI: 10.1007/s10272-018-0727-6
- Jungmittag A., Welfens P.J.J. 2020. EU – US trade Post-Trump Perspectives: TTIP Aspects Related to Foreign Direct Investment and Innovation. *International Economics and Economic Policy*. Vol. 17. P. 259–294. DOI: 10.1007/s10368-020-00459-1
- Koeth W. 2019. *From 'Global Europe' to Trade Defence: the EU Responds to Trump and China*. URL: <https://www.eipa.eu/wp-content/uploads/2019/01/From-Global-Strategy-to-trade-defence.pdf> (accessed 7.10.2020)
- Komarek L. 2013. Structural Changes in the Foreign Trade of Hungary and the European Union. *Review on Agricultural and Rural Development*. 2(2). P. 521-529.
- Motofei C. 2017. Foreign Trade Evolutions in the European Union. *International Journal of Academic Research in Accounting, Finance and Management Sciences*. 7(2).P. 156-163. DOI: 10.6007/IJARAFMS/v7-i2/2926
- Nicolaidis P.A., Roy T. 2017. Brexit and Trade: Between Facts and Irrelevance. *Intereconomics*. Vol. 52. P. 100–106. DOI: 10.1007/s10272-017-0654-y
- Reinert E.S. 2007. *How Rich Countries Got Rich... And Why Poor Countries Stay Poor*. Anthem Press India and Third World Network. 398 p.
- Sawyer W.C. 2017. *U.S. International Trade Policy: An Introduction*. Praeger. 266 p.
- Stelzenmüller C. 2019. *The Trump Challenge and Europe's Inadequate Response*.

Swenson D.L. 2007. Firm outsourcing decisions: Evidence from US foreign trade zones. *Economic Inquiry*. 38(2). DOI: 10.1111/j.1465-7295.2000.tb00012.x

Davydov A.Y. 2017. Soedinennye Shtaty i mirovye dvizhenie kapitalov [The United States and the World Financial Flows]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. 7(571). P. 26-41. (In Russian)

Dynkin A.A. 2018. V poiskah novoj arhitektury miroporjadka [In a Search of New Global Order Architecture]. *Nauchnye trudy vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. 210(2). P. 233-239. (In Russian)

Dynkin A.A. 2020. Mezhdunarodnaja turbulentnost' i Rossija [International Turbulence and Russia]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 90(3). P. 208-219. (In Russian)

Grinin L.E. 2019. Sem' slabostej Ameriki v jepohu Donal'da Trampa [Seven Weaknesses of America in the Era of Donald Trump]. *Arrigievskie chtenija po teme: «Global'nyj haos sovremen-nogo miroustrojstva: sushhnost', razvitie i puti preodolenija. Problemy mirovogo pereustrojstva v uslovijah trojnogo perehodnogo perioda»*. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Institut jekonomiki i upravlenija Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.S. Turgeneva. P. 189-210. (In Russian)

Gusakov N.P. 2011. Rossija i global'nye vyzovy [Paradoxes of Globalization and Challenges for Russia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Jekonomika*. №5. P. 9-15. (In Russian)

Ivanov V., Malineckij G. 2020. Postindustrial'noe obshhestvo, postliberal'naja real'nost' i novaja globalizacija [Post-Industrial Society, Post-Liberal Reality and new Globalization]. Researcher. *European journal of humanities and social sciences*. 3(1). P. 11-26. (In Russian)

Kondratyeva N.B. 2017. Transatlanticheskoe partnerstvo ES-SShA: perspektivy [The U.S. - EU Transatlantic Partnership: prospects]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 61(8). P. 5-13. (In Russian)

Kondratyeva N.B. 2017. O sud'be Transatlanticheskogo torgovogo i investicionnogo partnerstva ES - SShA [The Fate of the Negotiations on the Transatlantic Trade and Investment Partnership EU - USA]. *Sovremennaja Evropa*. 1(73). P. 138-143. (In Russian)

Kutsyk V.I., Kozlova Y.I. 2018. US Foreign Trade: State, Structure, Directions and Trends of Development. *Entrepreneurship and Trade*. Vol. 23. DOI: 10.36477/2522-1256-2018-23-03. (In Ukrainian)

Menshikova A.M. 2019. Prioritety vneshnejekonomicheskoy politiki D. Trampa: celi i rezul'taty [Priorities of Foreign-Economic D. Trump's Policy: Stated Goals and Reached Results]. *Rossija i Amerika v XXI veke*. №1. (In Russian)

Pogorleckij A.I. 2018. Nalogovaja reforma v SShA: global'nye posledstvija i vozmozhnoe vlijanie na rossijskuju nalogovuju politiku [Tax Reform in the USA: Global Consequences and Possible Impact on the Russian Tax Policy]. *Izvestija DVFU. Jekonomika i upravlenie*. №2. P. 55-67. (In Russian)

Portanskij A.P. 2017. Prihod Trampa menjaet perspektivy mezhdunarodnoj torgovli [Trump Presidency Changes Prospects of International Trade]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. 11(575). P. 83-96. (In Russian)

Portnoj M.A. 2020. Vneshnetorgovye deficity SShA – politika Trampa i obektivnye realii [Trade deficits: Trump's policy vs actual realities]. *Finansovaja jekonomika*. №1. P. 72-77. (In Russian)

Prikhodko O.V. 2017. SShA i Evropa: v poiskah otvetov na novye vyzovy [The U.S. and Europe: Responding to New Challenges]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. 5(569). P. 5-22. (In Russian)

Prikhodko O.V. 2018. Vneshnjaja politika D. Trampa i evropejskie sojuzniki SShA [The Donald Trump Foreign Policy and Europe Allies]. *Rossija i Amerika v XXI veke*. №2. (In Russian)

Prikhodko O.V. 2019. Evroatlantskaja politika D. Trampa: osobennosti tekushhej povestki dnja [Trump's Euro-Atlantic policy: main features of the current agenda]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. 49(11). P. 5-19. (In Russian)

Reshetnikova M.S. 2013. *Transformacija gosudarstvennoj innovacionnoj strategii KNR pod vlijaniem narastanija neopredelennosti mirovoj jekonomiki* [Transformation of Government Innovation Strategy of China under the Influence of Global Economy Uncertainty Growth]. *Dissertacija na soiskanie stepeni kandidata jekonomicheskikh nauk. Rossijskij universitet družby narodov*. (In Russian)

Reshetnikova M.S. 2019. Teoreticheskie aspekty problemy ustojchivosti mirovoj jekonomiki [Theoretical aspects of the global economy stability problem]. *Aktual'nye voprosy jekonomicheskikh nauk*. 21(1). P. 48-53. (In Russian)

Savinov Yu.A. 2019. Usilenie protekcionizma vo vneshnej torgovle SShA [Increased Protectionism in US Trade Policy]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. №1. P. 36-51. (In Russian)

Sidorov A.A. 2016. Transatlantskaja integracija i problemy konkurentosposobnosti razvityh stran [Transatlantic Integration and Developed Countries Competitiveness Problems]. *MGIMO Review of International Relations*. №3. P. 249-257. (In Russian)

Supyan V.B. 2019a. Gosudarstvo i jekonomika: variant D. Trampa [The State and Economy: D. Trump's Version]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. 49(5). P. 5-21. (In Russian)

Supyan V.B. 2019b. Nauchnye issledovanija v SShA: finansirovanie, struktura, rezul'taty [R&D in the USA: Funding, Structure and Results]. *Zhurnal novoj jekonomicheskij asociacii*. 1(41). P. 201-207. (In Russian)

Supyan V.B. 2020. Vneshnejekonomicheskie reformy D. Trampa: predvaritel'nyj itogi [President D. Trump's Foreign Economic Reform: Preliminary Results]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. 50(4). P. 5-22. (In Russian)

Ushanov S.A. 2017a. Mesto SShA v global'nyh potokah prjamyh inostrannyh investicij [Current position of the United States of America in the global flows of foreign direct investments]. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»*. 9(1). (In Russian)

Ushanov S.A. 2017b. Amerikanske transnacional'nye korporacii i voprosy vneshnejekonomicheskij bezopasnosti [The American Transnational Corporation and the Questions of External Economic Safety]. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»*. 9(3). (In Russian)

Ushanov S.A., Fedjakina L.N. 2019. SShA-Evropejskij Sojuz: osobennosti potokov vzaimnyh prjamyh inostrannyh investicij i problema repatriacii amerikanskogo kapitala [United States - European Union: Key Features of the Mutual Flows of Foreign Direct Investment and the Problem of the American Capital Repatriation]. *Vestnik Evrazijskoj nauki*. №6. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Гринин Л.Е. 2019. Семь слабостей Америки в эпоху Дональда Трампа. *Арригивские чтения по теме: «Глобальный хаос современного мироустройства: сущность, развитие и пути преодоления. Проблемы мирового переустройства в условиях тройного переходного периода»*. Материалы международной научно-практической конференции. Институт экономики и управления Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. С. 189-210.

- Гусаков Н.П. 2011. Россия и глобальные вызовы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. № 5. С. 9-15.
- Давыдов А.Я. 2017. Соединенные Штаты и мировое движение капиталов. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 7(571). С. 26-41.
- Дынкин А.А. 2018. В поисках новой архитектуры миропорядка. *Научные труды вольного экономического общества России*. 210(2). С. 233-239.
- Дынкин А.А. 2020. Международная турбулентность и Россия. *Вестник Российской академии наук*. 90(3). С. 208-219.
- Иванов В., Малинецкий Г. 2020. Постиндустриальное общество, постлиберальная реальность и новая глобализация. *Researcher. European journal of humanities and social sciences*. 3(1). С. 11-26.
- Кондратьева Н.Б. 2017а. О судьбе Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства ЕС - США. *Современная Европа*. 1(73). С. 138-143.
- Кондратьева Н.Б. 2017в. Трансатлантическое партнерство США-ЕС: перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*. 61(8). С. 5-13.
- Меньшикова А.М. 2019. Приоритеты внешнеэкономической политики Д. Трампа: цели и результаты. *Россия и Америка в XXI веке*. № 51. С. 4.
- Погорлецкий А.И. 2018. Налоговая реформа в США: глобальные последствия и возможное влияние на российскую налоговую политику. *Известия ДВФУ Экономика и управление*. № 2. С. 55-67.
- Портанский А.П. 2017. Приход Трампа меняет перспективы международной торговли. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 11 (575). С. 83-96.
- Портанский А.П. 2019. США – Европа: союзнические отношения под угрозой. *Современная Европа*. 6 (92). С. 30-40.
- Портной М.А. 2020. Внешнеторговые дефициты США – политика Трампа и объективные реалии. *Финансовая экономика*. № 1. С. 72-77.
- Приходько О.В. 2018. Внешняя политика Д. Трампа и европейские союзники США. *Россия и Америка в XXI веке*. № 2. С. 7.
- Приходько О.В. 2019. Евроатлантическая политика Д. Трампа: особенности текущей повестки дня. *США и Канада: экономика, политика, культура*. Т. 49. № 11. С. 5-19.
- Решетникова М.С. 2011. Теоретические аспекты проблемы устойчивости мировой экономики. *Актуальные вопросы экономических наук*. № 21-1. С. 48-53.
- Решетникова М.С. 2013. *Трансформация государственной инновационной стратегии КНР под влиянием нарастания неопределенности мировой экономики*. Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук. Российский университет дружбы народов. 158 с.
- Савинов Ю.А. 2019. Усиление протекционизма во внешней торговле США. *Российский внешнеэкономический вестник*. № 1. С. 36-51.
- Сидоров А.А. 2016. Трансатлантическая интеграция и проблемы конкурентоспособности развитых стран. *Вестник МГИМО-Университета*. № 3. С. 249-257.
- Супян В.Б. 2019а. Государство и экономика: вариант Д. Трампа. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 49(5). С. 5-21.
- Супян В.Б. 2019в. Научные исследования в США: финансирование, структура, результаты. *Журнал новой экономической ассоциации*. 1 (41). С. 201-207.
- Супян В.Б. 2020. Внешнеэкономические реформы Д. Трампа: предварительные итоги. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 50(4). С. 5-22.
- Ушанов С.А. 2017а. Место США в глобальных потоках прямых иностранных инвестиций. *Интернет-журнал «Науковедение»*. 9(1).

Ушанов С.А. 2017в. Американские транснациональные корпорации и вопросы внешнеэкономической безопасности. *Интернет-журнал «Наукоеведение»*. 9(3).

Ушанов С.А., Федякина Л.Н. 2019. США – Европейский союз: особенности потоков взаимных прямых иностранных инвестиций и проблема репатриации американского капитала. *Интернет-журнал «Вестник Евразийской науки»*. № 6.



Американо-японские торговые отношения на фоне кризиса глобализации

В.Г. Швыдко

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова Российской академии наук

Отношения между Японией и США демонстрируют существенные изменения. Хотя основное внимание приковано к военно-стратегическим аспектам, большее значение в глазах политических элит двух стран имеют торгово-инвестиционные связи и режим их регулирования. Трения между двумя странами по этому поводу имеют длительную историю, однако заметно обострились после прихода в Белый дом президента Д. Трампа. Торговые переговоры 2019 г. и заключение торгового соглашения по ограниченному кругу товарных позиций не привели к комплексному урегулированию имеющихся различий в подходах и разногласий по конкретным вопросам. Усиление конфронтации между США и КНР на фоне эпидемии коронавируса в начале 2020 г. временно вывели торговые трения между США и Японией из фокуса внимания американской президентской администрации, но в ближайшем будущем они вновь окажутся частью актуальной повестки двусторонних отношений и торговой политики США.

В Японии растут опасения, что долгосрочные сдвиги в мировосприятии и мироощущении американской политической элиты создают для интересов Японии дополнительные угрозы и сложности. Наибольшее беспокойство вызывает размывание в американском истеблишменте убеждённости в необходимости дальнейшей либерализации международной торговли и инвестиций на основе многосторонних соглашений и структур глобального и регионального масштаба. Есть основания полагать, что стремление администрации Д. Трампа переключить усилия на форсированное достижение и пересмотр двусторонних договоренностей с основными странами-партнёрами является долгосрочным сдвигом и сохранится при любом исходе президентских выборов в США.

Произошедшие изменения в японо-американских межгосударственных отношениях по поводу взаимных экономических связей подтверждают общую тенденцию к фрагментации международного торгово-инвестиционного режима, отказу от акцента на многосторонние глобальные и региональные платформы и переносу центра тяжести на ситуативные соглашения с чётко выраженными национальными целями и приоритетами.

Возможная смена политического руководства в обеих странах не изменит направленности этих процессов, которые отражают как характерные черты мировосприятия национальных элит, так и объективные интересы влиятельных бизнес-групп. Одновременно при определении внешнеэкономической политики растёт роль внеэкономических соображений, прежде всего соображений «национальной

УДК 327.8

Поступила в редакцию: 15.04.2020 г.

Принята к публикации: 02.09.2020 г.

безопасности». Это усиливает значимость дипломатического маневрирования и иных рычагов и форм влияния для согласования норм регулирования торговых и инвестиционных потоков, условий работы национальных и транснациональных компаний.

Ключевые слова: Япония, США, торговля и инвестиции, торговые трения, торговые соглашения, торгово-инвестиционный режим, многосторонние институты

Вторая половина 2010-х гг. отмечена серьёзными изменениями в торговой и инвестиционной политике ведущих развитых государств. Прежняя мейнстримная идеология формирования единого торгово-экономического пространства с унифицированными правилами регулирования трансграничных торговых и инвестиционных потоков, прежде всего посредством создания и развития многосторонних платформ и институтов, зримо утратила прежние доминирующие позиции. В международном политическом пространстве заметно ослаб императив выработки общих правил и «глобальных стандартов» международных торговых и иных экономических связей. Это же относится и к инициативам их скоординированного изменения для либерализации регулирования трансграничных потоков, повышения степени его прозрачности и однородности, уменьшения дискриминационности регулирования местного и иностранного капитала в сферах внешней торговли, инвестиций, доступа к ресурсам и рынкам. Охлаждение усилий государств в этом направлении затронуло не только деятельность глобальных институтов (ВТО), но и региональные платформы для содействия либерализации – АТЭС, Соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве, Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнёрство и др.

Одновременно усилились взаимные претензии стран-партнёров по поводу регулирования трансграничной деятельности экономических агентов. География растущих претензий включала в себя Европу (наиболее ярким проявлением возросшего недовольства стал Брекзит, а в 2020 г. – несогласованное восставление пограничного контроля во время вспышки эпидемии коронавируса), Азию (двусторонние торговые трения, возросшие сложности региональных многосторонних форматов), Северную Америку. США после смены президентской администрации в 2017 г. предъявили большинству своих торговых партнёров разнообразные претензии и требования. Наблюдается ужесточение регулирования иностранных инвестиций, а также контроля за экспортом товаров и технологий по соображениям «национальной безопасности» и борьбы с экономическим шпионажем.

Всё это позволило экспертам и исследователям поставить вопрос о переоценке доминирующей роли идеологии глобализации и либерализации в практике торговой и торгово-инвестиционной политики ведущих западных

государств. Соответствующие положения содержатся в получивших широкое публичное освещение работах Дугласа Ирвина (Irwin 2017; Irwin 2020), Джозефа Стиглица (Stiglitz 2018), Дэни Родрика (Родрик 2019) и др.

Новая торговая политика США, ассоциирующаяся (во многом весьма условно) с именем 45-го президента США Д. Трампа, стала предметом оживлённой дискуссии. В рамках последней постоянно сталкиваются два принципиально разных подхода. Представители первого полагают, что глобальный процесс либерализации и расширения трансграничной хозяйственной деятельности является магистральным направлением международного развития, а отмечаемые в последние годы заминки и возросшие трудности являются частью естественной самокоррекции процесса в связи с наличием у него негативных побочных эффектов. Последние порождают периодические всплески трудностей и временные откаты, подобные нынешнему, но не меняют логику и общее направление движения.

Другой подход видит фундаментальные основания для смены тенденции – если не в долгосрочной, то в среднесрочной перспективе. Его приверженцы полагают, что национальные элиты в развитых странах оказались не готовы расстаться с контролем над ситуацией в собственных странах, и тенденция к укреплению регулятивного начала на национальном, а не межгосударственном или, тем более, наднациональном уровне закрепится на достаточно длительный исторический срок. Соответственно, и перенос центра тяжести процесса регулирования торговых и инвестиционных потоков в рамках их глобальной и региональной картины на двусторонний уровень является устойчивым и сравнительно долгосрочным феноменом.

Изучение событий последних лет и актуализация знаний об эволюции торговой политики государств, активно участвующих в международных экономических обменах, являются важным элементом исследований мировой экономики на современном этапе. Этим вопросам посвящён ряд работ как экспертного, так и академического характера, авторы которых пытаются различными методами и с разных углов зрения осмыслить наблюдаемые в этой сфере изменения и новые явления, с тем чтобы определить степень фундаментальности и долгосрочности происходящих процессов и тем самым дополнить имеющееся научное знание о тенденциях эволюции мировой экономики. В русскоязычной литературе имеются серьёзные работы российских экономистов, стремящихся оценить наиболее значимые изменения в торговой политике развитых стран – в качестве примера можно назвать статьи С.С. Дмитриева (Дмитриев 2018), Е.В. Емельянова (Емельянов 2018), А.П. Портанского (Портанский 2018; Портанский 2019) и др.

Цель настоящей работы – проследить и оценить недавние изменения в межгосударственных отношениях по поводу торгово-инвестиционных обменов между двумя ключевыми странами развитого мира – США и Японии, занимающих по объёму ВВП соответственно первое и третье места в международной иерархии. Эти изменения ещё не стали объектом углубленного анализа в силу

незавершённости происходящих в настоящее время процессов¹. Вместе с тем они представляют несомненный интерес в плане научного изучения и первичного обобщения, поскольку экономические связи между США и Японией являются сегодня важным элементом глобальной системы хозяйственных связей в количественном и качественном отношениях. Элемент новизны представляемой статьи состоит в привлечении дополнительных первичных источников, введения в научный оборот новых фактов и их сопоставления с имеющимися аналитическими концепциями и гипотезами.

Для обобщения информации применялись методы сопоставления альтернативных источников, их экспертной оценки и ранжирования. При формулировании выводов исследования использовались возможности многоуровневого анализа и подтверждения авторских гипотез посредством верификации промежуточных прогнозных оценок.

Рабочая гипотеза, получившая подтверждение в результате исследования, состоит в том, что система регулирования международной торговли и других видов трансграничных деловых транзакций эволюционирует в сторону большей фрагментированности и ситуативности. Другими словами, наметился отход от прежнего стремления (во многом декларативного, но отчасти и реального) к крупным региональным и глобальным форматам и универсальности применяемых правил. На смену ему приходит практика индивидуальных (*ad hoc*) договорённостей, опирающихся на непрозрачные формы контактов и использование различных рычагов влияния на контрагентов.

Главный вывод, вытекающий из изучения изменений в подходах США и Японии к регулированию взаимной торговли, состоит в том, что они укладываются в рамки вышеописанной тенденции и подтверждают её валидность. Вторым выводом является утверждение, что внешняя персонализация японо-американских отношений, в том числе в этой области, не является сущностным явлением и не будет иметь долгосрочных последствий. И, наконец, третий вывод заключается в положении, что мотивы национальной безопасности, не всегда совпадающие с мотивами экономического целеполагания или коммерческими соображениями, играют сегодня в этих отношениях более существенную, чем ранее, роль.

Текст статьи сгруппирован в соответствии с хронологической последовательностью. Вначале кратко рассмотрен исторический контекст, в котором развивается нынешний раунд поиска новых инструментов регулирования взаимных торгово-экономических связей. Затем приводится обзор событий и явлений, положивший ему начало в период смены президентской администрации в США и непосредственно после неё. Третья часть посвящена промежуточному («ограниченному») торговому соглашению между двумя странами, вступивше-

¹ Вопросы этих отношений на предшествующем этапе освещались в отечественной научной литературе, в частности С.В. Емельяновым и К.О. Чудиновой (Емельянов, Чудинова 2017).

му в силу в 2020 г. Наконец, четвёртая часть вписывает события двусторонних отношений между Японией и США в более широкий политический и международный контекст и содержит оценку вероятного влияния наметившихся сдвигов на японский бизнес в средне- и долгосрочной перспективе. Закljučают работу общие положения, касающиеся эволюции международной системы регулирования торгово-инвестиционных связей, нашедшие отражение в предмете настоящего исследования.

Японо-американские «торговые трения» в контексте истории последних десятилетий

Последние годы принесли мировой экономике феномен обострения торговых трений, или «торговых войн», как их чаще образно называют в неакадемических изданиях. Более того, если отвлечься от темы пандемии коронавируса, которая в начале 2020 г. стала темой №1 для всех мировых деловых СМИ, «торговые войны» однозначно расцениваются как главная угроза развитию мировой экономики на ближайшие годы и более отдалённую перспективу.

Принято считать, что все последние 50 лет были периодом постепенного процесса – и прогресса – глобализации. Действительно, в течение всего этого периода международный обмен как результатами экономической деятельности в виде товаров и услуг, так и производственными факторами (капитал, технологии, труд) постоянно рос, приобретая всё большую значимость для поддержания динамизма национальных экономик. В первую очередь это относилось к тем из них, что показывали темпы роста, превышающие средние показатели, и тем самым перемещались вверх по шкале относительного уровня развития и абсолютного богатства. В подавляющем большинстве случаев они полагались на активное расширение торговли с внешним миром, главным образом с более развитыми странами, и на привлечение иностранного капитала вкупе с привносимыми им новыми технологиями. Случаев, когда аналогичный результат приносила бы линия на самоизоляцию, опора исключительно на внутренние ресурсы, в современной истории не было и, скорее всего, не будет. Соответственно, все национальные властные элиты, озабоченные экономической модернизацией и повышением на этой основе своей значимости в глобальной иерархии, активно способствовали интернационализации своих экономик, даже если не афишировали это как сознательную стратегию или политический приоритет.

В полной мере сказанное применимо и к Японии. Именно внешняя торговля, а впоследствии и трансграничные финансовые потоки стали тем рычагом, который позволил японскому бизнесу, в первую очередь крупным частным корпорациям, нарастить свои финансовые и технологические ресурсы, позволившие стране войти в состав развитой части мира на основе собственного предпринимательства и капитала, постепенно и органично переросшего национальные границы. Именно внешняя торговля позволила японским компаниям

получить ресурсы для технологического рывка, поставившего их вровень с традиционными отраслевыми лидерами, выращенными усилиями американского и европейского капитала.

При этом главным внешним рынком для японских компаний всё это время был рынок США, который являлся не только важнейшим источником спроса на их продукцию², но и ключевым источником компетенций и технологий, позволивших им выйти на высокий по меркам развитого мира уровень производительности и конкурентоспособности. Без тесных отношений с США, без возможности использовать их в качестве площадки для зарабатывания дохода, с одной стороны, и источника модернизирующих знаний и технологий – с другой, не было бы и Японии в её современном виде – как мощной и гибкой экономики с высоким уровнем доходов населения и значительным объёмом компетенций для дальнейшего роста. Соответственно, отношения с США всегда находились в центре внимания японского политического класса и правительственных институтов.

Понятно, что общественное внимание традиционно было приковано главным образом к политической стороне отношений – вхождению Японии в систему американских военно-политических союзов с подписанием двумя странами «договора безопасности» (Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности) и официальным провозглашением «альянса»; созданию механизмов «координации» военной и оборонной политики (насколько последняя была возможна в ситуации явного неравенства и неравноправия партнёров по альянсу); поиску возможностей для решения собственных задач в рамках признания американского военно-политического «лидерства».

Однако фактически для японских политиков более важным аспектом взаимных отношений всегда оставались условия экономических связей. Именно они, с одной стороны, создавали для Японии новые возможности, а с другой – позволяли ей гибко маневрировать и добиваться от США нужных для себя договорённостей и решений. Конкретнее, для японских компаний всегда было важным сохранять возможность как можно более беспрепятственно работать на американских рынках – как товарных, так и финансовых; в том числе посредством инвестиционных решений – через вхождение в капитал местных компаний и открытие там собственных дочерних компаний и филиалов. Одновременно перед ними стояла задача не выходить на принцип зеркальности: внутренний рынок должен был оставаться защищённым до такой степени, до какой это было необходимо для выживания и развития японского бизнеса практически по всему отраслевому спектру. Исключение составляли лишь какие-то уникальные «нишевые» продукты, или отрасли, в которых опора на импорт была неизбежным и неустранимым явлением (например, авиастроение, базовые про-

² Доля США в географическом распределении японского экспорта в середине 1980-х гг. подбиралась к 40% (См. Bergsten, Ito, Noland 2001: 115).

граммные продукты и т.п.). В остальном же ставилась задача максимально расширить рыночные сегменты, в которых бы лидировали собственные, а не американские (или европейские) компании.

Следствием такого подхода был определённый дисбаланс в общей степени открытости рынков и, во многом как следствие этого, неравновесие экспортно-импортных потоков во взаимной торговле. В подобных условиях потоки японских товаров в США не могли быть уравновешены товарным импортом из Соединённых Штатов, и торговый баланс для Японии в течение всего периода высоких темпов роста японской экономики был профицитным, да и последовавший позже переход к умеренным, а потом и к низким темпам роста не изменил этой ситуации.

Одновременно баланс движения капитала в рамках взаимных связей складывался таким образом, что японские прямые инвестиции в США сильно превосходили потоки в противоположном направлении. Это отражало, главным образом, стремление японского правительства ограничить проникновение иностранных компаний на внутренние рынки, а в качестве канала импорта технологий преимущественно использовать филиалы и дочерние структуры японских компаний в США и Западной Европе.

Формально приветствуя иностранные инвестиции и сопутствующие им товарные потоки, на деле японское правительство сохраняло значительные рестрикции и после официальной либерализации иностранных инвестиций в 1970 г.³ Официальные доклады ВТО, посвящённые эволюции торговых практик индивидуальных стран-членов организации (так называемые «Доклады о торговой политике» (*Trade Policy Reports*)) и в 1990-е, и в 2000-е гг. неизменно отмечали явное несоответствие между статусом Японии как одного из крупнейших источников прямых зарубежных инвестиций и очень скромными показателями объёмов иностранных инвестиций в Японии.

Уже по одной только этой причине (а были ещё и другие) история японо-американских торговых отношений не была безоблачной. После того как во второй половине 1960-х гг. баланс двусторонней торговли стал для США хронически дефицитным, Соединённые Штаты периодически выдвигали обвинения Японии в использовании нечестных методов поощрения собственного экспорта и представляли этот вопрос как большую политическую проблему, подлежащую урегулированию на государственном уровне. В начале 1970-х гг. США инициировали переговоры по вопросам японского экспорта текстильной продукции, а на неуступчивость японского правительства ответили введением повышенных пошлин на основании закона 1917 г. «О торговле с враждебными государствами» (*Trading with the Enemy Act*). Во второй половине 1970-х гг.

³ Hoekman B.M.; English P., Mattoo A. 2002. Development, trade and the WTO : a handbook (English). Washington, DC: World Bank. P.355. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/805981468763835259/Development-trade-and-the-WTO-a-handbook> (accessed 20.10.2020)

предметом американских претензий стал экспорт продукции японской сталелитейной промышленности. В обоих случаях споры и переговоры закончились принятием японской стороной «добровольных ограничений» своего экспорта соответствующей продукции в США.

В 1980-е гг. источником трений стал рост экспорта в США японской сельхозпродукции (рис, говядина, мандарины), бытовой электроники и автомобилей. Помимо добровольного ограничения экспорта США стали требовать от Японии мер по облегчению доступа американских компаний на японские рынки финансовых и страховых услуг, сельскохозяйственной продукции, а также продукции, закупаемой в рамках госзаказов. Постоянно поднимался вопрос о предположительно сознательном занижении курса японской валюты, что также, по утверждению американских официальных лиц, способствовало искусственной защите внутреннего рынка от конкурирующего импорта.

Несмотря на периодические ослабления подобных «торговых трений», эта тема и в последующие годы никогда полностью не исчезала из повестки японо-американских отношений. Вместе с тем степень болезненности вопроса о несбалансированности взаимной торговли (и, соответственно, степень настойчивости и категоричности требований США) в 2000-е гг. и в первой половине 2010-х гг. заметно снизилась. В значительной степени это было связано с деятельностью Всемирной торговой организации (ВТО) и её специализированных структур, которые взяли на себя урегулирование, а во многом и предотвращение обострений международных торговых споров, в том числе и американо-японских. ВТО сыграла большую роль в деполитизации торговых конфликтов и превращении их в рутинный предмет арбитража при помощи относительно независимых структур, наделённых для этого необходимыми полномочиями.

Однако в ещё большей степени причину этого можно усмотреть в победе концепции глобализации в качестве доминанты мировосприятия политико-экономической элиты США первого десятилетия нового века. Эта концепция интерпретировала традиционную американскую веру в глобальное лидерство Соединённых Штатов как возможность установления «либерального международного порядка» посредством руководящего влияния США на деятельность многосторонних экономических организаций всемирного или регионального масштаба. Надежда на то, что США с помощью таких организаций могут добиться универсализации своих представлений о желаемых нормах и правилах международной торговли и инвестиций в значительной степени вывела двусторонние отношения с основными партнёрами, включая Японию, из фокуса внимания президентской администрации в США.

Да и соответствующие японские правительственные ведомства в этот период в значительной степени переориентировались на работу с многосторонними структурами. С одной стороны, это была ВТО, в функции которой входил регулярный мониторинг работы Японии (как и других стран-членов этой организации) по снятию ограничений в области международной торговли и инвестиций

и консультации по спорным вопросам. С другой стороны, налаживалась работа в рамках региональных бюрократических структур типа АТЭС и, позднее, в формате переговорной группы для разработки соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП).

Более того, одним из главных мотивов большой активности японских представителей на переговорах о соглашении по ТТП было как раз стремление создать ещё один механизм смягчения торговых трений с США в виде многосторонних институтов в рамках будущего соглашения, которые бы разрешали неизбежные противоречия без их политизации в качестве повестки двусторонних отношений. Тем более что трудности в работе ВТО и появление новых проблемных областей (например, торговля цифровым контентом, охрана интеллектуальной собственности, механизмы урегулирования споров государства с иностранными инвесторами), для которых в рамках ВТО отсутствовала соответствующая институциональная инфраструктура, делали необходимым создание новых площадок для гибкого реагирования на реально возникающие и потенциальные конфликты в соответствующих областях.

При этом японские политики справедливо полагали, что многосторонние форматы объективно в большей степени соответствовали интересам относительно более скромных по величине и возможностям участников международной торговли, предоставляя последним шанс на выработку консолидированной позиции по отношению к США как самому крупному среди них субъекту.

Приход администрации Д. Трампа: новые запросы, подходы и решения

Очередное обострение трений вокруг торговых вопросов связано со сменой администрации в США в начале 2017 г. и с личностью Д. Трампа, еще с 1980-х гг. известного своими резкими обвинениями Японии в нечестных практиках. Трамп утверждал, что последняя сильно выигрывала от того, что он называл «несправедливыми торговыми сделками», и ещё во время его президентской кампании 2016 г. обещал в случае победы инициировать переговоры с Японией для изменения условий торговли в пользу Соединённых Штатов. Естественно, Япония была не единственной страной, в адрес которой звучали упрёки и требования пересмотреть сложившиеся практики, но было очевидно, что в случае реализации Трампом своих обещаний Япония окажется в первом ряду пострадавших от обещанного им натиска.

Несмотря на то, что накануне смены администрации в Белом доме в американском истеблишменте (и, как следствие, среди его зарубежных партнёров) преобладало ожидание того, что практическая политика нового президента будет намного более осторожной и взвешенной, нежели его предвыборная риторика, Д. Трамп довольно определённо взял курс на пересмотр договорённостей США практически со всеми основными экономическими партнёрами, в первую очередь с теми из них, кто имел крупное положительное сальдо в торговле с Со-

единёнными Штатами. Целью и условием подписания с ними новых договоров было объявлено стимулирование американского экспорта в эти страны через снижение ими таможенных и административных барьеров либо через увеличение госзакупок продукции американских компаний. В случае невыполнения выдвигаемых требований было обещано одностороннее повышение американских импортных пошлин.

Отказавшись от соглашения о зоне свободной торговли со своими североамериканскими соседями (NAFTA), новая администрация заменила его на новое трёхстороннее соглашение с Канадой и Мексикой, согласованное к концу 2018 г., но вступившее в силу лишь с июля 2020 г. Правда, по общему мнению экспертов, содержащиеся в нём изменения по сравнению с предшествующим соглашением оказались невелики с точки зрения дополнительных выгод для американских компаний. Тем не менее, начало практической реализации обещаний Д. Трампа пересмотреть все американские обязательства было положено.

В том же 2018 г. было пересмотрено торговое соглашение с Южной Кореей, главным образом в части условий сбыта в этой стране продукции американского автомобилестроения⁴.

В отношении КНР – главного источника торгового дефицита США – была занята крайне жёсткая линия. Она включала в себя массовое повышение пошлин на товарный импорт из КНР, санкции в отношении отдельных китайских компаний, обвинённых в недобросовестном поведении, и жёсткое требование подписать с США торговое соглашение, которое бы учло все озабоченности американской стороны в вопросах экономического взаимодействия с КНР и стало бы дорожной картой мер для устранения дисбаланса во взаимной торговле. Переговоры действительно начались, и после длительного периода поэтапного ужесточения взаимных ограничительных мер стороны вышли на подписание промежуточного соглашения, согласившись было воздержаться от дальнейших недружественных действий в отношении друг друга. С началом 2020 г., однако, новый рост напряжённости в отношениях и эскалация взаимных обвинений фактически свели на нет результат достигнутых договорённостей. По состоянию на начало лета 2020 г. США и КНР заняли непримиримые позиции, и шансы на реализацию достигнутых к концу 2019 г. компромиссных договорённостей практически исчезли.

Что же касается Японии, на которую в 2018-2019 гг. приходилось 8% совокупного торгового дефицита Соединённых Штатов⁵, то ещё до начала официальных переговоров по торговым вопросам японские компании серьёзно пострадали от введения США в 2018 г. повышенных пошлин на импорт алюминия

⁴ Полный текст обновлённого соглашения на английском языке размещён на сайте Торгового представительства США и доступен по ссылке: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus-fta/final-text> (accessed 20.10.2020)

⁵ Trade in Goods with Japan. *United States Census Bureau. Foreign Trade*. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5880.html#2019> (accessed 20.10.2020)

и стали. Попасть в список производителей, выведённых из-под действия новых пошлин, им не помог даже статус Японии как официального военно-политического союзника США.

В феврале 2019 г. американское министерство торговли официально представило президенту Трампу секретный доклад о возможности ограничения в США продукции автомобильной промышленности путём поднятия импортных пошлин⁶. Хотя содержание документа опубликовано не было, спустя три месяца после его представления президент Трамп сообщил, что определённая часть автомобильного импорта была охарактеризована авторами доклада как потенциальная угроза национальной безопасности, а это, в свою очередь, открывало путь для повышения соответствующих импортных пошлин без решения конгресса⁷. Трамп воздержался от принятия такого решения, распорядившись провести дополнительное изучение этого вопроса, с тем чтобы не создавать препятствия для переговоров с Европейским союзом и Японией о регулировании взаимной торговли, в том числе продукцией автопрома⁸. Вместе с тем он неоднократно и настойчиво давал понять, что японский автомобильный экспорт в США рассматривается нынешней администрацией как крупная проблема, и что вопрос о введении повышенных импортных пошлин как способа её решения остаётся в числе рассматриваемых опций.

Одновременно вновь начала звучать тема якобы несправедливой с точки зрения честной конкуренции «сознательной политики» Банка Японии по удержанию курса иены на возможно более низких значениях. Япония все последние годы неизменно присутствует (наряду с КНР, Южной Кореей, Индией, Швейцарией и ФРГ) в составляемом американским министерством финансов списке стран, подлежащих мониторингу на предмет возможного манипулирования валютными курсами. В качестве аргумента использовался и доклад Международного валютного фонда, который, например, утверждал летом 2019 г., что 35-40% суммы торговых дисбалансов международной торговли в 2018 г. представляли собой отклонение от естественного уровня, что может быть связано с завышенным курсом валют стран, имеющих крупные дефициты, прежде всего США, и, соответственно, с заниженным курсом валют их торговых партнёров⁹.

⁶ *Statement from the Department of Commerce on Submission of Automobiles and Automobile Parts Section 232 Report to the President*. URL: <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2019/02/statement-department-commerce-submission-automobiles-and-automobile> (accessed 20.10.2020)

⁷ Речь идёт о повышенных пошлинах, которые президент США в соответствии со ст. 232 закона 1962 г. «О расширении торговли» (*Trade Expansion Act*) имеет право вводить без одобрения конгресса в отношении тех видов импорта, которые, по заключению Министерства торговли, создают угрозу национальной безопасности.

⁸ *U.S.: White House Threatens Deadline for European Union and Japan to Restrict Auto Imports*. Situation Report. May 15. 2019 URL: <http://worldview.stratfor.com/situation-report/us-white-house-threatens-deadline-european-union-and-japan-restrict-auto-imports> (accessed 20.10.2020)

⁹ Shepardson D. *Trump administration won't turn over auto import probe report, defying Congress*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade/trump-administration-wont-turn-over-auto-import-probe-report-defying-congress-idUSKBN1ZK2A1> (accessed 20.10.2020)

⁹ External Sector Report: The Dynamics of External Adjustment. 2019. *International Monetary Fund*. Washington, DC, July. P. 14. Правда, Япония в докладе отнесена к группе стран, чья чистая внешняя позиция в целом соответствует базовым параметрам национальной экономики.

При этом встречные доводы японского правительства об отсутствии целенаправленного воздействия на курс иены со стороны Банка Японии во внимание не принимались.

В качестве мер, которые, по мнению американских официальных лиц, Япония должна принять, если она стремится нормализовать свою торговлю с Соединёнными Штатами, назывались: снижение пошлин на сельскохозяйственную продукцию; устранение регулятивных норм и стандартов, препятствующих расширению присутствия американских компаний на японских рынках услуг, главным образом информационно-коммуникационных, финансовых и интеллектуальных услуг (включая услуги, оказываемые государственным и муниципальным структурам); отказ от попыток воздействия на валютный рынок и либерализация регулирования иностранных инвестиций.

Этот набор требований с той или иной степенью интенсивности выдвигался Д. Трампом в течение всего периода его президентства, несмотря на регулярные «разъяснения» С. Абэ и других японских официальных лиц, утверждавших, что слабое присутствие американской продукции на соответствующих рынках мало связано с мерами их защиты, а японские инвестиции в США вносят большой вклад в поддержание занятости и обеспечивают немалые налоговые поступления в этой стране.

Не удалось японским функционерам убедить Д. Трампа и сотрудников его администрации и в том, что лучшим способом снять имеющиеся у США вопросы и претензии была бы ратификация ими разработанного при активном участии предшествующей американской администрации многостороннего соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве. Максимум, чего удалось добиться от Д. Трампа на этом направлении – абстрактные рассуждения о возможности США присоединиться к соглашению в некоем неопределённом будущем, если его содержание будет существенно «улучшено». И если поначалу С. Абэ заявлял, что не будет оставлять попыток «разъяснить» американскому президенту все преимущества соглашения, которое в слегка модифицированном виде вступило в силу без участия США, то в дальнейшем эта тема исчезла из официальной повестки.

На самом деле Д. Трамп никогда не делал секрета из своего отрицательного отношения к любым многосторонним договорам, которым он предпочитал двусторонние «хорошие сделки». За этим стояли и продолжают стоять серьёзные резоны: США как крупнейшая экономика (и, соответственно, крупнейший и наиболее диверсифицированный рынок) мира имеют возможность оказывать сильнейшее давление на любого отдельно взятого партнёра, и в меньшей степени способны это делать, когда им противостоит сплочённая многосторонняя коалиция. Именно поэтому США настояли на открытии в 2019 г. переговоров о двустороннем торговом соглашении с Японией.

Торговые переговоры и соглашение 2019 г.

Официальные позиции для начала переговоров были сформулированы в официальном релизе Торгового представительства США – правительственного агентства, уполномоченного вести торговые переговоры с иностранными правительствами – от 21 декабря 2018 г. В релизе было твердо обозначено намерение поставить в центр внимания переговорщиков тарифные и нетарифные барьеры, «на протяжении десятилетий создающие препятствия для американских экспортёров в ключевых секторах, в частности автомобилей, сельскохозяйственной продукции и услуг, что явилось причиной хронической несбалансированности взаимной торговли США с Японией»¹⁰.

Под нетарифными барьерами понимались в том числе меры регулирования в форме сертификации безопасности и соответствия экологическим нормам, в сфере трудовых и административных отношений, правила и процедуры государственных закупок и др.

Кроме того, область, на которую должны были распространяться переговоры, с точки зрения Вашингтона, должна была включать в себя меры защиты Японией прав иностранных инвесторов и интеллектуальной собственности; инструменты, искажающие действие конкуренции (государственное субсидирование, антимонопольное регулирование и др.); антикоррупционные нормы и практики, а также стандарты транспарентности регулятивных нормативных актов и процедур их принятия.

Отдельным положением было выделено предотвращение «манипулирования» курсом национальной валюты «в целях получения сравнительных преимуществ». Положение такого содержания администрация Д. Трампа объявила обязательным к включению в любые подписываемые ею торговые соглашения с иностранными правительствами¹¹.

Интенсивные переговоры правительственных делегаций, возглавлявшихся соответственно торговым представителем США Робертом Лайтхайзером и государственным министром Тосимицу Мотеги, начались весной 2019 г. и продолжались всё лето. При этом тактика японской стороны заключалась в том, чтобы максимально сузить предмет соглашения, по возможности ограничив его вопросами снижения таможенных пошлин. В качестве обоснования этой тактики приводилось желание провести переговоры и подписать соглашение в сжатые сроки, что в сложившейся ситуации совпало с мотивацией Д. Трампа, заинтересованного в том, чтобы добиться осязаемого результата до начала предвыборной кампании 2020 г.

¹⁰ United States-Japan Trade Agreement (USJTA) Negotiations. Summary of Specific Negotiating Objectives. 2018. *Office of the United States Trade Representative*. December URL: http://ustr.gov/sites/default/files/2018.12.21_Summary_of_U.S.-Japan_Negotiating_Objectives.pdf (accessed 20.10.2020)

¹¹ Currency manipulation rule to be included in any U.S.-Japan trade talk agreement, treasury secretary says. *The Japan Times*. 14.04.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/04/14/business/currency-manipulation-rule-included-u-s-japan-trade-talk-agreement-steven-mnuchin/> (accessed 20.10.2020)

В результате уже в конце сентября президент США и премьер-министр Японии Синдзо Абэ подписали совместное заявление об окончательном согласовании текста торгового соглашения по ограниченному кругу позиций взаимной торговли, которое было подписано уполномоченными представителями сторон 7 октября в Вашингтоне¹².

«Ограниченное» торговое соглашение касается главным образом импортных тарифов на продукцию сельского хозяйства и в основном воспроизводит позиции, согласованные в ходе переговоров о соглашении о Тихоокеанском партнёрстве. Согласно достигнутым договорённостям, после вступления соглашения в силу Япония полностью отменит пошлины на импорт из США ряда товарных групп (овощи, фрукты, зерно), годовые поставки которых на японский рынок составляют 1,3 млрд долл.¹³ На ряд позиций, включая свинину и говядину, Япония существенно снизит их единовременно, ещё на ряд (в частности, на мясо птицы и этанол) – поэтапно. По данным позициям американский экспорт составляет соответственно \$2,9 млрд и \$3 млрд долл. При этом Япония сохранит квоты, в рамках которых будет осуществляться беспошлинный ввоз пшеницы, а также право принять ограничительные меры в случае чересчур быстрого роста импорта американской свинины и говядины, а также некоторых менее значимых сельскохозяйственных товарных позиций.

В обмен на это японский сельскохозяйственный экспорт стоимостью \$ 40 млн будет попадать на американский рынок с нулевой пошлиной, будут облегчены условия экспорта в США японской говядины. Соединённые Штаты также снизят или устранят барьеры для ограниченного набора позиций японского промышленного экспорта, в том числе для ряда машинотехнических позиций.

Наконец, страны достигли согласия по поводу отдельного соглашения о торговле цифровыми продуктами (видео, музыка, электронные книги, программное обеспечение и игры), объём которой оценивается на сегодня приблизительно в 40 млрд долл. Соглашение предусматривает свободную и беспошлинную трансграничную торговлю этими продуктами, а также устанавливает запрет на обременение иностранных поставщиков таких продуктов дополнительными требованиями в виде локализации данных, раскрытия компьютерных кодов и алгоритмов и т.п., а также уплаты специальных налогов и сборов.

Ратифицированные японским парламентом ноябре-декабре 2019 г. и вступившие в силу в 2020 г., эти документы официально были заявлены как первый этап более широкого торгового соглашения между США и Японией, которое будет включать в себя меры, касающиеся также торговли услугами и трансграничные инвестиции. Япония в принципе не возражает против регламентирования

¹² Полный текст соглашения на английском языке размещён на сайте торгового представительства США и доступен по ссылке: <https://ustr.gov/countries-regions/japan-korea-arec/japan/us-japan-trade-agreement-negotiations/us-japan-trade-agreement-text> (accessed 20.10.2020)

¹³ Здесь и ниже объёмы торговли по соответствующим позициям приведены согласно публикации на сайте информационно-аналитической компании «Статфорд». URL: <https://worldview.stratfor.com/situation-report/us-japan-limited-trade-deal-includes-agricultural-industrial-tariff-reductions> (accessed 20.10.2020)

этих вопросов двусторонним соглашением, но не без оснований полагает, что переход от абстрактных принципов, по которым у сторон нет особых разногласий, к обсуждению конкретных регулирующих норм приведёт к разным трактовкам и большим трудностям в поиске взаимоприемлемых формулировок. По этой причине Токио настаивает на использовании договорённостей, уже достигнутых с предшествующей американской администрацией на переговорах о соглашении о Транстихоокеанском партнёрстве.

Что дальше? Перспективы и вызовы

Таким образом, первоначальные страхи относительно того, что Трамп может развязать против Японии масштабную торговую войну с широкими по охвату и крайне болезненными для японской экономики экономическими санкциями, пока не оправдались.

Тем не менее, риски для японской стороны в целом возросли. Первоначально предполагалось, что второй этап переговоров, который сосредоточится на оставшихся неурегулированными тарифных вопросах, главным образом связанных с торговлей продукцией автопрома, а также всем комплексом нетарифных ограничений, начнётся в 2020 г. и продлится не более четырёх месяцев. Однако с начала года внимание американской администрации постепенно переключилось на торговое, а затем и политическое противостояние с КНР, а также на борьбу с пандемией новой коронавирусной инфекции. В результате переход ко второму раунду торговых переговоров сильно затянулся и фактически выпал из актуальной политической повестки.

При этом японская сторона изначально не была расположена форсировать сложные обсуждения дискуссионных вопросов в этих потенциально конфликтных областях, тем более в условиях цейтнота в связи с президентскими выборами в США. Для неё важнее было отсутствие односторонних действий Соединённых Штатов в отношении тарифной защиты, прежде всего отказ от идеи повышения импортных пошлин на изделия автопрома под предлогом защиты интересов «национальной безопасности», которые в этом случае могут быть подняты до 25%. Тем более что при подписании «ограниченного соглашения» в октябре 2019 г. американская администрация так и не пошла навстречу желанию японской стороны и не дала чётких гарантий, что вопрос об этих пошлинах снят с повестки дня и в обозримом будущем рассматриваться не будет. Вместо этого американские официальные лица ограничились необязывающими заявлениями о том, что на данном этапе не рассматривают такой вариант действий. Подобные общие заверения в позитивном и конструктивном подходе не исключают, как это уже не раз бывало с администрацией Д. Трампа, резкого и неожиданного ужесточения позиции или отказа от ранее данных обещаний.

Однако более важным кажется другое. За последние три года, в течение которых японские официальные лица бились за налаживание конструктивных ра-

бочих отношений с новой американской администрацией, политические лидеры убедились, что возросшие трудности не связаны исключительно с личными особенностями Д. Трампа. С японской стороны возникла более фундаментальная тревога: серьёзные сомнения возникли относительно готовности американской элиты как таковой мириться с неблагоприятными для США побочными эффектами глобализации. В Японии видят и понимают, что линия на ужесточение позиции США по отношению к своим торговым и даже геополитическим партнёрам поддерживается в целом и политическим классом, и бизнесом. Есть, конечно, в Соединённых Штатах и критические голоса, но эта критика исходит в основном от журналистов и представителей академических кругов, в то время как политики, в том числе и те, кто жёстко оппонирует Д. Трампу и его администрации, по этому вопросу склонны разделять мнение действующего президента. Не говоря уже о том, что в правящей партии, включая её часть, не связанную непосредственно с нынешней администрацией, никакого раздражения, тем более открытого неприятия занятой Д. Трампом позиции по торговым вопросам не ощущается.

Хотя это и не принято произносить публично, но японскую политическую элиту сильно впечатлил тот факт, что нестандартно резкая изоляционистская риторика не только не закрыла для Трампа путь к выдвижению в кандидаты в президенты от республиканской партии, но и, похоже, способствовала ему. Как пишет профессор Токийского университета Фумиаки Кубо, «хотя это выдвижение могло быть лишь случайностью, остаётся вопрос: что может произойти, если в 2024, 2028 или 2032 г. появится другой кандидат, имеющий аналогичные политические взгляды по поводу нелегальных иммигрантов, международной торговли и внешней политики, но наделённый большей принципиальностью и знанием деталей? Одна уже мысль о подобных сценариях является для Японии долгосрочным поводом для озабоченности»¹⁴.

Следует заметить, что подобного рода обеспокоенность усиливается по мере обострения конфронтационной позиции нынешней администрации и, шире, всей американской политической машины, по отношению к КНР. Собственно, ещё на этапе ведения торговых переговоров с Китаем эксперты отмечали, что даже достижение соглашения не приведёт к стабильности в отношениях между двумя странами. Несмотря на попытки Трампа «приземлить» свои требования и представить их в виде вопросов, решаемых с помощью выгодной сделки между сторонами, набор претензий, выдвигавшихся конгрессменами, бизнесом и разведсообществом, был таков, что всерьёз рассчитывать на достижение согласия с китайскими властями было абсолютно нереально. Эти претензии касались уже не просто неравновесия во взаимной торговле или режима

¹⁴ Kubo F. 2020. US-Japan Relations from Heisei to Reiwa – Huge Progress Made, But Challenges Remain. *AJISS-Commentary*. 03-30-2020. URL: https://www.jiia.or.jp/en/ajiss_commentary/us-japan-relations-from-heisei-to-reiwa-huge-progress-made-but-challenges-remain (accessed 20.10.2020)

взаимоотношений американских инвесторов с правительством КНР, а роли и места китайского бизнеса в американской и мировой экономике.

С точки зрения критиков, и масштабы китайского бизнеса и, главное, играемая им роль чересчур велики и представляют собой угрозу национальной безопасности США. Размеры и темпы зарубежной экспансии китайского капитала, его растущее технологическое и финансовое участие в западных экономиках в целом и в экономике США в частности рассматриваются в первую очередь как отражение геополитических амбиций руководства КНР, подлежащих активному ограничению и «сдерживанию». Поскольку же требовать от китайских лидеров сознательного ослабления своих собственных позиций было бы, по меньшей мере, наивно, идея сознательного принудительного «развода» экономики США и китайского бизнеса, который рассматривается в этой схеме как продолжение враждебного США государства, стала для американского истеблишмента политической аксиомой.

В качестве инструментов такого «развода» американского и «огосударственного» китайского бизнеса предлагается широкий набор мер – от сравнительно благообразных (типа требований приведения китайского бизнеса в соответствие с нормами американского права в сфере интеллектуальной собственности, повышения его транспарентности и т.д.) до категорических запретов на инвестиции и использование компонентов из КНР в чувствительных областях; на обучение студентов и стажёров из этой страны по установленному кругу специальностей; санкции против китайских компаний, деятельность которых признана угрожающей национальной безопасности США, и «вторичные» санкции против их зарубежных партнёров. И если поначалу президент Трамп старался избегать чересчур жёстких решений, то по мере роста давления на него как общественности, так и обстоятельств, связанных с предвыборной погоней за поддержкой, стал выбирать из предлагаемого меню всё более острые рецепты, фактически закрывая себе путь обратно к «довоенному» состоянию взаимных экономических связей.

Для Японии такое развитие событий имело очень существенные последствия. Экономика страны в последние два десятилетия развивалась таким образом, что товарные потоки в КНР и из КНР, которая ещё в начале текущего десятилетия стала крупнейшим торговым партнёром Японии, играли для японского бизнеса в целом если и не критическую, то крайне важную роль. Товарооборот с Китаем, доля которого в географическом распределении внешней торговли Японии превышает 20%, тесно связан с присутствием в Китае японских компаний в рамках активно развивавшейся все это время интернационализации их деятельности. Крупный бизнес за этот срок всерьёз поверил в закономерность и необратимость экономической глобализации, полагая, что в XXI в. никто уже не будет фронтально возводить серьёзные барьеры на пути свободного движения между странами товаров и капиталов, ставя регулирование этих потоков в зависимость от удовлетворённости краткосрочными последствиями такого

движения или текущих геополитических планов или капризов. Тем более что в самой Японии не считали нужным или возможным искусственно останавливать экономическое взаимодействие с соседней страной даже на фоне растущего восприятия КНР как угрозы собственной безопасности.

И хотя в самой Японии процесс либерализации условий деятельности иностранных компаний и инвесторов (не говоря уже об иностранной рабочей силе) осуществлялся медленно и осторожно, представление о высокой степени глобализованности будущей экономики господствовало в японском политическом мейнстриме. Голоса скептиков по этому вопросу звучали редко и малоубедительно, и правительство готовилось скорее защищать экономику от эксцессов глобализации, нежели бороться с попытками повернуть этот процесс вспять. Поэтому действия Д. Трампа, нацеленные на демонтаж многосторонней институциональной инфраструктуры мировой торговли и инвестиций, особенно после того как стало ясно, что это не «эксцесс исполнителя», а отражение общего настроения в американском истеблишменте, стало для японской элиты настоящим шоком. Оказалось, что вольно и односторонне интерпретируемые американскими политиками «интересы национальной безопасности» в их глазах перевешивают предполагаемые достоинства и выгоды «либерального международного порядка» – одного из главных лозунгов нескольких предшествовавших президентских администраций и, по существу, стержня американской идеологии «мягкой силы». Начало же жёсткого противостояния с Китаем привело к тому, что была сформулирована задача нейтрализовать и разрушить сформированные с участием китайских предприятий трансграничные «цепочки добавленной стоимости», которые в предшествующие три десятилетия являлись центральным элементом западной стратегии глобализации и в которых массово оказались задействованы и японские компании.

Объявленные Вашингтоном технологические и финансовые санкции в отношении китайской корпорации «Хуавэй» и, впоследствии, ряда других компаний из КНР санкции, распространявшиеся также и на их иностранных партнёров – были болезненно восприняты японскими высокотехнологичными компаниями, поскольку ставили их перед необходимостью пересмотреть свои долгосрочные стратегии с учётом резко возросших рисков преследования со стороны американских правительственных ведомств. Многие из них неофициально говорили, что будут вынуждены сокращать свои проекты с китайским бизнесом¹⁵.

Не меньшим по значению негативом явилось для японских корпораций и решение Д. Трампа отказаться от преференциального режима для лиц и корпораций из Гонконга, после того как Пекин объявил о мерах по усилению своего контроля за этим специальным административным районом. Хотя официальный Токио и воздержался от комментариев по поводу решения США, неофи-

¹⁵ Nakafuji R. Quarter of Japanese companies ready to reduce China footprint. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Trade-war/Quarter-of-Japanese-companies-ready-to-reduce-China-footprint> (accessed 20.10.2020).

циально чиновники японского МИДа говорили о невозможности пойти на аналогичные меры ввиду их «отрицательного влияния на японскую экономику»¹⁶. На них и не пошли, несмотря на оказывавшееся, по сообщениям СМИ, прямое давление извне.

Ужесточение контроля за экспортом как в КНР, так и в Гонконг, который теперь Соединённые Штаты рассматривают как полностью подконтрольную пекинским властям территорию, больно ударит по японским компаниям, вовлечённым в региональные производственные цепочки. Если им и удастся найти относительно безопасные схемы изменения торгово-производственных цепочек (а речь идёт о потоках, оцениваемых в десятки миллиардов долларов¹⁷), финансовые потери в любом случае будут очень значительными. Тем более что в ряде случаев релокация производства или деловой активности оказываются практически невозможными, особенно на коротком временном горизонте.

Одновременно интересы японских компаний будут затронуты и линией на ужесточение в США условий для иностранных инвесторов в рамках политики борьбы с «утеканием» из страны хозяйственной активности. Так, администрация Д. Трампа существенно усилила ограничения на сделки слияния и поглощения с участием иностранных компаний путём инициирования пересмотра ряда положений Закона о модернизации оценки риска иностранных инвестиций (*Foreign Investment Risk Assessment Modernization Act*). Хотя непосредственным поводом к их ужесточению были опасения попадания высокотехнологичных или иных «чувствительных» активов под китайский контроль, объектом усиления ограничений стали и японские инвестиции в Соединённых Штатах. При этом общий настрой в американской элите таков, что любой президент с высокой степенью вероятности продолжит политику локализации производственных цепочек и «решоризации» промышленного производства – естественно, в ущерб интересам иностранного бизнеса и иностранных правительств, даже если они, как Япония, формально являются военно-политическими союзниками США.

Сохранение Д. Трампа на посту президента в течение ещё одного срока, с точки зрения японских политиков, не гарантирует стабильности и предсказуемости, в том числе из-за особенностей его характера. Все понимают, что во многом мифическое «личное взаимопонимание», которое ставит себе в заслугу нынешний японский премьер, не сможет защитить страну от неожиданных и резких поворотов в линии Д. Трампа – это могут быть и повышенные тарифы на импорт продукции японского автопрома, и новые требования в ходе торговых переговоров, и расширение «вторичных» санкций в отношении японских компаний за связи с Китаем, и меры для удешевления доллара.

¹⁶ Miyasaka S. US-China showdown over Hong Kong puts Japan in bind. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-China-showdown-over-Hong-Kong-puts-Japan-in-bind> (accessed 20.10.2020)

¹⁷ Pesek W. Hong Kong is collateral damage in Trump's new trade war with China. *Asia Nikkei*. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/Hong-Kong-is-collateral-damage-in-Trump-s-new-trade-war-with-China> (accessed 20.10.2020)

Однако и приход в Белый дом кандидата от демократов также несёт собой высокие риски и неопределённости. Возвращение США к тактике поиска многосторонних решений для либерализации международной торговли и инвестиций сегодня маловероятно при любом ожидаемом исходе выборной кампании, а ужесточение требований к Японии в связи с политикой финансовой и технологической изоляции КНР – почти гарантировано. В этих условиях предотвращение ущерба для глобальной торгово-инвестиционной активности японского бизнеса, включая его связи с американскими компаниями, становится для японского правительства актуальной, но трудновыполнимой задачей.

Таким образом, частный случай японо-американских межгосударственных отношений по поводу взаимных экономических связей, по нашему мнению, отражает и подтверждает общую тенденцию к фрагментации международного торгово-инвестиционного режима, отказу от акцента на создание и поддержание функциональности многосторонних глобальных и региональных платформ с регулируемыми нормами и переносу центра тяжести на ситуативные соглашения с четко выраженными национальными целями и приоритетами. Хотя долгосрочность этой тенденции не является очевидной, вышеизложенный материал отражает серьёзность восприятия стоящих за ней соображений политическими элитами Японии и США, что косвенно является аргументом в пользу устойчивости наметившихся сдвигов.

Из этого вытекает, в частности, и то, что возможная смена политического руководства в обеих странах не изменит, вопреки популярному представлению, направленности идущих в двусторонних отношениях процессов, которые отражают как характерные черты мировосприятия национальных элит, так и объективные интересы влиятельных бизнес-групп. Рассмотрение их как частного случая межгосударственного регулирования транснациональной хозяйственной активности позволяет распространить соответствующие утверждения и на более широкий круг субъектов международных отношений.

В то же время проведённое исследование подтверждает рост значимости внеэкономических соображений, прежде всего соображений субъективно понимаемой «национальной безопасности» при определении внешнеэкономической политики ключевых государств. Это, в свою очередь, усиливает значимость дипломатического маневрирования с использованием всех возможных рычагов и форм влияния для согласования норм регулирования торговых и инвестиционных потоков, а также условий работы национальных и транснациональных компаний на рынках стран-партнеров.

Об авторе:

Виталий Григорьевич Швыдко – кандидат экономических наук, руководитель группы экономики и политики Японии, Центр азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН. E-mail: shvydko@imemo.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: April 15, 2020
Accepted: September 02, 2020

US-Japan Trade Relations Amid the Globalization Crisis

Vitaly G. Shvydko

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-55-77](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-55-77)

The Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: Relations between Japan and the United States have shown significant changes in recent years. Although the main attention has been focused on the strategic and military aspects of these relations, mutual trade and investment, related policies and regulation attract more of the attention of the political elites of the two countries.

The tensions between the two countries on this issue have a long history. However, they greatly intensified since President D. Trump moved into the White House. The 2019 trade negotiations and the conclusion of a limited trade agreement between the two countries did not result in a comprehensive settlement of conflicting approaches and stands on specific issues. The rising confrontation between the United States and China amid the spread of novel coronavirus epidemic in early 2020 alleviated tensions over Japan-US trade issues by temporarily removing them from the focus of attention of the US presidential administration. Nevertheless, soon they will again become hot issues in the agenda of bilateral relations in the larger context of the US trade policy.

In Japan, fears are growing that long-term shifts in the worldview and attitudes of the American political elite pose new threats and create new difficulties for realizing Japan's interests. Of greatest concern is the erosion in the mind of the US elites of the established commitment to further liberalize global and regional international trade and investment through multilateral agreements and institutions. Trump administration's policy versus main trade partners has shifted towards working out and revising bilateral agreements designed to make American foreign trade more manageable and balanced, and it well may represent part of a long-term change and continue irrespective of the outcome of the US presidential election.

The changes that have occurred in Japan-US relations regarding mutual economic ties confirm the general tendency of the international trade and investment system to become more fragmented, shifting from multilateral global and regional platforms to ad hoc agreements with clearly defined national goals and priorities.

A possible change of political leadership in both countries will not change these processes, which reflect both the characteristic features of the world perception by national elites and the objective interests of influential business groups. At the same time, trade and investment policy is increasingly affected by non-economic factors, mostly "national security" considerations. This increases the role of diplomatic maneuvering and other levers and forms of influence in regulating trade and investment flows, and business environment for national and multinational companies.

Keywords: Japan, USA, trade and investment, trade friction, trade agreements, trade and investment regime, multilateral institutions

About the author:

Vitaly G. Shvydko – Candidate of Economics, Head of the Japanese Economy and Politics Research Group, Center for Asia-Pacific Studies, IMEMO RAN. E-mail: shvydko@imemo.ru

Conflict of Interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

References:

Bergsten C., Ito T., Noland M. 2001. *No More Bashing: Building a New Japan-United States Economic Relationship*. The Peterson Institute for International Economics.

Irwin D.A. 2017. *Clashing over Commerce: A History of U.S. Trade Policy*. University of Chicago Press.

Irwin D.A. 2020. *Free Trade under Fire*. Fifth edition. Princeton University Press.

Stiglitz J.E. 2018. *Globalization and Its Discontents Revisited: Anti-Globalization in the Era of Trump*. New York: W.W. Norton & Company.

Dmitriev S.S. 2018. Predskazuemo nepredskazuemaya trgovaya politika – SShA protiv vsek [Predictably Unpredictable Trade Policy – the US against Everyone]. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 11(2). P. 113-132. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-2-113-132

Emelyanov S.V., Chudinova K.O. 2017. *Torgovo-Ekonomicheskie Otnosheniya SShA i Yaponii* [Trade and Economic Relations between the United States and Japan. International Trade: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow: Rusyns.

Portansky A.P. 2018. Trump razrushayet slozhivshiesya pravila i printsipy mirovoi trgovli [Trump is Destroying the Established Rules and Principles of World Trade]. *International life*. №6. P. 7-18.

Portansky A.P. 2019. Imperativ reformirovaniya VTO v epokhu rosta protektsionizma i torgovykh voyn [The Imperative of WTO Reform in an Era of Rising Protectionism and Trade Wars]. *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*. 14(2). P. 304-318. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-12.

Rodrik D. 2019. *Imperativ reformirovaniya VTO v epokhu rosta protektsionizma i torgovykh voyn* [A Frank Conversation about Trade. Ideas for a Smart Global Economy]. Moscow: Publishing House Of The Gaidar Institute.

Yemelyanov E.V. 2018. Vneshnetorgovyi kurs Donal'da Trampa: plany i realii [Donald Trump's Foreign Trade Policy: Plans and Realities]. *International trade and trade policy*. 14(2). P. 73-82. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-2-73-82

Список литературы на русском языке:

Дмитриев С.С. 2018. Предсказуемо непредсказуемая торговая политика – США против всех. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 11(2). С. 113-132. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-2-113-132

Емельянов Е.В. 2018. Внешнеторговый курс Дональда Трампа: планы и реалии. *Международная торговля и торговая политика*. 14(2). С. 73-82. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-2-73-82

Емельянов С.В., Чудинова К.О. 2017. Торгово-экономические отношения США и Японии. *Международная торговля: вчера, сегодня, завтра*. Москва: Русайнс.

Портанский А.П. 2018. Трамп разрушает сложившиеся правила и принципы мировой торговли. *Международная жизнь*. №6. С. 7-18.

Портанский А.П. 2019. Императив реформирования ВТО в эпоху роста протекционизма и торговых войн. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 14(2). С. 304-318. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-12.

Родрик Д. 2019. *Откровенный разговор о торговле. Идеи для разумной мировой экономики*. Москва: Издательство Института Гайдара.



Новое в американо-канадских отношениях и ратификация соглашения ЮСМКА

И.А. Соков

Волгоградский государственный университет

В статье рассматриваются основные тенденции и проблемы в американо-канадских отношениях, связанные с заключением нового торгового договора, заменяющего НАФТА в период президентства Дональда Трампа. Цель исследования – выявить новые политические и экономические особенности в отношениях США и Канады посредством хронологического анализа процесса ратификации соглашения ЮСМКА в американском Конгрессе. Особое внимание уделяется анализу новой модели взаимоотношений между ближайшими североамериканскими партнёрами в условиях новой парадигмы «Америка прежде всего».

В результате комплексного анализа автор приходит к ряду выводов. Во-первых, эволюционное развитие фритредерского соглашения НАФТА, отказ от него и принятие преференциального соглашения ЮСМКА являются постепенным и целенаправленным процессом ограждения североамериканских стран от давлений мирового рынка, инициированным в период президентства Дж. Буша-мл. и продолженным последующими американскими президентами. В период президентства Д. Трампа эта политика актуализировалась ещё и в связи с торговой войной между США и Китаем. Во-вторых, за время подготовки соглашения и его ратификации американо-канадские отношения существенно ухудшились, хотя лидеры государств в публичном пространстве этого не признают. В-третьих, подписанное 30 ноября 2018 г. лидерами США, Мексики и Канады соглашение ЮСМКА не стало окончательным вариантом и подлежало ратификации. Причём финальный текст соглашения ЮСМКА в большей степени отвечает интересам США, чем Мексики или Канады. В-четвёртых, оказанное на Канаду американское давление является беспрецедентным в истории их торговых соглашений, особенно в наиболее важных отраслях канадского производства.

В результате, следует ожидать нарастания политических и торговых противоречий между США и Канадой, пересмотра и включения новых дополнительных соглашений в соглашение ЮСМКА.

Ключевые слова: НАФТА, ЮСМКА, свободная торговля, «Америка прежде всего», политическая конкуренция в США, Д. Трамп, Дж. Трюдо, американо-канадские отношения

УДК 327.7

Поступила в редакцию: 10.02.2020 г.

Принята к публикации: 01.06.2020 г.

Американо-канадские отношения в научной литературе обычно оцениваются как яркий пример взаимовыгодного политического, военного и экономического сотрудничества великой державы с державой «среднего уровня». Канада осуществляет политическую и военную поддержку США на международной арене, а договор НАФТА стал образцом экономической интеграции в конце XX в. С приходом в Белый дом Дональда Трампа американо-канадские отношения стали существенно меняться. В отличие от своих предшественников, новый американский президент заявил, что Канаде придётся финансово обеспечивать свою военную безопасность и своё участие в НАТО на одном уровне с США (в процентном отношении от ВВП). Соглашение НАФТА Д. Трамп назвал «одной из худших торговых сделок, о которых когда-либо договаривались Соединённые Штаты»¹. По его словам, в этом трёхстороннем договоре в течение 25 лет наибольшие выгоды получали Мексика и Канада за счёт Соединённых Штатов, где за этот период закрылись тысячи производств и были потеряны миллионы рабочих мест. По состоянию на 2017 г. американский торговый дефицит с Канадой составил 17,05 млрд долл. США, с Мексикой – 70,95 млрд долл. США.

Цель исследования заключается в определении особенностей нового подхода США к отношениям со своим ближайшим политическим и торговым партнёром – Канадой на примере длительного и трудного процесса ратификации соглашения ЮСМКА² (далее по тексту – Соглашение). В статье демонстрируется, что не только исполнительная, но и законодательная власть США по-новому подходят к заключению торгового договора с Канадой, обуславливая возможность его ратификации включением выгодных для себя положений, открытием для американцев ранее защищённых канадских рынков: молока и молочных продуктов, зерна и мягкой древесины; увеличением нормативов для товаров североамериканского происхождения и ограничений для Канады по заключению фритредерских договоров со странами, имеющими по оценке США «нерыночную экономику».

К настоящему времени в России и за рубежом исследователи только приступают к изучению процесса ратификации соглашения ЮСМКА, хотя следует отметить, что характеристика и анализ предварительного соглашения (законопроекта) и рассмотрение возможных вариантов его принятия были проведены сотрудниками Института США и Канады РАН (Комкова 2019а; Комкова 2019b; Немова 2019), а сравнение текстов соглашений ЮСМКА с НАФТА и с соглашением о Транстихоокеанском партнёрстве канадскими экспертами CUSLI (Marki, Russo 2019).

¹ NAFTA пополам: зачем Трампу отдельные соглашения с Канадой и Мексикой. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5275485> (дата обращения 10.10.2020)

² United States-Mexico-Canada Agreement (Text). URL: <https://legacy.trade.gov/usmca/> (accessed 10.10.2020)

Краткая история торговых отношений США и Канады

История американо-канадских отношений в контексте североамериканской интеграции начинается после окончания Второй мировой войны, когда США предложили канадскому правительству У.Л.М. Кинга заключить договор о свободной торговле. Канадский лидер, несмотря на то, что был сторонником политики континентализма, помня неудачный опыт премьер-министра У. Лорье при заключении договора о «взаимности» в 1911 г., не решился на подписание подобного договора. В последующем Соединённые Штаты неоднократно пытались заключить соглашение, которое позволило бы американскому капиталу занять прочные позиции в экономике Канады. Таким договором, например, стал «Автопакт» (*Auto Pact*, АРТА³), который подписали премьер-министр Канады Л. Пирсон и президент США Л. Джонсон в январе 1965 г. Позднее, в октябре 1987 г., было заключено Канадско-американское соглашение о свободной торговле (*Canada – United States Free Trade Agreement*, CUSFTA), ратифицированное 2 января 1988 г. В 1992 г. Канада присоединилась к соглашению о свободной торговле между США и Мексикой, которое стало трёхсторонним и было названо НАФТА (*North American Free Trade Agreement – NAFTA*) (Hart 1990) и вступило в силу 1 января 1994 г. (Комкова 2005).

Развитие либеральной концепции о свободных глобальных рынках в течение последующих 10 лет привело к тому, что участники НАФТА были вынуждены оградить Североамериканский рынок свободной торговли от проникновения дешёвого сырья и товаров из азиатских стран в Мексику, а из стран ЕС – в Канаду, которые по соглашению НАФТА могли попасть в США. Учитывая, что в США заработная плата, цена товара и услуги складывались выше, чем у североамериканских партнёров, американцы в 2005 г. предложили им заключить договор «Партнёрство по безопасности и процветанию Северной Америки» (*Security and Prosperity Partnership of North America – SPPNA* или кратко *SPP*). 23 марта 2005 г., в Техасе президент Дж. Буш-мл., мексиканский президент В. Фокс и канадский премьер-министр П. Мартин подписали это соглашение⁴. По замыслу его разработчиков, «Партнёрство» должно было оградить континентальный экономический блок, прежде всего, от экономической экспансии других стран. Именно тогда же была предложена концепция «периметра безопасности на североамериканском континенте», углубляющая не только формы сотрудничества в сфере континентальной безопасности, но и формирующая единый рынок труда, товаров и услуг, который бы учитывал политические, экономические, культурные и другие особенности трёх стран Северной Америки. Тем самым планировалось, что НАФТА+СПП должно стать закрытой, изоля-

³ Canada–United States Automotive Products Agreement.

⁴ Это было второе из таких соглашений на региональном уровне с участием США после «Партнёрства для процветания и безопасности в Карибском бассейне» (PPS)

ционистской экономической группировкой. Одной из важных особенностей функционирования СПП было его «незаметное» (*evolution by stealth*) развитие, позволяющее *изменять и реорганизовывать инфраструктуру* всех участников «скрытно» от возможных угроз. Однако, эти скрытые действия чиновников и большого бизнеса вызвали у различных организаций гражданского общества закономерные вопросы, например, почему за несколько лет существования СПП в американском Конгрессе ни разу не проходили дебаты или слушания по вопросам развития партнёрства? Закрытость СПП порождала слухи то о создании Североамериканского союза (*North American Union*)⁵, то о введении единой валюты – Америкеро (*Amero*)⁶. В условиях мирового финансового кризиса в январе 2009 г. СПП прекратило своё существование в той форме, в которой оно было инициировано в администрации Дж. Буша-мл. По заявлениям президента Б. Обамы, созданная модель НАФТА+ (НАФТА+СПП) являлась «недостаточной моделью», или даже «провальной моделью» (*failed model*), поэтому «НАФТА и другие соглашения о свободной торговле должны быть исправлены» таким образом, чтобы в соглашениях преобладали трудовые и экологические условия, которые бы не ущемляли интересы американских рабочих⁷.

Тогда же президент Б. Обама предложил продолжить североамериканскую интеграцию под новым флагом: не СПП, а так называемого НАЛС (Североамериканский саммит лидеров – *North American Leaders Summit – NALS*), который кроме вопросов безопасности включал бы рассмотрение, в первую очередь, проблем окружающей среды, иммиграции и трудового рынка НАФТА⁸. Это говорит о том, что Д. Трамп не является новатором по замене НАФТА другим соглашением: эта необходимость стала очевидной для американского бизнеса ещё десятилетие назад. Партнёры по НАФТА – Канада и Мексика – тем не менее все эти годы, исходя из либеральной модели развития мировых рынков, считали возможным проведение внутренних преобразований в рамках соглашения НАФТА без его кардинальной смены.

Новая американская концепция в переходе от НАФТА к ЮСМКА

30 сентября 2018 г. Соединённые Штаты, Мексика и Канада завершили тринадцатимесячные переговоры, нацеленные на замену «Североамериканского соглашения о свободной торговле» – НАФТА новым соглашением, названным

⁵ Marshall A.G. *Future of North America: Vancouver 2010, Coronation of the North American "Community"*. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=8337> (accessed 10.10.2020); Spingola D. 2005. *Building a North American Community, the Selling of America*. URL: <http://www.renewamerica.com/columns/spingola/050715> (accessed 10.10.2020)

⁶ Marshall A.G. *North-American Monetary Integration: Here Comes the Amero*. *Global research*. URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=7854> (accessed 10.10.2020)

⁷ Schwartz G. *Obama: Renegotiate NAFTA as You Promised/ Edited by Emily Washington, DC: Foreign Policy In Focus*. URL: http://www.fpi.org/articles/obama_renegotiate_nafta_as_you_promised (accessed 10.10.2020)

⁸ *Security and Prosperity Partnership of North America Alive*. URL: <http://restorefreespeech.blogspot.com/2009/10/security-and-prosperity-partnership-of.html> (accessed 10.10.2020)

«Соединённые Штаты – Мексика – Канада» – ЮСМКА (*The Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada – USMCA*)⁹. Уже сама смена названия с опущением термина «свободная торговля» может свидетельствовать о новом подходе к соглашению. Главным стратегом и исполнителем по включению изменений с американской стороны в соглашение ЮСМКА стал торговый представитель США Роберт Лайтхайзер (Robert Lighthizer), который добавил в него «существенное американское содержание»¹⁰.

Основу текста ЮСМКА составляет текст торгового соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП), которое продвигалось США с 2008 г. как преференциальное (а не фритредерское) соглашение между 12 странами Азиатско-Тихоокеанского региона (по решению Д. Трампа США вышли из Соглашения 23 января 2017 г.). Кроме того, эксперты отмечают, что «Соглашение ЮСМКА сильно напоминает структуру и содержание соглашения о ТТП. 29 из 30 глав ТТП схожи с главами в ЮСМКА и 72% статей ТТП почти дословно соответствуют статьям в главах ЮСМКА»¹¹.

Как и НАФТА, ЮСМКА представляет собой закрытое соглашение трёх североамериканских стран, нацеленное на беспошлинную торговлю большинством товаров (Marki, Russo 2019). В то же время, по мнению экспертов, новый договор имеет десять принципиально новых позиций: 1) модернизированные главы в новых областях, ориентированных на расширение североамериканского конкурентного пространства; 2) уменьшение «бюрократизма»; 3) усовершенствование процедуры по таким темам как цифровые технологии; 4) устранение различий в регулировании торговой политики трёх стран; 5) увеличение выгод для предприятий; 6) повышение прозрачности и обсуждение регулирующих областей каждой страны; 7) усовершенствование автомобильных правил происхождения с увеличением конкурентных преимуществ Канады; 8) расширение доступа на сельскохозяйственные рынки для Канады; 9) принудительное урегулирование споров по трудовым и экологическим вопросам; и 10) обеспечение экономической активности для коренного населения и др.¹².

Подписав соглашение ЮСМКА, Канада была готова его ратифицировать уже в начале февраля 2019 г. Премьер-министр Канады Дж. Трюдо отмечал, что усилия Канады в значительной степени сосредоточены на том, чтобы ратификация торгового соглашения совпадала с решением Белого дома снять «тарифы наказа-

⁹ ЮСМКА было подписано на саммите G20 в Буэнос-Айресе 30 ноября 2018 г., причём президент Мексики Энрике Пенья Ньето подписал соглашение в свой последний рабочий день. 1 декабря 2018 г. вновь избранный президент Андрес Мануэль Лопес Обрадор принимал присягу в Мехико.

¹⁰ Lawder D. U.S. Trade Envoy Lighthizer Says NAFTA Has "Failed" Americans. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/trade-nafta-usalighthizer-id> (accessed 10.10.2020)

¹¹ Gomez Ch. 2019. New Trade Deal: Same as the Old One. *The New American*. Vol. 35. Issue 18. September 16. P. 44. American Opinion Publishing, Inc. URL: <https://www.questia.com/magazine/1G1-602231754/new-trade-deal-same-as-the-old-one> (accessed 10.10.2020)

¹² United States-Mexico-Canada Agreement. *Office of the US Trade Representative*. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement> (accessed 10.10.2020)

ния» на канадский стальной и алюминиевый импорт¹³. Эти «тарифы» были введены на основании ст. 232 Закона о расширении торговли 1962 г., принятого при президенте Дж. Кеннеди. Ещё в апреле 2017 г. президент Д. Трамп поручил начать два расследования в отношении того, угрожает ли импорт стали и алюминия национальной безопасности США. В феврале 2018 г. в результате исследования Министерство торговли США подтвердило, что импорт стали и алюминиевых изделий угрожает национальной безопасности страны. Следует подчеркнуть, что с мая 2018 г., когда Канада и Мексика уже почти год вели переговоры о замене НАФТА на ЮСМКА, американский президент ввёл таможенные тарифы в отношении своих ближайших торговых партнёров. Не лишним будет отметить, что подобные тарифы были введены и для других государств ещё в марте 2018 г.: ЕС, Республика Корея, Бразилия, Аргентина и Австралия (Пак 2019: 196). Это подтверждает, что США и не пытались создавать со своими соседями фритредерское соглашение. Канада, в свою очередь, приняла ответные меры, изменив стоимость канадской стали, алюминия и десятки других товаров, чтобы выровнять ценность канадского экспорта, затронутого американскими налогами¹⁴.

Администрация Д. Трампа передала соглашение ЮСМКА для ратификации в Конгресс с учётом введенных тарифов против Канады. Министр иностранных дел Канады Х. Фриленд, находясь в Вашингтоне 6 февраля 2019 г., отметила, что введение тарифов в «оправдание национальной безопасности абсурдно. Канада является близким союзником и партнёром Соединённых Штатов в области безопасности, как мы сегодня убедились в нашем участии в коалиции против ДАИШ»¹⁵.

В тот же день президент Д. Трамп в докладе Конгрессу о положении в стране заявил: «Наше новое соглашение между США, Мексикой и Канадой, или ЮСМКА, заменит НАФТА и даст американским рабочим то, что они давно требуют. Я надеюсь, что вы сможете ратифицировать ЮСМКА, чтобы мы могли вернуть наши рабочие места в ещё большем количестве, развить американское сельское хозяйство, защитить интеллектуальную собственность и гарантировать, что больше автомобилей будут иметь штамп из красивых слов: сделано в США»¹⁶. Тем самым американский президент дал понять, что его правительство не собирается отменять введенные для Канады и Мексики тарифы. После доклада президента, торговый представитель Р. Лайтхайзер пояснил, что их наличие в соглашении ЮСМКА необходимо, поскольку они делают его «моделью для всех будущих торговых сделок»¹⁷.

¹³ Rabson M. Canada Staying out of U.S. Ratification Fight over New NAFTA, Leslie Says. CTV News. February 6, 2019. URL: <https://www.ctvnews.ca/politics/canada-staying-out-of-u-s-ratification-fight-over-new-nafta-leslie-says-1.4285122> (accessed 10.10.2020)

¹⁴ Ibid.

¹⁵ McCarten J. Freeland Travels to Washington to Talk Tariffs, Trade and Terrorism. CBC. February 7, 2019. URL: <https://www.cbc.ca/news/politics/freeland-washington-tariffs-trade-1.5008392> (accessed 10.10.2020)

¹⁶ McCarten, J. Trump Uses State of the Union Speech to Urge Congress to Approve USMCA. CTV. February 6, 2019. URL: <https://www.ctvnews.ca/business/trump-uses-state-of-the-union-speech-to-urge-congress-to-approve-usmca-1.4284523> (accessed 10.10.2020)

¹⁷ Ibid.

Реакция премьер-министра Канады Дж. Трюдо на доклад президента Д. Трампа была критической. Выступая в канадском парламентском кокусе, он заявил: «Мы продолжаем работать с американской администрацией, с большим количеством людей в Конгрессе, которые справедливо считают, что эти тарифы вредят американским рабочим, как они вредят канадским рабочим и канадской промышленности. Президент, вы знаете, придерживается своего подхода к тарифам, хотя это и наносит вред американскому народу»¹⁸. После этого выступления в течение нескольких месяцев канадское правительство вело переговоры с США об изъятии тарифов из законопроекта ЮСМКА.

Тарифная проблема как тормоз процесса ратификации ЮСМКА

В настоящее время экономическая и культурная интеграция между США и Канадой настолько тесная, что эксперименты президента Д. Трампа с тарифами в соглашении ЮСМКА видятся канадцам не только необоснованными, но и оскорбительными. Необоснованными – потому что 25% тариф на канадскую импортную сталь и 10% тариф на алюминий был введен несмотря на то, что в Канаде, по словам министра торговли Уилбера Росса, с 1998 г. закрылось «бесчисленное количество сталелитейных и алюминиевых заводов, количество рабочих мест в металлургической отрасли уменьшилось более чем на 75000. Введенные тарифы нацелены на то, чтобы полностью изменить эту ситуацию (Smith 2019); оскорбительными – потому что канадский металл, по определению президента Д. Трампа, стал в этих условиях рассматриваться в качестве угрозы для американской национальной безопасности. Несмотря на долгую историю сотрудничества двух стран, нынешний американский президент, по словам канадского историка Роберта Ботвелла, обращается с Канадой так, «как ни один другой президент США» (Smith 2019). Ситуация в американо-канадских отношениях ухудшилась летом 2018 г., когда на саммите «Группы 7» в Канаде Д. Трамп обвинил организатора встречи Дж. Трюдо в «ложных заявлениях», и самого его охарактеризовал как «очень нечестного и слабого» (Smith 2019). Хотя всё это говорилось в контексте заключения договора ЮСМКА и являлось скорее тактикой переговоров, нацеленной на то, чтобы обеспечить для США «лучшую торговую сделку», многие канадцы восприняли эти высказывания как оскорбление. «[Трамп] не только использовал грубые выражения, он угрожал нашему экономическому благосостоянию», – говорит Фрэнк Маккенна, бывший посол Канады в США, – «и он, казалось, делал это с большим ликованием. Люди этого не забудут. Я думаю, что оскорбительное поведение этого президента глубоко засело в нашем сознании» (Smith 2019).

¹⁸ Rabson M. Canada Staying out of U.S. Ratification Fight over New NAFTA, Leslie Says. CTV News. February 6, 2019. URL: <https://www.ctvnews.ca/politics/canada-staying-out-of-u-s-ratification-fight-over-new-nafta-leslie-says-1.4285122> (accessed 10.10.2020)

Между тем американские СМИ указывают, что американская «администрация отменила предоставление льгот во время переговоров, чтобы оказать давление на Канаду и добиться соглашения. Ожидалось, что льготы будут восстановлены после того, как сделка будет достигнута, но уже в течение года администрация отказывается это сделать»¹⁹. В действиях «тарифного человека» (*tariff man*), как называет себя президент США, канадцы отмечают непоследовательность. Так, в торговле молочными продуктами Д. Трамп придерживается необходимости опираться на принципы «свободной торговли» (*free trade*) для того, чтобы американские молочные производители могли свободно выходить на канадский рынок, «считая снижение канадских тарифов на американское молоко, сыр и масло ключевым достижением переговоров» (Boehm 2019).

В действительности такая политика меняет отношение канадцев к США. Если по данным опросов, проведённых в 2007 г., американско-канадские отношения положительно оценивали 76% канадцев, то опросы 2018 г. показали, что только 39% канадцев сохранили это мнение (Boehm 2019).

Проблему ратификации ЮСМКА во многом создал сам президент Д. Трамп. Отказавшись изъять из Соглашения включённые в него тарифы и угрожая Канаде и Мексике введением новых, ещё больших тарифов, он заставил своих внутренних политических противников – демократическое большинство в Палате представителей – разбираться с последствиями действия тарифов и квот в различных отраслях, создавать дополнительные комиссии, привлекать широкий круг экспертов, представителей рабочих профессиональных союзов, лоббистов. При этом существовало понимание того, что тарифы дают только временные преимущества, а в среднесрочной и долгосрочной перспективе снижают конкурентоспособность американских товаров на мировом рынке.

Ещё больше запутал американских законодателей экономический советник президента Л. Кадлоу (*Larry Kudlow*), который 21 февраля 2019 г. на зимней встрече Национальной Ассоциации губернаторов заявил, что «тарифы – это всего лишь переговорный инструмент для президента Трампа, и его конечная цель – не иметь их вообще. ... Тарифы – это инструмент переговоров. Они являются частью переговорного процесса»²⁰. В качестве подтверждения такой позиции приводятся примеры включений в соглашение ЮСМКА требований свободного рынка для молока и масла. Однако, как показали исследования Брукингского института, американские «молочные доходы» повысятся всего лишь на 0,2%, а при условии, что действие соглашения истекает через шесть лет²¹, «более свободная торговля молоком и маслом, по-видимому, не стоит и одной коровы» (Boehm 2019: 8). В феврале 2019 г. посол Канады в США Дэвид Макнотон (*David MacNaughton*) обратился к американскому торговому представителю

¹⁹ Higgins S. Trump's Goal Is 'Zero Tariffs, Larry Kudlow Says. *Washington Examiner*. February 24, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/news/trumps-goal-is-zero-tariffs-larry-kudlow-says> (accessed 10.10.2020)

²⁰ Ibid.

²¹ Имеется в виду от даты 30 ноября 2018 г.

Р. Лайтхайзеру и экономическому советнику президента Л. Кадлоу с вопросом: что если Канада не станет ратифицировать ЮСМКА с содержащимися в Соглашении тарифами? Американские чиновники отказались от комментариев, но добавили, что «правительство обо всем информировано»²².

Тарифные требования в ЮСМКА в любом случае увеличивают затраты для транснациональных компаний всех трёх североамериканских стран. Так, компания «Магна Интернешнел Инкорпорейшн» (*Magna International Inc.*), базирующаяся в Онтарио, имеет 25000 американских сотрудников, 23000 – канадских и 28000 – мексиканских. Тарифные условия ЮСМКА, если они останутся в Соглашении, потребуют переносить производство в США, на что потребуется дополнительно 45-50 млн долл. Новые затраты уменьшат прибыль компании, а соответственно, и выплаты дивидендов акционерам²³.

В конце марта 2019 г. американская Торговая палата опубликовала доклад, в котором отмечалось, что остающиеся в соглашении ЮСМКА стальные и алюминиевые тарифы еженедельно затрагивают американские товары объёмом 500 млн долл. и продолжают увеличивать затраты американских компаний. Необходимо учитывать, что Канада и Мексика ввели ответные тарифы, которые затронули американские товары на 15 млрд долл.²⁴. Авторы доклада делают вывод: «Если Трамп всерьёз настроен помочь американской экономике и продвигать “хорошие” торговые сделки, ему нужно начать с отмены тарифов на сталь и алюминий в Мексике и Канаде, пока Вашингтон разбирается с ЮСМКА»²⁵.

Проблема перезаключения ЮСМКА и её решение

Кроме экономической составляющей проблемы ратификации ЮСМКА, на повестке дня сформировалась и политическая. Члены Конгресса во главе со спикером Ненси Пелоси (*Nancy Pelosi*) развернули дискуссию о том, что ЮСМКА – это очень сырой и противоречивый договор, требующий своего пересмотра, а соответственно, и его переподписания. Сама борьба за ратификацию ЮСМКА приобрела политический характер.

Как сообщает, мозговой центр «Американский институт предпринимательства» (*American Enterprise Institute*), торговая политика демократов в Палате представителей определяется следующим: 1) они главным образом настроены против соглашений о свободной торговле; 2) проблема соглашения ЮСМКА

²² Higgins S. Canadian Officials Warn Trump's Steel Tariffs Could Undermine USMCA. *Washington Examiner*. February 21, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/canadian-officials-warn-trumps-steel-tariffs-could-undermine-usmca> (accessed 10.10.2020)

²³ Reynolds Ch. Magna Says Tariffs Still a Problem, but USMCA Could Eventually Give It a Leg Up. *The Canadian Business*. February 22, 2019. URL: <https://www.canadianbusiness.com/business-news/magna-says-tariffs-still-a-problem-but-usmca-could-eventually-give-it-a-leg-up/> (accessed 10.10.2020)

²⁴ Dunne E. Want a Good Trade Deal? End Tariffs on Mexico and Canada. *Washington Examiner*. March 29, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/opinion/want-a-good-trade-deal-end-tariffs-on-mexico-and-canada> (accessed 10.10.2020)

²⁵ Ibid.

выдвигает на первый план различия между двумя демократическими фракциями: Новой демократической коалицией (*New Democrat Coalition – NDC*) и закрытым партийным демократическим собранием в Конгрессе (*Congressional Progressive Caucus – CPC*)²⁶; с наступлением праймериз быстрый результат этих внутрипартийных дебатов сомнителен и, в конечном счёте, решение спикера палаты Н. Пелоси может определить судьбу ЮСМКА (Barfield 2019: 1).

Весной 2019 г. перед спикером Н. Пелоси и парламентариями Бюджетного комитета стояла непростая задача агрегирования всех демократических требований к ЮСМКА через вновь открывающиеся торговые переговоры между США, Канадой и Мексикой или через включение в существующий договор дополнительных поправок. Американский торговый представитель Р. Лайтхайзер, проводящий напряжённые консультации с демократическими фракциями, предупредил конгрессменов о том, что подобные действия могут «убить договор» или задержать его до новых президентских выборов. Лучший путь, по мнению Р. Лайтхайзера, это продолжение формальных переговоров в рамках существующего соглашения ЮСМКА.

Следует сказать, что на задержку в продвижении Соглашения влияют и лоббистские группы: так, Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов (*American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations – AFL-CIO*) предупредили конгрессменов о «преждевременном» (premature) голосовании по замене *NAFTA*²⁷. Президент *AFL-CIO* Ричард Трумка (*Richard Trumka*) сообщил в «Твиттере», что рабочие окажут правительству поддержку только в том случае, если в трудовом законодательстве всех трёх стран произойдут существенные изменения. Кроме того, он раскритиковал соглашение за то, что оно сохранило патентную защиту для производителей лекарств и содержит недостатки в системе мониторинга её правил²⁸.

К середине апреля 2019 г. администрация Д. Трампа ожидала публикации независимого отчёта Американской торговой комиссии, который мог бы дать трезвую оценку экономических преимуществ нового соглашения, стоящего перед растущей оппозицией – прежде всего, от демократов, стремящихся не дать Трампу одержать политическую победу в торговой сделке²⁹. В соответствии с выводами 379-страничного отчёта, соглашение обеспечит скромный экономический рост в США – увеличение валового внутреннего продукта на 0,35% и увеличение рабочих мест на 176 000, что составит прибавку к числу занятых на 0,12%³⁰ за следующие пять лет.

²⁶ В составе NDC более чем 100 участников, в CPC – 95 конгрессменов.

²⁷ Higgins S. AFL-CIO Warns against 'Premature' Vote on NAFTA Replacement. *Washington Examiner*. April 1, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/afl-cio-warns-against-premature-vote-on-nafta-replacement> (accessed 10.10.2020)

²⁸ Ibid.

²⁹ Blanchfield M. New U.S. Trade Report Predicts Modest Economic Gains from New NAFTA. CTV. April 18, 2019. URL: <https://www.ctvnews.ca/business/new-u-s-trade-report-predicts-modest-economic-gains-from-new-nafta-1.4386129> (accessed 10.10.2020)

³⁰ Ibid.

Выводы отчёта Американской торговой комиссии по-разному оценили в Белом доме и Конгрессе. Экономический советник президента Кевин Хассетт (*Kevin Hassett*) отметил, что отчёт подтвердил выгоду от подписания ЮСМКА для США, многие демократы тоже так считают, и у президентской администрации есть достаточно голосов, чтобы соглашение было ратифицировано в Палате представителей. В тоже время, спикер Палаты Н. Пелоси отказалась ставить на голосование Соглашение, утверждая, что сначала некоторые положения ЮСМКА должны быть ужесточены³¹.

20 мая 2019 г. Канада и Мексика приняли совместное решение об отмене своих тарифов, введенных в ответ на тарифы США, при условии, если американские законодатели ратифицируют ЮСМКА до летних парламентских каникул. В противном случае они отказывались от ратификации этого соглашения в своих парламентах. На предложение Н. Пелоси о пересмотре всего соглашения Канада и Мексика ответили отказом. Спикер Палаты представителей настаивала на пересмотре соглашения ЮСМКА, даже несмотря на то, что правительство США 17 мая 2019 г. сняло ключевое препятствие для ратификации ЮСМКА – стальные и алюминиевые тарифы в отношении Мексики и Канады³². В свою очередь, президент Д. Трамп надеялся, что когда тарифы будут устранены, ЮСМКА быстро пройдет процесс ратификации: «Я рад объявить, что мы только что достигли соглашения с Канадой и Мексикой, и мы будем отправлять наш продукт в эти страны без введения тарифов или крупных тарифов», – сказал Трамп журналистам, добавив, – «Надеюсь, Конгресс быстро ратифицирует ЮСМКА»³³. Показательная оценка снятия тарифов посла в Канаде при президенте Б. Обаме Брюса Хейман (*Bruce Heuman*), отметившего, что обнародованное решение президента – это «хорошие новости», но «Трамп должен принести Канаде извинения за то, как соглашение рассматривалось. Он похож на поджигателя, который зажигает огонь, тушит его и провозглашает какую-то победу ... как будто он спаситель»³⁴.

Что касается возможности ратификации соглашения ЮСМКА в Конгрессе, то демократическое большинство Палаты представителей нашло новую зацепку для проведения дополнительных слушаний. Демократ из Нью-Джерси Билл Паскрелл (*Bill Pascrell*), выступая в Палате и настаивая на продолжении слушаний, подчеркнул: «Форсированное исполнение торговых сделок играет центральную

³¹ Higgins S. Trump Adviser Says White House Has the Votes to Pass USMCA. *Washington Examiner*. April 22, 2019. URL: <https://www.cnbc.com/2019/07/10/trump-white-house-likely-to-send-usmca-trade-deal-to-congress-after-sept-1.html> (accessed 10.10.2020)

³² Blanchfield M., McCarten J. Long-Awaited End to Canada's Tariff Standoff with U.S. Finally at Hand. *CP24*. May 17, 2019. URL: <https://www.cp24.com/news/long-awaited-end-to-canada-s-tariff-standoff-with-u-s-finally-at-hand-1.4427070> (accessed 10.10.2020)

³³ Higgins S. White House Agrees to Lift Steel, Aluminum Tariffs on Mexico, Canada. *Washington Examiner*. May 17, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/white-house-agrees-to-lift-steel-aluminum-tariffs-on-mexico-canada> (accessed 10.10.2020)

³⁴ Blanchfield M., McCarten J. Long-Awaited End to Canada's Tariff Standoff with U.S. Finally at Hand. *CP24*. May 17, 2019. URL: <https://www.cp24.com/news/long-awaited-end-to-canada-s-tariff-standoff-with-u-s-finally-at-hand-1.4427070> (accessed 10.10.2020)

роль в их эффективности: без этого соглашение не стоит и бумаги, на которой оно напечатано. Конгресс не может быть и не будет обманут ложными обещаниями президента»³⁵.

29 мая 2019 г. премьер-министр Канады Дж. Трюдо направил текст соглашения ЮСМКА в Палату общин для ратификации. Выступая перед канадскими парламентариями, он отметил: «Новое соглашение НАФТА обеспечит доступ к торговой зоне, на которую приходится более четверти мировой экономики. Теперь пришло время для членов Палаты общин ратифицировать его»³⁶. Однако угрозы Д. Трампа ввести новые таможенные тарифы в отношении Мексики вынудили приостановить процесс ратификации ЮСМКА в канадском парламенте³⁷. Министру иностранных дел Х. Фриленд пришлось объяснять отечественным парламентариям возникшую проблему между США и Мексикой, а также то, что Канада не будет спешить с ратификацией, так как «новое континентальное торговое соглашение не вступит в силу, пока оно не будет одобрено законодателями всех трёх стран»³⁸. Тем самым канадское правительство приостановило процесс ратификации ЮСМКА.

19 июня 2019 г. перед уходом канадского парламента на летние каникулы Дж. Трюдо решил посетить Вашингтон, встретиться с Д. Трампом, Н. Пелоси и с республиканским лидером в верхней палате Конгресса, сенатором Мичем Макконнеллом, чтобы прояснить готовность США ратифицировать ЮСМКА. Перед отъездом в интервью он заявил: «Мы идём в ногу с ними, у нас есть возможность созвать парламент, если в этом будет необходимость»³⁹.

В конце июня 2019 г. Мексика, вопреки примеру Канады, ратифицировала североамериканское торговое соглашение ЮСМКА, после чего президент Д. Трамп снова стал угрожать выходом из НАФТА, если демократы не ратифицируют ЮСМКА. Однако ни ратификация Соглашения Мексикой, ни угрозы Д. Трампа не способствовали ускорению процесса в Палате представителей. Американские эксперты считают, что подобные угрозы могут взволновать республиканцев – сторонников торгового соглашения, но они являются «музыкой для ушей противников НАФТА со стороны демократов, которые не хотели бы ничего лучше, чем избавиться от НАФТА, не дав Трампу шанса на торговую победу»⁴⁰.

³⁵ Higgins S. Democrats Dig in against USMCA Vote. *Washington Examiner*. May 22, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/democrats-dig-in-against-usmca-vote> (accessed 10.10.2020)

³⁶ Higgins S. Canada Begins Process to Ratify USMCA Trade Deal. *Washington Examiner*. May 29, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/canada-begins-process-to-ratify-usmca-trade-deal> (accessed 10.10.2020)

³⁷ Необходимо добавить, что за прошедшие три дня, когда Оттава принимала с официальным визитом вице-президента США М. Пенса ничто не предвещало каких-либо изменений в позиции Д. Трампа по соглашению ЮСМКА, и М. Пенс убеждал Дж. Трюдо в необходимости скорейшей ратификации этого договора.

³⁸ McCarten J. With Trump's New Tariff Threats, New NAFTA Once Again Hangs in the Balance. *CBC*. May 31, 2019. URL: <https://www.cbc.ca/news/politics/trump-new-tariff-threatens-new-nafta-1.5158417> (accessed 10.10.2020)

³⁹ Blanchfield M. Trudeau to Meet Pelosi, McConnell, as Well as Trump in Washington. *The Canadian Press*. June 19, 2019. Page number: Not available. Canadian Press Enterprises Inc. Provided by ProQuest LLC. www.questia.com (accessed 10.10.2020)

⁴⁰ Thiessen M.A. If They Won't Pass His Trade Deal, Trump Should Make Democrats Own NAFTA. *Deseret News* (Salt Lake City). July 19, 2019. URL: <https://www.aei.org/articles/if-they-wont-pass-his-trade-deal-trump-should-make-democrats-own-nafta/> (accessed 10.10.2020)

С 1 июля 2019 г. канадский парламент ушёл на каникулы, а премьер-министр Дж. Трюдо заявил, что осенью торговое соглашение будет заключено, хотя Канада и не спешит ратифицировать соглашение перед лицом политических разногласий в самих США⁴¹. В старейшей канадской газете «Виннипег фри пресс» (*Winnipeg Free Press*) в передовой статье отмечалось, что за 10 месяцев, прошедших с тех пор, как Канада, Мексика и США договорились о новом торговом соглашении, «американцы так и не смогли условиться между собой, что они хотят с этим соглашением делать»⁴². По мнению издателей, «главное преимущество ЮСМКА, которое предлагается Канаде, заключается в том, что господин Трамп считает это соглашение своим “творением”»⁴³.

После выхода в сентябре с летних каникул американские демократы Конгресса вновь стали настаивать на пересмотре всего соглашения ЮСМКА. Демократы хотят видеть в соглашении более жёсткие трудовые и экологические стандарты, фиксированные цены на отпускаемые по рецепту лекарства, которые бы подтверждались законодательными актами Канады и Мексики, а не просто декларировались в соглашении⁴⁴. Высказанные требования к ЮСМКА демократическим большинством были прокомментированы лидером рабочей группы, созданной Н. Пелоси для изучения соглашения, депутатом из Коннектикута Розой Делоро (*Rosa DeLauro*), которая подтвердила, что соглашение нуждается в серьёзном изменении и поэтому может быть ратифицировано, скорее всего, не ранее 2020 г.⁴⁵.

В этих условиях деловые круги в США стали лоббировать ускорение ратификации ЮСМКА. Так, губернатор штата Аризона Даг Дьюси (*Doug Ducey*) и президент Торговой палаты Аризоны Гленн Хеймер (*Glenn Hamer*), переговорив с более чем сотней чиновников по всей стране, выяснили, что «новая торговая сделка важна не только для Аризоны, но и для других 44 штатов, которые торгуют с Канадой или Мексикой»⁴⁶.

Попытки ратификации ЮСМКА в условиях процесса импичмента президента

24 сентября 2019 г. спикер Палаты представителей Н. Пелоси инициировала обвинительный процесс против президента Д. Трампа, который якобы в личных политических целях оказывал давление на украинского президента В. Зе-

⁴¹ Ibid.

⁴² With Ratification on Hold, the Old NAFTA Prevails. Editorial. *Winnipeg Free Press*. July 30, 2019. URL: <https://www.winnipeg-freepress.com/opinion/editorials/with-ratification-on-hold-the-old-nafta-prevails-513353992.html> (accessed 10.10.2020)

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ferrechio S. House Democrats: Fate of Stalled Trade Deal Rests with Lighthizer. *Washington Examiner*. September 3, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/news/congress/house-democrats-fate-of-stalled-trade-deal-rests-with-lighthizer> (accessed 10.10.2020)

⁴⁵ Higgins S. Key Democrat Says USMCA Negotiation Process 'Not over Yet,' Could Go into 2020. *Washington Examiner*. September 4, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/key-democrat-says-usmca-negotiation-process-not-over-yet-could-go-into-2020> (accessed 10.10.2020)

⁴⁶ Depaola A-X Gov. Ducey in Washington to Make Pitch for 'Critical' North American Trade Deal. *AZ Daily Star*. September 18, 2019. P. A14. McClatchy-Tribune Information Services. Provided by ProQuest LLC.

ленского для проведения им расследования коррупционных схем Хантера Байдена, сына бывшего вице-президента Джо Байдена, в обмен на финансовую и военную помощь со стороны США. Уже на следующий день член Палаты представителей демократ от Лос-Анжелеса Джимми Гомез (*Jimmy Gomez*) утверждал, что запуск процедуры импичмента может способствовать ускорению процесса ратификации соглашения ЮСМКА в Конгрессе⁴⁷. Кроме того, 28 сентября к проектированию дополнительного соглашения к договору ЮСМКА демократами были привлечены специалисты Министерства труда США, которые по их замыслу должны были прописать более строгие стандарты по оплате труда в Канаде и Мексике⁴⁸.

Американские политические наблюдатели и торговые эксперты стали высказывать опасения, что вопрос импичмента вышел на первое место в работе Палаты представителей, и теперь вопрос ратификации соглашения ЮСМКА будет отложен. Не только в Конгрессе, но и в администрации президента Д. Трампа многие осознали, что ратификация соглашения ЮСМКА в ближайшее время не произойдёт. 24 октября советник по торговой политике Белого дома Питер Наварро (*Peter Navarro*) отметил: «Существует одна реальная проблема – это Нэнси Пелоси. Она играет на скрипке, пока ЮСМКА находится в глубокой заморозке. Это соглашение готово к работе, отправьте его на рассмотрение в Конгресс»⁴⁹.

Необходимо отметить, что даже среди демократов мнения о возможности прохождения внесённого законопроекта по торговле в 2019 г. разделились. Одни считали, что время для ратификации вышло, другие, что такая возможность всё ещё сохраняется. Республиканцы были более пессимистичны. Так, губернатор штата Аризона Даг Дьюси подчеркнул: «Я надеюсь, что спикер любит свою страну больше, чем играть в политику в Вашингтоне»⁵⁰. По его мнению, в оставшиеся три недели сессии невозможно одновременно решить два вопроса – импичмент и ратификацию ЮСМКА.

25 ноября 2019 г. спикер Палаты представителей Н. Пелоси отметила: «Мы достигли существенно улучшенного соглашения для рабочих Америки. Теперь, мы должны увидеть свой успех в письменной форме от [американского] торгового представителя для заключительного обзора»⁵¹. Тем самым, она дала по-

⁴⁷ 'Chaos Is a Ladder': Democrat Argues Impeachment Might Help USMCA Trade Deal. *Washington Examiner*. September 25, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/chaos-is-a-ladder-democrat-argues-impeachment-might-help-usmca-trade-deal> (accessed 10.10.2020)

⁴⁸ Unresolved Question in USMCA Talks: The Labor Department's Role Enforcing It. *Washington Examiner*. September 28, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/unresolved-question-in-usmca-talks-the-labor-departments-role-enforcing-it> (accessed 10.10.2020)

⁴⁹ Higgins S. OP Fears It's Already Too Late for USMCA Vote This Year. *Washington Examiner*. October 25, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/gop-fears-its-already-too-late-for-usmca-vote-this-year> (accessed 10.10.2020)

⁵⁰ Fischer H. Trade Wars Serve Purpose, Says Assistant Secretary of Commerce. *AZ Daily Star*. October 30, 2019. P. B01. McClatchy-Tribune Information Services.

⁵¹ Pelosi Says Democrats 'Within Range' of Deal on Trump USMCA. *Washington Examiner*. November 25, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/pelosi-says-democrats-within-range-of-deal-on-trump-usmca> (accessed 10.10.2020)

нять, что до наступления 2020 г. ратифицированное соглашение ЮСМКА будет передано в Сенат. 19 декабря 2019 г. Палата представителей проголосовала за новую торговую сделку с результатами голосования: 385 – за, 41 – против. Эта стратегическая победа была одержана Белым домом спустя день после того, как документы по импичменту президента были переданы в Сенат⁵². Нэнси Пелоси также признала, что эта торговая сделка «гораздо лучше, чем НАФТА и бесконечно лучше, чем то, что изначально было предложено администрацией»⁵³.

Комитет по торговле Палаты представителей за 2019 г. насчитал в общей сложности 84 слушания, 15 изменений в законопроекте, 62 принятых законопроекта и 150 писем, направленных в администрацию Трампа, компаниям и другим группам в рамках расследований Комитета⁵⁴.

Голосование в Сенате по законопроекту ЮСМКА прошло с преимущественным одобрением, 89 голосов – за, 10 – против. 29 января 2020 г. президент Д. Трамп своей подписью официально утвердил соглашение ЮСМКА.

Что касается Канады, то сессия канадского парламента открылась в понедельник 27 января 2020 г., на которой заместитель премьер-министра Х. Фриленд пообещала, что правительство внесёт на рассмотрение законопроект ЮСМКА в среду, после ожидаемого подписания президентом США. Процедура рассмотрения соглашения в канадском парламенте может затянуться по нескольким причинам: во-первых, правительство Дж. Трюдо является правительством меньшинства, поэтому для того, чтобы заручиться поддержкой, канадским либералам придётся провести работу со своими политическими оппонентами, а это займёт время; во-вторых, канадская политическая элита может пожелать продемонстрировать президенту США, что не всё зависит от его решений, а лозунг франкоканадских патриотов «мы помним» (*Je me souviens*) может сработать и на этот раз; в-третьих, по канадскому законодательству, после одобрения соглашения обеими палатами, ЮСМКА вступит в силу только через 90 дней, а соглашение НАФТА перестанет существовать⁵⁵.

В настоящем исследовании выявлены новые тенденции в американо-канадских отношениях в процессе ратификации трёхстороннего соглашения ЮСМКА, которые связаны как с изменениями американского внешнеполитического курса по ведению переговоров со своим ближайшим политическим и экономическим партнёром, так и влиянием на двусторонние отношения внутриполитических противоречий в США.

⁵² House Passes Trump USMCA Trade Deal Replacing NAFTA. *Washington Examiner*. December 19, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/economy/house-passes-trump-usmca-trade-deal-replacing-nafta> (accessed 10.10.2020)

⁵³ McGhee K. Klobuchar Is Right about the USMCA: It's a Win for Both Democrats and Republicans. *Washington Examiner*. December 19, 2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/opinion/amy-klobuchar-is-right-about-the-usmca-its-a-win-for-both-democrats-and-republicans> (accessed 10.10.2020)

⁵⁴ Moore D. 2019. Progress despite Impeachment: Congress Forges Compromises at Year-End Break. *Pittsburgh Post-Gazette* (Pittsburgh, PA). December 22. P. D-1. URL: <https://www.pressreader.com/usa/pittsburgh-post-gazette/20191222/282514365437997> (accessed 10.10.2020)

⁵⁵ Пока статья находилась на рассмотрении в редакции, 13 марта 2020 г. канадский парламент ратифицировал Соглашение ЮСМКА.

Важно подчеркнуть, что Д. Трамп не является первым инициатором изменения договора НАФТА, как он утверждает на протяжении последних четырёх лет. Эта необходимость объективно возникла во времена президентства Дж. Буша-мл.; им и последующим президентом Б. Обамой неоднократно вносились изменения в условия функционирования НАФТА. Президент Д. Трамп, в отличие от своих предшественников, реализовывал замену соглашения НАФТА соглашением ЮСМКА путём обострения политического кризиса в двусторонних отношениях как с Мексикой, так и Канадой. Ухудшение отношений было связано с введением таможенных тарифов, неоднократной сменой позиций как на стадии переговоров, так и на стадии ратификации соглашения.

Непостоянство со стороны США во время ратификации соглашения ЮСМКА в следовании согласованным позициям вынудило правительство Дж. Трюдо приостановить рассмотрение вопроса о ратификации Соглашения в канадском парламенте в июне 2019 г. до полной ратификации Соглашения американской стороной в конце января 2020 г.

Таким образом, эволюция соглашения НАФТА и его замена ЮСМКА – это постепенное и целенаправленное ограждение североамериканской группы стран от давлений глобального мирового рынка, начатое в период президента Дж. Буша-мл. и продолженное последующими американскими президентами. В период президента Д. Трампа это связано ещё и с торговыми спорами, развязанными США как со своими партнёрами (Мексикой, Канадой, ЕС, Республикой Корея, Бразилией, Аргентиной и Австралией), так и с конкурентами – Китаем и Россией, что подтверждает авторский вывод о смене подходов США к внешней политике. За время подготовки соглашения ЮСМКА существенно ухудшились американо-канадские отношения, по уровню доверия они опустились на самую низкую ступень этих взаимоотношений в XXI в, хотя лидеры стран в публичном пространстве этого не признают. Подписанное лидерами США, Мексики и Канады 30 ноября 2018 г. соглашение ЮСМКА в процесс ратификации претерпело существенные изменения, которые выгодны в первую очередь Соединённым Штатам.

Процесс ратификации ЮСМКА продемонстрировал, что для американской стороны приоритетным принципом стал «Америка прежде всего», нежели взаимоуважительные и добрососедские отношения с Канадой, которые предполагают учитывать торговые интересы своего партнёра. Соединённые Штаты отошли от политики свободной торговли во внешней торговле с североамериканскими партнёрами – Канадой и Мексикой и перешли к протекционистской политике, тарифного и квотного давления на своих союзников и партнёров. Исходя из сложившихся американо-канадских отношений, следует ожидать продолжения нарастания политических и торговых противоречий между США и Канадой, пересмотра и включения новых дополнительных соглашений в соглашение ЮСМКА.

Об авторе:

Илья Анатольевич Соков – доктор исторических наук, доцент кафедры международных отношений политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета. 400062, Волгоград, проспект Университетский 100. E-mail: sokov@volsu.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00040.

Received: February 10, 2019
Accepted: June 1, 2020

New in US-Canadian Relations and Ratification of the USMCA Agreement

I.A. Sokov

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-78-96](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-78-96)

Volgograd State University

Abstract: The article reviews through chronological analysis key issues in US-Canadian relations in the context of new trade agreement USMCA replacing NAFTA during Trump's presidency. It identifies a new model of relations between the closest North American partners in the context of a new paradigm which is called "America First". This model leads to a crisis the US-Canadian relations, which is aggravated by the increased partisan rivalry in light of the upcoming US presidential elections, the impeachment process initiated in the House of Representatives.

The article comes to the following conclusions. The evolutionary development of the free trade agreement (NAFTA), its rejection and acceptance of the USMCA preferential agreement is a gradual and consistent process of protecting North American countries from global market, which started during the presidency of George W. Bush and continued by the subsequent American presidents. This is also connected with the trade war between the United States and China, that was repeatedly emphasized both in the US Administration and in the Congress during D. Trump's presidency. The United States-Canadian relations have worsened significantly, although the countries' leaders do not recognize it publicly during the agreement's preparation and its ratification, for almost three years. The USMCA agreement is not a final version, subject to further ratification. It took more than a year for the parties to find compromise solutions on the USMCA with the protocols' preparation to the agreement and its submission to the national parliaments. Moreover, in the agreed version, the USMCA agreement meets primarily the interests of the United States. The US pressure on Canada was unprecedented. As a result, we should expect the continued growth of political and trade contradictions between the United States and Canada, as well as the revision and addition of new additional agreements in the USMCA agreement.

Keywords: NAFTA, USMCA, free trade, America First, political competition in the United States, D. Trump, J. Trudeau, American-Canadian relations

About the author:

Ilya A. Sokov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of International Relations, Political Science and Area Studies at Volgograd State University. Prospect Universitetskii, 100, Volgograd, 400062, Russia. E-mail: sokov@volsu.ru

Conflicts of interests: The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00040.

References:

- Barfield C. 2019. *The Democrats and Trade Policy: Hints (and Divisions) from the House of Representatives*. AEI Paper & Studies. April. P. 1-4.
- Boehm E. 2019. Mooving on from NAFTA: A Better Deal on Dairy with Canada, but at What Cost? *Reason*. 50(10).
- Hart M. A. 1990. *North American Free Trade Agreement*. Halifax: Institute for Research on Public Policy.
- Marki G., Russo J 2019. CUSLI Experts' Roundtable Report on "Canada-United States Relations – Looking Forward". *Canada-United States Law Journal*. Vol. 43. 296 p.
- Park S.-C. 2019. Trade Protectionism as the Achilles Heel of International Cooperation and Countermeasures Focused on the EU – Japan FTA. *International Organisations Research Journal*. 14(2). P. 191-222. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-08
- Smith P. 2019. The U.S. & Canada: Family Feud. *New York Times Upfront*. 151(9). February 18. P. 10-12.
- Komkova E.G. 2005. *Kanada i NAFTA. Itogi i perspektivy severoamerikanskoi ekonomicheskoi integratsii* [Canada and NAFTA. The Results and Perspectives of North American Economic Integration]. Moscow. 349 p. (In Russian)
- Komkova E.G. 2019a. S NAFTA i bez nego: gipoteticheskie varianty ekonomicheskikh posledstviĭ dliā SSHA, Kanady i Meksiki [Together or without NAFTA: Hypothetical Options of the Economic Consequences for the United States, Canada and Mexico]. *SSHA i Kanada*. №3. P. 68-84. DOI: 10.31857/S032120680004156-5 (In Russian)
- Komkova E.G. 2019b. IUSMKA vmesto NAFTA [USMCA instead of NAFTA]. *World Economy and International Relations*. 63(4). P. 50-58. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-50-58 (In Russian)
- Nemova L.A. 2019. Ėkonomicheskaiā situatsiia v Kanade nakanune vyborov 2019 goda [The Economic Situation on the Eve of the 2019 Elections in Canada]. *SSHA i Kanada*. 49(9). P. 5-14. DOI: 10.31857/S032120680006294-7 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Комкова Е.Г. 2005. *Канада и НАФТА. Итоги и перспективы североамериканской экономической интеграции*. Москва. 349 с.
- Комкова Е.Г. 2019а. С НАФТА и без него: гипотетические варианты экономических последствий для США, Канады и Мексики. *США и Канада*. №3. С. 68-84. DOI: 10.31857/S032120680004156-5

Комкова Е.Г. 2019b. ЮСМКА вместо НАФТА. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(4). С. 50-58. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-50-58

Немова Л.А. 2019. Экономическая ситуация в Канаде накануне выборов 2019 года. *США и Канада*. 49(9). С. 5-14. DOI: 10.31857/S032120680006294-7



Влияние монетарной политики на уровень экономического неравенства в США

М.Л. Дорофеев

Финансовый университет при Правительстве РФ

После реформы мировой валютной системы и отказа в 1971 г. от золотого стандарта монетарные и фискальные власти накопили огромный опыт регулирования экономики и усиления страновых конкурентных преимуществ за счёт сложных механизмов денежной эмиссии, манипулирования валютными курсами, наращивания долгов и пр. Преодоление последствий финансовых кризисов XXI в. заставляет монетарных регуляторов прибегать к всё более радикальным мерам спасения экономики посредством вливания колоссальных объёмов ликвидности в рынок для выкупа «плохих» долгов системообразующих корпораций и облигаций правительства. Как монетарная политика влияет на уровень экономического неравенства? Кто выступает её бенефициаром? Эти вопросы становятся всё актуальнее. Цель настоящей работы состоит в анализе влияния монетарной политики на уровень экономического неравенства в США. Учитывая цикличность экономического неравенства, основным методом исследования мы выбрали графический анализ, позволяющий эффективно выявлять тренды и держать в фокусе более чем 100-летний период. Для целостности исследования уровень экономического неравенства сопоставлен не только с ключевыми индикаторами монетарной политики, но и с предельными налоговыми ставками.

В результате исследования нами установлено, что от параметров фискальной системы и от величины предельных налоговых ставок экономическое неравенство зависит сильнее, чем от монетарной политики. Недостаточно высокие предельные налоговые ставки на доходы и наследство увеличивают экономическое неравенство. Влияние настроек монетарной системы на уровень экономического неравенства, и прежде всего на уровень богатства наиболее состоятельных людей, сказывается через стоимостную оценку финансовых активов. Важный вывод проведённого анализа заключается в том, что для сдерживания роста неравенства монетарная политика может быть приемлемой при предельных ставках налогов на доходы и наследство около 60% и при эффективном макроprudенциальном регулировании экономики.

Ключевые слова: неравенство богатства, экономическое неравенство, денежно-кредитная политика, налоги, процентные ставки, монетарная политика, государственное регулирование

УДК: 336.02

Поступила в редакцию: 25.07.2020 г.

Принята к публикации: 10.09.2020 г.

Большинство исследований показывает обратную зависимость между экономическим неравенством и экономическим ростом, следовательно, эффективное снижение уровня экономического неравенства при прочих равных условиях должно способствовать экономическому росту. В странах, которые недостаточно эффективно решают проблему экономического неравенства, наблюдаются высокий уровень бедности и медленные темпы экономического роста. Кроме того, в долгосрочной перспективе существенное экономическое неравенство может привести к политическим, социальным и экономическим шокам (Джомо, Попов 2016; Любимов 2016; Малкина 2016; Балацкий 2017; Варшавский 2019).

Многие актуальные исследования анализируют связь экономического неравенства с перепроизводством экономических благ, провоцируемым стимулирующей экономической политикой регуляторов и формированием соответствующих потребительских стереотипов. В ряде работ отмечаются негативное влияние роста экономического неравенства на экологию, риски существенного замедления экономического роста, а также угрозы устойчивости развития мировой экономики (Mikhaylov at al. 2020; Moiseev at al. 2020; Nie at al. 2020; Yumashev at al. 2020; Varyash at al. 2020; Wiedmann at al. 2020).

Экономическое неравенство может приводить к финансовой нестабильности в том случае, если домохозяйства с низким уровнем доходов используют кредит как основной способ повышения уровня жизни и потребления (Капельников 2017; Варшавский 2019). Доступность кредитов при низких процентных ставках мотивирует домохозяйства наращивать заимствования, что приводит к созданию долговых пузырей. В результате финансовая система становится уязвимой для внешних шоков, а устойчивое развитие экономики оказывается под угрозой срыва.

Для преодоления текущих проблем и вызовов центробанки развитых стран уже не могут снижать процентные ставки, поскольку их уровень близок к нулевому (Малова 2020). В этих условиях монетарные регуляторы прибегают к активным операциям на финансовом рынке, покупая долговые обязательства и тем самым фактически расширяя денежную базу. Раньше производилась скупка ипотечных бумаг и казначейских облигаций США. В настоящее время центробанки расширяют список выкупаемых активов, что не может не вызывать опасений по поводу возможных последствий подобных действий.

Современное состояние мировой экономики и желание политиков США сохранить за страной роль мирового экономического лидера побуждает регуляторов прибегать к любым способам предотвращения банкротств системообразующих корпораций, включая выкуп активов и долговых обязательств. Созданные регуляторами условия привели к тому, что в своей инвестиционной политике бизнес перестал считаться с рисками. В случае успеха корпорации получают сверхприбыли, а в случае неудачи правительство через бюджетную систему на средства налогоплательщиков покрывает убытки, выкупая плохие дол-

ги (Mazzucato 2018). Тем самым поощряется безответственность и чрезмерная склонность корпораций к риску и, более того, происходит коррозия системы политических сдержек и противовесов. При запущенности проблемы и большой поляризации по доходам и богатству корпорации и сверхбогатые люди получают возможность оказывать влияние на политиков и ещё сильнее подстраивают параметры финансовой системы под собственные интересы. В отсутствие должного фискального регулирующего воздействия со стороны государства описанные обстоятельства ускорили рост экономического неравенства в США.

Прогнозы изменения экономического неравенства до 2050 г. показывают, что уровень экономического неравенства в большинстве стран угрожающе растёт, что создаёт риски для социальной стабильности и устойчивого экономического роста мировой экономики¹. Поэтому в научном сообществе всё больше внимания уделяется анализу причин и факторов роста экономического неравенства, а также разработке эффективных мер, которые позволили бы государствам решить эту проблему.

Обзор литературы

На рост экономического неравенства оказывают влияние разные факторы.

Итальянский исследователь П. Тридико (Tridico 2017) выделяет глобальное межстрановое экономическое неравенство и внутристрановое экономическое неравенство.

Глобальное экономическое неравенство набирает обороты после проведения технологических реформ, создающих новые сложные и длинные цепочки добавленной стоимости вокруг ключевой географической территории (страны). Это приводит к перетоку капиталов и неравномерности темпов экономического роста разных странах. В данный период страна-лидер и её главный(ые) конкурент(ы) всё дальше отрываются в экономическом развитии от догоняющих стран. Соответственно, национальный доход ведущих стран растёт быстрее, что оборачивается усилением межстранового экономического неравенства.

Внутристрановое экономическое неравенство начинает расти после того, как происходят технологические сдвиги в области управления человеческим капиталом, трудовыми ресурсами, навыками и компетенциями внутри отдельно взятой страны. Более образованные и квалифицированные граждане получают преимущества на внутреннем рынке труда, что приводит к росту поляризации доходов в стране.

В период циклического роста с 1970 г. по настоящее время внутристрановое экономическое неравенство развивалось под заметным влиянием существую-

¹ *World inequality report*. 2018. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> (accessed 14.10.2020).

щей в стране социально-экономической модели и национальной финансовой системы. Страны с преобладающим корпоративным сектором (США, Англия, Ирландия) минимизировали степень регулирования экономики, развивали свободный рынок и фиксировали налоговые ставки на низких значениях. Противоположные по модели социально-экономического развития скандинавские страны пошли по пути, основанному на государственно-частном партнёрстве, прогрессивной системе налогообложения, социальной ориентированности экономики.

Монетарные власти США сегодня используют все доступные инструменты и методы, чтобы в краткосрочной перспективе решить проблему роста капитализации финансовых активов и ускорить экономический рост. При этом Вашингтон использует преимущества крупнейшей мировой экономики и уникальные возможности эмитента основной мировой резервной валюты. Получив право печатать неограниченное количество долларов после реформы мировой валютной системы в 1970-х гг., монетарные власти США для борьбы с кризисами и решения своих текущих экономических проблем постоянно проводят агрессивное наращивание денежной базы и применяют инструменты неконвенциональной монетарной политики.

Принимая во внимание множественность факторов, одновременно оказывающих влияние на динамику экономического неравенства, вычленив вклад в эту динамику монетарной политики представляется непростой задачей.

Исследования (Bernanke, Gertler 1995; Rigobon, Sack 2004; Dobbs et al. 2013) показывают, что конвенциональная монетарная политика в большей степени влияет на капитализацию рынка акций, чем на цены на недвижимость. Неконвенциональная монетарная политика имеет иной механизм. Масштабные покупки центробанками инструментов долгового рынка (например, государственных облигаций для финансирования дефицита государственного бюджета или ипотечных бумаг для контроля цен на ипотечном рынке) приводят к росту стоимости этих бумаг и к снижению их доходности. Многие аспекты такой политики – масштабы и продолжительность эффекта стимулирования, ключевые бенефициары – до сих пор мало изучены (Martin, Milas 2012).

С учётом цикличности развития экономики и, соответственно, уровня экономического неравенства, на разных стадиях бизнес-цикла монетарная политика оказывает неодинаковое воздействие на уровень экономического неравенства.

В периоды экономических кризисов монетарные регуляторы выступают в роли кредитора и маркет-мейкера последней инстанции (Дорофеев 2020а), скупая активы на финансовом рынке, поддерживая уровень цен и потенциально увеличивая уровень поляризации по доходам и богатству. Активы и, соответственно, доходы самых богатых людей в значительной степени состоят из акций и облигаций; богатство бедных людей (если оно имеется) в основном складывается из недвижимости и банковский депозитов. Таким образом, когда моне-

тарные власти скупают облигации и акции² на финансовом рынке, поддержку получают именно богатые люди, в то время как бедные могут лишиться работы (а вместе с тем – единственного источника дохода), поскольку в рамках проведения антикризисной политики корпоративный сектор, как правило, сокращает издержки на заработную плату.

Поскольку монетарная политика проводится в контрциклической манере, её долгосрочное влияние на равные по длительности циклы расширения и сужения кредита и экономики может быть нейтральным. Тем не менее, некоторые исследования показывают, что сдерживающая монетарная политика сильнее замедляет экономический рост, чем стимулирующая монетарная политика ускоряет его (Morgan 1993; Karras 1996).

В связи с тем, что регуляторы реагируют главным образом не на рост акций, а на их падение (Ravn 2014), монетарная политика может стать важной причиной циклического роста экономического неравенства: монетарные власти делают избыточно много для предотвращения падения финансовых рынков в периоды рецессий, в то время как в периоды бума они делают недостаточно, чтобы сдержать процесс надувания финансовых пузырей. Регуляторы располагают эффективными инструментами для сдерживания быстро растущих финансовых пузырей, однако в большинстве случаев они предпочитают сохранять в среднесрочном периоде высокие темпы экономического роста, рискуя ускорить наступление циклических финансовых кризисов в будущем.

Неоднородное влияние дополнительных мер на различных экономических акторов усиливает рост экономического неравенства. В силу этого необходимо применять дополнительные асимметричные меры монетарного регулирования, чтобы обеспечить баланс в циклическом развитии экономики (Tenreiro, Thwaites 2013).

В некоторых работах (Bivens 2015) рассмотрена альтернативная версия кризисных ситуаций: монетарные власти не предпринимают экстраординарных мер для борьбы с кризисами и не меняют параметры монетарной политики. Тогда мощные и затяжные финансовые и экономические кризисы могут привести к самым серьёзным изменениям внутристранового экономического неравенства.

По свидетельству главы ФРС Дж. Пауэлла³, возглавляемая им служба фокусирует внимание на решении текущих проблем, которые чреваты риском быстрого роста экономического неравенства. Пауэлл признаёт, что для спасения экономики регулятору уже пришлось пересечь множество красных линий. Глава ФРС не упомянул о богатых американцах, чьё состояние инвестировано в

² Can the Fed conduct monetary policy through the purchase and sale of stocks on the New York Stock Exchange? 2015. Federal reserve bank of San Francisco. <https://www.frbsf.org/education/publications/doctor-econ/2005/november/monetary-policy-stocks-sale-purchase/> (accessed 14.10.2020).

³ Condon C., Saraiva C. 2020. Powell Says Fed Policies 'Absolutely' Don't Add to Inequality. *Bloomberg Economics*. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-29/powell-says-fed-policies-absolutely-don-t-add-to-inequality?utm_content=business&utm_source=twitter&utm_medium=social&cmpid=socialflow-twitter-business&utm_campaign=socialflow-organic (accessed 14.10.2020).

финансовые активы, в 2020 г. активно скупаемые ФРС на свой баланс по любым ценам для поддержки финансовых рынков⁴. Текущие настройки монетарного регулирования в США гипертрофированно мягкие, они способствуют созданию финансовых пузырей и оказывают существенное влияние на доходы и богатство наиболее состоятельных людей США (Дорофеев, Ахметов 2020; Дорофеев 2020b).

Некоторые исследователи (O'Farrell et al. 2019) высказывают мнение, что монетарным властям следует в первую очередь заботиться о стабильности цен и об обеспечении занятости, поскольку решение проблемы экономического неравенства требует таргетирования цен на финансовые активы. Это крайне сложная задача требует частого изменения ключевых параметров денежно-кредитной политики, что, по сути, противоречит основам свободного рынка и может пошатнуть макроэкономическую стабильность.

Доклад МВФ о борьбе с неравенством⁵ показывает противоречивую картину. С одной стороны, МВФ предлагает пути нивелирования экономического неравенства: реформа прогрессивной шкалы налогообложения, введение базового дохода, повышение доступности систем образования и здравоохранения. С другой стороны, авторы доклада констатируют разнонаправленные тенденции в динамике экономического неравенства: межстрановое неравенство снижается за счёт роста Китая и развивающихся стран; внутривострановое неравенство в ряде развитых стран растёт, но в некоторых странах снижается. По представленным данным, внутривострановое экономическое неравенство в почти половине обследованных стран снижается в течение последних 30 лет⁶.

На наш взгляд, выбор аналитиками МВФ 30-летнего периода исследования может создать иллюзию, будто проблема роста экономического неравенства в мировой экономике не критична, или, по крайней мере, преувеличена. Вместе с тем в том же докладе МВФ отмечено, что резкий рост доходов и высокие нормы сбережения наиболее богатых людей в другой половине стран, в том числе и в США, привели к заметному росту внутривостранового экономического неравенства по концентрации богатства у верхнего 1% самых богатых людей страны, что указывает на очевидные проблемы в настройках механизма финансового перераспределения и требует вмешательства органов государственного регулирования экономикой.

Группа авторов Доклада о развитии неравенства в мире (World inequality report 2018) утверждает, что проблема роста экономического неравенства существует, очевидна и требует своего решения. Автор настоящего исследования также считает, что современные условия мировой финансовой системы, тренд

⁴ После кризиса 2008 г. рынки акций и облигаций США растут, по финансовым мультипликаторам они сильно переоценены.

⁵ IMF Fiscal Monitor. Tackling Inequality 2017: ix

⁶ IMF Fiscal Monitor. Tackling Inequality, October 2017. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2017/10/05/fiscal-monitor-october-2017> (assessed 14.10.2020).

на дерегулирование финансовых рынков и стимулирующая финансовая политика крупнейших стран мира создали условия для ускорения поляризации людей по доходам и богатству, что хорошо просматривается в фактических цифрах статистики внутристранового экономического неравенства и требует дополнительных исследований, а также принятия соответствующих мер государственного регулирования.

Отметим важный труд Р.И. Капелюшникова в области анализа причин, факторов и перспектив развития экономического неравенства в мире, в котором он призывает не примитизировать проблему роста экономического неравенства. Так, он предполагает, что убежденность части научного сообщества в высоких рисках роста экономического неравенства в будущем может базироваться на недостаточной аргументации и слабой доказательной базе, что, в свою очередь, может привести к ошибочной практике государственного регулирования (Капелюшников 2017).

Материалы и методы исследования

Под экономическим неравенством мы понимаем различие по показателям экономического благосостояния между отдельными лицами в группе, между группами населения или между странами. В данном исследовании в качестве индикатора экономического неравенства использованы данные о доле богатства 1% наиболее состоятельных граждан США.

В настоящей работе анализируются данные об уровне экономического неравенства в США по богатству за период с 1910 по 2014 гг. Такой значительный период исследования выбран по причине того, что автор разделяет идею Тридико (Tridico 2017) о циклической динамике экономического неравенства, и на основе имеющихся данных предполагает, что длительность циклов составляет около 50–70 лет. Исходя из данного предположения, в исследовании автор стремился охватить максимально длительный период. Доступные данные о динамике экономического неравенства позволяют сформировать информационную базу с начала 1900 г. Обоснование выбора периода исследования подтверждают выводы Доклада о развитии неравенства в мире (World inequality report 2018).

Графический анализ проводится на основе сопоставления динамики доли богатства 1% самых обеспеченных граждан США, параметров фискальной и монетарной политики, а также ключевых индикаторов фондового рынка США.

Из монетарных параметров мы использовали официальные данные о ключевой ставке ФРС США. Чтобы дополнить общую картину о трендах процентных ставок в США в период 1910–1955 гг., мы привлекли показатель доходности к погашению 10-летних казначейских облигаций США. Значения этого индикатора отличаются от ставки ФРС, которая отражает уровень процентных ставок в экономике США на краткосрочном горизонте.

Анализ поведения кривой доходностей госдолга США показывает, что долгосрочные процентные ставки более устойчивы к циклическим колебаниям экономики в долгосрочном периоде, который мы выбрали для исследования экономического неравенства (Дорофеев 2020b). Кроме этого, данный индикатор отражает ожидаемую доходность на долгосрочных инвестиционных горизонтах и используется для оценки стоимости финансовых активов, будучи общепринятым индикативом в корпоративных финансах и оценке. Динамика доходности долгосрочных облигаций позволяет оценить тренды на рынке облигаций и развивается в обратной зависимости от капитализации рынка облигаций. После мирового финансового кризиса 2008 г. регуляторы всё чаще прибегают к неконвенциональным методам монетарного регулирования (выкупу долгов на финансовом рынке США), что отражают тренды на рынке государственного долга США.

Для оценки динамики капитализации рынка акций нами использован стоимостной мультипликатор CAPE10 Р. Шиллера для индекса SnP500. Приоритет отдан данному мультипликатору, т.к. в основе его расчёта лежит скользящая средняя (усреднённая за 10 лет) чистая прибыль рынка акций США, входящих в широкий индекс рынка акций США SnP500, что позволяет сгладить влияние на наш анализ циклических колебаний корпоративной чистой прибыли.

Чтобы получить полную картину изменений настроек финансового механизма перераспределения доходов в США, мы использовали данные о предельных ставках налогов на наследство и богатство.

Результаты анализа каждого графика представлены в табличной форме и снабжены текстовыми комментариями. В таблицах описаны циклы и тренды изменения экономического неравенства в США и дана оценка соответствующих трендов в денежно-кредитной и налоговой политике США.

Результаты исследования и дискуссия

Современная прогрессивная система налогообложения США недостаточно эффективно распределяет национальный доход для группы наиболее бедных людей страны (50% граждан США)⁷. Система социальных трансфертов в стране выстроена таким образом, что беднейшие граждане получают недостаточный объём государственной поддержки для того, чтобы не допустить отставания темпов роста доходов от среднего класса и богатых людей.

Согласно данным доклада о неравенстве в мире⁸, в результате финансового перераспределения доходов и богатства большую поддержку получает средний класс (40% населения). Государственные расходы на финансирование социального обеспечения в процентах к национальному доходу США выросли с 2% в

⁷ *World inequality report 2018*. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> (assessed 14.10.2020).

⁸ *World inequality report 2018*. P. 90

1960 г. в до 11% в 2014 г. С данными средствами поддержки нижние 50% населения США получали около 10% национального дохода страны, в то время как доля национального дохода средних 40% достигала 16%. В период 1999–2014 гг. доходы среднего класса США выросли в основном за счёт государственных трансфертов населению по различным социальным программам. Авторы доклада о неравенстве в мире отмечают, что без данной поддержки со стороны государства доходы среднего класса США стагнировали, а экономическое неравенство было бы выражено сильнее, чем сегодня.

Структура активов домохозяйств с различными уровнями доходов различается. У самых обеспеченных людей доходы формируются в основном за счёт долей собственности в бизнесе и ценных бумаг⁹. С ростом благосостояния в структуре портфеля персонального богатства возрастает доля финансовых активов фондового рынка и уменьшается доля трудовых доходов. Следовательно, чем богаче человек, тем больше его благосостояние зависит от динамики цен на финансовом рынке (рис. 1).

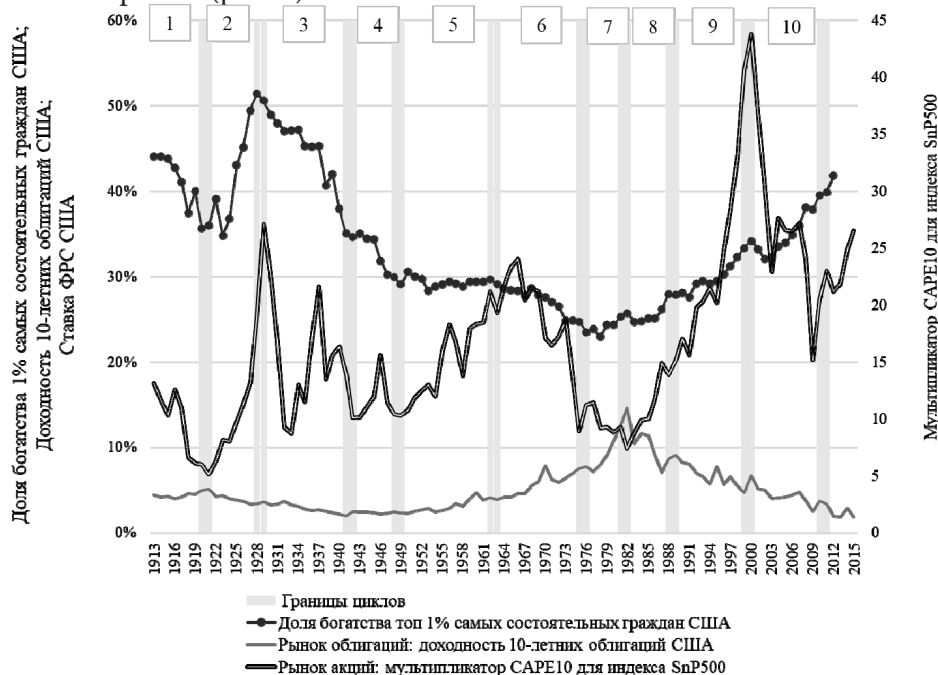


Рис. 1. Динамика доли богатства 1% граждан США на фоне изменения параметров монетарной и фискальной политики.

Fig. 1. Dynamics of 1% US citizens wealth share against the background of changes in monetary and fiscal policy parameters.

Источник: составлено автором на основе World inequality report (2018) и данных о динамике индикаторов финансового рынка США. URL: <http://www.econ.yale.edu/~shiller/data.htm> (accessed 14.10.2020)

⁹ World inequality report 2018: 216, 224–225, 234.

На рис. 1 показана динамика доли богатства 1% самых богатых граждан США на фоне изменений индикаторов фондового рынка США. Результаты графического анализа данных рис. 1 представлены в табл. 1.

Таблица 1. Тренды в неравенстве и индикаторах фондового рынка США
Table 1. Summary of Figure 1 graphical analysis of Figure 1: trends in inequality and indicators of the US stock market

№	Период	Капитализация рынка акций США по мультипликатору CAPE10 (прямой показатель стоимости акций)	Капитализация рынка облигаций (обратный показатель доходности 10-летних облигаций США облигаций)	Суперциклы изменения экономического неравенства в США	Доля богатства верхнего 1% населения США
1	1910-1921	снижение	снижение	снижение	снижение
2	1922-1929	рост	рост		рост
3	1930-1941	без изменений	рост		снижение
4	1942-1949				
5	1950-1963	рост	снижение		без изменений
6	1964-1976	снижение	снижение		снижение
7	1977-1982	рост	рост	рост	рост
8	1983-1989				
9	1990-2000				
10	2001-2011				

Источник: составлено автором.

Явно прослеживается взаимосвязь между ростом богатства 1% самых состоятельных людей и ростом капитализации фондового рынка: в периоды роста рынка акций и облигаций уровень неравенства увеличивался.

В среднем на длинных временных интервалах доходность акций выше, чем облигаций (Берзон 2008). Средняя доходность банковского депозита, как правило, ниже доходности облигаций¹⁰. Следовательно, высокая доля акций и облигаций в инвестиционных портфелях состоятельных граждан позволяет им ускорять свой отрыв по уровню экономического богатства от менее обеспеченных граждан.

Согласно теории оценки активов методом дисконтирования денежных потоков, стоимость любого актива, способного генерировать денежные потоки в будущем, зависит от ставки дисконтирования, отражающей премию за риск и требуемую доходность инвестора. В свою очередь, ставка дисконтирования зависит от процентной ставки центрального банка. На темп роста денежного потока влияет также уровень налогов на доходы и наследство. Рыночная стоимость актива или доли в бизнесе тем больше, чем ниже процентные ставки и ставки налогов.

¹⁰ Депозиты и облигации: в чем разница для инвестора? *Московская биржа*. Режим доступа: URL: <https://place.moex.com/useful/depozitih-obligacii-v-chem-raznica-dlja-investora?list=vse-pro-obligatsii> (дата обращения 14.10.2020).

На рис. 2 на фоне изменения доли богатства самых состоятельных людей США показаны тренды в параметрах экономической политики США с 1913 г. по 2014 г. Уровень экономического неравенства в США сильно зависит от финансового механизма перераспределения и следует за изменением процентных и налоговых ставок. Результаты графического анализа данных, представленных на рис. 2, систематизированы в табл. 2.

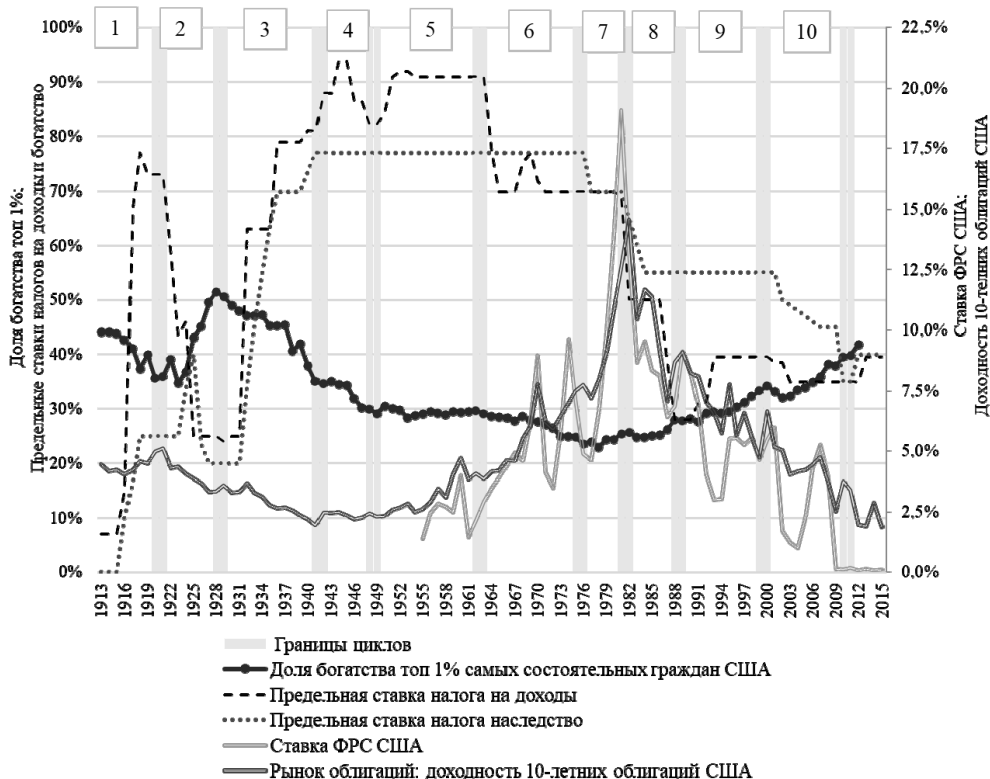


Рис. 2. Динамика доли богатства 1% граждан США на фоне изменения параметров монетарной и фискальной политики

Fig. 2. The dynamics of the 1% US citizens share of wealth against the background of changes in monetary and fiscal policy parameters

Источник: Составлено автором на основе данных о неравенстве по богатству в США из World inequality report (2018) и данных Национального бюро экономического анализа США: URL: <https://www.nber.org/cycles/cyclesmain.html> (accessed 14.10.2020)

Итак, доля богатства 1% самых богатых людей США устойчиво снижалась в периоды роста предельных налоговых ставок на доходы и наследство. Отметим, что пороговым значением для эффективного предельного налогообложения доходов и наследства в США является диапазон 55%–65%: когда налоговые ставки на доходы и наследство были выше данной зоны, доля богатства 1% самых состоятельных людей снижалась, автоматически нивелируя уровень экономического

неравенства в стране. И наоборот, когда регуляторы устанавливали налоговые ставки ниже этой зоны, экономическое неравенство в США начинало расти.

Монетарные настройки тоже оказывают заметное влияние на изменение неравенства. Так, в периоды 6 и 7 (рис. 2 и табл. 2) экономика США развивалась в условиях фискальных послаблений для богатых (резкое снижение предельных налоговых ставок) при ускоренном росте процентных ставок долгового рынка. Совокупное влияние этих мер привело к нивелированию экономического неравенства. Во-первых, это произошло, потому что предельные ставки налогов превышали 60%, и высокие темпы роста доходов и богатства самых богатых людей корректировались мерами фискального регулирования. Во-вторых, резкий рост неопределённости и продолжительная стагнация цен на фондовом рынке также замедлили рост благосостояния владельцев портфелей ценных бумаг и долей в бизнесе.

Таблица 2. Тренды в неравенстве и параметрах фискальной и монетарной политики США

Table 2. The results of Figure 2 graphical analysis: trends in inequality and parameters of US fiscal and monetary policy

№	Период	Изменение монетарных настроек (процентные ставки)	Изменение фискальных настроек (предельных ставок на самых богатых людей страны)		Суперциклы изменения экономического неравенства в США	Доля богатства верхнего 1% населения США
			налог на доходы	налог на наследство		
1	1910-1921	рост	рост	рост	снижение	снижение
2	1922-1929	снижение	снижение	без изм.		рост
3	1930-1941	снижение	рост	рост		снижение
4	1942-1949	без изм.	без изм.	без изм.		снижение
5	1950-1963	рост	рост	без изм.		без изм.
6	1964-1976	рост	снижение	без изм.		снижение
7	1977-1982	рост	без изм.	снижение	рост	рост
8	1983-1989	снижение	снижение	снижение		рост
9	1990-2000	снижение	рост	без изм.		рост
10	2001-2011	снижение	снижение	снижение		рост

Источник: составлено автором.

Рассмотрим другой период изменения экономического неравенства в США – 1990–2000 гг. Как видно (рис. 2 и табл. 2), предельные налоговые ставки на доходы после продолжительного и резкого снижения несколько восстановились, предельная ставка налога на наследство оставалась неизменной; обе не превосходили 60%. Уровень процентных ставок продолжил снижение, в результате чего фондовый рынок получил важный стимул к росту. Доходы и богатство самых состоятельных людей резко выросли, ускорив рост экономического неравенства.

Безусловно, на динамику экономического неравенства оказывали влияние и другие факторы. В годы мировых войн и Великой депрессии ускорялся износ человеческого, физического и финансового капитала. Такой сложный период

сильнее сказался на состояниях наиболее обеспеченных слоёв населения, тем более что это были периоды упущенных выгод и слабого экономического роста. После окончания этих периодов под действием возникших дисбалансов между товарным и денежным обращением росла инфляция, что также ограничивало рост доходов самых богатых людей.

В современных условиях монетарная политика представляет собой важный элемент контрциклической экономической политики. Ловушка ликвидности, в которую попали большинство развитых экономик, привела к тому, что уровень процентных ставок опустился до беспрецедентно низких за предшествующие 75 лет значений.

Меры неконвенциональной монетарной политики, получившие распространение в последние годы, увеличивают разрыв между бедными и богатыми слоями населения в периоды послекризисного восстановления экономики. Существенное монетарное стимулирование положительно сказывается на стоимости активов фондового рынка и способно создавать финансовые пузыри, приводя к резкому росту богатства наиболее обеспеченных людей. Выкуп финансовых активов и действия регуляторов по поддержанию стабильности цен на финансовом рынке положительно влияет на доходы и богатство самых богатых людей, владеющих финансовыми активами и долями в бизнесе. До беднейших слоев населения подобная поддержка фактически не доходит, более того, растущая в периоды кризиса безработица создает серьёзную угрозу снижения уровня жизни данной группы населения.

Монетарная политика асимметрична: регуляторы склонны к радикальным мерам поддержки экономики и рынков в кризисные периоды в большей мере, чем к сдерживанию экономического роста для борьбы с финансовыми пузырями. По этой причине в практике монетарного регулирования на различных этапах экономического цикла применяются дополнительные меры, которые могут приводить к циклическому росту экономического неравенства.

Перенастройка фискальных и монетарных составляющих экономической политики оказывает существенное влияние на уровень экономического неравенства. В структуре активов самых богатых людей финансовые активы занимают наибольшую долю, которая по мере роста благосостояния увеличивается, поэтому изменение рыночной стоимости финансовых активов и определяющих её факторов формируют тренды в динамике экономического неравенства.

На наш взгляд, решающее влияние на долю богатства самых обеспеченных людей оказывает фискальная политика, устанавливающая ставки налогов на доходы и богатство. Проведённый нами графический анализ показал, что в условиях прогрессивной налоговой системы можно снижать уровень экономического неравенства. Уровень налоговых ставок в диапазоне 55%–65% выступал для США пограничной зоной, выше которой доля в структуре национального богатства 1% самых богатых людей устойчиво снижалась. В периоды, когда ставки налогов опускались ниже этих значений, богатые устойчиво богатели.

Изменяя параметры монетарной политики, можно регулировать уровень экономического неравенства, поскольку монетарное стимулирование положительно сказывается на стоимости активов фондового рынка и способно создавать финансовые пузыри, приводя к резкому росту богатства наиболее обеспеченных людей, владеющих долями в бизнесе и акциями. Сдерживающая монетарная политика в отсутствие эффективной прогрессивной системы налогообложения не способна решить проблемы экономического неравенства.

Современная монетарная политика США может считаться приемлемой и не создавать угроз для устойчивого экономического роста при достаточном макропруденциальном регулировании, поскольку к её (монетарной политике) побочным эффектам, кроме роста экономического неравенства, относится высокий риск формирования финансовых и долговых пузырей.

Полученные результаты исследования основаны на использовании метода графического анализа, который имеет свои преимущества и недостатки. По части интерпретации полученных результатов такой анализ в определённой степени субъективен, однако представленные графики позволяют читателю дополнить и/или развить полученные выводы. Дальнейшее исследование выбранной темы с применением экономико-математического моделирования и корреляционно-регрессионного анализа представляется весьма перспективным.

Об авторе:

Михаил Львович Дорофеев – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Малый Златоустинский пер., д. 7, к. 1. E-mail: dorofeevml@yandex.ru.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 25, 2020
Accepted: September 10, 2020

Impact of Monetary Policy on the Level of Economic Inequality in the United States

M.L. Dorofeev
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-97-114](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-97-114)

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: After the reform of the world monetary system in 1971, the competition between countries for the global market is taking place in completely new conditions. Monetary

and fiscal authorities have accumulated vast experience in regulating the economy and strengthening country competitive advantages through complex mechanisms of quantitative easing, foreign exchange rates manipulation, increasing debts, etc. Overcoming the consequences of the financial crises of the 21st century every time forces monetary regulators to implement increasingly radical measures in order to save the economy by injecting enormous amounts of liquidity into the market to buy out bad corporate debts as well as government debt securities. At the same time, the questions of how monetary policy affects the level of economic inequality and who is its beneficiary are becoming more relevant.

The article seeks to analyze the impact of changes in monetary policy parameters on wealth inequality in the United States. Given the cyclical nature of economic inequality, the main method of research was chosen as a graphical statistical analysis, since it allows to identify trends effectively and keep in focus more than 100-year picture of changes in the analyzed indicators. For a more holistic picture, the dynamics of economic wealth inequality level were compared not only with key indicators of monetary policy, but also with the dynamics of marginal tax rates in US.

One conclusion of the research is that wealth inequality depends more on fiscal adjustment and marginal tax rates than on monetary factors. Inadequate marginal income and inheritance tax rates are factors of rising of wealth inequality in US. Changing of monetary system settings also influences on the level of wealth inequality, because it affects the valuation of financial assets, and therefore the wealth of the richest people in US. Another important conclusion is the idea that the new monetary policy, despite all fears that it is a source of growing economic inequality, is acceptable with marginal income and inheritance tax rates of about 60% and with effective macroprudential regulation of US economy.

Keywords: wealth inequality, economic inequality, monetary policy, taxes, interest rates, monetary policy, government regulation

About the author:

Mikhail L. Dorofeev – Ph.D. in Economics, associate professor of the Public Finance Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. E-mail: dorofeevml@yandex.ru.

Conflict of Interests: The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bernanke B.S., Gertler M. 1995. Inside the Black Box: The Credit Channel of Monetary Policy Transmission. *The Journal of Economic Perspectives*. 9(4). P. 27–48.
- Bivens J. 2015. Gauging the impact of the Fed on inequality during the great recession. *Hutchins Centre on Monetary Policy at Brookings Working Paper*. 2015(12).
- Dobbs R., Lund S., Koller T., Shwayder A. 2013. QE Ultra-Low Interest Rates: Distributional Effects and Risks. *McKinsey Global Institute Discussion Paper*. November 2013.
- Mazzucato M. 2018. *The Value of Everything. Making and Taking in the Global Economy*. DOI: 10.1080/08039410.2018.1525425
- Karras G. 1996. Are the Output Effects of Monetary Policy Asymmetric? Evidence from a Sample of European Countries. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 58(2). P. 267–278.
- Martin C., C. Milas. 2012. Quantitative Easing: A Sceptical Survey. *Oxford Review of Economic Policy*. 28(4). P. 750–764.

Mikhaylov A., Moiseev N., Aleshin, K., Burkhardt T. 2020. Global Climate Change and Greenhouse Effect. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 7(4). P. 2897-2913. DOI: 10.9770/jesi.2020.7.4(21)

Moiseev N., Mikhaylov A., Varyash I., Saqib A. 2020. Investigating the Relation of GDP Per Capita and Corruption Index. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 8(1). P. 780-794. DOI: 10.9770/jesi.2020.8.1(52)

Morgan D.P. 1993. Asymmetric Effects of Monetary Policy. *Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Review*. 2nd Quarter. Vol. 78. P. 21-33.

Nie D., Panfilova E., Samusenkov V., Mikhaylov A. 2020. E-Learning Financing Models in Russia for Sustainable Development. *Sustainability*. 12(11). DOI: 10.3390/su12114412.

O'Farrell R., Rawdanowicz Ł., Inaba K. 2019. *OECD Economics Department Working Papers*. №1281 DOI: 10.1787/5jm2hz2x9hxr-en

Ravn S.H. 2014. Asymmetric Monetary Policy towards the Stock Market: A DSGE Approach. *Journal of Macroeconomics*. Vol. 39, Part A, March. P. 24-41. DOI: 10.1016/j.jmacro.2013.11.002.

Rigobon R., Sack B. 2004. The Impact of Monetary Policy on Asset Prices. *Journal of Monetary Economics*. 51(8). P. 1553-1575.

Tenreiro S., Thwaites G. 2013. Pushing on a String: US Monetary Policy is Less Powerful in Recessions. *Centre for Macroeconomics Discussion Papers*. №1301 (Revised version, January 2015).

Varyash I., Mikhaylov A., Moiseev N., Aleshin K. 2020. Triple Bottom Line and Corporate Social Responsibility Performance Indicators for Russian Companies. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 8(1). P. 313-331. DOI: 10.9770/jesi.2020.8.1(22)

Wiedmann T., Lenzen M., Keyßer L., Steinberger J. 2020. Scientists' Warning on Affluence. *Nature Communications*. 11(1). DOI: 10.1038/s41467-020-16941-y

Yumashev A., Ślusarczyk B., Kondrashev S., Mikhaylov A. 2020. Global Indicators of Sustainable Development: Evaluation of the Influence of the Human Development Index on Consumption and Quality of Energy. *Energies*. №13. 2768. DOI: 10.3390/en1311276

Balackij E.V. 2017. Effekt Piketti: Kommentarij k Novoj Konceptii [The Piketty Effect: a Commentary on a New Concept]. *Prostranstvo Ekonomiki*. №2. P. 40-56. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-2-40-56 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effekt-piketti-kommentarij-k-novoy-kontseptsii> (accessed 14.10.2020).

Berzon N.I. 2008. Zavisimost' riska i dohodnosti aktivov ot vremennogo gorizonta investirovaniya [Dependence of Risk and Return on Assets on the Time Horizon of Investment]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. №3. P. 65-72.

Dzhomo K.S., Popov V.V. 2016. Dolgosrochnye tendencii v raspredelenii dohodov [Long-Term Trends in Income Distribution]. *Zhurnal NEA*. 3(31). P. 146-160. URL: <http://www.econorus.org/repec/journal/2016-31-146-160r.pdf> (дата обращения 14.10.2020).

Dorofeev M.L. 2020a. Aktual'nye vyzovy, stoyashchie pered sistemoy makroprudencial'nogo regulirovaniya ekonomiki v sovremennykh usloviyakh [Actual Challenges Facing the System of Macropudential Regulation of the Economy in Modern Conditions]. *Zhurnal Bankovskoe delo*. №5. P. 44-51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42812560> (accessed 14.10.2020).

Dorofeev M.L. 2020b. Verifikaciya cenovyh pyzyrej na rynke akcij s primeneniem spredov krivoj dohodnosti gosudarstvennogo dolga SSHA [Verification of Price Bubbles in the Stock Market Using Spreads of the US Government Debt Yield Curve]. *Zhurnal Bankovskoe delo*. №7. P. 58-68. Rezhim dostupa: URL: <https://www.bankdelo.ru/magazine/pub/3453> (accessed 14.10.2020).

Dorofeev M.L., Ahmetov A.S. 2020. Aktualizaciya ponyatiya finansovyy puzyr' na finansovyh rynkakh [Actualization of the Concept of Financial Bubble in Financial Markets]. *Audit i finansovyy analiz*. №2. DOI 10.38097/AFA.2020.11.24.011.

Kapelyushnikov R.I. 2017. Neravenstvo: kak ne primitivizirovat' problem [Inequality: How not Primitivized Problem]. *Voprosy ekonomiki*. №4. P. 117-139. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-4-117-139

Lyubimov I.L. 2016. Vzglyad na evolyutsiyu neravenstva dohodov: Piketti protiv Kuzneca – 60 let spustya [A Look at the Evolution of Income Inequality: Piketty vs. Kuznets – 60 Years Later]. *Ekonomicheskaya politika*. №1. P. 27-42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyad-na-evolyutsiyu-neravenstva-dohodov-piketti-protiv-kuznetsa-60-let-spustya>.

Malkina M.Yu. 2016. Institucional'nye osnovy neravenstva dohodov v sovremennoy ekonomike [Institutional Foundations of Income Inequality in the Modern Economy]. *JIS*. №1. P. 100-119. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-1-03. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-osnovy-neravenstva-dohodov-v-sovremennoy-ekonomike> (accessed 14.10.2020).

Malova T.A. 2020. O chyom signaliziruyut paradoksy global'noy ekonomiki [What the Paradoxes of the Global Economy Signal]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 13(3). P. 225-242. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-225-242

Varshavskij A.E. 2019. Chrezmernoe neravenstvo dohodov – problemy i ugrozy dlya Rossii [Excessive Income Inequality – Problems and Threats for Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 45(8). P. 52-61. DOI: 10.31857/S013216250006136-2

Список литературы на русском языке:

Балацкий Е.В. 2017. Эффект Пикетти: комментарий к новой концепции. *Пространство экономики*. №2. С. 40-56. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-2-40-56 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effekt-piketti-kommentariy-k-novoy-kontseptsii> (дата обращения: 14.10.2020).

Берзон Н.И. 2008. Зависимость риска и доходности активов от временного горизонта инвестирования. *Университетское управление: практика и анализ*. №3. С. 65-72.

Варшавский А.Е. 2019. Чрезмерное неравенство доходов – проблемы и угрозы для России. *Социологические исследования*. 45(8). С. 52-61. DOI: 10.31857/S013216250006136-2

Джомо К.С., Попов В.В. 2016. Долгосрочные тенденции в распределении доходов. *Журнал НЭА*. 3(31). С. 146–160. Режим доступа: URL: <http://www.econorus.org/repec/journal/2016-31-146-160r.pdf> (дата обращения: 14.10.2020).

Дорофеев М.Л. 2020а. Актуальные вызовы, стоящие перед системой макропруденциального регулирования экономики в современных условиях. *Банковское дело*. №5. С. 44-51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42812560> (дата обращения: 14.10.2020).

Дорофеев М.Л. 2020б. Верификация ценовых пузырей на рынке акций с применением спредов кривой доходности государственного долга США. *Банковское дело*. №7. С. 58-68. URL: <https://www.bankdelo.ru/magazine/pub/3453> (дата обращения: 14.10.2020).

Дорофеев М.Л., Ахметов А.С. 2020. Актуализация понятия финансовый пузырь на финансовых рынках. *Аудит и финансовый анализ*. № 2. DOI: 10.38097/AFA.2020.11.24.011.

Капелюшников Р.И. 2017. Неравенство: как не примитивизировать проблему. *Вопросы экономики*. №4. С. 117-139. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-4-117-139

Любимов И.Л. 2016. Взгляд на эволюцию неравенства доходов: Пикетти против Кузнецца – 60 лет спустя. *Экономическая политика*. №1. С. 27-42. Режим доступа: URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyad-na-evolyutsiyu-neravenstva-dohodov-piketti-protiv-kuznetsa-60-let-spustya> (дата обращения: 14.10.2020).

Малкина М.Ю. 2016. Институциональные основы неравенства доходов в современной экономике. *ИИС*. №1. С. 100-119. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-1-03. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-osnovy-neravenstva-dohodov-v-sovremennoy-ekonomike> (дата обращения: 14.10.2020).

Малова Т.А. 2020. О чём сигнализируют парадоксы глобальной экономики. *Вестник МГИМО-Университета*. 13(3). С. 225-242. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-225-242



Крымско-османский фактор в социокультурной системе России в раннее Новое время

Т.В. Черникова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье дана характеристика социокультурной организации России и особенностей её геополитического положения в системе международных отношений раннего Нового времени. Поставлены вопросы о причинах быстрого территориального расширения Русского государства второй половины XV – XVII вв., а также высокой его конкурентоспособности во внешней политике как в отношениях с западными соседями, так и на восточном направлении. Для государств Западной Европы с началом их модернизации наступило Новое время, однако «Московия» в XV-XVII вв. оставалась страной средневековой. При этом она не только не разделила участь многих восточных держав с традиционным укладом, превратившихся в XVII-XIX вв. в колонии и полуколонии, а, напротив, сама вела успешную колониальную экспансию и внешне демонстрировала почти синхронное прохождение тех трендов в государственном строительстве, которые были присущи западным европейским странам.

Автор полагает, что вотчинный уклад социокультурной системы Русского государства в XV-XVII вв. способствовал мобилизации внутренних материальных и людских ресурсов и вкуче с ранней поверхностной «европеизацией» (регулярным заимствованием военного, технического, культурного опыта модернизирующейся Западной Европы) обеспечил конкурентоспособность России на мировой арене. С момента возникновения единого Московского государства Россия развивалась как сухопутная империя.

Однако стратегическая национальная задача России состояла не в сохранении средневекового вотчинного уклада, а в создании предпосылок для модернизации. На фоне заторможенности социально-экономического развития, свойственной всем странам с вотчинным укладом, старт ей мог дать лишь перенос центра русского экстенсивного земледелия на южные плодородные земли. Это позволило бы высвободить часть населения нечернозёмного центра для занятий торговлей и промышленной деятельностью. Но перенос аграрного центра на юг сдерживался постоянной военной опасностью со стороны Дикого Поля, входившего в границы Орды, а потом Крымского ханства, за спиной которого до конца XVIII в. стояла Османская империя, воспринимавшая Чёрное море своим «внутренним озером». В итоге борьба за вхождение Причерноморских степей и Крыма в состав

УДК: 94

Поступила в редакцию: 26.03.2020 г.

Принята к публикации: 20.05.2020 г.

России, как и свёртывание вотчинного уклада, становится вопросом цивилизационного успеха или неуспеха России в контексте мировой истории. В статье дан очерк русско-крымских отношений в XV-XVII вв.

Ключевые слова: Россия, Литва, Крымское ханство, Турция, вотчинный уклад, модернизация, Крымские походы.

В конце XV – XVIII вв. Европейский мир находился в состоянии больших перемен. Западноевропейские страны вступали в эпоху модернизации, и этот процесс обозначил начало новой эпохи в глобальной мировой истории, несмотря на то, что большинство государств Восточной и Южной Европы, Османская империя с её европейскими, северо-африканскими, анатолийскими и ближневосточными владениями, все азиатские страны и недавно открытый Новый Свет оставались в объятиях Средневековья, а отдельные регионы – и более архаичных социокультурных систем. Пороховая революция, подкреплённая геополитическими амбициями модернизирующихся стран Западной Европы, сделала положение средневековых стран уязвимым. За короткий, с точки зрения мировой истории, срок многие прежде великие азиатские державы – Персия, Китай, Индия и др. – превратились в объект колонизации европейцев. Геополитическая экспансия Турции, достигнув своего апогея к концу XVI в., выдохлась к концу XVII в. В следующем XVIII столетии Османская империя демонстрировала ослабление, а в XIX в. превратилась в «больного человека» Европы, чьи обширные владения на трёх континентах оспаривали Россия, Англия, Франция, Австро-Венгрия, Германия. И только от того, что они не могли договориться о разделе между собой «османского наследства», Турция как империя сохранилась до 1918 г.

Вхождение России в клуб великих держав, с официально оформленным на Венском конгрессе 1814-1815 гг. этим статусом, ставит перед историками задачу объяснить: как она, страна средневековая в XV-XVII вв. не только избежала участи большинства государств с традиционным устройством, превратившихся в колонии и полуколонии, но и сама вела быстрое расширение собственных границ. Другой значимый вопрос: почему при этом внутренний модернизационный процесс в России был запущен по европейским меркам довольно поздно – в XVIII-XIX вв.?

Геополитические позиции России и её западные соседи в XV-XVIII вв.

Огромное по европейским масштабам единое Московское государство возникло для большинства западных стран¹ совершенно неожиданно в княжения

¹ Исключение составляли северо-итальянские государства. Архив миланских герцогов Сфорца свидетельствует, что Миланское герцогство ещё при Василии II (1425-1462) имело вполне адекватные знания о Московии и под-

Ивана III (1462-1505) и Василия III (1505-1533). Интерес к таинственной Московии вскоре утолили посетившие её западноевропейские дипломаты, купцы и прочие наблюдатели. Многие из них оставили очень востребованные в Западной Европе описания границ, быта, нравов, религии и государственно-общественного устройства москвитов. Совершенно нейтральные характеристики итальянцев Иосафа Барбора и Амброджо Контарине (Барбаро и Контарини... 1971), первых западных европейцев, описавших Московию конца XV столетия в рамках своих путешествий в венецианскую колонию Тану (Азов), быстро дополнились в XVI в. трудами польско-литовских авторов и «немцев» (так в России называли выходцев из прочих западноевропейских стран), где был сформирован стереотип России как «варварской империи», страны скорее азиатской, нежели европейской.

Позиция польско-литовской стороны во многом объяснялась как давним соперничеством с Москвой «за всю Русь», которое Великое княжество Литовское вело с времён Ольгерда (1345-1377) и его сына Ягайло (1377-1392), так и распространением на интеллектуальную элиту Польши и Литвы XV-XVI вв. воззрений Ренессансной Западной Европы. На Западе всё средневековое – и своё, и чужое – виделось тёмным варварским миром, где господствуют невежество и низкие нравы. Подобные оценки видны в сочинениях известного польского историка эпохи Возрождения Матвея Меховского (Меховский 1936). Кстати, предшественник Меховского, польский хронист Ян Длугош, при описании взаимоотношений Ивана III с ханом Большой Орды Ахматом в 1479 г. первым запустил в оборот термин «варварское иго» (*«iugum barbarum»*)² для определения зависимости уделов Северо-Восточной Руси от Орды в XIII-XV вв. Это иго, по мнению польских авторов, наложило отпечаток «варварства» и на Московию.

Авторы из дальнего западного зарубежья видели Московию «варварской» прежде всего из-за ренессансной негативной оценки средневекового устройства в целом. Но это не мешало тому, чтобы Священная Римская империя германской нации, Венеция, Флоренция, Милан и прочие североитальянские государства пытались наладить с Московским государством союзнические связи, ошибочно полагая, что оно может включиться в их противостояние с турками. Важнейшими сочинениями «немцев» оказались: для середины – второй половины XVI в. – записки имперского и австрийского посла, одного из образованнейших людей своей эпохи Сигизмунда Герберштейна (Герберштейн 2008); для конца XVI в. – сочинение о России английского правоведа и фактора в Москве Лондонской Московской компании Джильса Флетчера (Флетчер 2003); для XVII в. – книга «Описание нового пути на Восток», изданная в Шлезвиге в

держивало с ней какие-то связи. Попытка Святого престола ввести Россию через династический брак Ивана III в контекст европейской борьбы с османской экспансией также говорит о наличии в Риме информации о геополитических возможностях далёкого великого Московского княжества.

² Ioannis Dlugossi senioris canonici opera. 1874. V. 14. Cracoviae. P. 697-698.

1646 г., голштинского учёного и дипломата Адама Олеария, побывавшего в России трижды: в 1633-1634, в 1635-1639 и в 1643 г. (Олиарий 2003).

Во многом Герберштейн, Флетчер и Олеарий явились родоначальниками анализа особенностей социокультурного устройства России, хотя, естественно, оценка современных учёных значительно сложнее. Современные историки видят Россию XV-XVI вв. «нормальной» средневековой страной, имевшей ряд сходств как с феодальным Западом IX-XIII вв., так и с современным ей азиатским Востоком. Однако, как только страны Западной Европы включились в процесс модернизации (т.е. перехода от традиционного общества к индустриальному), средневековым державам в Европе и в Азии стало трудно с ними соперничать. Их неразвитость с точки зрения очагов более быстрого развития человечества в целом стала объективной, что и нашло отражение в оценках западных авторов XVI-XVII вв.

Какое место заняла Россия в европейском пространстве в раннее Новое время? Внешне она уже в XV-XVI вв. демонстрировала большую синхронность со странами Западной Европы. Процесс становления единого Московского государства был похож своей унитарностью на вариант развития централизованных национальных государств в Англии, Франции и ряде других стран Западной Европы, а многонациональностью и обширностью территорий Россия демонстрировала имперский тип, представленный на Западе Священной Римской империей германской нации. XVII столетие стало для России переходным от Средневековья к Новому времени. Когда на Западе во многих странах произошёл переход от сословно-представительных монархий к абсолютизму, в России после Смуты и эпохи Земской монархии 1613-1653 гг. тоже утвердилось самодержавие. В царствование Петра I (1682-1725) и при его преемниках в 1725-1762 гг. русское самодержавие дополнилось всеми внешними признаками западных абсолютистских режимов, вступив почти синхронно с ними при Екатерине II (1762-1796) в просвещённый абсолютизм.

С точки зрения внешнеполитических амбиций, Россия второй половины XV-XVIII вв. не имела отличий от преуспевающих стран Запада. Подтвердив стоянием на Угре 1480 г. свой статус суверенного («самодержавного» в русской политической лексике XV-XVI вв.) монарха, основатель единого Московского государства Иван III развернулся в европейское пространство и начал борьбу с польско-литовской личной унией и осколками Золотой Орды за роль главного полюса геополитической силы в Восточной Европе. Новый титул Ивана III «господарь (осподарь) всея Руси» и требования к польско-литовским Гедиминовичам-Ягеллонам «вернуть все его отчины» (все прежние западно- и южнорусские владения Рюриковичей) открыли борьбу Московии за «всю Русь». Эта борьба шла успешно на протяжении последующих 300 лет, завершившись разделами Речи Посполитой 1772, 1793, 1795 гг.

В области колониального расширения, столь свойственного наиболее развитым странам Западной Европы в Новое время, Россия преуспела не меньше западноевропейских государств.

Западные европейцы XV-XVII в. обустроивались в Вест- и Ост- Индиях. После открытия Америки в 1492 г. Колумбом Испания начала создание в Новом Свете своих колоний: в 1496 г. – на Гаити, в 1508 г. – на Кубе и в Пуэрто-Рико, в 1519-1521 гг. появилась Новая Испания, в 1535-1536 гг. было завоёвано Перу. Португальцы захватили Бразилию, держали под контролем также часть северо-запада Африки из Сеуты и обосновывали первые колонии в Ост-Индии. В XVII в. в колониальную гонку включились Нидерланды, Англия, Франция и другие западноевропейские страны. Первым английским городом в Северной Америке стал Джеймстаун (1607). Нидерланды в 1624 г. возвели Новый Амстердам, который в 1664 г. был захвачен англичанами и переименован в Нью-Йорк.

Россия тем временем развивалась как сухопутная держава. Иван III наметил движение русских рубежей как на северо-запад, так и на восток. Его попытки потеснить Ливонию в 1500-1503 гг., опершись на построенный напротив Нарвы Ивангород, были продолжены Ливонской войной 1558-1583 гг., а её неудача компенсировалась результатами Северной войны 1700-1721 гг., когда Эстляндия, Лифляндия, Выборг, ряд островов Остзейского, как тогда говорили, моря, а также временно потерянные по итогам Ливонской войны и Смуты начала XVII в. старинные новгородские выходы к Балтике вошли в состав России. Последний раздел Польши дал Российской империи ещё Литву и прежде вассальную Речи Посполитой Курляндию. С покорения при Иване III Вятской земли и Малой Перми, возведения на казанский трон московских ставленников, периодически возникающего вассалитета Москве Сибирского ханства началось продвижение России в Предуралье, Поволжье и Сибирь. При Иване IV (1533-1584) было покончено с независимостью Казанского и Астраханского ханств в 1552-1556 гг., Большой Ногайской Орды в 1557 г., в 1582 началось покорение Сибири. В царствования Фёдора I (1584-1598), Бориса Годунова (1598-1605) и Михаила Романова (1613-1645) началась активная колонизация сибирских просторов и строительство там русских городов – Тобольска (1587), Берёзова (1593), Сургута (1594), Мангазеи (1600), Томска (1604), Красноярска (1628), Енисейска (1619), Якутского острога (1632) и др. К концу XVII в. Русское царство вышло на побережье Тихого океана, вобрав в себя Северо-Восточную Азию.

Стремительный рост русских владений за 2,5 века поражает. В 1505 г. площадь Московии составила 2,2 млн кв. км, к 1584 – 4,125 млн кв. км, к 1613 – 8,580 млн кв. км, к 1645 – 12,375 млн кв. км, к 1676 – 14,520 млн кв. км, что сделало Россию самым большим в мире по территории государством (Черникова 2019: 520).

Ясно, что и до поднесения Петру I его Сенатом титула императора в 1721 г. по случаю успешного подписания Ништадтского мира со Швецией, Россия уже фактической являлась империей. В 1725-1796 гг. имперский статус России был признан повсеместно в Европе, Азии и обеих Америках. Этого не могло не произойти на фоне завоевания Россией северных владений Османской империи и приобретения по трём разделам Польско-Литовского государства большей части земель этого своего главного противника в XV-XVII вв.

Как видно из приведённого краткого обзора роста геополитического могущества России, её утверждение в роли великой европейской империи XVIII в. уходило корнями во времена расширения Московской Руси.

Причины геополитического успеха Московии

Уместен вопрос о причинах геополитического успеха ещё средневековой в XV-XVII вв. Московии. На наш взгляд, он проистекал из двух обстоятельств.

Первое было связано с особенностью внутреннего социокультурного устройства России. Именно оно в глазах Ренессансной Европы сформировало стереотип о Московии как «варварском» государстве, форму правления в котором Жан Боден идентифицировал как «тираническое». Россия XV-XVII вв. (как и её южный сосед – Османская империя) являлась государством с вотчинным укладом. Она выросла из княжеской вотчины удельной Северо-Восточной Руси XII – начала XIII вв. и её трансформаций под ордынским влиянием в 1243-1480 гг. Золотая Орда расколола древнерусское пространство, где в XII – начале XIII вв. присутствовало как минимум пять социально-политических альтернатив, из которых к середине XV в. сохранилось только две – федеративная русско-литовская и унитарная московская. Богатый и внешне долгое время успешный новгородско-псковский торгово-промышленный уклад с его республиканским государственным строем, являвшийся к тому же фактической частью не только ордынской Руси, но и Северо-Германской Ганзы, «проиграл» Москве ввиду утраты внутрисословного компромисса после реформы вечевого строя в Новгороде в 1453 г. и заостренности с XI – XII вв. формы эксплуатации бесправных сельских пятин посредством сбора дани и оптовых поставок промышленных экспортных товаров из боярских вотчин-патронимий³. Псков был слишком слаб в военном плане, чтобы противостоять Москве, которая к тому же являлась гарантом его внешней безопасности как от Новгорода, так и от Ливонского ордена.

Суть вотчинного уклада Московской Руси состояла в том, что государство в лице великого князя выступало в роли верховного хозяина всех земель и ресурсов страны, из чего выросла система подданничества, в рамках которой одни сословия несли наследственную бессрочную службу государю, другие – тягло, платя подати и оброки в казну, выполняя работы в пользу князя. Служилые сословия по отечеству (бояре, дворянине, сыны боярские) в условиях слабого развития товарно-денежных отношений обеспечивались земельными владениями из рук государя – вотчинами и поместьями⁴. Свойственные западному феодализму вассально-ленные отношения на северо-востоке Руси не сложились,

³ Патронимии являлись коллективной собственностью боярских родов и сохраняли многие пережитки ещё догосударственных видов землевладения родоплеменной знати.

⁴ И то, и другое являлось вторичным держанием из рук государя. В Московской Руси государь имел право изъять вотчину у своих слуг в любой момент, и она отличалась от поместья только тем, что её можно было продавать, дробить, передавать по наследству, закладывать, отдавать в приданое.

здесь действовала другая модель: все права у государя, все обязанности у «холопов», даже привилегированных.

С высоты XXI в. прекрасно видно, что странам с вотчинным укладом при-сущи заторможенность и экстенсивность экономики, «инфальтивность» и внутренняя неконсолидированность сословий, регулярное колебание стиля правления между деспотическими формами и патернализмом. Однако в XV – XVI вв. всё это не только не мешало военному могуществу Московской Руси, а, напротив, делало её конкурентоспособной перед лицом более модернизированных соседей за счёт возможности быстро концентрировать в руках центральной власти материальные и людские ресурсы и произвольно ими распоряжаться. Местничество не давало социальной элите сплотиться и стать противовесом государю. Все прочие многочисленные сословия также не были сплочёнными, отчего общество в целом было атомизировано и нуждалось в монархе-«хозяине», координаторе внутренней и внешней жизни. Американский русист Маршалл По правомерно задался вопросом – был ли вотчинный уклад Московии её «проклятьем» или благом в XV-XVI вв.⁵ (Рое 2003).

Вотчинный уклад был не единственным обстоятельством, помогающим средневековой Московии вести вполне успешные наступательные действия в раннее Новое время. У России было преимущество, которым не обладали восточные мегагосударства (Персия, Индия, Китай). Это стало вторым фактором успешности её экспансии в конце XV – XVII вв. В европейской «планетарной системе» Россия заняла место спутника западноевропейской цивилизации. Она не являлась частью романо-германского мира, чуждая ему своим социокультурным устройством, средневековым образом жизни и менталитетом. Однако она начала осваивать западноевропейские новшества, особенно в военной и технической сферах. Россия по-прежнему не могла усовершенствовать освоенный западный опыт, но легко заменяла это отслеживанием и новым заимствованием западных инноваций через московских дипломатов и служилых иноземцев «нового выезда». Правда, такая поверхностная европеизация не могла вывести страну из её средневекового состояния.

Главная национальная задача и отсрочка её решения

Важнейшей национальной задачей России в большом европейском пространстве являлся в то время переход к модернизации. В России этот процесс пошёл в «рваном» ритме и сравнительно поздно – с конца XVII до начала XX в.

Протобуржуазные достижения конца XVII в. (развитие лавочной и ярмарочной торговли, активность коробейников, выход промысловых и ремесленных товаров на рынок, появление ещё в 1630-е гг. по инициативе центральной вла-

⁵ В итоге М. По остановился на «проклятьем», т.к. успехи в XV-XVIII вв. не спасли Россию от системного кризиса конца XIX – начала XX в.

сти первых мануфактур-концессий, организованных по царским грамотам западноевропейскими купцами, рост числа будных станов и солеварен) в XVIII в. под напором реформаторства Петра I уступили место специфической крепостнической общественно-экономической системе. Она поглотила полностью как аграрную, так и промышленную сферы и весьма эффективно обслуживала геополитические устремления Российской империи до конца XVIII в., сформировав из наследственного служилого сословия привилегированное дворянство. «Раскрепощение дворянства» и «свёртывание вотчинного уклада» началось в 1730-х гг. и закончилось в 1762-1785 гг.⁶ Последнему способствовали европеизация служилых и отчасти городских слоёв населения, возникновение науки, светского образования, развитие высокой русской культуры в русле идей и форм европейского Возрождения и Просвещения.

Однако всё это было на вершине айсберга, огромная «подводная» часть которого – русский народ – в социально-экономическом и политическом плане, а также ментально продолжал жить в Средневековье. Это был аграрный народ, и лишь кардинальный сдвиг в аграрной области мог заложить предпосылки модернизации страны в целом.

Центр русского земледелия находился до конца XVII в. в центральной малоплодородной части страны с суровыми природно-климатическими условиями. Это во многом способствовало заторможенности развития русского сельского хозяйства, где основные орудия и приёмы труда принципиально не менялись с X – XIV вв. Ждать здесь технологических прорывов не приходилось. Между тем для подъёма внешней и внутренней торговли, развития промыслов и ремесла – этих главных драйверов запуска модернизационных процессов – необходимо было освобождение от земледельческого труда части населения.

Тем не менее, у России имелся простой и понятный для её населения вариант «экстенсивного прорыва». Необходимо было освоить для хлеборобства южные плодородные земли, перенести сюда центр русского сельского хозяйства. Здесь, даже при использовании прежних двух-трёхпольных технологий и сохи, можно было поднять урожайность в два-три раза, что уже гарантировало расширенное производство и высвобождение части рабочих рук для других занятий.

Проблема, однако, заключалась в том, что плодородные земли, включая лучшие в мире русские чернозёмы, располагались на южных рубежах Русского царства или вообще находились в пределах Дикого Поля (северных степных

⁶ Несмотря на успехи европеизации Петровская эпоха являлась апогеем вотчинного уклада, временем «закрепощения всех сословий», как отмечали К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич, В.О. Ключевский. Указ Петра I о единонаследии 1714 г. ограничил всякие возможности свободного распоряжения дворянской землёй, т.к. запретил продавать и закладывать имения, делить их между наследниками. Прекратилось испомещение дворян, выходявших на службу. Поместья стали формой награды. Жалование провозглашалось главной формой оплаты бессрочной, обязательной и постоянной службы «шляхетства» в полках и гражданских учреждениях. Анна Иоанновна (1730-1740) отменила ограничения распоряжения дворянскими имениями в 1730 г., закрепив статус дворянина как частного собственника земли и крепостных. Манифест 1736 г., вступивший в силу в 1739 г., ограничил срок службы дворян 25 годами. Манифест о вольности дворянской 1762 г. и Жалованные грамоты 1785 г. дворянству и городам окончательно «раскрепостили» дворян и верхи недворянского городского населения.

владений Крымского ханства, разорённых и малолюдных со времён разгрома Золотой Орды Тимуром в 1395 г.). Отсюда ещё с золотоордынских времён происходила постоянная военная опасность, а потому эти принципиально важные для цивилизационного поступательного развития России территории лежали «в пусте». Успешность их аграрного освоения напрямую зависела от военных успехов и экспансии России на юг. Именно от этого зависела судьба русской модернизации, а, следовательно, и место России – среди великих европейских держав или объектов их колониальной активности.

В реальности успешные попытки сдвинуть на юг границы российского земледелия начались только в середине – конце XVII в., а окончательный перенос центра российского земледелия на южные плодородные области состоялся в 1780-е – 1790-е гг. после двух успешных русско-турецких войн в 1768-1774 и 1788-1791 гг. и вхождения Крыма в состав России в 1783 г.

Столь позднее решение этой главной национальной задачи объяснялось крайне сложными и запутанными внешнеполитическими обстоятельствами русско-крымского взаимодействия, особенно в конце XV-XVI вв., а также отвлекающими на себя внимание правительства внешними обстоятельствами на западном (польско-литовском) и северо-западном (отношения с Ливонской конфедерацией и Швецией) направлениях русской внешней политики.

Крымский и турецкий факторы как «внешний тормоз» перехода к модернизации России

Остановимся на рассмотрении русско-крымских отношений, чтобы ответить на вопрос, почему решить крымскую проблему так же, как при Иване Грозном в 1552-1556 гг. была решена казанская, астраханская, а потом и сибирская, оказалось нереальным вплоть до 1783 г.

Крымское ханство окончательно обособилось в раскалывающемся золотоордынском пространстве в 1441 г. Его первый самостоятельный хан чингизид Хаджи Гирей⁷ родился в великом княжестве Литовском в западнорусском городе Лиде и вырос под опекой Витовта Кейстутовича, великого князя Литовского и Русского. В ходе разгрома Золотой Орды 1395 г. многие чингизиды, как и сам хан Тохтамыш, столь неудачно порвавший со своим бывшим покровителем Тимуром, были вынуждены укрыться в Литве. В 1399 г. Витовт пытался военной силой вернуть Тохтамыша на сарайский престол и тем получить ярлык на всю ордынскую Русь. Если бы эти планы осуществились, последствия для Москвы были бы очень туманными. Великий князь Московский и Владимирский Василий I Дмитриевич (1389-1425) становился бы вассалом великого князя Литовского и Русского. Но, с другой стороны, он был женат на единственном отпрыске Витовта – его дочери

⁷ Точная дата рождения Хаджи Гирея не известна. Хаджи Гирей был потомком тринадцатого сына Джучи Тука-Темира. Потомки этого Чингизиды часто бывали эмирами Крымского улуса Золотой Орды, а дед Хаджи Гирея Таш-Тимур даже провозгласил себя ханом. Он поддерживал Тохтамыша в борьбе с Тимуром.

Софье – и, следовательно, сыновья Василия I и Софьи как внуки Витовта могли стать наследниками его русско-литовской империи, союзной на юге Золотой Орде. Однако битва на Ворскле, где ордынцами командовал ставленник Тимура Едигей, была проиграна Витовтом в 1399 г. Впрочем, это не охладило желания Витовта бороться за «всю Русь» и использовать в этом если не всю Золотую Орду, то какую-либо из её частей, согласную находиться в союзе с Литвой. Рассчитывая получить от папы Римского корону независимого от Польши короля Литовского и Русского, Витовт организовал в 1429 г. в Луцке съезд, где обсуждался план возможного похода европейских христиан против османов. Святой престол и Священная Римская империя германской нации били тревогу по поводу расширяющейся экспансии турок-османов. Выходец из Крыма Хаджи Гирей участвовал в 1429 г. в Луцком съезде, но участником похода христиан против его единоверцев мусульман-турок он не стал, т.к. в 1430 г. Витовт умер, так и не получив из-за козней поляков корону, посланную ему папой Римским.

В 1431-1434 гг. Хаджи Гирей с помощью Литвы и в союзе с крымским княжеством Феодоро⁸ пытался утвердиться в Крыму, воюя с золотоордынским наместником и генуэзскими колониями⁹. Хаджи Гирей выдворил золотоордынский хан Улу-Мухамед, но его самого впоследствии «согнали» с сарайского престола, и он с сыновьями основал Казанское ханство. Хаджи Гирей сел наместником в г. Лиде, который получил от князя Сигизмунда Кейстутовича. В Крыму осталось немало сторонников Хаджи Гирея. У нового великого князя Казимира IV Ягайловича (властитель Литвы и Западной и Южной Руси с 1440, король польский с 1447 г.) появилась идея вернуть Хаджи Гирею Крым, чтобы противопоставить его прочим осколкам Орды, а также Московской Руси. В ходе борьбы Хаджи Гирея и его литовских помощников со ставленниками Сарая и генуэзцами в 1441 г. была провозглашена независимость Крымского ханства. Хан Хаджи Гирей (1441-1466) оказался надёжным союзником Казимира IV и опасным врагом Московского княжества.

После смерти Хаджи Гирея на крымский престол вступил его старший сын Нур-Девлет. Положение хана было непрочным, т.к. во многом зависело от распо-

⁸ Феодоро – православное княжество, расположенное на южной оконечности Крыма. Население было полиэтническим (потомки германцев-готовов, армяне, аланы, греки и прочие выходцы из Византии) и составляло около 200 тыс. Жители Феодоро говорили на греческом языке и называли себя, как и византийцы ромеями (римлянами). После женитьбы в 1425 г. феодорского князя Иоанна на Марии Палеолог родовым знаком феодорской династии стал двуглавый орёл Палеологов. Двуглавый орёл был знаком императоров Палеологов, в отличие от западноевропейских стран Византийская империя не имела герба. Феодоро находилось в постоянной вражде и войнах с генуэзцами в Крыму. Новый торговый порт феодоритов Авлито составлял существенную конкуренцию генуэзским колониям в Крыму.

⁹ К началу XV в. генуэзцы прочно обосновались на южном, юго-восточном побережье Крыма и на керченском полуострове Крыма. Им удалось вытеснить из Крыма своих торговых конкурентов венецианцев, отвоевав у них Солдаю (Судак). Главным городом генуэзцев в Крыму являлась Кафа (Феодосия), другими генуэзскими городами были Луста (Алушта), Каулита (Ялта), захваченный в 1343 г. у ромеев-феодорцев Чембало (Балаклава). Некогда в преддверии Куликовской битвы (1380) генуэзцы были союзниками теневого правителя Крымского улуса темника Мамая, врага Тохтамыша, который объединял с помощью Тимура Волжский улус и рассчитывал далее воцариться во всей восстановленной Золотой Орде. В начале XV в. Кафа чаще поддерживала умирающую Золотую Орду и её ставленников. В генуэзских городах управляли консулы, назначаемые туда до 1453 г. дождем Генуи.

ложения крымской знати (беев) и умения выстроить отношения с генуэзцами и феодоритами. Последним, как и части беев, больше импонировал шестой сын Хаджи Гирея Менгли-Гирей. По одним сведениям, он провёл детство в Феодоро, по другим – в Каффе. Нур-Девлет постарался найти поддержку у Большой Орды, претендующий на роль собирателя золотоордынских земель, а также у османского султана Мехмеда II Фатиха (Завоевателя), который, взяв в 1453 г. Константинополь, уничтожил Византийскую империю. Втягивание Турции в крымские дела было смертельно опасно для генуэзцев и феодоритов, т.к. грозило не только обрушением их торговли, но и уничтожением самих этих крымских колоний. Большинство крымских беев не желало отхода Крыма во власть Большой Орды.

В итоге после небольшой междоусобной борьбы 1467-1469 гг. Менгли-Гирей стал крымским ханом (1469-1475, 1478-1515) и сразу же заключил антиосманский союз с Каффой и Феодоро. Это не спасло их, как и сам Крым от турецкой экспансии. В 1469 г. состоялся первый поход османов на Каффу. Город не был взят, но его округа была опустошена, и многотысячный полон отправился в Османскую империю. Это склонило часть беев к мысли о возможности добровольного перехода Крыма в вассальную зависимость от Константинополя. Менгли-Гирей, находившийся в Каффе, был свергнут с трона. В такой обстановке Мехмет II отправил к Каффе в 1475 г. флот во главе с визирем Ахмед-Пашой Гедиком. Османы захватили Каффу, посадили здесь своего наместника и вскоре все города генуэзцев в Крыму прекратили своё существование. Было разгромлено княжество Феодоро. Поддержанный турками хан Нур-Девлет в 1475 г. признал свой вассалитет от султана, а Менгли-Гирей был увезён в Турцию.

Однако Нур-Девлет не сумел навести внутренний порядок в Крыму, и в 1478 г. османы вернули на крымский трон Менгли-Гирея, для которого протекторат султана стал опорой для внутренней стабильности ханской власти от свевольия беев и обеспечил Крыму внешнюю безопасность от его северных соседей – Литвы, Руси и Большой Орды. Захват пленников из этих стран и продажа их Османской империи вскоре стало самым доходным занятием крымцев.

Однако на московское пограничье Крым обрушился не сразу. Долгое время между великим князем Московским Иваном III и Менгли-Гиреем существовал союз, направленный против Большой Орды. Её хан Ахмат желал сделать владения Менгли-Гирея своим Крымским юртом. От Москвы Ахмат требовал возобновить выплату регулярной дани. В московско-литовском споре о «всей Руси» Менгли-Гирей поддерживал Ивана III, регулярно опустошая малороссийские земли великого княжества Литовского набегами. Союзником Ивана III против польско-литовской унии являлся и господарь Молдавского княжества Стефан III Великий (1457-1505). На дочери последнего Елене Волошанке¹⁰ был женат сын и соправитель Ивана III Иван Молодой (годы жизни: 1458-1490).

¹⁰ Московское прозвание Елены Волошанкой ошибочно. Валахия представляла собой самостоятельное дунайское княжество. Его правитель Влад Дракула (Цепеш) являлся кузеном и другом Стефана III.

В июне – ноябре 1480 г. в ходе стояния на Угре, Менгли-Гирей совершил набег на владения польского короля и великого князя Литовского и Русского Казимира IV, и тот, хоть и был союзником хана Ахмата, не смог оказать Большой Орде помощь. В 1482 г. крымцы взяли штурмом Киев, увели оттуда большой полон и другую добычу. В 1484-1487 гг. крымские татары совершили несколько походов на Подолию, а также на молдавские города Томбасар, Тигин, Аккерман и Кавшан. Акция Менгли-Гирея против Стефана III не радовала Ивана III, но в данном случае хан исполнял роль османского вассала. Стефану Великому удавалось удержать фактическую независимость своего княжества. Переход от Литвы под власть Москвы части Верховских княжеств вызвал Пограничную войну (1487-1494). Крым и здесь оказал помощь Москве, совершив набег на Подолье и Киевщину в 1489 г., Волынь и Переяславское воеводство в 1490, Подолию и Волынь в 1494, на Брацловщину, Подолье, Волынь и Галицию в 1495-1499 г. В 1493 г. Менгли-Гирей основал на захваченной у великого княжества Литовского земле крепость Очаков, ставшую форпостом крымско-турецкого присутствия на фронтире литовской Малороссии и Дикого Поля.

В 1481 г. хан Ахмат был убит ногами и сибирским ханом Ибаком (Ибаком), но его сыновья – Муртаза-хан, Саид-хан и Шейх-Ахмед-хан, враждующие между собой, ещё держались в ряде владений Большой Орды. Они списывались с крымскими беями, пытаясь совершить переворот в Крыму, вступали в связи с османами и литовцами, воевали с Крымом. Иван III держал у себя двух старших братьев Менгли-Гирея – Нур-Девлета и Айдара. Айдар был сослан на Белоозеро, а Нур-Девлет сидел почётным пленником-наместником в Касимове и выезжал оттуда оборонять московские рубежи против ахматовых сыновей. В 1491 г. в помощь Менгли-Гирею, отбивавшемуся от войск Саид-хана и Шейх-Ахмед-хана, было отправлено из Московской Руси хорошо снабжённое пушками касимовское войско под предводительством сына Нур-Девлета. Также пришла помощь из Казани, и Турция прислала большой отряд янычар. Точка в борьбе Крыма с осколками Большой Орды была поставлена 15 июня 1502 г., когда крымское войско уничтожило силы Шейх-Ахмед-хана и буквально выжгло его владения. Сам Шейх-Ахмат с тремя сотнями нукеров укрылся в Хаджи-Тархане (Старая Астрахань).

С исчезновением Большой Орды терялась объективная основа союза Москвы и Крыма. Уже в 1494 г. между Менгли-Гиреем и Иваном III отношения осложнились. Присоединив княжества Верхней Оки и часть Черниговщины в ходе Пограничной войны, Иван III пошёл на мир с великим князем Литовским и Русским Александром Казимировичем (1492-1506, король польский с 1501) и выдал за него свою дочь Елену. Александр признал за московским князем его титул государя всея Руси. Менгли-Гирей не был информирован ни о планах мира с Литвой, ни о браке Елены. Он послал «другу и брату своему» Ивану рассерженное письмо, напомнив, что, когда он «...жѣг Литву, громил улусы Ахматовых сыновей, не слушал их предложений, ни Казимировых, ни Александровых: что

ж моя награда? Ты стал другом наших злодеев, а меня оставил им в жертву!»¹¹. Впрочем, в ходе Русско-Литовской войны 1500-1503 гг. Россия и Крым действовали заодно. В 1500 г. крымские татары опустошили восемь воеводств Польши и Литвы, угнав в плен 50 тыс. человек. А русские войска 14 июля 1500 г. разгромили армию великого княжества Литовского во главе с православным князем К.И. Острожским в битве на реке Ведроши. Острожский попал в плен к москвичам, в 1506 г. поступил на московскую службу, но в 1507 г. бежал на родину. В 1502 г. крымцы воевали в Галиции, в Сандомирском и Люблинском воеводстве Польши. В 1503 г. сыновья Менгли-Гирея дошли до западнорусских Слуцка и Новогрудка, но под Городком литовское войско заставило их ретироваться. 25 мая 1503 г. Благовещенским перемирием сроком на шесть лет Русско-Литовская война прекратилась. К России отошла вся Чернигово-Северская земля, Литва потеряла 19 городов и 70 волостей. Через неделю после Благовещенского перемирия Москва без потерь для себя замирилась с Ливонским орденом, который был в этой войне союзником Литвы.

Крымцы же продолжали воевать против Литвы и Польши. В 1505, 1506, 1510, 1512 гг. крымские орды численностью от 90 до 40 тыс. всадников во главе с Мехмед-Гиреем, старшим сыном и калгой (наследником) Менгли-Гирея, опустошали не только малороссийские и западнорусские владения Литвы, но доходили до литовской столицы Вильно и внутренних областей Польши. Лишь в апреле 1512 г. Острожский сумел разбить крымское войско под Вишневцом.

К этому времени русско-крымский союз окончательно распался. Сын Ивана III и Софьи Палеолог московский великий князь и государь всея Руси Василий III (1505-1533) вёл в 1512-1522 гг. свою войну с Литвой, в результате которой к Москве отошла вся Смоленская земля. На сторону Москвы в ходе этой войны перебежал князь Михаил Львович Глинский¹² (в будущем дядя Ивана Грозного по матери). У Глинского возник авантюрный план стать великим князем Киевским под протекторатом Московской Руси, а после его провала он надеялся, что Василий III отдаст под его управление Смоленск. Этого также не произошло. Зато претензии Василия III после капитуляции Смоленска в 1514 г. стали простирались на Киев и на Полоцк. Включение всех западнорусских и южнорусских земель в состав России, впервые обозначенное в дипломатии Ивана III, при Василии III стало окончательно восприниматься в Москве как главная внешнеполитическая задача.

¹¹ Цитата по: Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Т. VI. С. 279. URL: <https://www.prlib.ru/item/416772> (дата обращения 10.10.2020).

¹² Легенда гласила, что Глинские были потомками темника Мамая, укрывшимися в Литве и получившими во владение Глинск. Михаил Глинский был талантливый полководец. Он 12 лет провёл в Западной Европе, участвовал в Итальянских войнах под началом знаменитого Альбрехта Саксонского. В Литве он с 1490 г. был доверенным лицом короля и великого князя Александра Казимировича, но после его смерти не имел никакого влияния при новом монархе Сигизмунде I Казимировиче (1506-1548). Не получив в Москве ожидаемого, Глинский задумал побег в Литву, но оказался в темнице. Оттуда его вывел развод Василия III с бездетной женой Соломонией (Сабуровой) и женитьба государя всея Руси на племяннице Михаила Глинского Елене.

В начале – середине XVI в. в Юго-Восточной Европе, ближайшей к ней части Азии, в Северной Африке возникла новая расстановка сил, связанная с дальнейшим усилением Османской империи. В 1511-1512 гг. Менгли-Гирей определил, кого поддерживать из спорящих между собой о турецком троне сыновей султана Баязида II (1481-1512). Он сделал ставку на Селима, выдал за него свою дочь, а потом послал ему крымское войско со своими младшими сыновьями. Селим стал новым султаном. Он правил с 1512 по 1520 г. и прославился страстью к завоеваниям. Главными противниками османов оказались Венгрия и Австрия, родовое владение императоров Священной Римской империи Габсбургов. Селим расширял турецкие границы также на восток и юг. Он выиграл в 1514 г. первую Турецко-Персидскую войну, подчинив себе на время область вокруг персидской столицы Тебриза. Война с Египтом 1516-1517 гг. принесла султану Левант (Восточное побережье Средиземного моря), западные и юго-западные области Аравийского полуострова со священными для всех мусульман Меккой и Мединой, а также весь Египет. Наследник Селима Сулейман I Кануни (Великолепный, 1520-1566 гг.) добьётся ещё больших успехов, создаст самую большую мусульманскую империю в истории, чьи владения охватывали Южную Европу, Северную Африку, весь Ближний Восток. Сулейман примет титул халифа.

В результате в Восточной Европе в XVI в. сформировались три претендента на роль главного полюса геополитической силы: Крымское ханство, за спиной которого стояла Турция, Польско-Литовская уния и Россия, серьёзно усилившаяся за счёт своего расширения как на запад, так и на восток. Между ними шла постоянная борьба. Причём и Россия, и Литва пытались использовать крымский фактор друг против друга. Крым лавировал между ними, поочерёдно опустошая то московское, то малороссийское литовско-польское пограничье.

Менгли-Гирей стал откровенно враждебен Московии с вступления на русский престол Василия III. В 1507 г. состоялся первый набег калги Мехмеда-Гирея на рубежи России в районе Козельска и Белёва. Был захвачен в полон, но его удалось отбить. В 1512 г. сыновья Менгли-Гирея совершили четыре набега на московское пограничье. Последние походы на Московию времён Менгли-Гирея были совершены в 1513 и в 1515 гг. Калга Мехмед-Гирей в 1515 г. осаждал Чернигов, Новгород-Северский и Стародуб, имея союзником Литву.

Вступление на крымский престол Мехмеда-Гирея (1515-1523) сопровождалось ростом враждебности Крыма к России. Новый хан воспринимал себя как преемника прав золотоордынских ханов и ставил целью распространить власть Крыма на Ногайскую орду, Казань и Астрахань, так же он надеялся восстановить даннические обязанности Москвы. Ему удалось сместить с трона Казанского ханства русских ставленников – хана Мухамеда-Амина (1502-1518), не имевшего сыновей, и его преемника касимовского царевича Шах-Али (казанский хан в 1519) – и посадить в Казани своего младшего брата Сагиба-Гирея. С 1519 по 1552 г. в Казани будут соперничать две «партии» знати – прокрымская и прорусская.

В протекторате у Крыма оказалась в 1519-1522 гг. и Ногайская орда, хотя попытки ещё Менгли-Гирея в начале XVI в. выступить в роли нового собирателя залотоордынских земель были негативно восприняты в Ногайской орде. В 1509 г. ногаи, собрав все свои военные силы, двинулись на Крым. Но Менгли-Гирей быстро собрал 250-тысячное войско, которое во главе с Мехмед-Гиреем настигло ногаев на переправе через Волгу и нанесло им сокрушительное поражение. Ногайские пленники были проданы в Турцию. В 1519 г. в набег на Ногайское ханство отправился воинственный повелитель Казахской орды хан Касым. Большая часть кочевых ногайцев переправилась на правый берег Волги и с позволения своего прежнего врага хана Мехмед-Гирея расположилась на подконтрольных ему землях. Вскоре, однако, Касым умер, и ногайцы вернули свои кочевья по левому берегу Волги, однако Крым продолжал числить их своими подданными.

Российские границы при Мехмеде-Гирее стали объектом постоянных крымских атак с целью захвата людей, скота и имущества. Несмотря на плодородие южных земель, граница расселения крестьян проходила вдали от официального южного рубежа России. В начале правления Мехмед-Гирея Россия пыталась установить добрые отношения с его братом Ахмедом-Гиреем, являвшимся калгой в 1515-1519 гг. и стоящего в Очакове. Ахмед-Гирей тревожил границы Литвы, вступил в соперничество с ханом и отправил послов в Турцию, чтобы просили передать ему крымский трон. Беи тоже проявляли недовольство Мехмедом-Гиреем, сообщали султану о тайных контактах крымского хана с враждебным Турции Сефевидским Ираном.

Василий III обсуждал с Ахмед-Гиреем вопрос завоевания Вильно и Киева (Гайворонский 2007: 124-143), но без результата, и в 1518 г. возобновил союзный договор с официальным Крымом, даже послал по некоторым данным «судовую рать» по Волге для поддержки похода Мехмед-Гирея на Хаджи-Тархан (Старую Астрахань). Мехмед-Гирей со своей стороны заключил в мае 1517 г. союз с Литвой. Но это был обманный манёвр. Уже в августе 1517 г. крымцы пошли в набег на великое княжество Литовское, война продолжалась до сентября 1519 г. В 1519 г. в бою с сыновьями Мехмед-Гирея погиб Ахмед-Гирей, а калгой стал старший из них – Бахадыр-Гирей.

Крым взял за правило неожиданно менять свои внешнеполитические симпатии. Вместо совместного похода с москвичами на Астрахань в 1521 г. было организовано настоящее крымское нашествие на Московскую Русь с участием казанского хана Сахиб-Гирея, который захватил Владимир и Нижний Новгород, ополонился и вывез много добычи. Крымцы тем временем к 1 августа дошли до Москвы и встали в подмосковном селе Воробьёве. Чуть позже был осаждён Переяславль-Рязанский (переименован в Рязань при Екатерине II).

Одним из поводов крымского похода стало задержание в Москве последнего великого рязанского князя Ивана, желавшего браком с дочерью Мехмед-Гирея спасти от поглощения Москвой остатков своего ещё формально незави-

симого княжества. В 1521 г. в рязанскую столицу Переяславль-Рязанский встал московский гарнизон. Самому Ивану Рязанскому при этом удалось «утечь» из Москвы в Литву в ходе переполоха, вызванного приближением к Москве войск Мехмеда-Гирея.

В Русско-Крымской войне 1521 г. обнаружилось, что русская артиллерия, которой в XVI в. будут восхищаться все побывавшие в Московии иностранцы, оставившие записки, представляет собой веский аргумент России против «гостей» из Дикого Поля. По свидетельствам Герберштейна, на русской службе числилось много оружейников из «немцев» и фрязей, которые обучали пушколитейному искусству русских. Эти иноземцы московской службы и сами в качестве пушкарей участвовали в войнах. При обороне Москвы и Переяславля-Рязанского отличились двое – Николас и Иоанн. Причём последний столь удачно вёл огонь со стен Переяславля Рязанского, что Мехмед-Гирей, вступивший в переговоры с русскими, одним из главных условий своего ухода в степь выставил выдачу «немца». Рязанские воеводы не прочь были это сделать, но московский наместник Хобар ответил отказом. Он также спас и внешнеполитический престиж России. Не решившись штурмовать Москву, Мехмед-Гирей на переговорах под её стенами получил от русской стороны грамоту, в которой Россия обязывалась возобновить выплату дани и тем возвращалась в положение «татарского улусника». В исторической науке нет единого мнения: был ли этот шаг сделан по приказу Василия III, который отъехал в Волоколамск, или грамота была составлена московскими боярами во главе с крещённым казанским царевичем Петром самовольно. Так или иначе, когда крымцы, желая принудить Переяславль-Рязанский к сдаче, показали грамоту московскому наместнику, он её уничтожил.

С подходом собранного Василием III большого войска, Мехмед-Гирей ушёл, уводя огромный полон и массу награбленного. Россия выплатила ему так называемые «поминки», и до завоевания Петром I турецкого Азова в 1696 г. плата поминок стала регулярным явлением. Размер поминок не шёл в сравнение с ордынским выходом и напоминал ту «дань», которую в XVI в. время от времени приходилось выплачивать Австрии, после того как её впервые в 1529 г. осадили войска султана Сулеймана I. Поминками можно было предотвращать крымские набеги, а также перенаправлять их в сторону своего внешнего врага – Великого княжества Литовского.

Москва пыталась также настраивать против Крыма прочих татар. Так, возможно, что в ходе крымского набега на Россию в 1521 г. московская дипломатия подтолкнула астраханского хана начать приготовления к походу на Крым. Сведения об этом заставили Мехмеда-Гирея поторопиться уйти с русской территории.

Надёжными рубежами русской обороны от татар являлись крепости Московского государства, особенно каменные твердыни: Московский Кремль, возведённый под руководством итальянских архитекторов и представлявший собой последнюю и самую мощную добастионную цитадель миланского типа. «Младшими братьями» Московского Кремля, также построенные с участием

фрязей, были Коломенский кремль и компактная Зарайская крепость. Все они были сложены из красного кирпича, ломбардзийского стандарта, производство которого наладил в России болонский зодчий Аристотель Фиораванти. Ему Иван III поручил в 1475-1479 гг. строить главный храм России – Успенский собор в Кремле. Позже Фиораванти, задержанный государем в России, стоял у истоков создания в Москве пушечного двора и командовал московской артиллерией в походе Ивана III на Новгород.

После набега на Россию весной 1522 г. Мехмед-Гирей двинулся на Астрахань. К Астрахани подошли и ногаи мурз Мамая и Агиша. Войны не случилось: Астраханский хан Хусейн бежал, и новым ханом в 1522 г. стал Бахадур-Гирей. Однако такое прямое подчинение Хаджи-Тархана Крыму не устраивало ногайских мурз, которые и так тяготились опекой Крыма. Начались ссоры ногайцев с младшими сыновьями Мехмед-Гирея и крымскими беями, в результате чего большая часть крымского войска покинула Хаджи-Тархан. Подстрекаемый ногайцами Мехмед-Гирей с Бахадур-Гиреем погнались за «изменниками», но, когда они с 3 тыс. своих воинов остановились на ночёвку, то все были перебиты. Ногаи нагнали крымское войско у Перекопа, разгромили его и ворвались в Крым, учинив там страшное разорение. Лишь двое из младших сыновей Мехмед-Гирея выжили. На какое-то время Крым погрузился в смуту, и это ослабило его давление на южные русские рубежи.

Следующий набег крымцев состоялся в 1530 г. в правление в Бахчисарае хана Саадет-Гирея (1524-1532). В 1533 г. до Москвы намеривался дойти новый крымский хан Ислам-Гирей (1532-1537), но был остановлен русскими воеводами на Оке. В 1534 г. поминками и переговорами удалось склонить его к «дружбе», однако в ходе очередной и успешной для Москвы Русско-Литовской войны 1534-1537 гг. Ислам-Гирей в августе 1535 г. водил свои конные орды на Переяславль-Рязанский.

Казанское ханство в этот период проводило мало зависимую от решений Ислам-Гирея политику. Казанский хан Сахиб-Гирей совершал набеги то на Россию, то на Великое княжество Литовское. Главной же целью Сахиб-Гирея был крымский трон, и он занял его в 1537 г. После началась тяжба Москвы и Бахчисарая за Казанское ханство. Москва пыталась посадить там своего касимовского царя Шах-Али. Казанский трон переходил из рук в руки, завися не только от московских походов на Казань или крымского противодействия им, но и от перемены сил внутри казанской элиты.

Новый расклад международных сил на южных рубежах России во второй половине XVI в.

Новый этап русско-татарских отношений наступил в начале 1550-х гг., когда Иван IV и Избранная рада решили перейти к стратегии включения всего татарского мира, за исключением Крыма, в состав Российского царства. В 1552-

1556 гг. всё Казанско-Астраханское Среднее Поволжье оказалось в составе России. Её размеры выросли вдвое, и был открыт путь для русской колонизации Сибири, где Сибирское ханство не имело потенциала для противостояния России.

До поглощения Москвой Поволжья у неё, несмотря на вражду с Крымским ханством, сохранялись добрые отношения с Турцией. Связь с султанами была установлена при посредничестве Менгли-Гирея ещё во времена московско-крымского союза. Из всех европейских правителей лишь государя всея Руси и французского короля султан именовал «братьями», что на дипломатическом языке того времени значило признание равного статуса. Габсбурги именовались султанами «данниками».

После русского завоевания Казани и Астрахани отношение Турции к России стало враждебным. Это более прежнего заставляло временить с освоением пограничных южных земель. Зато заимствование русскими достижения западной пороховой революции шло с новой силой. Если при Василии III на русской службе состояли оружейники, царские телохранители, аркебузьеры, зодчие и врачи, которые жили преимущественно в одной московской слободе, называемой в записках иностранцев «Наливками», то при Иване IV Грозном в столице возникло уже несколько немецких слобод. Если первые русские пищальщики, пехотинцы, вооружённые огнестрельным оружием, появились при Василии III, то в царствование его сына Ивана IV по европейскому образцу было сформировано целое полурегулярное пехотное стрелецкое войско с огнестрельным вооружением, соответствующим строем и тактикой на поле боя. Кроме московских стрелецких приказов (полков) вскоре были созданы и провинциальные стрелецкие полки. На московской службе появились также отряды конных «немцев», применяющих огнестрельное оружие.

До начала Ливонской войны 1558-1583 гг. Москва стремилась использовать «немецкие» формирования против татар, в то время как своих татарских подданных посылать против польско-литовских сил, ливонцев и шведов. Однако в ходе ливонской кампании русская власть осознаёт, что на Западе Европы национальная принадлежность наёмника не имеет большой роли. Переходящие в русскую службу ливонские пленники пополняют ряды российского войска на полях сражений Ливонской войны. Хотя в последней её период, после неудачного похода ливонского короля Магнуса, вассала Ивана Грозного, на Ригу, бегства его и многих других высокопоставленных «немцев» с русской службы к польскому королю Стефану Баторию, вновь произойдёт «ориентализация» российского военного контингента в Ливонии. Последнее не принесло удачи Москве в исходе Ливонской войны, а использование кавалеристов-«немцев» на южных рубежах против крымцев оказалось эффективным.

В противостоянии России с Крымом во второй половине XVI в. можно увидеть новые черты. Во-первых, шло быстрое развитие России как империи. Это позволяло сосредотачивать с постоянно расширяющейся территории в руках

центральной власти больший, чем прежде, военный потенциал и материальные ресурсы. Во-вторых, в царствование Ивана Грозного началось регулярное сооружение больших засечных укреплений (определённый опыт в данном вопросе Россия накопила ещё в 1520-е гг.). В-третьих, русские воеводы провели в 1556-1557 гг. несколько наступательных походов в Диком поле. В это время сам собой сложился союз Москвы с запорожскими и донскими казаками. И те, и другие отваживались совершать набеги на побережье Крымского полуострова. Включение русского войска в наступательные операции заставило крымского хана Девлет-Гирея подумывать о заключении перемирия, о чём он и сообщил в Москву через русского посла Д.Д. Загряжского, с которым отпустил в Россию пленников.

Поскольку запорожцы являлись подданными Великого княжества Литовского, возникла редкая возможность заключения антикрымского союза между Россией и Литвой. Там в XVI-XVII вв. всегда существовала небольшая «прорусская партия», полагавшая, что вражда с Москвой слишком тягостна и опасна, в то время как у обеих сторон есть общие враги – Крым со стоящей за его спиной Турцией. Среди сторонников русско-литовского альянса против Крыма и Турции был крупный волынский магнат, православный князь из Гедиминовичей Дмитрий Иванович Вишневецкий. Он являлся с 1551 г. старостой Черкасским и Каневским, был покровителем запорожских казаков (черкасов). Уже в 1555-1557 гг. его действия активно помогали русским войскам. В 1555 г. он заложил на днепровском острове Хортица укрепленный земляной городок, который считается истоком знаменитой позже Запорожской сечи. В 1556 г. из Хортицкого укрепления Вишневецкий совершил два удачных похода. Первый – на Очаков, являвшейся с 1526 г. уже турецкой крепостью. Второй – на крымскую крепость Ислам-Керим. В 1557 г. Вишневецкий с черкасами отбил нападение крымцев на Хортицу, после чего запросил помощи у Москвы.

Однако царь Иван IV уже задумал войну с Ливонским орденом и не собирався ни направлять значительные силы на юг, ни пытаться строить антикрымский союз с Литвой. Такой союз не мог быть прочным, поскольку война России с Ливонией являлась вызовом Литве и Польше. Протектором Ливонского ордена и Ливонской конфедерации после фактического развала орденской организации в ходе реформации в рамках ливонско-литовских договоров являлся последний наследственный монарх из Ягеллонов Сигизмунд II Август (великий князь Литовский и Русский с 1529 г., король польский с 1530 по 1572 г.). В этом раскладе Вишневецкий перешёл на московскую службу, чтобы вместе с запорожцами и москвитями воевать против крымцев. Владения князя на Волыни Сигизмунд II Август тут же конфисковал.

К идее создания русско-литовского союза против Крыма с одновременным разделом между Москвой и Польско-Литовской унией Ливонии пришёл глава Избранной рады А.Ф. Адашев, когда к концу 1559 г. Ливонская война превратилась в многосторонний и явно обещающий быть длительным конфликт. Но Си-

гизмунд II Август отклонил это предложение. Совет А.Ф. Адашева – удерживая завоёванное в Ливонии, перенести центр русской внешней политики на южное направление – не принял уже царь Иван Грозный. Это стало одной из причин падения Адашева и всей Избранной рады в 1560-м. Вскоре Адашев был сослан в Ливонию, где быстро очутился в тюрьме и умер. Его отец и брат вскоре были казнены. Иван Грозный до конца русских сил и ресурсов будет воевать за покорение всей Ливонии, этого «окна в Европу». По мнению А.Л. Хорошкевич, сама Опричнина 1565-1572 гг. была учреждена главным образом для того, чтобы с помощью государственного террора («царской грозы») мобилизовать все людские и материальные ресурсы России для победы в Ливонии.

Лёгкий разгром Ливонского ордена в 1558 г. создавал иллюзию, что можно успешно действовать и на западе, и на юге. В 1558 г. у места впадения реки Псел в Днепр был построен Псельский городок (Волков 2016: 56). В бассейне реки Упы началось сооружение новых крепостей – «города на Плове» (1560), «города на Солове» (1562), Крапивны (1562), на реке Зуше заново отстроили Новосиль (Загоровский 1991: 98). В 1558 г. Вишневецкий во главе черкасов и донцов, а также русских конных дворян и нескольких стрелецких полков совершил из Псельского городка большой рейд вниз по Днепру на судах к Монастырскому острову, Хортице и далее, не много не дойдя до Перекопа. Было уничтожено множество татарских стойбищ и отдельных отрядов в Диком Поле. От пленника-татарина узнали, что царевич Мухамед-Гирей собирается идти на Русь, направив свои отряды на Рязанщину, к Туле и под Каширу. На Монастырском острове Вишневецкий возвёл укреплённый городок, в котором засели запорожские казаки. Сам Д.И. Вишневецкий и И.В. Шереметев с полками остались ждать «гостей». Разведчики Мухамеда-Гирея сумели захватить русских пленных и донесли ханскому сыну о русской «стороже». В итоге Мухамед-Гирей, не дойдя 100 вёрст до русской границы, повернул назад (Волков 2016: 56-57). В 1559 г. Д.И. Вишневецкий и И.М. Вешняков ходили на Дон, собирались там поставить крепость, но почему-то не сделали этого. Воевали у Азова и на Тамани. С Вишневецким в Москву приехал северокавказский князь Ичурук, сообщивший, что Черкессия готова стать вассалом Москвы (Кушева 1950: 261).

Самой значимой попыткой наступательных действий против Крыма оказалась речная рать русских войск и казаков под руководством Д.Ф. Адашева, брата главы Избранной рады А.Ф. Адашева. Выйдя из Псельского городка на небольших судах (чайках и стругах), люди Адашева захватили на Днепре два турецких корабля, потом вышли в Чёрное море и совершенно неожиданно для татар высадились на западном побережье Крыма. Здесь был разгромлен вражеский отряд, было освобождено множество пленников из России и Литвы, которые вместе с российским войском благополучно прибыли в Монастырский остров (Волков 2016: 57-58).

Однако, по мере усложнения кампаний в Ливонии от активных действий в Диком поле решили отказаться, перейдя к пассивной обороне с опорой на по-

граничные городки и засеки. В 1566 г. на реке Орлик недалеко от её впадения в Оку начали сооружать новую крепость Орёл, в 1568 г. на верхнем Дону поставили крепость Донков (Загоровский 1991: 103, 148). Псельский городок, раздражавший и татар, и литовскую сторону был срыт. Попытки Д.И. Вишневецкого в 1561 г. убедить Ивана Грозного вновь начать переговоры о русско-литовском союзе провалились. После этого Вишневецкий бежал в Литву, откуда продолжил свою борьбу с крымцами и турками. Польский король принял возвращенца ласково и вернул ему все его прежние владения. Князь стал желанным гостем в столичном Кракове. В 1563 г. в г. Черкассы к Вишневецкому прибыла молдавская делегация, приглашая его на молдавский престол (Мохов 1964: 217-218). В Кракове давно думали над планом перевести Молдавию из турецкого вассалитета под польский. В том же 1563 г. Д.И. Вишневецкий с польским магнатом А. Ласским во главе польско-литовско-малороссийского отряда вступили в войну с молдавским господарем Стефаном VII (1563-1564)¹³ и потерпели поражение. Раненый Вишневецкий угодил в плен и был выслан в Константинополь, где, по версии польского историка, после трёх дней мук расстреляли из луков.

В войнах Крыма с Россией середины XVI в. стали принимать участие турецкие силы. Уже в 1552 г., когда решалась судьба Казани, новый крымский хан Девлет-Гирей (1551-1577 гг.) попытался с помощью янычар штурмом взять Тулу. Летопись сообщает, что хан «пришёл ... к городу Туле с всеми людьми и снарядом [артиллерией] да приступал день весь и из пушек бил по городу и огненными ядра и стрелами стрелял на город, и в многих местех в городе дворы загорелися, и в те поры царь [хан] велел янычанам турецкого султана приступить»¹⁴. Тульский гарнизон отбил штурм и, узнав о приближении русской подмоги, неожиданно для врага контратаковал. «И в тот час нечестивый царь Девлет-Гирей крымской побеже от града с великим срамом»¹⁵ («срам» заключался в захвате русскими всей вражеской артиллерии). В походе крымцев на рязанские и тульские «украины» 1555 г., по сведениям современника князя А.М. Курбского¹⁶, использовались турецкие пушки, а янычар участвовало 10 тыс. человек. Тщательный анализ русско-турецко-крымского противостояния в 1555-1560-х гг. (Волков 2016: 51-53, 59-60) отмечает постоянное напряже-

¹³ За XVI в. на молдавском престоле побывало 25 правителей. Стефан VIII был ставленником одного из боярских кланов. Он убил прежнего господаря Деспота Водэ, родом грека по имени Гераклид. Водэ в свою очередь согнал с трона Александра III Ляпушняну (боярина Петра Стольника). Последний после разгром Вишневецкого вернулся в Молдавию и с помощью Сулеймана Великолепного сверг Стефана VII. Александр III выплатил туркам за помощь 200 тыс. золотых и срыл практически все свои крепости, что укрепило османское владычество над Молдавией. В 1568 г. больной и принявший постриг Александр III был отравлен боярами. Его предшественник Стефан VIII, бежавший в Польшу, был там казнён.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 188.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Курбский А.М. *История о великом князе Московском*. Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 31. Санкт-Петербург: Археографическая комиссия, 1914. Стлб. 222-223. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9862> (дата обращения 10.10.2020).

ние на южных рубежах России¹⁷. Хотя Большая засечная черта была достроена к 1568 г., за неимением достаточного числа людей, её сторожащих, она не гарантировала защиту от прорывов крымских войск вглубь России.

В 1569 г. началась первая в русской истории русско-турецкая война. Попытка турецко-крымской армии взять Астрахань кончился провалом, но вскоре Крым взял реванш. В 1571 г. Девлет-Гирей «Москву выжег всю, в три часа вся сгорела, и людей без числа згорело всяких»¹⁸. Погибло 80 тыс. москвичей, в плен угнали от 60 до 100 тыс. человек. Иван Грозный на переговорах готов был за мир отдать Крыму Астрахань, но хан требовал и Казань. Война продолжилась и лишь выигранная 2 августа 1572 г. земским воеводой М.И. Воротынским при Молодях ликвидировала опасность потери Россией всего Поволжья. Победа была одержана объединённой земско-опричной армией, и это привело царя к мысли об отмене разделения страны на Земщину и Опричнину. Правда, сам М.И. Воротынский вскоре погиб: он был обвинён в колдовстве, опалён на медленном огне и умер по дороге в ссылку.

Новый поход 150-тысячной крымской рати докатился до Москвы в 1591 г. в царствование Фёдора I Иоанновича (1584-1598), но завершился сокрушительным разгромом крымцев. Испугавшись чего-то в ночи, русские пушкиры открыли огонь наугад. Но орудия были пристрелены и били по татарскому лагерю в селе Котлы. Пальбу поддерживали стрельцы, находящееся за щитами возведённого вокруг Москвы гуляй-города. А когда в поле выехал отряд дворянской конницы Василия Янова выяснить, что происходит, крымцы запаниковали и побежали. При переправе через Москву-реку многие из них утонули. Русские преследовали врагов до границы и захватили много пленных. Хан Казы-Гирей и два его племянника были ранены. Хан вступил в переговоры, выражал даже

¹⁷ В 1555 г., когда Девлет-Гирей шёл пустошить рязанское и тульское порубежье, было решено отправить три полка под командованием И.В. Шереметева и Л.А. Салтыкова в тыл противника на его собственные земли. Русская рать в составе 4 тыс. конных дворян, 1 тыс. стрельцов и казаков, 7 тыс. боевых холопов и посохи, обслуживающей обоз, двинулась в обход татар по Муравскому шляху. Но хан узнал о русском походе, не стал распускать своих людей для грабежа и его 60-тысячное войско встретилось 3 июля 1555 г. в урочище Судьбищи с 7-тысячным полком И.В. Шереметева. Девлет-Гирей был в крайней ярости, т.к. другой отряд их русской рати в преддверии битвы на Судьбищах захватит крымский обоз. И.В. Шереметев проиграл сражение, потеряв убитыми 5 тыс. человек. Однако его войско не было уничтожено и не бежало. Воеводы А.Д. Басманов и С.Г. Сидоров с 2 тыс. воинов Передового и Сторожевого полка укрепились в лесу и успешно отбивались. В итоге Девлет-Гирей повернул к своим границам, возвратясь и без полона и другой добычи, и без собственного обоза. 1560 г. – мурза Дивей захватил полон между Турой и Зарайском и повернул к Дону, где его настигло гнавшееся по его пятам русское войско. Дивей приказал перебить полон и ушёл в степь. 1562 г. – 15-тысячное войско во главе с Девлет-Гиреем разоряет окрестности верховских городов: Мценска, Одоева, Новосила, Болхова, Черни, Белева. 1563 г. – 10-тысячный отряд сыновей Девлет-Гирея и мурзы Дивея воюют в пронских, рязанских и делиловские земли. 1564 г. – 60-тысячное войско Девлет-Гирея осенью три дня без успеха штурмовало Переяславль-Рязанский и ушло в степь с полоном и добычей. Русские воеводы А.Д. Басманов и Ф.И. Татев догнали арьергард крымцев в 4 тыс. человек, большинство перебили, а 500 чел. взяли в плен. 1565 г. – Девлет-Гирей «воюет» окрестности Болхова. Земское войско действует неудачно из-за местнических распри воевод Передового полка П.М. Щенятева и И.В. Шереметева. Иван Грозный посылает к Болхову опричные полки под началом А.П. Телятевского и братьев Хворостининых. Хан не дожидается их прихода и поворачивает в степь.

¹⁸ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 13. 1904. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова. С. 191. URL: http://psrl.csu.ru/indexs/index_tom.shtml (дата обращения 10.10.2020).

желание перейти из османского вассалитета в русский. Но это была лишь уловка. В 1592 г. крымцы совершили новый набег. До Москвы не дошли, но ополонились и вытребовали «поминки». Всего с 1507 по 1596 г. состоялось более 50 крымских набегов на Русь. В турецкой Каффе иногда выставлялось на продажу до 30 тыс. русских пленников (Яворницкий 1990).

В XVII в. произошло более 60 крымских нападений, наиболее серьёзные пришлось на Смутное время и 1643-1645 гг. В XVIII в. насчитывается 28 набегов, последний из них относился к 1769 г. (Каширин 2019). Набеги XVII-XVIII вв. затрагивали пограничные области России.

Попытки повернуть внешнеполитические усилия России на юг в конце XVII в.

Как мы видели, чёткого понимания, что южное направление стратегически самое важное с точки зрения перспектив модернизации России, не было ни в XV-XVI вв., ни в большей части XVII в. Стремление Москвы включить в свой состав все западнорусские и малороссийские «вотчины» казалось более значимым как для монархов XV-XVI вв., так и для царя Алексея Михайловича (1645-1676).

Необходимость западноевропейских заимствований для поддержания конкурентоспособности России, наоборот, хорошо читается в желании со второй половины XV в. «прорубить окно в Европу». Отсюда проистекли война Ивана III с Ливонским Орденом в 1500-1503 гг. и проигранная Россией Ливонская война 1558-1583 гг. В Смуту конца XVI – начала XVII вв. Швеция захватила у России выход к Балтийскому морю, который царь Алексей Михайлович почти отвоевал в 1656-1658 гг., но решил уступить Швеции в 1661 г., надеясь сконцентрировать силы на борьбе за Украину в Русско-польской войне 1654-1667 гг. А.Л. Ордин-Нащокин предлагал ради удержания выхода к Балтике пойти на компромисс с Речью Посполитой, на что Алексей Тишайший ответил, что польский король не достоин и «куска православного хлеба». В итоге завоевать всю Украину не удалось и пришлось её поделить по Андрусовскому перемирию 1667 г., закрепившему за Россией Левобережье Днепра и Киев на два года.

Сознательно переносить вес российской внешней политики на юг начали в царствование Фёдора III Алексеевича (1676-1682). Тогда случилось новое прямое военное столкновение России с Османской империей в 1677-1781 гг., а война с Крымским ханством велась с 1673 г.

Первый план завоевания Крыма изложил в своих «Разговорах об владетельству» Юрий Крижанич (Бережков 1891). Книга была адресована царю Алексею, но его реакция неизвестна. Сын и преемник Алексея Михайловича царь Фёдор III сочинение Крижанича оценил и даже хотел издать. В рукописях «Разговоры о владетельству» имелись также у бояр, в частности, эта книга значи-

лась в перечне библиотеки Василия Васильевича Голицына, «первого министра» Фёдора III и царевны Софьи. Хорват-католик Крижанич прибыл в Московию в 1659 г., выдав себя за «православного серблянина». Он полагал, что только самодержавная Россия сможет сплотить весь славянский мир. Впрочем, по мнению П. Пирлинга, известного историка и члена ордена иезуитов, истинной целью Юрия была пропаганда церковной унии. Юрия быстро сослали в Тобольск, где он составил много трудов: от проекта общеславянского языка – до политических трактатов. Покорение Крыма он выводил из необходимости ослабить Турцию, ибо только это приведёт к реализации исторической миссии России – собирательницы всех славян, задавленных как османами на юге, так и «немцами» на западе.

Второй план завоевания Крыма появился уже после 1682 г. Его разработал генерал русской службы из столь нелюбимых Крижаничем «немцев» – Патрик Гордон, родом шотландец. Мнение Гордона на предмет пользы для России мира с Турцией и Крымом или войны с ними в союзе европейскими странами легло на стол В.В. Голицына в январе 1684 г. Инициировал этот доклад сам Голицын. Будучи главой правительства царевны Софьи в её регентство 1682-1687 гг., князь обдумывал приоритеты российской внешней политики. Разгром под Веной 12 сентября 1683 г. 200-тысячного османского войска визиря Кара-Мустафы вдвое меньшей по численности интернациональной европейской армией под командованием короля Речи Посполитой Яна Собецкого (1674-1696) внушил христианской Европе большие надежды (под Веной погиб и Юрий Крижанич, отпущенный царём Фёдором из ссылки на родину). В 1684 г. австро-польский союз перерос в создание антитурецкой Священной лиги.

К вступлению в Лигу побуждали Россию и австрийские послы, прибывшие в Москву в 1684 г. Голицын заявил, что это невозможно, «не заключив вечного мира с Польшей» (Хьюз 2001). Такой мир подписали в 1686 г. после семи недель переговоров. Компромиссом со стороны Речи Посполитой стала уступка Киева, а со стороны России – выплата за него 146 тыс. рублей. Участники Лиги – Австрия, Речь Посполитая и Венецианская республика при покровительстве папы Римского Иннокентия XI (1676-1689) – вели войну с османами с 1684 г.

Гордон, взвесив все «за» и «против», высказался за присоединение к Лиге, а в качестве направления главного удара российских войск наметил поход на Крым (Гордон 2009). План покорения Крыма Гордона отталкивался как от военной логики, так и от внешнеполитического расчёта. Патрик называл османскую армию без крымской конницы «птицей без крыльев». Правда, представление генерала Гордона о том, что «с 40 000 пехоты и 20 000 конницы вы можете легко сие [покорение Крыма] осуществить за один или самое большее за два года» (Гордон 2009), оказалось ошибочным. Историки спорят также, насколько боярин игнорировал или, напротив, следовал советам Гордона (Разин 1999). Однако настала пора переходить от пассивной обороны к наступательным действиям.

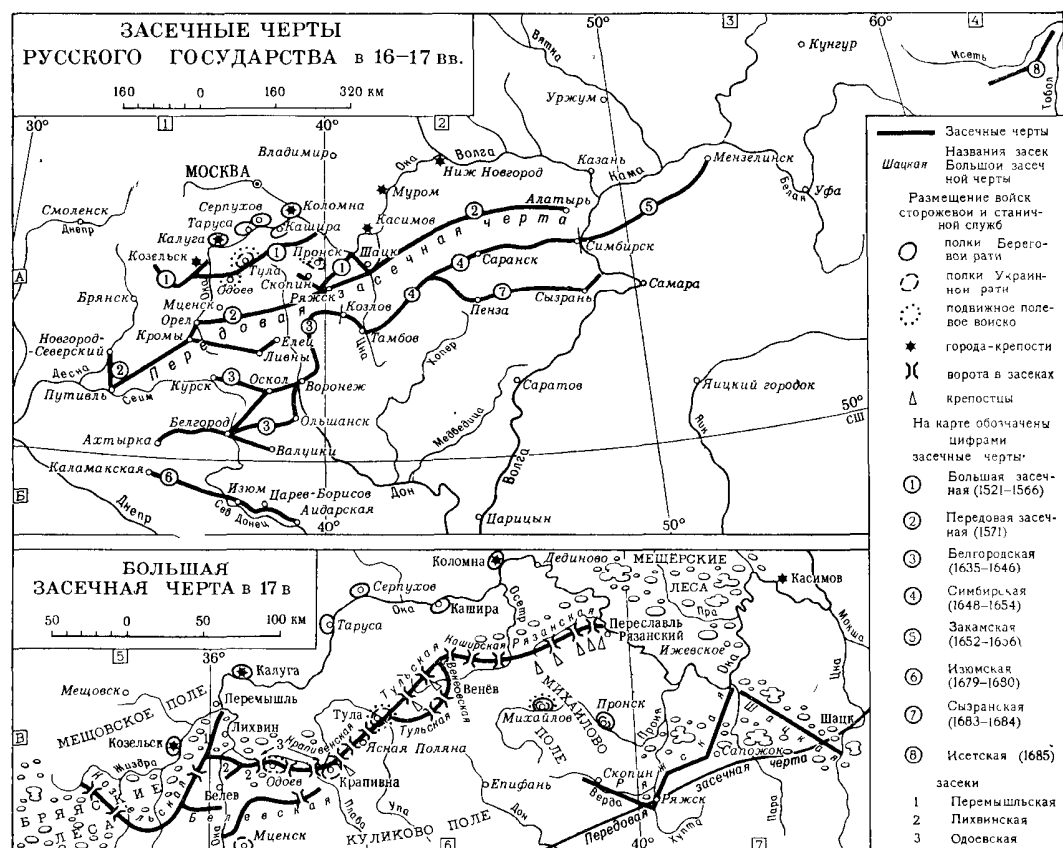


Рис. 1. Засечные черты XVI-XVII вв.

Fig. 1. Zasechnye – Abatis Borders of 16-17 centuries.

Источник: Статья «Засечные черты». Большая советская энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/88206/Засечные> (дата обращения 10.10.2020)

Мощная полоса оборонительных рубежей к 1680-м гг. на юге включала во- семь засечных черт, сведённых в единую систему (Волков 2016), что предот- вращало проникновение татар вглубь русских владений. Так, набеги 1632 г. и середины 1640-х гг. не доходили до Москвы, но серьёзно напрягли южные уезды (см. рис. 1). Действенность засечных черт, их станичной и сторожевой службы – предмет научной дискуссии. Так И.Д. Беляев, Д.И. Багалей, В.А. Вол- ков высказали мнение, что сторожевая служба XVII в. была эффективна про- тив татар, «приходивших на государевы украины» (Волков 2013). Благодаря этому с 1620-1630-х гг. в Курском, Елецком и Ливенском уездах активно шла крестьянская колонизация, как при покровительстве правительства, так и сти- хийная (Загоровский 1969: 20). Казаки и служилые по прибору концентриро- вались у Тулы (Белоцерковский 1915: 20). Всё это и сдерживало активность татар и хорошо защищало границы на юге России (Багалей 1887: 107-108). В.Д. Смирнов, А.А. Новосельский главной причиной успехов колонизации и за-

тишья крымских набегов в 1618-1632 гг. видели перенос активности Турции на Речь Посполитую, с которой шла война в Молдавии (Новосельский 1948: 99).

Нам представляется более верным представление о надёжности засечных черт, т.к. в чернозёмных уездах, расположенных рядом с ними, с 1630-х гг. наблюдался стабильный рост пашни и активная промыслово-промышленная деятельность. «К 1661-1662 г. из Орла вывозилось ежегодно от 180 до 250 тыс. пудов хлеба, а к 1679 г. торговый оборот орловского рынка по сравнению с 1654 г. вырос в семь раз» (Юрьев 2013: 94). Города Орёл, Тамбов, Козлов, Курск, Елец, Острогожск, Борисоглебск, Белгород превратились в крупные рынки по продаже зерна, скота, мёда, воска, пеньки, пакли, вина, кислого мёда, браги и прочих напитков местного производства (Юрьев 2013: 92) (см. табл. 1).

Таблица 1. Рост освоения земель Чернозёмного центра в 1630-1763 г. тыс. десятин

Table 1. The land reclamation of black-earth areas in 1630-1763 (thousand arpents – desiatinas)

Год	Пашня	%	Сенокос, усадебная земля	%	Лес	%	Неудобье	%
1630	728	4	7951	49	4748	29	29 2947	18
1696	3048	19	6403	39	3923	24	24 3000	18
1725	4112	25	5780	35	3581	22	22 2901	18
1763	5518	34	4942	30	3119	19	19 2795	17

Источник: (Юрьев, Осадчая, Дунина 2013: 93)

В историографии утвердилось мнение о неудачности Крымских походов. Отчасти это произошло из негативной оценки походов Петром I из-за солидарности петровской трактовки с негативными отзывами современников-иностранцев. К примеру, шведский резидент Х. фон Кохен в письме в Ригу назвал поход 1687 г. «безуспешным», передал слух о гибели 50 тыс. русских солдат, а польский король Ян Собеский писал кардиналу Франческо Барберини 28 августа 1687 г.: «Примите во внимание подлость этих людей, которые послали нам гонцов сообщить о своих военных операциях... но в то же время оставили свои позиции...» (Хьюз 2001). Поляки считали, что набег на их границы белгородской орды¹⁹ осенью 1687 г. – итог незначительности похода 1687 г. Не в пользу походов было сравнение их результатов с явно завышенными русскими требованиями о Крыме на переговорах о заключении нового русско-польского договора. Посол Возницын настаивал на подчинении России Крыма, турецких крепостей на Днепре и Азова, возврате без платы всех пленных и взятии с османов контрибуции в 2 млн золотых крон, что на деле было не более, чем пропаган-

¹⁹ Белгородская орда – автономное вассальное от Крыма объединение кочевников из Малых ногаев, которые переселились в 1620-е гг. к Аккерману (Белгород-Днестровский) и регулярно совершали набеги на малороссийский юг Речи Посполитой, на южные земли России нападали реже. В 1770 г. Белгородская орда приняла протекторат России. Кочевое население было переселено в степное Приазовье, а в конце XIX в. – на юг Крыма.

дистским подкреплением тайных планов царевны Софьи венчаться на царство (Хьюз 2001: 263).

Кроме неосуществимой цели по завоеванию Крыма имелась вполне реальная и решённая походами задача. Большая война Лиги против Блистательной Порты включала Австро-турецкую войну 1683-1699 гг., Польско-турецкую войну 1683-1699 гг., Венециано-турецкую войну 1684-1699 гг. Как член Священной лиги Россия не допустила в 1687 и 1689 гг. соединения крымских войск с османской армией, чем внесла свой вклад в победы участников Священной лиги. После взятия Буды (1686) принц Людвиг Баденский с 3-4 тыс. своих людей разбил 15 тыс. турок в Боснии у села Тривенич в 1688 г. В том же году генерал фон Шерфен после 27-дневной осады захватил у османов Белград. Хуже шли дела у поляков, потерпевших поражение у Каменца. С весны 1688 г. крымцы перераспределились на набеги на польско-литовскую Волынь и увели оттуда 60 тыс. пленных (Елчинанов 1911: 77-79). Но победа при Каменце не меняла кардинально картины неудач Блистательной Порты в целом в 1687-1688 гг. Следствием стало свержение янычарами в ноябре 1687 г. султана Мехмеда IV и переход трона к его брату Сулейману II. Турецкие послы прибыли в Братиславу в 1688 г. оповестить об этом, но на деле они зондировали вопрос о мире. Крымские походы повлияли на отказ Австрии от заключения сепаратного мира, о котором ходили слухи. В 1689 г. дьяк Алексей Васильев добился согласия Вены заключить союзный «договор с Москвой на тех же условиях, что и с Варшавой» (Хьюз 2001: 262). Крымские походы удержали на плаву и шаткий союз России и Речи Посполитой. Это были хорошие новости. Без союзников у Москвы не было шансов успешно продолжать войну, а, следовательно, невозможна была даже постановка вопроса о безопасном переносе центра российского сельского хозяйства на южные плодородные земли, без чего был невозможен запуск процесса внутренней модернизации.

Интуитивное понимание связи военной активности на юге с необходимостью модернизации появились в конце XVII в. в рассуждениях В.В. Голицына и Ю. Крижанича. По сообщению польского дипломата Невилля, француза по происхождению, Голицын ратовал за отмену крепостного права²⁰. А у Крижанича, как и у Петра I, присутствовал призыв к развитию торговли и промышленности. Правда, практика петровских преобразований на деле оказалась нацелена на мобилизацию старых средневеково-крепостнических форм и методов хозяйства. В результате в ходе введения подушной подати (1724 г.) всё крестьянское население оказалось крепостным: либо по отношению к государству, либо по отношению к частным владельцам и церкви, а открытие казённых мануфактур, ориентированных на удовлетворение военных нужд, привело к господству в промышленности крепостной мануфактуры.

²⁰ Де ла Невилль. *Записки о Московии*. С. 165. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Nevill/frameset3.htm> (дата обращения 10.10.2020).

Екатерина II и её окружение, начиная с войны с Турцией, руководствовались геополитическими соображениями. Но практика заселения Новороссии и Тавриды (бывших Дикого Поля и Крыма) уже несла зачатки представлений о модернизации. В обосновании массового приглашения переселенцев из Европы, особенно немцев, для заселения Новороссии и пополнении земледельцами относительно малолюдного Поволжья звучала мысль о необходимости передачи от них русским современных хозяйственных технологий.

Возвращаясь к Крымским походам, стоит отметить, что с точки зрения их организации это были первые с середины XVI в. крупномасштабные наступательные операции России против татар. В 1687 г. списки русского войска насчитывали 112 тыс. человек (Великанов 2016). Тон задавали полки нового строя: 29 солдатских, численностью более 49 тыс. чел., 26 полков конницы, насчитывающей 26 тыс. драгун и рейтаров. Старый строй был представлен 10,5 тыс. московских стрельцов и 9 тыс. дворянского конного ополчения. Кроме того, числилось более 17 тыс. русских казаков. Российская Левобережная Украина должна была вывести до 50 тыс. казаков во главе с гетманом Иваном Самойловичем. Реальный подсчёт войск, проведённый В.В. Голицыным, дал цифру в 90 тыс. русских воинов и 20 тыс. запорожцев. В походе 1689 г. приняло участие около 112 тыс. русского войска и 30 тыс. украинских казаков нового гетмана Ивана Мазепы. Армия В.В. Голицына имела 356 пушек и 20 тыс. повозок с продовольствием на два месяца (Елчианов 1911).

Недооценка тяжести природного фактора вызвала значительные людские потери, но в России XV-XVIII вв. «печаль» по этому поводу являлась не более чем пристойной фразой. Не меньшие потери людей сопровождали петровские Азовские походы, и снова основная масса умерших появилась не на боевых полях, а вследствие тяжёлых условий жизни и работы зимой 1695-1796 гг. при строительстве на Воронеже галерной флотилии. Тяжёлые безвозвратные потери будут происходить на «крымском фронте» в ходе успешной Русско-турецкой войны 1735-1739 гг., когда Россия сумеет вернуть себе Азов, завоеванный Петром I в 1696 и потерянный им же в 1711 г. в результате неудачного Прутского похода. Победоносные войны Екатерины II 1768-1774 гг. и 1788-1791 гг. стоили огромных жертв, хотя здесь европеизированная русская армия понесла потери куда меньшие, чем её средневековая противница Османская империя. Крым опять-таки не сразу оказался в составе России. Его приведут туда не только военные результаты и новая геополитическая реальность в рамках Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г., разорвавшего, наконец, вассалитет Крымского ханства по отношению к Турции, но также профессиональная дипломатическая игра Г.А. Потёмкина в 1783 г., в результате которой сам хан Шагин-Гирей передал своё государство под скипетр российской императрицы. Сыграл свою роль и знаменитый «Греческие проект», ставший своего рода «дымовым прикрытием» реальных территориальных требований. Утопичный, как сейчас видно, план восстановления Византийской империи пугал Австрию, Англию, Францию ам-

бициозностью планов роста геополитического могущества России, и все в Европе поспешили «умиротворить» Россию признанием законности включения только Крымского ханства в состав Российской империи.

В течение XVIII в. была решена задача заселения Дикого Поля, центр аграрного хозяйства переехал на юг, теперь отделённый от Турции Чёрным морем, хорошо защищённым с российского побережья крепостями, армией и флотом (см. табл. 2).

Таблица 2. Заселение областей Дикого Поля в XVIII в. (Новороссии с 1783 г.)
Table 2. Settlement of Wild Field areas in the 18th century (Novorossiia since 1783)

Годы	Число душ мужского пола	Приблизительная численность населения в целом
1720	3 950	8 900
1740	7 965	15930
1745	22 400	44 800
1750	25 065	50 130
1763	64 460	128 920
1782	193451	386 902
1795	343 696	687 392

Источник: (Кабузан 1969: 30-41)

Уже в конце XVIII – начале XIX в. Россия становится главным в мире экспортёром зерна, а на её центральных малоплодородных областях начинается подъём буржуазной промышленности. XIX столетие стало временем модернизации России, хотя к началу XX в. эта главная цивилизационная задача оказалась нерешённой до конца, что вызвало неудачный для Российской империи исход Первой мировой войны, а следом и социокультурную катастрофу 1917 г.

Об авторе:

Татьяна Васильевна Черникова – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76.
 E-mail: tchernikova1961@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: March 26, 2020
Accepted: May 20, 2020

Crimean-Ottoman Factor in the Socio-Cultural System of Russia in Early Modern Times

T.V. Chernikova

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-115-148](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-115-148)

Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: The article gives a description of the sociocultural organization of Russia and the peculiarities of its geopolitical position in the system of international relations of the early modern period. Questions were raised about the reasons for the rapid territorial expansion of the Russian state in the second half of the 15-17 centuries, as well as its high competitiveness in foreign policy both in relations with its western neighbors and in the eastern direction. For the states of Western Europe with the beginning of their modernization, modern age has come, however “Muscovy” in the 15-17 centuries remained a medieval country. At the same time, it not only did not share the fate of many eastern powers with a traditional way, which turned into the 17th-19th centuries in the colony and semi-colony, but also, on the contrary, it led a successful colonial expansion and demonstrated externally the almost synchronous trends in state building that were inherent in the Western European countries. The author believes that the patrimonial structure of the sociocultural system of the Russian state in the 15-17 centuries contributed to the mobilization of internal material and human resources, coupled with an early superficial “Europeanization” (regular borrowing the military, technical, and cultural experience of modernizing Western Europe), ensured Russia's competitiveness in the world. Since the emergence of the united Moscow state, Russia has developed as a land empire.

However, the strategic national task of Russia was not to preserve the medieval patrimony, but to create the prerequisites for its modernization. Amid the socio-economic development, which is characteristic of all countries with a patrimonial structure, that could have started only by transferring the center of Russian extensive agriculture to the southern fertile lands. This would free part of the population of the non-chernozem center for trade and industrial activities. But the transfer of the agrarian center to the south was restrained by the constant military danger from the Wild Field, which was part of the Horde, and then the Crimean Khanate, backed until the end of the 18 century by the Ottoman Empire, perceiving the Black Sea with its “inland lake”. As a result, the struggle for the Black Sea and Crimea to become a part of Russia, as well as the overcoming the patrimonial order, becomes a matter of civilizational success or failure of Russia in the context of world history.

Keywords: Russia, Lithuania, Crimean Khanate, Turkey, patrimonial structure, modernization, Crimean campaigns

About the author:

Tatiana V. Chernikova – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World and Russian History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

E-mail: tchernikova1961@mail.ru

Conflict of Interests: The author declares absence of conflict of interests.

References:

Poe M. 2003. *The Russian Moment in World History*. Princeton, N.J. Princeton University Press. 94 p.

Bagaley D.I. 1887. *Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays from the History of the Colonization of the Steppe Outskirts of the Moscow State]. Moscow: IOIDR. 618 p. (In Russian)

Barbaro i Kontarini o Rossii. 1971. *K istorii italo-rossiyskikh svyazey v XVI v.* [On the History of Italian-Russian Relations in the 15th Century]. Ed. by E.Ch. Skrzhinskaya. Leningrad: Nauka.

Belotserkovsky G.M. 1915. *Tula i Tul'skiy uezd v XVI i XVII vekah* [Tula and Tula District in the 16-17 Centuries]. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira. 439 p. (In Russian)

Berezhkov M.N. 1891. *Plan zavoevaniya Kryma, sostavlenyy v carstvovanie Gosudarya Alekseye Mihajlovicha uchenym slavyaninom YUriem Krizhanichem* [The Plan for the Conquest of Crimea, Drawn up in the Reign of Sovereign Alexei Mikhailovich by the Learned Slav Yuri Krizhanich]. Berezhkov M.N. Soch. Saint Petersburg: Tip. B.S. Balasheva. 90 p. (In Russian)

Chernikova T.V. 2019. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [The History of Russia from Ancient Times to the End of the 18 Century]. *Istoriya Rossii v chetyrokh tomakh*. Vol. 1. Moscow: Aspekt Press. 379 p. (In Russian)

Elchivanov A.G. 1911. *Ocherk istorii voennogo iskusstva do Petra Velikogo* [A Sketch of the History of Military Art before Peter the Great]. *Istoriya russkoj armii i flota v 15-ti tomah* [History of the Russian Army and Navy in 15 Volumes]. Moscow: Knigo-vo t-va «Obrazovaniya». Vol. 1. 212 p. (In Russian)

Fletcher Dzh. 2003. *O Gosudarstve Russkom. Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [About the Russian State. Russia of the 16th Century. Memoirs of Foreigners]. Transl. by N. Belozerskaya, Yu. Got'ye, I. Anonimov, I. Polosin. Smolensk: Rusich. 472 p. (In Russian)

Gayvoronsky O. 2007. *Poveliteli dvuh materikov* [Gayvoronsky O. Rulers of Two Continents]. Kiev - Bahchisaraj: Oranta. Vol. 1. 372 p. (In Russian)

Gerbershteyn S. 2008. *Zapiski o moskovskikh delakh* [Notes on Moscow Affairs]. Transl. by A.I. Malein. *Velikaya Moskoviya* [Great Muscovy]. Moscow: EKSMO. P. 27-306. (In Russian)

Gordon P. 2009. *Dnevnik 1684-1689* [Diary 1684-1689]. Transl. by D.G. Fedosova. Moscow: Nauka. 339 p. (In Russian)

Hughes L. 2001. *Carevna Sof'ya* [Tsarevna Sophia]. Saint Petersburg: Grand. 412 p. (In Russian)

Kabuzan V.M. 1969. *Zaseleniye Severnogo Prichernomor'ya (Novorossii) v XVIII veke (1719-1795 gg.)* [Settlement of the Northern Black Sea Coast (New Russia) in the 18th Century (1719-1795)]. *Sovetskaya etnografiya*. №6. P. 30-41. (In Russian)

Kashirin V.B. 2019. «Nabeg tatarskoj mnozhestvennym chislom uchinyon...»: nashestviya hana Krym-Gireya na Elisavetgradskuyu provinciyu Rossijskoj imperii zimoy 1769 g. [“The

Raid of the Tatar Is Committed ...": the Invasion of the Khan Crimea-Girey on the Elisavetgrad Province of the Russian Empire in the Winter of 1769]. *Slavyane i Rossiya: Rossiya, Bolgariya, Balkany. Problemy vojny i mira. XVIII-XXI vv. (Mify i real'nost')* [Slavs and Russia: Russia, Bulgaria, the Balkans. Problems of War and Peace. 18-21 Centuries (Myths and Reality)]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. P. 8-106. (In Russian)

Kusheva E.N. 1950. Russkoe gosudarstvo na Severnom Kavkaze v 1552-1572 gg. [The Russian State in the North Caucasus in 1552-1572]. *Istoricheskie zapiski*. Vol. 34. P. 60-68. (In Russian)

Mekhovskiy M. 1936. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [A Treatise on Two Sarmatians]. Moscow, Leningrad: AN SSSR. 288 p. (In Russian)

Mokhov N.A. 1964. *Moldaviya epohi feodalizma* [Moldavia Era of Feudalism]. Kishinyov: Kartya Moldovenyaske. 440 p. (In Russian)

Novoselsky A.A. 1948. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [The Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the 17th Century]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 448 p. (In Russian)

Oliariy A. 2003. *Opisaniye puteshestviya Golshtinskogo posol'stva v Moskoviyu i Persiyu* [Description of the Journey of the Holstein Embassy to Muscovy and Persia]. Transl. by A.M. Lobyarin. Smolensk: Rusich. 480 p. (In Russian)

Razin E.A. 1999. *Istoriya voennogo iskusstva XVI-XVII vv.* [The History of Military Art of the 16-17 Centuries]. Vol. 3. *Istorii voennogo iskusstva v 5-ti tomah*. Saint Petersburg: «Izd-vo Poligon». 734 p. (In Russian)

Velikanov V.S. 2016. Detal' pohoda armii V. V. Golitsyna v 1687 g. [Details of the Campaign of the Army of V.V. Golitsyn in 1687]. *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voynah i vooruzhen-nykh konfliktakh: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [The South of Russia and Neighboring Countries in Wars and Armed Conflicts: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation] (Rostov-na-Donu, 2016). Rostov-na-Donu: Izd-vo YUNC RAN. P. 32-39. (In Russian)

Volkov V.A. 2013. Moskovskie zaseki. Yuzhnyj rubezh [Moscow Notches. South Frontier]. *Urbanistika*. №1. P. 100-116. (In Russian)

Volkov V.A. 2016. *Vojsko Groznogo tsarya* [Army of the Terrible King]. Moscow: Prometej. 322 p. (In Russian)

Yavornitsky D.I. 1990. *Istoriya zaporoz'skih kozakov. U 3-h t.* [Yavornitsky D.I. History of the Zaporozhye Cossacks]. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka. P. 331-342. (In Ukrainian)

Yuriev V.M., Osadchaya T.G., Dudina O.Yu. 2013. Osobennosti ekonomicheskogo razvitiya central'nogo Chernozem'ya v period perekhoda ot territorii pogranich'ya k central'nomu rajonu Rossijskogo gosudarstva [Features of the Economic Development of the Central Black Earth Region during the Transition from the Borderland to the Central region of the Russian State]. *Vestnik TGU*. 10(126). P. 91-97. (In Russian)

Zagorovsky V.I. 1991. *Istoriya vkhodeniya Central'nogo Chernozem'ya v sostav Rossijskogo gosudarstva v XVI v.* [The History of the Entry of the Central Black Earth Region into the Russian state in the 16 Century]. Voronezh: Izd-vo VGU. 272 p. (In Russian)

Zagorovsky V.P. 1969. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta. 304 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Багалеи Д.И. 1887. *Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства*. Москва: ИОИДР. 618 с.

Барбаро и Контарини о России. 1971. К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. Ленинград: Наука.

Белоцерковский Г.М. 1915. *Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках*. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира. 439 с.

Бережков М.Н. 1891. *План завоевания Крыма, составленный в царствование Государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем*. Бережков М.Н. Соч. Санкт-Петербург: Тип. Б.С. Балашева. 90 с.

Великанов В.С. 2016. Детали похода армии В. В. Голицына в 1687 г. *Юг России и сопредельные страны в войнах и вооружённых конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (Ростов-на-Дону, 22-25 июня 2016 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 32-39.

Волков В.А. 2013. Московские засеки. Южный рубеж. *Урбанистика*. №1. С. 100-116.

Волков В.А. 2016. *Войско Грозного царя*. Москва: Прометей. 322 с.

Гайворонский О. 2007. *Повелители двух материков*. Киев - Бахчисарай: Оранта. Т. 1. 372 с.

Герберштейн С. 2008. Записки о московских делах. Пер. с лат. А. И. Малеина. *Великая Московия*. Москва: ЭКСМО. С. 27-306.

Гордон П. 2009. *Дневник 1684-1689*. Пер. с англ. Д.Г. Федосова. Москва: Наука. 339 с.

Елчинанов А.Г. 1911. Очерк истории военного искусства до Петра Великого. *История русской армии и флота в 15-ти томах*. Москва. Т. 1. 212 с.

Загоровский В.И. 1991. *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в.* Воронеж: Изд-во ВГУ. 272 с.

Загоровский В.П. 1969. *Белгородская черта*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 304 с.

Кабузан В.М. 1969. Заселение Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII веке (1719-1795 гг.). *Советская этнография*. №6. С. 30-41.

Каширин В.Б. 2019. «Набег татарской множественным числом учинён...»: нашествия хана Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию Российской империи зимой 1769 г. *Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII-XXI вв. (Мифы и реальность)*. Москва: Институт славяноведения РАН. С. 8-106.

Кушева Е.Н. 1950. Русское государство на Северном Кавказе в 1552-1572 гг. *Исторические записки*. Кн. 34. С. 60-68.

Меховский М. 1936. *Трактат о двух Сарматиях*. Москва – Ленинград. АН СССР. 288 с.

Мохов Н.А. 1964. *Молдавия эпохи феодализма*. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ. 440 с.

Новосельский А.А. 1948. *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*. Москва: Издательство АН СССР. 448 с.

Олиарий А. 2003. *Описание путешествия Голицинского посольства в Московию и Персию*. Пер. с нем. А.М. Лобягина. Смоленск: Русич. 480 с.

Разин Е.А. 1999. *История военного искусства XVI-XVII вв. Т. 3. Истории военного искусства в 5-ти томах*. Санкт-Петербург: «Изд-во Полигон». 734 с.

Флетчер Дж. 2003. *О Государстве Русском. Россия XVI века. Воспоминания иностранцев*. Пер. с англ. Н. Белозерской, Ю. Готье. Пер; с нем. И. Анонимова, И. Полосина. Смоленск: Русич. 472 с.

Хьюз Л. 2001. *Царевна Софья*. Санкт-Петербург: Гранд. 412 с.

Черникова Т.В. 2019. *История России с древнейших времён до конца XVIII в.* История России в четырёх томах. Т. 1. Москва: Аспект Пресс. 379 с.

Юрьев В.М., Осадчая Т.Г., Дудина О.Ю. 2013. Особенности экономического развития центрального Черноземья в период перехода от территории пограничья к центральному району Российского государства. *Вестник ТГУ*. 10(126). С. 91-97.



Мусульманский банк как историческая категория: опыт создания кредитных учреждений для мусульман в первой половине XX в.

Р.И. Беккин

Институт востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена;
Институт Африки РАН

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты деятельности мусульманских банков в странах Евразии в первой половине XX в. Данные кредитные учреждения были созданы по инициативе предпринимателей-мусульман, стремившихся иметь доступный источник финансирования своей деятельности. Мусульманские банки были важным элементом финансовой системы ряда государств в эпоху колониализма. В условиях конкурентной борьбы на рынке капиталов между западными банками и кредитными организациями, принадлежавшими различным религиозным и этническим группам, а также конкуренции последних друг с другом, мусульманские банки выступали в качестве инструмента обеспечения экономической независимости мусульманских сообществ в целом ряде стран и регионов в рассматриваемый период. После достижения странами Азии независимости мусульманские банки трансформировались в обычные общенациональные банки.

Деятельность мусульманских банков рассматривается в статье на фоне дискуссий о допустимости банковских операций с использованием ссудного процента в свете запрета ростовщичества (*риба*) в мусульманском праве. В статье подчёркивается, что мусульманские банки в своей деятельности опирались на богословско-правовые заключения (*фетвы*) мусульманских учёных, считавших такую деятельность легитимной и не подпадающей под кораническое понятие ростовщичества.

Автор придерживается точки зрения, что создание независимого государства или национально-территориальной / национально-культурной автономии мусульман явилось закономерным результатом борьбы мусульманской буржуазии с конкурентами за рынки сбыта своих товаров и услуг в целом ряде стран и регионов. И мусульманские, и исламские банки рассматриваются лишь как определённый этап в развитии банковского дела в ряде стран Азии, Африки и Европы. В статье оспаривается тезис о том, что исламские банки и исламская экономическая модель в целом являются монолитной конструкцией, не подлежащей модификации. По мнению автора, само создание исламских банков, а также их конвергенция с традиционными (неисламскими) кредитными учреждениями, которую мы наблюда-

УДК 339.74, JEL A310

Поступила в редакцию: 11.09.2020 г.

Принята к публикации: 16.10.2020 г.

даем в наши дни, является закономерным результатом изменения экономических интересов правящего класса как в странах распространения ислама, так и в Западном мире.

В статье рассматривается история создания мусульманских банков в Боснии и Герцеговине и в Британской Индии. Эти регионы сближает то, что проживавшие здесь мусульмане вынуждены были вступать в конкуренцию с представителями других этноконфессиональных групп и сообществ, проживавших на этой же территории. Особое внимание в статье уделено богословско-правовым дискуссиям о создании мусульманского банка в России.

Ключевые слова: мусульманский банк, исламский банк, риба, Муса Бигеев, торговые касты в Индии, ходжа, бохра, меманы

Исламские банки перестали быть экзотическим и маргинальным явлением в мировых финансах в последнее десятилетие прошлого века. К началу 2010-х гг. не осталось практически ни одной мусульманской страны, в которой не были бы представлены кредитные учреждения, использующие в своей работе исламские методы финансирования. Их доля на рынке часто была и продолжает оставаться незначительной¹, но это не отменяет факта их участия в финансовых отношениях в качестве полноправного субъекта.

Изменилась ситуация и в немусульманских странах со значительными мусульманскими меньшинствами, где также в начале 2000-х гг. стали развивать свою деятельность исламские банки. Не стала исключением и Россия, где ещё в 1998 г. был создан «Бадр Форте банк» – первый в стране банк, позиционировавший себя в качестве исламского (Беккин 2010). В 2006 г. у него была отозвана лицензия, однако история исламского банкинга в стране на этом не закончилась. С 2009 г. в ряде регионов России начинают функционировать структуры, предлагающие определённый набор финансовых услуг «в соответствии с шариатом»².

Краеугольный принцип исламского банковского дела – это отсутствие процента в пассивных и активных операциях банка. Если быть более точным, то речь идёт не о «беспроцентном», а о «непроцентном» финансировании. Термин «беспроцентный» может вводить в заблуждение и указывать на то, что кредиты предоставляются на безвозмездной основе. Однако исламские банки получают вознаграждение за свои услуги, но не в виде фиксированного процента, а в качестве доли от прибыли или комиссии.

Автор также старается не использовать расхожее клише, используемое при описании *modus operandi* исламских банков. В таких случаях в зарубежной и отечественной литературе принято писать и говорить о банках, работающих

¹ Так, по данным на 2015 г., за исключением двух стран, где формально весь банковский сектор исламизирован, только в одной стране (Саудовской Аравии) доля исламских банков на рынке превышала 50 % (Caporalea at al. 2020: 3).

² Один из наиболее свежих обзоров существующего рынка исламских финансовых услуг в современной России см., например, здесь: Kalimullina M. 2020. Islamic finance in Russia: A market review and the legal environment. *Global Finance Journal*. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2020.100534>

«в соответствии с принципами шариата», «в соответствии с шариатом» или «по нормам ислама»³. Однако данная формулировка, по мнению автора, является не вполне корректной, хотя бы потому, что не существует никакого исчерпывающего перечня принципов или норм шариата, регулирующих финансовые отношения. Тем более не ясно, что такое «нормы ислама». Различия в интерпретации шариатских положений, касающихся вопросов финансов и торговли, проявляются в плюралистичности на рынке исламских финансовых услуг в мире⁴.

Ещё одно важное замечание касается слов, используемых в качестве синонимов для обозначения исламских банков. С середины 2000-х гг. в деловой и научной литературе получил определённое распространение такой термин, как «партнёрские банки». Это словосочетание стало употребляться в Турции после того, как там в 2005 г. были приняты поправки в законодательство и для исламских банков была выделена особая категория⁵. Это был важный шаг на пути признания исламских банков в Турции в качестве одного из полноправных участников финансового рынка. Сторонники введения указанного термина в Турции обращают внимание на то, что партнёрские банки – это не альтернатива другим турецким банкам, а дополнительный и крайне необходимый элемент банковской системы страны (Беккин 2010: 262).

В России этот термин стал употребляться в качестве эвфемизма, призванного заменить имеющий определённые коннотации и потому не всегда удобный для продвижения бренд «исламский банк». При этом речь здесь не шла о какой-то особой разновидности финансовых учреждений, использующих в своей работе исламские методы финансирования. Партнёрские банки – это те же самые исламские банки, только в силу определённых политических причин скрытые под другим именем. Насколько корректен данный термин для понимания природы банков, использующих подобное наименование, не является предметом данной статьи.

Совсем другое дело – так называемые мусульманские банки, как правило, использовавшие в своём названии слово «мусульманский», а не «исламский». Они стали создаваться в разных частях мусульманского мира в первой половине XX в. Это были принципиально иные кредитные учреждения, отличавшиеся от исламских банков как по своим задачам, так и по методам финансирования. Понимание природы и причин появления мусульманских банков поможет лучше понять ту роль, которую призваны играть исламские финансы в современном мире. Таким образом, основной целью данной статьи является анализ теоретических и практических аспектов деятельности мусульманских банков как особого актора на финансовых рынках стран Европы и Азии в первой половине XX в. В статье предпринята попытка дать ответ на вопрос: являются ли ислам-

³ См., например, слоган на главной странице Финансового дома «Амаль»: «Стать инвестором по нормам Ислама с нашей командой – просто» (<https://fdamal.ru/>).

⁴ Подробнее об этом см.: (Беккин 2012).

⁵ До этого партнёрские банки назывались специальными финансовыми домами (*özel finans kurumları*).

ские банки результатом эволюции мусульманских банков или между этими институтами нет ничего общего?

Я рассматриваю создание разных форм государственного объединения мусульман в прошлом столетии как закономерный итог экономической эмансипации мусульманской буржуазии в условиях конкурентной борьбы с промышленными предприятиями и финансовыми учреждениями, находившимися в собственности колонизаторов и представителей других религиозных и этнических групп в поликонфессиональных обществах (Индии и др.).

Используя принцип историзма, я рассматриваю деятельность мусульманских банков и вопросы их легитимации богословами с точки зрения шариата в контексте тех социально-экономических и политических условий, которые существовали в конце XIX – начале XX в. Само банковское дело в мусульманском мире я представляю как череду определённых этапов. В статье фокусируется внимание на одном из этих этапов, характеризующемся появлением и функционированием на финансовых рынках мусульманских банков. Принцип историзма важен для нахождения исходной точки возникновения такого феномена, как исламские банки.

Сравнительный метод был использован мною при сопоставлении экономической и политической ситуации в определённых странах, где наблюдалась активность мусульманских и исламских банков.

Для анализа я выбрал пример Боснии и Герцеговины и Британской Индии. Мой выбор был обусловлен тем, что именно в указанных регионах получила распространение деятельность кредитных учреждений, позиционирующих себя в качестве мусульманских банков. Боснию и Индию сближает то, что проживавшие там мусульмане вынуждены были вступать в конкуренцию с представителями других этноконфессиональных групп и сообществ. Появление и дальнейшая работа мусульманских банков сопровождалась дискуссиями по вопросу о допустимости банковских операций в свете коранического запрета *риба* (ростовщичества). Подобные дискуссии велись и в России, где в 1910-е гг. на страницах периодических изданий на татарском и других языках обсуждался вопрос о создании мусульманских банков. Несмотря на то, что такие кредитные учреждения так и не были созданы, изучение российского дискурса представляет интерес для понимания транснационального характера такого явления, как мусульманские банки.

Мусульманский банк: теоретические аспекты

По мере развития финансовых отношений в мире и проникновения западного капитала в мусульманские страны и регионы верующие всё чаще стали поднимать вопрос о допустимости пользования услугами коммерческих банков в свете исламского запрета ростовщичества. В результате осмысления мусульманскими богословами и правоведами данной проблемы на рубеже XIX–XX вв. сформировалось три точки зрения:

1) существующая банковская практика полностью не соответствует шариату, так как банки в своих операциях взимают и выплачивают *риба* – запрещённый Кораном ссудный процент. Иными словами, под «*риба*» понималась любая надбавка сверху суммы долга, если речь не шла о наценке в торговой операции с предусмотренной отсрочкой платежа или отложенной поставкой товара;

2) получаемое и выплачиваемое банками вознаграждение за пользование денежными средствами разрешено, так как не подпадает под исламский запрет ростовщичества;

3) сама по себе банковская деятельность дозволена. Запретными являются отдельные операции банков и/или завышенная ставка процента.

Как видно, вся дискуссия строилась вокруг вопроса о том, подпадает ли ссудный процент в операциях банков под исламский запрет ростовщичества. Первая точка зрения означала невозможность развития банковского кредитования и, стало быть, сдерживала рост предпринимательской деятельности. Это не могло устраивать молодую мусульманскую буржуазию. Второй вариант был очевидно более приемлемым, но и он имел определённые негативные аспекты. Если речь шла о кредитовании в банках, принадлежавших иностранцам или соотечественникам – представителям других этнических и конфессиональных групп, мусульмане-предприниматели оказывались в невыгодных условиях. Во-первых, бизнес, принадлежащий мусульманам, оказывался в зависимости от капитала «чужих» и мог подпадать под их полный или частичный контроль. Кроме того, средства мусульман, размещаемые в банках на депозитах, не служили интересам мусульманской общины. Во-вторых, даже если речь шла не о традиционных ростовщиках на базаре, коммерческие банки зачастую могли финансировать «своих» на более льготных условиях, чем «чужих».

Таким образом, наиболее удобным выглядел третий вариант, связанный с учреждением особой категории банков, ориентированных на клиентов-мусульман. Осталось только найти богословско-правовое обоснование работе таких банков. От этого зависело, насколько клиенты-мусульмане будут готовы сотрудничать с финансовыми учреждениями, работающими на процентной основе.

Муса Бигеев о мусульманском банке

Значительный вклад в теоретическое обоснование идеи мусульманских банков⁶ внёс татарский богослов Муса Джарулла Бигеев (1871–1949). Две из трёх работ Бигеева, посвящённых непосредственно вопросам финансов в свете шариата, являются библиографической редкостью и до сих пор не доступны читателю: «Банк в исламе» и «Страхование жизни и имущества». Вопросы

⁶ Сам учёный использовал термин «исламские банки» (по крайней мере в книге «Закят»), но писал он о тех учреждениях, которые используют в своих операциях процент, то есть о банках, которые мы именуем мусульманскими.

финансов также затрагиваются в книге «Важнейшие основы»⁷. Все три работы написаны на арабском языке и были изданы в середине 1940-х гг. в княжестве Бхопал, расположенном в центральной части Индии.

Эти труды безусловно представляют интерес для исследователя исламской экономики в России, а также историков, специализирующихся на изучении экономической мысли в XX столетии. Однако не меньшую ценность представляет книга Бигеева «Закят», опубликованная в 1916 г. в Петрограде. Эта работа является первым исследованием Бигеева, в котором тот рассматривает финансовые отношения в контексте мусульманского права. По замыслу учёного, «Закят» был третьей частью в серии книг, посвящённых важнейшим вопросам исламского вероучения⁸.

Название книги поначалу может ввести читателя в заблуждение. Собственно самой теме *закята*⁹ в сочинении уделено не более 10%. В предисловии к книге Бигеев критикует взгляды башкирского просветителя и ученого Закира Аюханова (1889–1961), высказанные им на страницах издававшегося в Оренбурге журнала «Шура». Сама же книга практически полностью посвящена теме запрета ссудного процента в мусульманском праве.

Бигеев ставит перед собой амбициозную задачу, оказавшуюся, по его мнению, не по силам предыдущим поколениям мусульманских богословов и правоведов, – дать богословско-правовое решение проблемы ссудного процента: «...ростовщичество является сложнейшим вопросом как с практической, так и с теоретической точек зрения» (Бигиев 2013: 41).

В основе предлагаемого Бигеевым решения вопроса о современных банковских операциях в свете коранического запрета *риба* лежат рациональные доводы. Учёный разделяет ссуды, взятые «из нужды» (*ихтийадж*), и ссуды, взятые для приобретения выгоды (*касб*), то есть потребительское кредитование и финансирование предпринимательской деятельности. В книге также проводится граница между процентами за предоставление отсрочки (*интизар*) и процентами за участие (*иштирак*): «Ссуды, взятые из нужды, не дают роста (*нама'*), в них нет процента, поэтому взимать или требовать процент с них запрещено. Ссуды, взятые для приобретения выгоды, обращаются в сфере приобретения выгод, дают рост, возникает прибыль. Получать процент путём участия возможно и позволительно (*халяль*)» (Бигиев 2013: 118).

⁷ Муса Джарулла. Ал-банк фи-л-ислам. Бхопал, 1946; Та'мин ал-хайат ва-л-амлак. Бхопал, 1944; Ал-усул ал-джалалийа. Бхопал, 1946.

⁸ Первая в этой серии работа, «Основы реформ» («Ислахат асаслары»), по словам самого Бигеева, «содержит в себе все насущные потребности нации, живо разъясняя её идеи, становясь вехой политических, социальных и культурных движений в её среде» (Бигиев 2013: 28). Вторая книга, «Основы шариата» («Шариғат асаслары»), «была написана в соответствии с основами и нормами исламского законодательства (шариата) для математически доказуемого определения его центрального положения в череде цивилизованных законов и прав общества» (Бигиев 2013: 28). И, наконец, третья работа, «Закят», призвана «раскрывать вопросы исламского законодательства по вопросам ростовщичества и процента» (Бигиев 2013: 28).

⁹ Закят (закат) – налог в пользу нуждающихся членов мусульманской общины. Выплата закята, являющегося одним из пяти столпов ислама, предписана всем мусульманам (в лице глав семейств), обладающим необходимым установленным минимумом средств.

Из текста книги не вполне понятно, что представляют собой «проценты за участие» (*иштирак*). Долю прибыли или процентный доход? Между двумя этими понятиями огромная разница, но Бигеев смешивает инвестиционный доход, зависящий от результатов предпринимательской деятельности, и процентный доход, получаемый кредитором независимо от результатов проекта, в который вложены средства. В результате невозможно в точности уяснить позицию самого учёного по вопросу дозволенности процента по кредиту, то есть по проблеме, ради решения которой писалась вся книга...

Непоследовательным выглядит и отношение Бигеева к современной ему финансовой системе. С одной стороны, автор «Закаята» не видит альтернативы ссудному проценту: «...условимся, что система кредитных отношений в торговле может быть обеспечена исключительно силой процента» (Бигиев 2013: 77). С другой стороны, тот же Бигеев считает сложившуюся финансовую систему несправедливой и предлагает ей альтернативу в виде... исламских банков (*ислам банклари*).

Что же такое исламский банк? На первый взгляд может показаться, что это лишь несколько улучшенная копия обычного коммерческого банка: «Учреждение исламских банков – это законно, востребовано и необходимо. Любой из известных в современном цивилизованном мире банков при условии отсутствия несправедливости является законным» (Бигиев 2013: 121). Однако дальнейшие уточнения, которые делает Бигеев, позволяют утверждать, что перед нами оригинальный финансовый институт.

При учреждении исламского банка Бигеев предлагает взять за основу исламское казначейство (*байт ал-мал*) – финансовое учреждение, известное в ранне-исламский период и практически переставшее выполнять предназначавшуюся ему роль ещё в Средние века. Под *байт ал-мал* изначально понималось помещение, в котором хранились все финансовые поступления, считавшиеся общим имуществом всех мусульман, однако вскоре этим термином стали обозначаться и сами средства, принадлежавшие всей общине. «Требуется вернуть к жизни подробно описанный в книгах по мусульманскому праву (*фикх*) “байт аль-мал”, сделать исламский “байт аль-мал” исламским банком, то есть использовать “байт аль-мал” для сбережения, накопления капиталов» (Бигиев 2013: 121).

Таким образом, исламский банк в представлении Бигеева совмещает функции казначейства, коммерческого банка и благотворительного фонда. Источниками поступления денежных средств в банк выступают закят, добровольная милостыня (*садака*), доходы от *вакфов*¹⁰, деньги вкладчиков и др. Учёный не вдаётся в детали, которые были бы интересны в первую очередь светскому юристу-практику. Какой должна быть организационно-правовая форма такого банка?

¹⁰ Вакф (мн.ч. аукаф и вукуф; синоним – хубс) – имущество, право собственности на которое по волеизъявлению учредителя *вакфа* – *вакифа* – ограничено пользованием всем доходом или продуктом или их частью в интересах обозначенных выгодоприобретателей.

Каким образом в банке будут разделяться денежные средства, поступившие из разных источников и имеющие в соответствии с требованиями шариата разное предназначение? На каких условиях принимаются вклады?

Муса Джарулла указывает лишь базовый механизм, с помощью которого исламский банк осуществляет финансирование: «Средства, предназначающиеся для оборота в сфере торговли, сельского хозяйства, промышленности, становятся капиталом исламских банков. Исламские банки принимают вклады, осуществляют кредитование, получая процент согласно принципу участия в прибыли, но в этих отношениях отсутствует ссудный процент (*риба ан-наси'а*)» (Бигиев 2013: 122). В данном случае речь скорее всего идёт о доле в прибыли, но никак не о фиксированном проценте – как в других, менее ясных местах книги, где рассматривается практика обычных коммерческих банков.

То, что предлагается в книге «Закят» под именем исламского банка, нельзя назвать готовой моделью финансового института. Это лишь эскиз, позволяющий тем не менее составить представление о его природе.

Муса Бигеев не был первым, кто поднимал в российской печати вопрос об учреждении специализированного банка для мусульман и писал по теме финансовых отношений в свете шариатского запрета *риба*. Данная проблематика широко освещалась на страницах периодических изданий на татарском языке, выходивших в Российской империи с 1905 г. Так, в издававшемся в Оренбурге в 1908–1917 гг. журнале «Шура» теме мусульманско-правового анализа финансовых отношений, по подсчётам российского исламоведа И.А. Зарипова, было посвящено 15 статей (Зарипов 2014: 58). В почти половине из них рассматривались вопросы банковской деятельности: «О банковских операциях», «Банковские операции, страхование и шейх-уль-ислам», «Рост денег в банке», «Вопросы кредита и процента», «Мелкий кредит, товарищества и ростовщичество», «Мелкокредитные товарищества и банковские операции» (Зарипов 2014: 58).

Начиная с 1909 г. в журнале «Икътисад» («Экономика»), также издававшемся на татарском языке в Оренбурге в 1908–1913 гг., регулярно печатались статьи, посвящённые вопросам финансов: «Ислам и экономика», «Банковские вопросы», «Виды кредита», «Страхование» и др.¹¹

В одной из статей, опубликованных в журнале, прямо поднимался вопрос о создании мусульманского банка: «Нам, мусульманам России, составляющим 25–30 млн человек, ни на минуту не следует забывать о создании банка. Рано или поздно это должно быть сделано. Разрешение данной проблемы будет означать и решение вопроса об экономической жизни и смерти миллионов мусульман России»¹². В качестве наиболее оптимальной формы организации банковской детальности для мусульман в другой статье говорилось о «банках взаимного

¹¹ Ислам и экономика (Ислам вә икътисад). 1909. *Икътисад*. №1. С. 1–2; Банковские вопросы (Банк мәсьәләсе). 1909. *Икътисад*. №6. С. 196–171, №7. С. 203–205, №9. С. 266–267; Кредит нәүгъләры. 1910. *Икътисад*. З. С. 74–75; Страхование [торговых компаний]. 1910. *Икътисад*. №5. С. 133–134, и др.

¹² Исхаков М. 1913. Милли банк мәсьәләсе. *Икътисад*. №№5–6. С. 141–143.

кредита». Одним из преимуществ этого вида банков была объявлена «наибольшая удалённость от ростовщического процента (*риба*)»¹³. В статье, посвящённой вопросу открытия банков (обществ) взаимного кредита, говорилось, что «в открытии банка нет ничего противоречащего шариату». Не приводя серьёзной богословско-правовой аргументации, автор утверждал, что такие банки – это единственный способ избежать ростовщичества¹⁴.

В отличие от других российских авторов, писавших об актуальности банковского дела для мусульман в стране или пытавшихся объяснить механизм их функционирования с помощью известных мусульманскому праву контрактов¹⁵, Бигеев предпринял попытку сформулировать альтернативную модель банка, приемлемую для последователей ислама.

Остаётся открытым вопрос о влиянии, которое могли оказать на Бигеева мусульманские богословы, интересовавшиеся темой финансов в свете шариатского запрета ростовщичества. Бигеев имел возможность посещать лекции Мухаммада 'Абду в университете «ал-Азхар» в начале XX в., и ему наверняка было известно мнение этого мусульманского реформатора относительно неприменимости расширительного толкования коранического запрета *риба* к операциям современных финансовых институтов. Наверняка Бигеев был знаком с публикациями в османской прессе, посвящёнными финансовым вопросам¹⁶. После пребывания в Каире Бигеев отправился в Британскую Индию, где много общался с местными мусульманскими богословами. Уже после своей вынужденной эмиграции из СССР в 1931 г. Бигеев также бывал в Индии. Здесь, как уже отмечалось ранее, были опубликованы работы учёного, посвящённые финансовой проблематике. При этом Бигеев общался и взаимодействовал не только с суннитами, но и с представителями других религиозных направлений и групп в исламе в Индии и других странах, посещаемых учёным, в том числе с представителями ахмадийской общины (Jonker 2020: 41).

В литературе можно встретить ошибочное утверждение, что в конце 1900-х или в начале 1910-х гг. в Петербурге был создан мусульманский банк (O'Sullivan 2020: 261). Никаких свидетельств того, что такой банк был учреждён, в моём распоряжении нет.

Книга Бигеева не послужила руководством по созданию банка для мусульманских предпринимателей, владевших капиталом. И дело было даже не в том, что она вышла меньше чем за год до краха Российской империи. Даже если бы книга была опубликована на несколько лет раньше, она бы не сильно изменила

¹³ Взаимный банклар [узара ярдемләшү-кредит жәмгыятьләре]. 1911. *Икътисад*. №3. С. 73–74.

¹⁴ Самарада взаимный кредит банкысы. 1913. *Икътисад*. №3. С. 74–75.

¹⁵ Например, татарский богослов-реформатор Мухаммад-Наджиб Тюнтери считал, что коммерческие банки используют в своей работе механизм *мудароба*, основанный на разделении прибылей и убытков между клиентом и банком (Зарипов 2014: 121).

¹⁶ По мнению американского экономиста Майкла О'Салливана, именно османскому влиянию обязаны мусульманские банки, появившиеся в разных регионах мусульманского мира в первой половине XX в. (O'Sullivan 2020: 268).

что-либо в сознании татарской буржуазии, которой работа Бигеева уже была не очень сильно нужна.

К тому времени, когда вышла из печати книга «Закят», татарская (и, шире, мусульманская) буржуазия империи уже не нуждалась в богословско-правовом обосновании банковской практики. Пользование услугами коммерческих банков стало неотъемлемой частью предпринимательской деятельности коммерсантов-мусульман. Достаточно вспомнить известный факт, что многие *вакфы* в Волго-Уральском регионе до Октябрьской революции существовали на проценты от капиталов, размещённых в банках. Ещё один пример – общеимперский проект, в котором участвовало мусульманское население всей России, – строительство Соборной мечети в Санкт-Петербурге. Значительная часть собранных средств состояла из процентных бумаг (Беккин 2014: 225)¹⁷. Муса Джарулла, член Комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге, разумеется, не мог не знать этого.

Отмеченные выше обстоятельства не снимали с повестки дня вопроса о создании банка, который находился бы в собственности мусульман: «До сегодняшнего дня мусульмане, беря деньги в банке, платили ему проценты, а сами давать под проценты не могли. Если бы был отдельный мусульманский банк, то проценты по депозиту покрывались бы кредитными процентами, и мусульманское богатство не уходило бы вне мусульманского сообщества, а оставалось бы у себя»¹⁸.

При этом следует отметить, что проблема учреждения мусульманского банка не стояла для мусульман России столь же остро, как в Индии, Египте и других регионах. Можно высказать предположение, что у российских мусульман не было такого предубеждения в отношении банков, как у их единоверцев в той же Индии. Российские коммерческие банки выглядели в глазах если не всех, то определённой части предпринимателей-мусульман как общеимперские учреждения, а не как коммерческие предприятия, за которыми стояли представители конкретной конфессиональной или этнической группы и/или иностранный капитал. Некоторые российские мусульмане входили в правление российских банков¹⁹.

Идеи Бигеева, видевшего в качестве основы национального банка исламский институт *байт ал-мал*, возможно, были использованы при создании Милли хэзинэ (Национального казначейства)²⁰. Данная структура была учреждена при Милли Идарэ (Национальном правительстве) Национально-культурной

¹⁷ Финансовые документы Комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге хранятся в фондах Государственного музея истории религии.

¹⁸ Безем сармаяга урын. 1910. *Икътисад*. 8. С. 232 (Цит. по: Зарипов 2014: 67).

¹⁹ Например, редактор и издатель журнала «Икътисад» Мухаммедфатих Муртазин был членом учётного комитета Самарского кредитного банка (*Татарская энциклопедия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/sredstva-massovoj-informacii/personalii/murtazin-muhammedfatih-shigabutdinovich>) (дата обращения 10.10.2020).

²⁰ Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. 2011. Мусульманские духовные лидеры России Нового времени. Нижний Новгород: Медина. URL: http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3486#_ftn131 (дата обращения 10.10.2020).

автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, созданном в 1917 г. и ликвидированном большевиками в начале 1918 г.

Совсем по-иному складывалась судьба мусульманских банков в других странах и регионах. Идея банка для мусульман получила практическое воплощение в Боснии, ещё в 1878 г. оккупированной Австро-Венгерской империей²¹, и в Британской Индии.

Мусульманские банки в Боснии и Герцеговине

Как утверждает американский экономист Майкл О'Салливан, вопрос о создании мусульманского банка в Боснии и Герцеговине поднимался начиная с 1890-х гг. (O'Sullivan 2020: 268). Практическое воплощение идея кредитного учреждения для мусульман нашла только в 1906 г. Тогда в регионе был учреждён Первый мусульманский кредитный кооператив (Prva Muslimanska Kreditna Zadruga). Его капитал составлял 500 000 крон²² (ок. 100 000 дол. США по современному курсу) (O'Sullivan 2020: 270). В 1912 г. данное кредитное учреждение было преобразовано в Мусульманский торговый и сельскохозяйственный банк (Muslimanska trgovačka i poljodjelska banka). В 1908 г. был учреждён Первый мусульманский банк (Prva Muslimanska Banka) с капиталом 200 000 крон (ок. 40 000 дол. США по современному курсу) (O'Sullivan 2020: 270). Примечательно, что упомянутые банки были созданы не в столице Боснии и Герцеговины – Сараево, а в небольших городках Тешани и Брчко.

Но самым известным мусульманским банком как в стране, так и за её пределами стал Мусульманский центральный банк (Muslimanska Centralna Banka), учреждённый в 1911 г. в Сараево в форме акционерного общества с капиталом 10 000 000 крон (2 000 000 долл. США по курсу 1912 г.) (O'Sullivan 2020: 268)²³. Отделения банка были открыты в городах: Брчко, Баня Лука, Бугойно, Травник. Акционерами банка были известные представители мусульманской общины Боснии и Герцеговины: политики (например, лидеры ведущих политических партий, представлявших интересы мусульман, Адем Месич и Шериф Арнаутович), бизнесмены и др. Среди клиентов банка были как мусульмане, так и не мусульмане (O'Sullivan 2020: 270). Банк был призван в первую очередь защищать интересы землевладельцев-мусульман, которые без финансовой поддержки могли потерять свои земельные участки и утратить политическое влияние на дела, происходившие в регионе. Мусульманский центральный банк пережил Австро-Венгерскую империю на пять лет и прекратил существование уже в 1923 г., став в результате слияния частью Объединённого банка (Югославского объединённого банка).

²¹ В 1908 г. Австро-Венгрия осуществила аннексию Боснии и Герцеговины

²² Австро-венгерская крона – денежная единица Австро-Венгрии (1892–1918).

²³ Фактически банк начал работу в сентябре 1912 г. (Šabotić 2019: 267)

История мусульманских банков в Боснии и Герцеговине достаточно подробно рассмотрена М. О'Салливаном в его фундаментальной статье «Interest, Usury, and the Transition from “Muslim” to “Islamic” Banks, 1908–1958». Остановимся лишь на одном важном моменте.

Как пишет О'Салливан, в 1910 г. (то есть за два года до создания банка) будущие акционеры обратились к шейх-уль-исламу – высшему религиозному чиновнику в Османской империи – за *фетвой* (богословско-правовым заключением) о дозволенности банковской деятельности. Ответ шейх-уль-ислама был опубликован в газете *Tearü f-i Muslimin*, издаваемой татарским политическим и религиозным деятелем, журналистом Абдурашидом Ибрагимовым (1857–1944) в Стамбуле. В *фетве* банковская практика признавалась «законной и допустимой» (O'Sullivan 2020: 270–271).

О'Салливан считает, что одним из главных факторов успеха Мусульманского центрального банка стала поддержка со стороны государства (O'Sullivan 2020: 274). Действительно, власти империи демонстрировали заинтересованность в существовании кредитного учреждения, принадлежащего мусульманам. В частности, австро-венгерский наместник Боснии и Герцеговины Оскар Потioreк оказывал покровительство Мусульманскому центральному банку (Šabotić 2019: 267).

Мусульмане Российской империи едва ли могли рассчитывать на поддержку властей в создании специализированного банка, нацеленного на защиту их экономических интересов. Большое значение для легитимации деятельности мусульманских банков в Боснии и Герцеговине имела *фетва* шейх-уль-ислама Османской империи. Большинство мусульман России формально также считали своим халифом турецкого султана. Однако, насколько мне известно, мусульмане России не обращались к шейх-уль-исламу за разъяснениями по вопросам, касающимся финансовых отношений. Публикуемые на страницах татарских периодических изданий *фетвы* зачастую выпускались по инициативе самих мусульманских богословов России, заинтересованных в развитии банковского дела у мусульман империи. При этом не вызывает сомнений, что богословско-правовое заключение шейх-уль-ислама, выпущенное в ответ на обращение боснийских мусульман, было известно в России.

Как уже было отмечено выше, вопрос о допустимости взимания ссудного процента банковскими учреждениями не порождал среди мусульман России таких же острых дискуссий, как это было, например, в Индии.

Мусульманские банки в Индии

В то же самое время, когда боснийские мусульмане создавали свои кредитные учреждения, в Южной Азии шли острые дискуссии о легитимности с точки зрения шариата мусульманских банков, работающих на процентной основе. Но если в Боснии и в России полемика велась в рамках одного и того же направле-

ния и даже богословско-правового толка (ханафитского *мазхаба*), то в Индии существование различных течений и групп среди мусульман не позволяло прийти к общему знаменателю по целому ряду проблем, в том числе в вопросе о легитимности банковской деятельности в свете коранического запрета ростовщичества.

Дискуссии о мусульманских банках были достаточно подробно рассмотрены О'Салливаном (O'Sullivan 2020). Важно обратить внимание на то, что в вопросе о признании легитимности банковской деятельности могли объединяться представители разных направлений в исламе, и, в то же время, между последователями одной и той же правовой школы могли возникать серьёзные разногласия по этому вопросу. Так, один из наиболее известных ахмадийских богословов и миссионеров Ходжа Камал-уд-Дин (1870–1932) писал, что между ростовщичеством и банковским процентом, выплачиваемым по депозитам Почтового сберегательного банка, нет ничего общего. Учёный ставил в один ряд доход по депозитам в указанном банке и дивиденды, получаемые акционерами железнодорожной компании (Kamal-ud-Din 2014: 333–334). В короткой статье Камал-уд-Дина не приводится богословских или рациональных доводов в пользу легитимности банковского процента. Из логики повествования можно сделать вывод, что ростовщичество имеет место, когда одно лицо обогащается за счёт другого, используя тяжёлое положение последнего. В качестве примера приводится ситуация, когда лицо А берёт у лица Б в долг 50 фунтов стерлингов при условии, что через два месяца выплатит ему 250 фунтов (Kamal-ud-Din 2014: 334). Эта логика похожа на ту, которую приводил в своей работе «Закят» Муса Бигеев. Ростовщичество, по Бигееву, это когда заимодавец берёт процент по ссудам, предоставленным на покупку необходимого (еды, одежды и др.). Когда же ссуда предоставлена коммерсанту, или физическое лицо открывает депозит с целью получения дохода, то процент в таких операциях не подпадает под категорию *риба* (ростовщичества) (Беккин 2014: 226).

Камал-уд-Дин был не единственным богословом в Индии, кто отстаивал тезис о различии между *риба* и банковским процентом. Между тем, проблема эта требовала скорейшего решения. Мусульмане, не имея возможности аккумулировать финансовые средства и перераспределять их на финансирование значимых для них проектов, оказывались в зависимости от банковского и ростовщического капитала, находившегося в руках иностранцев и представителей разных этнических и конфессиональных сообществ, проживавших в стране. В отличие от австро-венгерской администрации, колониальные власти Британской Индии не только не содействовали аккумуляции капитала представителями национальных и религиозных групп, но и оказывали противодействие индийской буржуазии в освоении рынков. К этому прибавлялась жёсткая конкурентная борьба между разными группами индийской буржуазии, проходившая по линии религиозно-кастовых различий. Как справедливо отмечал советский востоковед С.Ф. Левин, «капиталистическая конкуренция в Индии стала нередко

принимать форму конкуренции между религиозно-кастовыми организациями» (Левин 1965: 239).

На рынке кредитных услуг в Индии мусульмане сталкивались с господством индуистских торгово-ростовщических каст (марвари, баниа, четти), а также общины парсов (Левин 1965: 257). По словам С.Ф. Левина, любые попытки создать мусульманский банк «встречали активное противодействие индусских банков и религиозно-кастовых организаций индусской буржуазии» (Левин 1965: 257).

Не вполне понятно, представители какого направления в исламе стояли за созданием первого мусульманского банка в Индии. Нельзя исключать того, что к банку имели отношение члены одной из мусульманских торговых каст. Им было проще создать такой банк по следующим причинам. Во-первых, в рядах мусульманских торговых каст в Индии, как правило, не было разногласий по вопросу о легитимности банковских операций с точки зрения шариата²⁴. Во-вторых, торговые касты обладали высокой мобилизационной активностью, позволявшей им, помимо прочего, аккумулировать значительные средства в короткий срок²⁵. Неудивительно поэтому, что большая часть мусульманских банков в Британской Индии и затем в 1940-е гг. в Пакистане были созданы выходцами из мусульманских торговых каст: ходжа, бохра и меманов.

Первый мусульманский банк в Индии – *Muslim Orient Bank* (более известный как *Muslim Bank of India*) – был открыт в Лахоре в 1909 г. У банка были отделения в Бомбее, Пешаваре, Мулатне, Касуре, Лялпуре и Гуджрате. Представительства банка были открыты в городах Лондоне, Джидде, Стамбуле (O'Sullivan 2020: 274–275). Планировалось открыть также представительство в Мекке (Kamal-ud-Din 2014: 333–334). История этого кредитного учреждения была непростой. На протяжении своей относительно недолгой истории банк несколько раз сталкивался с перспективой банкротства. Так, в 1916 г. началась процедура его ликвидации, но вскоре банк возобновил работу. Окончательно *Muslim Bank of India* покинул рынок в 1939 г.

Накануне достижения независимости Индией и Пакистаном в 1947 г. мусульманам принадлежал только один банк – «Хабиб бэнк» (Kuran, Singh 2013: 504)²⁶. Он был создан ещё на территории Британской Индии и после образования Пакистана был некоторое время был крупнейшим игроком на рынке банковских услуг. По своей сути «Хабиб бэнк» представлял собой мусульманский банк, подобно тем кредитным учреждениям, которые появились ранее в Боснии

²⁴ Запрет на взимание процента мог распространяться только на финансовые операции между членами касты. Например, у исмаилитов-бохра взимание процента с «чужих» (в число которых могли входить другие мусульмане) не рассматривалось в качестве порицаемого деяния (Левин 1965: 248).

²⁵ Например, в середине прошлого века отказ кого-либо из исмаилитов-ходжа купить акции крупных корпораций, принадлежавших представителям касты, рассматривался как пренебрежение своими религиозными обязанностями и мог повлечь бойкот со стороны общины (Левин 1965: 246).

²⁶ До образования Пакистана в 1947 г. на территории, которая вошла в состав этого государства, действовало 704 банка, из них 703 принадлежали индуистам (Andrus, Muhammad 1958: 376)

и Герцеговине, а также в самой Индии. Банк был создан семьёй Хабибов – членами исмаилитской торговой касты ходжа.

Банк не только кредитовал предпринимателей-мусульман, но и оказывал финансовую поддержку движению за образование Пакистана. В частности, Мохаммед Али Хабиб (1904–1959) вместе со своими братьями, помогавшими ему создавать банк, финансировал деятельность Мусульманской лиги и лично её председателя Мухаммада Али Джинну, семья которого принадлежала к касте исмаилитов-ходжа (Левин 1965: 258)²⁷. Таким образом, если в Боснии у истоков мусульманских банков стояли политики, видевшие в подобных кредитных учреждениях инструмент для укрепления влияния мусульманской общины в многоконфессиональном регионе, то в Индии инициатива исходила от самих мусульманских предпринимателей.

Создание независимого государства или национально-территориальной/ национально-культурной автономии мусульман явилось закономерным результатом борьбы мусульманской буржуазии с конкурентами за рынки сбыта своих товаров и услуг в целом ряде стран и регионов. Объём и содержание политических требований, выдвигаемых буржуазией или её представителями, зависели от тех экономических выгод, которые она могла в результате получить.

Образование независимого мусульманского государства на части территории Индии в полной мере отвечало интересам торговых каст (ходжа, бохра, меманов) и мусульманской буржуазии в целом, так как снимало вопрос о конкуренции с западными банками и кредитными учреждениями, принадлежавшими индуистам (Левин 1965: 258).

По-иному обстояло дело в Российской империи. Татарским купцам не было выгодно создание независимого государства тюрко-татар в Волго-Уральском регионе. В случае появления такого государства и отделения его от остальной России и Средней Азии, они теряли большой рынок для сбыта своих товаров и услуг. Что касается Боснии, то в силу дисперсного расселения населения на её территории, создать отдельное мусульманское государство представлялось практически невозможным. Кроме того, конфессиональная политика Вены открывала широкие возможности для реализации экономических интересов мусульманской буржуазии в рамках Австро-Венгерской империи.

Мусульманские банки были важным элементом финансовой системы в эпоху колониализма, когда мусульманам жизненно важно было не проиграть в конкурентной борьбе как с западными банками, так и с кредитными организациями, принадлежавшими другим религиозным и этническим группам. После достижения странами Азии и Африки независимости, мусульманские банки модифицировались. Они превратились в обычные коммерческие банки, работавшие на общенациональном уровне. Теперь им предстояло бороться за тех клиентов, которые продолжали считать, что банковский процент и ростовщи-

²⁷ Сам М.А. Джинна позднее стал шиитом – последователем имамитского *мазхаба*.

чество – это одно и то же. Таких людей было немало, и их взгляды отражали такие известные богословы, как, например, Абу-л-Ала аль-Маудуди, Анвар Икбал Куреши и др.

Первые работы, в которых обсуждался вопрос об устройстве исламской экономической системы, появились ещё во второй половине 1940-х гг. (Беккин 2010: 13). В 1950–1960-е гг. в качестве альтернативы коммерческим банкам, работавшим на процентной основе, предлагались инвестиционные компании, функционирующие в соответствии с принципом разделения прибылей и убытков (на основе контрактов *мудароба* и *мушарака*, известных мусульманскому праву). Полноценные исламские банки стали появляться только в середине 1970-х гг.²⁸

Таким образом исламские банки – это определённый этап в развитии банковского дела в мусульманском мире, начавшийся около 50 лет назад. Таким же этапом в истории банковского дела в 1900–1940-е гг. были мусульманские банки – кредитные учреждения, работавшие на процентной основе. Их деятельность была одобрена значительным числом мусульманских богословов. Можно сказать, что исламские банки – это результат эволюции мусульманских банков. В основе этой эволюции лежали изменившиеся социально-экономические условия в ряде стран.

Потребовалось ещё тридцать лет после начала работы исламских банков в государствах Персидского Залива и Северной Африки, прежде чем эта практика получила признание и одобрение в большинстве мусульманских стран. Ещё в начале 2000-х гг. в значительном числе стран Азии и Африки отсутствовали исламские банки и другие исламские финансовые институты, хотя к 1990-м гг. в среде мусульманских правоведов сформировался консенсус по вопросу о том, что банковский процент подпадает под исламский запрет *риба*, а исламские банки в наибольшей степени соответствуют требованиям шариата, предъявляемым к кредитным учреждениям²⁹.

Однако сейчас уже ситуация в сфере исламского банковского дела меняется. С исламскими банками происходит то, что можно охарактеризовать как процесс конвергенции. Наиболее ярко это проявляется в Малайзии, которая считается одним из лидеров по развитию рынка исламских финансовых услуг в мире³⁰. Конкурентная борьба с неисламскими (т.н. традиционными) банками вынуждает исламские кредитные учреждения в этой стране использовать такие механизмы финансирования, которые вызывают критику со стороны богословов и правоведов в других регионах.

²⁸ Первым полноценным исламским коммерческим банком является Исламский банк Дубая, учреждённый в 1975 г. В работах по исламскому банковскому делу можно часто встретить упоминание о «Мит Гамр бэнке» как первом исламском банке в мире. Как справедливо отмечает М. О'Салливан, опыт этого кредитного учреждения чрезмерно переоценён некоторыми исследователями (O'Sullivan 2020: 261).

²⁹ Постановления и рекомендации Совета исламской академии правоведения (фикха) — фетвы. 2003. Пер. М.Ф. Муртазина. Москва

³⁰ Abdullah A. 2019. Malaysia a global leader in Islamic banking. *New Straits Times*. 7 February. URL: <https://www.nst.com.my/opinion/columnists/2019/02/458228/malaysia-global-leader-islamic-banking> (accessed 10.10.2020).

Процесс конвергенции традиционных и исламских банков в мусульманском мире будет продолжаться. Он может принимать разные формы (например, как в Турции, когда традиционные банки используют в своей работе некоторые механизмы финансирования из инструментария партнёрских банков, но не маркируют их в качестве исламских). Какими в ближайшем будущем будут банки, которые сейчас именуются исламскими, зависит от многих факторов, но в первую очередь от социально-экономических и политических условий в мусульманских странах. Пока ясно лишь одно: исламский банк – это всего лишь один из этапов развития банковского дела в мусульманском мире. Но далеко не последний.

Об авторе:

Ренат Ирикович Беккин – доктор экономических наук, Ph.D. in Religious studies, профессор РАН, профессор Института востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена; ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: bekkin@mail.ru.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: September 11, 2020
Accepted: October 16, 2020

Muslim Bank as a Historical Category: Creating Credit Institutions for Muslims In the First Half of the 20th Century

Renat I. Bekkin
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-149-167](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-149-167)

The Institute of Oriental Studies, the Herzen State Pedagogical University of Russia;
The Institute for African studies of the Russian Academy of Sciences.

Abstract: The article examines theoretical and practical aspects of the activities of Muslim banks in the countries of Eurasia in the first half of the 20th century. These credit institutions were created on the initiative of Muslim entrepreneurs who sought to have an affordable source of financing for their activities. Muslim banks were an important element of the financial system of a number of countries during the era of colonialism. In the context of competition in the capital markets between Western banks and credit institutions belonging to different religious and ethnic groups, as well as competition of the latter with each other, Muslim banks acted as an instrument for ensuring the economic independence of

Muslim communities in a number of countries and regions in the period under review. After the countries of Asia gained independence, Muslim banks were transformed into ordinary national banks.

The activities of Muslim banks are considered in the article against the background of discussions on the admissibility of loan-based banking operations in the context of the prohibition of usury (riba) in Islamic law. The article emphasizes that Muslim banks in their activities relied on the theological and legal conclusions (fatwas) of Islamic scholars who considered such activities legitimate and not falling under the Quranic concept of usury.

The author adheres to the point of view that the creation of an independent state or national-territorial / national-cultural autonomy of Muslims was a natural result of the struggle of the Muslim bourgeoisie with competitors for the markets for goods and services in a number of countries and regions, considering both Muslim and Islamic banks only as a certain stage in the development of banking in a number of countries in Asia, Africa and Europe. The article disputes the idea that both Islamic banks and the Islamic economic model as a whole are monolithic structures that cannot be modified. According to the author, the very creation of Islamic banks, as well as their convergence with conventional (non-Islamic) credit institutions, which we observe today, is a natural result of a change in the economic interests of the ruling class both in the countries of the spread of Islam and in the Western world.

The article examines the history of the creation of Muslim banks in Bosnia and Herzegovina and in British India. These regions are brought together by the fact that Muslims who lived there were forced to compete with representatives of other ethno-confessional groups and communities living in the same territory. Particular attention is paid to the theological and legal discussions on the creation of a Muslim bank in Russia.

Keywords: Muslim bank, Islamic bank, riba, Musa Bigiev, trade castes in India, Khoja, Bohra, Memons

About the author:

Renat I. Bekkin – Doctor of Sciences in Economics, Ph.D. in Religious studies; Professor of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Institute of Oriental Studies, the Herzen State Pedagogical University of Russia; leading research fellow at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. 123001, Moscow, ul. Spiridonovka, 30/1.
E-mail: bekkin@mail.ru

Conflict of Interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

References:

- Andrus J.R., Muhammad A.F. 1958. *Economy of Pakistan*. Oxford University press. 519 p.
- Caporalea G.M., Çatıkb A.N., Helmic M.H., Alid F.M., Tajik M. 2020. The Bank Lending Channel in the Malaysian Islamic and Conventional Banking System. *Global Finance Journal*. 45. DOI: 10.1016/j.gfj.2019.100478
- Jonker G. 2020. *On the Margins. Jews and Muslims in Interwar Berlin*. Leiden: E.J. Brill. 272 p.
- Kamal-ud-Din Kh. 1924. Usury or Interest? *Islamic Review*. October. P. 333-334.
- Kuran T., Singh. A. 2013. Economic Modernization in Late British India: Hindu-Muslim Differences. *Economic Development and Cultural Change*. 61(3). P. 503-538.
- O'Sullivan M. 2020. Interest, Usury, and the Transition from "Muslim" to "Islamic" Banks, 1908–1958. *International Journal of Middle East Studies*. 52. P. 261–287.
- Šabotić I. 2019. *Čifčijjski odnosi i promjena vlasništva nad zemljom u Bosni i Hercegovini (1878–1918)*. Tuzla. 320 s.

Bekkin R.I. 2010. *Islamskaya ekonomicheskaya model' i sovremennost'*. [Islamic Economic Model Nowadays]. Moscow: Izdatel'skij dom Mardzhani. 352 p. (In Russian).

Bekkin R.I. 2012. *Islamskaya ekonomika: universal'naya teoriya razvitiya ili odna iz modelei tret'ego puti?* [Islamic Economics: a Universal Theory of Development or One of the Models of the Third Way?]. *Oriens*. 5. P. 99–112. (In Russian).

Bekkin R.I. 2014. "Den'gi obladayut... magicheskoi siloi". Recenziya na knigu: Bigiev M. Zakyat. Per. so starotat. T.H. Khabibullina i I.A. Zaripova. ["Money has... Magical Power". Review of the book: Bigiev M. Zakah. Transl. from Old Tatar language by T.H. Khabibullin, I.A. Zaripov]. Naberezhnye Chelny: Islam Nury. 2013. 228 s. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 156(4). P. 223–228. (In Russian).

Bigiev M. 2013. *Zakyat* [Zakah]. Transl. from Old Tatar language by T.H. Khabibullin, I.A. Zaripov. Naberezhnye Chelny: Islam Nury. 228 p. (In Russian).

Levin S.F. 1965. Ob evolyutsii musul'manskikh torgovykh kast v svyazi s razvitiem kapitalizma (na primere bohra, memanov i khodzha) [On the Development of the Muslim Merchant Castes in Capitalist Society (Bohras, Memans, and Khojas)]. *Kasty v Indii*. Moscow. P. 233–261. (In Russian).

Zaripov I. 2014. *Dzhadidskiy kontekst ekonomicheskoi modeli islama u tatar* [Jadid Context of the Economic Model of Islam among the Tatars]. Naberezhnye Chelny: Islam Nury. 248 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Беккин Р.И. 2010. *Исламская экономическая модель и современность*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд. дом Марджани. 352 с.

Беккин Р.И. 2012. Исламская экономика: универсальная теория развития или одна из моделей третьего пути? *Восток (Oriens)*. 5. С. 99–112.

Беккин Р.И. 2014. «Деньги обладают... магической силой». Рецензия на книгу: Бигиев М. Закят. Пер. со старотат. Т.Х. Хабибуллина и И.А. Зарипова. Набережные Челны: Ислам Нуры, 2013. 228 с. *Учёные записки Казанского университета*. 156(4). С. 223–228.

Бигиев М. 2013. *Закят*. Пер. со старотат. Т.Х. Хабибуллина и И.А. Зарипова. Наб. Челны: Ислам Нуры. 228 с.

Зарипов И. 2014. Джадидский контекст экономической модели ислама у татар. Набережные Челны: Ислам Нуры. 248 с.

Левин С.Ф. 1965. Об эволюции мусульманских торговых каст в связи с развитием капитализма (на примере бохра, меманов и ходжа). *Касты в Индии*. Москва. С. 233–261.



Is the Iron Silk Road Really So Important? Rail Freight Use on China's “Silk Road Economic Belt”

P. Bucsky, T. Kenderdine

University of Pécs, Hungary
Future Risk, Kazakhstan

CR Express containerised rail transport between Europe and China is a flagship project of China's “Belt and Road”. Yet operational and financial details of the project remain scarce. Due to poor governance and logistics transparency, the actual quantity of containers and goods transported is essentially unknowable. The authors doubt the efficacy of the *CR Express* intercontinental rail system and test its real and possible capacity throughputs. In the article they compare China public media statements with European Union statistics and reveal discrepancies between the number of trains supposedly departing China and the number of trains arriving in the European Union. This article provides numerous data sources and estimates on China–Europe rail freight traffic and demonstrates that the actual transported quantity of goods is probably lower than anticipated or reported. The article also analyses the political development of the *CR Express* rail freight system and China's wider “Transport Power” policy. It concludes that while the political concept of the *CR Express* rail freight system is progressive, and the economic development of creating new cumulative causation systems is theoretically possible, that the evidence for actual economic use is underwhelming. This research helps European Union, Russian, and Central Asian policymakers better assess the viability of participating in the continued rollout of China's *CR Express* intercontinental rail freight system. The authors warn that while the *CR Express* system has potential to be an economic good for Central Asian development it exposes the Eurasian economies to China's political and financial risk. For China the *CR Express* system fulfils only geopolitical and geoeconomic functions, and ultimately participation in the policy is of minimal utility to European Union economies.

Keywords: transport policy, economic geography, political geography, geoeconomic policy, railway infrastructure, containerised transport, industrial policy, Eurasian economic integration, *CR Express*, Belt and Road

Received: July 23, 2020
Accepted: September 29, 2020

In 2011 The People's Republic of China (PRC) embarked on an ambitious national strategy to develop intercontinental rail links to Europe – the “Iron Silk Road”¹. Faced with the prospect of declining industrial domestic production, particularly from 2012-2013 onwards, a need to transition to a consumption and import-driven economy, and faced with a hostile Pacific trade bloc policy interpreted by Beijing as containment, China sought to reignite transcontinental rail freight trade to diversify import sources, later co-opted into the “Belt and Road” Eurasian geoeconomic policy. Micro to macro, policy implementation was to be through the “Iron Silk Road” rail freight development policy, implemented in a grander vision of the “New Silk Road Economic Belt” (丝绸之路经济带 *Sichou zhi lu jingji dai*) across Eurasia and the wider still Eurasian-Indian Ocean trade and geoindustrial policy of “Belt and Road”.

In 2016 the National Development and Reform Commission (NDRC) deployed a *China Railway Express* (中铁快运 *Zhongtie kuaiyun*) (*CR Express*) development policy to bring together the disparate Eurasian rail services offered by local governments, rebrand them into a single product, and help to coordinate the national intercontinental rail system². The two new Eurasian rail classes introduced under *CR Express* were *China-Europe Class Rail* and *China-Central Asia Class Rail*. Both categories are clumped together into the intercontinental framework of *CR Express*, essentially a central government brand name and policy coordination framework that the intercontinental rail freight infrastructure is organised under. *CR Express* is marked on twenty-foot-equivalent container units (TEU) to look like iconic containers such as Maersk and Evergreen. This Eurasian rail link is branded under a central *CR Express* policy but in reality is deployed by provincial and prefectural level governments.

On the China side, rail freight has been in a Kaldorian cumulative causation reflexive feedback loop for 70 years as rail was used as part of the Mao-era heavy industry prioritisation economic development strategy, principally in a coal-electricity-steel feedback loop (Huenemann 1984; Huenemann 1993; Huenemann 2001). Turning China's domestic rail freight network to face abroad is not so difficult with political will but does involve significant domestic institutional reform. Development of the international *CR Express* system will mean major reorganisation of the domestic freight system, and there remains severe tangling of lines and services going east-west, whereas there is currently a freer flow in domestic south-north carriage, by institutional design.

China's central policy of a Eurasian rail freight macro-project spanning multiple geographies requires significant institutional and enterprise reorganisation and spatial

¹ China PRC Central Government Portal. 2011. Rail Freight from Port of Antwerp, Belgium to Chongqing, China Officially Opened. 10 May. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2011-05/10/content_1860646.htm (accessed 24.10.2020); First Test of Chongqing - Xinjiang - Europe International Railway Corridor from Chongqing to Moscow in 11 Days. *Sina News*, 29 Jan. 2011. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2011-01-29/031121893620.shtml> (accessed 12.03.2020) (in Chinese); van Leijen M. Duisburg-China Traffic Quadrupled Since Regular Silk Road Train. *Rail Freight*, 15 March 2015. URL: <https://www.railfreight.com/corridors/2018/03/15/duisburg-china-traffic-quadrupled-since-regular-silk-road-train/> (accessed 24.10.2020)

² NDRC. 2016. China - Europe Class Rail Construction and Development Plan (2016–2020), 8 October 2016. URL: <http://zfxgk.ndrc.gov.cn/PublicItemView.aspx?ItemID=%7B6b49bf1d-ec80-4d08-8673-124fa15bed54%7D> (accessed 24.10.2020) (In Chinese)

planning. While industrial organisation on the China side is a soluble policy issue, the long-term economic viability of the project is dependent on both import demand from Europe, and on European exports to China. This two-way trade dynamic with Europe means that China cannot plan centrally production and trade and must engage with open market institutions on the European Union side. The larger problem remains which goods to effectively transport on this rail corridor as it is not clear which classes of goods would benefit from a transport system quicker than ship but cheaper than air freight.

It used to be that China's trade policy was centred on exporting manufactures to Europe and the US. China is now attempting to transform into a net importer, aiming for greater two-way trade, with institutional development of import channels and presumably a diversification of exports as China rises up the global value chain. This does mean that in the long run there is policy space for additional rail freight carriage. However, in contemporary market reality, there is simply not the two-way trade demand to justify a Europe - China rail freight bridge.

Against the China state-media hype, the China policy record and various statistical collections on the European Union side might be examined. China state media claims that there are a lot of trains, a lot of cargo and a lot of potential capacity - a Schumpeterian expectation management technique designed to invoke a Myrdalian cumulative causation investment response (Schumpeter 1942; Myrdal 1954). We tried to test the realities of the rail freight throughput on the *CR Express* system.

The study is organised into an analysis of China's macro international rail policy and the tension between central economic control and local governance autonomy; an examination of the international drivers for Eurasian rail freight development; analysis of the development of the *CR Express* class of *China - Europe* and *China - Central Asia* class rail freight; a study of the efficiency problems in *China - Europe* rail freight throughput in practice; and an examination of the real value and quantity of China rail class freight to Europe. It concludes with some warnings about the state of play regarding China's international rail freight policy for Eastern Europe and Central Asia, arguing that, while China subsidising intercontinental rail freight is a gift horse for Eurasian economic development, institutionalising an economic reliance on China's domestic industrial policy, tax and transfer policy, and wider external geindustrial policy is a dangerous path for Eastern European and Central Asian economies to tread. For Europe, it is little tangible benefit in China's expanded intercontinental rail freight system.

China international rail policy – towards a “Transport Power”

The “New Eurasian Land Bridge” concept far predates the “Belt and Road Initiative”. For example, China completed the trunk line link to Kazakhstan in 1990³. At that time though there was little central policy ideology for a Eurasian transport strategy.

³ Xi S. 1997. The New Eurasian Land Bridge Concept Far Predates the Belt and Road Initiative'. *Japan Railway and Transport Review*, December URL: http://www.jrtr.net/jrtr14/pdf/f30_xu.pdf (accessed 24.10.2020)

However, by 2017 the Ministry of Commerce had released a policy statement calling for China to become a “Transport Power”. This rhetoric is not sensational, it is echoed through Party policy across a range of economic sectors. China is also policy-driven to become a “Maritime Power” (海洋强国 *Haiyan qiangguo*)⁴. The transport policy plan is to move China from being an “important transport country” (交通大国 *Jiaotong daguo*) to a “Transport Power” (交通强国 *Jiaotong qiangguo*). By September 2019 the policy has been codified into a central party document⁵. The timelines always match with wider Communist Party macropolicy: 2021, 2035 and 2049, i.e. a Five-Year Plan, a fifteen-year bloc of three Five-Year Plans and the centenary of the PRC. Contemporary policy is aligned with the “Twin Centenary Goals” (两个一百年 *Liang ge yibai nian*) of 2021 and 2049 – achieving a “moderately well-off society” by the centenary of the Communist Party in 2021 and “effectively achieving China as an economically developed power” by the centenary of the People’s Republic in 2049. These twin goals are political legitimating factors for Xi Jinping’s 40-year introduction of a “new era” of economic development from 2018, to sit on top of the 40-year reform period of 1978-2018. Compared with the domestic economic development policies bound up with the “Twin Centenary Goals”, the “Belt and Road” project is not as “vast and ambitious” as Western media cliché copy would often make out (See Table 1).

Table 1. China’s Transport Power Policy Matrix

‘Two Steps’	‘Four Forces’	‘Eight Systems’
Step 1 2020 to 2035 To become a transport power to rival other powers	Become a transport power	Comprehensive transport infrastructure network system
		Transport equipment system
	Transform from high-speed growth to high-quality development	Transport service system
		Transport innovation and development system
Step 2 2035-2049 To become a global transport power	Serve people responsibly	Open transport cooperation system
		Transport support system
	Modern, open, green transport system	Modern transport governance system
		Transport safety development system

Source: Compiled by the authors

The Ministry of Commerce *Transport Power* policy is written in conventional China policy numerological terms: Two Steps, Four Forces and Eight Systems (两步走 *Liang bu zuo*, 四梁八柱 *Si liang bazhu*, 八大体系, *Bada tixi*)⁶. The plan echoes

⁴ Zhang Y.Q., Ye Z. 2017. ‘China’s Pulse’ in the Era of Big Transport (From a Large Country to Powerful Country)’ [大交通时代的“中国脉动” (从大国到强国)], *People’s Daily*, 21 December. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/1221/c1001-29720395.html> (accessed 24.10.2020) (In Chinese)

⁵ Central Committee of the Communist Party of China. 2019. ‘Outline for Development of Transport Power’ *Xinhua*, published 19 September. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-09/19/c_1125016261.htm (accessed 24.10.2020) (In Chinese)

⁶ Ministry of Transport PRC, Transport Planning and Research Institute (2016) *Rail-Based Intermodal Transport in China: Current Status and Challenges*, United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific EGM. Bangkok,

other sectoral industrial policies in calling to transform from “high-speed growth” to “high-quality growth” as China tries to orchestrate a state-driven response to naturally decelerating economic growth levels and necessary environmental remediation and consumer quality controls.

As usual, it is possible to trace extant State Council ministerial policy back to an ideological essay in the Party journal “Qiushi”. In 2018 “Qiushi” published an article giving guidance on the development of China as a *Transport Power*⁷, with predictable Party doctrine rhetoric: “first, fully understand the great significance of building a strong transport country; second, accurately grasp the overall requirements for building a strong transport country; third, build a framework system for a transport power”⁸.

One of the main macro policy challenges is to integrate the intercontinental rail strategy with the dynamics of China’s changing economy. China ultimately needs the Belt and Road economic sphere of influence to encourage an import-driven Eurasian trade axis geindustrial and trade policy (Kenderdine 2018a). As yet there are few trains coming back into China from Europe. Coupled with the *International Capacity Cooperation* policy of offshoring industrial production to external economies, there could be greater industrial commodity and manufacturing output along the Belt and Road economies to service imports back into China from Central Asia and the Middle East (Kenderdine, Han 2018). As long as China continues subsidising the return rail journeys, the European goods imported can begin to diversify and China can move away from the charge of running a “one-way trade policy”⁹. Cross-border e-commerce is slated to plug the export-import gaps in the current trade strategy¹⁰. Through development of smart logistics and electronic customs clearance systems, China also hopes to encourage greater volumes of small-scale cross-border trade. A planned rail-postal service for cross-border e-commerce combined with China’s strengthened domestic e-commerce governance and Chinese electronic payment systems are designed to effectively expand China’s trade influence into Central Asia.

Kazakhstan is the policy linchpin (Kenderdine 2018b), both to the *CR Express* rail freight project as well as the wider Belt and Road trade strategy. The Silk Road Economic Belt is the frontline trade policy for Xi Jinping’s globalised China¹¹. But ultimately the real challenge is that China is organising this cross-border rail freight in the

30-31 August, 2016. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/China_Rail-Based%20Intermodal%20Transport.pdf (accessed 24.10.2020)

⁷ Yang C.T., Li X.P. 2018. Strive to Open a New Journey to Build a Strong Transport Country [奋力开启建设交通强国的新征程], Qiushi, 22 February. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-02/15/c_1122402281.htm (accessed 24.10.2020) (In Chinese). Note: Yang Chuantang was at the time Ministry of Transport Party Secretary and Li Xiaopeng was Deputy Party Secretary

⁸ Ibid.

⁹ Kenderdine T. 2017b. China’s Industrial Capacity Policy is a One-Way Street. South China Morning Post, June 8 2017. URL: <https://www.scmp.com/business/banking-finance/article/2097524/chinas-industrial-capacity-policy-one-way-street>

¹⁰ China-Europe Railway to Drive Cross-border E-commerce. *Xinhua News Agency*. 25 October 2016. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2016-10/25/c_135780112.htm (accessed 24.10.2020)

¹¹ Chen Z.J., Liu Y.Q., Ji W., Miao Z., Ma M.L., Li Y. 2016. „Belt and Road”, When Dreams are Realised, *Xinhua* 24 January. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-01/24/c_1117875268.htm (accessed 24.10.2020) (In Chinese)

same manner as it would spatially plan a new domestic industrial policy (Kenderdine 2017). All the mechanisms seen thus far make the *CR Express* project look very much like previous domestic rail reforms, such as the Four Vertical, Four Horizontal rail freight line untangling reform or the Speed-up policy from the late 1990's.

While the central spatial planning may appear grand strategy, the disjointed realities at the subnational level demonstrate how difficult coordinating a Eurasian rail freight policy will be (for example, the principal geographic regions for two-way rail freight channels are in central China, Chongqing, Wuhan, Chengdu, Zhengzhou). For Central Europe it is convenient, while for Central Asian economies wishing to export goods to China and to onwards using China's seaboard, the inbound rail freight channels are optimised for transit to Liangyungang port in northern Jiangsu – effectively the opposite end of China's industrial geography. These different regions have very different local governance structures and state-market institutional interactions. Deregulation from the planned economy era has meant that different provinces have taken different institutional paths towards marketisation, generally the provinces with more immediate access to foreign markets have the most institutionally sophisticated public and private sectors. While the inland Central China provinces where the *CR Express* system is centred are stalwart command economy public structures. Overlaid on this is that these different regions of China currently have different macro regional spatial planning policies. The Central China core of the *CR Express* falls under the “Yangtze River Economic Belt” economic development plan, while the sea and land ports of Jiangsu and Zhejiang fall under the “Yangtze Delta Economic Zone”. As these macro spatial plans develop over time, future institutional path-dependencies will be built into the industrial geographies that the *CR Express* system must work within. This will add to the institutional and government burden that the *CR Express* system has inherited from historical path-dependencies of industrialisation policy. Overcoming these local governance and industrial geography issues will be a greater problem in policy implementation than the trade and industry integration with the external economies in Central Asia, Eastern and Central Europe.

Ultimately though, replacing maritime trade with international rail transport is unlikely to occur in large volumes to warrant the money spent to subsidise a system that was only ever meant as a political mechanism to avoid containment trade blocs in the Pacific and to spread Chinese influence into new economic spheres through Eurasian continental trade policy. As China's industrial growth-driven economy has peaked and begun to slow, so too has the volume of domestic rail freight throughput, this should be an indication that intercontinental rail freight potential is limited by the same growth bottlenecks.

China's domestic drivers for Eurasian rail freight development

Untangling the domestic rail system and realigning newly created rail freight capacity as coal transport demand declines are both key policy drivers to developing an international rail system. The economic factors at play in China's domestic rail system

are important in understanding the drivers and limitations of the international rail freight policy.

China's domestic rail freight growth rate was reasonably steady through both the planned economy decades 1949-1978 and the reform period of 1978-2018. In other words, despite hyperbolic industrial growth rates through the “miracle industrialisation” after “Reform and Opening”, rail freight throughput increased steadily as the coal-steel-rail nexus continued to expand under state control.

However, the past five years' domestic rail freight throughput in China has been changing. 2012 was really the high-water mark for the GDP-led growth model. 2013 also saw the high-water mark of the reform-era. Domestic rail freight volumes declined too, continuously from 2012 to 2017, ending a rail-freight growth trend much longer than China's “Reform and Opening” – dating back to essentially the reindustrialisation and re-railroading of China from 1949. From 2012 gross rail freight declined year on year for five years until it began to pick up again in 2017¹².

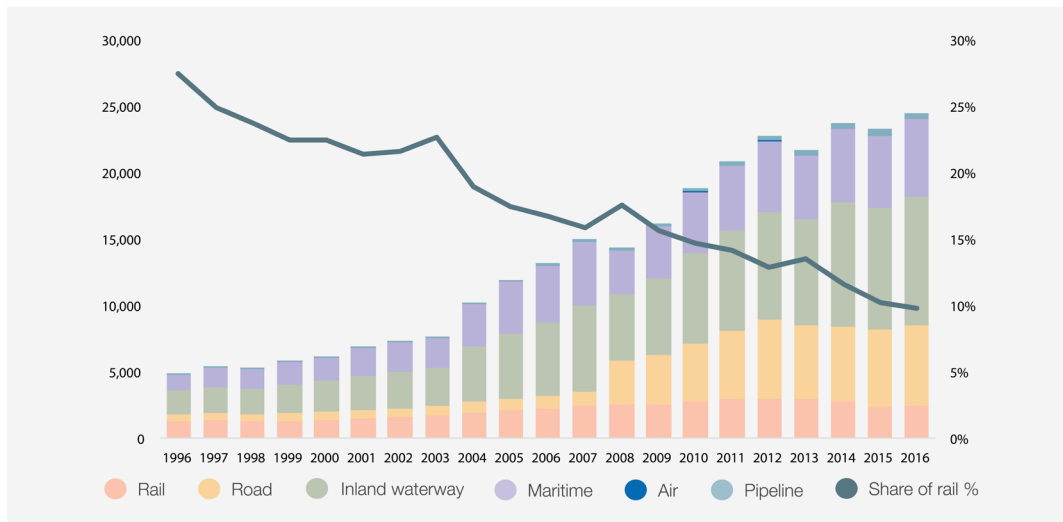


Figure 1. China freight by mode of transport; transport volume in ton-km (billion ton-kms)

Source: National Bureau of Statistics

Another important institutional factor is that China's domestic rail freight has been concentrated in the transport of bulk cargo, not containerised cargo. Coal is the most important good transported by rail, making up around 39 % of total transport volumes. Intermodal transport has been so low that it is not even included in aggregate statistics (intermodal freight transport is moving containers on multiple transport systems e.g. road, rail, ship). In the case of China, intermodal transport can be fully

¹² Sun L.Z., Mo Y.L. 2018. Railway Operator Aims to Grow Freight Volume by 30%. *Caixin*, 4 July. URL: <https://www.caixin-global.com/2018-07-04/railway-operator-aims-to-grow-freight-volume-by-35-101292633.html> (accessed 24.10.2020)

interpreted as the transport of containers solely by rail, as other technologies – like piggyback transport, the transport of (semi) trailers and/or trucks by rail, etc. – are not in use in the country. The volume of bulk goods handled by China's ports in 2016 was 55 % of the total traffic whereas for rail it was 80 %. This demonstrates that the transport industry is focused on bulk goods and not on the more complex intermodal transport modes (See Figure 1).

The very high share of coal transport in overall transport volume in China has unique reasons. First, China is the biggest producer of electricity in the world, and coal power plants account for 58 % of installed electricity generating capacity. There is, however, a major mismatch between coal production and consumption: the main mines are in the inner part of the country, with consumption concentrated on the coast (Wang, Ducruet 2013). Coal production was still growing until 2017, but is expected to stagnate in the future, given declining industrial growth, a changing energy mix, and adherence to domestic and international climate change mitigation and remediation commitments. There are already bottlenecks in the transport system. 60 % of all coal is transported by rail, 30 % by water and 10 % by road – since the 1980s, dedicated rail lines have been constructed solely for coal transport (Wang, Ducruet 2013).

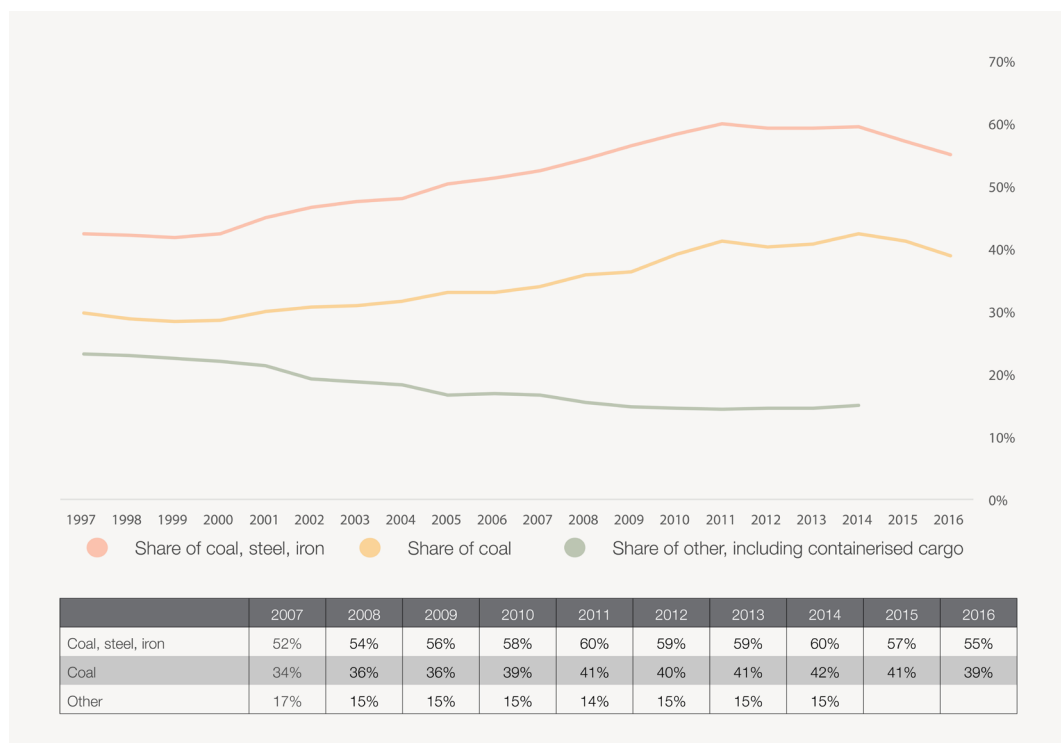


Figure 2. China freight by commodity type; transport volume in ton-km (billion ton-kms)

Source: National Bureau of Statistics

The motivation for developing a Eurasian railway corridor network thus has numerous internal drivers on the China-side. Domestic rail transport output started declining after 2012 and never fully recovered; rail freight usage is heavily dependent on the transport of coal, which is falling; and other sectors of the economy tend to use other modes of transport (due partly to the lack of containerisation in the rail freight system). As such, domestic rail transport is declining in the modal split of the country, as more non-industrial enterprises use trucks, and the rail-port intermodal usage remains ridiculously low. International container transport by rail is a good way to measure rail transport output, but even with high growth rates it cannot compensate for the main driver behind the decline: shrinking demand for coal and so for coal transport. There is thus a monumental domestic policy driver which changes the fundamental dynamics of China's domestic rail transport. This shrinking coal transport demand creates new capacity to alter the utilisation of China's domestic rail system, hence the policy of rerouting rail freight throughput Westward towards the New Eurasian Land Bridge (See Figure 2).

However domestic container traffic and intermodal transport to ports have been underdeveloped in China. This is well understood by government, and in the 11th Five-year Plan in 2006 the development of intermodal transport became a key priority¹³. In 2011 five freight rail corridors between the inland and maritime ports were set up¹⁴. These transported 1.54 million Twenty-foot Unit Equivalents (TEUs) in 2015 – a very limited amount as 189 million TEUs were handled in China's seaports in the same year. In total, all intermodal rail corridors carried only 0.8 % of the containers handled by maritime ports. In a 2010 study it was calculated that 1.3 % of the total maritime container output was moved to/from ports by rail (Liu et al. 2013).

This means there is a huge potential to change to more efficient, more environmentally friendly forms of transport within the country. There are only 39 major intermodal hubs in the country for railway container handling (Wei, Sheng, Lee 2017). The situation of the sea terminals is also striking: in 2010 there were only 10 ports nationwide using rail-waterborne intermodal transport operations from approximately 135 government-approved ports in the country (Blancas, Ollivier, Bullock 2015). In comparison, there are 385 intermodal rail terminals in the European Union¹⁵.

In 2015, the World Bank carried out a study on the rail container market in China and concluded that there would be demand for intermodal rail transport, but that the supply-side is lacking the basic characteristics which would be needed (Blancas, Ollivier, Bullock 2015). China is, on the other hand, a world leader in containerised

¹³ Yang J.Q. 2009. Towards the Restructuring and Co-ordination Mechanisms for the Architecture of Chinese Transport Logistics, unpublished PhD thesis Erasmus University. URL: <https://repub.eur.nl/pub/14527/EPS2009157LIS9058921987/Jia-qiyang.pdf> (accessed 24.10.2020)

¹⁴ Ministry of Transport PRC, Transport Planning and Research Institute. 2016. Rail-Based Intermodal Transport in China: Current Status and Challenges, United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific EGM. Bangkok, 30-31 August. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/China_Rail-Based%20Intermodal%20Transport.pdf (accessed 24.10.2020)

¹⁵ Agora Intermodal Terminals Database 2018. URL: intermodal-terminals.eu (accessed 24.10.2020)

transport, but only internationally and by sea. The rail transport of containers was never a priority in China's domestic economy, and these trains would need reliable timetables and relatively fast travel times – neither really feasible in the current China Railway Corporation (CRC) structure. For the new international container services, private freight forwarding services cannot safeguard the quality of trains as they are all relying on the services of the state CRC subsidiary: *CR Express*.

Over the past decade, domestic policy priorities and resource allocation for rail development have been concentrated in the development of the massive, close to 30.000 km long, high-speed rail network. This means that freight transport received less funding and policy attention, but it also freed up substantial capacity on the existing conventional lines for freight transport. Overall though, the very fast rate of growth for high-speed rail has had negative effects on domestic freight systems. With the same amount of investment, more conventional lines could have been built with the value of freight time savings having more positive macroeconomic effects (Wu, Nash, Wang 2014). As China's rail network is one of the most utilized in the world and has serious capacity problems, for the transport of more goods by rail, less high-speed rail development would have been much more effective in developing rail freight infrastructure. In the case of long distances, even low-cost-carriers could have solved consumer travel needs in a more efficient way than high-speed rail (Wang, Xia, Zhang 2017).

All this means that there are now serious institutional blockages to the rapid development of a viable international rail freight system. Existing domestic rail freight throughputs were developed to maximise bulk coal carriage. Existing domestic rail networks are tangled, unreliable, and still mostly optimised for south-north carriage, not east-west carriage. Containerised rail transport is severely underdeveloped as bulk carriage was the preferred throughput. There are few intermodal hubs and poor port connections. And rail freight has received little government policy attention while high-speed passenger rail was the policy priority over the past ten years.

China – Europe and China – Central Asia class rail freight

In 2016, National Development and Reform Commission brought all Western outward rail container services from China under the common branding of *CR Express* (Zhao et al. 2017). This intercontinental rail freight system is centred on two new classes of China rail freight carriage: *China – Europe Express Class* carriage and *China – Central Asia Class* carriage. Both are essentially part of the same policy and both mostly cross Central Asia, particularly Kazakhstan. The categories are *China – Europe Class Trains* (中欧班列 *Zhong ou ban lie*) often shortened to simply 中欧班 *Zhong ou ban*; and *China – Central Asia Class Trains* (中亚班列 *Zhong ya ban lie*), colloquially 中亚班 *Zhong ya ban*.

All *CR Express* trains and their containerised traffic are organised into these two rail freight classes. This is really a two-part consolidation process by the NDRC, one to organise the disparate local government processes for establishing and running inter-

national rail freight services, and also to integrate the international system with the domestic rail class system. As of May 2017, there were 51 lines of operation, with the number of participating China cities raised to 27, and 28 cities in 11 countries in Europe.

In terms of the international aspect of the *CR Express* system, China has laid out five routes on three trunk lines: An ‘East’ trunk line runs from the Eastern China provinces into Russia’s Far East and then along the old Siberian railway. A ‘Central’ line runs from the Central China provinces north into Mongolia joining up with the Siberian route. And then the main ‘West’ trunk line splits into three separate routes: ‘West 1’ across Kazakhstan to Moscow, ‘West 2’ across Kazakhstan to the Caspian Sea to the Caucasus, and a planned ‘West 3’ from Kashgar to Kyrgyzstan and then through Uzbekistan to Iran and Turkey. The three most important lines for the *CR Express* China-Europe and China – Central Asia trade are the old ‘East 1’ and the new ‘West 2’. The ‘East 1’ trunk line is simply the old Trans-Siberian railroad ex-Manchuria: Manchuria through Russia to Moscow to Berlin. The extant ‘West 2’ Khorgos/Alashankou to Kazakhstan to Moscow to Berlin line is the real testbed for the current *CR Express* system. While the ‘West 3’ is a planned ex-Kashgar route to the Fergana Valley though Kyrgyzstan and on to Iran, and ultimately Istanbul. This trunk line is the most geopolitically ambitious and potentially transformative. However, this West 3 line is also logistically the most difficult, requiring significant Chinese construction, investment and ongoing government coordination with Kyrgyzstan, Uzbekistan and Iran, making its future operational prospects slim and its utility limited (Buscky, Kenderdine 2020).

The two *CR Express* international rail freight classes are mostly clustered around Central China terminals. The principal Eurasian rail terminals are Chengdu and Chongqing, but along with the Wuhan transport hub, a Central China cluster emerges of Chongqing, Sichuan, Shaanxi, Henan and Hubei. Lianyungang and Yiwu are both naturally eastward facing sea and land ports respectively that have been policy recommissioned to face west for rail container transport. The Lianyungang connection is part of a policy promise to open a sea port to the Kazakhstan government. From the *CR Express* terminals there is clear development of a Central China – Central Asia transport policy, with Lanzhou in Gansu naturally streamlining all Westward freight flow (See Table 2).

Table 2. Major West Trunk Line China – Europe and China – Asia CR Express Schedule Freight Lines

No.	Domestic Outbound	Border Crossing	International Inbound	Trunk
1	Chongqing	Alashankou, Khorgos	Duisburg, Germany	West
3	Zhengzhou		Hamburg, Germany	
5	Chengdu		Lodz, Poland	
6	Wuhan		Pardubice, Czech Republic	
7	Wuhan		Hamburg, Germany	
11	Yiwu		Madrid, Spain	
14	Lanzhou		Hamburg, German	

No.	Domestic Outbound	Border Crossing	International Inbound	Trunk
16	Lianyungang	Alashankou, Khorgos	Almaty, Kazakhstan	West
18	Qingdao			
19	Urumqi			
20	Xi'an			
21	Hefei			
22	Jinan			
23	Dongguan			
4	Zhengzhou	Erenhot	Hamburg, Germany	Central
15	Beijing—Tianjin		Ulaanbaatar, Mongolia	
2	Chongqing	Manzhouli	Cherkessk, Russia	East
8	Wuhan		Tomsk, Russia	
9	Suzhou		Warsaw, Poland	
10	Suzhou		Brest, Belarus	
12	Shenyang		Hamburg, Germany	
13	Changsha			
17	Yingkou		Baikal, Russia	

Source: Compiled by the authors

There are freight timetables from other major Chinese terminals too with an idea of how many trains would depart China, and a clear set of European terminals. The problem remains one of viable volume. The cost per TEU container is still too high to attract much interest without politicised subsidies, meaning that once central subsidies dry up, the system could remain economically unviable. US \$6300 per container from Lianyungang to Istanbul via the 'West 2' line is still too expensive for most goods compared with maritime transport rates¹⁶.

The most prominent international rail freight services to date have been developed by local governments, despite the nominally central coordination under the 2016 *CR Express* policy document from the National Development and Reform Commission¹⁷ (See Figure 3). They have emerged more organically and practically than some of the more aspirational routes on the macro policy.

The *CR Express* policy essentially extends the domestic China railway system to external geographies, rather than developing a true international partnership model. Probably the most complicated part of the freight carriage reform is still reorganising the domestic Chinese rail network. China's railway network is very convoluted. There are dedicated channels that cross the country, such as the *Four Vertical-Four Horizontal* main channel system. But the reality on the ground is a lot of old track, and a lot of overlapping interests. Introducing two new international freight classes into this system is not simple.

¹⁶ Kenderdine T. 2018. Caucasus Trans-Caspian Trade Route to open China Import Markets. East Asia Forum, 23 February. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2018/02/23/caucasus-trans-caspian-trade-route-to-open-china-import-markets> (accessed: 24.10.2020)

¹⁷ China – Europe Class Rail Construction and Development Plan (2016–2020). 8 October 2016. URL: <http://zfxxgk.ndrc.gov.cn/PublicItemView.aspx?ItemID=%7B6b49bf1d-ec80-4d08-8673-124fa15bed54%7D> (accessed 24.10.2020) (in Chinese)

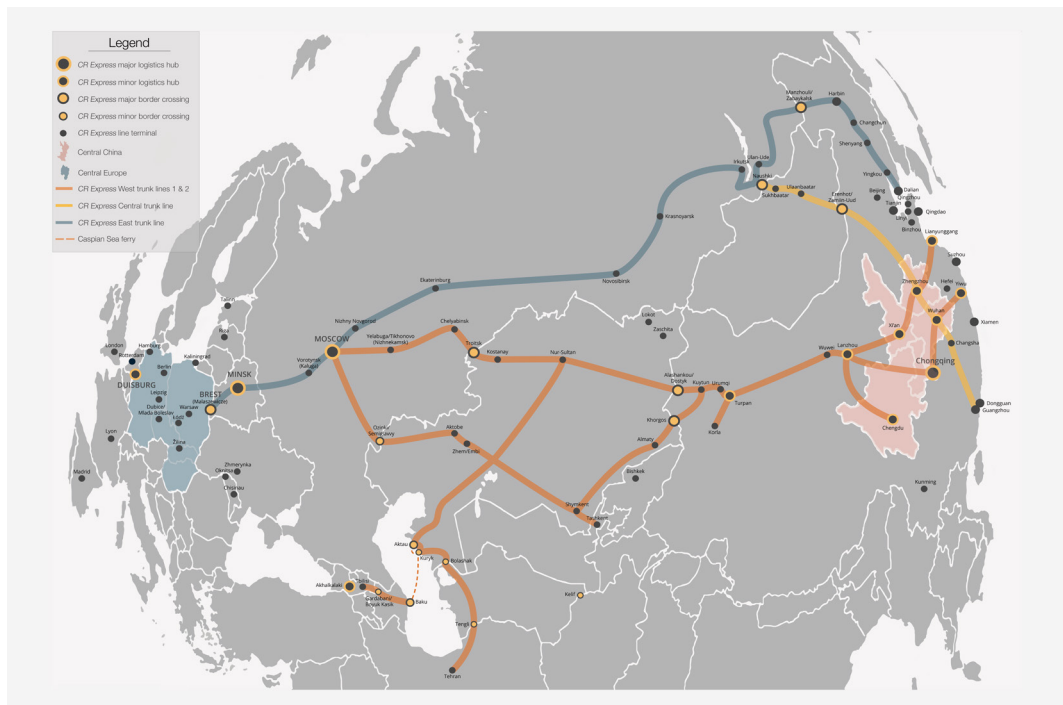


Figure 3. CR Express Europe and CR Express Central Asia trunk lines, terminals and major logistics centres

Source: Sino-Euro, Sino Asia Cargo Railway (2018). Central Asia International Rail Class. URL: <http://cn.cetrains.com/post/services/logistic-service.html> (accessed 24.10.2019)

In two-way trade terms, the biggest problem for China is not the subsidisation of domestic rail freight routes directed outwards towards new trade partners, but what to import back to make these routes even remotely viable as bilateral trade channels even with heavy government subsidies. Ultimately, China is hoping to transfer agro-industrial and industrial capacity to Central Asia, Caucasus, Russia, and the Middle East (Kenderdine, Lan 2019). China's long-term policy is thus to use these rail freight routes to reimport products from its "Belt and Road" industrial investments into China such as agricultural commodities, raw metals, semi-finished metal commodities, and finished manufactured products. However, for now the system remains heavily subsidised by both central and local government with little import value. To increase rail freight from 64,000 gross TEU boxes in 2014 to 500,000 in 2018 between China and Kazakhstan, or to develop the Trans-Caspian corridor from 100 TEU in 2015 to 300,000 in 2020 (both policy announcements) is going to take significant investment on the China side.

Ultimately the above policy commitments might be considered unconvincing, that the China-Europe *CR Express* rail class has long-term structurally transformative effects on host economies in Europe or on China itself. At the same time the development impact for Central Asian economies, if Chinese investment and government

subsidies are maintained, may be more promising given the lack of maritime transport alternatives. However, there remains the problem that “Belt and Road, Iron Silk Road, Silk Road Economic Corridor” and *CR Express* are all just Chinese central government policies. Without strong political communication between China and partner economies, any future trade integration on China’s Eurasian periphery will continue to isolate China’s trade partners rather than to meet them half-way¹⁸.

Efficiency problems with current China–Europe trains

The introduction of the “Belt and Road” initiative in 2013 created a media spotlight for the intercontinental class rail freight system. However, most China media reports only communicated the number of new trains and new cities serviced. The low load factors and the low profit margins of *CR Express* trains are less well-known.

These trains receive state subsidies, not only at the national level, but also from provincial and prefectural city governments. This has led to competition between cities and already more than 30 cities have rail connections to Europe and Central Asia. This does not seem like an optimal situation in terms of industrial layout. In a consolidated cargo centre model it has been shown that fewer hubs would be more efficient. Hub terminals would be ideal in Xi’an, Taiyuan, Zhengzhou, Wuhan, and Suzhou – only a fifth of current hubs (Zhao et al. 2017). Zhao et al. also conclude that within China, road freight is usually preferable to rail, due to the shorter distances and also the problems with intermodal transport within China.

Unless freight forwarding, road transport and inland waterways transport are liberalised with numerous companies competing, the rail freight market is still in the hands of the state-owned China Railway Corporation. Ironically the flagship *CR Express* trains to Europe were able to be developed due to the fact that more and more private freight integrators approached the rail market, offering integrated, door-to-door services for consumers (Lam, Gu 2016).

In China, container trains are operated by logistics companies: these are usually owned by city or provincial administrations, but there are some privately owned companies. These corporations are in contact with consumers that can be either exporters or importers of goods both in China and Europe. These companies collect transport fees and buy services from railway corporations, dry ports, customs clearance companies, etc. The trains are then physically transported by China Railway and its subsidiary *CR Express*.

In Europe, different logistics companies and/or railway companies are partners of the China logistics companies. In Kazakhstan, Russia and Belarus the state-owned railway companies («Kazakhstan Temir Zholy» KTZ, «Российские железные дороги» RZD, «Белорусская железная дорога» BZD) and their subsidiaries are in charge of

¹⁸ Kenderdine T. 2016. China’s Multilevel Governance Problem – Policies Lost in transmission in Central Asia Policy Forum, 21 November. URL: <http://www.policyforum.net/chinas-multilevel-governance-problem/> (accessed 24.10.2020)

transport, which makes it easier to handle as less stakeholders are involved. In Russia too, «Transcontainer» is a major stakeholder in the transport mix.

These different stakeholders represent multiple interests. Countries outside China would like to see the higher value-added logistics processed within their country – the re-organisation of wagons to different destinations, and transshipment. Chinese cities are competing with each other to attract more traffic to their freight lines, and are not interested in the consolidation of trains from different origins within China. This is the opposite of what we would expect in a central spatially planned transport industrial policy. So China's hybrid of central planning and subnational competition can be read as the worst of both worlds.

Table 3. Example of TEU container rates offered ex-China by China logistics companies

Exit port	Terminal	Country											Domestic segment tariff reference	
			Wide track section (40')			European section (40')			Total foreign section (40')			Box price/km	Euro Outbound	Euro Inbound
			Distance km	Class price	Box price/km	Distance km	Class price	Box price/km	Distance km	Class price	Box price/km			
Alashankou	Duisburg	Germany	5692	3950	0,694	1350	950	0,704	7042	4900	0,696	0,6	0,55	
Alashankou	Hamburg	Germany	5692	3950	0,694	1100	950	0,864	6792	4900	0,721			
Erenhot	Hamburg	Germany	7954	3500	0,441	1100	950	0,864	9054	4450	0,491			
Alashankou	Rhodes	Poland	5692	3950	0,694	315	860	2,73	6007	4810	0,801			
Alashankou	Warsaw	Poland	5692	3950	0,694	205	700	3,415	5897	4650	0,786			
Manzhouli	Warsaw	Poland	7739	3200	0,413	205	700	3,415	7944	3900	0,491			
Alashankou	Pardubice	Czech Republic	5692	3950	0,694	870	1490	1,713	6562	5440	0,829			
Alashankou	Madrid	Spain	5692	3950	0,694	3150	7300	2,317	8842	11250	1,272			

Source: based on Silk Road News website which is no longer available online (URL: <http://silkroad.news.cn/tags/silubanlie.shtml> (accessed 24.10.2020))

For a thorough understanding of the *CR Express* system, further research is needed on the central subsidy funds to the provincial and prefectural governments and their distribution to state and non-state enterprises that makeup the rail freight industry. Such systematic analysis of China's public procurement and state subsidy system is beyond the scope of this study. However the total annual amount of subsidies has been estimated at USD 300 million by Jakóbowski, Popławski, and Kaczmarek¹⁹. These subsidies are very important to the functioning of the system. The USD 300 million aggregate can be broken down to around USD 100.000 per train or USD 2.000 to 4.000 per container (on average USD 2.500). This is in line with information obtained by interviews by Bucsky in China: up to 50 % of the transport costs are currently reim-

¹⁹ Jakóbowski J., Popławski K., Kaczmarek M.. 2018. The Silk Railroad: The EU – China Rail Connections: Background, Actors, Interests. *OSW Studies*, 28 February. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-studies/2018-02-28/silk-railroad-eu-china-rail-connections-background-actors> (accessed 24.10.2020)

bursed by local governments. As transport of containers between Europe and China costs USD 5.000-6.000 on average²⁰, a very high portion of the costs are financed by subsidies. It is questionable if any of these transport connections would be financially viable without state subsidies (See Table 3).

According to Jakóbowski, Popławski, and Kaczmarowski²¹ inside information, Kenderdine private conversations with rail freight professionals in Almaty, Kazakhstan (in 2018, 2019) and Bucsky informal interviews in China (in 2018), these subsidies will be phased out in 2021-2022. According to expert interviews, this subsidy phase-out is expected to begin from 2020. As there is a high incentive to transport as much cargo as possible with the subsidies until that period, companies are incentivised to show as high a number of trains as possible. For instance: if two cities are sending cargo to Europe they can report two trains – even if these will be joined into one train on the Kazakh border or even within China.

The real value and quantity of China – Europe rail transport

There still remains a large amount of confusion and conflicting information from state media on which routes are actually in operation and what the overall logistic objective is. There is no official data available on container traffic from China, often leaving China media reports as the sole source. These reports only show the number of containers or trains, there is zero information about the value and quantity of goods transported. China media reports often give precise but isolated numbers, however the aggregates often do not add up.

Measuring the number of trains or containerised freight volumes is difficult without access to proprietary logistics systems. The Chinese data does not help and China's media reporting is disjointed and unreliable. For example, in the Chinese national media announcements for the past twelve months on China's rail freight statistics very incongruous reporting details are found (See Table 4).

A selection of media reports from "Xinhua State News Agency" gives the following information on rail trade routes: 28 Chinese cities and 29 cities in 11 European countries; 57 lines between China and Europe delivered to 121 cities in 24 countries in the European Union, Russia and Central Asia; 40 lines of China Europe rail trade; 57 routes since the China-Europe freight train services began in 2011; 43 transport hubs along the three East, Central and West routes with 43 railway

²⁰ Jakóbowski J., Popławski K., Kaczmarowski M. 2018. The Silk Railroad: The EU – China Rail Connections: Background, Actors, Interests. *OSW Studies*, 28 February. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-studies/2018-02-28/silk-railroad-eu-china-rail-connections-background-actors> (accessed 24.10.2020); Kenderdine T. 2018. Caucasus Trans-Caspian Trade Route to open China Import Markets. *East Asia Forum*, 23 February. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2018/02/23/caucasus-trans-caspian-trade-route-to-open-china-import-markets> (accessed: 24.10.2020)

²¹ Jakóbowski J., Popławski K., Kaczmarowski M. 2018. The Silk Railroad: The EU – China Rail Connections: Background, Actors, Interests. *OSW Studies*, 28 February. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-studies/2018-02-28/silk-railroad-eu-china-rail-connections-background-actors> (accessed 24.10.2020)

lines²². This disparate reporting creates a sense of scale and importance, without creating any reliable historical record.

Table 4. Communicated train quantities on the Europe – China railway connections by the Chinese state-owned news agency Xinhua

Reported China Rail Express Direct Freight Routes Between China and Europe								
Date	News title	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
02.01.2018	Central China-Europe rail freight to surge in 2018	4000				4000	4000	5000
20/1/18	New China-Europe freight train route launched				3000			
26/1/18	Over 6,200 train trips made between China, Europe in 6 years				3270			
26/12/17	Cargo train service flourishes between Zhengzhou, Hamburg				3000			
13/12/17	Feature: Latvia greets first trans-Eurasia cargo train from China	2000						
11.06.2016	5,000 China-Europe cargo trains expected by 2020	1771						
25/10/16	Xinhua Insight: China-Europe railway to drive cross-border e-commerce	1881						
07.03.2016	Feature: China-Europe freight trains bring vitality to ancient Silk Road	580	817	3577				
22/4/17	Seven countries to deepen cooperation on China-Europe freight rail services							
04.01.2016	China Focus: Trains linking China, Europe on the fast track	970						
18/1/16	Facts and figures about China's railway development	815						
Russian Database		156	422	243	863			
UNECE Database		344			1793			

Source: Xinhua.net (multi-year quantities are represented in joined cells)

China – Europe rail freight classes were introduced in March 2011 linking Chongqing with Duisburg. In August 2018 there was media coverage in Chinese and English of the 10,000th China-Europe freight train arriving in Wuhan from Hamburg²³. This means that presumably there were at least another 1050 trains in Q3 2018. However aside from waiting for state media updates of the grand success of so many trains, there is no publicly available database and little chance of this logistics system becoming transparent.

As most of the logistics channel development is left to provincial and prefectural-level governments, there is basically a tournament-system in place to develop intercontinental rail-freight capacity. The “Tournament System” was the characteristic governance model used to control centre-local government policy process through the

²² Liang Y. 2018. Central China – Europe Rail Freight to Surge in 2018. *Xinhua*, 1 February 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-02/01/c_136940071.htm (accessed 24.10.2020); Xiang B. 2017. Over 6,200 Train Trips Made between China, Europe in 6 Years. *Xinhua*, 26 December. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-12/26/c_136852817.htm (accessed 24.10.2020); Zhou X. 2017. Cargo Train Service Flourishes between Zhengzhou, Hamburg. *Xinhua*, 13 December. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-12/13/c_136823016.htm (accessed 24.10.2020) (in Chinese); Hua X. 2016. Facts and Figures about China's Railway Development. *Xinhua*, 18 January. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2016-01/18/c_135021027.htm (accessed 24.10.2020); 5,000 China – Europe Cargo Trains Expected by 2020. *Xinhua*, 18 October 2016. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2016-10/18/c_135763251.htm (accessed 24.10.2020)

²³ China – Europe Freight Trains Make 10,000 Trips. *Xinhua*, 27 August 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-08/27/c_137422376.htm (accessed 24.10.2020)

rapid industrialisation phase of China's economic development²⁴. It essentially simply rewards Party cadres with promotions up the centralised public administrative hierarchy for achieving provincial and prefectural level GDP growth targets. Moving these targets from GDP growth to transport throughput is a simple enough matter. However it means that the central government has very little oversight of the details at the local government level – central government simply offers the reward of promotion and lets local government fight it out and figure out the details themselves (See Figure 4).

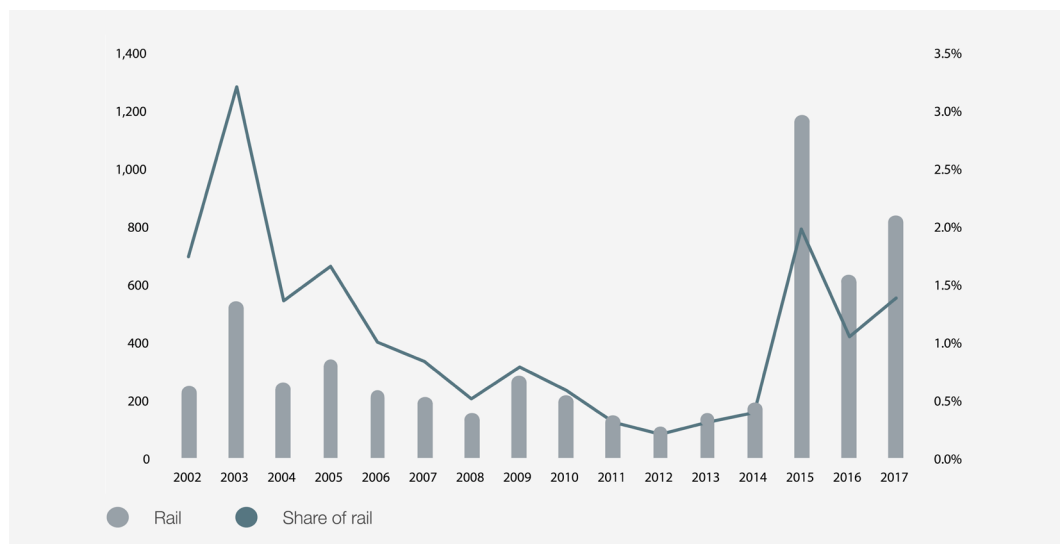


Figure 4. EU28 imports in tons by rail from China

Source: Compiled by the authors

Various sources have been used to calculate the number of trains travelling between Europe and China. The common consensus is that in 2017 there were 3.000 trains, and *CR Express* reported 6.000 trains for 2018. If we convert that to tons, we can analyse the significance of rail freight relative to total trade between the EU and China (Bucsky 2018)²⁵. According to *CR Express* reported data, from 2011 to 2018 the annual share of railway transport between the EU and China grew from 0 % to 5.4 %. This would represent very rapid growth and support the China development position. It should be noted, however, that this figure is considerably higher than data from the EU's Eurostat trade database by mode of transport which lists 2018 January to November as only 1.3 %, up from 0.5 % in 2011 (See Table 5).

²⁴ Kelly D. 2015. Tournaments of a Regional Tiger, China Policy. URL: <https://policyn.com/wp-content/uploads/2015/03/150326-tournaments-of-a-regional-tiger-focus1.pdf> (accessed 24.10.2020)

²⁵ The maximum payload of a Twenty-foot Equivalent container (1 TEU) is 21 tons, on average 20 tons have been calculated as an assumption. One China-Europe Class train is traveling on average with 20 pcs. of 40 foot container, which equals 80 TEU. A full train can transport 1.600 tons.

Table 5. China's reported trains sent to Europe and Central Asia 2011-2018

China – Europe Rail Freight Class Out- and In-Bound Trains 2011-2018 (CR Express)									
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018*	Total 2011-2018
Number of trains	17	42	80	308	815	1 702	3 673	6 000	12 637
Number of TEUs	1 404	3 674	6 960	26 070	68 902	145 794	317 930	519 352	1 090 086
Share of total EU-China trade in tons	0,00%	0,00%	0,10%	0,30%	0,80%	1,60%	3,30%	5,40%	1,60%

China-Europe Rail Freight Class Out- and In-Bound Trains 2011-2018 (Eurostat)									
Share of total EU-China trade in tons	0,50%	0,40%	0,40%	0,50%	0,60%	0,90%	1,20%	1,30%	0,80%

*calculated from January-November figures

Source: Condensed from the government websites: Silk Road News, Silk Road News Silk Road Rail Classes, China – Euro China – Asia Cargo Railway, Foreign Economic Cooperation Office of the Ministry of Commerce

Given that the Eurostat figures as more accurate than the self-reported *CR Express* figures, the huge interest and hype around these trains is not economically justified. Especially considering that railway cargo between China and Europe was actually higher before the introduction of *CR Express* trains. For European trade, the mode of transport can be extracted from the European Commission Directorate-General for Trade database. The exported and imported tons from the EU by rail to and from China did grow in recent years, but a decade ago it was already higher. This is without any “Silk Road” policy or media hype (See Figure 5).

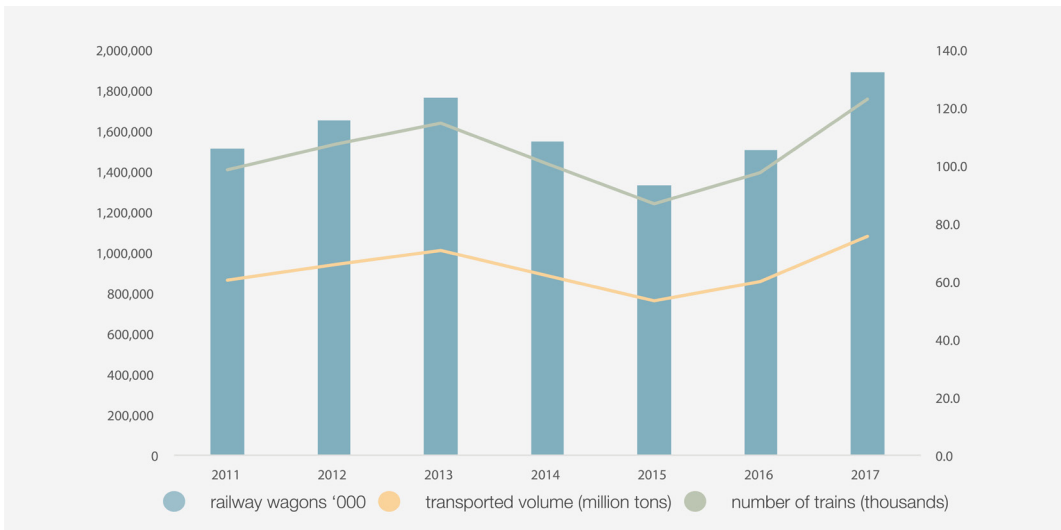


Figure 5. China Customs statistics of cross-border railway transport.

Source: based on General Administration of Customs of China. Compiled by the authors

These findings from Chinese sources could be double checked completely. The General Administration of Customs of China (GAC) provides information on the number of railway wagons crossing borders both ways. From these figures, the trans-

ported goods quantity and the number of trains crossing borders can be estimated. In real life, some of the wagons have to travel empty, but 40 tons/wagon for every wagon might be assumed. That way, the entire traffic crossing China's borders by rail can be estimated at 76 million tons or 7.5 % of China's total international freight traffic.

The OSJD provides better data, but the latest available information is from 2016. The total rail transport on China's 10 border crossing points was 37.8 million tons. This dataset helps in more detail as it includes transported value for all border stations. The total traffic to Kazakhstan – where most trains to Europe cross – is just 20 % of China's total cross-border traffic, and in 2016 it can be estimated that 4,663 trains crossed both borders (See Table 6).

Table 6. Freight transport on borders of the countries on the China – Europe rail route (total does not add up according to original OSJD data)

Country	Border Station	'000 tons 2016	% change 2015	Trains
Russia	Suifenhe	7 810	0,77%	4 881
Russia	Manzhouli	15 100	9,84%	9 438
Korea DPR	Dandong	130	-27,78%	81
Korea DPR	Tumen	100	66,67%	63
Korea DPR	Ji'an	30	50,00%	19
Mongolia	Erlan	9 830	18,86%	144
Vietnam	Pingxiang	300	-18,92%	188
Vietnam	Shanyao	390	5,41%	244
Kazakhstan	Alashankou	7 460	20,52%	4 663
Kazakhstan	Khorgos	820	-10,87%	513
Totals		37 750		23 594

Source: Organization for Cooperation of Railways (OSJD) data

On the China – Kazakhstan border, at least 90 % of trains crossing in Khorgos are not going to Europe, but to Central-Asia, with most of the trains through Alashankou being sent to Europe. In 2016 the cross-border trade between China and Kazakhstan was over nine times higher through Alashankou than through the media trap of Khorgos. According to the in-field expert interviews, carried out by the authors of the article, 70 % of trains from Alashankou are sent to Europe. This estimate yields around 3.300 trains being sent to Europe which is in accordance with other third-party estimates. The table 6 also shows that container trains to Europe are a small portion of total cross-border transport between China and its neighbours, around 14 % is delivered by this type of transport.

The reality is that there is simply too small a throughput for the China – Europe rail bridge to have any meaning as of yet. Neither China state media sources nor *CR Express* self-reporting figures match European data sources, which report significantly lower economic activity than the China numbers. Moreover, if the international rail volumes between China and Europe were expressed as a percentage of intra-China

or intra-European rail trade, the amounts would be miniscule – most rail freight is conducted within China or within Europe, with the inter-continental volumes tiny in comparison. Coupled with obvious deficiencies in China's domestic containerised rail cargo infrastructure and the unending dominance of maritime container transport, the potential development of a viable *Iron Silk Road* once subsidies are removed is, on current evidence, beyond weak.

Conclusion: evidence weak for transformative development

The article has covered the contemporary spatial planning and regional industrial policies that China has developed to formulate and deploy a domestic transport policy in an external geography. The *CR Express* rail freight transport system is exporting China's command economy railway planning into new economic geographies with two express objectives: to extend the lifespan of the command aspects of China's industrial and transport development system, and to expand China's trade policy into new spheres of economic influence in Central Asia, Central Europe and Eastern Europe.

Key takeaways from this study include the following:

- China cities competing for market share is an inefficient long-term model, but is unlikely to change due to domestic policy operations. Regional tournament systems are standard policy incentives in China's centrally coordinated economy.
- China's domestic containerised cargo infrastructure is undeveloped. Before expanding its container transport network to Europe and Central Asia, China has immense work to do to upgrade its containerised rail cargo systems.
- *CR Express* cargo throughputs are low and inefficient. From what little evidence is available, the economic reality is much more sober than the media hyperbole.
- Development of the *CR Express* system in the near future will remain dependent on subsidies and it is unclear whether a self-realising economic model will emerge from this China tax-payer investment.
- For Central Asian and European transport policymakers, as long as China continues to subsidise the system, the domestic benefits are worth participating in the program. But reciprocal subsidies to maintain the network would be neither efficient nor desirable.

The economic prospects of the "Iron Silk Road" are limited in both scale and investment. The trade corridor in its current form is not economically viable without massive Chinese investment and subsidisation. Given enough investment, it is feasible that China could scale the operation up to create a cumulative causation effect. However, the wider problems of China's intercontinental rail ambitions are not economic but political.

For the rail policy to be successful, China's international rail freight investment should serve both Eurasian and European interests, not just China's. A large part of the problem in implementing a trans-continental railway policy is the institutional friction between different macro and micro economic institutions. China is a transition

economy with still heavy state influence, making it difficult to align domestic political economy institutions with international trade, finance, and transport institutions.

The “Transport Power” macro policy does not exist in isolation and should be read alongside the “Maritime Power” policy and a range of other sectoral *Power* policies. This makes the uneconomic factor of the project clearer. Centrally coordinated planned economies are easily leveraged into nationalist foreign policy mechanisms. While the potential for cumulative causation factors in transnational economic development do exist, the national system of economic development within China’s domestic economy prevails in any analysis of the “Iron Silk Road” as a trade strategy.

Domestically though, China’s subnational rail subsidies and weak central control over provinces and prefectural cities mean that serious endogenous problems within the extant rail freight system will be institutionally transmitted into this new *CR Express* intercontinental freight system. While central government subsidies may soon be withdrawn from *CR Express*, it was the local governments who were first to push out into Eurasian rail freight transport, and their untransparent direct subsidies and cross-subsidies are likely to linger long after the central government withdraws support. This means that the success or failure of Eurasian class rail freight will lie with the future policy and transfer decisions of local governments, not the centre.

Ultimately the intercontinental rail freight lines only work if China puts up the capital directly, not if any loan burden or operational risk is left on Eastern Europe and Central Asia. If China continues to subsidise the intercontinental rail freight transport trade for political and geopolitical purposes, then industrial complementarity clusters along its route may develop to begin supporting the trade. Certainly, China’s industrial capacity transfer policy for Central Asia, Central and Eastern Europe already supports this geoeconomic strategy. However without subsidies from the Chinese state or the unrealistically rapid development of industrial clusters along the Silk Road Economic Belt, the dream of replacing Pacific ocean maritime trade with Eurasian transcontinental rail trade may remain a policy objective of an aspirational land-power rather than delivering the trade channel opportunities promised to the peoples, industries and States along the China-Eurasian freight corridors.

The “Iron Silk Road” traverses range of varied post-Soviet economies, the independent states also being in varying states of transition away from planned economies and transitions towards economic bloc reintegration under the Eurasian Economic Union. The dubious southern route of the China-Europe rail class would also pass through Iran and Turkey, bringing in yet more economic institutional actors and agency. From the China side this means deploying an international rail strategy in external geographies that is more complicated than deploying a rail freight reform through domestic political economic institutions – this already involving many disparate polities and policy agents.

For China’s *CR Express* transcontinental rail freight system to improve and expand, China-side subsidies need to be transparent, legal standards, contracts, and other logistics factors need to be integrated to European standards, and host economies

need to transparently understand which levels of Chinese government they are dealing with, and what their political and economic risk exposure is in engaging in transcontinental rail transport. Without institutional integration with the European Union, the *CR Express* rail freight system appears to be a Chinese white elephant from the European perspective, and from the Central Asia perspective a cynical geoeconomic ploy to diversify strategic import sourcing. For the *CR Express* system to be an economic good for Eurasia, data, development and policy should be transparent.

About the authors:

Péter Bucsky – PhD candidate at the Doctoral School of Earth Sciences, University of Pécs, Pécs, Hungary. H-7622 Pécs, Vasvári Pál utca 4, Hungary. E-mail: peter.bucsky@gmail.com

Tristan Kenderdine – Research Director at Future Risk, Almaty, Kazakhstan. E-mail: tristan.leonard@ftrsk.com

Conflict of interests: The authors declare absence of conflict of interests.

УДК 327, 339.9

Поступила в редакцию: 23.07.2020 г.

Принята к публикации: 29.09.2020 г.

Действительно ли так важен «Железный Шёлковый Путь»? Роль железнодорожных грузовых перевозок в китайском проекте «Экономического пояса Шёлкового пути»

Петер Бакски, Тристан Кендердайн
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-168-193](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-168-193)

Печский университет
Future Risk

Контейнерные железнодорожные перевозки China Railway Express, связывающие Европу и Китай, являются флагманским проектом в рамках китайской инициативы Пояса и пути. Тем не менее технически проект остается слабо проработанным. Из-за низко-

го качества управления и проблем прозрачности логистики даже фактический объём перевезённых контейнеров и товаров является неизвестным. В связи с этим, подвергая эффективность межконтинентальной железнодорожной системы критической оценке, авторы статьи анализируют реальную и возможную пропускную транспортную способность данной системы. Авторы сопоставляют заявления в китайских государственных средствах массовой информации со статистикой Европейского союза и обнаруживают расхождения между количеством поездов, предположительно отправляющихся из Китая, и количеством поездов, прибывающих в Европейский союз. Соответственно, в настоящей статье, с опорой на различные источники и данные по грузовым железнодорожным перевозкам между Китаем и Европой, выявляется фактическое количество перевезённого груза, которое оказалось меньше ожидаемого и декларируемого. Также исследуется политическое содержание проекта железнодорожных грузовых перевозок CR Express в контексте превращения Китая в «транспортную державу». Данное исследование может быть интересным для исследователей и практиков Европейского Союза, России и Центральной Азии, поскольку предлагает материал для оценки реальной необходимости участия в продолжающемся развертывании системы межконтинентальных железнодорожных грузовых перевозок CR Express. При этом авторы предостерегают, что, несмотря на потенциальные экономические выгоды, прежде всего для центральноазиатских государств, инициатива усиливает экономическую и логистическую, инфраструктурную зависимость от Китая. Для Китайской Народной Республики CR Express является геополитическим и геоэкономическим инструментом и способствует консолидации её внешнеполитического влияния.

Ключевые слова: транспортная политика, экономическая география, политическая география, геоэкономическая политика, железнодорожная инфраструктура, контейнерные перевозки, промышленная политика, Евразийская экономическая интеграция, «Экспресс CR», Пояс и путь, транспортная держава

Об авторах:

Петер Бакски – докторант Факультета наук о Земле, Печский университет, Печ, Венгрия? H-7622 Pécs, Vasvári Pál utca 4, Hungary. E-mail: peter.bucsky@gmail.com

Тристан Кендердайн – директор по исследованиям, Future Risk, Алматы, Казахстан. Электронная почта: tristan.leonard@ftrsk.com

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Besharati B., Gansakh G., Liu F.F., Zhang X.M., Xu M. 2017. The Ways to Maintain Sustainable China-Europe Block Train Operation. *Business and Management Studies*. №3. September. 25 p. DOI: 10.11114/bms.v3i3.2490
- Blancas L.C., Ollivier G., Bullock R. 2015. Customer-driven Rail Intermodal Logistics: Unlocking a New Source of Value for China. *China Transport Topics*. №12. P. 1-10.
- Bucsky P. 2018. China – European Union Rail Freight Traffic: Slow Growth Despite Media Spotlight. *Transport Economics and Logistics*. №76. P. 123-142. DOI: 10.26881/etil.2018.76.11
- Bucsky P. 2019. The Iron Silk Road: How Important Is It? *Area Development and Policy*. 5(2). P. 146-166. DOI: 10.1080/23792949.2019.1672571
- Bucsky P., Kenderdine T. 2020. *Ferghana Valley Railway Should Never Be Built*. Middle East Institute. 17 March. URL: https://www.mei.edu/publications/ferghana-valley-railway-should-never-be-built#_edn4

- Huenemann R. 1984. *The Dragon and the Iron Horse – The Economics of Railroads in China 1876-1937*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 366 p.
- Huenemann R. 1993. *Modernizing China's Transport System' in Joint Economic Committee of the United States, China's Economic Dilemmas in the 1990s – The Problems of Reforms, Modernization, and Interdependence*. New York: M.E. Sharpe. P. 455-469.
- Huenemann R. 2001. Are China's Recent Transport Statistics Plausible? *China Economic Review*. 12(4). P. 368-372.
- Hughes N. 2002. *China's Economic Challenge – Smashing the Iron Rice Bowl*. New York: M.E. Sharpe. 256 p.
- Kaldor N. 1970. The Case for Regional Policies. *Scottish Journal of Political Economy*. 17 (3). P. 337-348.
- Kenderdine T. 2017a. China's Industrial Policy, Strategic Emerging Industries, and Space Law. *Asia and the Pacific Policy Studies*. 2 (4). P. 325-342. DOI: 10.1002/app5.177
- Kenderdine T. 2018a. Death of the East Asian Goose and the Rise of China's Geoindustrial Policy. *Journal of Chinese Political Science*. №23. P. 437-453.
- Kenderdine T. 2018b. Kazakh Land, China Capital – Exporting China's Project System to External Geographies. *Central Asian Affairs*. №5. P. 313-341.
- Kenderdine T., Han L. 2018. International Capacity Cooperation – Financing China's Export of Industrial Overcapacity. *Global Policy*. 9(1). P. 41-52. DOI: 10.1111/1758-5899.12509
- Kenderdine T., Lan P.Y. 2019. China's Middle East Investment Policy. *Eurasian Geography and Economics*. №1-2. P. 557-584. DOI: 10.1080/15387216.2019.1573516
- Lam J.S.L., Gu, Y. 2016. A Market-oriented Approach for Intermodal Network Optimisation Meeting Cost, Time and Environmental Requirements. *International Journal of Production Economics*. №171. P. 266-274. DOI: 10.1016/j.ijpe.2015.09.024
- Lippit V.D. 1966. Development of Transportation in Communist China. *The China Quarterly*. №27. P. 101-119.
- Liu B., Lee S., Xiao J., Wang L., & Jiao Z. (Ed.). 2013. *Contemporary Logistics in China*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. 108 p.
- Myrdal G. 1954. *The Political Element in the Development of Economic Theory*. Cambridge Mass.: Harvard University Press. 248 p.
- O'Hara P.A. 2008. Principle of Circular and Cumulative Causation: Fusing Myrdalian and Kaldorian Growth and Development Dynamics. *Journal of Economic Issues*. 42(2). P. 375-387.
- Schumpeter J.A. 1942. *Capitalism, Socialism, and Democracy* (3rd ed., 2008). Harper Perennial Modern Thought, New York: Thomas K. McKraw. 460 p.
- Wang C., Ducruet C. 2013. Transport Corridors and Regional Balance in China: The Case of Coal Trade and Logistics. *Journal of Transport Geography*. №40. P. 3-16.
- Wang J.E., Jing Y., Wang C.J. 2017. Study on Better Organization of China – Europe Express Train. *Bulletin of Chinese Academy of Sciences*. 32(4). P. 370-376.
- Wang K., Xia W., Zhang A. 2017. Should China Further Expand its High-speed Rail Network? Consider the Low-cost Carrier Factor. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. №100. P. 105-120. DOI: 10.1016/j.TRA.2017.04.010
- Wei H., Sheng Z., Lee P. T.-W. 2017. The Role of Dry Port in Hub-and-spoke Network under Belt and Road Initiative. *Maritime Policy & Management*. 45(3). P. 1-18. DOI: 10.1080/03088839.2017.1396505
- Wu J., Nash C., Wang D. 2014. Is High Speed Rail an Appropriate Solution to China's Rail Capacity Problems? *Journal of Transport Geography*. №40. P. 100-111. DOI: 10.1016/J.JTRANGE.2014.05.004

Zhao L., Zhao Y., Hu Q., Li H., Stoete, J. 2017. Evaluation of Consolidation Center Cargo Capacity and Locations for China Railway Express. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. №107. P. 58-81. DOI: 10.1016/j.tre.2017.09.007



Долгосрочные тренды социально-экономического развития арабских стран

В.А. Мельянцеv

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

В статье проанализирован ряд важнейших тенденций, пропорций и факторов экономического и социального развития арабских стран за последние четыре десятилетия, ассоциируемых с современным этапом глобализации, на фоне других стран и более глубокой ретроспективы. Выявлены масштабы конвергенции, а также дивергенции арабских стран по уровням технологического, экономического и социального развития от ведущих регионов и стран развивающегося мира и экономически продвинутых государств. Установлено, что при всей немалой дифференциации, существующей внутри арабского мира, для него в целом в 1980-2010-е гг., в отличие от ряда других стран и регионов Востока и Юга, характерно существенное замедление динамики подушевого ВВП, совокупной факторной производительности, индекса человеческого развития и расширенного индекса развития.

Эти тенденции определяются не только и не столько высокими темпами роста численности населения, сколько ограниченным характером экономических и институциональных реформ, влияющих на степень диверсификации структур производства и экспорта, долю инвестиций в физический и человеческий капитал в ВВП, качество рабочей силы. При этом, как свидетельствуют новые данные, уровень неравенства по распределению доходов и ряду других измерений в арабском мире – один из наиболее высоких в мире. Эти и ряд других, в т.ч. геополитических, факторов, увеличение в регионе высокой доли т.н. «недееспособных государств» обусловили в нём рост социально-политической напряжённости, сопоставимый, а возможно и превышающий уровень десятилетней давности, когда возник феномен «арабской весны».

В условиях пандемии и глобального кризиса экономическая и социальная ситуация в ряде арабских стран, как показано в статье, явно осложняется. Чтобы ослабить напряжённость в регионе и – в средне-долгосрочной перспективе – перейти к более динамичному и устойчивому развитию, полезно, как это и практикуется в ряде экономически продвинутых и развивающихся стран, осуществить ряд реформ, в т.ч. по смягчению неравенства, что одновременно будет способствовать повышению покупательной способности населения и расширению внутренних рынков. Кроме того, весьма актуально обеспечить предпринимателям, диверсифицирующим производство, наращивающим экспорт готовых изделий и создающим критически важные для общества рабочие места, намного более благоприятный инвестиционный климат.

УДК: 339.97

Поступила в редакцию: 15.05.2020 г.

Принята к публикации: 20.08.2020 г.

Ключевые слова: арабские страны, тренды и модели роста, производительность, индексы развития, конвергенция и дивергенция, институты, неравенство и безработица, эффективность правительства, инвестиционный климат

Новые вызовы и испытания, с которыми сталкивается сейчас, во время весьма глубокого двойного-тройного мирового кризиса глобальное сообщество, заставляет задуматься над рядом вопросов:

(1) Насколько в последние десятилетия весом и устойчив был прогресс в важнейших регионах мира?

(2) Почему, несмотря на резкое углубление МРТ, НТП, демонстрационный эффект развитых государств (РГ), немалые ресурсные возможности ряда развивающихся, в т.ч. арабских стран (АС), о которых пойдёт речь ниже, подавляющему большинству из них так и не удалось встать на путь современного (интенсивного) экономического роста (СЭР), о возможности распространения которого на весь мир много писал основоположник теории СЭР лауреат Нобелевской премии по экономике С. Кузнец (Kuznets 1966)?

(3) Приближаемся ли мы, о чём предупреждал пару десятилетий тому назад американский социолог и философ И. Валлерстайн, к концу знакомого мира (Валлерстайн 2004), или он (мир), меняясь, остаётся, *по сути*, тем же¹ – временно благосклонным и улыбчивым для не совсем устойчивой группы фаворитов удачи и достаточно жёстким для неудачников и всех остальных?

Тенденции, модели и факторы роста

Хотя арабский мир (АМ)² примерно тысячу лет назад в целом существенно обгонял страны Запада по ряду значимых параметров культурно-инновационного, торгово-финансового и экономического развития (по подушевому ВВП (ПВВП), индексу человеческого развития (ИЧР; см. рис. 1-3), уровню урбанизации – не менее чем в полтора – два раза (Ghanem, Baten 2016: 209; Мельянцева 1996: 59; Мельянцева 2014: 125-127)), он впоследствии в целом значительно отстал от последних.

¹ Здесь немного перефразирована французская пословица: *plus ça change, plus c'est la même chose*.

² Арабский мир – это, напомним, 22 страны, входящие в Лигу арабских государств, на которые, по данным Всемирного банка, по состоянию на 2018 г. приходилось примерно 5,5% численности населения мира и 4,8% его ВВП в ППС 2018 г. Хотя АС сближают многие общие черты их социально-культурной, исторической и этно-религиозной идентичности, они сильно дифференцированы по многим характеристикам, в т.ч. по наделённости природными, прежде всего, углеводородными, ресурсами, и во многом в силу этого – уровням подушевого ВВП (ПВВП) и ряду структурных параметров их экономик. Если в среднем между РГ и развивающимися странами (РС) разрыв по ПВВП не превышает пятикратной величины, то внутри АМ он, как минимум, в шесть раз больше: в Катаре – примерно 97 тыс. долл., по Коморам – 3 тыс. долл. (по Сомали, по которому надёжных данных в ППС нет, рассматриваемый индикатор, возможно, ещё меньше). Более подробно о дифференциации АС см., например: (Стоклицкий, Фридман, Андрукович 1985; Мельянцева, Бочарова 2020а).

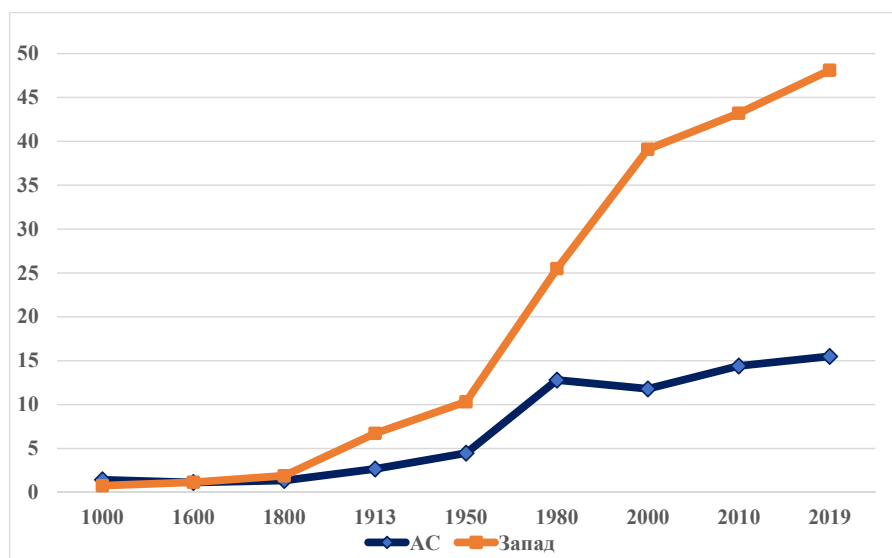


Рис. 1. Динамика подушевого ВВП в целом по странам арабского мира и странам Запада³ в 1000-2019 гг., тыс. долл., в ППС 2011 г.⁴

Fig 1. Dynamics of per capita GDP for the Arab World and the West in 1000-2019, thousand dollars, at 2011 PPP

Несмотря на массу публикаций, чёткого, исчерпывающего объяснения, почему случилась эта колоссальная геополитическая и экономическая метаморфоза, как представляется, нет. Но среди наиболее существенных её причин эксперты часто называют возросший во многих регионах АМ примерно с XI в. н.э. уровень общественно-политической нестабильности, феномен слабой защищённости в них прав собственности, да и самой жизни человека, длительный период османского и европейского колониального господства, а также сформировавшийся в этих условиях институциональный консерватизм (см. Ланда 2005; Issawi 1989; Kuran 2004; Kuran 2018; Blaydes, Chaney 2013; Rubin 2017).

Что касается стран Запада, то им, разместившимся в основном на полупериферии Евразии, во многом избежав, таким образом, наиболее жестоких, многократно повторявшихся вторжений огромных масс кочевников, по существу, повезло. И хотя в позднее Средневековье и Новое время в Западной Европе было много шоков и кризисов, относительный масштаб общественно-политической нестабильности был сравнительно ниже, чем в АМ, а относительно высокая, но

³ АС – арабские страны, Запад – страны Западной Европы, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия.

⁴ Рис. 1-4 рассчитаны автором по: Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org>. (accessed 25.10.2020); UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org>. (accessed 25.10.2020); IMF Data. URL: <http://imf.org/external/data.htm>. (accessed 25.10.2020); UNDP. Data. URL: <http://hdr.undp.org>. (accessed 25.10.2020); (Maddison 2003: 186-187, 218-223; Maddison 2007: 58, 176, 185, 382; Ghanem, Baten 2016: 229, 234; Pamuk 2006: 815-816; Мельянцев 1996: 61, 145, 202; Мельянцев 2003: 68; Мельянцев 2015: 13).

не запределная конкуренция внутри и между европейскими сообществами, весьма похоже, оказалась на уровне, необходимом и достаточном для формирования полезных для развития конкурентно-контрактных буржуазных институтов и взаимосвязанных с ними промышленных, а впоследствии – постиндустриальных технологий производства, средств коммуникаций и торгово-финансовых отношений (см., в частности: Мельянцеv 1996; Уваров 2012).

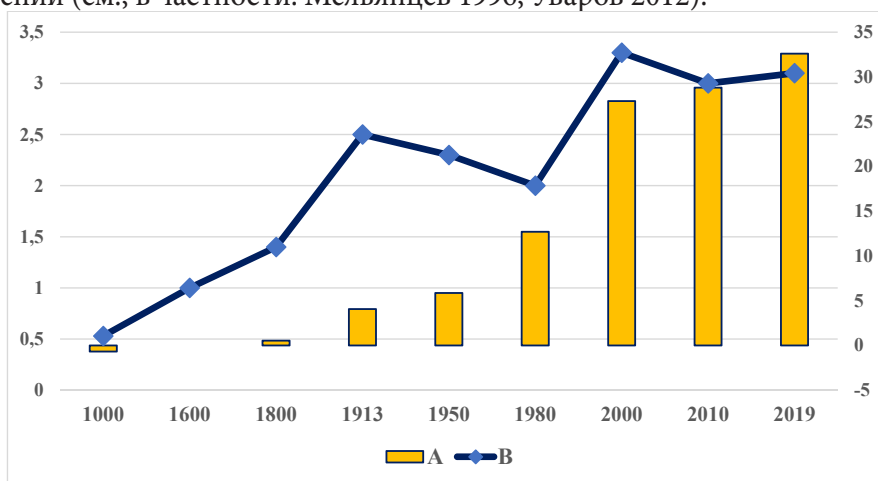


Рис. 2. Динамика абсолютного (А) и относительного (В) разрывов⁵ по подушевому ВВП (ПВВП) в целом между странами Запада и арабскими странами (АС)
Fig 2. Dynamics of absolute (A) and relative (B) gaps in per capita GDP between the West and the Arab World

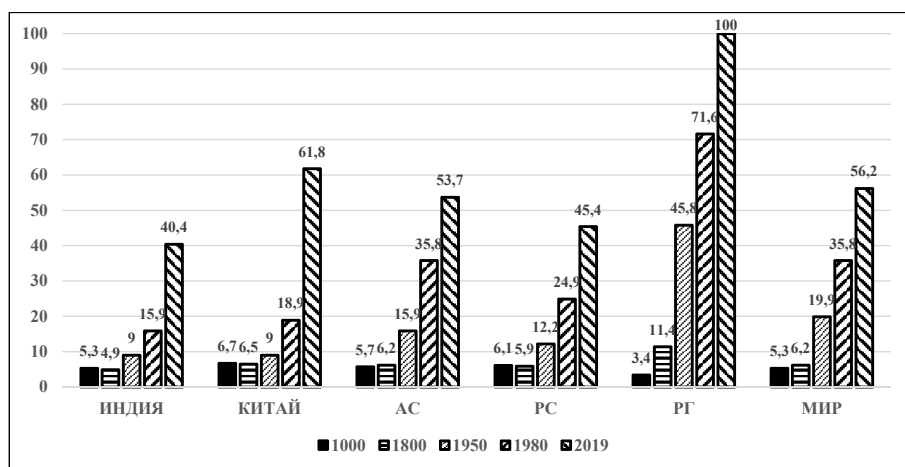


Рис. 3. The dynamics of the human development index (HDI) in a number of now developing countries (DCS) and now developed states (DS), DS in 2019=100.

⁵ Относительный разрыв (левая шкала) – кратное от деления показателя по странам Запада на средний показатель по арабским странам. Абсолютный разрыв (правая шкала) измерен в тыс. долл. США по ППС 2011 г.

В результате страны Запада, вполне возможно сравнявшись в целом с АМ по ПВВП к началу/в первой половине XVIIв.⁶, к 1800 г. и 1950 гг. перегнали его по рассматриваемому показателю, соответственно, примерно на 2/5 и в 2,3 раза, а по ИЧР, что свидетельствует о большем превосходстве в человеческом капитале, – на 4/5 и почти втрое. Но при этом, подчеркнём, отставание АМ от РГ (по ПВВП и ИЧР) к 1950 г., было в среднем, хотя и намного большим, чем в целом по Латинской Америке (ЛА), но меньше, чем, например, по странам Африки южнее Сахары (АЮС), Индии и Китаю⁷. Это говорит о том, что стартовые условия для более или менее успешного запуска механизма экономического роста у АС вскоре после освобождения от колониальной и полуколониальной зависимости были не самые плохие.

Однако после ускорения роста ПВВП в АС в первые десятилетия после Второй мировой войны (среднегодовой темп прироста (СГТП) вырос примерно втрое – с 1,0-1,2% в 1913-1950 гг. до 3,5-3,6% в 1950-1980 гг.), обусловленного деколонизацией, началом проведения относительно самостоятельной экономической политики и, что весьма немаловажно, резким улучшением бартерных условий внешней торговли в результате повышения цен на углеводородное сырьё в 1970-е гг., в дальнейшем в них в целом сильно замедлилась динамика ПВВП, по средним темпам прироста которого они в *долгосрочном плане* оказались среди аутсайдеров мирового сообщества.

СГТП ВВП в целом по АС сократился в шесть-семь раз – с 3,5-3,6% в 1950-1980 гг. до 0,5-0,6% в 1980-2019 гг.⁸, что по своим масштабам беспрецедентно для крупных регионов развивающихся стран (РС). Заметим, торможение роста рассматриваемого показателя было свойственно отнюдь не всем странам и регионам РС. Если в целом по АЮС и ЛА, как, впрочем, и по РГ, СГТП ПВВП уменьшился соответственно в 3,3-3,5 раза (с 1,5-1,6 до 0,4-0,5%), 3,0-3,2 (с 2,5-2,6% до 0,8-0,9%) и 1,5-1,7 раза (с 3,2-3,3 до 1,5-1,7%), то, например, в Китае и Индии, ко-

⁶ По военно-технологическому, а также институционально-организационному уровням развития – а они на протяжении многих веков, да и сейчас являются архиважными в плане обеспечения общей конкурентоспособности государств – страны Запада (точнее, Западной и – в немалой мере – Восточной Европы), отразив нашествия Османов в XVI-XVII вв. (в т.ч. в битвах при Венах 1529 и 1683 гг. и Лепанто 1571 г.), стали постепенно обгонять последних (см.: Hoffman 2015: 20-22, 58, 98, 136, 151-152; Karaman, Pamuk 2010: 608, 612, 614; Bairoch 1997: 597; Findlay, O'Rourke 2007: 114, 357; Broadberry, Guan, Li 2018: 989; Goldstone 2009: 112, 117-118, 137; Morris 2010; Abu-Lughod 1989: 20; Acemoglu, Johnson, Robinson 2005; Мельянцева 1996: 96).

⁷ Рассчитано автором по данным и источникам к рис. 1-3.

⁸ Имеющаяся статистика о росте ПВВП АС оставляет желать лучшего (см. наши корректировки по Египту за 2010-е гг. в Мельянцева, Бочарова 2020а: 9). Но, поскольку, ввиду отсутствия ряда необходимых данных, произвести по более чем двум десяткам АС взвешенно и справедливо верификацию официальных показателей оказалось затруднительно, пришлось использовать их как таковые, тем более что цель была выявить общий тренд. По нашим расчётам, базирующимся в основном на материалах Всемирного банка, ЮНКТАД, Э. Мэддисона, СГТП ПВВП сократился, например, в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) с 6,1-6,3% в 1950-1980 гг. до (-) 1,4-1,6% в 1980-2018/2019 гг., в Ливии соответственно – с 8-10% до (-) 4-5%, в ОАЭ – с 1,8-2,0 до (-) 2,6-2,8%, в Йемене – с 3,0-3,2 до (-) 1,8-2,2%, Сирии – с 3,3-3,5 до (-) 0,7-1,5%, в Омане с 6,5-6,6 до 1,1-1,3%, в Ливане и Иордании – с 1,2-1,3 и 3,2-3,4% до 0,2-0,3%, в Мавритании – с 2,5-2,7 до 0,4-0,8%, в Египте – с 2,7-2,9 до 2,3-2,5%, в Тунисе, Алжире и Марокко (в 1960-1980 гг.) – с 4,0-4,2%, 3,0-3,2 и 2,8-3,0% до соответственно 2,0-2,2%, 0,7-0,8 и 2,3-2,5% (рассчитано автором по источникам к рис. 1, а также: Мельянцева 1984: 17).

торые в 1980-2010-е гг. осуществили серию, несомненно, более глубоких и прагматичных реформ, чем многие другие страны мира, он вырос соответственно в 2,3-2,5 раза (с 2,6-2,7 до 6,1-6,3%) и 3,7-3,8 раза (с 1,1-1,3 до 4,4-4,6%; см. рис. 4).

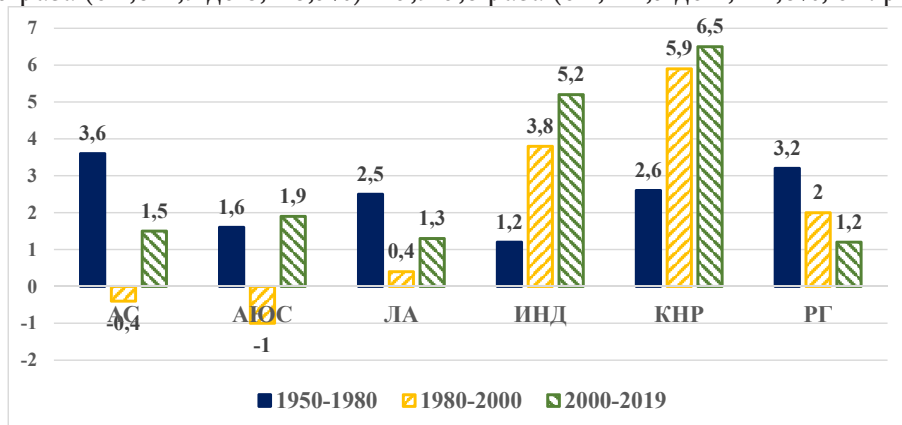


Рис. 4. Среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП в важнейших регионах и странах развивающегося мира и развитых государствах⁹, 1950-2019 гг., %
Fig. 4. The average annual growth rate of per capita GDP in the most important regions and countries of the developing world and developed countries, 1950-2019, %

Если в 1950-1980 гг. относительный разрыв между РГ и АС по ПВДП в ППС 2011 г. сократился с 2,3 до двукратного¹⁰ (но абсолютный разрыв вырос в 2,2 раза), а по ИЧР – с 2,9 до 2, то в 1980-2019 гг. он по первому показателю увеличился более чем в полтора раза – до 3,1 (абсолютный разрыв вырос в 2,6 раза), в то время как по ИЧР он практически не изменился¹¹, несмотря на ряд успехов АС в развитии образования и здравоохранения (см. Мельянцев, Бочарова 2020а; Мельянцев, Бочарова 2020b).

Среди основных причин такого резкого торможения роста ПВДП в АС можно назвать в целом существенное ухудшение экономической конъюнктуры и инвестиционного климата, вызванное – в тенденции – снижением с 1980 г. динамики *индекса чистых бартерных условий внешней торговли* и более чем *двукратным* в последние два десятилетия падением в среднем по АС *индекса политической стабильности (ИПС)*¹². Во второй половине 2010-х гг. ИПС в среднем по АС оказался соответственно в три и пять раз ниже, чем в целом по другим РС и РГ. Заметим, что в целом по АС за последние три-четыре десятилетия парные коэффициенты корреляции Пирсона динамики каждого из двух

⁹ АС – арабские страны, АЮС – Африка южнее Сахары, ЛА – Латинская Америка, РГ – развитые государства.

¹⁰ Средний относительный разрыв по ПВДП в ППС 2011 г. между АС и РГ в 1980 г. был в четыре-пять раз меньше, чем в среднем между РС (без АС) и РГ, так как для стран, входящих в ССАГПЗ, их ПВДП, возросший в результате гигантского роста доходов от экспорта углеводородного сырья, был тогда многократно выше, чем в РГ.

¹¹ Рассчитано по данным и источникам к рис. 1-4.

¹² Если по странам, входящим в ССАГПЗ, ИПС уменьшился на треть, то в таких государствах, как Египет, Ирак, Йемен, Тунис, Сирия, Ливан, Ливия и Иордания, он сократился в среднем в четыре раза.

рассмотренных факторов с динамикой ВВП были весьма существенными ($R \sim (+)0,8-0,9$) и значимыми ($p < 0,1$)¹³.

Кроме того, сохраняющиеся в АС высокие темпы демографического роста и весьма слабо диверсифицированная структура экспорта, как представляется, негативно сказываются на устойчивости и динамике роста вложений в физический и человеческий капитал, экспорта товаров и среднедушевых доходов (см.: Мельянцев 2014: 130-131). На основе нижеприведённой малоразмерной модели установлено, что 9-10-кратное отставание АС по СГТП ПВВП от быстрорастущих исполинов РС – Китая и Индии – в 1980-2018/2019 гг. определялось соответственно примерно на 1/7 и 6/7 в целом вдвое более высокими в АС по сравнению с вышеупомянутыми двумя странами *темпами прироста численности их населения* (2,5%:1,3%) и более чем в четыре раза более низкой *долей готовых изделий в товарном экспорте* АС по сравнению с Китаем и Индией (в среднем, 17%: 72%)¹⁴.

$$GR(Y/P)_i = -0,54 * GR(P)_i + 0,075 * mX_i, \\ (p = 0,063) (p = 3,9E-05)$$

$$F\text{-StatProb.} = 0,000; R^2\text{adj} = 0,78; N = 10.$$

Примечания.

1. $GR(Y/P)_i$ и $GR(P)_i$ – среднегодовые темпы прироста ВВП в расчёте на душу населения и численности населения i -й страны (региона) в %, mX_i – средняя за рассматриваемый период доля готовых изделий в товарном экспорте i -й страны (региона) в %.

2. Параметры пилотной модели, рассчитанной по двум периодам (1980-2000 и 2000-2019 гг.) по основным регионам и крупнейшим РС (АС, АЮС, ЛА, Китай и Индия), значимы на достаточно высоком уровне. Вариации двух регрессоров объясняют почти 4/5 вариаций зависимой переменной¹⁵.

Согласно имеющимся данным, АС в 1980-2018 гг. в среднем примерно в семь и десять раз отставали соответственно от РГ и в целом от РС по СГТП *производительности труда* (ПТ; 0,2-0,3% vs 1,3-1,5 и 2,4-2,6%). Если и в РГ и РС вклад ПТ в прирост ВВП достигал 3/5, то в среднем по АС примерно 1/10¹⁶. Несмотря на то, что свыше четверти АС – богатые экспортёры углеводородов, средняя ПТ по АС в 2018 г. была втрое ниже, чем в РГ, что, согласно расчётам по модели, приведённой ниже, определялось соответственно примерно на 2/5, 1/5 и свыше

¹³ Рассчитано автором по пятилетним значениям исследуемых показателей (см.: Мельянцев, Бочарова 2020а: 9-11).

¹⁴ По доле готовых изделий в товарном экспорте АС сильно дифференцированы. В 2018 г. показатель, достигавший 70-80% в Марокко и Тунисе и 51-52% в Египте, составлял всего 16-17% в КСА и 4-5% в Алжире. А средний по АМ индикатор (17%) был ниже, чем по АЮС (22-23%) и намного ниже, чем по ЛА (47%), Южной Азии (ЮАЗ, 70%) и РС Восточной Азии (ВАЗ, 85-86%). Составлено автором по источникам к рис. 1.

¹⁵ Рассчитано по источникам к рис. 1.

¹⁶ Рассчитано автором по источникам к рис. 1, а также: The World Bank. World Development Indicators, 2003. Washington, D.C., 2003. Р. 44. Справедливости ради подчеркнём, что СГТП ПТ в АС, составлявший в 1980-2000 гг., когда, заметим, их индекс чистых бартерных условий внешней торговли (ИЧБУВТ) сократился на треть, (-) 0,7-0,9%, затем в 2000-2017/2018 гг., когда ИЧБУВТ увеличился в полтора раза, вырос до 0,9-1,0% и обеспечил таким образом до ¼ (что все равно сравнительно мало) прироста ВВП АС.

2/5 существенно более низкими у первых значениями *индексов технологической сложности их экспорта, соблюдения принципов верховенства закона и качества* (здесь - числа лет обучения) рабочей силы.

$$(GDP/E)_i = 11,6 * Complexity_i + 23,8 * ROl_i + 3,4 * ED_i$$

$$(p=0,004) (p = 0,10) (p = 0,005)$$

$$F\text{-StatProb.} = 4,9E-20; R^2_{adj} = 0,85; N = 47.$$

Примечания.

1. $(GDP/E)_i$ – ВВП в расчёте на одного занятого в i -й стране в 2018 г. в тыс. долл. в ППС 2017 г., $Complexity_i$ – индекс технологической сложности экспорта Рикардо Хаусманна, ROl_i – индекс реализации принципов верховенства законов, ED_i – число лет обучения взрослого населения.

2. Все данные – по 47 крупным и средним странам мира за 2018 г., на которые приходилось около 90% мирового ВВП. 3. Параметры модели значимы на достаточно высоком уровне. Вариации трёх регрессоров объясняют свыше 4/5 вариаций зависимой переменной¹⁷.

Поясняя сказанное, стоит подчеркнуть, что показатели технологической сложности экспорта – и по бедным, и по среднедоходным и богатым экспортёрам нефти – АС оказались, как правило, ниже тренда, сгенерированного (по 47 РС и РГ) в зависимости от уровня ПБВВП (см. рис.5).

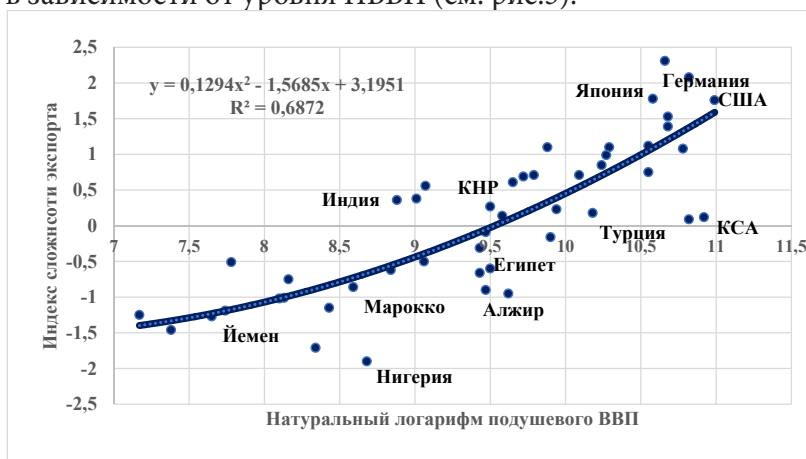


Рис. 5. Взаимосвязь уровня подушевого ВВП и индекса сложности экспорта¹⁸, 2018 г.

Fig. 5. The relationship between the level of per capita GDP and the index of export complexity, 2018

¹⁷ Рассчитано автором по источникам к рис. 1; Country Complexity Rankings. URL: <http://atlas.cid.harvard.edu/rankings/2017?country=> (accessed 26.10.2020); The World Bank. World Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home> (accessed 25.10.2020).

¹⁸ Индекс технологической сложности экспорта Рикардо Хаусманна изменяется от (-)2,5 до (+) 2,5. Подушевой ВВП – в долл., ППС 2011 г. Рассчитано автором по: Country Complexity Rankings. URL: <http://atlas.cid.harvard>.

Это, помимо прочего, определялось их сравнительно невысокими показателями долей обрабатывающей промышленности¹⁹ и валовых капиталовложений в ВВП (см. рис. 6)²⁰, удельных расходов на НИОКР в ВВП²¹ и инновационного развития²². При этом доля высокотехнологичных товаров в экспорте готовых изделий АС в 2018 г. не превышала средний индикатор по АЮС (4-5%) и была меньше соответственно вдвое, втрое и в семь раз, чем в целом по странам ЮАЗ (8-9%), ЛА (14-15%) и РС ВА3 (32%)²³.

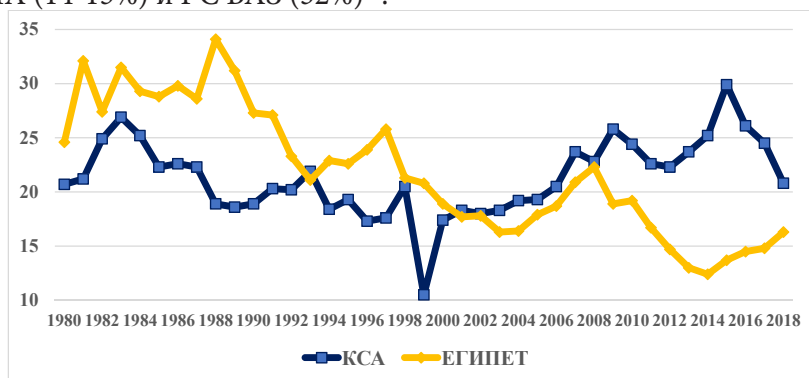


Рис. 6. Египет и Королевство Саудовская Аравия (КСА): динамика доли валовых капиталовложений в ВВП, 1980-2018 гг., %²⁴

Pic. 6. Egypt and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA): dynamics of the share of gross investment in GDP, 1980-2018, %

В 1980-2010-е гг. АС в целом добились заметных успехов в развитии образования. В частности, *охват молодёжи обучением в высшей школе* повысился в среднем более чем втрое – примерно до трети (в Египте и Марокко 33-36%, в Мавритании, Судане и Йемене 4-6%, в КСА уже 66-68%), что соответственно на 2/5 и в четыре раза больше, чем ЮАЗ и АЮС, но на 1/5 и 1/3 меньше, чем по

edu/rankings/2017?country= (accessed 25.10.2020); Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org>. (accessed 25.10.2020).

¹⁹ В 2015-2018 гг. доля добавленной стоимости, созданной в обрабатывающей промышленности, в ВВП АС (в среднем 13-14%) была на треть меньше, чем в целом по другим РС (ДРС), что прежде всего определялось высокими значениями по РС ВА3 (27-28%), доля которых в ВВП РС в 2018 г. превышала 42%.

²⁰ Доля валовых капиталовложений в ВВП сократилась в 1980-2018 гг. в целом по АС с 24-25% до 21-22%, а также в странах ЛА – с 22-23% до 17-18% и АЮС – с 23 до 20%, но выросла в ЮАЗ – с 19-20 до 28% и РС ВА3 – с 28-29 до 39-40%. Невысокая доля капложений в ВВП АС в немалой мере объясняется значительным удельным весом текущего госпотребления (ГП) в ВВП, достигавшим в 2010-е гг. почти 1/5 ВВП, что на 2/5 выше, чем в среднем по другим регионам РС. В ГП АС – много непродуктивных, в т.ч. военных расходов, доля которых в их ВВП (в среднем 6%), более чем втрое превышает показатель по другим РС (1,8-1,9% ВВП). Составлено и рассчитано автором по источникам к рис. 1.

²¹ Во второй половине 2010-х гг. этот индикатор в среднем по АС (0,6% ВВП) был в 2,5 раза ниже, чем в среднем по ДРС (Составлено и рассчитано автором по источникам к рис. 1).

²² При всех немалых различиях между богатыми, среднедоходными и бедными АС, они в целом, если усреднить их значения, в конце 2010-х гг. по глобальному инновационному индексу располагались ближе к нижней трети ранжированного ряда 126 стран мира (Рассчитано автором по: Cornell University, INSEAD, and WIPO. Global Innovation Index 2018. Geneva, 2018. P. XX-XXI).

²³ Хотя по Марокко и Тунису показатель достигал соответственно 4 и 7,4%, в Египте, КСА и Алжире он составлял всего 0,6-0,9 %. Составлено и рассчитано автором по источникам к рис. 1.

²⁴ Составлено и рассчитано автором по источникам к рис. 1.

РС ВА3 и ЛА²⁵. Хотя в целом по АС *среднее число лет обучения взрослого населения*²⁶, по нашим расчётам и оценкам, существенно выросло (с 1,6 года в 1950 г. до четырёх лет в 1980 г., 6,5 лет в 2000 и девять лет в 2018 г.) и в 2018 г. оказалось выше, чем в целом по АЮС и Индии (соответственно 6,9 и 8,5 лет), оно заметно ниже, чем в ЛА и КНР (10,7 и 11,2 года) и намного ниже, чем в новых индустриальных странах (НИС) и РГ (17-18 лет)²⁷.

Показатели числа лет обучения взрослого населения²⁸ – и по бедным, и по среднедоходным и богатым нефтеэкспортирующим – АС оказались в целом ниже тренда, сгенерированного (по 47 РС и РГ) в зависимости от уровня ПВВП (см. рис. 7). К тому же *по ряду качественных характеристик образования*, полученных на основе имеющихся данных тестирования по программам PISA (2015 г.), группа среднедоходных и богатых АС (Иордания, Тунис, Алжир, ОАЭ, Катар; 347 баллов) значительно отставала не только от РГ (508), но и от группы других среднедоходных РС (Мексика, Турция, КНР, Вьетнам; 464 балла)²⁹.

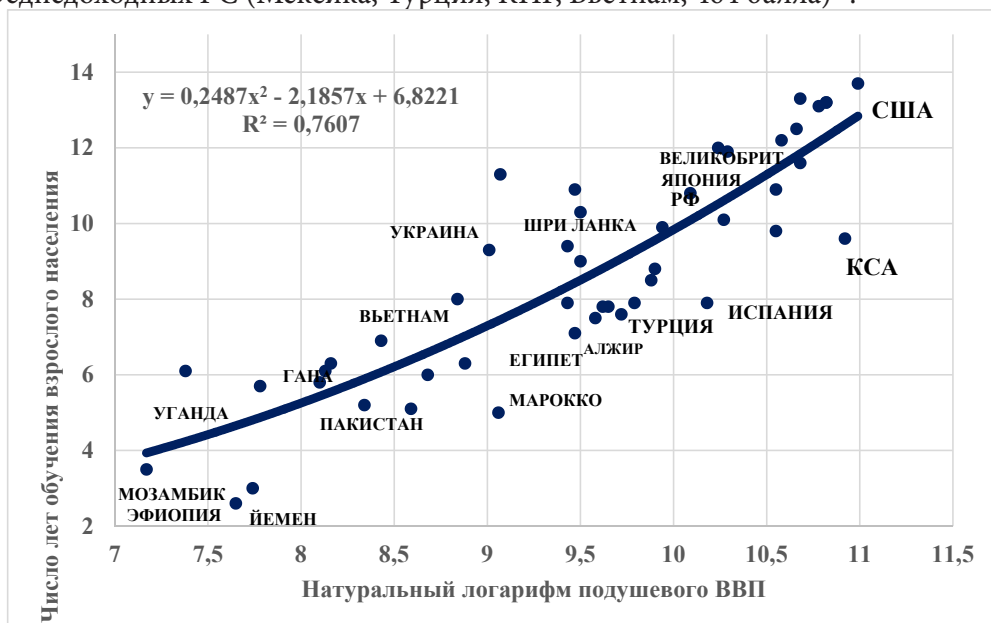


Рис. 7. Взаимосвязь уровня подушевого ВВП и числа лет обучения взрослого населения, 2018 г.

Pic. 7. The relationship between the level of per capita GDP and the number of years of education of the adult population, 2018³⁰

²⁵ Рассчитано автором по источникам к рис. 1.

²⁶ Редуцированные в годах начального образования.

²⁷ Рассчитано автором по источникам к рис.1.

²⁸ Данные по 47 странам мира, не по всем из которых удалось сделать корректировки, здесь представлены без редукиции на качество.

²⁹ Рассчитано автором по: UNDP. Human Development Indices and Indicators. New York, 2018. P. 81-82.

³⁰ Число лет обучения (без редукиции на качество). Подушевой ВВП – в долл., ППС 2011 г. Составлено и рассчитано автором по источникам к рис. 1.

Судя по данным ПРООН, в 2016-2017 гг. *доля взрослого населения с полным и неполным средним образованием* в целом по АС (50-51%³¹) была выше только, чем в АЮС (33-35%). Она равнялась показателю по ЮАЗ, но была заметно ниже, чем в ЛА (59-60%), РС ВАЗ (70-72%), в регионе Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА, 81-82%) и РГ (88-90%)³². Что касается *доли естественно-научных и инженерных факультетов университетов и колледжей в общем числе выпускников*, то она, по имеющимся данным, в целом по АС в первой половине 2010-х гг. составляла всего четверть и была на треть меньше, чем по азиатским НИС³³.

По расчётам Всемирного экономического форума (ВЭФ), *средний уровень IQ* в целом по АС в первой половине 2010-х гг. (82 единицы; в странах ССАГПЗ – 83,6, в других АС – 81,2) был существенно выше, чем в бедных РС (75,4), но намного ниже, чем в среднем по странам БРИКС (88,5), РГ (100) и азиатским НИС (106). Также подчеркнём, что *доля рабочей силы, имеющей высшее образование*, в целом по АС (12-13%; в странах ССАГПЗ 16-17%, в среднем по другим АС – 10-11%) намного больше, чем в бедных и беднейших РС (4-7%), но уступает индикатору по странам БРИКС (в среднем 15-17%) и значительно меньше, чем в НИС (31-33%) и РГ (34-36%)³⁴.

Экономическая и социальная эффективность развития

Вышеперечисленные факторы, а также в целом невысокий уровень качества инвестиционного климата и институтов³⁵ в АС (см. рис. 8), обусловили то, что СГТП *совокупной факторной производительности* (СФП) в них в 1980-2010-е гг. в целом (0,1-0,2%) оказался ниже, чем по ряду других РС (в АЮС 0,2-0,3%, в ЛА 0,2-0,4, в КНР 1,8-2,0, в Индии 2,1-2,3, в НИС 2,3-2,5%³⁶).

³¹ В АС рассматриваемый индикатор, как и многие другие, сильно варьировал во многом в зависимости от уровня развития. Он в среднем за обозначенный период достигал в Иордании 83-85%, в Египте, Омане, ОАЭ, Катаре и КСА 64-73%, в Кувейте, Тунисе, Ливане и Ливии 51-57%, в Сирии и Ираке 41-48%, в Марокко и Алжире 31-38%, в Судане, Мавритании и Йемене – 17-27%.

³² Составлено автором по: UNDP. Human Development Indices and Indicators. Nyu York, 2018. P. 52-55.

³³ Рассчитано автором по: UNESCO. Science Report: Towards 2030. Paris, 2015. P. 441.

³⁴ Рассчитано по: The WEF. The Human Capital Report. Geneva, 2013. P. 54-537.

³⁵ Хотя, например, по ряду характеристик *индексов экономической свободы, развития предпринимательства, лёгкости ведения бизнеса и качеству общественных институтов* (по версии ВЭФ) АС, при всей немалой дифференциации, существующей между ними, за последние сорок лет существенно продвинулись вперёд, в целом АМ по рассматриваемым показателям, если усреднить данные по двум с лишним десяткам входящим в него странам, в конце 2010-х гг. находился в нижней (или ближе к нижней) трети ранжированного ряда стран мира (см.: Мельянцев, Бочарова 2020b).

³⁶ При этом в АМ наблюдалась значительная дифференциация по СГТП СФП. В 2000-2016/2018 гг. рассматриваемый показатель, например, по КСА составлял (-) 1,1%, по Алжиру и Египту 0,5-0,6%, по Марокко и Тунису 0,9% и 1,3% (см.: Мельянцев, Бочарова 2020а: 12).

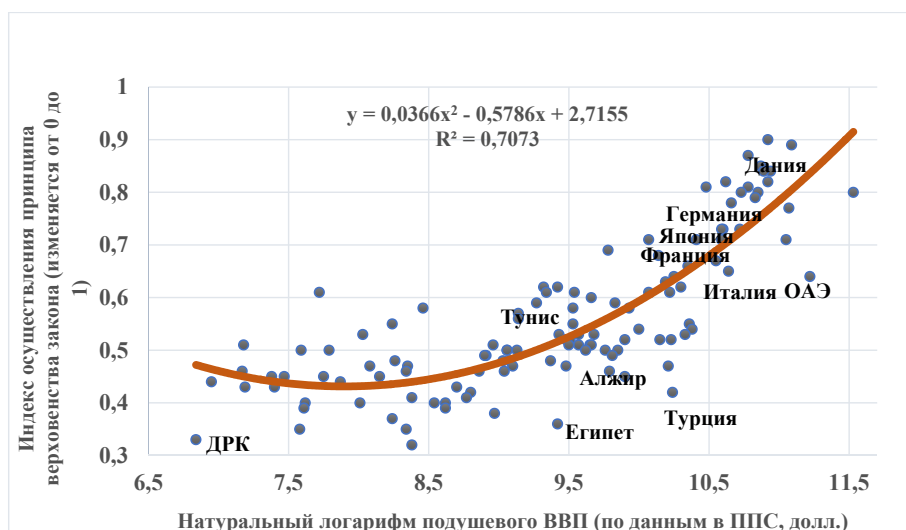


Рис. 8. Взаимосвязь индекса верховенства закона (2019 г.) и подушевого ВВП (2018 г., натуральный логарифм, в ППС, долл.)³⁷.

Pic. 9. The relationship between the index of the rule of law (2019) and per capita GDP (2018, the natural logarithm, in PPP, dollars).

Подчеркнём, далеко не у всех РС рост ВВП в существенной мере зависит от вклада СФП: в среднем по РС его доля в приросте ВВП в 2000-2018 гг. составляла, по нашим расчётам, 26-28%. В силу ряда причин в целом по РГ рассматриваемый показатель снизился (см.: Мельянцев 2017). Но, при всех немалых различиях в этой группе стран, остаётся относительно высоким (в 1950-1980 и 1980-2000 гг. 54-56%, в 2000-2018 гг. 32-34%). В целом по АС вклад СФП в прирост ВВП в тенденции сократился весьма резко (соответственно с 28-30% до (-)3-5% и 7-8%). В среднем за последние без малого два десятилетия он был меньше вдвое, чем в целом по АЮС и ЛА (15-18%), втрое-вчетверо, чем в КНР и Индии (22-29%), и в пять - шесть раз, чем в азиатских НИС (40-50%).

Вместе с тем рассматриваемый показатель существенно варьировался в разных странах АМ. В частности, в последние полтора-два десятилетия он составлял в Египте 12-14%, в Марокко 20-22%, в Тунисе 38-40%, в то время как в КСА (-)30-32%³⁸. Богатая углеводородами страна могла себе «позволить» (правда, как мы сейчас понимаем, не навсегда) расти неэффективно: совокупные затраты труда и капитала увеличивались быстрее, чем её ВВП.

По нашим расчётам, в отличие от НИС Китая и Индии, относительный (к РГ) уровень СФП в целом по АМ обнаружил устойчивую тенденцию к сниже-

³⁷ ДРК – Демократическая Республика Конго. Рассчитано автором по источникам к рис. 1, а также: The World Justice Project. Rule of Law Index, 2019. Washington, D.C., 2019. P. 6-7. URL: <https://worldjusticeproject.org/our-work/research-and-data/wjp-rule-law-index-2019> (accessed 25.10.2020).

³⁸ Рассчитано и составлено автором по данным и источникам к рис. 1 и 9, а также: Мельянцев 2003: 69; Мельянцев 2009: 204, 208; Мельянцев 2017: 166-168.

нию (см. рис. 9). В результате, в конце 2010-х гг. по рассматриваемому весьма весомому показателю, всё ещё заметно опережая АЮС и уже менее заметно – Индию, в целом АМ, несмотря на то, что включает половину из всех самых богатых (по ПВВП) РС³⁹, сильно отстал не только от НИС, но и быстро растущих РС ВАЗ – прежде всего Китая.

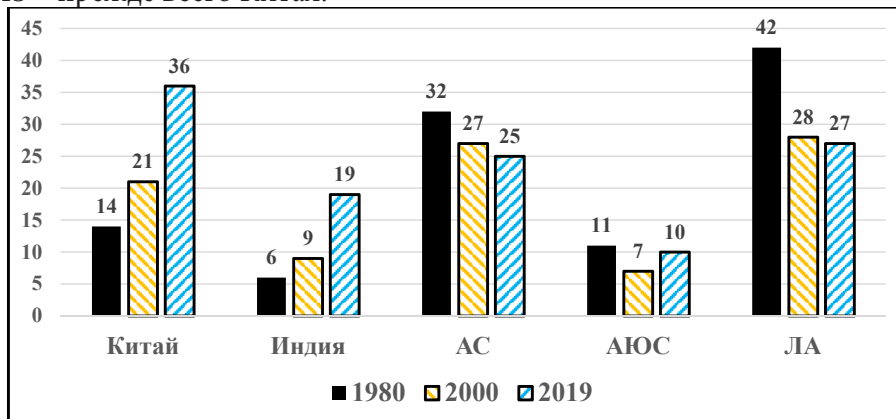


Рис. 9. Динамика уровня совокупной факторной производительности (СФП), % от развитых государств в 1980-2019 гг.⁴⁰

Fig. 9. The dynamics of the level of total factor productivity (TFP), % of developed countries in 1980-2019.

Вместе с тем, несмотря на многие проблемы, с которыми сталкиваются арабские государства (из них примерно треть – т.н. несостоявшиеся или весьма слабо дееспособные⁴¹), в целом они, на которые приходится свыше ¼ стоимости учтённых природных ресурсов и 1/3 извлекаемой в мире природной ренты, не являются эпицентром мировой бедности и неблагополучия. Хотя динамика ПВВП у большинства АС, как уже отмечалось, невысокая, но, получив, по нашим подсчётам, за последние почти полстолетия доходы от экспорта углеводородов и трансфертов рабочих-эмигрантов, работающих вне АМ, на общую сумму свыше 12 трлн долл. (это эквивалентно свыше 1/4 их совокупного ВВП⁴²),

³⁹ За исключением новых индустриальных стран (НИС), которые, по сути, уже стали развитыми.

⁴⁰ Рассчитано по следующей формуле:

$TFP_{ct}/TFP_{ut} = (Y_{ct}/(L_{ct}^{0.65}K_{ct}^{0.35})) / (Y_{ut}/(L_{ut}^{0.65}K_{ut}^{0.35}))$, где TFP_{ct} TFP_{ut} Y_{ct} Y_{ut} L_{ct} L_{ut} K_{ct} K_{ut} – соответственно средние уровни СФП, ВВП, объёмов занятости и основного капитала в ряде крупнейших стран и регионов развивающегося мира, а также в среднем по развитым государствам в рассматриваемый год.

Рассчитано автором по источникам к рис. 1, а также: Мельянцева 2009: 208-209, 182-183; The Conference Board. Productivity Brief 2019. Washington, D.C. 2019. P. 9, 17-19. URL: https://www.conference-board.org/retrievefile.cfm?filename=TED_ProductivityBrief_20191.pdf&type=subsite (accessed 25.10.2020).

⁴¹ См.: The Fund for Peace. 2019 Fragile States Index. Washington, D.C., 2019. P. 6-7. URL: <https://fundforpeace.org/wp-content/uploads/2019/04/9511904-fragilestatesindex.pdf> (accessed 25.10.2020). Число этих стран выросло в 2010-е гг. втрое в результате арабского кризиса. О его причинах и последствиях см., в частности: (Барановский, Наумкин 2018; Васильев, Саватеев, Исаев 2014; Фитуни, Абрамова 2018; Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; Федорченко 2017; Филоник 2014; Бочарова и др. 2011; Мельянцева 2011).

они, хотя и далеко не в одинаковой мере, но в целом заметно продвинулись в социально-экономическом развитии.

Доля занятых вне агросферы выросла в целом по АМ с 1/3 в 1960 г. до немногим более 1/2 в 1980 г. и почти 4/5 в 2019 г. АС ещё далеко до РГ, где показатель достиг в среднем 95-96%, но они уже близки к ЛА (85-87%), существенно обогнав в целом РС (67-69%), в т.ч. РС ВАЗ (72-73%), ЮАЗ (57-59%) и АЮС (52-53%)⁴³. Однако, ИЧР в АМ в 1980-2019 гг. вырос, хотя в среднем быстрее, чем ПВВП (почти в полтора раза и на четверть), но меньше, чем в целом по РС (более чем на 4/5), в т.ч. в Индии и Китае – соответственно в 2,5 и 3,3 раза (см. рис. 3 и 10).

В результате, если примерно сорок лет назад, находясь на восходящей волне роста доходов от экспорта углеводородов, АМ имел в среднем ИЧР, который был выше, чем в целом по РС более чем на 2/5, то в конце 2010-х гг. – уже менее чем на 1/5. АМ в 2019 г. по этому показателю значительно – соответственно на 1/3 и 4/5 – обогнав Индию и АЮС, в которых, как известно, сконцентрирована подавляющая часть критически бедных всей планеты, продолжал отставать от медленно растущей ЛА и весьма сильно отстал (в среднем более чем на четверть) от мощно продвинувшихся вперёд в этот период РС ВАЗ и азиатских НИС. При этом АМ в 1980-2019 гг. едва ли сколько-нибудь существенно (не более чем на 3-4 проц. пункта) подтянулся по уровню ИЧР к группе РГ, в которых в этот период, несмотря на прогресс в ИКТ и других технологиях, парадоксально резко замедлилась динамика роста ПВВП и ряда его качественных составляющих.

Для уточнения картины социально-экономической эволюции АМ нами был построен *расширенный индекс развития* (РИР, см. рис. 10), представляющий средневзвешенное геометрическое семи важнейших индикаторов экономического, технологического, социального, экологического и человеческого развития ведущих стран и регионов развивающегося мира, которые были отнесены к уровню РГ 2019 г. (см. рис. 10), так и 2000 г.

Несложный расчёт позволяет обнаружить, что в среднем и по АС, и АЮС и ЛА их РИР, отнесённый к уровню РГ за 2000 и 2019 гг., вырос за этот период – на фоне, подчеркнём, сравнительно медленного увеличения РИР в РГ⁴⁴ – на 6 процентных пунктов (соответственно с 41 до 47%, с 22 до 28 и с 48 до 54%), т.е. сравнительно немного. Более сильно конвергенция к РГ по комплексному показателю развития выявилась в Индии и Китае, где рассматриваемый показатель увеличился соответственно на 12 и 27 процентных пунктов (с 27 до 39 и с 36 до 63 %).

Иными словами, АМ – с опорой на свои немалые ресурсы – растёт и развивается в среднем не медленнее, чем существенная часть стран Юга – ЛА и АЮС,

⁴² Рассчитано автором по источникам к рис. 1.

⁴³ Составлено автором по источникам к рис. 1, а также: (Мельянец 2003: 66).

⁴⁴ По нашим расчётам по данным и источникам к рис. 10, в 2000-2019 гг. СГТП РИР в РГ (с далеко не низкого старта) составил всего 0,5-0,6%, в АМ и ЛА был вдвое выше (1,2-1,3%), в АЮС (стартовавшей с весьма низкого уровня) показатель был втрое выше: 1,7-1,8%. Но по рассматриваемому индикатору эти три региона РС существенно отстают от лидеров развивающейся Азии – Индии и Китая, в которых он достигал соответственно 2,5-2,6 и 3,6-3,7%.

но, значительно медленнее, чем развивающаяся Азия⁴⁵, и при этом – весьма неравномерно.

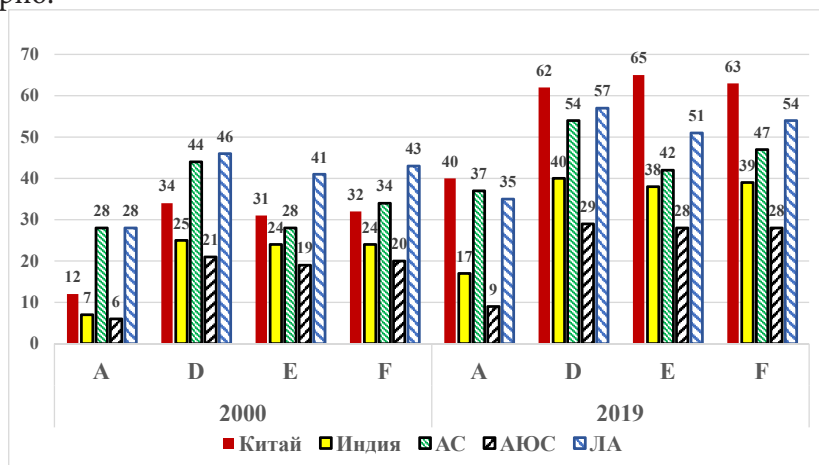


Рис. 10. Динамика расширенного индекса развития (РИР) ведущих регионов и стран развивающегося мира в 2000-2019 гг. (РГв 2019 г. =100)⁴⁶

Fig. 10. The dynamics of the augmented development index (ADI) of the leading regions and countries of the developing world in 2000-2019 (the average for the developed states in 2019 = 100)

В последние сорок лет невысокий экономический и весьма быстрый демографический рост в АС, отсутствие в большинстве из них сколько-нибудь значимых прагматичных реформ институтов и изменений в экономической политике, консервация прежних элит, а также весьма высокий уровень военно-политической нестабильности в целом ряде стран региона не способствовали кардинальному уменьшению бедности. Хотя на протяжении жизни примерно двух поколений доля критически бедных (пороговое значение – дневное потребление не выше 1,9 долл. в ППС 2011 г.) сократилась, по официальным данным, в два-три раза до 4-5%, что втрое меньше, чем в среднем по РС, доля бедных и нищих (планка в 5,5 долл. в ППС 2011 г.), даже снизившись за рассматриваемый период вдвое, всё ещё составляла ближе к концу 2010-х гг. не менее 2/5⁴⁷. Вне всякого сомнения, она

⁴⁵ В результате, если в 2000 г. АМ по РИР обгонял другие РС в среднем на 1/3, то в 2019 г. только на 1/4.

⁴⁶ РИР – композитный показатель. **А** – подушевой ВВП в ППС 2011 г., **Д** – индекс человеческого развития (среднее геометрическое невзвешенное показателей подушевого ВВП в ППС 2011 г., среднего числа лет обучения взрослого населения и средней продолжительности ожидаемой жизни (от рождения), отнесённых к уровню РГ в 2019 г.), **Е** – среднее геометрическое невзвешенное уровней технологического и экологического развития, качества основных институтов, равенства распределения доходов. **Г** – среднее геометрическое невзвешенное семи индикаторов, входящих как компоненты в субиндексы **ДиЕ**. 2. РГ – развитые государства, АС – арабские страны, АЮС – Африка южнее Сахары, ЛА – Латинская Америка. Рассчитано автором по источникам к рис. 1, а также: The Environmental Performance Index. URL: <https://epi.envirocenter.yale.edu> (accessed 25.10.2020); World Bank. Worldwide Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports> (accessed 25.10.2020).

⁴⁷ Она была примерно в 1,5-2 раза меньше, чем в среднем по странам АЮС и ЮАЗ, но более чем на треть больше, чем в РС ВАЗ и ЛА. В ряде АС существует немало проблем с дефицитом продовольствия и качеством питания населения. См.: 2019 Global Hunger Index. URL: <https://www.globalhungerindex.org/results.html> (accessed 25.10.2020); (Herbst et al. 2020).

выросла в 2020 г. в условиях пандемии и мирового кризиса, больно ударивших по РС, сильно зависящих от экспорта сырья и низкотехнологичных товаров. В среднедоходных и бедных странах АМ вышеупомянутый показатель, бывший в конце 2010-х гг. примерно на четверть больше, чем в среднем по АС, возможно, ныне достиг или уже превысил 2/3 численности их населения⁴⁸.

Хотя средний подушевой ВВП АС соответствует примерно среднемировому (в 2018 г. 14,5 тыс. и 16,6 тыс. долл. в ППС 2017 г.), по такому многомерному показателю, как *индекс процветания* (ИП) Института *Legatum*⁴⁹, в целом АС в 2018 г. можно расположить в середине седьмой децили из 167 обследованных стран мира. Богатые монархии из ССАГПЗ, которые по ПБВП находятся в целом в первой децили стран мира, по ИП в целом попадают в конец второго (после топового) квинтиля, а все остальные АС в среднем – в самый конец четвёртого – начало последнего квинтиля⁵⁰. Расчёты – ориентировочные. Но в целом свидетельствуют не только о высоком уровне неравенства, существующем в АМ, но и о немалой степени диспропорциональности в их экономическом, научно-техническом и социально-институциональном развитии.

Официальная информация о распределении доходов по АС, скорее всего, приукрашивает картину: по большинству из них имеющиеся данные о *коэффициентах Джини*⁵¹ весьма близки к низкому «скандинавскому» уровню. Однако, недавно произведённые уточняющие расчёты говорят о том, что, например, в Египте коэффициент Джини занижен почти на треть и составляет не 0,32, а примерно 0,42⁵² (что переводит его в группу с высоким уровнем неравенства). При этом в целом по региону, в котором на долю стран, входящих в ССАГПЗ, представляющим 1/7 численности населения АМ, приходится примерно половина всех его доходов, отношение доходов топовых 10% населения и низшей его половины (на середину 2010-х гг. – 6,7, или 64%:9,5%) уступало только Южной Африке (10,3), существенно превышая индикаторы по Бразилии (3,9), США (3,6) и Индии (3,2)⁵³.

По нашим подсчётам, в 2018 г. среднедушевой доход трёх наиболее богатых АС (Катар, ОАЭ, Кувейт) превосходил соответствующий показатель наиболее бедных АС (Сомали, Коморы, Йемен) примерно в 30 раз. Если учесть, что *децильный коэффициент распределения доходов*⁵⁴ в странах ССАГПЗ составлял в

⁴⁸ Расчёты и оценки произведены по источникам к рис. 1.

⁴⁹ Композитный показатель, включающий характеристики качества экономики и финансов, предпринимательской среды, системы общественного управления, социальных и экономических институтов, природной среды, человеческого капитала и уровня жизни населения.

⁵⁰ Составлено и рассчитано автором по источникам к рис. 1, а также по: Legatum Institute. The Legatum Prosperity Index. London, 2019. URL: www.prosperity.com/rankings. (accessed 25.10.2020).

⁵¹ Варьируется от 0 (всем поровну) до 1 (всё достаётся одному).

⁵² См.: Van der Weide R., Lakner Chr., Ianchovichina E., 2016 Underestimating Inequality in Egypt. *The VoxEU*. URL: <https://voxeu.org/article/egypt-not-equal-surveys-say> (accessed 25.10.2020); (Van der Weide, Lakner, Ianchovichina 2018); UNDP. Human Development Indices and Indicators, 2018. P. 31.

⁵³ Рассчитано автором по: (Alvaredo, Assouad, Piketty 2018). Inequality in the Middle East. *Vox Dev*. URL: <https://voxdev.org/topic/methods-measurement/inequality-middle-east>. (accessed 25.10.2020).

⁵⁴ Отношение среднего уровня доходов топовых и низших 10% населения.

последнее десятилетие 18-19, а по беднейшим АС – 10-11-кратной величины, то средний разрыв в доходах между ультрабогатой и беднейшей частями населения АМ мог достигать 330-370-кратной (!) величины. Масштаб поляризации по доходам в АС примерно на порядок выше, чем по группе РГ (35-38-кратный разрыв)⁵⁵.

Сказанное весьма важно. Дело в том, что, если средний уровень неравенства, в т.ч. в распределении доходов населения, сравнительно мало влияет на экономический рост, то высокие значения неравенства или его заметное повышение, как уже стали признавать эксперты МВФ, ОЭСР, Всемирного банка и ПРООН⁵⁶, влияя на платёжеспособный спрос, предложение качественной рабочей силы, инвестиционный климат и риски, а также социально-политическую стабильность в обществе, как правило, негативно сказываются на долгосрочной динамике ПВВП. Об этом свидетельствует рассчитанная нами регрессионная зависимость по крупным и средним РС (см. рис. 11).

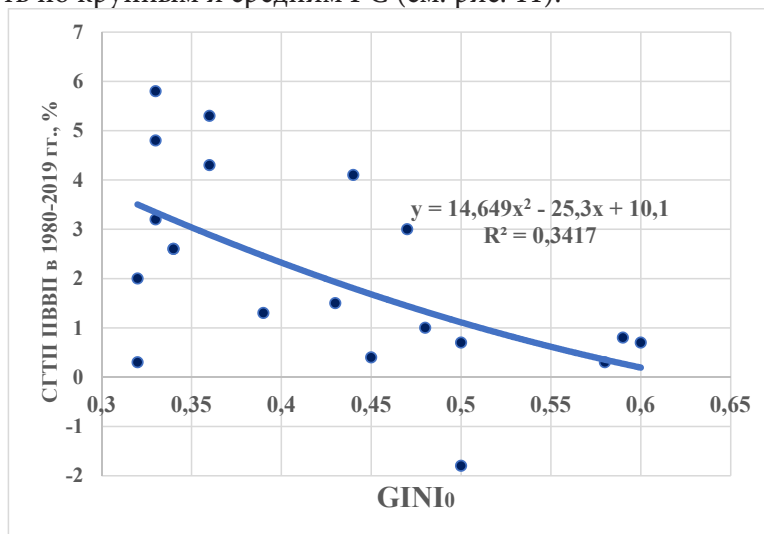


Рис. 11. Взаимосвязь исходного уровня неравенства распределения доходов и среднегодового темпа (СГТП) прироста подушевого ВВП (ПВВП) в РС в 1980-2019 гг. (%)⁵⁷

Pic. 12. Relationship of the initial level of inequality in income distribution and the average annual growth rate (AAGR) of per capita GDP in DCS (%)

⁵⁵ В 2015-2017 гг. средний доход в Лихтенштейне, Монако и Люксембурге был выше, чем в Латвии, Венгрии и Греции примерно в 4,2-4,4 раза, притом, что, по имеющимся в нашем распоряжении расчётам и оценкам, децильный коэффициент неравенства в первой группе составлял примерно 7,8, а во второй – 9,1. Расчёты и оценки выполнены автором по источникам к рис. 1, а также: The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D.C., 2012. P. 74-76; The UNDP. Human Development Indices and Indicators, 2018. P. 30-32.

⁵⁶ См. Мельянцев 2015: 35; The UNDP. Human Development Report, 2019. Beyond Income, Beyond Averages, Beyond Today. Inequalities in Human Development in the 21st Century. New York, 2019.

⁵⁷ Расчёт выполнен автором по 20 крупным и средним РС (КНР, Индия, Индонезия, Пакистан. Нигерия, Бразилия. Бангладеш, Мексика, Филиппины, Эфиопия, Египет, ДРК, Вьетнам, Иран, Турция, Таиланд, Танзания, Южная Африка, Кения, Республика Корея), по которым на начало 1980-х гг. имелись данные о распределении доходов населения. 2. GINI – коэффициент Джини. Изменяется от 0 (всем поровну) до 1 (всё достаётся одной (одному)). Рассчитано по источникам к рис. 1.

За последние десять лет с начала событий, ассоциируемых с «арабской весной», связанных с резкой эскалацией социально-политической и военной нестабильности в ряде стран АМ, многие причины, их вызвавшие, «не рассосались». Рассчитанный нами «индекс беспокойства», введённый в своё время экспертами ОЭСР (сумма значений показателей безработицы и инфляции⁵⁸, в проц. пунктах), на конец 2010-х гг. в целом по АС был на 2/3 выше, чем в среднем по РС. В целом по группе среднедоходных и бедных АС он был более чем вдвое выше «средней планки» по РС, в т.ч. в целом по подгруппе АС с весьма хрупкими государственными системами (Сомали, Йемен, Сирия, Судан, Ирак, Ливия) – более чем втрое. В Египте, судя по официальным данным, этот показатель, хотя и был несколько меньше, чем в вышеупомянутой группе весьма нестабильных АС, но примерно на 2/5 превышал его значение в 2010 г., т.е. за год до начала в нем массовых протестов населения (см.: Мельянцеv, Бочарова 2020b).

По данным экспертов МОТ, в АС (без ССАГПЗ) *доля рабочей силы в сильной и критической бедности* выросла с 28-29% в 2010 г. до 42-43% в 2017-2018 гг.⁵⁹. В обстановке, связанной с пандемией и глубоким мировым кризисом, социально-политическая ситуация в целом по АМ явно не улучшается. Судя по официальным данным, ПВВП в нём, СГТП которого в 2016-2019 гг. не превышал нулевой отметки, по имеющимся прогнозам, в 2020 г. сократится на 5-6%⁶⁰.

И богатые, и бедные АС столкнулись сейчас со многими проблемами – резкое сокращение доходов от экспорта углеводородов⁶¹, туризма (особенно Ливан, Египет, Тунис, Иордания), переводов рабочих-эмигрантов, увеличение двойных дефицитов (бюджета и платёжного баланса по текущим операциям⁶²), свёртывание инвестиционных программ, увеличение безработных, особенно среди молодёжи⁶³. Доля безработных в возрасте от 15 до 24 лет выросла по сравнению с 2011 г. в начале 2020 г. в Марокко с 17 до 22%, Алжире с 20 до 30%, Египте с 23 до 33%, Тунисе и Иордании с 27-28 до 34-36%⁶⁴.

⁵⁸ Соответственно доля безработных в численности рабочей силы и СГТП потребительских цен.

⁵⁹ Составлено и рассчитано автором по: ILO. World Employment Social Outlook. Geneva, 2018. P. 8, 17-18.

⁶⁰ Составлено и рассчитано по источникам к рис. 1, а также: The World Bank. Middle East and North Africa. Economic Update. 2020, April. Washington, D.C. 2020. P. 10; The Protests in the Middle East and North Africa. *The EIU*. URL: eiu.com/May-20-Protests-in-the-Middle-East-and-North-Africa-Subscription.html (accessed 25.10.2020).

⁶¹ В результате, в частности, в КСА показатель её золотовалютных резервов к ВВП сократился вдвое – с 110-120% в 2015 г. до 50-60% в мае 2020 г. Рассчитано автором по: Twin Shocks Threaten Saudi Crown Prince's Grand Reform Plans. *The Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/351005d6-6478-41c6-b7aa-04ea8bdda350> (accessed 25.10.2020); Saudi Foreign Reserves Fall as Sovereign Wealth Fund Spends Overseas. *The Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/6825366f-92db-4473-b5b2-cacda032d8ee> (accessed 25.10.2020).

⁶² В Египте двойной дефицит, по имеющимся прогнозам, вырастет с 11-12% в 2019 г. до 15-16% ВВП в 2020 г. В КСА он может достигнуть 17-18% ВВП (!). См.: Economic & Financial Indicators. *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/economic-and-financial-indicators/2020/06/04/economic-data-markets-and-data> (accessed 25.10.2020); Ahead of the Covid Curve. *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2020/05/23/egypt-chose-a-looser-lockdown-its-economy-is-still-in-crisis> (accessed 25.10.2020).

⁶³ См.: The World Bank. Global Economic Prospects, 2020, June. Washington, D.C., 2020, June. P. 88-90.

⁶⁴ The Protests in the Middle East and North Africa. *The EIU*. URL: eiu.com/May-20-Protests-in-the-Middle-East-and-North-Africa-Subscription.html (accessed 25.10.2020). P. 4.

Резюмируя, подчеркнём, что за последние сорок лет в АМ определённый социально-экономический прогресс достигнут. Но на фоне быстро модернизирующихся РС ВАЗ и догоняющей их по темпам развития Индии он в целом весьма умеренный, а главное – очень неравный, близкий к тому, что американские исследователи Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон назвали эксклюзивным (Аджемоглу, Робинсон 2016): по принципу, одним, прежде всего элитам АМ, – почти всё, другим – сколько останется⁶⁵. Такое положение вещей контрпродуктивно, причём во многих отношениях.

Арабским странам, в которых (а) темпы прироста численности населения и ВВП в 2010-е гг. были в среднем соответственно вдвое больше и в полтора раза меньше, чем в целом по другим РС⁶⁶, (б) уровень технологической сложности производства и экспорта даже у относительно быстро модернизирующейся пятёрки АС⁶⁷ ниже на четверть, вдвое и втрое, чем соответственно в Индии, Китае⁶⁸ и Республике Корея, (в) «планка» квалификации рабочей силы⁶⁹ ниже более чем в полтора раза, чем в Бразилии и Китае и в 2-2,5 раза, чем у азиатских НИС и РГ, (г) эффективность управления в большинстве компаний и госаппарате весьма невысокая (см. рис.11), (д) почти повсеместно отсутствуют «социальные лифты»⁷⁰, зато (е) зримо присутствует (хотя в разных АС – в разной степени) социальное, этно-конфессиональное и гендерное неравенство и высокий уровень безработицы, – нужно очень постараться, чтобы в современных условиях избежать новой «арабской весны» (предыдущая «наступила» вскоре после мирового финансового кризиса 2008-2009 гг.).

⁶⁵ Приведём две пропорции, которые рельефно характеризуют ситуацию в АМ: на одном полюсе, по нашим подсчётам, половина всех самых богатых РС, на другом – более половины всех самых нестабильных из бедных стран мира.

⁶⁶ СГТП численности населения в АМ в 2010-е гг. был 2,1-2,2%, в других РС 1,1-1,2%.

⁶⁷ По ряду критериев выделены Тунис, Ливан, КСА, Иордания, Катар. К ним можно добавить ОАЭ и, с некоторыми оговорками, Бахрейн, Египет и Марокко (см.: Мельянцев, Бочарова 2020b).

⁶⁸ В Индии и Китае их ПВВП соответственно в 5 и 2 раза ниже, чем в среднем по упомянутой группе из пяти АС. Расчитано автором по источникам к рис. 1.

⁶⁹ Она, по нашим расчётам и оценкам, за сорок лет выросла в два-три раза. Однако, по расчётам экспертов, только треть новых выпускников колледжей и университетов в АС имеют адекватную подготовку. Показатель среднего числа обучения взрослого населения АС, скорректированный на его сравнительно низкое качество, завышен примерно на треть. Составлено и рассчитано автором по: The WEF. The Global Human Capital Report, 2017. Geneva, 2017. P. 59-186; Amin 1980: Table 14; The WEF. The Arab World Competitiveness Report, 2018. Geneva, 2018. P. 41; The World Bank. The Middle East and North Africa. From Transition to Transformation. Washington, D.C., 2019. P. 16-17; (El-Kogali, Krafft 2020: 14, 90). Вследствие недостаточно высокого – по современным стандартам – качества преподавания, многие университеты в АС превратились в фабрики по выпуску дипломированных безработных. Немало молодых людей в АС считают, что легче найти работу без продвинутого сертификата об образовании (см.: Tunisia Risks Losing Its Standing as a Democratic Exemplar. *The Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/12f95b42-35f8-11ea-a6d3-9a26f8c3cba4> (accessed 25.10.2020).

⁷⁰ См.: (Devarajan, Ianchovichina 2018); Streets with No Rage. Algeria's Protest Movements Considers How and When to Come Back. *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2020/06/04/algerias-protest-movement-considers-how-and-when-to-come-back> (accessed 25.10.2020).



Рис. 12. Взаимосвязь подушевого ВВП и индекса эффективности правительства, 2018 г.⁷¹

Fig. 12. The relationship between per capita GDP and government effectiveness index, 2018

Однако, чтобы в *среднесрочной перспективе* предотвратить наступление глубокого кризиса, а в *долгосрочной* – перейти к более динамичному и устойчивому развитию, в принципе, надо сделать (хотя это и нелегко) «не так уж много». Учитывая исторический – как печальный, так и успешный – опыт других царств и государств, следует богатым элитам АС, в т.ч. в целях самосохранения (1) научиться щедрее делиться с менее состоятельными и бедными слоями населения, (2) обеспечить предпринимателям, создающим критически важные для общества рабочие места, намного более благоприятный инвестиционный климат, чем ныне существующий, и (3) всем им начать «шевелиться», двигаясь вслед за технологически и институционально быстро модернизирующимися странами, хотя бы вдвое-втрое быстрее⁷².

Об авторе:

Виталий Альбертович Мельянец – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 103917, г. Москва, ул. Моховая, д. 11. E-mail: vamel@iaas.msu.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных экономических отношениях».

⁷¹ Подушевой ВВП – в долл., в ППС 2018 г. Эффективность правительства (вертикальная ось) изменяется от 0 (наименьшее значение) до 100 (максимальное). Рассчитано автором по источникам к рис. 1, а также: World Bank. Worldwide Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports> (accessed 25.10.2020).

⁷² Обобщая унаследования своих современников, живших в эпоху бурной промышленной трансформации ныне развитых стран, Льюис Кэрролл, как известно, вложил в уста Королевы из своей книги «Приключения Алисы в Стране Чудес» фразу, пережившую века: «нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!»

Received: May 15, 2020.
Accepted: August 20, 2020.

Long-Term Trends in the Socio-Economic Development of Arab Countries

V.A. Meliantsev
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-194-219](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-194-219)

Institute of Asian and African Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article analyzes a number of the most important trends, proportions and factors of the economic and social development of the Arab countries over the past four decades, associated with the modern stage of globalization, against the background of other countries and a deeper retrospective view. It reveals the extent of Arab countries' convergence, as well as divergence in the levels of technological, economic and social development with/from leading regions and countries of the developing world and economically advanced states. With all the considerable differentiation that exists between Arab countries in the 1980-2010s, in contrast to a number of other countries and regions of the East and South, the Arab world on the whole has suffered from a significant slowdown in the dynamics of per capita GDP, total factor productivity, human development index and augmented development index.

These trends, according to the author's calculations, are determined not only and not so much by high population growth rates, but by the limited nature of economic and institutional reforms that affect the degree of diversification of production and export structures, share of investments in physical and human capital in GDP, and the quality of labor. Moreover, according to new data and author's calculations, the level of inequality in income distribution in the Arab world is one of the highest in the world. This and other factors, including geopolitical ones, as well as the increasing number of so-called "failing states" in the region have brought about an increase in socio-political tensions, which is comparable, and even exceeding the level that existed a decade ago, when the Arab Spring phenomenon arose. Under pandemic and global crisis, the economic and social situation in a number of Arab countries is markedly getting worse. In order to ease tensions in the region it is high time to implement a number of reforms aimed at mitigating inequality and simultaneously increasing the purchasing power of the population and expanding domestic markets as well as creating much more favorable investment climate.

Keywords: Arab countries, trends and models of economic growth, productivity, development indices, convergence and divergence, institutions, inequality and unemployment, government efficiency, investment climate

About the author:

Vitalii A. Meliantsev – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, V.M. Lomonosov Moscow State University, 103917, Moscow, Mokhovaya str., 11.
E-mail: vamel@iaas.msu.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of conflict of interest.

Acknowledgements: The article was prepared as part of the research of the ISAA of the Lomonosov Moscow State University on the topic «Asian and African Countries in the World Economy and International Economic Relations».

References:

- Abu-Lughod J. 1989. *Before European Hegemony: The World System A.D. 1250-1350*. New York: Oxford University Press. 464 p.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. 2005. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth. *The American Economic Review*. 95(3). P. 546-579. DOI: 10.1257/0002828054201305.
- Amin S. 1980. *L'économie arabe contemporaine*. Paris: Les Editions de Minuit. 96 p.
- Bairoch P. 1997. *Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI^e siècle à nos jours*. Paris: Gallimard. Tome 1. 662 p.
- Blaydes L., Chaney E. 2013. The Feudal Revolution and Europe's Rise: Political Divergence of the Christian West and Muslim World before 1500 CE. *The American Political Science Review*. 107(1). P. 16-34. DOI: 10.1017/S0003055412000561.
- Broadberry St., Guan H., Li D. 2018. China, Europe and the Great Divergence: A Study in Historical National Accounting, 980-1850. *The Journal of Economic History*. 78(4). P. 955-1000. DOI: 10.1017/S0022050718000529.
- Devarajan S., Ianchovichina E. 2018. A Broken Social Contract, Not High Inequality, Led to the Arab Spring. *The Review of Income and Wealth*. 64(s1). P. 5-25. DOI: 10.1111/roiw.12288.
- El-Kogali S., Krafft C. (eds.). 2020. *Expectations and Aspirations. A New Framework for Education in the Middle East and North Africa*. Washington, D.C.: The World Bank. 335 p.
- Findlay R., O'Rourke K. 2007. *Power and Plenty. Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton: Princeton University Press. 648 p.
- Ghanem R., Baten J. 2016. Middle East, North Africa and Central Asia. *Baten J. (ed.). A History of the Global Economy: from 1500 to the Present*. New York: Cambridge University Press. 369 p.
- Goldstone J. 2009. *Why Europe. The Rise of the West in World History, 1500-1800*. New York: McGraw-Hill Education. 192 p.
- Herbst Chr., Elshalakani A., Kakietek J., Hafiz A., Petrovic O. (eds.). 2020. *Scaling Up Nutrition in the Arab Republic of Egypt*. Washington, D.C.: The World Bank. 189 p.
- Hoffman Ph. 2015. *Why Did Europe Conquer the World?* Princeton: Princeton University Press. 288 p.
- Issawi Ch. 1989. The Middle East in the World Context: A Historical View. *Sabah G., ed. The Modern Economic and Social History of the Middle East in Its World Context*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press. P. 73-83.
- Karaman K., Pamuk S. 2010. Ottoman State Finances in European Perspective, 1500-1914. *The Journal of Economic History*. 70(3). P. 593-629. DOI: 10.1017/S0022050710000550.
- Kuran T. 2004. Why the Middle East Is Economically Underdeveloped: Historical Mechanisms of Institutional Stagnation. *The Journal of Economic Perspectives*. 18(3). P. 71-90. DOI: 10.1257/0895330042162421.
- Kuran T. 2018. Islam and Economic Performance: Historical and Contemporary Links. *The Journal of Economic Literature*. 56(4). P. 1292-1359. DOI: 10.1257/jel.20171243.
- Kuznets S. 1966. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven: Yale University Press. 529 p.

Maddison A. 2003. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD Publications. 273 p.

Maddison A. 2007. *Contours of the World Economy, 1 – 2030 AD*. New York: Oxford University Press. 418 p.

Morris I. 2010. *Why the West Rules – for Now*. London: Profile Books. 750 p.

Pamuk S. 2006. Estimating Economic Growth in the Middle East since 1820. *The Journal of Economic History*. 66(3). P. 809-828. DOI: 10.1017/S0022050706000337.

Rubin J. 2017. *Rulers, Religion, and Riches: Why the West Got Rich and the Middle East Did Not*. New York: Cambridge University Press. 296 p.

Van der Weide R., Lakner Chr., Ianchovichina E. 2018. Is Inequality Underestimated in Egypt? Evidence from House Prices. *The Review of Income and Wealth*. 64(S1). P. 55-79. DOI: 10.1111/roiw.12338.

Acemoglu D., Robinson J. 2016. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniia i nishchety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow: ACT. 760 p. (In Russian).

Baranovskii V.G., Naumkin V.V. 2018. *Blizhnii Vostok v meniaiushchemsia global'nom kontekste* [Middle East in a Changing Global Context]. Moscow: IV RAS. 556 p. (In Russian).

Bocharova L.S., Fridman L.A., Geveling L.V., Isayev V.A., Meliantsev V.A., Meyyer M.S., Orlov V.V., Safronova A.L., Vidyasova M.F. 2011. Kruglyy stol: sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty sobytiy na Arabskom Vostoke [Round Table: Socio-Economic Aspects of Events in the Arab East]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 13. Oriental studies*. №3. P. 92-111. (In Russian).

Fedorchenko A.V. 2017. Vozmozhen li ekonomicheskiy renessans v arabskom mire? [The Arab World: Is the Economic Renaissance Possible?]. *Bulletin of MGIMO-University*. 52(1). P. 83-100. (In Russian).

Filonik A.O. 2014. Stsenarii razvitiya arabskikh stran do 2050 g. [Scenarios for the Development of Arab Countries until 2050]. *Vostochnaya analitika. Yezhegodnik 2013*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS. P. 29-35. (In Russian).

Fituni L.L., Abramova I.O. 2018. *Islam, global'noye upravleniye i novyy miroponyadok* [Islam, Global Governance and the New World Order]. Moscow: Institute of African Studies, RAS. 376 p. (In Russian).

Korotayev A.V., Zin'kina Y.V., Khodunov A.S. (eds.). 2012. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaya vesna 2011 goda* [Systematic Monitoring of Global and Regional Risks: Arab Spring 2011]. Moscow: LKI. 464 p. (In Russian).

Landa R.G. 2005. *Istoriya arabskikh stran* [History of the Arab Countries]. Moscow: Eastern University. 319 p. (In Russian).

Meliantsev V.A. 1984. *Ekonomicheskiy rost stran Magriba* [Economic Growth of the Maghreb Countries]. Moscow: Nauka. 216 p. (In Russian).

Meliantsev V.A. 1996. *Vostok i Zapad vo vtorom tysyacheletii: ekonomika, istoriya i sovremennost'* [East and West in the Second Millennium: Economics, History and Modernity]. Moscow: MSU Publishing House. 304 p. (In Russian).

Meliantsev V.A. 2003. *Arabo-islamskiymir v konteksteglobal'noyekonomiki* [The Arab-Islamic World in the Context of the Global Economy]. Moscow: ISAA Publishing Center at M.V. Lomonosov Moscow State University. 76 p. (In Russian).

Meliantsev V.A. 2009. *Razvitye i razvivayushchiyesya strany v epokhu peremen (sravnitel'naya otsenka effektivnosti rosta v 1980-2000-ye gg.)* [Developed and Developing Countries in an Era of Change (A Comparative Assessment of the Growth Efficiency in the 1980-2000s)]. Moscow: Publishing House «Klyuch-C». 216 p. (In Russian).

Meliantsev V.A. 2011. Krizis v arabskom mire: ekonomicheskiye i sotsial'nyye aspekty [The Crisis in the Arab World: Economic and Social Aspects]. *The World Economy and International Relations*. 55(10). P. 73-83. (In Russian).

Meliantsev V.A. 2014. Prichiny i factory ekonomicheskogo otstavaniya v arabomusul'manskom mire. [Causes and Factors of the Economic Lagging Behind in the Arab-Muslim World]. *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. №4. P. 125-138. (In Russian).

Meliantsev V.A. 2015. *Dolgosrochnnyye tendentsii, kontrtendentsii i factory ekonomicheskogo rosta razvitykh i razvivayushchikhsya stran* [Long-term Trends, Counter-trends and Factors of Economic Growth of Developed and Developing Countries]. Moscow: Publishing House «Klyuch-C». 80 p. (In Russian).

Meliantsev V.A. 2017. Umnyye tekhnologii, paradoks Solou i protivorechiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v stranakh Zapada i Vostoka v nachale XXI veka [Smart Technologies, the Solow Paradox and the Contradictions of Socio-Economic Development in the Countries of the West and the East at the Beginning of the 21 Century]. *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. №3. P. 162-180. (In Russian).

Meliantsev V., Amirov E. 2018. Arabskie Strany: Dostizheniya, Problemy i Klyuchevye Factory Ekonomicheskogo Razvitiya [Arab Countries: Achievements, Challenges and Crucial Factors of Economic Development]. *International Trade and Trade Policy*. №3. P. 6-18. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-3-6-18. (In Russian).

Meliantsev V.A., Bocharova L.S. 2020a. Vazhneyshiye trayektorii ekonomicheskogo razvitiya arabskikh stran (1980-2010-ye gg.) Chast' 1 [The Most Important Trajectories of the Economic Development of the Arab Countries (1980-2010s). Part 1]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 13. Oriental studies*. №1. P. 3-24. (In Russian).

Meliantsev V.A., Bocharova L.S. 2020b. Vazhneyshiye trayektorii ekonomicheskogo razvitiya arabskikh stran (1980-2010-ye gg.) Chast' 2 [The Most Important Trajectories of the Economic Development of the Arab Countries (1980-2010s). Part 2]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 13. Oriental studies*. №2. P. 3-26. (In Russian).

Meliantsev V.A., Matyunina L.Kh. 2019. *Ocherki makroekonomicheskogo i finansovogo razvitiya stran Vostoka i Zapada (1980-2010-ye gody)* [Essays on Macroeconomic and Financial Development of East and West (1980-2010s)]. Moscow: Publishing House «Klyuch-C». 191 p. (In Russian).

Stoklitskiy S.L., Fridman L.A., Andrukovich P.F. 1985. *Ekonomicheskiye struktury arabskikh stran*. [The Economic Structures of the Arab countries]. Moscow: Nauka. 341 p. (In Russian).

Uvarov P.Y. 2012. «Roskosh' feodalizma» [The Luxury of Feudalism]. *Vsemirnaya istoriya. T. 2. Srednevekovyye tsivilizatsii Zapada i Vostoka* [The World History. T. 2. Medieval Civilizations of the West and East]. Moscow: Nauka. P. 810-818. (In Russian).

Vasil'yev A.M., Savateyev A.D., Isayev L.M., (eds.). 2014. *Arabskiy krizis i yego mezhdunarodnyye posledstviya* [The Arab Crisis and Its International Implications]. Moscow: LENAND. 256 p. (In Russian).

Wallerstein I. 2004. *Konets znakomogo mira* [The End of the World as We Know It. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2001. 288 p.]. Moscow: Logos. 368 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. 2016. *Почему одни страны богатые, а другие бедные*. Москва: АСТ. 760 с.

- Барановский В.Г., Наумкин В.В. 2018. *Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте*. Москва: ИВ РАН. 556 с.
- Бочарова Л.С., Видясова М.Ф., Гевелинг Л.В., Исаев В.А., Мейер М.С., Мельянцева В.А., Орлов В.В., Сафронова А.Л., Фридман Л.А. 2011. Круглый стол: социально-экономические аспекты событий на Арабском Востоке. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. № 3. С. 92-111.
- Валлерстайн И. 2004. *Конец знакомого мира*. Москва: Логос. 368 с.
- Васильев А.М., Саватеев А.Д., Исаев Л.М., (отв. ред.). 2014. *Арабский кризис и его международные последствия*. Москва: ЛЕНАНД. 256 с.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. (отв. ред.). 2012. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. Москва: ЛКИ. 464 с.
- Ланда Р.Г. 2005. *История арабских стран*. Москва: Восточный университет. 319 с.
- Мельянцева В.А. 1984. *Экономический рост стран Магриба*. Москва: Наука. 216 с.
- Мельянцева В.А. 1996. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. Москва: Издательство МГУ. 304 с.
- Мельянцева В.А. 2003. *Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики*. Москва: Издательский центр ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. 76 с.
- Мельянцева В.А. 2009. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980-2000-е гг.)*. Москва: ИД «Ключ-С». 216 с.
- Мельянцева В.А. 2011. Кризис в арабском мире: экономические и социальные аспекты. *Мировая экономика и международные отношения*. 55(10). С. 73-83.
- Мельянцева В.А. 2014. Причины и факторы экономического отставания в арабо-мусульманском мире. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. №4. С. 125-138.
- Мельянцева В.А. 2015. *Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран*. Москва: Издательство «Ключ-С». 80 с.
- Мельянцева В.А. 2017. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI века. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. №3. С. 162-180.
- Мельянцева В.А., Амиров Э.Р. 2018. Арабские страны : достижения , проблемы и ключевые факторы экономического развития. *Международная торговля и торговая политика*. №3. С. 6-18. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-3-6-18
- Мельянцева В.А., Бочарова Л.С. 2020a. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980-2010-е гг.). Часть 1. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. №1. С. 3-24.
- Мельянцева В.А., Бочарова Л.С. 2020b. Важнейшие траектории экономического развития арабских стран (1980-2010-е гг.). Часть 2. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. №2. С. 3-26.
- Мельянцева В.А., Матюнина Л.Х. 2019. *Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980-2010-е годы)*. Москва: Издательство «Ключ-С». 191 с.
- Стоклицкий С.Л., Фридман Л.А., Андрукович П.Ф. 1985. *Экономические структуры арабских стран*. Москва: Наука. 341 с.
- Уваров П.Ю. 2012. «Роскошь феодализма». *Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока*. Москва: Наука. С. 810-818.
- Федорченко А.В. 2017. Возможен ли экономический ренессанс в арабском мире? *Вестник МГИМО-Университета*. 52(1). С. 83-100.

Филоник А.О. 2014. Сценарии развития арабских стран до 2050 г. *Восточная аналитика. Ежегодник 2013*. Москва: Институт востоковедения РАН. С. 29-35.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. 2018. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. Москва: ИАФР РАН. 376 с.



Роль Лиги арабских государств в структурировании арабского регионального пространства

Е.С. Мелкумян

Российский государственный гуманитарный университет, Институт востоковедения РАН

В статье анализируются причины, побудившие арабские государства консолидировать усилия и создать Лигу арабских государств. Внимание акцентируется на глубинных различиях, существовавших между государствами, выступившими с идеей укрепления арабского единства, и определивших характер этой региональной организации и особенности её устава, обеспечивавшего её членам возможность сохранить свою политическую систему, суверенитет и специфику внешне-политической деятельности.

Гетерогенный состав ЛАГ оказал влияние на цели и задачи, достижению которых она должна была способствовать. Особое внимание организация должна была уделять защите общеарабских интересов и поддержке всех арабских государств в достижении ими политической независимости.

Обострение ситуации в Палестине после Второй мировой войны стало центральным пунктом в повестке дня всех заседаний ЛАГ, чётко обозначившей свою позицию по палестинскому вопросу ещё в период подготовительного процесса к её официальному провозглашению. В статье рассматривается деятельность ЛАГ, нацеленная на реализацию полного бойкота Израиля, к которому, по мере расширения состава ЛАГ, подключались и другие арабские государства. Арабо-израильский конфликт, центральной проблемой которого остаётся палестинский вопрос, благодаря целенаправленным усилиям ЛАГ, консолидировал арабское геополитическое сообщество и способствовал формированию единой арабской идентичности. ЛАГ выстраивала общий арабский нарратив, в котором арабский народ Палестины выступал в качестве жертвы политики западных держав и сионистов, а после войны 1967 г., в результате которой были оккупированы значительные территории арабских государств, и наступательной политики Израиля, этот вопрос стал центральным элементом, который должен был определять единую позицию арабских стран и их действия, направленные на противодействие политике Израиля.

В статье прослеживается связь между деятельностью ЛАГ и трансформациями, происходившими в международной, в частности региональной, обстановке. Постепенный переход ЛАГ к поискам политического урегулирования арабо-израильского конфликта протекал под влиянием нового баланса сил в регионе Ближнего Востока, а также постепенного формирования новой системы международных отношений.

УДК: 94, 327.7

Поступила в редакцию: 07.07.2020 г.

Принята к публикации: 01.10.2020 г.

Дальнейшее размежевание арабских стран, произошедшее после массовых протестов в 2011 г., повлияло на деятельность ЛАГ, которая по-прежнему пыталась сохранить арабское единство, прибегая к использованию ставшего традиционным инструмента – нерешённости арабо-израильского конфликта. Арабские государства-члены ЛАГ должны были придерживаться общеарабской позиции по вопросу урегулирования арабо-израильского конфликта для того, чтобы сохранить национальную идентичность. Отказ всех членов ЛАГ признать американский план урегулирования, обнародованный администрацией Трампа в начале 2020 г., явился подтверждением того, что данная региональная организация сохраняет свои позиции в качестве защитницы арабского единства и общеарабских интересов.

Ключевые слова: Лига арабских государств (ЛАГ), арабо-израильский конфликт, палестинский вопрос, идентичность, ближневосточное урегулирование

В январе 2020 г. Лига арабских государств (ЛАГ) отвергла американский план, получивший название «сделка века», предусматривавший урегулирование ближневосточного конфликта. Это решение стало знаковым и определяющим для всех арабских государств, так как было принято вопреки различиям в их отношениях с Израилем. Египет и Иордания, подписавшие мирные договоры с Израилем и установившие с ним дипломатические отношения, арабские монархии Персидского залива, которые в последние годы постоянно расширяли свои контакты с ним – все поддержали общую линию ЛАГ, подтвердив тем самым приверженность единой арабской позиции по вопросу урегулирования арабо-израильского конфликта. Такое единодушие по-новому ставит вопрос о том, каким образом сформировалось арабское геополитическое пространство и какую роль в этом процессе сыграла Лига?

Лига арабских государств объединяет все арабские государства. За период её длительного существования (с 1945 г.) она то демонстрировала способность разрешать конфликтные ситуации, возникавшие между членами, то переживала периоды очевидных неудач, неспособная согласовать несовпадающие позиции её членов. Всё это создавало повод для диаметрально противоположных оценок роли данной организации в становлении арабского геополитического пространства. Другая причина таких расхождений – недостаток фундированных научных исследований о деятельности ЛАГ. Научных исследований, посвящённых Лиге арабских государств, в отечественной историографии крайне мало, кроме того, все они посвящены истории создания этой организации или первым десятилетиям её деятельности. Комплексных же работ по тематике Лиги арабских государств, особенно в контексте развития ближневосточного конфликта, охватывающих современный период, не проводилось ни российскими, ни зарубежными исследователями.

Взрывоопасная ситуация на современном Ближнем Востоке, когда помимо нерешённого ближневосточного конфликта, возникают и новые трудноразрешимые кризисы – в Сирии, Йемене, Ливии, содействует возрастанию международ-

но-политического значения Лиги. Таким образом, исследование роли, которую играла данная региональная организация в формировании единого арабского геополитического пространства и используемых ею методов для поддержания его единства, является актуальным как с научной, так и с политической точки зрения.

Цель статьи – раскрыть роль Лиги арабских государств в консолидации арабских стран, формирования единой позиции в отношении палестинской проблемы и арабо-израильского конфликта. Исходя из установки на получение объективных результатов, поставленные в статье задачи решались в первую очередь с опорой на критический анализ источников, а также методологических принципов верификации и системности.

Особенности устава ЛАГ и её главные цели

Лига арабских государств (ЛАГ) – единственная организация, объединяющая все арабские страны – возникла в марте 1945 г., в канун окончания Второй мировой войны, в период формирования новой системы международных отношений и определения внешнеполитических ориентиров новых, недавно обретших независимость развивающихся стран. ЛАГ была создана на основе идеологии панарабизма. Идея о единстве арабской нации и общности её интересов, необходимости стать подлинно независимыми государствами, которые покончили бы со своим колониальным прошлым, объединила такие разные арабские государства как Египет, Ирак, Иордания, Сирия и Ливан. Именно в то время были представлены проекты интеграции: король Трансиордании Абдалла Аль Хашими выдвинул проект «Великой Сирии», премьер-министр Ирака Нури Ас-Саид – идею «Благодатного полумесяца», в то время как египетский премьер-министр Наххас-паша выступал против создания единого государства.

В 1943 г. Мустафа Наххас-паша выдвинул инициативу создания Подготовительного комитета для обсуждения предложенных проектов арабского объединения. Встречи проходили в Александрии с 25 сентября по 17 октября 1944 г. и завершились принятием Александрийского протокола, в котором и были зафиксированы основные положения, заложенные в основу объединения арабских стран. Одновременно были приняты два других документа: резолюция по Палестине, провозглашавшая Палестину частью арабского мира, которой должна быть предоставлена независимость, а также предусматривавшая создание Арабского национального фонда для защиты арабских земель от их перехода под контроль еврейской общины (данный процесс тогда протекал на территории Палестины, находившейся под британским мандатом). Кроме того, была принята резолюция по Ливану, в которой была выражена поддержка независимости и суверенитета этой арабской страны¹. Кризис в Ливане начался

¹ Alexandria Protocol. October 7, 1944. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/alex.asp (дата обращения 18.05.2020)

в октябре 1943 г., когда ливанское правительство заявило о намерении пересмотреть конституцию и исключить из неё статьи, сохранявшие определённые привилегии за Францией. Тогда же французское правительство увеличило своё военное присутствие в стране и настаивало на заключении «военной конвенции», которая давала бы право Франции пользоваться морскими, военными и воздушными базами на ливанской территории (Пир-Будагова 2015).

Обретшие независимость пять арабских государств – Египет, Ирак, Иордания, Ливан и Сирия – поддержали идею объединения, не предполагавшую ограничение собственного суверенитета. Саудовская Аравия и Йемен, перед которыми ввиду их формально независимого статуса не стояла задача перестройки характера отношений со странами, от которых они находились в той или иной форме колониальной зависимости, хотя и с некоторыми колебаниями, но присоединились к ним. Главной целью создаваемого союза должно было стать укрепление сотрудничества между странами-членами, содействие другим арабским странам в обретении ими политической независимости и совместная деятельность, направленная на защиту общеарабских интересов.

Великобритания – наиболее влиятельная держава в регионе Ближнего Востока в ту эпоху – поддержала зарождающийся интеграционный процесс, так как была заинтересована в сохранении дружеских отношений со странами, которые в прошлом находились под её контролем.

Устав ЛАГ (Пакт) был принят 22 марта 1945 г., и эта дата считается днём основания Лиги. В соответствии с уставом государства брали на себя обязательства по укреплению многосторонних отношений между странами-членами, координации их политик в целях углубления сотрудничества и обеспечению независимости, суверенитета, а также коллективных арабских интересов². Все эти цели относились, прежде всего, к политической сфере. Вместе с тем в Уставе содержалось указание на то, что члены ЛАГ будут развивать тесное сотрудничество и в других областях – в экономике, финансовом секторе, торговле, по таможенным и валютным вопросам, в сфере промышленного производства, в сельском хозяйстве, в вопросах транспортной политики, культуры, права и здравоохранения. Однако при этом подчёркивалось, что развитие подобного многопрофильного сотрудничества будет зависеть от обстоятельств и конкретных возможностей каждого государства.

Члены ЛАГ значительно отличались друг от друга: неравномерной оставалась и «степень» их независимости. Ливан и Сирия обрели независимость в 1943 г., но Франция, под мандатом которой они находились с 1923 г., всё ещё продолжала оказывать на них значительное влияние, хотя республиканские правительства Ливана и Сирии предпринимали усилия для достижения полной независимости. В марте 1921 г. Ирак был провозглашён подмандатным коро-

² Мисак джамият ад-дувваль аль арабийя (Устав Лиги арабских государств). URL: <http://www.lasportal.org/ar/aboutlas/Pages/Charter.aspx> (дата обращения 23.10.2020)

левством, а независимость обрёл лишь в 1932 г., когда, после аннулирования британского мандата был принят в Лигу Наций. Тем не менее союзнические отношения с Великобританией определяли курс иракского правительства до антимонархического переворота 1958 г. Трансиорданский эмират во главе с эмиром Абдаллой – представителем Хашимитской династии – был создан Великобританией в 1921 г. в качестве особой административной единицы, на которую не распространялся британский мандат на Палестину. В 1946 г. Трансиордания была провозглашена независимым королевством, однако продолжала опираться на помощь со стороны бывшей метрополии. Египет стал независимым государством раньше других арабских государств – в 1922 г. Однако во время Второй мировой войны его территория стала ареной военных действий, где был размещён значительный контингент британских войск. Именно поэтому вопрос об укреплении независимости стоял перед Египтом так же остро, как и перед его соседями.

Во всех перечисленных арабских государствах в послевоенный период обострилась внутривнутриполитическая ситуация, что было связано с появлением множества новых партий и партийных блоков, межпартийной борьбой, нередко приводившей к политическим кризисам.

Саудовская Аравия и Йемен значительно отставали в деле государственно-управленчества: там не существовало каких-либо органов представительной власти и политических организаций.

Королевство Саудовская Аравия было официально провозглашено в 1932 г. В период создания Лиги Король-основатель Абдель Азиз Аль Сауд (Ибн Сауд) был сосредоточен на создании централизованного государства. При этом саудовское общество оставалось традиционным, и внутривнутриполитические изменения происходили крайне медленно. Положение стало меняться только в связи с обнаружением на саудовской территории огромных запасов нефти и предоставлением американской компании концессии на её разработку. После Второй мировой войны начались поставки нефти на мировой рынок: за несколько лет пустынное королевство превратилось в одного из крупнейших в мире экспортеров жидкого топлива (Васильев 1988).

В Йемене продолжала сохраняться по сути средневековая система власти, основанная на признании основными племенами имама в качестве светского и духовного лидера. В послевоенный период между представителями традиционных и реформаторских кругов среди приближенных имама началась борьба за власть. В результате заговоров происходила смена власти, но традиционалистам удавалось сохранить своё главенствующее положение, а модернизация страны становилась невероятно сложной задачей.

Гетерогенный состав Лиги определил включение в текст устава статьи, отмечавшей: «Каждое государство-член должно уважать политические системы, установившиеся в других государствах-членах, и рассматривать их как исключительное внутреннее дело государств. Каждое государство обязано воздерживать-

ваться от любых действий, направленных на изменение существующей системы правления». Другая статья устава ЛАГ свидетельствовала о том, что его члены были, прежде всего, озабочены сохранением своего суверенитета и максимальной свободы в выполнении принимаемых решений: статья 7 гласит, что только «единогласные решения Совета являются обязательными для всех государств-членов Лиги; решения, принятые большинством голосов, обязательны только для тех государств, которые их приняли»³.

Были приняты также приложения к уставу. Прежде всего, это приложение по Палестине, в котором отмечалось: «Государства, подписавшие Пакт Лиги арабских государств, считают, что, учитывая особые обстоятельства Палестины и до того, как эта страна сможет эффективно осуществлять свою независимость, Совет Лиги должен взять на себя ответственность выбора арабского представителя Палестины, который примет участие в его работе». Ещё одно приложение касалось сотрудничества со странами, которые к тому времени не являлись членами ЛАГ. В нём подчеркивалась необходимость для Совета Лиги при рассмотрении вопросов, которые касаются всего арабского мира, принимать во внимание чаяния арабских стран, не являющихся членами Совета и работать в направлении их реализации⁴. Данные приложения отражали цели, которые были определены арабскими государствами, в качестве основных для формирования арабского единства.

События, развернувшиеся в Палестине непосредственно после создания ЛАГ, превратили палестинскую проблему в фактор консолидации арабской нации (Этингер 1976). ЛАГ выстраивала региональный дискурс, главным элементом которого стала судьба арабского народа Палестины, а после принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №181 о разделе Палестины и создании на её основе государства Израиль – ещё и арабо-израильский межгосударственный конфликт.

Противостояние Израилю

15 мая 1948 г., когда было официально объявлено о создании Государства Израиль, была принята Декларация о введении войск в Палестину, в которой нашла отражение единая арабская точка зрения и был легитимирован ввод на палестинскую территорию регулярных армий Иордании, Египта, Сирии и Ливана. Выстроенный Лигой арабский исторический нарратив представлял палестинских арабов в качестве жертвы британской политики. Несмотря на то, что подавляющее большинство населения Палестины составляли арабы и Великобритания обещала признать независимость арабских стран в Азии после победы над

³ Мисак джамият ад-дувваль аль арабийя (Устав Лиги арабских государств). URL: <http://www.lasportal.org/ar/aboutlas/Pages/Charter.aspx> (дата обращения 23.10.2020)

⁴ Там же.

Османской империей, в 1917 г. Британия опубликовала Декларацию Бальфура, в которой признала право еврейского народа на создание своего национального очага в Палестине⁵. После передачи Палестины под мандат Великобритании она не препятствовала всё расширяющейся еврейской иммиграции, несмотря на то, что рост населения не соответствовал экономическим возможностям страны. С точки зрения ЛАГ, Великобритания не принимала во внимание интересы и права арабских жителей, «законных владельцев этой земли»⁶.

Арабский нарратив, сформулированный ЛАГ, включал ещё одно важное положение, которое должно было придать законный характер милитаристской политике арабских стран. В принятом ею документе утверждалось, что Палестина – арабская страна, расположенная в центре арабского мира и связанная с ним многими узами – духовными, историческими и стратегическими⁷. Этим страны-члены обосновывали своё участие в решении палестинской проблемы и их усилия по её интернационализации (Barnett, Solingen 2007). Арабские лидеры заявляли о незаконном характере резолюции о разделе Палестины, противоречащей Уставу ООН. «Агрессивную политику сионистов» они считали производной от политики британских империалистов.

Этот исторический нарратив повлиял на формирование арабского общественного мнения в отношении Израиля как «вечного врага» арабской нации, который оставался неизменным на протяжении значительного периода времени, несмотря на изменения международной обстановки.

После арабо-израильской войны 1948-1949 гг. ЛАГ, не добившись военной победы над Израилем, приступила к выработке антиизраильских политических и экономических мер. Экономический бойкот был объявлен в декабре 1945 г.: члены Лиги должны были отказаться от импорта товаров, произведённых в Палестине на еврейских предприятиях. Кроме того, они должны были бойкотировать еврейские банки, посреднические компании и предприятия сферы услуг.

После создания Израиля Совет Лиги утвердил «Единый закон о бойкоте Израиля», в соответствии с которым всем физическим или юридическим лицам запрещалось заключать сделки с любыми лицами, проживающими в Израиле или имеющими гражданство Израиля, и фирмами, зарегистрированными в Израиле. ЛАГ также отказывалась участвовать в международных форумах и совещаниях, проводимых совместно с Израилем. В мае 1951 г. Совет Лиги принял решение о создании Центрального бюро бойкота со штаб-квартирой в Дамаске. Кроме того, в каждом арабском государстве должны были быть созданы специальные региональные отделения, занятые реализацией данной политики. Обмен и торговля любыми товарами, продуктами или нематериальным имуществом с Израилем были запрещены. Закон о бойкоте также предусматривал

⁵ Arab League Declaration on the Invasion of Palestine. May 15, 1948. URL: http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/History/arab_invasion.html (дата обращения 23.10.2020)

⁶ Там же.

⁷ Там же.

наказание в виде штрафа или лишения свободы любому лицу, нарушившему вышеперечисленные условия.

По мере расширения ЛАГ антиизраильская политика объединяла всё большее число арабских государств, способствуя их дальнейшей консолидации. Расширение политического дискурса за счёт единой позиции по арабо-израильскому конфликту стало необходимым условием вхождения в арабское сообщество и обретения его политической поддержки.

В первом выступлении эмира Катар по случаю провозглашения независимости страны он подчеркнул: «Мы будем помогать всеми нашими силами достижению арабского единства и борьбе ради победы арабских устремлений, и, в первую очередь, оскверненной земли Палестины и оккупированных арабских земель. Это долг каждого араба. Наше государство будет оказывать полную поддержку осуществлению права арабского народа Палестины на свою поруганную родину. Мы будем также оказывать всеобъемлющую поддержку арабским государствам в их борьбе за возвращение оккупированных территорий»⁸.

Арабская солидарность проявилась и во время войн 1967 г. и 1973 г. В июне 1967 г. непосредственным участникам конфликта – Египту, Сирии и Иордании – оказывали помощь подразделения Алжира, Кувейта, Судана и Ирака. В октябре 1973 г., в ходе военных действий против Израиля предложения об оказании помощи Египту и Сирии поступали от всех участниц Лиги, а силы Марокко, Ирака, Саудовской Аравии и Иордании были направлены на сирийский фронт. Арабские нефтедобывающие страны ввели против США и других союзников Израиля нефтяное эмбарго.

Проблема урегулирования арабо-израильского конфликта

Сокрушительное военное поражение арабских стран, утративших значительную часть своих территорий, оккупированных Израилем, привело к размежеванию среди участников ЛАГ. Так, Сирия настаивала на продолжении вооружённой борьбы с Израилем и не приняла участие в саммите ЛАГ в Хартуме в сентябре 1967 г. На нём была подтверждена позиция по непризнанию Израиля и отказу от заключения с ним мира или начала переговоров. Для оказания помощи странам, пострадавшим в ходе боевых действий с Израилем, а также Организации освобождения Палестины (ООП), был создан специальный фонд, в который ежегодные взносы обязались вносить три нефтедобывающих государства ЛАГ – Кувейт, Ливия и Саудовская Аравия (The Arab-Israeli Conflict... 1977).

⁸ Насс аль-хитаб хадрат Сахиб Ас-Суму аш-шейх Халифа бен Хамад Аль Тани амира даулят Катар би мунасабат иалан истикляль давлат Катар 3 себтамбр «айлуль» 1971 (Текст речи Его Высочества шейха Халифа бен Хамада Аль Тани по случаю провозглашения независимости государства Катар 3 сентября (айлуль) 1971 г. – Маджумат хутуб ва байанат хадрат Сахиб Ас-Суму аш-шейх Халифа бен Хамад Аль Тани амир даулят Катар 1971-1981. (Сборник речей и выступлений Его Высочества шейха Халифа бен Хамада Аль Тани эмира государства Катар. 1971-1981.). Доха, 1982. С. 15.

Единая позиция членов ЛАГ, продемонстрированная ими на Рабатском саммите в октябре 1974 г. по вопросу о признании ООП единственным законным представителем палестинского народа, стала фактором их дальнейшего сближения. Поддержка палестинцев как и прежде объединяла арабские страны, для которых отношение к палестинскому вопросу уже стало маркером арабской идентичности.

Осуждение Египта, заключившего Кэмп-Дэвидские соглашения и мирный договор с Израилем, было единогласным: членство Египта в ЛАГ было приостановлено. Вместе с тем между арабскими государствами в тот период наметились различные подходы к проблеме арабо-израильского конфликта. «Прогрессивная» часть, объединившаяся в рамках Фронта стойкости и противодействия, была настроена на продолжение вооружённой борьбы с Израилем. «Консервативные» арабские страны, к числу которых принадлежали и монархии Залива, выступали за мирное разрешение арабо-израильского конфликта. Это создавало определённые трудности для ЛАГ, которая стремилась сохранить единство своих рядов. Мирный план Фахда – наследного принца, а затем короля Саудовской Аравии, в котором были изложены основные требования к Израилю по урегулированию конфликта с арабскими странами, – с большим трудом был утверждён саммитом ЛАГ в Фесе в сентябре 1982 г. В условиях биполярности произошло разделение арабских стран на союзников двух супердержав, что накладывало свой отпечаток и на деятельность Лиги.

Под влиянием Сирии арабские государства внесли некоторые изменения в план Фахда. В принятой резолюции говорилось, что «Совет Безопасности будет гарантировать мир для всех государств региона, включая независимое Палестинское государство. Израиль должен вывести свои войска к границе, существовавшей до войны 1967 г., включая “арабский” Иерусалим». В резолюции были повторены требования, содержащиеся в Мирном плане о создании независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме, требование о ликвидации еврейских поселений на оккупированных территориях и решение проблемы беженцев с возможностью выплаты им компенсации, если они не пожелают вернуться⁹.

Лига, направлявшая свои усилия на укрепление арабского единства и используя как инструмент консолидации арабо-израильский конфликт, столкнулась со многими трудностями, вызванными не только воздействием внешних факторов, но и возникавшими конфликтами между входившими в неё странами. Позиция арабских государств-членов ЛАГ в отношении иракской агрессии против Кувейта в августе 1990 г. не была единой, что не позволило принять единогласное и эффективное арабское решение, которое бы помогло освободить

⁹ Arab League Summit Conferences, 1964-2000. The Washington Institute. Policy Analysis. October 19, 2000. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/arab-league-summit-conferences-19642000> (accessed 23.10.2020)

Кувейт и вернуть ему независимость и суверенитет. В результате деятельность ЛАГ зашла в тупик. Дальнейшее углубление кризиса было также связано с заключением соглашений в Осло между Организацией освобождения Палестины и Израилем.

Преодоление кризиса стало возможным только в 1996 г., когда после пятилетнего перерыва состоялся внеочередной саммит ЛАГ в Каире. На встрече было подтверждено, что справедливый и всеобъемлющий мир на Ближнем Востоке является стратегическим выбором арабских стран. Мир должен быть достигнут в соответствии с международным правом, и это требует выполнения соответствующих требований со стороны Израиля¹⁰. Арабские страны также отвергли обвинения в террористических действиях со стороны ряда организаций, подчеркнув «неотъемлемое право оказывать сопротивление оккупации и агрессии»¹¹.

В 2000-е гг. в рамках Лиги баланс сил изменился в пользу группы арабских государств, входившей в состав иной региональной организации – Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), которые благодаря своей согласованной позиции стали оказывать значительное влияние на принимаемые в ЛАГ решения. Не случайно, что в 2002 г. саммит Лиги в Бейруте утвердил Мирную инициативу Абдаллы бен Абдель Азиза – (в то время) наследного принца Саудовской Аравии – предварительно поддержанную на саммите ССАГПЗ. В ней была подчеркнута приверженность арабских государств мирному решению конфликта, причём для установления нормальных отношений между арабскими странами и Израилем, он должен был выполнить ряд условий: гарантировать выход со всех оккупированных в 1967 г. территорий, включая сирийские Голанские высоты; вывод войск к границе, существовавшей до 4 июня 1967 г.; справедливое решение проблемы палестинских беженцев в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №194; признание суверенного независимого Палестинского государства на палестинских территориях, находящихся под оккупацией с 4 июня 1967 г. на Западном берегу и в секторе Газа, со столицей в Восточном Иерусалиме. Лига призвала правительство Израиля и всех израильтян принять арабскую инициативу для достижения мира с тем, чтобы «арабские страны и Израиль жили бок о бок в мире и обеспечили будущим поколениям безопасность и стабильность»¹².

Арабские государства предложили Израилю трансформацию их конфликтного взаимодействия в общерегиональное плодотворное сотрудничество, ко-

¹⁰ Arab Peace Initiative: Full Text. The Guardian Weekly. URL: <https://www.theguardian.com/world/2002/mar/28/israel7> (дата обращения 23.10.2020)

¹¹ Там же.

¹² Аль-Карарат – Маджлис джамиат ад-дуваа аль-арабийя аля мустава аль-кимма. (Решения – Совет Лиги арабских государств на высшем уровне). Бейрут, Аль-Джумхурия аль лубнанийя, 28 марис 2002 (Бейрут, ка Ливан, 22 марта 2002 г.). URL: <http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA%2014.pdf> (accessed 23.10.2020)

торое могло стать основой обеспечения региональной безопасности и содействовать поступательному развитию всех государств Ближнего Востока. ЛАГ удалось выработать единую арабскую позицию по ближневосточному урегулированию, в которой требования арабских государств к Израилю получили свою окончательную формулировку, и которая в дальнейшем не подвергалась каким-либо серьёзным корректировкам.

ЛАГ в период обострения региональной ситуации

Массовые антиправительственные выступления в регионе Ближнего Востока, начавшиеся в 2011 г. и приведшие к смене режимов и гражданским войнам в отдельных арабских странах, маргинализировали проблему арабо-израильского противостояния (Beck 2015). В повестку подавляющего большинства саммитов по-прежнему включался вопрос, связанный с проблематикой арабо-израильского конфликта, но он утратил свое центральное для арабского геополитического сообщества значение (Современные международные отношения 2019).

В декларациях саммитов обращалось внимание на новые нарушения со стороны Израиля признанных международным сообществом решений. Так, в Кувейтской декларации, принятой саммитом ЛАГ в марте 2014 г., на котором, главным образом, обсуждался сирийский кризис, арабские страны отказались признать Израиль «еврейским государством». На следующем саммите, состоявшемся в Шарм-Эль-Шейхе в 2015 г., основное внимание было уделено положению в Йемене, провокационной политике Ирана в отношении арабских стран, а также была оказана поддержка ОАЭ в их законных требованиях к Ирану начать переговоры по спорному территориальному вопросу, касающемуся принадлежности трёх островов в Персидском заливе – Абу-Муса, Большой и Малый Томб. В выступлениях участников саммита вновь прозвучали обвинения в адрес Израиля за его незаконную деятельность по расширению на оккупированных арабских территориях израильских поселений и за срыв переговорного процесса с палестинцами. В своей речи на саммите египетский президент Абдель Фаттах Ас-Сиси заявил: «Мирные переговоры, которые использовали различные механизмы и инициативы, зашли в тупик из-за непримиримых позиций израильской стороны, что делает невозможным проводить этот курс, который становится прикрытием для агрессии и поселенческой активности»¹³. Не стал исключением и саммит 2017 г., на котором Израиль подвергся критике за непрекращающуюся осаду сектора Газа, за нарушения в отношении мечети Аль-Акса и изменение демографического состава Восточного Иерусалима в пользу еврей-

¹³ 26th Arab League Summit in Egypt. Government Communication Office. State of Qatar. URL: <https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2017/08/26th-Arab-League-Summit-in-Egypt-EN.pdf> (accessed 23.10.2020)

ского населения. В декларации также говорилось о том, что «заявление США о переносе столицы Израиля в Иерусалим неприемлемо»¹⁴.

Несмотря на попытки ЛАГ продолжать прежнюю линию противодействия Израилю, появление новых конфликтных узлов значительно корректировало её деятельность. Усиление противостояния между арабскими монархиями Залива и Ираном повлияло на изменение их отношения к Израилю в связи с обострением ирано-израильского конфликта, что также было связано с общей нестабильностью в регионе Ближнего Востока.

Стремление не позволить Ирану превратиться в наиболее влиятельное государство Ближнего Востока стало общей задачей и для Израиля, и для арабских государств Залива. Между ними были инициированы неформальные контакты, их сближению способствовали и Соединённые Штаты, поддерживающие отношения стратегического союза и с той, и с другой стороной. В 2018 г. состоялся официальный визит премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху в Оман.

Президент США Д. Трамп рассчитывал на продвижение нового американского плана по урегулированию арабо-израильского конфликта с помощью своих союзников – арабских государств Залива. Во время оглашения американского плана в Вашингтоне в зале присутствовали послы трёх стран региона – Бахрейна, ОАЭ и Омана – что могло свидетельствовать об их участии в его обсуждении и негласной его поддержке. Однако ЛАГ продемонстрировала неизменность арабского курса в отношении требований к Израилю и поддержки законных прав палестинцев.

2 февраля 2020 г. состоялось внеочередное заседание Совета Лиги на уровне министров иностранных дел для обсуждения американо-израильского плана, получившего название «сделка века». В решениях совещания вновь было подчеркнуто, что палестинская проблема имеет центральное значение для всей арабской нации и арабской идентичности, и что Восточный Иерусалим следует признать столицей Государства Палестина, которое «должно обладать суверенитетом над всей оккупированной в 1967 г. территорией, включая Восточный Иерусалим, над воздушным и морским пространством и территориальными водами, её природными ресурсами и границами с соседними государствами». Лига отвергла американо-израильский план «сделки века», как не отвечающий даже в малой степени правам и чаяниям палестинского народа и не соответствующий международному праву и резолюциям ООН, подтвердив свою приверженность арабской мирной инициативе¹⁵. Таким образом, Лига подтвердила своё значение в качестве выразительницы интересов арабской нации.

¹⁴ Arab League Summit Ends with Declaration in Jordan. *Anadolu Agency*. World. Middle East. 30.03.2017. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/arab-league-summit-ends-with-declaration-in-jordan/782794> (accessed 23.10.2020)

¹⁵ Аль-Карар рак 8457 ас-садыр ли иджитимаа маджлис джамиат ад-дуваль аль-арабий аля аль-муства аль-визарий фи давратиhi гейр аль-адия би шаан хутта сафка аль-карн аль-амрикий аль-исраилий (Решение №8457, принятое на совещании Совета Лиги арабских государств на министерском уровне на его внеочередном совещании по обсуждению американо-израильского плана «Сделка века» – Аль-Имана аль-амма, Аль-Кахира 01.02.2020,

Главным историческим достижением ЛАГ стало формирование единой арабской идентичности, фундаментом которой является позиция по проблеме Палестины. Арабо-израильский конфликт и его центральное звено – палестинский вопрос, всегда оставались в фокусе внимания Лиги. Именно ЛАГ формулировала общеарабскую позицию, которую должны были поддерживать все арабские государства, подтверждая свою принадлежность к единой арабской нации.

Оценивая результаты деятельности ЛАГ, необходимо обратить внимание на то, что для арабских стран, хотя и стремившихся к интеграции, всё же первоочередной задачей было сохранение суверенитета и независимости, поэтому они и отказались от идеи единого государства и создали организацию, в уставе которой были закреплены гарантии независимости их политических систем, направлений внешнеполитической деятельности, невмешательства в их внутренние дела. ЛАГ также максимально ограничила масштабы своей деятельности. В качестве её главной цели было декларировано укрепление сотрудничества между государствами-членами и поддержка арабских государств, боровшихся за свою политическую независимость, а также защита общеарабских интересов. Предполагалось сотрудничество между государствами-членами и в других областях, но оно не рассматривалось в качестве приоритетного, поэтому ЛАГ стала, прежде всего, политической организацией, определявшей свои позиции по актуальным проблемам арабского сообщества, главной из которых стал арабо-израильский конфликт. После обретения независимости все арабские страны присоединялись к общеарабскому фронту по противодействию Израилю. Это было необходимым условием полноправного участия в деятельности ЛАГ и в жизни всего арабского сообщества, гарантией его поддержки. Политическая риторика лидеров арабских государств должна была включать в себя два неизменных компонента – поддержку палестинского народа в борьбе за его права и критику действий Израиля.

События «арабской весны» привели к трансформации региона Ближнего Востока: возник новый баланс сил, усложнилась система региональной безопасности, возникли новые конфликтные очаги. В этих условиях арабо-израильский конфликт на время утратил своё прежнее значение системообразующего фактора единой ближневосточной геополитической региональной системы (Wajner, Kasowicz 2018).

Позиции Израиля сблизились с позициями наиболее влиятельных в арабском мире арабских монархий Персидского залива: стороны критически воспринимали политику Ирана, рассматривая её как главную угрозу региональной

Генеральный секретариат, Каир). URL: <http://www.lasportal.org/ar/councils/lascouncil/Documents/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%20%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3%20%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%20%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9%20%D8%AF%20%D8%BA%20%D8%B9%201-2-2020.pdf> (accessed 23.10.2020)

безопасности. Вместе с тем контакты между ними не привели к положительной динамике в процессе ближневосточного урегулирования, а позиция членов ЛАГ по израильскому вопросу осталась неизменной. ЛАГ сохранила прежнюю риторику в отношении Израиля и придерживается собственной, арабской мирной инициативы.

Долгие годы выстраивая общеарабский нарратив, в котором главное место отводилось арабо-израильскому конфликту и палестинскому вопросу, ЛАГ была ограничена в своих действиях и продолжала придерживаться традиционных, характерных для арабских стран на протяжении длительного периода их противостояния с израильским противником взглядов. Реакция Лиги на план США по урегулированию арабо-израильского конфликта со всей очевидностью это продемонстрировала.

Об авторе:

Елена Суменовна Мелкумян – доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока, Российский государственный гуманитарный университет (125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6). Ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12). E-mail: g.kosah@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 7, 2020
Accepted: October 1, 2020

Role of the Arab League in Structuring the Arab Regional Space

E.S. Melkumyan
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-220-235](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-220-235)

Russian State University for Humanities, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of science

Abstract: The article analyzes the reasons that prompted the Arab states to consolidate their efforts and create the League of Arab States. Attention is focused on the deep differences that existed between the states that came forward with the idea of strengthening Arab unity and determined the nature of this regional organization and the features of its charter, which provided its members with the opportunity to preserve their political system, sovereignty and the specifics of foreign policy.

The heterogeneous nature of LAS had an impact on its the goals and objectives. The focus of this organization was to protect pan-Arab interests and support all Arab states in achieving political independence.

The aggravation of the situation in Palestine after the Second World War became a central item on the agenda of all the Arab League meetings. This organization indicated its position on the Palestinian issue in the preparatory period for its official proclamation. The article discusses the activities of the Arab League, aimed at introducing a complete boycott of Israel, which, amid expansion of the Arab League, other Arab states also joined. The Arab-Israeli conflict, due to the targeted efforts of the Arab League, consolidated the Arab geopolitical community and contributed to the formation of a national Arab identity. The LAS in its documents built a common Arab narrative, having two underpinnings: the recognition of the Palestinian Arab people as a victim of the Western powers and Zionists, as well as foreign policy of Israel.

The article traces the relationship between the activities of the Arab League and the changes that have occurred in the regional and international environment. The gradual transition of the Arab League to the search for a political settlement of the Arab-Israeli conflict was influenced by the emergence of a new balance of power in the Middle East region, as well as the gradual transformations of a new system of international relations.

The further demarcation of the Arab countries that occurred after the mass protests in 2011 influenced the activities of the Arab League, which tried to maintain Arab unity by using the traditional tool – the unresolved Arab-Israeli conflict. The LAS member-states should have taken a pan-Arab stance on the settlement of the Arab-Israeli conflict in order to preserve national identity. The refusal of all Arab League members to accept the American settlement plan, proposed by D. Trump administration in early 2020, was a confirmation that this regional organization retains its position as a defender of Arab unity and pan-Arab interests.

Keywords: The League of Arab States (LAS), Arab-Israeli conflict, Palestinian issue, identity, Middle East settlement

About the author:

Elena S. Melkumyan – Doctor of Political science, Professor of the Oriental Studies Department, Russian State University for Humanities (Miusskaya square 6, Moscow, Russia, 125993). Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Rozhdestvenka 12, Moscow, Russia, 107031). E-mail: g.kosah@mail.ru

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interest.

References:

Barnett M., Solingen E. 2007. Designed to fail or failure of design? The origins and legacy of the Arab League. *Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective*. Ed. by A. Acharya and A. Johnston. Cambridge University Press. P. 180-220.

Beck M. 2015. The End of Regional Middle Eastern Exceptionalism? The Arab League and the Gulf Cooperation Council after the Arab Uprisings. *Democracy and Security*. 11(2). P. 190-207. DOI: 10.1080/17419166.2015.1037390

The Arab-Israeli Conflict. Readings and Documents. 1977. Princeton: New Jersey. 1285 p.

Wajner D.F., Kacowicz A.M. 2018. The Quest for Regional Legitimation: Analyzing the Arab League's Legitimizing Role in the Arab Spring. *Regional & Federal Studies*. 28(4). P. 489-521. DOI: 10.1080/13597566.2018.1451846

Etinger Ia.Ia. 1976. *Mezhdunarodnye organizatsii Azii i Afriki* [International Organizations of Asia and Africa]. Moscow: Nauka. 191 p. (In Russian)

Pir-Budagova E.P. 2015. *Istoriia Sirii. KhKh vek* [History of Syria. 20th Century]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. 392 p. (In Russian)

Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia [Contemporary International Relations]. 2019. Ed. by Torkunov A.V. & Malygin A.V. Moscow: AspektPress. 688 p. (In Russian)

Vasil'ev A.M. 1988. *Saudovskaia Araviia. Noveishaia istoriia arabskikh stran Azii* [Saudi Arabia. The Latest History of the Arab Countries of Asia]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Литература на русском языке:

Васильев А.М. 1988. Саудовская Аравия. *Новейшая история арабских стран Азии*. Москва: Наука.

Пир-Будагова Э.П. 2015. *История Сирии. XX век*. Москва: Институт востоковедения РАН. 392 с.

Современные международные отношения. 2019. Под ред. Торкунова А.В. и Малыгина А.В. Москва: АспектПресс. 688 с.

Этингер Я.Я. 1976. *Международные организации Азии и Африки*. Москва: Наука. 191 с.



Американская стратегия «достаточного присутствия» на Ближнем Востоке

И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина, Т.В. Баранова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Статья посвящена политике США в ближневосточном регионе. Авторами анализируются и сравниваются ключевые векторы американской политики на Ближнем Востоке в период президентства Б. Обамы и Д. Трампа. Отмечается, что первые три года нахождения у власти Дональда Трампа прошли под эгидой ближневосточной политики, которую политологи определили как «стратегию достаточного присутствия». Согласно точке зрения авторов, «стратегия достаточного присутствия» позволяет США сохранять своё существующее политическое влияние, но при этом снижать союзнические обязательства для реализации своих национальных интересов. Кроме того, в работе рассмотрены основные риски и угрозы для интересов США в регионе. Авторы дают свой прогноз относительно возможной ближневосточной политики США после президентских выборов в 2020 г., выделяя три приоритетных направления американской политики на Ближнем Востоке в краткосрочной и среднесрочной перспективе – контроль над рынком углеводородов, борьба с терроризмом, политика в отношении Ирана и противодействие распространению оружия массового уничтожения. В заключение авторами делается вывод о том, что после пандемии, экономического кризиса и массовых беспорядков в Соединённых Штатах Америки внутренняя политика станет для страны более приоритетным направлением.

Ключевые слова: внешняя политика США, политика на Ближнем Востоке, стратегия национальной безопасности США, президентство Д. Трампа, президентство Б. Обамы, США и Ближний Восток, национальные интересы США

В последние годы ближневосточный регион вобрал в себя все элементы нестабильности, начиная от распада государств, заканчивая увеличением числа радикальных экстремистских групп. Данные тенденции создали препятствия для успешной реализации своих внешнеполитических интересов для многих западных государств, в том числе и для США.

Эксперты в области внешней политики по-разному трактуют действия Д. Трампа на Ближнем Востоке. Часть исследователей (Yom 2020: 77-78;

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 10.08.2020 г.

Принята к публикации: 11.10.2020 г.

Mossalanejad 2018: 47-49) убеждены, что на первый взгляд присутствие США на Ближнем Востоке выглядит минимальным, что с большой вероятностью сохранится и после следующей президентской избирательной кампании 2020 г. Другая часть уверена, что Д. Трамп придерживается стратегии, которую внедрила администрация Б. Обамы, несмотря на существенную критику предшествующего президента (Doran 2019: 11; Telhami 2018: 359). Отчасти противоположной является точка зрения исследователей, которые рассматривают действия Д. Трампа на Ближнем Востоке как спонтанные и неопределённые (Морозов 2017: 64; Lynch 2016: 135). По мнению либеральных и неоконсервативных критиков, внешняя политика США при администрации Трампа – «Доктрина Трампа» – представляет собой отказ от глобального лидерства Америки в пользу реакционного популизма и, таким образом, гибель институциональной архитектуры международного порядка после Второй мировой войны (Yom 2020).

Множество работ посвящено осмыслению ближневосточной политики Б. Обамы на посту президента США (Freedman 2017: 242-243; Kalantari 2018: 43-44; Шаклеина, Шаклеин 2016: 50-52; Шумилин 2014: 43-50). Часть исследователей сходятся во мнении, что внутреннюю политику Б. Обамы можно считать успешной, чего нельзя сказать о внешней, особенно на Ближнем Востоке. Хотя Б. Обама подчёркивал проблему прав человека, он, казалось, не обращал внимания на последствия гражданской войны в Сирии, преждевременно вывел американские войска из Ирака, неправильно понял угрозу со стороны ИГИЛ, вмешался в Ливию и Йемен. Единственный успех Б. Обамы на Ближнем Востоке – ядерное соглашение с Ираном (Freedman 2017; O'Hanlon 2012). Другая часть исследователей называет политику США на Ближнем Востоке в период Б. Обамы успешной и учитывающей американские интересы в разрешении ближневосточных конфликтов (Kalantari 2018: 43-44). Б. Обама делал акцент на дипломатии, а не на силе для разрешения конфликтов на Ближнем Востоке (Krieg 2016: 97).

Целью работы является анализ ближневосточной политики США в период президентства Б. Обамы и Д. Трампа, а также рассмотрение возможных сценариев развития политики США на Ближнем Востоке после президентских выборов в 2020 г. в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

С помощью метода кейс-стади мы сравниваем ключевые векторы американской политики на Ближнем Востоке в период президентства Б. Обамы и Д. Трампа, выделяя сильные и слабые стороны политики США на Ближнем Востоке.

Для сравнения политических событий и политики США на Ближнем Востоке при Б. Обаме и Д. Трампе мы выделяем несколько критериев. Первый – это место, которое занимает ближневосточная политика в курсе президента и его политической программе, а также в целом во внешней политике США. Второй критерий связан с партнёрами США на Ближнем Востоке в период президентства Б. Обамы и Д.Трампа. Из предыдущего критерия вытекает следующий –

государства, которые занимают конфронтационную позицию по отношению к США в регионе в тот или иной период времени. Четвёртым критерием сравнения является риторика президентов в ходе предвыборных кампаний, а также в период их президентства.

Место ближневосточной политики США во внешнеполитической доктрине Д. Трампа и Б. Обамы: общее и особенное

После прихода Д. Трампа к власти в США в ноябре 2016 г. перед Америкой встала проблема выработки новой, отвечающей современным реалиям внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке. Команда нового президента США ориентировалась на следующие ключевые вопросы. Во-первых, это краткосрочные и долгосрочные интересы США в регионе. Во-вторых, это угрозы для американской внешней политики в регионе. Основной такой угрозой для США выступают радикальные режимы и группы, поэтому их нейтрализация и сохранение безопасности является одной из ключевых задач политики США на Ближнем Востоке. Одним из главных приоритетов администрации Д. Трампа стала борьба с ИГИЛ. 28 января 2017 г. он поручил Пентагону разработать расширенный план «уничтожения ИГИЛ». В-третьих, это выгоды и возможности для США от своего присутствия в региональных делах. В-четвёртых, это не только сохранение прежнего влияния в регионе, но и его расширение. Более того, ближневосточный курс Б. Обамы привёл к утрате доверия многих региональных элит к США, снижению уверенности в способности обеспечить их защиту, поскольку американцы уже не были единственным влиятельным внешним игроком в регионе. «Приход» России в Сирию и на Ближний Восток способствовал укреплению этой тенденции¹. После вступления в должность Д. Трамп больше полагался на военнослужащих, чем предыдущие администрации, а также на советников Белого дома, а не на Государственный департамент.

Оценивая политику Б. Обамы, Трамп отмечал, что теперь ему необходимо прекратить то безобразие, которое он наследовал на Ближнем Востоке: «Я справлюсь с этим, но начнём с того, что угодить в эту ситуацию было катастрофической ошибкой в долларовом исчислении и человеческих жизнях»². Однако стратегия США при Трампе не претерпела значительных изменений. Он также, как и Б. Обама, увеличил число американских войск в Афганистане и старался обеспечить механизм «достаточного присутствия» США на Ближнем Востоке за

¹ Сучков М. Стратегия «достаточного присутствия»: политика США на Ближнем Востоке при Д. Трампе. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-dostatochnogo-prisutstviya-politika-ssha-na-blizhnem-vostoke-pri-d-trampe/> (дата обращения 20.10.2020).

² Trump says US presence in Middle East is a «mistake in lives and dollars» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yenisafak.com/en/world/trump-says-us-presence-in-middle-east-is-a-mistake-in-lives-and-dollars-2819124> (accessed 20.10.2020).

счёт снижения союзнических обязательств Вашингтона, но при этом сохраняя политическое влияние в регионе.

Ближний Восток был ключевым полигоном для внешней политики Б. Обамы. Такие события, как «арабская весна», многонациональная военная интервенция под руководством НАТО в Ливии, гражданская война в Сирии и сложный процесс, который привёл к ядерному соглашению с Ираном, можно рассматривать как отражение «доктрины Обамы» (The Long Game... 2016: 240, 242).

Многие кризисы, которые до сих пор мучают Ближний Восток, стали вызовом для новой администрации Д. Трампа³. Американский президент неоднократно выражал презрение к давним арабским партнёрам США, таким как Саудовская Аравия и другие страны Персидского залива, на том основании, что Вашингтон предоставляет им защиту, не получая достаточно взамен⁴. Однако во время избирательной кампании Трамп продемонстрировал совершенно другое отношение к Израилю. Новый президент охарактеризовал Израиль как «нашего великого друга и единственную истинную демократию на Ближнем Востоке» и часто заявлял, что его предшественники не оказали достаточной поддержки этому государству⁵.

Во время предвыборной кампании Д. Трамп был склонен воспринимать военную роль США в регионе скорее с точки зрения борьбы с терроризмом, чем с точки зрения государственного строительства. Во время своей предвыборной речи он заявил следующее: «Если я стану президентом, то эпоха государственного строительства закончится»⁶. По словам Дональда Трампа, США не следует читать лекции ближневосточным режимам о гражданских свободах, а сосредоточиться на том, насколько они эффективны в борьбе с «терроризмом» в регионе.

Однако другие аспекты, характеризующие отношение Трампа и сотрудников его администрации к Ближнему Востоку, указывают на гораздо более экспансивный и идеологический политический подход. Главные фигуры в команде национальной безопасности Трампа, включая первых и близких политических советников, таких как Стив Бэннон и генерал Майкл Флинн, были сторонниками эскалации, настойчивого и интервенционистского подхода. Несмотря на то, что С. Бэннон был уволен, а М. Флинн подал в отставку, выбор советников президента в целом показывает определённый курс. Флинн описывал «радикальный ислам» как «тоталитарную идеологию» и утверждал, что она ведёт

³ Nasr, V. Trump's Big Test in the Middle East. The Atlantic, November 25. 2016. P25-29.

⁴ Meet the Press Transcript [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/meet-press-transcript-august-16-2015-n412636> (accessed 20.10.2020).

⁵ Transcript: Donald Trump's Foreign Policy Speech [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html> (accessed 20.10.2020).

⁶ Donald Trump's speech on fighting terrorism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/story/2016/08/donald-trump-terrorism-speech-227025> (accessed 20.10.2020).

«мировую войну» против Запада, особенно против США и Израиля. Стратегия, которую он предлагал, представляла собой масштабные военные, экономические и дипломатические усилия, направленные на то, чтобы сокрушить «радикальных исламистов», дискредитировать их идеологию и лишить их укрытий (Flynn 2016: 132). Бэннон и Флинн также высказались за расширение сотрудничества с Россией против «радикального ислама» на Ближнем Востоке. Во время предвыборной речи Д. Трамп заявил, что борьба с «радикальным исламом» должна стать главной темой политики национальной безопасности, а также основой для придания нового значения и цели НАТО и американской сети альянсов на Ближнем Востоке⁷.

Нетрадиционная риторика Трампа и его советников отражает мировоззрение, которое долгое время поддерживалось рядом консервативных идеологов и политиков. Есть много параллелей между концепциями Трампа и идеями, которые легли в основу «Войны с террором», начатой администрацией Дж. Буша-мл. после событий 11 сентября 2001 г., и перекликается с тезисом С. Хантингтона (Huntington 1993) о столкновении цивилизаций.

Прагматизм и опора на союзников – ключевой принцип ближневосточной политики Д. Трампа

Первые три года нахождения у власти Трамп проводил ближневосточную политику, которую некоторые политологи назвали «стратегией достаточного присутствия». Согласно данной стратегии, США сохраняют своё уже существующее политическое влияние, но при этом снижают союзнические обязательства. Таким образом сохраняется контроль над регионом. Определённым шагом в сторону «стратегии достаточного присутствия» стало восстановление отношений с традиционными партнёрами США в регионе, например, с Саудовской Аравией и Израилем⁸.

США пытаются создать такую расстановку сил в регионе, которая в первую очередь будет выгодна самой Америке, а также её союзникам, и уже после этого сопредельным «центрам», таким как Европейский союз. Вашингтон стремится создать такие центры силы на Ближнем Востоке, которые бы находились в зависимости от США.

Соединённые Штаты активно поддерживают военный и политический потенциал Израиля. Израиль рассматривается в качестве одного из основных союзников на Ближнем Востоке. Кроме того, поддержка еврейского государства – это не только и не столько сохранение и поддержание своей национальной безо-

⁷ Donald Trump's speech on fighting terrorism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/story/2016/08/donald-trump-terrorism-speech-227025> (accessed 20.10.2020).

⁸ Лукьянов Г.В. США на Ближнем Востоке: в поисках новой реальности. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/ssha-na-blizhnem-vostoke-v-poiskakh-novoy-realnosti/> (дата обращения: 20.10.2020).

пасности, сколько политическое обязательство, которое США выполняют с момента появления Израиля на политической карте мира. Американцы рассматривают Израиль как единственное демократическое государство на Ближнем Востоке, что приобретает для них особенно большое значение при проводимой политике насаждения демократии⁹.

Администрация Трампа наращивает влияние в мусульманской среде, развивая отношения с Саудовской Аравией. Именно КСА было выбрано в качестве первой страны, которую Трамп посетил после президентских выборов. США выступают для Саудовской Аравии гарантом обеспечения безопасности, а также ключевым союзником для построения такой системы безопасности, которая бы не шла в разрез с интересами самой КСА¹⁰. Следует отметить, что у США и Саудовской Аравии есть общая внешнеполитическая цель – не допустить растущего влияния в регионе Ирана. В Стратегии национальной безопасности США за 2017 г. Иран упоминается 17 раз и упоминается в контексте предотвращения преобладания в регионе «любой силы, враждебной Соединённым Штатам» (Thompson 2018: 2). Именно Иран и Саудовская Аравия олицетворяют суннитско-шиитское противостояние, которое влияет на международные отношения и региональную безопасность на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия и Иран используют религиозные противоречия между суннитами и шиитами, придавая им политическую окраску (Рыжов 2019: 170).

В этой связи интересно подписание между Д. Трампом и королём Саудовской Аравии Салманом крупнейшего в истории соглашения о поставке военной помощи в размере 110 млрд долл., а также 350 млрд в течение ближайших 10 лет. Именно саудиты оказывают поддержку силам, борющимся с растущим влиянием Тегерана, в частности с его поддержкой боевиков «Хезболлы», ХАМАС и режима Башара Асада. Нельзя забывать и об «Аль-Каиде», с которой саудовские войска в коалиции с другими государствами Персидского залива, воюют на территории Йемена¹¹. Саудовская Аравия выстраивает отношения на Ближнем Востоке не только с учётом своих интересов, но и так, чтобы это устраивало США.

Продажа оружия также является центральным компонентом экономической политики США на Ближнем Востоке. В период с 2013 по 2017 гг. почти половина экспорта вооружений США направлялась в регион, прежде всего в Саудовскую Аравию, а также в Египет и Объединённые Арабские Эмираты. США также являются крупнейшим торговым партнером Израиля, прежде всего, в области полупроводников и телекоммуникационного оборудования.

⁹ Подцероб А.Б. Ближневосточная политика США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/05-02-08b.htm> (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁰ Косач Г.Г. Отношения между странами Залива и США при президенте Б. Обаме: саудовский взгляд. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7980> (дата обращения: 20.10.2020).

¹¹ Кравченко И. Трамп покорил Ближний Восток [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/political-life-of-usa/trump-pokoril-blizhniy-vostok/> (дата обращения: 20.10.2020).

Проблемное партнёрство США и Турции

Что касается отношений США и Турции, то приход к власти Б. Обамы ознаменовал не только значительные изменения в двусторонних отношениях. В 2009 г. Барак Обама посетил Турцию и обратился к Великому национальному собранию. Суть обращения можно свести к следующему: «Турция со своей светской демократией подала пример исламскому миру. Турция должна продолжать этот путь, а другие должны следовать»¹².

Это была перезагрузка в двусторонних отношениях после разочарования администрации Дж. Буша-мл. в связи с отказом Турции участвовать во вторжении в Ирак в 2003 г. Однако американо-турецкая «перезагрузка» длилась недолго. Вовлечённость Анкары в события в Сирии и актуализация и обострение курдского вопроса вызвали спад в отношениях с Вашингтоном. При Д. Трампе турецко-американские отношения стали самыми напряжёнными за последние 40 лет (по состоянию на 2017 г.)¹³. Однако уже в 2020 г. наметились некоторые точки сближения между двумя государствами. Д. Трамп не выступил против интервенций в Сирии и Ливии со стороны Турции, а даже поддержал это решение. К тому же президент США не стал накладывать санкции на Турцию за покупку российских ракет С-400, что во многом спасло турецко-американские отношения. Изменения коснулись и внешней политики самой Анкары. Интерес к европейским перспективам страны катастрофически слабеет, а Турция стремится не только к региональному лидерству на Ближнем Востоке, но и во всём исламском мире и проявляет амбиции глобального игрока. Кроме того, существуют серьёзные противоречия внутри НАТО (турецко-греческие), бассейне Чёрного моря и на Кавказе, которые в целом окажут не самое положительное влияние на внешнюю политику Турции¹⁴.

В последнее время краеугольным камнем турецко-американских взаимоотношений является поддержка курдов со стороны США. Следует отметить, что США одобряет создание и поддержку автономии курдов в Северном Ираке. Согласно проекту Нового Ближнего Востока, США стремятся изменить границы 24 стран. О концепции «Нового Ближнего Востока» впервые начали говорить в июне 2006 г. в Тель-Авиве. Эта концепция была представлена 66-м Государственным секретарем США Кондолизой Райс, а понятие было призвано заменить термин «Большой Ближний Восток». Позже Израиль официально начал использовать это понятие, а премьер-министр Израиля Э. Ольмерт и секретарь

¹² Семь заявлений Обамы с трибуны Каирского университета [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20090604/173280962.html> (дата обращения: 20.10.2020).

¹³ Relations between Turkey and America are near breaking point. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/europe/2017/10/14/ties-between-turkey-and-america-are-near-breaking-point> (accessed 20.10.2020).

¹⁴ Князев А. Геополитика Турции и мозаика американского проекта «Большого Ближнего Востока». URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/04/03/geopolitika-turcii-i-mozaika-amerikanskogo-proekta-bbv.html> (дата обращения: 20.10.2020).

США К. Райс сделали заявление в мировые СМИ, что реализация проекта «Нового Ближнего Востока» началась с Ливана¹⁵.

Автор термина «Новый Ближний Восток» Ральф Петерс в статье «Кровавые границы» в издании *Armed Forces Journal* показал, что США для достижения своих глобальных целей и господства готовы пойти на передел всего ближневосточного региона – от Израиля и Турции до Афганистана и Пакистана. Подполковник Р. Петерс рассматривал это с позиции заботы об интересах местных народов и опубликовал карты корректировки границ Ближнего Востока. По его мнению, существующие границы вынуждают местные народы конфликтовать между собой и ввязываться в бесконечные войны.

Согласно этой стратегии, курдское квазигосударство в Северном Ираке – Курдистан рассматривается, как одна из опорных точек политики США на Ближнем Востоке. Создание этой опорной точки должно произойти в результате раздела Ирака на региональные государства и после этого выделения Курдистана¹⁶. Территория Курдистана является важнейшей, потому что позволяет контролировать ситуацию в Турции с одной стороны, и следить за действиями Ирана с другой.

Следует отметить, что политика Д. Трампа в отношении курдов и Турции носит весьма неоднозначный характер. От угроз разорить Турцию санкциями, если та начнет военную операцию против курдов в Сирии, до обещаний Белого дома прекратить поддержку этих же самых сирийских курдов. После попытки свержения Т. Эрдогана в Турции, турецкие силовики арестовали двух сотрудников американского генконсульства по подозрению в поддержке заговора против действующей власти. Ситуация усугублялась и в связи с личностью Ф. Гюлена, который считался турецким правительством главным организатором путча, и лишением США турецких граждан неиммиграционных виз. В 2018 г. Турция подверглась американским санкциям в результате увеличения пошлины на алюминий (на 20%) и на сталь (50%). Эти действия привели к резкому падению курса турецкой лиры. Тогда президент США Д. Трамп потребовал отпустить американского пастора Эндрю Брансона, которого в Турции держали в тюрьме по обвинению в участии в путче 2016 г. Конфликт прекратился только после того, как турецкий суд внезапно отпустил пастора на свободу.

Иран, как приоритетный противник США на Ближнем Востоке

Политика Америки в отношении Ирана является ещё одним важным, но неоднозначным показателем внешнеполитических намерений Дональда Трампа. Иран после исламской революции стал главным врагом США в регионе. От-

¹⁵ «Кровавые границы»: карта «Нового Ближнего Востока» – до и после. URL: <http://www.reg-num.ru/news/district-abroad/world/776025.html> (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁶ Перинчек М. Проект Великого Ближнего Востока и новая миссия НАТО [Электронный ресурс]. URL: <http://meast.ru/?p=425> (дата обращения: 20.10.2020)

ношения между двумя странами, однако, стали менее напряжёнными с момента заключения ядерной сделки в июле 2015 г. Соглашение – одно из наиболее заметных дипломатических достижений администрации Б. Обамы, которое направлено на обеспечение невоенного развития ядерной программы Ирана в обмен на постепенное снятие международных экономических санкций против Тегерана. В 2015 г. Иран, Европейский союз и постоянные члены Совета Безопасности ООН (Соединённые Штаты, Великобритания, Китай, Франция и Россия плюс Германия) провели переговоры о Совместном всеобъемлющем плане действий (СВПД) об ограничении ядерной деятельности Ирана в обмен на ослабление санкционного давления. Дональд Трамп же подверг резкой критике данную сделку¹⁷. Убийство иранского генерала Касема Сулеймани в январе 2020 г. стало поводом для резкого обострения отношений между США и Ираном. В ответ на убийство генерала Иран выпустил ракеты по базам в Ираке, где расположен военный контингент армии США. После этого Дональд Трамп принимает решение ввести новые экономические санкции против Ирана.

В июне 2020 г. президент Ирана Хасан Роухани заявил, что несмотря на проводимую Соединёнными Штатами политику, Иран готов идти на компромисс и провести переговоры. По его словам, для Ирана совершенно не играет никакой роли, кто победит на предстоящих президентских выборах в США. Основное требование – это соблюдение норм международного права и обязательств в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий¹⁸. Что же касается самого плана, то по мнению целого ряда аналитиков, он носил весьма спорный и двусмысленный характер. Первые критические замечания касались того факта, что СВПД позволил Ирану частично продолжить свою ядерную программу и не ограничил разработку ракет. СВПД предусматривал смягчение санкций в отношении Ирана по широкой номенклатуре видов деятельности в обмен на ограничение только одной области – ядерного потенциала. Сторонники данного документа утверждали, что без соглашения Иран мог бы продолжать свою ядерную программу без контроля и, что наличие соглашения улучшило бы общую безопасность региона и открыло двери для США и их союзников для решения других угроз безопасности со стороны Ирана¹⁹.

Президент Д. Трамп отказался пройти повторную сертификацию СВПД в октябре 2017 г. и официально прекратил участие США в Сделке в мае 2018 г., сославшись на отсутствие прогресса, ограничивающее программу развития ядерного оружия Ирана, и неспособность надлежащим образом справиться с

¹⁷ Baker, P. 2015. G.O.P. Senators' Letter to Iran About Nuclear Deal Angers White House. *The New York Times*. March 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2015/03/10/world/asia/white-house-faults-gop-senators-letter-to-irans-leaders.html> (accessed 20.10.2020).

¹⁸ Иран назвал условия возобновления диалога с США [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/06/24/iran-nazval-usloviia-vozobnovleniia-dialoga-s-ssha.html> (дата обращения 20.10.2020).

¹⁹ Gary Samore. The Iran Nuclear Deal: A Definitive Guide [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/iran-nuclear-deal-definitive-guide> (accessed 20.10.2020).

ракетной программой Ирана²⁰. Иранская «программа баллистических ракет и поддержка терроризма и региональных игроков, таких как правительство Сирии, «Хезболла» и «ХАМАС», также вызывает растущую обеспокоенность. В ответ на действия США Иран объявил в мае 2019 г., что он сокращает ограничения на свою ядерную программу и в январе 2020 г. Иран официально отменяет взятые на себя ограничения по обогащению урана. Это побудило Великобританию, Францию и Германию официально обвинить Иран в нарушении условий СВПД, что может привести к повторному введению санкций ООН.

Стратегия национальной безопасности США подчёркивает необходимость постоянной поддержки странам Ближнего Востока в деле модернизации их экономики. Тем не менее администрация также стремится оказать максимальное давление на иранский режим в форме международных санкций с конечной целью довести экспорт нефти Ирана до нуля. По словам аналитика по международным отношениям Мартина Индика, США больше не зависят от ближневосточной нефти, это означает, что обеспечение свободного потока нефти из района Персидского залива по разумным ценам всё ещё остаётся важным вопросом, но уже не жизненно важным стратегическим интересом.

Американский подход к урегулированию сирийского кризиса также нацелен на недопущение растущего влияния Ирана в регионе. При Трампе была разработана Стратегия по урегулированию сирийского кризиса, которая помимо прочего преследовала такие цели как, противостояние силам режима Б. Асада и их союзникам на всей территории Сирии и поддержку нового этапа развития страны без Асада. Реализация данной стратегии во многом связана со стремлением США не допустить разделение ответственности за сирийское урегулирование между Россией и Ираном. Как уже отмечалось выше, в данном вопросе США снова может использовать в своих интересах создание Курдистана, поскольку его наличие позволит контролировать новообразованные государства на территории Ирака (Рыжов 2014: 385).

Положение Республиканской партии на политической арене США

Пандемия коронавируса вынудила десятки миллионов американцев остаться без работы, а массовые беспорядки на расовой почве вновь всколыхнули американские города. Рейтинг одобрения политики Д. Трампа, редко превышающий 45%, резко упал. Кандидат от Демократической партии Джо Байден опережает Трампа на 10 пунктов в большинстве опросов – и даже в штатах, где поддержка республиканской партии традиционно сильна, таких как Техас²¹.

²⁰ Center for Preventive Action. The Top Conflicts to Watch in 2019: Iran. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfr.org/blog/top-conflicts-watch-2019-iran> (accessed 20.10.2020).

²¹ After Trump, will America turn away from the Middle East? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thenational.ae/opinion/after-trump-will-america-turn-away-from-the-middle-east-1.1035737> (accessed 20.10.2020).

Республиканцы справедливо беспокоятся о потере своего большинства в Сенате США. Вместе с тем возможны изменения и в ближневосточной политике Соединённых Штатов. На первый план в связи пандемией выходят другие вопросы – экономические и внутривнутриполитические проблемы, а также проблема изменения климата. Для Демократической партии климатическая проблема стала одним из главных вопросов в 2009-2010 гг. Десять лет назад законопроект о климате был одобрен Палатой представителей, но не прошёл через Сенат, и никогда больше не поднимался. Администрация Б. Обамы позже приняла некоторые законопроекты по климату. Но всегда климат занимал третье или четвёртое место после в ряду государственных приоритетов. На этот раз климат будет одной из главных проблем для демократов. За последнее десятилетие обеспокоенность климатом возросла среди сторонников демократической партии. Почти 90% из них считают климат неотложным вопросом²².

Также стоит обратить внимание на особенность процесса принятия политических решений в США. Этот процесс децентрализован, есть несколько центров принятия решений. Особенно это ощущается при президентстве Д. Трампа, когда политические институты определяют повестку дня и различные вектора развития политики, в том числе и ближневосточной. Одной из основных задач новой администрации станет консолидация процесса принятия политических решений, чтобы президент США мог централизовать и координировать его.

Перспективы ближневосточной политики США

Политика Вашингтона в отношении Ближнего Востока вряд ли претерпит серьёзные изменения, независимо от результатов президентских выборов в ноябре. Единственное, что может измениться, если к власти придёт Д. Байден, США вернутся к ядерной сделке по Совместному всеобъемлющему плану действий.

Подводя итог, можно сказать, что ключевыми и опорными точками в политике США на Ближнем Востоке в среднесрочной перспективе будут следующие вопросы: углеводородное сырьё, борьба с терроризмом, противодействие распространению оружия массового уничтожения. Добыча нефти в Персидском заливе по-прежнему оказывает большое влияние на мировые цены на нефть, которые в свою очередь влияют на энергетический рынок США. Второй интерес касается борьбы с терроризмом, США чувствуют себя уверенно в киберпространстве, однако борьба с международным терроризмом не даёт Соединённым Штатам покинуть Сирию и Афганистан. Третье – это противодействие распространению оружия массового уничтожения и переговоры вокруг ядерной программы Ирана. Традиционно этот аспект ближневосточной политики являет-

²² Там же.

ся одним из приоритетных для любой американской администрации. На наш взгляд, эти три проблемы станут ключевыми в ближневосточной политике для следующего президента США и его администрации.

Таким образом, главной целью современной ближневосточной политики США становится поиск государств-единомышленников, которые, действуя в интересах США, могут обеспечить то самое американское «присутствие» в регионе без фактического присутствия. Благодаря чему, у США сохраняются рычаги воздействия практически на все проблемы ближневосточного региона, а главные угрозы интересам США находятся под постоянным присмотром. В ближайшей перспективе именно Соединённые Штаты останутся наиболее значимым игроком на мировой арене, и на Ближнем Востоке, в частности.

После прихода Д. Трампа к власти перед США встала необходимость выработки новой внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке, учитывая специфику региона и исходящие оттуда угрозы для национальной безопасности Америки, такие как нестабильная политическая ситуация в ряде стран, радикальные режимы, борьба с терроризмом, в том числе с ИГИЛ. Кроме того, важнейшей задачей для администрации Трампа стали попытки вернуть утраченное влияние в ближневосточном регионе, что ознаменовалось проведением так называемой «стратегией достаточного присутствия» и поддержкой государств – «центров силы», например Израиля.

Отличительной чертой политики Д. Трампа в регионе может считаться смена риторики в отношении иранской ядерной программы вплоть до введения новых экономических санкций. Более того, с недопущением растущего влияния Ирана и России в регионе связан американский подход к урегулированию сирийского кризиса.

Существенные изменения претерпели и американо-турецкие отношения, которые вплоть до 2017 г. были весьма напряжёнными. Государствам удалось найти точки соприкосновения по ряду вопросов международной политики. Однако, ситуацию по-прежнему существенно осложняет американская поддержка курдов в их стремлении к автономии.

Немаловажно, что рейтинги Трампа в Америке падают, в связи с чем существует вероятность, что Трамп проиграет предстоящие президентские выборы своему оппоненту Д. Байдену. Однако, стремясь спрогнозировать перспективы ближневосточной политики США в случае победы Д. Байдена, авторы пришли к выводу, что она не претерпит существенных изменений, кроме подхода к ядерной сделке с Ираном. Ключевыми задачами американской внешней политики, по-прежнему, останутся борьба с терроризмом, противодействие распространению оружия массового уничтожения, а также поиск государств-единомышленников в регионе.

Об авторах:

Игорь Валерьевич Рыжов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. E-mail: ivr@fmo.unn.ru

Мария Юрьевна Бородин – ассистент кафедры истории и политики России Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. E-mail: borodina.m-u@yandex.ru

Татьяна Владимировна Баранова – аспирант кафедры теории политики и коммуникации Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. E-mail: sky-ellize@yandex.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-014-00039А «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века».

Received: August 10, 2020
Accepted: October 11, 2020

American Strategy of "Sufficient Presence" in the Middle East

I.V. Ryzhov, M.Yu. Borodina, T.V. Baranova
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-236-251](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-236-251)

National Research Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky

Abstract: After D. Trump came to power it started developing a new US Middle East policy, based on the regional threat assessment, such as the unstable political situation in a number of regional countries, radical regimes, terrorism, especially ISIS. In addition, the most important task for the Trump administration was to try to regain lost US influence in the region, which resulted in the so-called "strategy of sufficient presence" and in the support of regional allies, "centers of power" such as Israel.

A distinctive feature of D. Trump's policy in the region can be considered a change in rhetoric regarding the Iranian nuclear program up to the introduction of new economic sanctions. Moreover, the American approach to the settlement of the Syrian crisis is connected with the prevention of the growing influence of Iran and Russia in the region.

American-Turkish relations also underwent significant changes, which were very tense until 2017. The states managed to find common ground on a number of issues of international politics. However, the situation is still significantly complicated by American support for the Kurds in their quest for autonomy.

Trump's ratings at home are falling, and therefore there is a possibility that Trump will lose the upcoming presidential elections to his opponent D. Biden. However, trying to predict the prospects of the US Middle East policy in the event of D. Biden's victory, the authors came to the conclusion that it will not undergo significant changes, except for the nuclear

deal with Iran. The key tasks of American foreign policy will remain the fight against terrorism, countering the proliferation of weapons of mass destruction, and the search for like-minded states in the region.

Keywords: US foreign policy, politics in the Middle East, the national security strategy of the United States, the presidency of D. Trump, President B. Obama, USA and the Middle East, U.S. national interests

About the authors:

Igor V. Ryzhov – Doctor of Historical Sciences, Professor, head of the Department of history and politics of Russia of the National research Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod. 603005, Russia, Nizhny Novgorod, Ulyanov str., 2. E-mail: ivr@fmo.unn.ru

Maria Ju. Borodina – Assistant of the Department of History and Politics of Russia at the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Ulyanov str., 2, 603005, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: borodina.m-u@yandex.ru

Tatyana V. Baranova – PhD student of the Department of political theory and communication of the National research Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod, Ulyanov str., 2, 603005, Russia. E-mail: sky-ellize@yandex.ru

Conflict of interests: Authors declare the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements: The article was made within the framework of Russian Foundation for basic research grant no. 20-014-00039A "Models and risks of cooperation in the Middle East region in the first quarter of the XXI century".

References:

- Flynn M., Ledeen M. 2016. *The Field of Fight: How We Can Win the Global War against Radical Islam and Its Allies*. New York: St. Martin's. 208 p.
- Freedman R.O. 2017. The Obama Legacy in the Middle East and the Trump Challenge. *India Quarterly*. 73(2). P. 241-250. DOI: 10.1177/0974928417699917
- Gordon P.H., Doran M., Alterman J.B. 2019. The Trump Administration's Middle East Policy: A Mid-Term Assessment. *Middle East Policy*. 26(1). P. 5-30.
- Huntington S. 1993. A Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. 72(3). P. 22-49.
- Krieg A. 2016. Externalizing the Burden of War: The Obama Doctrine and US Foreign Policy in the Middle East. *International Affairs*. 92(1). P. 97-113. DOI: 10.1111/1468-2346.12506
- Lynch M. 2016. Belligerent Minimalism: The Trump Administration and the Middle East. *Washington Quarterly*. 39(4). P. 127-144. DOI: 10.1080/0163660X.2016.1263920
- Miller P. D. 2012. The Fading Arab Oil Empire. *The National Interests*. №120. P. 38-43.
- Mossalanejad A. 2018. The Middle East Security and Donald Trump's Grand Strategy. *Geopolitics Quarterly*. 13(4). P. 20-52.
- Telhami S. 2018. Trump's Reckless Middle East Gambles. *Current History*. 117(803). P. 359-362. DOI: 10.1525/curh.2018.117.803.359
- Chollet D. *The Long Game: How Obama Defied Washington and Redefined America's Role in the World*. Public Affairs. 245 p.
- Thompson J. 2018. Trump's Middle East Policy. *CSS Analyses in Security Policy*. 23(3). P. 1-4.

Yom S. 2020. US Foreign Policy in the Middle East: The Logic of Hegemonic Retreat. *Global Policy*. 11(1). P. 75-83.

Walker W. 2009. *National Security and Core Values in American History*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press. 259 pp.

Karasova T.A. 2019. Novye tendencii v regional'noj politike Izrailya (2009-2019 g) [New Trends in Israel's Regional Policy (2009-2019)]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(4). P. 180- 200. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-180-200. (In Russian).

Ryzhov I.V. 2006. Problemy regional'nogo liderstva v sovremennoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij: nekotorye teoreticheskie aspekty [Problems of Regional Leadership in the Modern System of International Relations: Some Theoretical Aspects]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie*. 2(5). P.10-18. (In Russian).

Ryzhov I.V., Borodina M.Yu., Dorofeev F.A. 2019. Sunnitsko-shiitskoe protivostoyanie. Iran i Saudovskaya Araviya v bor'be za regional'noe liderstvo [Sunni-Shiite Confrontation. Iran and Saudi Arabia in the Fight for Regional Leadership] *Svobodnaya mysl'*. 1(1673). P. 169-180. (In Russian).

Ryzhov I.V., Krivov S.V. 2014. Politika SSHA i balanssil na Blizhnem Vostoke: ot klyuchevykh ochagov vozdejstviya k nejtralizacii radikal'nyh re-zhimov [US Policy and the Balance of Power in the Middle East: from Key Hotbeds of Influence to Neutralizing Radical Regimes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 1(1). P. 382-389. (In Russian).

Svistunova I.A. 2019. Turecko-iranske otnosheniya na Blizhnem Vostoke: v poiskah regional'nogo balansa [Turkish-Iranian Relations in the Middle East: in Search of Regional Balance]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(4). P. 130-144. DOI:10.24833/2071-8160-2019-4-67-130-144. (In Russian).

Shakleina T. A., Shaklein V. V. Strategiya SSHA posle Obamy. *Mezhdunarodnyye protsessy*. 2016. 14(4). P. 49-66. (In Russian).

Shumilin A.I. Siriyskiy krizis i politika SSHA na Blizhnem Vostoke. [The Syrian Crisis and US Policy in the Middle East] *SSHA i Kanada: eko-nomika, politika, kul'tura*. 2014. 4(532). P.43-54. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Карасова Т.А. 2019. Новые тенденции в региональной политике Израиля (2009-2019 г). *Вестник МГИМО-Университета*. 12(4). С. 180- 200. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-180-200.

Морозов Ю.В. 2017. Возможная американская политика на Ближнем Востоке при президенте США Д. Трампе. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 11(575). С. 54-68.

Рыжов И.В. 2006. Проблемы регионального лидерства в современной системе международных отношений: некоторые теоретические аспекты. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение*. 2(5). С.10-18.

Рыжов И.В., Бородин М.Ю., Дорофеев Ф.А. 2019. Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное лидерство. *Свободная мысль*. 1(1673). С. 169-180.

Рыжов И.В., Кривов С.В. 2014. Политика США и баланс сил на Ближнем Востоке: от ключевых очагов воздействия к нейтрализации радикальных режимов. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 1(1). С. 382-389.

Свистунова И.А. 2019. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(4). С. 130-144. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-130-144.

Шаклеина Т. А., Шаклеин В.В. 2016. Стратегия США после Обамы. *Международные процессы*. 14(4). С. 49-66.

Шумилин А.И. 2014. Сирийский кризис и политика США на Ближнем Востоке. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 4(532). С.43-54.



Борьба Ирана с международным терроризмом

Г.Г. Мачитидзе

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена исследованию взаимосвязи внутренних и внешних аспектов борьбы Ирана с международным терроризмом. Работа состоит из трёх частей. Первый раздел касается осмысления внутренних террористических угроз безопасности Ирана и стратегии борьбы с ними. Выбор иранским религиозно-политическим руководством контртеррористической стратегии обусловлен необходимостью противодействия распространению антишиитской идеологии ИГИЛ¹. Автор подчёркивает, что особенностью борьбы Тегерана с терроризмом является её неотделимость от суннитско-шиитских противоречий и взаимосвязи внутренних и внешних террористических угроз. Во второй части работы рассматривается использование Тегераном шиитской общины Ирака в контртеррористических целях и в интересах укрепления там своего политического влияния. Опираясь на прочные религиозно-культурные связи, иранские власти плотно взаимодействуют с шиитскими военизированными подразделениями. В статье анализируется противоречивое отношение части иракской шиитской общины к Ирану. В третьем разделе показано, что союз с Сирией даёт Ирану опору в противостоянии с возглавляемым Саудовской Аравией блоком. Кроме того, обосновывается, каким образом Иран использует шиитские «добровольческие» отряды для борьбы с террористическими группировками в Сирии. Автор отмечает важную роль ливанской «Хезболлы» в Сирии в качестве действенного элемента противостояния ИГИЛ. Делается вывод о том, что военное поражение в Ираке и Сирийской Арабской Республике не будет означать конец деятельности ИГИЛ как террористической организации, поскольку создана сеть из иностранных боевиков-террористов. Тегеран не ограничивается использованием силового компонента в процессе противостояния террористическим угрозам, а также прибегает к использованию публичной дипломатии, признавая важную значимость роли ООН в борьбе с терроризмом.

Ключевые слова: Иран, международный терроризм, ИГИЛ, суннитско-шиитские противоречия, Ирак, шиитские «добровольческие» отряды, Сирия, ливанская «Хезболла»

УДК: 327.5

Поступила в редакцию: 29.06.2020 г.

Принята к публикации: 10.09.2020 г.

¹ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

Политика национальной безопасности Ирана строится исходя из многих дублирующих, а иногда и конкурирующих факторов, таких как идеология исламской революции в Иране, восприятие угроз режиму и стране, давние иранские национальные интересы и взаимодействие фракций и групп в иранском истеблишменте². Руководство Ирана стремится удержать или помешать усилиям по вторжению или запугиванию Ирана, по смене режима или по исключению Ирана из ближневосточных дел. В то же время Тегеран старается воспользоваться возможностями региональных конфликтов, чтобы усилить своё влияние на Ближнем Востоке, восстановить чувство «величия», напоминая древние персидские империи, в противовес доминированию арабских стран с суннитскими режимами. Лидеры Ирана постоянно подчёркивают свою принадлежность к развитой цивилизации, а также акцентируют внимание на исторической независимости страны, претендуя на право быть признанной крупнейшей региональной державой (Katzman 2019). Иран оказывает материальную и морально-политическую поддержку союзным правительствам и вооружённым группировкам в регионе, а официальные лица Ирана характеризуют эту поддержку как помощь «угнетённым» народам. Тегеран пытается избавиться от многочисленных санкций, чтобы стать энергетическим и торговым центром в регионе Ближнего и Среднего Востока. Религиозно-политическое руководство Ирана сочетает выступление против любых компромиссов в отношении основных постулатов национальной безопасности Ирана с публичной дипломатией, принимая активное участие в региональных делах. Вместе с тем основные столпы внешней политики Ирана – панисламизм, паншиизм, антизападничество, антиимпериализм, антисионизм и формирование фронта сопротивления – остаются незыблемыми (Golmohammadi, Vali 2019).

Внутренний аспект

Геостратегическое положение Ирана в непосредственной близости от конфликтных зон в Ираке, Сирии и Афганистане определяет линию религиозно-политического руководства страны в области непримиримой борьбы против терроризма. Последние годы характеризовались в Иране достаточно высоким уровнем террористических угроз как со стороны ИГИЛ, так и других экстремистских группировок. Поэтому особое внимание иранские власти уделяли вопросам противодействия распространяемой ИГИЛ идеологии террора, основанной на диссонирующих религиозных предпосылках. Иранское руководство считает сторонников ИГИЛ суннитскими экстремистами, которые выступают против шиитов в Ираке и алавитов в Сирии, преследуя в недалёком прошлом цель учредить в ближневосточном регионе антишиитское правительство в лице ИГИЛ.

² Iran's Foreign and Defense Policies. 2019. *Congressional Research Service*. 08.10. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44017> (accessed 20.10.2020)

И действительно, руководство ИГИЛ никогда не скрывало своего враждебного отношения к шиитской общине и даже предполагало включить часть иранской территории в состав так называемого «халифата». Изучая проблему выявления потенциальных факторов, интенсифицирующих напряжённость на Ближнем Востоке, многие исследователи склонны считать, что фундаменталистские идеологические учения являются одним из наиболее влиятельных факторов, который приводит к насильственным действиям и попыткам экстремистов распространить подобные идеологии через политизацию религии (Karimi, Cimbura, Loza 2019). В Иране сторонники ИГИЛ распространяли пропагандистские материалы, видео и диски экстремистского содержания. В 2017 г. более 100 граждан Ирана воевали в рядах ИГИЛ в Ираке и Сирии, и некоторые из них в открытую угрожали совершать террористические акты на территории Ирана против гражданского населения и религиозно-политического руководства.

В целях нейтрализации возникающих террористических угроз иранское руководство не один год ведёт борьбу против ИГИЛ, и других экстремистских организаций как у себя в стране, так и на дальних подступах: в Ираке и Сирии. Несколько лет тому назад иранские власти начали предпринимать упреждающие действия для того, чтобы воспрепятствовать приближению ИГИЛ к границам Ирана. За последние годы власти произвели несколько арестов боевиков террористических ячеек. В сентябре 2014 г. иранские спецслужбы арестовали назначенного руководством ИГИЛ эмира по делам Ирана и его помощников³. В тот же период были арестованы несколько сторонников ИГИЛ, пытавшихся проникнуть на территорию Ирана. Были также отмечены попытки организации нападений со стороны иностранных боевиков-террористов, вернувшихся в Иран и являющихся членами «спящих ячеек» ИГИЛ.

В январе 2015 г. сотни иранских курдов, не без ведома иранских властей, перешли ирано-иракскую границу и присоединились к отрядам иракских курдов «Пешмерга» для борьбы с ИГИЛ. В 2016-2017 гг. иранскими силовиками арестованы 70 террористов, нейтрализованы 42 террористические атаки и предотвращено 50 взрывов, из них восемь в Тегеране и Куме, а также три взрыва в провинции Лурестан. Вместе с тем правоохранительным органам Ирана пришлось решать и другую задачу: предотвращение попыток некоторых иранских граждан выехать в конфликтную зону, в Ирак или Сирию, чтобы присоединиться к отрядам ИГИЛ. В общей сложности более 130 иранских граждан стали боевиками ИГИЛ и более 70% из них были убиты в ходе вооружённых столкновений. В то же время правоохранительными органами страны были пресечены попытки почти 1500 иранцев вступить в ряды ИГИЛ, среди которых были и иранские курды-сунниты. Так, одним из полевых командиров в ИГИЛ являлся иранский курд Абу Айша аль-Курди.⁴

³ ISIL Designated Emir for Iran Arrested. 2014. *FARS News Agency*. 21.09. URL: <http://www.irdiplomacy.ir/en/news/1938582/isil-designated-emir-for-iran-arrested/> (accessed 20.10.2020)

⁴ Материалы из личного архива автора.

Предпринимаемые Ираном меры не смогли уберечь территорию страны от террористических атак. С середины 2017 г. террористические угрозы в стране продолжали нарастать. Так, 7 июня 2017 г. в Тегеране было совершено вооружённое нападение на культовые символы Ирана: здание парламента и мавзолей имама Рухоллы Мусави Хомейни. Погибли 16 человек, около 40 ранены. Это был первый случай террористической атаки, совершённой взявшей на себя ответственность ИГИЛ, на иранской земле⁵. Более того, это была первая террористическая атака, совершённая в Тегеране с 1981 г. Как выяснилось в результате расследования, подозреваемые лица оказались завербованными ИГИЛ гражданами Ирана, которые являлись жителями Тегерана, а также западных приграничных провинций: Керманшаха, Курдистана и Западного Азербайджана. Это привело к дебатам в правительстве по поводу тяжёлой социально-экономической ситуации в приграничных провинциях, населённых этническими меньшинствами. 21 июля 2018 г. недалеко от ирано-иракской границы в окрестностях города Мариван в результате нападения боевиков ИГИЛ погибли 10 офицеров Корпуса стражей исламской революции (КСИР). 22 сентября 2018 г. в городе Ахваз были убиты 24 иранца и 60 ранены. В ответ 1 октября 2018 г. КСИР с территории иранской провинции Хузестан нанёс удар шестью баллистическими ракетами малой дальности по позициям ИГИЛ в Абу-Кемале, на востоке Сирии⁶. Ранее в сентябре 2018 г. КСИР атаковал такими же ракетами два расположения Демократической партии Иранского Курдистана и Партии свободной жизни в Курдистане на иракской территории, после нападения оппозиционно настроенных курдов на иранский пограничный блок-пост.

За последние несколько лет в результате террористических актов, совершённых ИГИЛ в Исламской Республике Иран, погиб 41 человек и более 100 получили ранения⁷. 25 сентября 2018 г. иранские спецслужбы арестовали 22 человека, причастных к нападению на участников военного парада в Ахвазе. Было не только обнаружено убежище террористов и захвачено принадлежащее им оружие, но и заявлено о причастности к этому теракту Саудовской Аравии (Chronology... 2019: 122-124). В этот период правоохранные органы Ирана действительно были обеспокоены нарастающими террористическими угрозами, которые, по их мнению, исходят прежде всего от спецслужб Саудовской Аравии, координирующих в той или иной степени деятельность террористов на территории ИРИ. В определённой степени это подтверждается словами бывшего сенатора США Маккейна, который на «Мюнхенской конференции по безо-

⁵ Iran attacks: 'IS' hits parliament and Khomeini mausoleum. 2017. *BBC News*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-40184641/> (accessed 20.10.2020)

⁶ Frantzman S. 2019. After ISIS: America, Iran and the Struggle for the Middle East. *Tablet*. 11.25. URL: <https://www.tabletmag.com/jewish-news-and-politics/294702/campus-anti-zionism-syrian-refugee> (accessed 20.10.2020)

⁷ Twenty-third report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2368 (2017) concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and associated individuals and entities. 2019. *UN Security Council Committee pursuant to resolutions 1267 (1999), section E, Central and South Asia*. Paragraph 67, p.18.

пасности – 2014» поблагодарил саудовцев за поддержку сил, борющихся против президента Б. Асада в Сирии⁸.

В начале декабря 2018 г. экстремистская группировка «Джейш аль-Адль» совершила террористический акт в иранском портовом городе Чабахар, в результате которого два человека погибли и 40 получили ранения разной степени тяжести. В 2019 г. новой тенденцией стали нападения на военнослужащих и представителей сил правопорядка в иранской провинции Систан и Белуджистан. 29 января 2019 г. в Захедане, административном центре Систана и Белуджистана, прогремел взрыв, в результате которого трое полицейских получили лёгкие ранения. Ответственность на себя взяла именно «Джейш аль-Адль». Вскоре после этого, 1 февраля, двое боевиков этой же группировки напали на штаб КСИР в городе Никшехр. В результате один человек погиб и пятеро получили ранения. 13 февраля 2019 г. на юго-востоке Ирана в провинции Систан и Белуджистан произошёл очередной теракт. Смертник направил автомобиль, начинённый взрывчаткой, в автобус, на котором по дороге Хаш – Захедан ехали военнослужащие КСИР. Погибли 27 человек, 13 были ранены, причём среди жертв были как военнослужащие, так и мирные жители. С начала 2019 г. это был третий и самый крупный теракт, осуществлённый в отношении иранских военнослужащих в юго-восточной провинции Систан и Белуджистан. Ответственность на себя взяла террористическая группировка «Джейш аль-Адль» («Армия справедливости»), в которую входят белуджские исламисты, исповедующие ислам суннитского толка⁹. В этой связи Совет Безопасности ООН в ходе своего заседания 14 февраля 2019 г. самым решительным образом осудил террористические атаки в Систане и Белуджистане. Члены Совета Безопасности выразили своё глубочайшее сочувствие и соболезнования руководству Ирана и семьям погибших. Члены СБ вновь подтвердили, что терроризм в любой форме представляет собой одну из самых серьёзных угроз международному миру и безопасности. Более того, Совет Безопасности потребовал, чтобы организаторы, финансисты и спонсоры этих террористических группировок были преданы суду¹⁰. В Тегеране полагают, что активные члены этой террористической группировки скрываются на территории соседнего Пакистана.

В целях снижения рисков и угроз безопасности страны иранские власти приложили дополнительные усилия для нейтрализации террористических про-

⁸ Cockburn P. 2014. Iraq crisis: How Saudi Arabia helped Isis take over the north of the country. *The Independent*. 07.13. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/comment/iraq-crisis-how-saudi-arabia-helped-isis-take-over-the-north-of-the-country-9602312.html> (accessed 20.10.2020)

⁹ Группировка была создана в 2012 г. бывшими участниками запрещённой в России экстремистской организации «Джундалла» («Движение народного сопротивления») после того, как в 2010 г. правительственные силы Ирана захватили и казнили лидера «Джундаллы» Абдолмалека Риги.

¹⁰ Statement. 2019. *United Nations Security Council*. 02.14. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/02/1032821> (accessed 20.10.2020)

явлений, исходящих от экстремистских организаций, а также от иностранных боевиков-террористов, возвращающихся в страны их происхождения. В Иране создана целая система предупреждения терактов и усилен контроль на границах. В плане идеологического противостояния распространению терроризма особое внимание также уделяется дальнейшему развитию контрпропаганды против радикализма и насильственного экстремизма на основе шиитского ислама. Иранское религиозно-политическое руководство активно использует термин «такфиристы» (вероотступники) в отношении членов террористических организаций, которые, как правило, являются суннитами. Иранские власти полагают, что терроризм, связанный с вероотступничеством (такфиризм), представляет собой глобальную угрозу, для борьбы с которой в Иране разработана краткосрочная и долгосрочная стратегии. Выявляются способы и методы идеологической обработки и вербовки иранских граждан в ряды террористов. В частности, на 33% это происходит через социальные сети, через друзей и родственников – на 30% и при участии миссионеров-ваххабитов – на 24%. Иранские власти в течение нескольких лет старались адресно контролировать социальные сети и мессенджеры, запрещали Gmail, Instagram, Whatsapp и Facebook, но безуспешно. Одновременно иранцы предупредили власти Ирака и Пакистана, территории которых использовали в качестве убежищ связанные с ИГИЛ иранские курды и группировка «Джейш аль-Адль», о том, что если нападения с территории этих государств продолжатся, то Иран оставляет за собой право на ответный трансграничный удар.

Предполагается, что ИГИЛ и другие радикальные группировки попытаются извлечь выгоду из повышенного уровня антирежимных настроений среди социально и экономически маргинализированных меньшинств в Иране для организации террористических актов. По мере того, как будет усиливаться давление на этнические меньшинства в Иране в плане ограничения их гражданских прав, они станут более уязвимыми с точки зрения воздействия на их сознание экстремистских группировок. Такие сторонники джихада, как ИГИЛ и «Джейш аль-Адль», а также сепаратистские группировки наподобие Партии свободной жизни в Курдистане и Демократической партии Иранского Курдистана могут найти в Иране серьёзную поддержку среди недовольных арабо-суннитского и курдского меньшинств.

Иракский трек

Иранское влияние на общественно-политические круги Ирака уходит своими корнями в период после 2003 г. Многие из известных представителей шиитской общественности Ирака во время правления Саддама Хусейна жили и работали в Иране. После свержения режима Хусейна они вернулись на родину, сохранив связи с представителями иранской иерархической структуры управления. Опираясь на прочные религиозно-культурные связи, иранские власти

плотно взаимодействуют с иракскими политическими партиями, в которых превалируют шииты¹¹ (Alaaldin 2020).

В Ираке шииты, насчитывающие свыше 60% населения страны, до сих пор находятся под прицелом ИГИЛ. Изначально ИГИЛ формировался в основном за счёт бывших сторонников иракской партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения), в первую очередь из военных структур времён Саддама Хусейна, которые по-прежнему находятся в оппозиции к современному шиитскому правительству Ирака. Оказывая содействие официальному Багдаду в борьбе против ИГИЛ и демонстрируя всему региону угрозу, которую ИГИЛ представляет не только для Ирака, но и для всех региональных государств и, особенно, для проживающих в регионе мусульман-шиитов, Иран постепенно расширил своё влияние в соседней стране. В Тегеране не сомневаются, что на Ближнем Востоке ведётся религиозная война против шиитов при участии некоторых арабских стран, которые фактически поддерживают идею ИГИЛ разделить мусульман по узко-конфессиональному признаку, на шиитскую и суннитскую секты. Поэтому не удивительно, что ИГИЛ рассматривает шиитов в качестве своего «ближайшего противника», в то время как США и европейские государства считаются «дальними врагами». Отсюда и приоритетная цель ИГИЛ – уничтожение шиитов, которые в соответствии с мировоззренческими установками игиловцев, не являются мусульманами. Западные эксперты также подтверждают мысль о том, что «Аль-Багдади сделал всё, чтобы увеличить пропасть между шиитами и суннитами на Ближнем Востоке, подогревая новую региональную “холодную войну” между суннитской Саудовской Аравией и шиитским Ираном» (Gerges 2014). Хотя существует и другая точка зрения, с которой, правда, трудно согласиться. В частности, некоторые западные исследователи уверены, что «Иран несёт значительную долю ответственности за возникновение ИГИЛ, пытаясь в течение десятилетия подорвать стабильность в Ираке, атакуя американские войска и мусульман-суннитов, толкнув тем самым последних в объятия ИГИЛ»¹². Кстати, в данном случае не лишним было бы вспомнить и утверждение духовного лидера Ирана Аятоллы Али Хаменеи о том, что представители США связывались с иранским посольством в Багдаде, попросив организовать встречу для обсуждения вопросов сотрудничества с Тегераном против ИГИЛ. Однако А. Хаменеи посчитал неуместным сотрудничать со страной, «чьи руки испачканы, а намерения – туманны»¹³.

¹¹ Alaaldin F. 2020. Iran's Powerful Influence In Iraq. *National Public Radio*. Michel Martin speaks with Farhad Alaaldin, chairman of the Iraq Advisory Council, about how Iran became so influential in Iraqi politics. 04.01. URL: <https://www.npr.org/2020/01/04/793662756/iran-s-powerful-influence-in-iraq> (accessed 20.10.2020).

¹² Weiss M., Pregent M. 2015. Iran's Role in the Fight against Islamic State: Not a Help But a Hindrance. *Mosaic*. 04.02. URL: <https://mosaicmagazine.com/picks/politics-current-affairs/2015/02/irans-role-in-the-fight-against-islamic-state-not-a-help-but-a-hindrance/> (accessed 20.10.2020)

¹³ Jason S., Mehrdad B. 2014. Iran supreme leader spurns U.S. overture to fight Islamic State. *Yahoo News Singapore*. 15.09. URL: <https://sg.news.yahoo.com/french-jets-begin-iraq-reconnaissance-flights-074444422.html/> (accessed 20.10.2020)

В достаточно взрывоопасном шиитско-суннитском противостоянии Иран, по просьбе иракской стороны поддержал иракские военно-воздушные силы и занялся формированием «добровольческих» наземных сил. Одним из ключевых игроков в кампании по борьбе с ИГИЛ стали «Народные мобилизационные силы» (НМС), которые представляют собой свободную коалицию групп лояльных или иракским религиозно-политическим лидерам, или иранскому КСИР. Воспользовавшись изданным в 2014 г. духовным лидером шиитов Великим аятоллой Али Систани религиозным эдиктом для борьбы с ИГИЛ, Тегеран объединил под эгидой КСИР известные шиитские военизированные формирования «Бригады Бадра» и иракскую «Катаиб Хезболлу» с НМС. Расширяя своё влияние в Ираке, иранцы сотрудничают и с движением «Фатх», которое возглавляет радикальный шиитский деятель Хади аль-Амери. Однако не все шиитские группировки согласны с той ролью, которую Иран играет в Ираке. Так, влиятельный шиитский религиозный деятель Хуссейн Ширази, который имеет многочисленных сторонников в шиитских общинах на Ближнем Востоке, открыто критикует иранскую религиозно-политическую систему. Весьма популярным националистически настроенным религиозным деятелем среди иракских шиитов является Муктада аль-Садр, который критикует как Иран, так и США¹⁴.

В 2019 г. военно-политическая обстановка в стране стала обостряться, возросла угроза нападения проиранских шиитских формирований на коалиционные силы в Ираке, что привело к ответным действиям со стороны США. В связи с ухудшением социально-экономического положения, ростом безработицы и масштабной коррупцией чиновников начались массовые антиправительственные протесты, в ходе которых прозвучали требования прекратить фактическую оккупацию страны Ираном. На фоне обеспокоенности Багдада в связи с возможным превращением Ирака в поле битвы между Ираном и Соединёнными Штатами премьер-министр Адель Абдул Махди летом 2019 г. распорядился интегрировать проиранские НМС в иракские вооружённые силы. Анализ подобного шага иракской стороны в отношении своего верного союзника Ирана приводит к разноплановым выводам. С одной стороны, можно предположить, что включение НМС в состав иракских вооружённых сил ограничит Тегерану поле для манёвра и соответственно для продвижения своих интересов в соседней стране. Однако, несмотря на напряжённые ирано-американские отношения и давление на иракское правительство со стороны Вашингтона, интеграция НМС в иракскую армию расценивается иранцами как придание им нового более легитимного статуса и не связана с попыткой ограничить их роль.

Нападение сторонников проиранских сил на посольство США в Багдаде и последующее убийство в результате американского ракетного удара иранского генерала, командующего силами специального назначения «Кудс» Касе-

¹⁴ Is Iranian Influence in Iraq Waning? 2019. *Fanack*. 02.09. URL: https://fanack.com/iraq/history-past-to-present/iranian-influence-in-iraq/?gclid=EAlaIqobChMI-K7ZjcSw5wIVwawYCh0JcQlPEAAAYASAAEgIwDfD_BwE/ (accessed 20.10.2020)

ма Сулеймани, не оказало сдерживающего воздействия на военизированные шиитские формирования. Протестные акции в Ираке с требованиями вывода американских войск из страны, сопровождаемые ракетными обстрелами территории посольства США в Багдаде, продолжились, поэтому ситуация в области безопасности остаётся напряжённой. В этой связи следует констатировать, что влияние Ирана в Ираке, во всяком случае пока, не ослабевает. Вместе с тем вызывает опасения дальнейшая деградация обстановки в Ираке, что объективно на руку членам ИГИЛ, которые могут перемещаться в регионе, вовлекать в свои ряды новых сторонников, создавать «спящие ячейки».

Сирийский угол

Сирийско-иранское сотрудничество продолжается уже несколько десятилетий. В его основе лежит общность позиций по ключевым проблемам Ближнего Востока (The Role... 2007). Поэтому важный фронт активной борьбы Тегерана с ИГИЛ был сформирован и в Сирии. Иранское религиозно-политическое руководство имеет давние тесные взаимоотношения с Дамаском и непосредственно с президентом Б. Асадом. С начального этапа войны в Сирии в 2011 г. Иран оказал сирийскому правительству беспрецедентную политическую, финансовую, информационную и военную помощь. Тегеран направил в Сирию 2500 военнослужащих КСИР¹⁵. С одной стороны, союз с Сирией даёт Ирану опору в противостоянии с возглавляемым Саудовской Аравией блоком, который поддерживает вооружённую сирийскую оппозицию. С другой, иранцы совместно с сирийскими правительственными войсками противостоят ИГИЛ, используя наземные силы. Иранский КСИР мобилизует афганских и пакистанских мусульман-шиитов для участия в боевых действиях против террористических группировок на стороне сирийской правительственной армии в составе дивизий «Фатемиян» и «Зайнабиян». Иранский план изначально, начиная с 2012 г., предусматривал создание из числа мусульман-шиитов 50-тысячной армии, состоящей из более или менее подготовленных бойцов¹⁶. Однако полностью реализовать подобный план в силу сложностей материального и логистического порядка Тегерану не удалось. В частности, оценки численности дивизии «Фатемиян» колеблются от десяти до двадцати тысяч. Вербуют шиитов прежде всего из числа афганских беженцев в Иране и среди афганских хазарейцев в Афганистане, а также в шиитской среде Пакистана и Ливана. В настоящее время только в Иране насчитывается свыше 2,5 млн афганских беженцев, из которых лишь 950 тыс. официально зарегистрированы. КСИР привлекает к сотрудничеству мужчин из крайне нуждающихся семей афганских беженцев, проживающих в районе иранских

¹⁵ Hubbard B., Kershner I., Barnard A. 2018. Iran, Deeply in Syria, Expands Axis of Resistance. *New York Times*. 19.02. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/19/world/middleeast/iran-syria-israel.html/> (accessed 20.10.2020)

¹⁶ Sahraei F. 2016. Syria war: The Afghans sent by Iran to fight for Assad. *BBC News Persian*. 15. 04. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-36035095/> (accessed 20.10.2020)

городов Кум и Мешхед. Большая часть завербованных бойцов готова ехать в Сирию по материальным соображениям, а также в связи с возможностью получения иранского гражданства. Другие соглашаются на сотрудничество под давлением иранских правоохранительных органов, чтобы не попасть в тюрьму или быть депортированным. Однако есть и те, особенно среди молодёжи, которые направляются в Сирию защищать шиитские святыни, в частности гробницу внуки пророка Мухаммеда Зайнаб. Завербованных афганских шиитов специальными чартерными авиарейсами отправляют в Сирию. Схожая активность иранских спецслужб наблюдается и на территории Афганистана, где афганцам предлагают ежемесячную зарплату в размере около 500 долл. США¹⁷ и обещают после возвращения предоставить иранское гражданство. Завербованные афганские беженцы и афганские шииты, в основном хазарейцы, проходят в тренировочных лагерях КСИР специальный курс военной подготовки, включая умение использовать бронетехнику, вести разведку и применять партизанскую тактику боя. Отдельно готовят снайперов, которые получают зарплату в два раза больше, чем другие бойцы.

Немаловажную роль в борьбе с террористическими группировками на территории Сирии играет проиранская ливанская военизированная шиитская организация и политическая партия «Хезболла». Первоначальная миссия ливанской «Хезболлы» заключалась в защите ливано-сирийской границы с обеих сторон. Организация участвовала в боях против ИГИЛ в районе сирийского города Эль-Кусайр и ливанского города Арсаль. Военно-политическими целями ливанской «Хезболлы» в Сирии являются: обеспечение выживания правительства Б. Асада; расширение влияния «Хезболлы»; сопротивление распространению влияния суннитских салафитских и джихадистских группировок; защита шиитских общин; противостояние Израилю и США. Подразделения ливанской «Хезболлы» в Сирии насчитывают от семи до десяти тысяч бойцов, которые хорошо организованы и вооружены, и действуют под командованием подразделения специального назначения «Кудс» КСИР. Военные эксперты считают ливанскую «Хезболлу» наиболее подготовленной, хорошо вооружённой и организованной группировкой в регионе. В Сирии подразделения ливанской «Хезболлы» улучшили свою оперативно-тактическую подготовку и боевые навыки, обладая впечатляющим арсеналом: управляемыми ракетами, вооружёнными беспилотниками, баллистическими ракетами малой дальности, противотанковыми управляемыми ракетами, переносными противотанковыми управляемыми ракетами, танками Т-72, боевыми беспилотными летательными аппаратами и ракетами «Катюша»¹⁸. Более того, ливанская «Хезболла» также вошла в меж-

¹⁷ Rasmussen S.E., Nader Z. 2016. Iran covertly recruits Afghan soldiers to fight in Syria. *The Guardian*. 30.06. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/30/iran-covertly-recruits-afghan-soldiers-to-fight-in-syria/> (accessed 20.10.2020)

¹⁸ Jones S.G. 2018. The Escalating Conflict with Hezbollah in Syria. *Center for Strategic & International Studies*. 20.07. URL: <https://www.csis.org/analysis/escalating-conflict-hezbollah-syria> (accessed 20.10.2020)

дународно-региональный круг в Сирии как действенный элемент противостояния ИГИЛ. Иран совместно с формированиями ливанской «Хезболлы» сделал многое для обеспечения безопасности в окрестностях Дамаска¹⁹. Приоритетной задачей ливанской «Хезболлы» является также организация и руководство другими шиитскими подразделениями для обеспечения контроля над сирийско-иракской границей, что проявилось в Дейрэз-Зоре и особенно в Абу-Камале. Ливанская «Хезболла» также оказывает содействие КСИР в военной подготовке иракских, сирийских, пакистанских и афганских шиитов. Тем самым, можно утверждать, что роль ливанской «Хезболлы» за годы войны в Сирии значительно возросла, группировка перестала ограничиваться рамками локальной милиции.

Что касается более широкой региональной угрозы ИГИЛ, то учитывая длительное военное давление на эту террористическую организацию, боеспособность группировки значительно снижена. Однако, чтобы успехи, достигнутые в борьбе с ИГИЛ, были устойчивыми, необходимо политическое решение конфликта. Вместе с тем в Тегеране вынуждены констатировать, что военное поражение в Ираке и Сирийской Арабской Республике не будет означать конец деятельности ИГИЛ как террористической организации, поскольку группировка создала сеть из числа иностранных боевиков-террористов, что предполагает продолжение борьбы с ИГИЛ.

Нельзя не отметить, что Тегеран не ограничивается использованием силового компонента в процессе противостояния террористическим угрозам. В 2013 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН под названием «Мир вне насилия и экстремизма» была инициирована Ираном. В сентябре 2015 г. Россия объединила усилия с Сирией, Ираном и Ираком для координации борьбы с ИГИЛ. Основными функциями созданного в Багдаде информационного центра стали сбор, обработка, обобщение и анализ текущих данных об обстановке на Ближнем Востоке в контексте борьбы с террористами. Одной из основ реализации этой коалиции было отработка совместной позиции сторон в противодействии религиозному фундаментализму, терроризму и террористическим организациям. Взаимодействие Ирана с Россией по стратегическим вопросам является очевидным примером опыта эффективного сотрудничества в управлении региональными кризисами. Иранская сторона придаёт важное значение дипломатическим шагам по урегулированию ситуации в Сирии, участвуя с 2017 г. в качестве страны-гаранта в Астанинском процессе, который дополняет Женевский процесс, и оба призваны обеспечить мирное и стабильное разрешение сирийского конфликта. Иранские власти подтверждают значимость роли ООН в усилиях по противодействию условиям, благоприятствующим распространению терроризма, подчёркивают важность укрепления отношений между

¹⁹ Friedmann H.G. 2018. Iran and Hezbollah in Syria: U.S. Policy Options. *The Washington Institute for Near East Policy*. Testimony submitted to the House Foreign Affairs Subcommittee on Middle East and North Africa. 27.09. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iran-and-hezbollah-in-syria-u.s.-policy-options/> (accessed 20.10.2020)

правоохранительными органами разных стран в плане обмена информацией и совместной работы в целях достижения понимания конкретной природы террористических угроз. Однако в целом в контртеррористической деятельности иранских властей и далее будет наблюдаться тренд в сторону максимального использования силового компонента с опорой на шиитские общины региональных государств, тем более что население Ирана в данном вопросе в своём большинстве поддерживает политику правительства.

Иран, будучи крупной и влиятельной региональной державой на Большом Ближнем Востоке, не мог не оказаться в первых рядах международных участников антитеррористической борьбы. Причём, волею судьбы, Тегерану приходится оказывать противодействие террористическим угрозам как у себя в стране, так и на внешнем фронте, в Ираке и Сирии. Особенностью борьбы Тегерана с терроризмом является её неотделимость от суннитско-шиитских противоречий. Сторонников ИГИЛ, от которых исходит террористическая угроза, в Иране называют суннитскими экстремистами и вероотступниками. Контрпропаганда против радикализма и насильственного экстремизма строится в Иране на базе шиитского направления в исламе из-за опасений идеологического влияния стран Персидского залива. В Иране в среде конфессионального меньшинства развивается суннитский экстремизм против шиитского религиозно-политического режима. Вместе с тем давление на суннитов в Иране, которые составляют приблизительно 10% населения страны, наряду с фактором внешнего влияния, создало благоприятную почву для активизации террористической деятельности на территории страны группировки «Джейш аль-Адль», боевики которой зачастую действуют с приграничных территорий. Под влияние ИГИЛ попадают и некоторые сторонники курдских политических партий в Иране. Нарастание террористических угроз в стране, вынуждает иранские власти уделять особое внимание вопросам противодействия идеологии ИГИЛ. В Иране создана целая система предупреждения терактов и усилен контроль на границах. В плане идеологического противостояния распространению терроризма особое внимание также уделяется дальнейшему развитию контрпропаганды против радикализма и насильственного экстремизма на основе шиитского ислама. Под жёстким контролем в Иране находятся религиозные общеобразовательные учреждения.

Участие Ирана в процессе урегулирования конфликтов в Ираке и Сирии является важным фактором устранения террористических угроз со стороны ИГИЛ в регионе. Быстрая помощь Тегерана способствовала возрождению морального духа иракской армии. Иран помог Багдаду сформировать добровольческие силы народного ополчения, осуществлял инструктаж вооружённых сил. В Сирии иранцы занимались подготовкой сирийских вооружённых сил, мобилизацией, обучением и организацией добровольческих отрядов для борьбы с террористическими группировками. Вместе с тем возвращение иностранных боевиков-террористов иранского происхождения на родину может стать одним из факторов роста террористической активности, в том числе и

транснациональной. Иностранные боевики-террористы будут способствовать радикализации определённой, прежде всего молодой, недовольной социально-экономическими условиями жизни, части населения Ирана, пополняя ряды террористических группировок. Кроме того, Ирану приходится учитывать взаимосвязь внешних и внутренних террористических угроз. Тегеран продолжает воспринимать ИГИЛ в качестве дестабилизирующего фактора в Ближневосточном регионе, катализирующего региональные противоречия. В ближайшей перспективе борьба Ирана с терроризмом на Большом Ближнем Востоке будет являться важным элементом региональной безопасности.

Об авторе:

Георгий Григорьевич Мачитидзе – кандидат исторических наук, аналитик Института международных исследований, МГИМО. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: mggkabul@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: June 29, 2020
Accepted: October 09, 2020

Iran's Fight against International Terrorism

G.G. Machitidze
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-252-265](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-252-265)

Moscow State Institute of International Relations (university)

Abstract: The article analyzes the reasons that prompted the Arab states to consolidate their efforts and create the League of Arab States. Attention is focused on the deep differences that existed between the states that came forward with the idea of strengthening Arab unity and determined the nature of this regional organization and the features of its charter, which provided its members with the opportunity to preserve their political system, sovereignty and the specifics of foreign policy.

The heterogeneous nature of LAS had an impact on its the goals and objectives. The focus of this organization was to protect pan-Arab interests and support all Arab states in achieving political independence.

The aggravation of the situation in Palestine after the Second World War became a central item on the agenda of all the Arab League meetings. This organization indicated its position on the Palestinian issue in the preparatory period for its official proclamation. The article discusses the activities of the Arab League, aimed at introducing a complete boycott of Israel, which, amid expansion of the Arab League, other Arab states also joined. The Arab-Israeli conflict, due to the targeted efforts of the Arab League, consolidated the Arab geopolitical community and contributed to the formation of a national Arab identity. The LAS in its

documents built a common Arab narrative, having two underpinnings: the recognition of the Palestinian Arab people as a victim of the Western powers and Zionists, as well as foreign policy of Israel.

The article traces the relationship between the activities of the Arab League and the changes that have occurred in the regional and international environment. The gradual transition of the Arab League to the search for a political settlement maintain Arab unity by using the traditional tool – the unresolved Arab-Israeli conflict. The LAS member-states should have taken a pan-Arab stance on the settlement of the Arab-Israeli conflict in order to preserve national identity. The refusal of all Arab League members to accept the American settlement plan, proposed by D. Trump administration in early 2020, was a confirmation that this regional organization retains its position as a defender of Arab unity and pan-Arab interests.

Keywords: Iran, international terrorism, ISIL, Sunni-Shiite contradictions, Iraq, Shiite "volunteer" units, Syria, Lebanese Hezbollah

About the author:

Georgy G. Machitidze – Candidate of History, analyst of Institute for International Studies MGIMO-University. Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: mggkabal@gmail.com

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Chronology: Iran Anonymous. 2020. *Middle East Journal*. 73(1). P. 122-124.
- Gerges F.A. 2014. ISIS and the Third Wave of Jihadism. *Current History*. 113(767). P. 339–343. DOI: 0.1525/curh.2014.113.767.339. URL: http://currenthistory.com/Gerges_Current_History.pdf/ (accessed 20.10.2020)
- Golmohammadi V. 2019. The Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran: Prospects for Change and Continuity. *All Azimuth*. 8(1). P. 93-102. DOI: 10.20991/allazimuth.459943
- Karimi Y., Cimbura A., Loza W. 2019. Assessing the Prevalence of Middle Eastern Extreme Ideologies among some Iranians. *Journal of Strategic Security*. 12(3). DOI: 10.5038/1944-0472.12.3.1719
- Katzman K. 2019. Iran's Foreign And Defense Policies. *Current Politics and Economics of the Middle East*. 10(2). 63 p.
- Rol' i mesto Irana v regione* [The Role and the Place of Iran in the Region]. 2007. Otv. redakторы: N.M. Mamedova, M. Imanipur. Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies, Collection of Articles. Moscow. 207 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Роль и место Ирана в регионе*. 2007. Оtv. редакторы: Н.М. Мамедова, М. Иманипур. Российская Академия Наук. Институт востоковедения. Москва. 207 p.



Российская система внешнеполитической экспертизы

А.А. Варфоломеев, О.П. Иванов, И.В. Сурма, Ю.А. Трефилова

Дипломатическая академия МИД России

В статье рассматривается система внешнеполитической экспертизы как самостоятельный предмет исследования. Представлен критический анализ современного состояния системы информационно-аналитической поддержки подготовки и принятия внешнеполитических решений и её соответствия приоритетам развития государства. Анализируется отечественная система внешнеполитической экспертизы, её этапы становления и развития. Показана роль экспертно-аналитического обеспечения органов государственной власти на примере международных центров кризисного реагирования. Дан обзор существующих методологий исследования, конкурентной экспертизы и методов экспертной и информационно-аналитической оценки. Авторы отмечают положительные стороны конкурентного анализа внешней среды, позволяющего нивелировать асимметрию политических и хозяйственных культур внутри страны, равно как сгладить фактор личной заинтересованности. Благодаря этому обеспечивается вариативность подходов в принятии внешнеполитических решений что, в конечном счёте, содействует продвижению сбалансированных национальных интересов. Подчёркивается, что североамериканский подход отличается по целому ряду параметров от европейского анализа внешней политики, включая цели, теоретические предпочтения, методологические тенденции, формы теоретического этноцентризма и различные формы общественного строительства. Отмечается, что европейские учёные и эксперты в области внешнеполитического анализа гораздо активнее используют теорию международных отношений в более широком смысле, чем их североамериканские коллеги.

На основе проведённого анализа авторы предлагают, опираясь на российский опыт и научные традиции Дипломатической академии МИД России, использовать современный комплексный интегрированный метод с применением междисциплинарного подхода, основанного на элементах политической психологии, социологии управления, международном праве, структурно-функциональном и институциональном подходах и др. Также предлагается использовать виртуальные когнитивные центры и методологии, которые не только содержат конкретную последовательность этапов прогнозирования развития международной обстановки, но и дают возможность выбирать методы проведения форсайта, учитывая имеющиеся временные, кадровые и финансовые ограничения, и возможность их адаптации к прикладным задачам аналитико-прогностической деятельности федеральных органов власти в области внешней политики.

УДК: 327

Поступила в редакцию: 15.04.2020 г.

Принята к публикации: 20.09.2020 г.

Ключевые слова: внешняя политика, мозговые центры, стратегия национальной безопасности, новые вызовы и угрозы, Центр кризисного реагирования, конкурентная экспертиза, комплексный интегрированный метод

В современных условиях международно-политической нестабильности возрастает роль экспертной оценки и прогнозирования развития международной обстановки. В данной статье рассматриваются существующие подходы к анализу и прогнозированию развития международной обстановки и возможность их адаптации к прикладным задачам деятельности отечественных федеральных органов власти в области внешней политики.

Экспертно-аналитическое обеспечение органов власти может быть внутренним и внешним. Выстраивание внутренней работы относится к области государственного управления; в то время как внешняя экспертиза и аналитика – результат отношений со сторонними учреждениями, организациями и частными лицами. Такая деятельность объективно сложнее – как в силу структурно-организационных вопросов, так и ввиду особенностей внешнеполитического процесса, в частности, ограничений на распространение информации вне круга его непосредственных участников. Тем не менее, в России, как и в других странах, есть понимание, что ограничиваться и замыкаться исключительно на внутриведомственной экспертизе и аналитике нецелесообразно и неэффективно, поскольку привлечение сторонних аналитических мозговых центров и профессиональных экспертов помогает сформировать объективное видение сложных внешнеполитических ситуаций и процессов.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждённая президентом России 30 ноября 2016 г.) фиксирует правило (п. 107), что «при подготовке внешнеполитических решений федеральные органы исполнительной власти на постоянной основе взаимодействуют с [...] экспертным и научным сообществом, [...] способствуя их участию в международном сотрудничестве. Широкое вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс соответствует общемировой практике и тенденциям развития России, отвечает задаче формирования консенсусного характера внешней политики страны, содействует её эффективной реализации»¹.

Развитие системы внешнеполитической экспертизы в современных условиях приобретает особую актуальность и имеет важную общественную задачу. В современных социально-политических исследованиях на данном направлении видны явные пробелы как применительно к отдельным элементам этой системы, так и в плане выстраивания общей комплексной картины.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.) URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения 10.10.2020)

В статье проводится анализ отечественной системы внешнеполитической экспертизы, фокус делается на субъектах, привлекаемых к реальной практической деятельности по подготовке и принятию внешнеполитических решений, в то время как структуры, занимающиеся «публичной экспертизой» в различных её формах (*talk tanks & advocacy think tanks*), остаются вне внимания.

С точки зрения разработки базы теории принятия решений, большая её часть была заложена в англо-саксонских исследованиях (Barnard 1938; Саймон 2000; James 1966; Snyder, et al. 2002; Bruck 2002). За десятилетия был предложен целый ряд подходов, которые принято объединять по укрупнённым направлениям. В теории рационального выбора решение рассматривается как результат продуманного выбора рационального субъекта (фон Нейман 1987; Schon 1984; Нойштадт 1997). Рационализация политической деятельности стала особенно популярна в США (Abelson 2006). Среди иных теорий можно назвать бюрократическую (Финк 2017; Нив 2005; Ашин, Кравченко, Лозанский 2001) и организационную (McDermott 2009; McCraw, Cruikshank 1999). Отдельно выделим когнитивный подход (Kahneman, Tversky 1998; Kahneman, Slovic, Tversky 2000; Kelly 1991; Axelrod 1984) и исследования динамики политического процесса (Андерсон 2002; Kelly 1998; Wildavsky 1988; Сантаяна 2003; Харц 1993).

На Западе анализ советской системы поддержки внешнеполитических решений вёлся в рамках так называемой «советологии» и продолжает проводиться в настоящее время исследовательскими центрами (уже не только «на Западе», но также в Китае, Южной Корее и других странах), близкими к зарубежным МИДам и спецслужбам. Однако результаты данной работы в публичном пространстве не обнаруживаются.

Обращаясь к отечественным разработкам, необходимо отметить, что в России внешнеполитическая экспертиза стала самостоятельным предметом глубокого анализа. В нашей стране первые исследования в области подготовки и принятия внешнеполитических решений на основе системного подхода начали проводить в «Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа», созданной при МГИМО (в дальнейшем – Центр международных исследований МГИМО). Можно сказать, что это был прорыв, который позволил в дальнейшем создать самостоятельную школу системно-структурного анализа на базе одного из ведущих ведомственных вузов. В числе знаковых работ коллектива выделяются труды руководителя лаборатории (1990-1998 гг.) профессора М.А. Хрусталёва (Хрусталёв 1991; Хрусталёв 2008; Хрусталёв 2010; Хрусталёв 2015). Указанные работы, главным образом, ориентированы на исследование систем подготовки и принятия решений, хотя они и не фокусируют внимание на роли в этом процессе конкретно экспертно-аналитического сообщества.

С начала 1990-х гг. «Школа по американистике и сравнительному изучению процесса формирования внешней политики великих держав в Новое и Новейшее время» в лице профессора О.А. Колобова и его учеников исследовала участие различных акторов в процессе принятия внешнеполитических решений в

США, странах Западной Европы и Израиле (Сергунин 1993; Макарычев 1991, 2015; Рыхтик 2004; Корнилов 1990). В этих работах роль, задачи и деятельность экспертно-аналитического сообщества высвечена достаточно чётко, представляя интерес с точки зрения анализа наилучших практик внешнеполитической экспертизы за рубежом и организации взаимодействия «мозговых трестов» с органами власти. В то же время отметим определённый крен данных работ в сторону бюрократической теории, которая предполагает, что решение есть результат компромисса между субъектами принятия решений, каждый из которых преследует собственные цели.

Отечественная система внешнеполитической экспертизы: этапы становления и развития

Выделение особой роли экспертного и научного сообщества в подготовке внешнеполитических решений не является данью сегодняшнему дню. В нашей стране такое положение имеет давние традиции. На уровне гипотезы мы выделяем три этапа в развитии отечественной системы внешнеполитической экспертизы на протяжении последнего полувека:

1) до 1991-1992 гг. – период устойчивого планового взаимодействия органов внешних сношений с ограниченным кругом государственных учреждений (ведомственных и академических); в целом, единообразие подходов, методологии и форм результатов, представляемых «практикам»;

2) 1992 – середина 2000-х гг. – период деградации системы взаимодействия, существовавшей ранее, на фоне появления большого количества независимых экспертно-аналитических центров и площадок, спорадически привлекаемых (наряду со «старыми» структурами) к обсуждению отдельных вопросов внешнеполитической практики; вызревание ситуации «плюрализма внешнеполитической экспертизы», в том числе вследствие активного распространения заимствованных теорий международных отношений, методологии и технологий исследований; возникновение «новых стимулов» и их дальнейшее преобладание над существовавшей прежде безальтернативной детерминантой «государственных интересов»: мотивы повышения авторитета эксперта в международных кругах, получения проектного (грантового) финансирования, признания в качестве эксперта в СМИ и пр.;

3) с середины 2000-х гг. – период постепенно нарастающего внимания государства к экспертному и научному сообществу; создание флагманских институтов отечественной общественной дипломатии (Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова – 2010 г., Российский совет по международным делам – 2011 г.); введение определённых мер по сдерживанию зарубежного влияния на российские экспертные круги; усиление попыток «практиков» перевести работу с «аналитиками» на новый уровень предсказуемого системного взаимодействия.

Необходимо отметить, что конъюнктура третьего (в нашем описании) этапа была обусловлена не только новыми установками в российской внешней политике, отправной точкой для которых принято считать Мюнхенскую речь президента Путина в феврале 2007 г., но – не в меньшей степени – характером изменений самих международных отношений. Беспрецедентно усилился фактор информационных технологий, а с ним пропагандистские возможности прямого воздействия на общественные настроения в любой точке мира. Всё это привело к тому, что роль экспертов стала в значительной степени сводиться к участию в формировании и конструировании дискурса. В результате даже многие академические центры, следуя запросам рынка, начали дрейфовать в сторону так называемых *talk tanks* (центров публичных дискуссий, занимающихся выносом на первое публичное обсуждение новых идей и предложений, пробросом «новых шаров»), а также *advocacy think tanks* (занимающихся, по сути, публичным сопровождением принимаемых внешнеполитических решений).

Исторически важное место в системе отечественной школы международных исследований занимает ИМЭМО АН СССР (ныне РАН). Это один из ключевых институтов, поставляющих экспертизу и аналитику по международной проблематике в федеральные органы исполнительной власти. К настоящему времени в отечественном научном сообществе удалось сформулировать собственное видение проблем, что нашло отражение, в частности, в программных тезисах директора ИМЭМО члена-корреспондента РАН Ф.Г. Войтоловского «Тенденции развития глобального рынка внешнеполитической экспертизы» к юбилейному заседанию Учёного совета ИМЭМО РАН в 2016 г.² Процесс принятия внешнеполитических решений в конкретных странах анализировался в отдельных публикациях «региональных» институтов РАН – Института Европы, Института США и Канады, Института Латинской Америки, Института Африки.

Поскольку экспертно-аналитические структуры сами являются субъектами исследований, интересно отметить результаты их собственной работы по аналитическому самообследованию.

Российский совет по международным делам (РСМД) взял на себя роль определённого интегратора знаний о структуре и характере отечественной системы внешнеполитической аналитики и экспертизы. РСМД ведёт базу исследовательских центров, делает доступной информацию о количественных и, в какой-то степени, качественных характеристиках предмета заявляемого проекта. Однако, как можно судить, на данном этапе Совет не ставит целью обобщить имеющуюся эмпирику с целью получения фундаментальных научных результатов, поскольку система внешнеполитической экспертизы не является для него самостоятельным предметом научного поиска. Кроме того, РСМД не обособляет в экспертном сообществе субъектов, взаимодействующих с органами при-

² Войтоловский Ф.Г. *Тенденции развития глобального рынка внешнеполитической экспертизы*. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2016/13042016/13042016-TEZ-SC.pdf> (дата обращения 10.10.2020)

нения внешнеполитических решений, что является ключевым для целей нашего проекта.

«Чистая», то есть прикладная экспертиза, рассчитанная не на широкое потребление, а исключительно на узкий круг профессионалов, стала растворяться во всё возрастающем объёме «публицистики», к которой склоняет «аналитиков» современный информационно-коммуникационный детерминизм.

Однако ни сегодня, ни в перспективе материалы чисто информационного толка, с низким уровнем обобщений, лишённые рекомендаций и прогнозов, основанные на сведениях, находящихся в общем доступе, не смогут заместить подлинную экспертизу. Эта подмена тем более ошибочна, поскольку в дальнейшем – в свете развития технологий искусственного интеллекта – обобщающая информационно-аналитическая работа первого уровня будет машинизирована. Если эксперты переориентируются со стратегического и тактического уровней анализа информации на оперативный, уже в скором времени они будут конкурировать с машинными технологиями и проигрывают, а их способности и навыки девальвируются.

В свете вышеизложенного мы считаем, что проблемы развития системы поддержки внешнеполитических решений как никогда злободневны. Как было сказано выше, на определённом этапе эта система стала в какой-то мере самоорганизующейся: органы власти, выступающие в роли заказчика, потеряли чёткое видение желательной картины, а экспертное сообщество, оказавшееся в автономном плавании, стало выбирать собственные ориентиры движения, что нельзя критиковать, когда речь идёт о свободном научном поиске или творческой самореализации, но что неадекватно прикладным задачам по сопровождению внешнеполитических решений.

В каком состоянии находится сегодня система поддержки внешнеполитических решений, если говорить совокупно об организациях и лицах, привлекаемых к экспертно-аналитическому обеспечению органов внешних сношений? Каковы основные вызовы общественного развития, на которые реагирует экспертное сообщество и которые влияют на его эффективную вовлечённость в реализацию внешнеполитического курса России? Каковы приоритеты развития самой системы внешнеполитической экспертизы, исходя из национальных интересов нашей страны на мировой арене? Эти фундаментальные вопросы не могут не получить научно обоснованные, а также сопряженные с практикой ответы.

Методология и методики исследования

При выработке внешнеполитических решений применяются хорошо зарекомендовавшие себя как в отечественной практике, так и за рубежом методики, подтверждающие, что провести наиболее полное исследование обозначенного предмета возможно только в рамках междисциплинарного подхода. Экспертно-аналитическая поддержка внешнеполитических решений – сложная

многоуровневая система с большим количеством участников и разнохарактерными связями между ними. Взаимодействие участников осуществляется по всем возможным вариантам – вертикальному, горизонтальному и сетевому. Соответственно, связи элементов могут проявляться в виде административно-директивных указаний (например, учредителя – нижестоящей организации), нормативно-правового и договорного регулирования (например, в отношении коллектива экспертов для выполнения ими должностных обязанностей либо в рамках договоров гражданско-правового характера), неформальных договорённостей, частной инициативы.

В связи со столь разнообразными связями в системе и для получения более объективных результатов в исследовании использованы методы политологии, права и социологии, а также методологические элементы политической психологии. При этом объединяет частно-научные методы, собственно, системный подход, который стал сквозной методологией работы.

Таблица 1. Соотношение отрасли знания, методов и исследовательских вопросов

Table 1. Correlation between subject area, methods and research questions

Отрасль научного знания	Релевантный метод	Исследовательские вопросы
Политические науки	Структурно-функциональный подход Институциональный подход Функциональный подход Децизионные методы	Что представляет собой современная система внешнеполитической экспертизы в России? Как она трансформируется? Какие структуры включены в систему внешнеполитической экспертизы, какими характеристиками они обладают? Как осуществляется взаимодействие органов власти, ответственных за внешнеполитические решения, с экспертными организациями? Какую роль играет экспертиза и аналитика в принятии внешнеполитических решений на тактическом и оперативном уровнях?
Право	Формально-правовой	Каковы правовые основы функционирования системы внешнеполитической экспертизы в России? Какие нормативные требования накладывают ограничения на экспертно-аналитическое обеспечение внешней политики (доступ к информации и/или её обнародование, оформление отношений заказчика исполнителем, ответственность эксперта и т.п.)?
Социология (социология управления)	Интервьюирование (бланк-интервью) Экспертная оценка Экспертный опрос	Как практики (заказчики и «потребители» экспертизы и аналитики) видят текущее состояние дел в этой области? Какие сильные и слабые стороны системы экспертизы они замечают? Какие тенденции развития необходимо учесть, чтобы система экспертизы была более эффективной и практико-ориентированной?
Психология (политическая психология)	Бихевиористические исследования (в частности, направлений «мега-макро», «макро-макро» и «макро-микро»)	Как достигнуть наибольшего «взаимопонимания» между практиком и экспертом? Какие формы и виды экспертизы являются наиболее адекватными для использования в органах власти? Какие особенности подачи/восприятия информации должны характеризовать взаимодействие «заказчика» и «исполнителя» экспертизы и аналитики?

Экспертно-аналитическая оценка

Экспертная оценка, сделанная лицом, выполняющим функции советника или консультанта (так называемая индивидуальная экспертная оценка), является традиционной формой анализа и прогноза международной обстановки. Роль такого советника во внешнеполитическом курсе страны чрезвычайно велика. В качестве примера можно назвать должность советника по национальной безопасности США, который назначается президентом Соединённых Штатов без утверждения Сенатом США. Эта должность фактически не связана ни с бюрократической структурой Госдепартамента, ни с Министерством обороны и поэтому советник имеет возможность относительно независимой от них деятельности. При этом надо отметить, что от администрации к администрации роль и влияние советника по национальной безопасности могут претерпевать определённые изменения.

Однако в мировой практике большее распространение имеет работа экспертно-аналитических групп. В условиях современной России можно выделить следующие экспертные группы, которые непосредственно участвуют в выработке внешнеполитических решений на федеральном уровне:

А) государственные органы – Совет Безопасности Российской Федерации, Государственный совет Российской Федерации, МИД России, СВР РФ и др.

Б) общественные экспертные группы – Совет по внешней и оборонной политике, Российский совет по международным делам, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Валдайский клуб, Зиновьевский клуб и др.

В) научные экспертные коллективы – РИСИ, НИЦИ при МИД России, ИМЭМО РАН, МГИМО, Дипломатическая академия МИД России (ИАМП), Институт Европы РАН, Институт востоковедения РАН и др.

Если в случае осуществления индивидуальной экспертизы работу эксперта можно считать в известном смысле абсолютной, то в группе при проведении коллективной экспертизы необходима тщательная организация процесса исследования. От организаторов, а, следовательно, и от заказчиков экспертизы, во многом зависит её результат. Риск неправильно принятого решения очень высок, а соблазн подогнать экспертное заключение под уже готовое решение слишком велик. Примеры подобных «экспертных оценок» и их трагических последствий, к сожалению, широко известны, достаточно вспомнить коллизию с иракским оружием массового поражения и «пробиркой Пауэлла», хотя здесь, скорее всего, следует говорить больше о политической составляющей.

Если же исключить такой явно недобросовестный подход к экспертной работе, то за основу можно принять следующие критерии необходимых условий для проведения успешной экспертизы: наличие ресурса времени, ответственности и независимость экспертов и уровень их информационной обеспеченности. Определяющим фактором является фактор времени, поскольку его недостаток практически всегда невозможно компенсировать. А в условиях невысокой ин-

формационной обеспеченности при максимальной степени ответственности работа экспертов становится приближенной к экстремальной.

Информационно-аналитические методики

Современные информационно-коммуникационные технологии востребованы во всех сферах общественно-политической деятельности, в том числе и деятельности, связанной с анализом и выработкой внешнеполитических решений. Первые информационно-аналитические методики были разработаны ещё в начале прошлого века, однако наиболее интенсивно работа над ними велась в 1950–1960-х гг. Классические и современные теории внешней политики используют в своих построениях определённую информационно-статистическую базу, которая опирается на обобщённый эмпирический материал, представляющий собой сформированный комплекс показателей, характеризующих современную систему международных отношений (Rosenau 1971; Hudson, Valerie 2013: 3).

Чаще всего в качестве формализованных методов анализа и прогноза в сфере международных отношений используются методы контент-анализа (анализ содержимого текста), ивент-анализа (анализ событийных данных) и метод когнитивного картирования (специально разработанный для политических исследований — в виде построения комбинаторного графа, в узлах которого стоят цели, а ребра задают характеристики возможных связей между целями) (Салин, Юрга 2012).

На настоящий момент можно насчитать около сотни вариантов контент-анализа и порядка нескольких десятков компьютерных программ, предназначенных для его автоматизированного проведения. Основными достоинствами контент-анализа принято считать то, что, во-первых, его технология не искажает результаты обработки информации за счёт взаимодействия с общественно-политическим или субъективным фоном проводимого анализа, а во-вторых, то, что этот метод даёт представление об объектах, которые исследователь непосредственно не наблюдает.

Во второй половине XX в. на Западе были разработаны многочисленные специализированные и прикладные методики контент-анализа, среди которых можно назвать автоматизированную систему «Дженерал Инквайрер» Гарвардского университета; «Систему слов» (Iker, Harway 1965); «Анализ агрессии» (Лоренц 1994); «Анализ высказываний» (Markoff, Shapiro, Weitman 1975). В этом ряду можно упомянуть работу Д. Рулофа и Д. Фрайа (Ruloff, Frei 1978), посвящённую анализу взаимоотношений Востока и Запада в период разрядки.

Сегодня метод контент-анализа широко используется в экспертном сообществе. Например, заслуживают внимания результаты, проведённого контент-анализа публикаций китайских СМИ по тематике событий на Украине за период с ноября 2013 г. по ноябрь 2014 г. (Калинин 2016). Автор, используя методы

качественного и количественного контент-анализа, исследует особенности позиционирования России в ходе освещения «украинского кризиса» на основе выборки более 500 статей. Исследование проводилось при помощи компьютерной программы *Yoshikoder*, а затем результаты уточнялись экспертной группой с опорой на словари и с опросом среди носителей языка. Процесс формирования политического имиджа исследовался с разных точек зрения, включая тематические графики и данные относительно распределения сообщений по источникам новостей. На основе проведённого анализа автор делает следующие выводы: во-первых, стилистическая окрашенность подавляющего большинства новостных сообщений нейтральна, что означает, что китайские СМИ стараются не формировать конкретной оценки в отношении Российской Федерации, а во-вторых, зафиксированные проявления отрицательной или положительной оценки не несут какой-либо значимой закономерности. Так, количество новостей с отрицательной оценкой доминирует при проведении анализа с помощью словаря, а с положительной оценкой при проведении опроса. Следует отметить, что дальнейшее развитие методики контент-анализа позволило решать ряд задач и, в частности, исследовать стиль мышления правящей политической элиты и отдельных её представителей.

Другим наиболее часто используемым методом эмпирического анализа политических событий и определения основных тенденций дальнейшего их развития, который основывается на отслеживании динамики политических процессов и их интенсивности, является ивент-анализ (событийный анализ). Этот метод получил своё развитие также на рубеже 1960-1970-х гг. Ряд отечественных исследователей относят к его родоначальникам Ч. МакКлелланда, который первоначально использовал этот метод для изучения уровня насильственных действий, предпринятых в ходе расовых волнений в США, когда учёные пытались установить взаимозависимость между циклами экономического кризиса и массовыми беспорядками.

Сегодня тематика для проведения ивент-анализа достаточно разнообразна, а объектами анализа могут выступать как военные конфликты, протестные движения или националистические выступления, так и переговоры государственного уровня. Кроме того, в отечественной политологии наряду с исследованиями в области международных отношений ивент-анализ используется, например, для оценки особенностей и интенсивности влияния ТНК на внутригосударственную политику стран их размещения и активности СМИ в отражении политических событий. В процессе проведения ивент-анализа учитываются численность и статус участников, продолжительность, масштаб политического взаимодействия, интенсивность, соответствие (соизмеримость) действий участников. Существенно сложной задачей является процесс построения шкалы кодирования действий, когда информацию о типе действий и их интенсивности нужно перевести в некоторое количественное измерение для построения графика интенсивности развития событий во времени. Многие за-

рубежные исследователи продолжают пользоваться при оценке международных конфликтов системой кодировки Чарльза МакКлелланда *WEIS* (*World Event/Interaction Survey*) (McClelland 1999) и шкалой перевода Гольдштейна кодировки *WEIS* (Goldstein 1992) на интервальный уровень. Такой подход позволяет использовать все сложные виды статистического анализа и строить графики интенсивности событий. Кроме того, его применение помогает выявлять наличие скрытых циклов политических процессов. Сильной стороной этого метода является высокая степень объективности информации о событиях и надёжности практических рекомендаций, сформулированных в результате анализа. Но сам анализ чрезвычайно трудоёмок, как в случае ручной обработки информации, так и в случае использования компьютерных программ. Также при проведении ивент-анализа требуются практически исчерпывающая информация о частоте и интенсивности действий участников политического процесса.

Заслуживает внимания и тот факт, что ивент-анализ может быть использован не только в чисто научно-исследовательских целях, но и как достаточно эффективное средство дискредитации политического противника, то есть как элемент ведения информационной войны.

Следующим этапом развития информационно-аналитических методов в практике внешнеполитического анализа стало создание информационных систем. Можно отметить ряд таких комплексов, которые используются в нашей стране, например, прикладная информационная технология анализа текущей политической обстановки (международного конфликта) НИЦИ при МИД России, прогнозная экспертно-моделирующая система исследования военно-политической обстановки Института экономических стратегий РАН или же информационно-аналитическая поддержка принятия решений по анализу международных конфликтов (в этом направлении в своё время были разработаны программные комплексы: «Дипломат», ИАС «Истра-2006», ИАС «Ангара», ИАС «Прогноз МК» и др.).

Конкурентная экспертиза – англосаксонская политическая традиция и европейский подход

Внешнеполитическая экспертиза – тип аналитической деятельности, направленный на получение и практическое применение оценок и интерпретации текущих ситуации, событий, действий других субъектов международных отношений с целью выработки рекомендаций в области возможных стратегии и тактики практических действий. Она является функциональным элементом процесса выработки и принятия решений, а также их идейно-пропагандистской подготовки и сопровождения (Войтоловский 2007; Войтоловский 2012; Войтоловский и др. 2011). В ряде стран, в частности в США, принято *аксиоматически* считать, что именно конкурентная экспертиза – непереносимое условие эффективного *decision-making*. Это проекция принципа сдержек и противо-

сов (*checks & balances*) – ключевого для англосаксонской политической традиции (ниже представлена визуализация экспертной сети США, где разными цветами обозначены мозговые центры конкурирующих «идеологических блоков»).

Диалектика (противостояние подходов республиканцев-демократов и консерваторов-либералов) лежит в основе подготовки и представления руководству США конкурирующих заключений практически по каждому важному внешнеполитическому поводу. На базе разнящихся оценок – от взаимодополняющих до взаимоисключающих – идёт поиск баланса интересов лоббистских структур, партийных группировок, финансово-промышленных групп и т.п.

Таким образом, конкурентный анализ внешней среды позволяет нивелировать асимметрию политических и хозяйственных культур внутри страны, равно как сгладить фактор личной заинтересованности. Благодаря этому обеспечивается вариативность подходов в принятии внешнеполитических решений что, в конечном счёте, содействует продвижению сбалансированных национальных интересов.

Тем не менее, важно отметить, что ряд исследователей утверждают, что американский взгляд на процесс внешнеполитического анализа является слишком узким (Groom 2007: 210) и, кроме того, североамериканский подход отличается по целому ряду параметров от европейского анализа внешней политики (Hadfield 2010; Hudson 2012; Hudson 2013), включая цели, теоретические предпочтения, методологические тенденции, формы теоретического этноцентризма и различные формы общественного строительства. Например, европейские учёные и эксперты в области внешнеполитического анализа гораздо активнее используют теорию международных отношений в более широком смысле, чем, например, их североамериканские коллеги.

Можно выделить определённые ключевые противоречия между категориями исследования и способами, используемыми в североамериканских и европейских школах внешнеполитического анализа. Как правило, они укладываются в пять различных областей разногласий:

- объяснительные цели (включая онтологию, экспланандум и эпистемологию);
- теоретические склонности;
- методологические предпочтения;
- теория этноцентризма;
- общественное устройство.

Очевидно, что в рамках, собственно, самого европейского подхода существуют отличия, при которых определённые национальные типологии, различаются, например, скандинавский подход от британского, или немецкий от русского. Однако важно то, что различия между европейскими теоретическими подходами – будь то изучение внешней политики стран-членов Европейского союза (ЕС) или самого ЕС – не столь резки, как различия в онтологии, эпистемологии и методологии между ними и североамериканской школой.

Более того, современные реалии (миграционные процессы, пандемия, противоречия и специфика развития Европейского союза (ЕС), подобно региональным межправительственным организациям, например, в странах Африки к югу от Сахары) создали очевидную необходимость выйти за рамки парадигмы ориентированности на государство, как было принято в европейских подходах к внешнеполитическому анализу (McGann, Lazarou 2019). Следует также отметить, что в настоящее время сложился хороший баланс между дедуктивными подходами, использующими основы теории международных отношений как нечто вроде свободно распространяющегося закона для проверки на конкретных примерах, и индуктивными подходами, изучающими эмпирическое развитие внешней политики ЕС по трём основным направлениям: «бюрократическая структура, основные политические полномочия и способность принимать решения» (Christiansen 2004b: 5).

Центры кризисных ситуаций и практика поддержки принятия внешнеполитических решений

Новый формат внешнеполитического анализа и управления реализуется на основе создания системы ситуационных центров, формирующих особое информационно-технологическое пространство для эффективного мониторинга, прогнозирования, принятия решений и контроля за их исполнением. Сам по себе ситуационно-кризисный центр (СКЦ) представляет программно-технический комплекс, включающий защищённую виртуальную корпоративную сеть, единый территориально-распределённый информационный фонд, систему поддержки принятия решений, средства моделирования и визуализации.

Например, СКЦ США является круглосуточным наблюдательным и сигнальным центром, обеспечивающим президента США и других должностных лиц разведывательной и открытой информацией для выработки и реализации политики в области кризисного реагирования, включая природные и техногенные катастрофы. При президенте США действует сразу несколько ситуационно-кризисных центров, в том числе, и Ситуационная комната Белого дома (*White House Situation Room*), в которой в круглосуточном дежурном режиме работают 30 штатных специалистов и около 100 человек наёмного персонала. Используя защищённые каналы связи, они обрабатывают дипломатическую, разведывательную и другую служебную информацию. Кроме этого, в Белом доме находится Президентский оперативный центр для управления в чрезвычайных ситуациях (*President's Emergency Operations Center*).

В штаб-квартире ФБР в Вашингтоне действует Стратегический информационно-оперативный центр (*Strategic Information and Operations Center, SIOC*), который также относится к типу кризисных ситуационных центров и в состоянии отслеживать одновременно пять-шесть кризисных ситуаций не только на территории США, но и за рубежом.

В Европе было создано несколько десятков ситуационных центров. Среди них самый известный – это Разведывательный и ситуационный центр Европейского союза (*EU Intelligence and Situation Centre*), который является основным органом внешней разведки Евросоюза и объединяет все спецслужбы стран ЕС. Являясь составной частью Департамента по кризисному реагированию Внешнеполитической службы ЕС, Разведывательный и ситуационный центр осуществляет глобальный мониторинг, сообщает о текущем развитии событий и является передовым источником информации для представительств ЕС в различных странах мира. Его основная задача состоит в обеспечении поддержки работы Внешнеполитической службы ЕС в области кризисного реагирования и взаимодействии с соответствующими центрами 27 стран Евросоюза.

В Германии находится один из самых технически оснащённых европейских ситуационных центров – Общий информационно-ситуационный центр федерального центра и земель (*Gemeinsame Melde- und Lagezentrum von Bund und Ländern*), который был создан после терактов 11 сентября 2001 г. для управления кризисными ситуациями и предупреждения чрезвычайных ситуаций. Кроме того, при МИД Германии действует Центр кризисного реагирования (ЦКР), прообраз которого появился в середине 1990-х гг. и представлял собою компактную группу дипломатов, осуществляющих мониторинг информации. На сегодня основные задачи ЦКР: выявление во взаимодействии с другими ведомствами кризисных факторов и их анализ, подготовка предложений по оперативным сценариям защиты загранучреждений и граждан Германии (в отдельных случаях эвакуация), поддержание связи с другими правительственными агентствами и частным сектором. На контроле центра находятся следующие основные угрозы: деятельность международных террористических и криминальных организаций; политические, военные, межэтнические и религиозные конфликты; природные и техногенные бедствия и катастрофы; распространение болезней и вызванные ими пандемии.

ЦКР координирует усилия подразделений центрального аппарата МИД и его загранучреждений, а также других германских ведомств в вопросах реагирования, нейтрализации и преодоления первичных последствий кризисных ситуаций за рубежом. Состоит из группы оперативных дежурных (восемь человек), группы так называемых кризисных менеджеров (десять человек), группы превентивного реагирования (четыре человека) и группы по подготовке наставлений по безопасности (пять человек). К Центру на постоянной основе прикомандированы представители Федеральной разведывательной службы, Минобороны, включая подчинённую ему службу военной контрразведки и Федерального ведомства уголовной полиции.

Группа оперативных дежурных информирует руководство Министерства о соответствующих актуальных событиях, предоставляя ежедневные сводки проблемных ситуаций и происшествий путём непрерывного мониторинга мировых СМИ и обобщения данных из загранучреждений. Группа превентивного

реагирования и раннего распознавания анализирует поступающую из разных источников оперативную информацию и составляет сообщения для руководства Министерства с прогнозами по развитию кризисных ситуаций. Группа подготовки наставлений по безопасности обеспечивает доступность данных об обстановке в различных странах для широкой общественности и формулирует рекомендации по части мер предосторожности и безопасности на случай соответствующих поездок.

В исключительных случаях руководство ЦКР могут брать на себя федеральный канцлер или министр иностранных дел. В «стандартных» ситуациях этим занимаются статс-секретарь либо директор Департамента МИД ФРГ, курирующие данный круг вопросов или регион. Функцию заместителя начальника Кризисного штаба всегда выполняет руководитель ЦКР.

Весьма напряжённым для ЦКР выдался 2011 г. (прежде всего, в связи с событиями «арабской весны»). В течение этого года Кризисный штаб созывался порядка 80 раз. При этом выяснилось, что ЦКР далеко не всегда способен своевременно распознать кризис и отреагировать. Не удалось, в частности, предугадать нападения на учреждения западных держав, включая немецкие, на Севере Африки и Ближнем Востоке, спровоцированные демонстрацией скандального фильма «Невинность мусульман».

Среди организованных ЦКР успешных операций последних лет стоит выделить эвакуацию немецких граждан из Ливии и Египта (2011 г.) персонала посольств ФРГ Судане (2012 г.) в связи с попыткой его штурма толпой местных граждан. Было проведено более 50 заседаний ЦКР по вопросам кризисных ситуаций в Египте, Турции, Мали, Южном Судане, Венесуэле, Чаде, а также террористических атак в Европе, миграционного кризиса в 2016 г.

Также в МИД ФРГ вопросы безопасности и международного взаимодействия входят в компетенцию соответствующих специальных представителей ведомства, в том числе, по вопросам разоружения и контроля за вооружениями; по вопросам взаимодействия в рамках ООН, внешней политики в сфере кибербезопасности и борьбы с терроризмом.

Аналог таких ситуационных центров был реализован в Швейцарии – *Nationale Alarmzentrale*, который в настоящее время тесно сотрудничает с немецкими ситуационно-кризисными центрами.

При МИД Франции в 2008 г. был создан Центр кризисных ситуаций и поддержки (CDCS) в ответ на рост нестабильности в мире и учащение кризисов и являющийся сегодня одним из ключевых элементов внешней политики Франции. Данный центр также обладает компетенцией по докризисным этапам (прогнозирование, подготовка, мониторинг, оповещение) и выходу из кризиса (стабилизация). Его деятельность не ограничивается непосредственно периодом кризиса: она начинается задолго до него и заканчивается сильно после. Организационная структура Центра кризисных ситуаций и поддержки (CDCS) позволяет реагировать как можно раньше, ещё до возникновения кризиса, благодаря

широким возможностям прогнозирования, мониторинга и анализа рисков и угроз. CDCS включает в себя несколько миссий и структурных подразделений: *Миссия по прогнозированию и партнёрству* – разрабатывает аналитические инструменты для прогнозирования кризисов и поддерживает французскую экспертную деятельность в местах возникновения кризисных ситуаций; *Ситуационный центр* – обеспечивает непрерывный мониторинг событий за рубежом, проводит анализ угроз и рисков и планирует совместно с дипломатическими представительствами ответные действия; *Центр чрезвычайных операций* – координирует механизмы реагирования на кризисную ситуацию: создание оперативного штаба, телефонное реагирование, откомандирование на место специальной миссии; *Миссия по гуманитарному сотрудничеству* – координирует оказание срочной гуманитарной помощи на уровне государства и обеспечивает связи с различными партнёрами (НПО, международные организации, фонды и т.п.); *Миссия по стабилизации кризисных стран* – обеспечивает восстановление правового государства и поддержку гражданского общества на этапе выхода страны из кризиса и др.

Центр кризисных ситуаций и поддержки объединяет информационно-аналитические ресурсы Министерства иностранных дел Франции и его партнёров, других министерств и частных структур, что обеспечивает эффективное реагирование на бедствия и кризисы и позволяет свести к минимуму их последствия.

Комплексный интегрированный метод

Этот подход позволяет сочетать возможности экспертного и информационно-аналитического методов. Научная школа Дипломатической академии МИД России накопила богатый опыт в области использования научно обоснованных методологических инструментов для анализа и прогнозирования развития международной обстановки. Профессорско-преподавательский и научно-исследовательский состав академии, сотрудничая с Департаментом Ситуационно-кризисный центр МИД России (ДСКЦ) и НИЦИ при МИД России, в своей деятельности опирается на прикладные возможности информационной технологии анализа текущей политической обстановки и учитывает практику экспертиз с использованием информационно-аналитических систем поддержки принятия решений по международным конфликтам. Также часто используется хорошо зарекомендовавшая себя в области прогнозирования экспертно-моделирующая система исследования военно-политической обстановки Института экономических стратегий РАН на основе программного комплекса «Стратегическая матрица: Россия в пространстве и времени». Эта стратегическая матрица опирается на количественный и качественный анализ динамики развития России по девяти основополагающим факторам: система государственного управления, население, территория, природные ресурсы, экономика, культура и религия, наука и образование, вооружённые силы, внешняя политика. При-

нятый количественный подход к интерпретации качественных показателей посредством энниграммы (графического отображения многофакторной модели), позволяет наглядно продемонстрировать стратегическую траекторию трансформации государства на заданном временном отрезке. По своей сути он соответствует современным разработкам в области исчислений, в частности, в сфере так называемой нечёткой логики, выявляющей особенности сложных процессов.

В своей научно-исследовательской деятельности сотрудники академии используют в качестве единой методологической основы для анализа исторической динамики, прогнозных исследований и многомерного статистического анализа политических систем современных государств как методы политической компаравистики, так и спектр количественных методов анализа, семейство моделей и программных комплексов («Стратегическая матрица», системно-сценарный подход, методы регрессионного и дискриминантного анализа, контент анализа главных компонент и кластерного анализа, «Баланс интересов» и др.) для объектов размерности «группа стран», «страна», «регион», «руководитель» (то есть на всех основных четырёх уровнях — мега, макро, мезо и микро). Это формирует научно-методологический подход к формированию государственного внешнеполитического механизма на основе информационно-логического способа, который может определить достаточно предсказуемый диапазон политических решений, основанный на комплексном и системном закреплении направлений анализа с учётом упреждающего эффекта прогноза дальнейшего развития. Междисциплинарность такого подхода, предполагающего сочетание политологического и математического типов анализа, методологически исходит из признания множественности измерений политической системы в сравнительном анализе современной международной обстановки. Предлагаемые сотрудниками Дипломатической академии МИД России общие классификационные принципы формирования государственного внешнеполитического механизма и их информационно-логическая интерпретация, позволяют расширить имеющуюся методологическую базу оценки состояния и развития системы международных отношений и государственного управления по внешнеполитическим вопросам, а также повысить качество прогнозных исследований в условиях геополитической и геоэкономической нестабильности. Например, исходя из методологических основ анализа и развития сложных систем в международных отношениях (используя структурно-функциональный подход в формировании государственного внешнеполитического механизма), применение многофакторного подхода, сравнительного и экспресс-анализа позволило сотрудникам академии на основе индикативного подхода и результатов мониторинга ключевых показателей и оценки структуры основных характеристик состояния национальной безопасности выделить отличительные черты и особенности современной стратегии международной безопасности.

Научно-исследовательская практика академии показывает, что для анализа международных конфликтных ситуаций применяются информационно-аналитические системы, которые можно разделить на несколько классов:

1. социально-политические информационно-аналитические системы (иностраные системы *CASCON*, *CESIS*, *CRISISCOM*, *CREON*, *IDEA*, *WEIS*, *TEMPER*, «Фэкшенз», отечественные системы «Мониторинг социальной напряжённости», «Дипломат» и др.);
2. системы общественной безопасности (отечественные системы «Семантический архив», комплекс «Тренд» и др.);
3. гибкие, открытые системы моделирования и прогнозирования, построенные на основе метода анализа иерархий (Саати 1989) (отечественные системы «Эсплан», «Император» и др.).

Также в настоящее время политологами было создано и используется значительное количество субъектно-ориентированных (*WEIS*, *COPDAB*, *CREON* и др.) и проблемно ориентированных баз данных (*BCOW*, *CASCON* и др.).

Несмотря на то, что математические методы анализа международных отношений развиваются с середины прошлого века, особенно интенсивно – на Западе, а последние отечественные разработки датируются 2010-2012 гг., до сих пор эти методы не стали приоритетными (в настоящее время на принятие решений политической элитой Запада в большей степени влияют фейк-ньюс и т.п., чем, например, контент-анализ). До настоящего времени в научной среде поддерживается дискурс о необходимости и полезности применения прикладных информационных технологий в практической деятельности внешнеполитических ведомств.

На наш взгляд, в современных условиях необходимо использовать хорошо зарекомендовавший себя комплексный интегрированный подход, сочетающий экспертный и информационно-аналитический метод. В частности, применять Виртуальные когнитивные центры (ВКЦ), которые специализируются на моделировании развития социально-политических и социально-экономических систем и основаны на синтезе вычислительных методов точных наук и высоких гуманитарных технологий. Ключевой основой формирования ВКЦ могут являться мультиагентные технологии, обеспечивающие возможность информационно-аналитической поддержки принятия внешнеполитических решений и повышения уровня координации субъектов управления на базе виртуализации процессов взаимодействия между ними. Кроме того, ВКЦ можно позиционировать как некоторое облачное решение, что делает его доступным не только экспертам и субъектам управления различного уровня, но и, по необходимости всем заинтересованным международным, государственным и коммерческим организациям. Так, например, ВКЦ может быть реализован в виде публичного облака, построенного в архитектуре *SaaS (Software as a service)* или *PaaS (Platform as a service)*. Кроме того, в состав основного инструментария ВКЦ могут входить технологии поддержки коллективной работы удалённых

специалистов-экспертов в режиме реального времени (онлайн) при оказании информационных услуг субъектам регионального управления, бизнес-структурам различных отраслей и сфер деятельности, связанных с предоставлением средств оперативной аналитической обработки текущей ситуации или процессов, средств прогнозирования, проблемно-ориентированного поиска информации для поддержки принятия оптимальных внешнеполитических решений по преодолению кризисных и чрезвычайных ситуаций в международных отношениях. Основой когнитивного центра является технология ситуационных центров, получившая современное развитие по следующим направлениям:

- гуманитарный блок по проведению стратегических сессий, тренингов и имитационных игр,
- блок математического имитационного моделирования и вычислительного эксперимента,
- блок организации эффективного взаимодействия с распределёнными экспертными сообществами.

В процессе работы когнитивный центр вырабатывает согласованный образ будущего. ВКЦ помогает решить три группы задач:

- прогноз будущего (подкреплённый экспертной оценкой и вычислительным экспериментом), в том числе;
- оценка последствий управленческих воздействий;
- решение системной ловушки (анализ сложных систем и разрешение конфликтов, решение которых находится за рамками той системы координат, в которой работают управленцы сегодня – т.е. «решение нерешаемых проблем»);
- проект будущего – предложения по программе мероприятий для достижения конкретных целей, включая «дорожную карту». (Карта будущего может быть легко трансформирована в целеориентированную «дорожную карту» – не просто и не только визуальный образ совместного будущего, включающий ключевые тренды международных отношений, прогноз развития международных событий, стратегические развилки, но и точки принятия решений и запуска конкретных социальных или технологических действий, или проектов, план законодательных и лоббистских мер и т.п.).

Базовой частью такого Виртуального когнитивного центра должен стать инструмент научного предвидения – технологии прогнозирования форсайт (англ. *foresight* – это предвидение или прогноз), которые включают элементы активного влияния на будущее. Важным элементом специфики форсайт-подхода является также то, что он работает с отдалённым будущим (от ближайшего до удалённого на 10-15 лет) и учитывает альтернативные сценарии развития и, кроме того, имеет дело не только с возможными, вероятными и желательными событиями, но и с маловероятными событиями, которые потенциально могут оказать значительное влияние на будущее исследуемой сферы. Вариантом такой работы может являться, например, *Emerging Issues Analysis* – методология поиска тех изменений в настоящем, которые в будущем способны повлиять

на развитие событий в международных отношениях. Методология включает в себя пять этапов: пре-форсайт, анализ первоисточников, экспертные процедуры, креативный анализ, интерактивная дискуссия, по итогам которых формируется дорожная карта. Ключевым отличием такой методологии является то, что в ходе форсайта используется широкий набор методов, позволяющих разработать дорожную карту по интеграции форсайта в реализацию внешней политики государства. В современной науке и практике выделяют несколько видов форсайта в соответствии с его уровнем и сферой применения. Например, по степени охвата проблем – это преимущественно глобальный, национальный, межрегиональный, региональный уровень; по сферам – социальный, экономический, политический, научный, научно-технологический, образовательный; по внутренним уровням – отраслевой, кластерный, корпоративный и пр. При этом качественные форсайт-проекты предполагают использование самых разнообразных методов.

Уникальность методики заключается в том, что она масштабируема и позволяет получать согласованное видение будущего как в масштабе одной проектной команды, так и в масштабе государств и межгосударственных организаций. В отличие от традиционного прогнозирования, такая технология является проактивной по отношению к будущим международным событиям. Это означает, что участники не просто по отдельности оценивают вероятности и риски возникновения тех или иных условий, как, например, принято в Дельфи-методе, а занимают активную позицию и совместно проектируют свою текущую и будущую деятельность таким образом, чтобы усилить положительные векторы, увеличить вероятность желаемых международных событий и погасить отрицательные, нежелательные тренды в международной обстановке.

Таким образом, предложенный подход с использованием Виртуальных когнитивных центров и методологии, которая не только содержит конкретную последовательность этапов прогнозирования развития международной обстановки, но и даёт возможность выбирать методы проведения форсайта, учитывая имеющиеся временные, кадровые и финансовые ограничения, и возможность их адаптации к прикладным задачам аналитико-прогностической деятельности федеральных органов власти в области внешней политики.

В настоящее время у органов власти, как представляется, нет чёткого видения форматов практического взаимодействия с экспертными и аналитическими центрами, их роли и функционала в повседневной внешнеполитической деятельности. Более того, сложилось мнение, что в цепочке подготовки и принятия решений звенья экспертного обеспечения легко можно пропустить без потери эффективности, поскольку во многих случаях экспертиза – лишь формальность.

Тем не менее, совершенствование системы внешнеполитической экспертизы – масштабная задача. При этом начальный этап её решения, повторим наш тезис – это формирование образа «желаемого состояния». В этом плане один из

ключевых стартовых вопросов – целесообразно ли внедрять в российскую систему внешнеполитической экспертизы конкурентные подходы, и может ли это повысить практическую отдачу от результатов экспертной деятельности? Это является темой дальнейших глубоких и системных исследований.

Об авторах:

Антон Александрович Варфоломеев – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. ул. Остоженка, 53/2, стр.1, Москва, 119034.

Олег Петрович Иванов – доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России. ул. Остоженка, 53/2, стр.1, Москва, 119034.
E-mail: Direct.lamp@dipacademy.ru

Иван Викторович Сурма – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России, член-корреспондент РАЕН. МИД России. ул. Остоженка, 53/2, стр.1, Москва, 119034.

Юлия Александровна Трефилова – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, руководитель Управления научно-координационной работы Дипломатической академии МИД России, эксперт РСМД. ул. Остоженка, 53/2, стр.1, Москва, 119034.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00504.

Received: April 15, 2020
Accepted: September 20, 2020

Russian System of Foreign Policy Expertise

A.A. Varfolomeev, O.P. Ivanov, I.V. Surma, Yu.A. Trefilova
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-266-292](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-266-292)

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

Abstract: The article considers the system of foreign policy expertise as an independent subject of research. The authors note the positive aspects of competitive analysis of the external environment, which allows one to level out the asymmetry of political and economic cultures within a given country, as well as to smooth out the personal interests. This ensures a variability of approaches in foreign policy decision-making, which ultimately contributes to the promotion of balanced national interests. The North American approach differs in

a number of parameters from the European foreign policy analysis, including goals, theoretical preferences, methodological trends, forms of theoretical ethnocentrism and various forms of social construction. The European scholars and experts in foreign policy analysis use the theory of international relations much more extensively than their North American counterparts.

Based on the analysis, we propose to use a comprehensive integrated method, developed in the Russian Diplomatic Academy, using an interdisciplinary approach based on elements of political psychology, sociology of management, international law, structural, functional and institutional approaches, etc. We also propose to use virtual cognitive centers and methodologies, which not only contain a specific sequence of stages of predicting the development of the international situation, but also provide an opportunity to choose methods of Foresight, taking into account the existing time, human resources and financial constraints, and the possibility of their adaptation to the applied tasks of analytical and prognostic activities of federal authorities in the field of foreign policy.

Keywords: foreign policy, think tanks, national security strategy, new challenges and threats, Crisis Response Center, competitive expertise, complex integrated method

About the authors:

Anton A. Varfolomeev – Candidate of Political Science, senior researcher at the Institute of current international problems of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Moscow, 119034, Ostogenka, 53/2, st. 1.

Oleg P. Ivanov – Doctor of Political Science, Professor, Vice-rector for research, the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Moscow, 119034, Ostogenka, 53/2, st. 1.
E-mail: Direct.lamp@dipacademy.ru

Ivan V. Surma – candidate of economic Sciences, head of the Department of public administration in foreign policy of the diplomatic Academy of the Russian foreign Ministry, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 119034, Ostogenka, 53/2, st. 1.

Yulia A. Trefilova – Candidate of Political Sciences, senior researcher, head of the Department of scientific coordination of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Moscow, 119034, Ostogenka, 53/2, st. 1.

Conflict of interests: Authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00504.

References:

- Abelson D.E. 2006. *A Capitol Idea: Think Tanks and US Foreign Policy*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Alden C., Aran A. 2017. *Foreign Policy Analysis: New Approaches*. Second edition. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.
- Axelrod R. 1984. *The Evolution of Cooperation*. New York: Basic Books.
- Barnard C. 1938. *The Functions of the Executive*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Bruck H. 2002. *Foreign Policy Decision Making (Revisited)*. H. Bruck, B. Sapin, R. Snyder. New York: Palgrave Macmillan. 186 p

- McClelland C. 1999. *World Event/Interaction Survey, 1966-1978*. ICPSR. Inter-university Consortium for Political and Social Research. The University of Southern California. January. 22 p.
- Goldstein J.S. 1992. A Conflict-Cooperation Scale for WEIS Events Data. *The Journal of Conflict Resolution*. 36(2). P. 369-385
- Groom A.J.R. 2007. Foreign Policy Analysis: From Little Acorn to Giant Oak? *International Studies*. 44(3). P. 195-215.
- Hadfield A. 2010. *British Foreign Policy, National Identity, and Neoclassical Realism*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Hudson V.M. 2005. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations. *Foreign Policy Analysis*. 1(1). P. 1-30.
- Hudson V.M. 2007. *Foreign Policy Analysis: Classic and Contemporary Theory*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Hudson V.M. 2008. The History and Evolution of Foreign Policy Analysis. *Foreign Policy: Theories, Actors, Cases*, edited by Steve Smith, Amelia Hadfield, and Tim Dunne. New York: Oxford University Press.
- Hudson V.M. 2012. The History and Evolution of Foreign Policy Analysis. *Foreign Policy: Theories, Actors, Cases*. 2nd ed., edited by Steve Smith, Amelia Hadfield, and Tim Dunne. Oxford: Oxford University Press.
- Hudson V.M. 2013. *Foreign Policy Analysis: Classic and Contemporary Theory*. 2nd ed. New York: Rowman and Littlefield.
- Iker H.P., Harway N.I. 1965. A Computer Approach towards the Analysis of Content. *Behavioral Science*. №10. P. 173-183.
- Kahneman D., Slovic P., Tversky A. 1982. *Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases*. New York: Cambridge University Press.
- Kahneman D., Tversky A. (Eds.). 2000. *Choices, Values and Frames*. New York: Cambridge University Press.
- Kelly G.A. 1991. *The Psychology of Personal Constructs*. Vol. 1. A theory of Personality. London: Routledge.
- Kelly R. 1998. An Inclusive Democratic Polity, Representative Bureaucracies? And the New Public Management. *Public Administrative Review*. 58(8). P. 201-208.
- March J.G. 1966. The Power of Power. Easton D. (ed.). *Varieties of Political Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. P. 39-70.
- Markoff J., Shapiro G., Weitman S.R. 1975. Toward the Integration of Content Analysis and General Methodology. *Sociological Methodology*. D.R. Heise. P. 1-58. London: Jossey-Bass
- McDermott P. 2009. *Industrial Organisation and Location*. P. McDermott, M. Taylor. Cambridge [etc.]: Cambridge University Press. 226 p.
- McGann J.G., Lazarou E. 2019. *Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers*. New York: Palgrave Macmillan. 464 p.
- Rosenau J. 1971. *The Scientific Study of Foreign Policy*. New York.
- Ruloff R., Frei D. 1978. Content Analysis. A survey of techniques with special reference to the analysis of the CSCE Documents. *Kleine Studien zur politischen Wissenschaft*. Zurich. №147-148.
- Schon D.A. 1984. The Reflective Practitioner: How Professionals Think in action. *Basic Books*. Vol. 5126.
- Snyder R., Bruck H., Sapin B., Hudson V.M. 2002. *Foreign policy Decision Making* (Revisited). New York: Palgrave Macmillan. 186 p

Thomas K. McCraw, Jeffrey L. Cruikshank. 1999. *The Intellectual Venture Capitalist: John H. McArthur and the Work of the Harvard Business School, 1980-1995*. Harvard Business Review Press. 496 p.

Tonra B., Christiansen T. (eds). 2004a. *Rethinking European Union Foreign Policy*. Manchester: Manchester University Press.

Tonra B., Christiansen T. 2004b. The Study of EU Foreign Policy: Between International Relations and European Studies. *Rethinking European Union Foreign Policy*. Edited by B. Tonra and T. Christiansen. Manchester: Manchester University Press.

Wildavsky A. 1988. *The New Politics of the Budgetary Process*. Glenview. Illinois, Scott, Foresman. 468 p.

Anderson J.R. 2002. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. 5th ed. Saint Petersburg: Piter. 496 p. (In Russian).

Ashin G.K., Kravchenko S.A., Lozansky E.D. 2001. *Sotsiologiya politiki: Sravnitel'nyi analiz rossiiskikh i amerikanskikh politicheskikh realii* [Sociology of Politics: Comparative Analysis of Russian and American Political Realities]. Moscow: Exam. 608 p. (In Russian).

Borishpolets K.P. 2010. *Metody politicheskikh issledovaniy* [Methods of Political Research]. Moscow: Aspect Press. 230 p. (In Russian).

Fink E. 2017. *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [The Main Phenomena of Human Existence]. E. Fink. Moscow: Canon+. 432 p. (In Russian).

Hartz L. 1993. *Liberal'naya traditsiya v Amerike* [The Liberal Tradition in America]. L. Harz ; translated from English : G. P. Blyablin et al. ; commentary by L. M. Troitskaya; General ed., introduction and afterword by V.V. Sogrin. Moscow: Progress group publishing house: Progress Academy. 394 p. (In Russian).

Kalinin O.I. 2016. Opyt provedeniya kontent-analiza politicheskikh mediatekstov (na primere kitaiskogo yazyka) [Experience in Conducting Content Analysis of Political Media Texts (Using the Chinese Language as an Example)]. *Political linguistics*. 2(56). P. 65-73. (In Russian).

Khrustalev M. A. 2010. *Metodologiya prikladnogo politicheskogo analiza* [Methodology of Applied Political Analysis]. Moscow: Avenue. (In Russian).

Khrustalev M. A. 2015. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza* [Analysis of International Situations and Political Expertise]. Moscow: Aspect Press. (In Russian).

Khrustalev M.A. 1991. *Sistemnoe modelirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii* [System Modeling of International Relations]. Dissertation of doctor of political science: 23.00.04. MGIMO MFA of Russia. Moscow. (In Russian).

Khrustalev M.A. 2008. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza* [Analysis of International Situations and Political Expertise]. Essays on theory and methodology. Moscow: NOFMA. 230 s. (In Russian).

Kornilov A.A. 1990. *Rol' ekspertno-analiticheskikh uchrezhdenii v vyработке vneshnei politiki Gosudarstva Izrail' (1982-1986 gg.)* [The Role of Expert and Analytical Institutions in the Development of the Foreign Policy of the State of Israel (1982-1986)]. Dissertation of the candidate of historical Sciences. MGIMO. Moscow. (In Russian).

Lorenz K. 1994. *Agressiya (tak nazyvaemoe zlo)* [Aggression (So-Called Evil)]. Moscow: Publishing group "Progress", "Univers". 272 p. (In Russian).

Makarychev A. S. 1991. *Ekspertnoe obespechenie latinoamerikanskogo kursa SShA (period prezidenta R. Reigana)* [Expert Support of the Latin American Course of the United States (the Period of President R. Ronald Reagan)]. Dissertation of the candidate of historical Sciences: 07.00.03. UNN. Nizhny Novgorod. (In Russian).

Makarychev A.S. 2015. Gosudarstva, ekspertnye soobshchestva i rezhimy znaniya-vlasti [States, Expert Communities, and Knowledge-Power Regimes]. *Political Science*. №3. P. 9-26. (In Russian).

Neumann von J. 1987. *Izbrannye trudy po funktsional'nomu analizu* [Selected Works on Functional Analysis]. Vol. 1, 2. Moscow: Nauka. (In Russian).

Neustadt R. 1997. *Prezidentskaya vlast' i nyneshnie prezident* [Presidential Power and Current Presidents]. Moscow: AdMarginem. 463 p. (In Russian).

Niv G. R. 2005. *Prostranstvo doktora Deminga: Printsipy postroeniya ustoichivogo biznesa* [Dr. Deming's Space: Principles of Building a Sustainable Business]. Moscow: Alpina Business Books. (In Russian).

Rykhtik M.I. 2004. *Bezopasnost' Soedinennykh Shtatov Ameriki: istoriya, teoriya i politicheskaya praktika* [Security of the United States of America: History, Theory, and Political Practice]. Monograph. M.I. Rykhtik. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod state University publishing house. 311 p. (In Russian).

Saati T.L. 1989. *Prinyatiye reshenii. Metod analiza ierarkhii* [Decision Making. Method for Analyzing Hierarchies]. Moscow: Radio and communications. 316 p. (In Russian).

Salin P.B., Yurga V.A. 2012. Formal'nye modeli teorii igr v politologii i ikh prilozheniya k ekspertnym ekonomicheskim modelyam [Formal Models of Game Theory in Political Science and Their Applications to Expert Economic Models]. *Humanities*. 4(8). P. 32-41. (In Russian).

Santayana D. 2003. *Kharakter i mirovozzrenie amerikantsev* [The Nature and Outlook of Americans]. D. Santayana; lane. from English. I. Myrberg. Moscow: Idea-Press. 175 p. (In Russian).

Sergunin A. A. 1993. *Rol' prezidentskogo apparata po svyazi s kongressom v razrabotke vneshnei politiki SShA (poslevoennyi period)* [The Role of the Presidential Apparatus for Communication with Congress in the Development of US Foreign Policy (Post-War Period)]. Dissertation of the doctor of historical Sciences: Saint Petersburg state University.

Simon G. A. 2000. *Teoriya prinyatiya reshenii v ekonomicheskoi teorii i v nauke o povedenii. Vekhi ekonomicheskoi mysli* [Decision Theory in Economic Theory and in the Science of Behavior. Milestones of Economic Thought]. Vol. 2. *Theory of the firm*. Under the editorship of V. M. Galperin. Saint-Petersburg: Economic school. P. 54-72. 534p.

Voitolovsky F.G. 2007. *Edinstvo i razobshchennost' Zapada. Ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoi Evropy transformatsii politicheskogo miroporyadka 1940-e – 2000-e gg.* [Unity and Disunity of the West. Ideological Reflection in the Minds of the Elites of the United States and Western Europe of the Transformations of the Political World Order in the 1940s-2000s] Moscow: Kraft+. 452 p. (In Russian).

Voitolovsky F.G. 2012. *Sistemno-istoricheskii analiz ideologii i praktiki rannego atlantizma. Mezhdistsiplinarnyi sintez v izuchenii mirovoi ekonomiki i politiki* [System-Historical Analysis of the Ideology and Practice of Early Atlanticism. Interdisciplinary Synthesis in the Study of World Economy and Politics]. Under the editorship of F. G. seminar was chaired and A. V. Kuznetsov. Moscow: Kraft+. P. 44-78. (In Russian).

Voitolovsky F.G., Zagladin N.V., Kosolapov N.A., Mikheev V.V. 2011. *Ideologicheskie protsessy. Strategicheskii global'nyi prognoz 2030. Rasshirennyi variant* [Ideological Processes. Strategic Global Forecast 2030. Expanded Version]. Edited by A. A. Dynkin. Moscow: Master. (In Russian. and the cor. Jaz). P. 37-70. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Андерсон Дж. Р. 2002. *Когнитивная психология*. 5-е изд. Санкт-Петербург: Питер. 496 с.
- Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д. 2001. *Социология политики: Сравнительный анализ российских и американских политических реалий*. Москва: Экзамен. 608 с.
- Боришполец К.П. 2010. *Методы политических исследований*. Москва: Аспект Пресс. 230 с.
- Войтоловский Ф.Г. 2007. *Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг.* Москва: Крафт+. 452 с.
- Войтоловский Ф.Г. 2012. Системно-исторический анализ идеологии и практики раннего атлантизма. *Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики*. Под ред. Ф.Г. Войтоловского и А.В. Кузнецова. Москва: Крафт+. С. 44-78.
- Войтоловский Ф.Г., Загладин Н.В., Косолапов Н.А., Михеев В.В. 2011. Идеологические процессы. *Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант*. Под ред. А.А.Дынкина. Москва: Магистр. (на русск. и кор. яз). С. 37–70.
- Калинин О.И. 2016. Опыт проведения контент-анализа политических медиатекстов (на примере китайского языка). *Политическая лингвистика*. 2(56). С. 65-73
- Корнилов А.А. 1990. *Роль экспертно-аналитических учреждений в выработке внешней политики Государства Израиль (1982-1986 гг.)*. Диссертация кандидата исторических наук. МГИМО МИД СССР. Москва.
- Лоренц К. 1994. Агрессия (так называемое зло). Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс». 272 с.
- Макарычев А.С. 2015. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти. *Политическая наука*. №3. С. 9-26.
- Макарычев А.С. 1991. *Экспертное обеспечение латиноамериканского курса США (период президента Р. Рейгана)*. Диссертация кандидата исторических наук: 07.00.03. ННГУ. Нижний Новгород.
- Нив Г.Р. 2005. *Пространство доктора Деминга: Принципы построения устойчивого бизнеса*. Г.Р. Нив; Пер. с англ. Москва: Альпина Бизнес Букс.
- Нойштадт Р. 1997. *Президентская власть и нынешние президенты*. Москва: AdMarginem. 463 с.
- Рыхтик М.И. 2004. *Безопасность Соединённых Штатов Америки: история, теория и политическая практика*. Монография. М.И. Рыхтик. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета. 311с.
- Саати Т.Л. 1989. *Принятие решений. Метод анализа иерархий*. Москва: Радио и связь. 316 с.
- Салин П.Б., Юрга В.А. 2012. Формальные модели теории игр в политологии и их приложения к экспертным экономическим моделям. *Гуманитарные науки*. 4(8). С. 32-41
- Саймон Г.А. 2000. Теория принятия решений в экономической теории и в науке о поведении. *Вехи экономической мысли*. Т. 2. Теория фирмы. Под ред. В.М. Гальперина. Санкт-Петербург: Экономическая школа. С. 54-72. 534 с.
- Сантаяна Дж. 2003. *Характер и мировоззрение американцев*. Д. Сантаяна; пер. с англ. И. Мюрберг. Москва: Идея-Пресс. 175 с.

Сергунин А.А. 1993. *Роль президентского аппарата по связи с конгрессом в разработке внешней политики США (послевоенный период)*. Диссертация доктора исторических наук: СПбГУ. Санкт-Петербург.

Финк Е. 2017. *Основные феномены человеческого бытия*. Е. Финк. Москва: Канон+. 432 с.

Нейман фон Дж. 1987. *Избранные труды по функциональному анализу*. Т. 1, 2. Москва: Наука.

Харц Л. 1993. *Либеральная традиция в Америке*. Л. Харц ; пер. с англ. : Г.П. Бляблин и др. ; коммент. Л.М.Троицкой; общ. ред., вступ. слово и послесл. В.В. Согрина. Москва: Изд. группа «Прогресс»: «Прогресс Академия». 394 с.

Хрусталёв М.А. 1991. *Системное моделирование международных отношений*. Диссертация доктора политических наук: 23.00.04. МГИМО МИД России. Москва.

Хрусталёв М.А. 2008. *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии*. Москва: НОФМО. 230 с.

Хрусталёв М.А. 2010. *Методология прикладного политического анализа*. Москва: Проспект.

Хрусталёв М.А. 2015. *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. Москва: Аспект Пресс.



Концептуальные перевоплощения публичной дипломатии

М.М. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Появившись в 60-х гг. прошлого столетия, публичная дипломатия была определена очень широко, а именно, как воздействие государства на зарубежную аудиторию. В статье показывается, что в XXI в. кардинальные изменения в политической организации мира привели к усилению социального и гуманитарного ресурса государства, а также к расширению средств и методов его воздействия на аудитории зарубежных стран. В результате сформировалась большая сфера, которая представляет собой государственную политику в области международной коммуникации. Публичная дипломатия составляет лишь одно из направлений данной политики. Однако в результате изначально очень широкого определения публичной дипломатии она в научной литературе стала отождествляться с пропагандой, стратегической коммуникацией, национальным брендингом. Средства, разработанные в смежных областях – военной, коммерческой – имеют свою специфику. В статье приводятся аргументы, показывающие, что подобное отождествление разных направлений государственной политики в области международной коммуникации неправомерно и в теоретическом, и в практическом планах, поскольку не позволяет выбрать адекватные конкретной ситуации инструменты влияния. Утверждается, под публичной дипломатией всё же целесообразно понимать такую государственную коммуникацию с зарубежной аудиторией, которая, во-первых, основывается на создании привлекательности, во-вторых, которая ориентирована именно на политическую сферу, в-третьих, предполагает диалог. Соответственно, развивать публичную дипломатию необходимо, исходя из международно-политических реалий.

Отмечается, что внутри самой публичной дипломатии за почти 60-летний период её развития произошли важные изменения. С самого начала публичная дипломатия реализовывалась по официальным и неофициальным каналам. Однако в середине XX в. в неофициальные каналы включались структуры, которые были проводниками политики государства. В современных условиях наряду с проводниками действуют акторы мировой политики, которые часто проводят политику государства по своему усмотрению. В результате нередко происходит дублирование тех или иных моментов, что может восприниматься внешней аудиторией как назойливость, или могут возникать противоречия в действиях различных субъектов. Для минимизации негативных эффектов представляется важным, прежде всего, проведение исследований негосударственных акторов, действующих в публичной дипломатии. Специалистами в области международных отношений также мало изучены особенности официальных каналов публичной дипломатии.

УДК: 327.83

Поступила в редакцию: 15.08.2020 г.

Принята к публикации: 07.10.2020 г.

Ключевые слова: публичная дипломатия, стратегическая коммуникация, национальный брендинг, пропаганда, негосударственные акторы, политическая организация мира, государственная политика в области коммуникации, официальные и неофициальные каналы публичной дипломатии

Изначальное понимание «публичной дипломатии»

Кардинальная трансформация политической организации мира (Лебедева 2016) сказывается на всех сферах мировой политики, в том числе и на изменениях, которые претерпевает публичная дипломатия. Наряду с вопросами «мягкой силы» она стала одной наиболее обсуждаемых тем в мировой политике и, в частности, в дипломатии. Вместе с тем публичная дипломатия понимается по-разному. Это создаёт трудности не только в теоретическом плане, но и в практическом, поскольку оказывается сложным определить, какие средства и как следует использовать в конкретной ситуации.

Возникшая в середине 1960-х гг. в школе права и дипломатии Флетчер университета Тафтс концепция публичной дипломатии как инструмента воздействия на зарубежные аудитории, стала особенно интенсивно применяться и изучаться в XXI в., хотя сам термин появился задолго до формулирования концепции¹. Автором же концепции стал Э. Гуллион, который определил публичную дипломатию следующим образом: публичная дипломатия влияет на общественные настроения при осуществлении внешней политики... предполагает формирование правительствами общественного мнения в других странах. Он поясняет, что публичная дипломатия выходит за рамки традиционной дипломатии и включает взаимодействие частных групп и интересов в одной стране с интересами частных групп в другой стране². Близкое по своей сути определение приводит словарь, опубликованный Государственным департаментом США. В нём сказано, что «публичная дипломатия представляет собой спонсируемые правительством программы, направленные на информирование или воздействие на общественное мнение в других странах; её основными инструментами являются публикации, кинофильмы, культурные обмены, радио и телевидение»³. В свою очередь, в книге под редакцией N. Snow и Ph. M. Taylor публичная дипломатия определяется как воздействие одного государства на общество другого (других) государства⁴. Таким образом, введённое Э. Гуллионом определение, по сути, стало впоследствии классическим.

¹ Cill N. "Public diplomacy" Before Gullion: The Evolution of a Phrase. *USC Center on Public Diplomacy*. 18 Apr. 2006. URL: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (accessed 5.10.2020)

² The Edward R. Murrow Center of Public Diplomacy. *Wikia.org*. URL: https://publicdiplomacy.wikia.org/wiki/The_Edward_R._Murrow_Center_of_Public_Diplomacy (accessed 5.10.2020)

³ *Dictionary of International Relations Terms*. 1987. U.S. Department of State Library. 3-d edition. P. 85-86. URL: https://books.google.ru/books?id=XfWOAAAAMAAJ&pg=PA83&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false

⁴ *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. 2008. Snow N., Taylor Ph. M. (Eds.). New York: Routledge. P. 85-86.

Из приведённых определений следует, что, во-первых, публичная дипломатия является деятельностью, осуществляемой прежде всего государством или участником, который проводит политику государства, а, во-вторых, каналы реализации публичной дипломатии могут быть двоякими: через официальных лиц (например, представитель государственного департамента проводит пресс-конференцию для иностранных журналистов) и через негосударственные структуры (НПО, университеты, театры и т.п.) (Лебедева 2017b).

Изначально концепция публичной дипломатии в США была ориентирована на противодействие коммунистической пропаганде в условиях холодной войны, и в этом плане противопоставлялась деятельности СССР на международной арене, которая рассматривалась американцами как пропаганда. Пожалуй, лишь в концепции публичной дипломатии больший акцент делался на участие негосударственных структур в реализации внешнеполитического курса государства.

Прошло почти 80 лет, исчез Советский Союз, а публичная дипломатия после некоторого забвения в 1990-е гг. вследствие распада биполярной системы сегодня всё больше привлекает внимание теоретиков и практиков. Каковы причины вновь возникшего интереса к публичной дипломатии? И как меняется инструмент воздействия на внешнюю аудиторию?

Возрождение публичной дипломатии в XXI в. Публичная дипломатия и пропаганда

В 1990-е гг. интерес к публичной дипломатии в США значительно понизился, поскольку распад СССР породил иллюзию окончания каких-либо значимых ценностных противоречий в мире. Своеобразным триггером, приведшим к возрождению публичной дипломатии в XXI в., стали террористические атаки 9 сентября 2001 г., которые показали, что ценностные противоречия в мире не исчезли. По реакции многих людей на теракты в странах Ближнего Востока стало очевидным, что речь идёт не только о небольшой группе террористов, но и о негативном восприятии миллионами людей в арабских странах политики США. Из-за массовости выступлений стало понятно, что только средствами традиционной дипломатии исправить негативный образ США невозможно. Для решения задачи по улучшению образа США в регионе представители американской элиты вновь обратились к средствам публичной дипломатии (Долинский 2011a; Мелиссен 2005).

В то же время в начале XXI в. возникли и другие причины обращения к инструментам публичной дипломатии, которые обусловлены непосредственно процессами трансформации политической организации мира, в данном случае, прежде всего, Вестфальской системы. Так, развитие коммуникационных и информационных технологий привело к резкой интенсификации взаимодействия людей в мире за пределами своих национальных границ. В результате в XXI в.

негосударственных акторов в мире не только стало значительно больше (Gotz 2011), но и усилилось их взаимодействие с государствами. Это открыло новые возможности для публичной дипломатии. Кроме того, в современном мире всё более значительную роль начинает играть социальный и гуманитарный ресурс (Лебедева 2015), частью которого является публичная дипломатия. Наконец, свою роль сыграла появившаяся в конце XX в. концепция Дж. Ная о «мягкой силе», центральным звеном которой стала идея привлекательности (Nye 1990).

Новые реалии XXI в. – развитие коммуникационных и информационных технологий; резкий всплеск активности негосударственных акторов благодаря возможностям, которые открыли эти технологии; размытость границ между внутренним и внешним информационным пространствами (Cull 2007) – всё это привело к созданию новой публичной дипломатии, название которой закрепилось в научных исследованиях (см., напр., *The New Public Diplomacy...* 2005). Кроме того, публичная дипломатия стала широко распространяться не только за пределы США: она охватила почти все страны мира.

Появились и новые феномены. Если ранее публичная дипломатия рассматривалась как средство воздействия только государства, то в настоящее время всё чаще стали говорить о публичной дипломатии международных организаций и союзов. Я. Мелиссен в 2005 г. писал, что публичная дипломатия развивается и в современном мире: Европейский союз и ООН успешно демонстрируют возможности наднациональной публичной дипломатии в действии (Melissen 2005). Ряд исследователей обращаются к анализу публичной дипломатии различных наднациональных структур (см., напр., Антюхова 2017, Байков, 2014, Зонова 2017). Больше всего российских исследований посвящено использованию публичной дипломатии межправительственными организациями и наднациональными объединениями, во-первых, на постсоветском пространстве, во-вторых, наиболее крупных международных, таких как НАТО, ЕС. Подчеркивается, что все наднациональные и международные организации используют публичную дипломатию для создания наиболее позитивного и привлекательного имиджа. При этом некоторые наднациональные организации заявляют о публичной дипломатии в своих официальных документах. Например, идея публичной дипломатии нашла отражение в документе Европейской комиссии, в котором говорится, что «публичная дипломатия имеет дело с влиянием на общественные настроения. Она стремится продвигать интересы ЕС путём понимания, информирования и влияния. Это означает чёткое разъяснение целей, политики и деятельности ЕС и содействие пониманию этих целей посредством диалога с отдельными гражданами, группами, институтами и средствами массовой информации»⁵. Т.В. Зонова, рассматривая публичную дипломатию ЕС, тем не менее, подчеркивает, что серьёзной проблемой Евросоюза является ко-

⁵ *European Commission. A glance at EU public diplomacy at work. The EU's 50th anniversary celebrations around the world.* 2007. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. P. 12.

ординация публичной дипломатии стран-членов и самого ЕС, поскольку добиться того, чтобы они «говорили одним голосом», в настоящее время вряд ли возможно (Зонова 2017).

Наконец, ещё один важный момент, характеризующий современную новую публичную дипломатию, заключается в том, что новая публичная дипломатия предполагает не просто воздействие на общество другого государства, но и взаимодействие с ним, т.е. диалог. Проявление этого диалога наблюдается по официальным и неофициальным каналам реализации публичной дипломатии. Неслучайно такое бурное развитие в рамках публичной дипломатии получили социальные сети. Безусловно, можно привести немало примеров публичной дипломатии, где такой диалог отсутствует. Но тогда возникает вопрос об её эффективности.

Возрождение публичной дипломатии поставило целый ряд вопросов. Прежде всего, вопрос о соотношении публичной дипломатии и пропаганды так и остаётся открытым. В научной сфере развернулась широкая дискуссия относительно того, есть ли между ними различия. Пропаганда, как и публичная дипломатия, предполагает оказание влияния на аудиторию и в наиболее нейтральном смысле определяется в качестве «средства для распространения или продвижения конкретных идей. На латыни это "размножать" или "сеять"» (Garth, O'Donnel 2012: 2). Это создаёт сложности в понимании того, что же в таком случае представляет собой публичная дипломатия. Определение публичной дипломатии, данное Э. Гуллионом, не противоречит приведённому определению пропаганды. Из этого можно сделать вывод, что появление концепции публичной дипломатии, по сути, ничего нового не внесло: данная концепция лишь оказалась иным термином с целью противопоставления собственной политики воздействия на внешнюю аудиторию аналогичной деятельности других государств, не являющихся союзниками.

Однако это не совсем так. Как замечает Я. Мелиссен, дипломатия не имеет отношения к пропаганде (Melissen 2005). Действительно, в исследованиях по дипломатии нечасто можно встретить упоминания о пропаганде в отличие от журналистских работ по вопросам дипломатии. В то же время представляется, что это не самое главное отличие. Ключевым вопросом здесь является то, как осуществляется такое воздействие на внешнюю аудиторию. И здесь на помощь приходит другая концепция – концепция «мягкой силы» Дж. Ная (Nye 1990), появившаяся значительно позднее идеи о публичной дипломатии, высказанной Э. Гуллионом. Создание привлекательности в отличие от навязывания отличает публичную дипломатию от пропаганды. Неслучайно термин «пропаганда» часто используется с негативной коннотацией, а в последнее время – нередко и совместно с понятием «фейковых новостей» (см., напр., Tandoc, Zheng, Ling 2017). Это обусловлено тем, что в практическом плане пропаганда не исключает, а часто и планирует различные манипулятивные стратегии. Публичная же дипломатия подразумевает большую открытость (Zaharna 2004) и не предполагает

дезинформацию и манипуляцию. Если говорить о теоретических основаниях, то пропаганда используется в рамках реалистского подхода, в то время как публичная дипломатия, будучи инструментом «мягкой силы» – в рамках неолиберального (Лебедева 2017) и конструктивистского (Панова 2010) подходов. В то же время, необходимо иметь в виду, что даже при условии использования «мягкой силы» публичная дипломатия необязательно приводит к улучшению восприятия страны, представители которой используют публичную дипломатию, поскольку она является лишь ресурсом и может быть применена неадекватно.

Таким образом, публичная дипломатия выступает как инструмент «мягкой силы», о чём писал Дж. Най (Nye 2008). Однако тот факт, что концепция Дж. Найа появляется значительно позднее концепции и определения Э. Гуллиона, вводит многих в заблуждение, что и порождает порой отождествление публичной дипломатии и пропаганды. Кроме того, во-первых, в 60-х гг. прошлого столетия, при отсутствии той активности различных негосударственных акторов на международной арене явно доминировали государственные каналы реализации внешней политики, по которым нередко велась пропаганда. Во-вторых, в практическом плане государства всегда используют как пропаганду, ориентированную на жёсткую силу, так и публичную дипломатию, в основе которой лежит «мягкая сила». Неслучайно, Дж. Най ввёл в своё время понятие «умной силы». Поэтому во многих случаях на практике нельзя сказать, что является эффективнее: пропаганда, или публичная дипломатия. В разных ситуациях оказывается по-разному. Для быстрого воздействия может быть эффективна пропаганда, однако с точки зрения долгосрочных отношений, формирования доверия, безусловно, более результативной будет публичная дипломатия. В то же время в теоретическом и аналитическом плане очень важно разделять эти понятия, чтобы не оказаться в ситуации героя комедии Мольера господина Журдена, говорящего прозой и не подозревающего об этом.

Публичная дипломатия, стратегическая коммуникация и брендинг государства

В последние годы популярность приобретает понятие «стратегическая коммуникация». Нередко в литературе публичная дипломатия стала выступать синонимом стратегической коммуникации. Дж. Най, рассматривая связь «мягкой силы» и публичной дипломатии, пишет о важности стратегической коммуникации (Nye 2008). При этом он разделяет понимание стратегической коммуникации, предложенное М. Леонардом. М. Леонард обратил внимание на то, что многие организации и ведомства, имеющие дело с политикой, торговлей, культурой и т.д., взаимодействуют с внешней аудиторией, исходя из своих ведомственных и корпоративных интересов. Но у аудитории должен быть целостный образ, поэтому стратегическая коммуникация представляет собой комплекс мероприятий (Leonard 2002). Действительно, идея целостного образа

важна с точки зрения воздействия на аудиторию. Однако это возможно лишь при значительной степени иерархичности отношений в государстве, что было, например, в Советском Союзе. Поэтому негосударственные или полугосударственные «структуры-проводники» могли создавать целостный образ, и часто они действовали весьма успешно. Современный же мир все больше выстраивается по сетевому принципу. Воздействие государства на зарубежное общество происходит не только через негосударственных субъектов, являющихся «проводниками», но и через более «самостоятельные» структуры, выступающие в качестве акторов мировой политики. Они в значительной степени самостоятельно реализовывают представления и идеи, которые лежат в русле государственной политики. Другое дело, что здесь возникают сложные вопросы об акторности негосударственных структур в рамках публичной дипломатии: насколько они сознательно формируют образ государства за рубежом, или это является побочным результатом их деятельности? В условиях огромного количества негосударственных акторов как можно и возможно ли регулировать их деятельность? И, если в период холодной войны, когда публичная дипломатия была в высокой степени государствоцентричной (Долинский 2011b), вопрос об акторности негосударственных участников публичной дипломатии фактически не стоял, то сегодня это не так.

В то же время иерархичность отношений сохраняется в военной сфере. Армия любого государства строится по типу иерархии. Неслучайно, проблематика стратегической коммуникации стала разрабатываться в НАТО. Так, Центр стратегических коммуникаций передового опыта НАТО, который является аккредитованной международной организацией НАТО, довольно широко определяет стратегическую коммуникацию: «Стратегические коммуникации – это скоординированное и надлежащее использование коммуникационной деятельности и возможностей НАТО для поддержки политики, операций и действий Североатлантического союза, а также для достижения целей НАТО. Эти действия и возможности:

- публичная дипломатия: гражданская коммуникация и информационно-пропагандистские усилия НАТО, отвечающие за повышение осведомлённости и понимание, а также поддержку политики, операций и деятельности НАТО в дополнение к национальным усилиям союзников;
- связи с общественностью: вовлечение гражданского общества НАТО через средства массовой информации для своевременного, точного, оперативного и активного информирования общественности о политике, операциях и деятельности НАТО;
- общественные связи с общественностью в военной сфере: продвижение военных целей и задач НАТО в целях повышения осведомлённости и понимания военных аспектов Североатлантического союза;
- информационные операции: военные консультации НАТО и координация военной информационной деятельности с целью создания желаемого воз-

действия на волю, понимание и возможности противников и т.п., одобренного Североатлантическим советом в поддержку операций, миссий и целей альянса;

– психологические операции: запланированные психологические действия с использованием методов коммуникации и других средств, предназначенных для той или иной аудитории, с тем чтобы влиять на восприятие, отношение и поведение, которые определяют достижение политических и военных целей»⁶.

В приведённом определении стратегической коммуникации публичная дипломатия выступает лишь как часть стратегической коммуникации. Примечательно, что наряду с публичной дипломатией в стратегическую коммуникацию входят меры воздействия на аудиторию, которые, скорее, можно отнести к пропаганде, что не соответствует представлениям об использовании «мягкой силы». Причём даже публичная дипломатия определяется здесь через пропагандистские усилия. В то же время такое понимание публичной дипломатии не противоречит классическим определениям публичной дипломатии как воздействию государства на внешнюю аудиторию. В результате этих тенденций, например, А.И. Подберёзкин и А.В. Жуков пишут, что «публичная дипломатия стала неотъемлемой составляющей сетецентричной гибридной войны, в которой роль информационного воздействия на противника становится определяющей» (Подберёзкин, Жуков 2015: 106). При этом авторы также называют такую публичную дипломатию новой. Само явление информационного воздействия, описанное А.И. Подберёзкиным и А.В. Жуковым, действительно, во многом является новым, но всё же оно не представляет собой новую публичную дипломатию в том понимании, которое стало формироваться на основе использования в публичной дипломатии «мягкой силы».

Важным фактором, повлиявшим на популярность стратегической коммуникации среди военных, стала не только иерархическая организация военных структур, но и то, что ещё один уровень политической организации мира (Лебедева 2016) – система международных (межгосударственных) отношений по прошествии 30 лет так окончательно и не оформилась (другой вопрос – насколько возможно было её оформление). Результатом этого стала усилившаяся конфронтация государств на международной арене. А это, в свою очередь, стало означать активное включение информационного компонента в это противостояние.

Если идеи стратегической коммуникации в публичной дипломатии во многом ассоциируются с исследованиями в военной сфере, то из области маркетинга появились представления о публичной дипломатии как деятельности, создающей брендинг государства. Одну из основных ролей здесь сыграл С. Анхольт, который ввёл термин «национальный брендинг», а затем пришёл к выводу, что

⁶ NATO Strategic Communications Centre of Excellence. About Strategic Communications. URL: <https://stratcomcoe.org/about-strategic-communications> (accessed 5.10.2020)

публичная дипломатия является частью национального брендинга. При этом он исходил из того, что национальный брендинг – это то, как нация позиционирует себя за рубежом. Публичная же дипломатия, согласно С. Анхольту, представляет собой общественные связи дипломатов с обществом (Anholt 2006).

При таком понимании публичной дипломатии также возникает ряд вопросов. Во-первых, С. Анхольт видит лишь один официальный канал коммуникации государств с зарубежными обществами – официальный через министерства иностранных дел. Деятельность негосударственных акторов оказывается в таком случае вне рамок публичной дипломатии. Они могут здесь выступать в лучшем случае только как «проводники» государственной политики. В то же время здесь особый интерес могут представлять именно акторы, в частности структуры бизнеса, выходящие на внешний рынок и предлагающие товары, которые становятся частью бренда государства. Разумеется, бизнес здесь не является исключением. Музеи, театры, университеты и т.п. также могут предлагать свои «брендовые» услуги. К сожалению, вопросы об акторности негосударственных структур, их самостоятельности и взаимодействия (или не взаимодействия) с государством в рамках публичной дипломатии не получили пока должного теоретического осмысления.

Во-вторых, бренд направлен на то, чтобы не просто сделать привлекательным товар, но и продать его. Публичная дипломатия не всегда предполагает последнее, хотя есть некоторые сферы, которые подразумевают продажу, например, сфера туризма. Однако в этом случае речь уже идёт о коммерческой стороне.

В-третьих, создание бренда не предполагает диалог. Бренд предлагается покупателю, но продавец не вступает с ним в обсуждение. В лучшем случае продавец собирает мнения покупателя с целью дальнейшего развития бренда. Иное дело в случае публичной дипломатии, когда представители официальных структур и негосударственные «проводники» и акторы в большинстве случаев непосредственно (или опосредовано через социальные сети, чаты и т.п.) взаимодействуют с представителями зарубежного общества.

Таким образом, трансформация политической организации мира повлекла за собой существенные изменения в информационной политике государств на зарубежную аудиторию. Значительно расширилась внешняя аудитория, она стала более дифференцированной, а также увеличился спектр средств воздействия на неё. В настоящее время государственная политика в области международной коммуникации включает в себя наряду с публичной дипломатией также пропаганду, стратегическую коммуникацию, создание национального брендинга, возможно, и ряд других направлений. Это огромный социально-гуманитарный ресурс государства, важность которого возрастает по мере увеличения в мире внимания к человеку и его нуждам.

Произошли изменения и внутри самой публичной дипломатии. В результате определение, данное в своё время Э. Гуллионом и затем ставшее классиче-

ским, публичная дипломатия как политика государства в отношении зарубежной аудитории, плохо описывает её современное состояние, а относится, скорее, в целом к государственной политике в области международной коммуникации. Под публичной дипломатией всё же целесообразно понимать такую государственную коммуникацию с зарубежной аудиторией, которая, во-первых, основывается на создании привлекательности, иными словами, опирается на концепцию «мягкой силы», во-вторых, которая ориентирована на политическую сферу, в-третьих, предполагает диалог. Соответственно, развивать публичную дипломатию необходимо, исходя из международно-политических реалий. Заимствования из смежных областей вряд ли будут удачными. Другое дело, что сравнительный анализ государственной политики в области международной коммуникации из разных сфер позволит лучше понять специфику и механизмы, работающие в каждой из этих областей.

В середине XX в. негосударственные акторы ещё массово не вышли на международную арену, а в публичную дипломатию в её неофициальные каналы включались структуры, которые были «проводниками» политики государства. В современных условиях дело обстоит намного сложнее: наряду с «проводниками» в рамках неофициальных каналов публичной дипломатии действуют акторы мировой политики, которые обладают значительной самостоятельностью на мировой арене и часто проводят политику государства по своему усмотрению. В результате нередко происходит дублирование тех или иных моментов, что может восприниматься внешней аудиторией как назойливость, а могут напротив возникать противоречия в действиях различных акторов одного и того же государства. В любом случае для того чтобы как-то уменьшить подобные негативные эффекты, необходимы исследования деятельности негосударственных акторов (прежде всего, акторов, а не только «проводников») публичной дипломатии. Также почти вне аналитического фокуса в международных исследованиях (в отличие от смежных научных областей), в настоящее время оказались официальные каналы публичной дипломатии, а том числе проведение брифингов для журналистов различными государствами, особенности взаимодействия с внешней аудиторией посредством сайтов, социальных сетей и т.п. Очевидно, что эта предметная область должна в большей степени привлекать внимание исследователей мировой политики и международных отношений, чем это наблюдается сегодня.

Об авторе:

Марина Михайловна Лебедева – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: mmlebedeva@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Статья подготовлена по гранту РФФИ № 19-014-00004 2019. «Социальная и гуманитарная сфера мировой политики: тренды и трансформации».

Received: August 15, 2020
Accepted: October 07, 2020

Conceptual Transformations of Public Diplomacy

M.M. Lebedeva

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306)

Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: In the 1960s when it first appeared as a concept public diplomacy was defined very broadly as the impact of a state on a foreign audience. In the 21st century changes in the political organization of the world have led to the strengthening of the social power a state, as well as to the expansion of the means and methods of its use to influence foreign audiences. A new state practice was developed – state policy in the field of international communication. Public diplomacy is only one of the directions of this policy. However, as a result of the initially very broad definition of public diplomacy, it has come to be identified in scientific literature with propaganda, strategic communication, and national branding. The tools developed in related fields – military, commercial – has its own specifics. The article shows that association of these activities with public diplomacy is wrong both in theoretical and practical terms, since it does not allow choosing the appropriate tools of influence for a specific situation. It is argued that under public diplomacy it is still advisable to understand such state communication with a foreign audience, which, firstly, is based on creating attractiveness, secondly, which is focused specifically on the political sphere, and thirdly, it involves dialogue. Comparative analysis of public policy in the field of international communication from different spheres will allow us to better understand the specifics and mechanisms that work in each of these areas. In the middle of the 20th century, non-state actors had not yet entered the international arena en masse, and structures that were “trackers” of state policy were included in public diplomacy in its unofficial channels. Today the situation is much more complicated: along with “trackers” within the framework of unofficial channels of public diplomacy, there are actors of world politics who have significant independence in the world arena and often pursue state policy at their own discretion. As a result, there is often a duplication of certain points, which may be perceived by the external audience as annoying, and on the contrary, there may be contradictions in the actions of various actors of the same state. In any case, in order to somehow reduce such negative effects, it is necessary to study the activities of non-state actors (first of all, actors, and not just “trackers”) of public diplomacy. Also, International Relations (in contrast to other fields of political science) does not study official channels of public diplomacy, including briefings for journalists by various state officials, especially interaction with an external audience through websites, social networks, etc. It is obvious that this subject area should attract the attention of researchers of International Relations to a greater extent than it is observed today.

Keywords: Public diplomacy, strategic communication, national branding, propaganda, non-state actors, political organization of the world, state communication policy, official and unofficial channels of public diplomacy

About the author:

Marina M. Lebedeva – Doctor of Science (Political Science), Professor, Head of World Politics Department, 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: mmlebedeva@gmail.com

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements: The article was prepared under the RFBR grant No. 19-014-00004 2019. «Social and humanitarian sphere of world politics: trends and transformations».

References:

- Anholt S. 2006. Public Diplomacy and Place Branding: Where's the link? *Place Branding*. №2. P. 271–275. DOI: 10.1057/palgrave.pb.6000040. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/palgrave.pb.6000040.pdf>
- Cull N. J. 2007. *Public Diplomacy: Lessons from the Past*. Los Angeles: University of Southern California.
- Garth J., O'Donnel V. 2012. *Propaganda and Persuasion*. Fifth Edition. SAGE: Los-Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC. 396 p. URL: <https://hiddenhistorycenter.org/wp-content/uploads/2016/10/PropagandaPersuasion2012.pdf>
- Gotz N. 2011. Civil Society and NGO: Far from Unproblematic Concepts. *The Ashgate Research Companion to Non-State Actors*. B. Renalda (ed.). Burlington: Ashgate. P.185-196. URL: http://www.culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy
- Leonard M. 2002. *Public Diplomacy*. London: Foreign Policy Centre. URL: http://www.guillaumenicaise.com/wp-content/uploads/2013/10/mark-leonard_public-diplomacy.pdf
- Melissen J. 2005. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. J. Melissen (ed.). Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. P. 3-27. URL: http://www.culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy
- Nye J. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books.
- Nye J.S. 2008 Public Diplomacy and Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616. P. 94-109. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/c9f6/afe1d5352b44f51c6d9d4005f2b1fa644577.pdf?_ga=2.212046423.2119586328.1595416035-1934999271.1595324727
- Tandoc Jr. E.C., Zheng, Ling R. 2017. Defining "Fake News." A Typology of Scholarly Definitions. *Digital Journalism*. September. P. 1-17. URL: https://www.researchgate.net/publication/319383049_Defining_Fake_News_A_typology_of_scholarly_definitions
- The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. 2005. J. Melissen (ed.). Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. 221 p.
- Zaharna R.S. 2004. From Propaganda to Public Diplomacy in the Information Age. *War, Media, and Propaganda: A Global Perspective*. Yahya R. Kamalipour and Nancy Snow (eds.). Lanham, MD: Rowman and Littlefield. P. 219-226.
- Antyukhova E.A. 2017. Nekotoryye aspekty publichnoy diplomatii NATO v usloviyakh depolyarizatsii politicheskoy sistemy mira [Some Aspects of NATO Public Diplomacy in the Context of Depolarization of the World Political System]. *Public Diplomacy: Theory and Practice*. M.M. Lebedeva (ed.). Moscow: Aspect Press. P. 128-143. (In Russian)
- Baykov A.A. 2014. «Myagkaya moshch'» Evropeyskogo soyuza v global'nom silovom ravnovesii: yevro-rossiyskiy trek [Soft Power of the European Union in the Global Power Equilibrium: The Euro-Russian Track]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(35). P. 36-46. (In Russian).

Zonova T.V. 2017. Publichnaya diplomatiya Evropeyskogo soyuza [Public Diplomacy of the European Union]. *Public Diplomacy: Theory and Practice*. M.M. Lebedeva (ed.). Moscow: Aspect Press. P. 70-88. (In Russian).

Dolinskiy A. 2011a. Diskurs o publichnoy diplomatii' [Discourse on Public Diplomacy]. *International Processes*. 9(1(25)). P. 63-73. (In Russian).

Lebedeva M.M. 2015. Sotsial'no-gumanitarnyy resurs razvitiya na yevraziyskom prostranstve [Social and Humanitarian Resource for Development in the Eurasian Space]. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 1(17). P. 161-167. (In Russian).

Lebedeva M.M. 2016. Sistema politicheskoy organizatsii mira: «Ideal'nyy shtorm» [The System of Political Organization of the World: "The Perfect Storm"]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(47). P. 125-133. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518> (In Russian).

Lebedeva M.M. 2017a. «Myagkaya sila»: ponyatiye i podkhody [Soft Power: Concept and Approaches]. *MGIMO Review of International Relations*. 3(54). P. 212-223. DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/issledovatel'skie-stati/myagkaya-sila-ponyatie-i-podhody> (In Russian).

Lebedeva M.M. 2017b. Publichnaya diplomatiya: ischeznoveniye ili novyye gorizonty? [Public Diplomacy: Disappearance or New Horizons?]. *Public Diplomacy: Theory and Practice*. M.M. Lebedeva (ed.). Moscow: Aspect Press. P. 8-20]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/c2e/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%20%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F.pdf> (In Russian).

Panova E.P. 2010. Sila privlekatel'nosti: ispol'zovaniye «myagkoy sily» v mirovoy politike [The Power of Attractiveness: The Use of Soft Power in World Politics]. *MGIMO Review of International Relations*. 4(13). P. 91-97. (In Russian).

Podberozkin A.I., Zhukov A.V. 2015. Publichnaya diplomatiya v silovom protivostoyanii tsivilizatsiy [Public Diplomacy in the Power Confrontation of Civilizations]. *MGIMO Review of International Relations*. 6(45). P. 106-116. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/453/453> (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Антюхова Е.А. 2017. Некоторые аспекты публичной дипломатии НАТО в условиях деполаризации политической системы мира. *Публичная дипломатия: Теория и практика*. М.М. Лебедева (ред.). Москва: Аспект Пресс. С. 128-143.

Байков А.А. 2014. «Мягкая мощь» Европейского союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(35). С. 36-46.

Зонова Т.В. 2017. Публичная дипломатия Европейского союза. *Публичная дипломатия: Теория и практика*. М.М. Лебедева (ред.). Москва: Аспект Пресс. С. 70-88.

Долинский А. 2011а. Дискурс о публичной дипломатии. *Международные процессы*. 9(1(25)). С. 63-73.

Долинский А.В. 2011б. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии. *Вестник МГИМО-Университета*. №2. С. 275-280.

Лебедева М.М. 2015. Социально-гуманитарный ресурс развития на евразийском пространстве. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 1(17). С. 161-167.

Лебедева М.М. 2016. Система политической организации мира: «Идеальный шторм». *Вестник МГИМО-Университета*. №2. С. 125-133. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518>

Лебедева М.М. 2017а. «Мягкая сила»: понятие и подходы. *Вестник МГИМО-Университета*. 3(54). С. 212-223. DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/issledovatelskie-stati/myagkaya-sila-ponyatie-i-podhody>

Лебедева М.М. 2017б. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? *Публичная дипломатия: Теория и практика*. М.М. Лебедева (ред.). Москва: Аспект Пресс. С. 8-20. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/c2e/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%20%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F.pdf>

Панова Е.П. 2010. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета*. 4(13). С. 91-97.

Подберёзкин А.И., Жуков А.В. 2015. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций. *Вестник МГИМО-Университета*. 6(45). С. 106-116. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/453/453>



Аддитивное производство и дополненная реальность как новые производственные технологии в авиационной отрасли

М.Г. Евтодьева

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Облик мировой авиационной отрасли в настоящее время сильно меняется под влиянием высокой динамики рынков военных и гражданских самолётов, космической техники, беспилотной техники и авиадвигателей. Неуклонно повышаются доходы авиастроительных компаний в сегменте рынка, связанного с ремонтом, послепродажным обслуживанием и другими сервисными услугами. Большой спрос и масштабные инвестиции обеспечивают благоприятные условия для развития новых производственных технологий, таких как аддитивное производство (АП) и дополненная реальность (ДР). Первые исследования и разработки этих технологий начались ещё в 1980-е гг., но широко применять в производстве авиатехники их начали лишь в последнее время. Хорошие перспективы использования технологий АП и ДР открываются в сферах ремонта и технического обслуживания авиалайнеров, а также обучения персонала.

В данной работе на примере крупнейших корпораций авиационной отрасли рассмотрена современная практика применения технологий аддитивного производства и дополненной реальности, определены их формы и степень развития. Сделаны выводы о том, что эти технологии используются практически на всех стадиях производственного и рыночного процессов, и что имеются хорошие перспективы для дальнейшего роста сегментов рынков продукции АП и ДР в авиационном секторе. С точки зрения динамики технологического развития, в отрасли завершился этап становления технологий АП и ДР и начался период их активного роста.

О таком состоявшемся переходе свидетельствуют сразу несколько факторов. Прежде всего, создание доминирующих технологических конструкций на основе АП и ДР, многие из которых уже сертифицированы, и начало серийного производства многих компонентов и платформ с использованием этих технологий. Переформатирование цепочек добавленной стоимости крупнейших авиапроизводителей, развитие государственно-частных партнёрств, формирование альянсов компаний, разрабатывающих и производящих системы и детали для самолётов на основе АП и ДР, также указывают на то, что начался новый этап развития этих технологий и рынков.

Ключевые слова: авиационная промышленность, рынок авиационной продукции, циклы развития технологий, инновации, новые производственные технологии, Индустрия 4.0, аддитивное производство, дополненная реальность, цепочки поставщиков, *Boeing*, *Airbus*

УДК: 339.94

Поступила в редакцию: 23.04.2020 г.

Принята к публикации: 03.06.2020 г.

На сегодняшний день во многих странах мира одним из приоритетов технологического прогресса стало развитие новых (передовых) производственных технологий и «передового производства». Под «передовым производством» (*advanced manufacturing*), согласно определению Национальной ассоциации перспективных производственных технологий США, мы понимаем производство, в котором «широко используются компьютерные, высокоточные и информационные компоненты, интегрированные с высокопроизводительной рабочей силой, которое создаёт систему, сочетающую преимущества массового производства, гибко настроенный на необходимый в данный момент объём выпуска и высокую степень кастомизации [создания индивидуализированной продукции в соответствии с потребностями клиента – М.Е.]» (Новые производственные технологии 2015: 8–9). Новые производственные технологии (НПТ) – это комплекс процессов проектирования и изготовления на современном технологическом уровне кастомизированных (индивидуализированных) товаров различной сложности, стоимость которых сопоставима со стоимостью товаров массового производства.

С понятием «передовое производство» тесно связан термин «Индустрия 4.0», широко используемый правительством ФРГ для обозначения стратегического плана развития современной промышленности и технологий, основанного на объединённых в единое информационное пространство промышленного оборудования и информационных систем. В отличие от доминировавших до недавнего времени технологий автоматизации, в основе Индустрии 4.0 лежит внедрение в заводские процессы киберфизических систем¹, а также объединение этих систем в одну сеть с возможностью связываться друг с другом в режиме реального времени, самонастраиваться под новые виды товаров или запросы потребителей, чтобы повысить эффективность производственных процессов (Sheve 2019).

К настоящему времени нет устоявшейся точки зрения на то, какие виды технологий объединяет понятие НПТ. Сколковский институт науки и технологий (Новые производственные технологии 2015: 10), выделяет следующие сегменты (категории) НПТ: а) новые технологии организации и управления; б) ИТ-системы, обеспечивающие поддержку жизненного цикла продукции (многомерное моделирование, интеллектуальные системы управления производством); в) новое оборудование и технологии для формообразования изделий; г) новое оборудование и технологии для автоматизации производственных процессов; д) передовые (новые) материалы, используемые для новых произ-

¹ Киберфизические системы – это системы, в которых вычислительные элементы взаимодействуют с датчиками, обеспечивающими мониторинг показателей, и с исполнительными элементами, вносящими изменения в киберфизическую среду. Зачастую киберфизические системы ориентированы на управление объектами инфраструктуры. См.: Zanni A. 2015. Cyber-physical systems and smart cities. *IBM Developer*. April 20. URL: <https://developer.ibm.com/articles/ba-cyber-physical-systems-and-smart-cities-iot/> (accessed 12.10.2020).

водственных процессов. Этим сегментам НПТ соответствуют конкретные технологии: интеллектуальное производство, *LEAN*-технологии и облачное производство, относимые к новым технологиям организации; облачные технологии, системы автоматизированного проектирования; дополненная реальность, межмашинное взаимодействие – системы поддержки жизненного цикла продукции; аддитивное производство, лазерная обработка – новое оборудование и технологии формообразования изделий; промышленная робототехника, сенсорные системы – новое оборудование для автоматизации производственных процессов; композиционные материалы – передовые материалы для производственных процессов и т.д.

Вышеупомянутые производственные технологии можно разделить на две подгруппы: *материальные*, или *материально-производственные*, – связанные с новыми материалами и производственными операциями (аддитивное производство, лазерная обработка, композиты и др.) и *информационные*, или *информационно-цифровые*, – связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий и с цифровизацией промышленных процессов (облачные технологии, дополненная реальность, *LEAN*-технологии и др.).

Многие из новых производственных технологий давно используются в производстве, т.е. стадия становления этих технологий, начинающаяся с исследований и разработок, фактически уже пройдена. Так, принципы аддитивного производства (АП), впервые предложенные в 1981 г. Муниципальным промышленным и исследовательским институтом Нагои (Япония), внедряются в производственную сферу с начала 1990-х гг. По технологиям дополненной реальности (ДР) или, иначе, комбинированной реальности, первые разработки были осуществлены в 1992 г.: для военной сферы Лабораторией Армстронга ВВС США, а для гражданской сферы – исследовательским подразделением компании *Boeing*, где была разработана система сборочных процедур с применением ДР (Горбунов 2012; Ceruti 2015).

Этап разработок названных технологий (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) совпал по времени с переходом крупнейших авиахолдингов на работу в системах автоматизированного проектирования (*CAD* и *CAE*) и производства, которые были дополнены ИТ-платформами, их обеспечивающими (Евтодьева 2018; Cassiolato 2002). Наибольшее распространение получило, в частности, программное обеспечение *Catia*, которое применялось на производстве компаниями *Airbus*, *Sikorsky*, *Embraer* и рядом других. Позже при создании авиационными компаниями центров виртуальной реальности для разработки виртуальных моделей, корректирующих дизайнерские и производственные решения, стало использоваться и другое ПО (Cassiolato 2002).

В последние годы модели и практики применения новых производственных технологий, включая АП и ДР, широко прорабатываются в таких сферах, как проектирование и производство компонентов и сборка конечных изделий, а также в сфере технического обслуживания, ремонта и послепродажного обслужи-

живания военных и гражданских самолётов. Технологии ДР используют также для мониторинга состояния конструкций в полёте и управления полётами.

В настоящем исследовании подробно рассматривается применение технологий аддитивного производства и дополненной реальности крупнейшими концернами и корпорациями авиастроительной отрасли. Цель исследования заключается в выявлении наиболее перспективных областей применения этих технологий и определении степени их развития. Дополнительно сделаны выводы о влиянии технологий АП и ДР на ряд составляющих отраслевой инновационной системы, включая организацию деятельности компаний-производителей и структуру цепочек поставщиков.

Методология

В основе исследования лежит инновационный системный подход в экономике, включая концепцию отраслевого инновационного анализа (Г. Малерба, Р. Нельсон и др.) и концепцию жизненных циклов инноваций и технологий.

В концепции отраслевого инновационного анализа инновации рассматриваются с точки зрения динамики ключевых компонентов отраслевой инновационной системы: совокупности фирм (компаний) отрасли и взаимосвязей между ними и компаниями близких отраслей (конкурирующие фирмы, цепочки поставщиков и др.); развития системы знаний, компетенций и технологий; динамики спроса; развития регулирующих институтов (Malerba 2002; Nelson 1994; Vertesy 2017; Евтодьева 2018)².

Развитие технологий происходит на основе конкуренции между новыми технологическими решениями, а также между ними и преобладающими технологическими практиками. В итоге на рынке происходит систематический отбор конкурентоспособных технологий и их кумулятивное развитие, т.е. развитие на основе достигнутого ранее прогресса (Nelson 1994).

Этапы развития технологий, или жизненные циклы продукции (ЖЦ) (Гумерова 2008; Nelson 1994), согласно инновационному системному подходу в экономике, соотносятся с этапами развития рынков инновационной продукции, а также с развитием фирм (компаний) и их стратегиями на различных стадиях формирования/развития технологий и рынков (Saracyakupoglu 2019; Евтодьева 2018). Технология проходит в своём развитии фазы становления, роста, зрелости и исчерпания предела развития; от первой ко второй фазе конкурентоспособность продукции и технологии усиливается, а от третьей к четвёртой – падает. Выделяют фазу жизненного цикла, предшествующую становлению технологии, которая характеризуется фокусом на исследованиях, на этой фазе области при-

² Регулирующие институты определяют стандарты выпуска продукции, характерные для отрасли финансовые механизмы, при этом оказывая влияние на темпы и масштабы технологических изменений.

менения технологии ещё чётко не определены, либо имеющиеся варианты применения характеризуются низкой эффективностью (Гумерова 2008).

Развитие рынков тоже проходит несколько стадий: сначала формируются первичные уникальные дизайны, проходящие тестирование в рыночных условиях; затем следует быстрый рост, когда из множества версий новой продукции ключевые экономические игроки выделяют и признают конкурентоспособными один-два (до нескольких) доминирующих типов продуктов, или доминирующих технологических дизайнов; стадия зрелости характеризуется наличием стандартизированных дизайнов продукции и расширением продуктовых линеек за счёт продуктовых инноваций; и стадия упадка, начинающаяся с сильного снижения прибыльности вложений, что свидетельствует о достижении предела развития рынка; на этой стадии ключевые игроки уходят на новые рынки.

В соответствии с рыночными циклами и жизненными циклами технологии меняются и стратегии компаний, с ними работающих, и отраслевая структура промышленности (Ceruti 2019; Malerba 2002). В начале ЖЦ спрос на рынке сильно фрагментирован, новыми технологиями занимаются в основном небольшие фирмы. После того как происходит фиксация технологических дизайнов, права на эти технологии закрепляются за крупными игроками, а прочие компании выбывают с рынка или закрепляют за собой небольшие рыночные ниши (Malerba 2002). На этой же стадии, либо на переходе к зрелому рынку его участники активно создают коалиции, благодаря которым увеличиваются вложения в развитие технологии. На этапе зрелости стоимость входа на рынок возрастает, а доминирующие на нём крупные компании получают возможность использовать свои конкурентные преимущества и «эффект масштаба». На этой стадии развития технологий и рынка преобладают в основном не процессные, а аллокационные и продуктовые инновации (Никитин 2011).

В методологическом плане выбор для рассмотрения в рамках авиаотрасли технологий аддитивного производства и дополненной реальности связан с тем, что первая представляет собой пример получившей активное развитие в последние годы материально-производственной технологии, а вторая – столь же активно развивающейся информационно-цифровой технологии.

Гипотеза исследования состоит в том, что АП и ДР (с точки зрения как технологических, так и рыночных процессов) в последние несколько лет перешли в своё развитие от стадии внедрения технологий и формирования рынков в стадию технологического роста и быстрого развития рынков. Активно формируются доминирующие технологические дизайны, расширяется ёмкость рынков, АП и ДР широко внедряются в процессы производства, ремонта и технического обслуживания. Ключевые авиационные концерны и холдинги, включая корпорации Boeing и Airbus, всё энергичнее занимаются развитием этих перспективных технологий, наращивая инвестиции и формируя альянсы.

Рынок авиационной продукции и роль НПТ в авиасекторе

Современный мировой авиационный рынок является активно развивающимся высокотехнологичным рынком. По прогнозам 2018–2019 гг. крупнейших авиастроительных компаний *Boeing* и *Airbus*, он продолжит расти в ближайшие два десятилетия³. Ожидается, что к середине 2030-х гг. пассажиропоток вырастет вдвое, спрос на гражданские самолёты (грузовые и пассажирские) за два предстоящих десятилетия составит около 40 тыс. единиц (в 2019 г. было произведено 1450 единиц самолётов). Спрос на военные самолёты также продолжает увеличиваться⁴.

Мировой рынок авиационной продукции и, шире, мировой аэрокосмический рынок, сложно выстроен, и в силу высокой технологичности продукции этого рынка её разработка и производство традиционно требует от ключевых игроков – крупнейших авиастроительных компаний и корпораций – привлечения передовых производственных технологий. Этот рынок имеет жёсткие барьеры на вхождение новых компаний (Vertesy 2017), а ключевые участники рынка, как правило, являются мировыми лидерами в области технологических разработок и инноваций. Главные сегменты рынка – авиастроение (военное и гражданское), двигателестроение, вертолётостроение, производство беспилотных систем. В отдельный крупный и высокоприбыльный сегмент рынка выделяется рынок сервисного обслуживания авиационной техники.

Ввиду сложности производимой продукции (современный авиалайнер состоит из десятков тысяч деталей и комплектующих) для авиаотрасли характерны сложные, многоуровневые цепочки компаний-поставщиков, состоящие – для производства каждой модели самолёта – из сотен и тысяч поставщиков. Лидирующие в отрасли крупные компании-сборщики конечной продукции – *Boeing*, *Airbus*, *Lockheed Martin*, *Bombardier*, *Embraer* и др. – выполняют функции системных интеграторов, отвечающих за общую организацию производственного процесса, производство ключевых компонентов, финальную сборку и ряд сопровождающих процессов, включая продажи и маркетинг. Это не просто авиапроизводители, а крупные многоотраслевые концерны; наряду с производством и продажей самолётов в своих рыночных нишах (например, *Boeing* и *Airbus* – лидеры продаж дальне- и среднемагистральных пассажирских самолётов, *Embraer* и *Bombardier* – региональных пассажирских самолётов и бизнес-джетов, *Lockheed Martin* и *Northrop Grumman* – военных самолётов) они

³ Airbus. Global Market Forecast 2019-2038. Cities, Airports & Aircraft. *Airbus*. URL: <https://www.airbus.com/aircraft/market/global-market-forecast.html> (accessed 12.10.2020);

Boeing. Commercial Market Outlook 2019–2038. *Boeing*. URL: <https://www.boeing.com/resources/boeingdotcom/commercial/market/commercial-market-outlook/assets/downloads/cmo-sept-2019-report-final.pdf> (accessed 12.10.2020).

⁴ Deloitte. 2020 Global Aerospace and Defense Industry Outlook. *Deloitte*. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/manufacturing/articles/global-aerospace-and-defense-industry-outlook.html> (accessed 12.10.2020).

занимаются и другими производственно-технологическими направлениями, например, разработкой и поставкой информационных систем и технологий (*Boeing, General Dynamics* и др.), электроники и авионики (*Thales* и др.), беспилотных летательных аппаратов (*Northrop Grumman* и др.) и рядом других «специализаций».

В общих эксплуатационных расходах на авиатехнику расходы на топливо составляют 33–34%, на техническое обслуживание и ремонт (ТОиР) – 9–10%, на покупку или лизинг авиалайнеров – 10–11% (Saracayakupoglu 2019: 389). Поэтому разработчики и производители авиалайнеров при поиске оптимальных конструкторских решений всегда учитывают вес машины и расход топлива (Vertesy 2017; Евтодьева 2018), изыскивая возможности улучшения системы технического и послепродажного обслуживания. Наряду с ростом спроса на самолёты, в ближайшие десятилетия ожидается и рост рынка ТОиР и сервисного обслуживания авиалайнеров (*Airbus* прогнозирует, что этот рынок в ближайшие 20 лет вырастет до 4,9 трлн долл.)⁵. Исходя из этих прогнозов, крупнейшие авиахолдинги намерены улучшить свои показатели на этом рынке. Так, в 2017 г. доходы *Boeing* от ремонта, послепродажного обслуживания и других сервисных услуг составили около 14,6 млрд долл., в 2018 г. – около 17 млрд долл., а в ближайшие пять лет компания планирует их утроить до 50 млрд долл.⁶.

Роль и значение новых производственных технологий, в частности, АП и ДР, усиливают ожидания существенно снизить себестоимость конечной продукции и в целом общие производственные и эксплуатационные затраты за счёт:

- применения новых материалов в готовых изделиях (например, композитов и компонентов на основе АТ, позволяющих уменьшить вес лайнеров и расход топлива),
- разработки новых моделей и способов организации производства и менеджмента (ИТ-платформы, системы ДР и др.),
- улучшения системы ТОиР.

Сверх того, новые технологии позволяют улучшить технические характеристики, эффективность и технологичность авиатехники, её «инновационность», что также ценится на рынке. Несмотря на то, что опытно-конструкторские разработки в области новых технологий и процессы их внедрения в технологические и производственные процессы требуют больших вложений, они являются востребованными на рынке, поскольку способствуют в конечном счёте снижению общих затрат на производство и обслуживание авиатехники.

Рынки продукции аддитивного производства и виртуальной/дополненной реальности активно растут в последние несколько лет, охватывая целый ряд производственных секторов, в первую очередь аэрокосмический, ИКТ и авто-

⁵ Airbus. Global Market Forecast 2019-2038; Deloitte. 2020 Global Aerospace and Defense Industry Outlook.

⁶ Сервисные услуги авиакомпаний включают ремонт и техническое обслуживание самолётов, а также анализ данных и обучение пилотов.

мобилестроение. По некоторым прогнозам, в аэрокосмическом секторе рынок аддитивных технологий к 2025 г. вырастет до 3,184 млрд долл. при совокупном среднегодовом темпе роста (CAGR) за 2018–2025 гг. в 20,24%⁷. Собственно авиационный сегмент (производство/обслуживание самолётов и вертолётов) составит 55,6% этого рынка, или около 1,77 млрд долл. к 2025 г. К этой дате рынок виртуальной и дополненной реальности (ВР/ДР) достигнет 1,364 млрд долл. при совокупном среднегодовом темпе роста с 2019 по 2025 гг. приблизительно в 60%⁸. Для сравнения приведём прогноз по автомобилестроению: рынок аддитивной продукции к 2026 г. вырастет до 11,85 млрд долл. против 6,85 млрд долл. в 2018 г.⁹.

Аддитивное производство и дополненная реальность: характеристика технологий и сферы использования в авиасекторе

Аддитивные технологии (АТ) производства характеризуются двумя признаками: конечное изделие получается путём добавления дозированных объёмов материала к исходной конфигурации или к подложке («признак аддитивности»); в основе производства лежит цифровая модель изделия (Моргунов 2016). АТ классифицируются по используемому сырью, которое может быть жидким, порошкообразным и твёрдым, или по методам обработки сырья. При работе с жидкими материалами используются методы послойного сплавления полимерной нити (*FDM*¹⁰) и лазерной стереолитографии (*SLA*), с порошками – лазерного спекания (*SLS*) и электронно-лучевого плавления (*EBM*), с твёрдыми материалами (листами) – моделирования ламинированных объектов (*LOM*) и др. (Аддитивные технологии 2019; Моргунов 2016; Ceruti 2019). Конечной продукцией аддитивного производства являются изделия из металлов (металлических порошков, в первую очередь титана и алюминия) или из полимеров. Как правило, компании специализируются на каком-либо одном типе изделий. Из металлопорошков изготавливают компоненты ряда ключевых систем воздушного судна (двигатели, в том числе форсунки для двигателей, армирующие элементы и др.),

⁷ Aerospace Additive Manufacturing Market Research Report – Global Forecast till 2025. September 2019. *Market Research Future*. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/aerospace-additive-manufacturing-market-1551> (accessed 12.10.2020).

⁸ Augmented Reality and Virtual Reality (AR/ VR) in Aviation Market Research Report – Global Forecast till 2025. April 2020. *Market Research Future*. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/ar-vr-aviation-market-8565> (accessed 12.10.2020). По прогнозу, совокупный рынок продукции ВР/ДР к 2025 г. достигнет 766 млрд долл. См.: Global Augmented Reality and Virtual Reality Market. *Market Research Future*. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/augmented-reality-virtual-reality-market-6884> (accessed 12.10.2020).

⁹ Automotive Additive Manufacturing Market 2020 Produced 7.5% CAGR Value in Demand By 2027. May 14, 2020. *Market Research Future*. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/press-release/automotive-additive-manufacturing-market-2020-produced-75-cagr-value-in-demand-by-2027-stratasys-3d-systems-slm-solutions-concept-laser-2020-05-14> (accessed 12.10.2020).

¹⁰ Здесь и далее приводятся общепринятые английские аббревиатуры соответствующих методов аддитивного производства.

а из полимеров (пластика) – в основном детали интерьера лайнера и вспомогательное оборудование.

На основе методов *SLS* или *EBM* из алюминиевых или титановых порошков изготавливают высокопрочные материалы, похожие по свойствам на обработанные или литые металлы. С помощью АТ могут быть произведены сложные детали при очень высокой свободе формования и минимальных отходах. Для авиастроения особенно ценно, что при этом можно получить конструкции с нужными физико-механическими параметрами: небольшой вес, высокая упругость и прочность.

Основные преимущества применения АТ в авиационной отрасли заключаются в существенном сокращении длительности технологической подготовки производства новых изделий и цикла их изготовления, возможности использования принципиально новых конструкторско-технологических решений, что, в конечном счёте, снижает трудоёмкость производства и себестоимость продукции. Благодаря АТ и 3D-принтерам отпадает потребность производить и хранить большое количество запчастей, и это – ещё один способ сократить затраты авиапроизводителей. Гибкость аддитивных технологий позволяет удовлетворять индивидуальные требования потребителей, прежде всего в сферах прототипирования и тестирования, а также в ремонте и техническом обслуживании авиационной техники.

Большую сложность с внедрением изделий, изготовленных с применением АТ, представляет необходимость их сертификации в соответствии со стандартами регулирующих организаций. Для того, чтобы материалы и детали (компоненты), изготовленные на основе АТ, были сертифицированы, они должны соответствовать стандартам Федерального управления гражданской авиации США (*Federal Aviation Administration, FAA*) и/или Европейского агентства авиационной безопасности (*European Aviation Safety Agency, EASA*), в первую очередь документам *FAA FAR 25 (Federal Aviation Regulation)* и *EASA CS-25 (Certification Specifications)*. По этим стандартам для сертификации материалы подвергаются тестированию, а процесс их изготовления должен быть стойким и последовательным, для чего также необходимо пройти соответствующие тесты (Ceruti 2019: 521; Singamneni 2019).

Дополненная реальность – это техника компьютерной графики, при использовании которой в реальном времени происходит наложение виртуальных данных, представленных в 3D, на естественное восприятие реальности (Ceruti 2019: 518): сгенерированные на компьютере изображения дополняют изображения реального мира, основанные на компьютерной и цифровой обработке. По определению Рональда Азумы, это техника «интегрирования 3D-виртуальных объектов в 3D-среду в реальном времени» (Azuma 1997). Таким образом, дополненная реальность представляет собой «эволюцию» виртуальной реальности (VR), в которой у пользователя есть либо специальные шлемы с дисплеями на голове, либо он погружён в структуры (системы) автоматической виртуальной

среды (Горбунов 2012). На сегодняшний день технология ДР активно развивается благодаря распространению смартфонов и планшетов.

В системах ДР используются специальные нацеленные на объект прозрачные очки, оборудованные камерой и проекторами, или мобильные устройства, такие как планшеты или смартфоны, где камера применяется для кадрирования внешней среды, а экран – для демонстрации результатов. Виртуальные объекты связаны с реальным миром (производством) таким образом, что при перемещении точки, откуда снимает камера, положение и значения символов по отношению к внешней среде не меняются. Это достигается вычислением позиции камеры по отношению к внешней среде либо с помощью маркеров (они «размечают» объекты, информация по которым известна), либо без них. В последнем случае набор изображений внешней среды хранится в базе данных, и при изменении положения камеры в пространстве происходит сравнение того, что фиксирует камера, с этой базой данных. ДР считается техникой «реального времени»: это означает, что при перемещении точки зрения виртуальные символы меняют положение на видеовыходе. В настоящее время разработаны специальные пакеты программного обеспечения ДР¹¹.

Технологии ДР в сочетании с технологиями ВР применяются в таких сферах, как предварительная визуализация для сборки/производства авиатехники, подготовка кадров, создание иллюстрированных каталогов запасных частей, формирование расширенных руководств по производственным процессам и техническому обслуживанию, оптимизация операций и координация деятельности групп сотрудников, занимающихся сложными операциями. В случае сборки/разборки систем инструкции передаются операторам (техникам) через сочетание CAD-моделей (моделей компьютерной поддержки проектирования), рекомендаций по ручному выполнению операций и виртуальных панелей, с помощью которых можно проверять произведённые операции. Кроме того, технологии ДР применяются для удалённого обслуживания самолётов и другой авиатехники; для этого в реальном времени готовится специальная виртуальная анимация, описывающая стандартные процедуры ремонта и технического обслуживания.

Помимо прочего, распространение технологий ДР ограничивают высокие расходы времени и ресурсов на подготовку руководств и анимаций. Формирование анимаций для каждой операции по проектированию и техническому обслуживанию современного авиалайнера, состоящего из тысяч деталей, невозможно; но этого и не требуется. Как правило, крупнейшие авиакорпорации сами определяют те процессы или системы авиалайнера, где применение технологий ДР целесообразно, т.е. где соответствующие данные необходимы удалённым операторам.

¹¹ Такие, например, как ALVARTM и VuforiaTM (ПО не на основе маркеров) и ARtoolkit (ПО на основе маркеров).

Несмотря на описанные выше ограничения, технологии ДР внедряются всё шире, в т.ч. для повышения эффективности инспекционных проверок лётной готовности, поскольку при этом не только повышается эксплуатационная надёжность техники, но и минимизируются прямые эксплуатационные расходы авиакомпаний.

Области и направления использования в современном авиастроении технологий аддитивного производства и дополненной реальности в обобщённом виде представлены в Табл. 1. Видно, что обе технологии применяются практически на всех стадиях производственных и рыночных процессов.

Таблица 1. Применение технологий аддитивного производства и дополненной/виртуальной реальности в авиационной отрасли на различных стадиях бизнес-процессов

Table 1. Application of additive manufacturing and augmented/virtual reality technologies at various stages of business processes in the aviation industry

Бизнес-процессы	Аддитивное производство	Дополненная реальность и виртуальная реальность (ДР/ VR)
I. Проектирование, опытно-конструкторские разработки	Изготовление новых материалов, прототипов и тестовых макетов изделий, поиск новых конструкторско-технологических решений (в т.ч. с более низкими производственными и эксплуатационными затратами)	Корректировка проектирования на основе виртуальных моделей, визуализация проектирования и производства
II. Производство/ поставки компонентов	Реализация новых конструкторско-технологических решений, ускорение цифровизации производства, передача задач по производству специализированным компаниям-поставщикам, использование опыта АП для сертификации соответствующих материалов/ технологий	Корректировка и визуализация производственных процессов на основе виртуальных и ДР-моделей, обучение персонала, оптимизация операций (создание ДР-«анимаций» и технических руководств)
III. Сборка/ продажа конечного изделия	Не используется	Корректировка и визуализация процессов сборки, обучение персонала, оптимизация операций (создание ДР-анимаций и технических руководств), демонстрация (изделий, интерьера и др.)
IV. Техническое обслуживание и ремонт/ послепродажное обслуживание	Оптимизация поставок компонентов и запасных частей	Корректировка и визуализация технических проверок, инспекции лётной готовности самолётов, управление полётами, повышение эксплуатационной надёжности, обучение персонала

Источники: составлено автором на основе анализа материалов: (Горбунов 2012; Additive Manufacturing 2018; Ceruti 2019; Saracyakupoglu 2019).

Опыт применения АТ и ДР крупнейшими авиационными холдингами

Крупнейшие компании активно применяют *аддитивные технологии* решения производственных и бизнес-задач в авиастроении, двигателестроении, а

также в производстве беспилотных аппаратов и космической техники (в данной работе не рассматривается) с начала 2010-х гг. По суммам реализуемых контрактов на рынке аддитивных технологий для авиаотрасли лидируют: *3D Systems Inc.* (США), *Arcam AB* (Швеция, аффилирована с *GE*), *Concept Laser* (ФРГ, аффилирована с *GE*), *EOS* (ФРГ), *ExOne* (США), *Optomec* (США), *SLM Solution Group* (ФРГ), и *Stratasys* (США)¹². На этом рынке действует и ряд менее крупных игроков.

В 2014-2016 гг. компания *Airbus* реализовала несколько успешных проектов по изготовлению и установке компонентов из аддитивных материалов (на основе 3D-печати) на A320 и другие самолёты серии *NEO*, а также на новые самолёты A350 XWB (Моргунов 2016; Ceruti 2019). Речь идёт, в частности, об изготовлении немецкой компанией *Concept Laser* нескольких тысяч кронштейнов для A350 XWB¹³, а также о начале изготовления деталей для салонов самолётов в ходе ремонта и обслуживания техники. *Airbus* наладила производство сидений для бортпроводников из аддитивных материалов для компании *Air Transat*. Для самолётов A320 и A350 XWB компании *Airbus* бельгийская *Materialise* изготовила с применением бионического дизайна пластиковые перегородки для салонов; эта продукция прошла контроль со стороны *Airbus* и сертификацию *AESA*¹⁴.

По данным компании *Boeing* на 2017 г., только в самолётах *Boeing 787* не менее 30 сравнительно небольших деталей изготавливались на основе АТ, а в целом с применением этих технологий были изготовлены более 50 тыс. деталей самолётов и вертолётных производств *Boeing*¹⁵. Ряд деталей и компонентов для *Boeing* на основе FDM-технологии, после сертификации своих 3D-принтеров и термопластика *ULTEM 9085*, изготавливает американская компания *Stratasys*¹⁶. Эта же компания серийно производит для *Airbus* ряд лёгких и ненагруженных деталей из пластика (внутренние детали салона, к примеру, крышки для кабелей и др.¹⁷.

¹² Aerospace Additive Manufacturing Market Research Report - Global Forecast till 2025. September 2019. *Market Research Future*. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/aerospace-additive-manufacturing-market-1551> (accessed 12.10.2020).

¹³ Применение аддитивного производства в авиастроении на примере Airbus и Concept Laser. 2014. *3D-Today*. 13.12. URL: <https://3dtoday.ru/blogs/news3dtoday/the-use-of-additive-manufacturing-in-the-aircraft-industry-for-example/> (accessed 12.10.2020).

¹⁴ Molitch-Hou V. 2018. Airbus to Install First 3D-Printed Components into Aircraft Cabins. *Engineering.com*. April 12. URL: https://www.engineering.com/3DPrinting/3DPrintingArticles/ArticleID/16785/Airbus-to-Install-First-3D-Printed-Components-into-Aircraft-Cabins.aspx?e_src=relart (accessed 12.10.2020); <https://www.aerospacemanufacturinganddesign.com/article/materialise-3d-printed-parts-airbus-112015/> (accessed 12.10.2020).

¹⁵ Petch M. 2017. Insights into Additive Manufacturing at Boeing with Leo Christodoulou. February 28. *3D-Printing Industry*. URL: <https://3dprintingindustry.com/news/insights-additive-manufacturing-boeing-leo-christodoulou-106718/> (accessed 12.10.2020).

¹⁶ DeNisco Raymon A. 2016. Stratasys launches two new 3D printers, partners with Boeing and Ford on applications. *Techrepublic*. August 24. URL: <https://www.techrepublic.com/article/stratasys-launches-two-new-3d-printers-partners-with-boeing-and-ford-on-new-applications/> (accessed 12.10.2020).

¹⁷ Molitch-Hou M. 2017. Airbus Takes on Stratasys 3D Printing for Serial Part Production. *Engineering.com*. July 20. URL: https://www.engineering.com/3DPrinting/3DPrintingArticles/ArticleID/15281/Airbus-Takes-on-Stratasys-3D-Printing-for-Serial-Part-Production.aspx?e_src=relart (accessed 12.10.2020).

Airbus и *Boeing* совместно с компанией *3D Systems Inc.* производят накладки (кожухи) для видеомониторов самолётов, воздухопроводы, обтекатели и другие нагруженные детали, в том числе из металлопорошков¹⁸. Специализируясь на лазерных методах АП (технологии *SLS*), *3D Systems* также изготавливает детали для вертолётов *AH-64D Apache Longbow*, в производстве которых участвует *Boeing*.

Norsk Titanium сотрудничает с *Alcoa*, *Boeing* и *Airbus* по технологиям 3D-печати в металлообработке и производстве титановых деталей¹⁹. В 2015 г. проекты этой компании для авиаотрасли финансировала *RTI International Metals* (позже *RTI* приобрела компания *Alcoa*)²⁰.

Производство компонентов на основе аддитивных технологий уже не ограничивается, как ранее, изготовлением простых деталей для салона самолётов и других неосновных (неструктурных) деталей его конструкции. Напротив, есть много примеров использования АТ для производства ключевых систем и компонентов авиалайнеров. Так, в 2016 г. компания *General Electric* на основе разработок лаборатории *Aviation Additive Lean Lab.* запустила промышленное изготовление топливных форсунок двигателей нового поколения *LEAP* для самолётов *Airbus A320 NEO*, *Boeing 737MAX* и *COMAC C919* (Моргунов 2016)²¹. В реализации данного проекта по разработкам и производству деталей двигателей на основе титаново-алюминиевого сплава, помимо аффилированных с *GE* компаний *Avio Aero* и *Arcam* (предоставивших программное обеспечение и станки для производства на основе ЕВМ-технологии), также участвовали *Materialise*, *Boeing* и ряд других компаний²². Успех проекта, как и в целом многообещающие перспективы использования АТ в авиаотрасли, побудили *General Electric* приобрести в том же году контрольные пакеты акций крупных производителей АТ-компонентов – *Concept Laser* и *Arcam AB*²³. Уже в 2017 г. расположенное в Оберне (Алабама) предприятие *General Electric* по аддитивным технологиям выпустило 12 тыс. форсунок для двигателей *LEAP*, а к 2020 г. планировалось нарастить их производство до 50 тыс. единиц²⁴.

¹⁸ Boeing finds growing value in Selective Laser Sintering. *3D-Systems*. URL: <https://www.3dsystems.com/learning-center/case-studies/boeing-sees-growing-value-versatility-sls-system-and-duraform-materials> (accessed 12.10.2020).

¹⁹ Например, для *Boeing* (самолётов *B787*) она производит изготовленные на основе титана детали, поддерживающие пол бортовых кухонь. Making 3D-printed parts for Boeing 787s. 2018. *Aerospace America*. September. URL: <https://aerospaceamerica.aiaa.org/departments/making-3d-printed-parts-for-boeing-787s/> (accessed 12.10.2020).

²⁰ Norsk Titanium Brings Nordic Metal 3D Printing Stateside. *Engineering.com*.

²¹ Проект по двигателям *LEAP* реализуется совместно с французской *Safran* совместным предприятием *GE* и *Safran Aircraft Engines CFM International*. См.: General Electric announces launch of GE Additive. *Additive Manufacturing Today*. URL: <https://additivemanufacturingtoday.com/general-electric-announces-launch-of-ge-additive> (accessed 29.07.2020).

²² Obermueller J. 2019. How Materialise Software Solutions Helped to Create the World's Largest Jet Engine. *Materialize*. August 8. URL: <https://www.materialise.com/en/blog/how-materialise-software-solutions-helped-to-create-worlds-largest-jet-engine> (accessed 12.10.2020).

²³ GE agrees to purchase controlling shares of Arcam AB. *General Electric*. URL: <https://www.ge.com/additive/press-releases/ge-agrees-purchase-controlling-shares-arcam-ab> (accessed 12.10.2020).

²⁴ General Electric announces launch of GE Additive. *Additive Manufacturing Today*. URL: <https://additivemanufacturingtoday.com/general-electric-announces-launch-of-ge-additive> (accessed 12.10.2020).

В том же 2016 г. *Airbus* заключила с компанией *Alcoa* соглашение об изготовлении из аддитивных материалов важных элементов конструкции самолётов, таких как части компонентов фюзеляжа и детали для пилонов двигателей²⁵. В производстве ряда деталей, включая крепления для вертикальных стабилизаторов самолётов, *Airbus* сотрудничала с *EOS*²⁶.

Технологии виртуальной и дополненной реальности, по информации компаний *Boeing* и *Airbus*, используются ими в первую очередь для улучшения сборки самолётов, обслуживания, ремонта или замены компонентов в части систем гражданских самолётов, таких как гидравлическая система, система авионики (авионический отсек), двигатели и пилоны двигателей и других.

В число крупнейших компаний на рынке технологий ВР/ДР в авиасегменте входят: *Google Inc.* (США), *Microsoft Corp.* (США), *IBM Corp.* (США), *Honeywell Int. Corp.* (США), *EON Reality Inc.* (США), *Oculus VR* (США), *Sony* (Япония), *HTC* (Тайвань), *Samsung Group*, *Elbit Systems* (Израиль), *AeroGlass* (США), *Future Vision* (Великобритания)²⁷.

Boeing использовал технологии ДР, и в частности, очки *Google Glass*, в процессе сборки для подсоединения электропроводки на самолётах, в т.ч. на широкофюзеляжном 787-8 *Freighter* грузовой модификации²⁸. Компания разработала и протестировала собственные технологические системы дополненной реальности, предоставляющие инженерам и техникам интерактивные 3D-схемы проводки в режиме реального времени²⁹. В итоге время операций сборки с подсоединением проводки сократилось на 25–30%, а погрешности – на 90%³⁰. *Boeing* применяет ДР ещё и в маркетинге, для разработки демонстраторов интерьера самолётов. Такой демонстратор широкофюзеляжного лайнера *Boeing 777X* был представлен в январе 2019 г.³¹.

Компания *Lockheed Martin* также активно применяет технологии ДР, в т.ч. при сборке самолётов и в обучении сотрудников сборке и ремонтным операциям. К примеру, время сборки истребителей *F-35* удалось сократить почти на

²⁵ Wright I. 2016. Airbus to Receive 3D-Printed Fuselage and Engine Pylon Parts from Alcoa. *Engineering.com*. April 19. URL: https://www.engineering.com/AdvancedManufacturing/ArticleID/11901/Airbus-to-Receive-3D-Printed-Fuselage-and-Engine-Pylon-Parts-from-Alcoa.aspx?e_src=relart (accessed 12.10.2020).

²⁶ EOS: additive manufacturing for the A350 XWB. *Equipment-News*. URL: <https://www.equipment-news.com/eos-additive-manufacturing-for-the-a350-xwb/> (accessed 12.10.2020).

²⁷ Augmented Reality and Virtual Reality (AR VR) in Aviation Market Research Report - Global Forecast till 2025. April 2020. *Market Research Future*. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/ar-vr-aviation-market-8565> (accessed 12.10.2020).

²⁸ How Brands Like Boeing Use Augmented Reality in Manufacturing. 2018. *Intellectsoft.net*. March 29. URL: <https://www.intellectsoft.net/blog/how-brands-use-augmented-reality-in-manufacturing/> (accessed 12.10.2020).

²⁹ Ранее техникам приходилось постоянно сверяться с ноутбуками, чтобы убедиться в правильности подсоединения проводов, тогда как гарнитуры ДР позволяют ускорить эту часть процесса сборки путём присоединения к инструктирующим видеопотокам.

³⁰ Ismail K. 2018. 8 Augmented Reality Companies Changing the Digital Workplace. *CMS Wire*. October 3. URL: <https://www.cmswire.com/digital-workplace/8-augmented-reality-companies-changing-the-digital-workplace/> (accessed 12.10.2020).

³¹ Green J. 2019. Boeing Unveils Augmented Reality for New 777X Interior. *Airline Geeks*. January 24. URL: <https://airlinegeeks.com/2019/01/24/boeing-unveils-augmented-reality-for-new-777x-interior/> (accessed 12.10.2020).

30%³² за счёт использования гарнитур *Microsoft HoLolens* для просмотра голографического изображения деталей самолёта, а также инструкций по их сборке в режиме реального времени.

Соглашения о сотрудничестве, альянсы, цепочки поставщиков, инвестиции

С налаживанием на основе аддитивных технологий и дополненной реальности разработок и производства широкого ассортимента продукции и началом серийного производства ряда систем и компонентов получили развитие рыночные процессы, характерные для стадии технологического роста и роста рынков: укрепление цепочек добавленной стоимости, заключение между компаниями – разработчиками, производителями и интеграторами – соглашений о сотрудничестве, слияния и поглощения компаний, формирование альянсов и различных моделей государственно-частного партнёрства.

Ключевые технологические дизайны и формы применения технологий АП и ДР в авиаотрасли, а также примеры соглашений о сотрудничестве, альянсов и инвестиций крупных компаний-авиапроизводителей в развитие технологий АП и ДР представлены в Табл. 2.

Примерами сотрудничества по использованию аддитивных технологий в производстве деталей и компонентов систем для самолётов могут служить упомянутые ранее соглашения *Airbus* и *Boeing* с компаниями *3D Systems*, *Stratasys*, *Materialise*, *Norsk Titanium*.

Помимо того, налаживается сотрудничество компаний по ремонту и обслуживанию авиатехники с компаниями, специализирующимися на аддитивных технологиях: ремонт самолётов всё чаще осуществляется с заменой прежних деталей на детали из аддитивных материалов. Например, *Etihad Airways Engineering*, одна из крупнейших в странах Ближнего Востока компаний по ремонту и обслуживанию авиатехники, заключила соглашение о стратегическом партнёрстве с *EOS* – известным поставщиком систем в сфере промышленных АТ. Аналогичное соглашение *Emirates Engineering* заключила с компанией *3D Systems Inc.* (Ceruti 2019).

Авиастроительные холдинги либо открывают собственные подразделения и производственные площадки по аддитивным технологиям, либо укрепляют сотрудничество с крупнейшими производителями аддитивных компонентов, т.е. осваивают новые производственные технологии за счёт развития цепочек добавленной стоимости. У *General Electric* собственное производство на основе АТ размещается в Оберне, при этом компания создала и отдельную компанию, занимающуюся аддитивными технологиями – *General Additive*. Корпорации *Boeing* и *Airbus* модели вертикальной интеграции предпочитают укрепление цепочек поставщиков и заключение с ними соглашений о сотрудничестве. Но и *General Electric*

32 Там же.

успешно применяла такую бизнес-модель, как мы показали выше на примере проекта по двигателям. В 2017 г. у *Boeing*'а объёмы поставок от поставщиков составили не менее 65 млрд долл.: эти данные свидетельствуют о широких возможностях крупнейших авиакорпораций повысить эффективность и прибыльность сетей поставок благодаря использованию новых производственных технологий³³.

Таблица 2. АП и ДР в авиационной отрасли: технологические дизайны, соглашения о сотрудничестве, инвестиции

Table 2. AM and AR in the aviation industry: technological designs, cooperation agreements, investments

Формы развития технологий и рынков/ тип технологии	Аддитивное производство	Дополненная реальность
Ключевые технологические дизайны	Методы: <i>FDM, SLA, SLS, EBM, LOM</i> . Способы производства: изготовление деталей из металлов и из пластика, в т.ч. конструкций из решётчатых структур (на сертифицированных машинах и 3D-принтерах).	Очки (BP-гарнитуры) <i>Google Glass, Oculus Rift, HTC Vive, Samsung Gear VR</i> . Гарнитуры: <i>Microsoft HoloLens</i> . Пакеты ПО: <i>ALVARTM, VuforiaTM, ARtoolkit</i> .
Примеры использования технологий и соглашения о сотрудничестве	<i>Boeing – GE</i> : форсунки и другие детали для <i>LEAP</i> -двигателей. <i>Airbus – GE</i> : форсунки и другие детали для <i>LEAP</i> -двигателей. <i>Airbus – Concept Laser</i> : кронштейны для самолётов. <i>Airbus – Materialise</i> : детали для салона самолётов, в т.ч. на основе решётчатых конструкций. <i>Boeing – Stratasys</i> : детали из термопластика <i>ULTEM</i> для самолётов. <i>Airbus – Stratasys</i> : детали из термопластика <i>ULTEM</i> для самолётов. <i>Airbus – Alcoa</i> : титановый фюзеляж и пилоны двигателей. <i>Airbus – NTi</i> : детали для <i>A350 XWB</i> , содействие сертификации машин <i>MERKE IV</i> . <i>Boeing – NTi</i> : детали для самолётов <i>Boeing</i> , содействие сертификации машин <i>MERKE IV</i> . <i>Boeing, Avio Aero, Arcam и Materialise</i> : турбинные лопатки и другие детали для двигателей <i>GE9X</i> .	<i>Boeing</i> : электропроводка на самолётах; демонстратор салона <i>Boeing 777x</i> . <i>Airbus</i> : ДР-приложения для проверки качества производства/ сборки систем самолётов и для коррекции проектирования; демонстратор салона <i>A350</i> . <i>Lockheed Martin – Microsoft</i> : системы ДР для сборки <i>F-35</i> . <i>Boeing – C360 Technologies</i> : ДР-платформы на основе 360-градусного панорамного видео высокой плотности. <i>Airbus-Microsoft</i> : системы ДР для ремонта и обслуживания самолётов <i>Airbus</i> .
Специализированные подразделения (центры) компаний	<i>GE Aviation Additive Lean Lab</i>	Подразделения <i>Boeing</i> по разработкам в сфере ВР/ДР. Инновационный центр <i>Airbus</i> в Гамбурге. Центры виртуальной реальности <i>Airbus</i> .
Инвестиции	Инвестиции от <i>RTI (Alcoa)</i> в <i>NTi</i> . Покупка <i>GE</i> контрольных пакетов акций <i>Concept Laser</i> и <i>Arcam AB</i> и инвестиции в эти компании	Инвестиции <i>Boeing</i> в <i>C360 Technologies</i>

Сокращения: GE – General Electric, NTi – Norsk Titanium

Источники: составлено автором на основе публикаций в научных изданиях (Горбунов 2012; Ceruti 2019; Saracyakuroglu 2019) и в электронных ресурсах и СМИ.

³³ Petch M. 2017. Insights into Additive Manufacturing at Boeing with Leo Christodoulou. *3D-Printing Industry*. February 28., URL: <https://3dprintingindustry.com/news/insights-additive-manufacturing-boeing-leo-christodoulou-106718/> (accessed 12.10.2020).

Значительное число соглашений о сотрудничестве заключено и в сфере технологий дополненной и виртуальной реальности (на практике разработки и производство систем ДР осуществляются, как правило, совместно с системами ВР). Например, *Boeing* заключила соглашение с растущей американской компанией *C360 Technologies*, которая специализируется на 360-градусном панорамном видео высокой плотности и на предоставлении в реальном времени по запросу пользователя контента для ВР и ДР на нескольких платформах. Сотрудничество позволит *C360 Technologies* ускорить разработку технологических решений и откроет этой компании доступ на новый рынок, а *Boeing* обеспечит возможность использовать новые продукты в авиакосмической сфере, в т.ч. при сборке и ремонте систем самолётов, а также в развитии автономных систем.

Boeing сделала шаги и по инвестированию в разрабатываемые различными компаниями платформы ДР. В частности, в августе 2017 г. через своё венчурное подразделение *Boeing HorizonX* корпорация осуществила инвестиции в *C360 Technologies*³⁴.

В *Airbus*, а также в её подразделениях *Airbus Helicopters* и *Airbus Defence and Space*, созданы центры виртуальной реальности (*VRrooms*), в которых инженеры занимаются созданием 3D-объектов для проектирования самолётов, а также разрабатывают проекты в сфере дополненной реальности. К примеру, технологии ДР используются для проведения проверок качества производства/сборки ряда систем самолётов³⁵. Инновационный центр *Airbus* в Гамбурге разрабатывает в числе прочего 3D-технологии, позволяющие клиентам «пройтись» по виртуальному салону гражданского самолёта и что-то скорректировать в нём: такой демонстратор был сделан, например, для A350.

Корпорация *Airbus* сообщала о формировании межотдельской команды экспертов для тестирования ДР-технологий и гарнитур/шлемов различных производителей. Акцент при этом сделан на перспективах совместных с другими компаниями разработок в этой области.

В ноябре 2015 г. *Airbus* подписала соглашение о партнёрстве в области ДР-технологий с *Microsoft*: компании намеревались совместно тестировать на самолётах *Airbus* использование при ремонте и обслуживании, а также в проектировании и в инспекционных целях созданные *Microsoft* ДР-гарнитур *Microsoft HoloLens*³⁶.

³⁴ Boeing Invests in Video and Augmented/Virtual Reality Leader C360 Technologies. 2017. *Boeing Mediaroom*. August 2. URL: <https://boeing.mediaroom.com/2017-08-02-Boeing-Invests-in-Video-and-Augmented-Virtual-Reality-Leader-C360-Technologies> (accessed 12.10.2020).

³⁵ Cece B. 2016. *Airbus*. Virtual reality. Eyes wide open. *Airbus*. December 6. URL: <https://www.airbus.com/newsroom/news/en/2016/12/I-Spy-With-My-Little-Eye.html> (accessed 12.10.2020).

³⁶ В отличие от представленных на рынке ВР-гарнитур (*Oculus Rift*, *HTC Vive*, *Samsung Gear VR* и др.), *HoloLens* не погружает пользователя в мир 3D, а переносит виртуальные объекты в физический мир, заставляя их вести себя как «твёрдые объекты» за счёт расширенного распознавания среды. Это позволяет клиентам «проходить» через реальный самолёт и нажатием клавиш менять проектируемый дизайн, а также осуществлять другие операции. См.: Cece B. 2016. *Airbus*. Virtual reality. Eyes wide open. *Airbus*. December 6. URL: <https://www.airbus.com/newsroom/news/en/2016/12/I-Spy-With-My-Little-Eye.html> (accessed 12.10.2020).

Крупнейшим и весьма результативным альянсом по разработкам в области аддитивных технологий стало сотрудничество *General Electric*, *Materialise*, *Boeing*, *Avio Aero* и *Arcam* в разработках и производстве турбинных лопаток на основе АТ для *LEAP*-двигателей. Яркие примеры слияний и поглощений продемонстрировали приобретение *Alcoa* компании *RTI* в 2015 г.³⁷, а также покупка *General Electric* в 2016 г. контрольных пакетов акций (по 75%) крупнейших производителей аддитивных систем немецкой *Concept Laser* и шведской *Arcam AB*.

Активно образуются ассоциации партнёрских компаний, университетов, исследовательских и других организаций, занимающихся аддитивными технологиями и технологиями дополненной реальности. Некоторые из них (как правило, с участием университетов, лабораторий и других исследовательских объединений) получают государственную поддержку и финансирование, т.е. их следует рассматривать как примеры развития государственно-частного партнёрства. В США одним из таких поддерживаемых правительством проектов стал образованный в штате Огайо Американский Национальный инновационный институт по аддитивным технологиям (*NAMII*) с участием 40 компаний, девяти университетов и ряда некоммерческих организаций³⁸. Основы для создания таких ассоциаций и альянсов в США были заложены давно: например, военно-промышленная компания *Lockheed Martin* более десяти лет назад начала сотрудничать с Национальной лабораторией в Окридже в разработке деталей для самолётов на основе АТ, а совместно с компанией *Sciaky* уже ряд лет изготавливает с помощью технологии ЕВМ элементы для лонжеронов самолётов *F-35*.

В странах Европейского союза аналогичный процесс создания альянсов и ассоциаций поддерживает Рамочная программа по научным исследованиям и инновациям «*Horizon 2020*», благодаря которой в последние годы реализуется серия проектов, направленных на развитие отдельных аддитивных технологий и рынков аддитивного производства³⁹, а также на развитие ДР-технологий. По одному из таких проектов программы *A4BLUE* – «Адаптивная автоматизация сборки изделий»⁴⁰ – при участии компаний *Airbus* и *SECA* реализовано несколько значимых исследований в аэрокосмическом секторе⁴¹.

³⁷ По информации *Alcoa*, благодаря покупке *RTI* и началу работы в сфере аддитивного производства в 2019 г. доходы *Alcoa*, как ожидается, увеличатся на 1,2 млрд долл., и на 25% вырастет рентабельность компании. См.: *Alcoa Completes Acquisition of RTI International Metals, Growing Multi-Material Aerospace Portfolio*. *News Alcoa*. URL: <https://news.alcoa.com/press-release/alcoa-completes-acquisition-rti-international-metals-growing-multi-material-aerospace> (accessed 12.10.2020).

³⁸ National Additive Manufacturing Innovation Institute, *NAMII*. Prototype today URL: <http://www.prototype.today.com/departement-of-energy/new-public-private-partnership-to-support-manufacturing-innovation> (accessed 12.10.2020).

³⁹ Подробнее см. на сайте Рамочной программы ЕС «*Horizon 2020*», раздел «Проекты и их результаты». URL: <https://cordis.europa.eu/projects/en> (accessed 12.10.2020).

⁴⁰ Adaptive Automation in Assembly for BLUE collar workers satisfaction in Evolvable context. 2017. Market Analysis Report- Initial version. *A4BLUE- GA № 723828*. September 28. URL: <https://a4blue.eu/wp-content/uploads/sites/15/2016/11/A4BLUE-D7.5-V2.0.pdf> (accessed 12.10.2020).

⁴¹ В частности, *Airbus* отрабатывался сценарий применения технологий ВР и ДР при сборке и ремонте гидравлической системы самолёта *A350*.

Анализ кейсов применения АТ и ДР в авиаотрасли подтверждает, что на нынешней стадии своего развития эти технологии позволяют решать многие значимые производственные и рыночные задачи.

Проведённый нами анализ приводит к выводу, что к настоящему времени этап становления этих технологий завершился и начался период их активного роста.

Во-первых, на это указывает ряд утвердившихся «доминирующих» технологических дизайнов. По виртуальной и дополненной реальности к таким «типовым дизайнам» можно отнести сочетание различных специальных гарнитур с камерами, мобильных устройств с соответствующим программным обеспечением, с подключением (либо без него) к геоинформационным сервисам. Эти системы применяются для сборки/производства, техобслуживания и ремонта, а также обучения управлению самолётами. В случае с АТ доминирующими дизайнами становятся детали/компоненты из металлических (титаново-алюминиевых) порошков либо из полимеров. На рынке закрепляются и типовые машины (станки) для производства этих деталей.

Во-вторых, об этом свидетельствует серийное производство на основе АТ и ДР многих компонентов для авиаотрасли. Тот факт, что ряд авиационных материалов на основе АТ, а также станки, которые их производят (включая 3D-принтеры), прошли сертификацию в *FAA* и *EASA*, также говорит о зрелости аддитивных технологий авиаотрасли. Речь идёт уже не об опытных образцах и демонстрационных проектах, а об апробированных технологиях для конкретных производственных процессов.

В-третьих, расширение объёмов рынков АТ и ВР/ДР и активное включение крупнейших авиапроизводителей в процессы разработок либо заказа продукции на основе АТ и ДР и в формирование соответствующих цепочек поставок деталей и компонентов также подтверждают переход к фазе зрелости технологий и быстрого роста рынка. Об этом же говорит и развитие государственно-частных партнёрств по разработкам и производству в сфере АТ и ДР, а также создание консорциумов и альянсов компаний по разработке и внедрению высокотехнологичной продукции. Это говорит о том, что технологии АТ и ДР широко востребованы рынком, так как позволяют снижать себестоимость продукции и повышать её качество.

Цепочки добавленной стоимости включают всё больше новых, специализирующихся на АТ и ДР игроков – крупных (*Arcam, Stratasys, Microsoft*) и средних (*NTi, Materialise, C360 Technologies*); в эти компании нарастают инвестиции. Это свидетельствует не только о неплохих перспективах развития рынков аддитивных технологий и дополненной реальности, но и о растущей конкуренции на нём, а именно конкуренция является главным фактором развития как самих технологий, так и связанных с ними рынков (Nelson 1994).

Проведённый нами анализ демонстрирует, что технологии аддитивного производства и дополненной реальности уже используются практически на

всех стадиях производственного и рыночного процесса в авиаотрасли. Дальнейшее их внедрение и оптимизация применения на каждой из этих стадий будет стимулировать рост сегментов рынков продукции АП и ДР/ВР в авиационной и, шире, аэрокосмической отрасли. Роль АП, ДР и других новых производственных технологий важна не только для сокращения трудоёмкости и времени производства, улучшения систем технического и послепродажного обслуживания авиационной продукции, но и для оптимизации менеджмента производственных и рыночных процессов за счёт более чётко заданных обратных связей при решении управленческих и технических проблем в режиме, близком к режиму реального времени.

Развитие АП по-прежнему будет сдерживать сложность сертификации продукции и средств производства, увеличивающая длительность циклов производства и поставок, а развитие ДР – трудоёмкость и высокая стоимость создания специальных контентов (техруководств и анимаций) для операций в ключевых областях применения. Тем не менее, активное использование компонентов на основе АТ и систем ВР/ДР в процессах сборки, ремонта и технического обслуживания самолётов даёт основания предположить, что рынки продукции АТ и ДР для авиаотрасли, как и сфера применения этих технологий, будут расширяться.

Оценивая перспективы этих рынков, нельзя не упомянуть о кризисе авиационной отрасли, вызванном пандемией COVID-19, которая с марта 2020 г. привела к сокращению объёмов авиаперевозок. Хотя на момент написания статьи крупнейшие компании не опубликовали своих прогнозов относительно того, как это сокращение повлияет на закупки авиакомпаний, существенное падение спроса сомнений не вызывает. Вопрос лишь в том, насколько оно может быть сильным и длительным. В краткосрочной перспективе следует ожидать снижения темпов производства авиакомпаний, более низкого (нежели прогнозировался) спроса на услуги по их ремонту и обслуживанию и некоторого сокращения инвестиционной базы развития новых производственных технологий в отрасли, включая АП и ДР.

В долгосрочной перспективе, однако, следует ожидать, что АП и ДР, как и другие новые технологии, будут способны и корректировать, и влиять на ситуацию на авиационном рынке, наряду с другими ключевыми рыночными факторами, такими, как колебания спроса или усиление/ослабление конкуренции. Нельзя недооценивать высокий потенциал НПТ, в т.ч. аддитивного производства и дополненной реальности, как средств повышения адаптивности авиационного строения, а также сферы эксплуатации авиатехники. Опыт 2010-х гг. показал, что «на выходе» из мирового кризиса 2008–2009 гг. внимание к прорывным и перспективным технологиям не упало, а напротив, значительно повысилось (Данилин 2018: 257). При этом в целях усиления конкурентоспособности национальных экономик и промышленных отраслей и «придания динамики» инновационному развитию многие страны, включая США и страны ЕС, выработали

масштабные программы поддержки исследований по НПТ. Скорее всего, аналогичная ситуация будет наблюдаться и с технологиями аддитивного производства и дополненной реальности «на выходе» из нынешнего кризисного отрезка в развитии авиационной отрасли. Компании и регуляторы будут поддерживать и укреплять АП и ДР как новые технологии, позволяющие при снижении издержек повысить эффективность производства, а также качество управления производственными и рыночными процессами.

Об авторе:

Марианна Георгиевна Евтодьева – кандидат политических наук, руководитель группы глобализации военно-экономических процессов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: mariannaevt@imemo.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: April 23, 2020

Accepted: June 03, 2020

Additive Manufacturing and Augmented Reality as New Production Technologies in the Aviation Industry

M.G. Yevtodyeva

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-307-330](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-307-330)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: The image of the global aviation industry is dramatically changing. This derives in the first instance from dynamic development of the military and civil aircraft market, where a significant growth in demand and an increase in airliner deliveries over the next 15 years by at least 80% was forecasted. Aircraft manufacturers' revenues in services business, including maintenance, repair and overhaul (MRO) are boosting, too. All this provide favorable conditions for the development of new production technologies in the aviation sector, including Additive Manufacturing (AM) and Augmented Reality (AR). Though the research and development in the field of AM and AR began in the 1980s, only in the last decade AM and AR technologies have reached the necessary level of maturity to be widely used in design, manufacturing and assembly processes in aeronautics, including civil and military aircraft. There are good prospects for their use in aircraft' maintenance, repair and overhaul as well. The transition from the initial period of formation of AM and AR technologies to the stage of technological growth and rapid development of relevant markets is evidenced by a number

of factors. First of all, they include establishment of "dominant" technological designs based on AM and AR (certified additive production methods, new materials based on AM and machines for their production, special Augmented Reality headsets, etc.), as well as beginning of serial production of many AM-components and AR-platforms for the aviation industry. The participation of major aircraft manufacturers such as Boeing and Airbus in AM and AR R&D projects, the formation of "new" supply chains, the development of public-private partnerships (e.g. NAMII in the U.S.), as well as the formation of consortia and alliances of companies that develop and produce systems and parts for aircraft based on additive technologies and augmented reality, are also indicators of the transition to a new stage of development of these technologies and markets.

Keywords: aviation industry, aviation market, technology development cycles, innovations, new production technologies, Industry 4.0., additive manufacturing, augmented reality, supply chains, Boeing, Airbus

About the author:

Marianna G. Yevtodyeva – Candidat of Political Science, Head of the Group of Globalization of the Military-Economic Processes in the Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Russian Federation, 117997, Moscow, Profsoyuznaya Str., 23.
E-mail: mariannaevt@imemo.ru

Conflict of interest: The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Azuma R.T. 1997. A Survey of Augmented Reality. *Presense: Virtual and Augmented Reality*. 6(4). P. 355–385.
- Cassiolato J.E., Bernardes R., Lastres H. 2002. *Transfer of Technology for Successful Integration into the Global Economy: A Case Study of Embraer in Brazil*. UNCTAD and UNDP, New York and Geneva. 64 p.
- Ceruti A., Marzoccab P., Liverania A., Bil C. 2019. Maintenance in aeronautics in an Industry 4.0 context: The role of Augmented Reality and Additive Manufacturing. *Journal of Computational Design and Engineering*. 6(4). P. 516–526.
- Malerba F. 2002. Sectoral Systems of Innovation and Production. *Research Policy*. 31(2). P. 247–264.
- Nelson R.R. 1994. The Co-Evolution of Technology, Industrial Structure, and Supporting Institutions. *Industrial and Corporate Change*. 3(1). P. 47–63.
- Saracyakupoglu T. 2019. The Qualification of the Additively Manufactured Parts in the Aviation Industry. *American Journal of Aerospace Engineering*. 6(1). P. 1–10.
- Sectoral Systems of Innovation and Production in Developing Countries: Actors, Structures and Evolution. 2009. Ed. by F. Malerba and S.Mani. Edward Elgar Publishing Limited. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA. 394 p.
- Singamneni S., Yifan L.V., Hewitt A., Chalk R., Thomas W., Jordison D. 2019. Additive Manufacturing for the Aircraft Industry: A Review. *Journal of Aeronautics & Aerospace Engineering*. 8(1). P. 1–13.
- Vertesy D. 2017. Preconditions, Windows of Opportunity and Innovation Strategies: Successive Leadership Changes in the Regional Jet Industry. *Research Policy*. 46(2). P. 388–403.

Additivnye tehnologii: nastojashhee i budushhee: materialy V mezhdunarodnoj konferencii [Additive Technologies: Present and Future: Proceedings of the V International Conference] 2019. Moscow: VIAM. 448 p. URL: <https://conf.viam.ru/sites/default/files/uploads/proceedings/1172.pdf> (In Russian).

Gorbunov A.P., Nechaev E.E., Terentsi G. 2012. Dopolnennaya real'nost' v aviatsii [Augmented Reality in Aviation]. *Prikladnaya informatika*. 40(4). P. 67–80 (In Russian).

Gumerova G.I., Shaimieva E.Sh. 2008. K voprosu o kontseptsii zhiznennogo tsikla tekhnologii [On the Issue of the Technology Life Cycle Concept]. *Innovations*. 118(8). P. 71–75 (In Russian).

Danilin I.V. 2018. Razvitie perspektivnykh tekhnologii: vyzovy dlya nauchno-tekhnologicheskoi i innovatsionnoi politiki [Advanced Technologies Development: Challenges for the Science, Technology and Innovation Policies]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 63(6). P. 255–270 (In Russian).

Isachenko V.A., Astakhov Yu.P., Saushkin B.P. 2016. Tekhnologii raketno-kosmicheskogo mashinostroeniya – problemy i perspektivy [Rocket and Space Engineering Technologies – Problems and Prospects]. *Tekhnologiya mashinostroeniya*. №1. P. 10–14 (In Russian).

Morgunov Yu.A., Saushkin B.P. 2016. Additivnye tekhnologii dlya aviakosmicheskoi tekhniki [Additive Technologies for Aerospace Engineering]. *Additivnye tekhnologii*. №1. P. 30–38 (In Russian).

Nikitin A.V. 2011. Ponyatie, vidy produktovykh innovatsii i metody otsenki effektivnosti ikh vnedreniya predpriyatiyami [Concept, Types of Product Innovations and Methods of the Assessment of Efficiency of Their Introduction by Enterprises]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy (Socio-economic phenomena and processes)*. 34(12). P. 217–221 (In Russian).

Novye proizvodstvennye tekhnologii: publichnyi analiticheskii doklad. 2015. [New Production Technologies: Public Analytical Report]. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo», RANEPa. 272 p. (In Russian).

Tarasov I.V. 2018. Industriya 4.0: ponyatie, kontseptsii, tendentsii razvitiya [Industry 4.0: Concept & Development]. *Business strategies*. 50(6). P. 57–63 (In Russian).

Sheve G., Khyuzig S., Gumerova G.I., Shaimieva E.Sh. 2019. Ot Industrii 3.0 k Industrii 4.0: osnovnye ponyatiya, izmereniya i komponenty Industrii 4.0 [From Industry 3.0 to Industry 4.0: Key Concepts, Dimensions, and Components of Industry 4.0]. *Investitsii v Rossii*. 296(9). P. 32–40 (In Russian).

Yevtodyeva M.G. 2018. Sravnitel'nyi analiz otraslevykh innovatsionnykh sistem: Rossiya i Braziliya na rynke regional'nykh samoletov [Comparative Analysis of Sectoral Innovation Systems: Russia and Brazil on the Regional Jet Market]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 60(3). P. 179–197 (In Russian).

Additive Manufacturing. Applications in Aerospace. 2018. *Insight (Journal of the Aerospace Technology Institute)*. №8. P. 1–16. URL: <https://www.ati.org.uk/media/sogpibd0/insight08-additive-manufacturing.pdf>.

Список литературы на русском языке:

Аддитивные технологии: настоящее и будущее: материалы V международной конференции. 2019. ФГУП «ВИАМ». Москва: ВИАМ. 448 с. URL: <https://conf.viam.ru/sites/default/files/uploads/proceedings/1172.pdf>.

Горбунов А.П., Нечаев Е.Е., Теренци Г. 2012. Дополненная реальность в авиации. *Прикладная информатика*. 4(40). С. 67–80.

Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. 2008. К вопросу о концепции жизненного цикла технологий. *Инновации*. 8(118). С. 71–75.

Данилин И.В. 2018. Развитие перспективных технологий: вызовы для научно-технологической и инновационной политики. *Вестник МГИМО-Университета*. 6(63). С. 255–270.

Евтодьева М.Г. 2018. Сравнительный анализ отраслевых инновационных систем: Россия и Бразилия на рынке региональных самолетов. *Вестник МГИМО-Университета*. 3(60). С. 179–197.

Исаченко В.А., Астахов Ю.П., Саушкин Б.П. 2016. Технологии ракетно-космического машиностроения – проблемы и перспективы. *Технология машиностроения*. № 1. С. 10–14.

Моргунов Ю.А., Саушкин Б.П. 2016. Аддитивные технологии для авиакосмической техники. *Аддитивные технологии*. №1. С. 30–38.

Никитин А.В. 2011. Понятие, виды продуктовых инноваций и методы оценки эффективности их внедрения предприятиями. *Социально-экономические явления и процессы*. 12(34). С. 217–221.

Новые производственные технологии: публичный аналитический доклад. 2015. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 272 с.

Тарасов И.В. 2018. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития. *Стратегии бизнеса*. 6(50). С. 57–63.

Шеве Г., Хюзиг С., Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. 2019. От Индустрии 3.0 к Индустрии 4.0: основные понятия, измерения и компоненты Индустрии 4.0. *Инвестиции в России*. 9(296). С. 32–40.



Цифровой вектор глобальной образовательной политики

Е.А. Антюхова, П.И. Касаткин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Обеспечение доступности образования на основе развития онлайн-обучения как одна из задач глобальной образовательной политики приобретает сегодня ключевое значение. Эта задача осложняется разным уровнем экономического развития стран и цифровыми разрывами, проблемами модернизации национальных систем образования в условиях распространения инфокоммуникационных технологий. Развитие образования тесно связано с технологическими достижениями (искусственным интеллектом, дополненной и виртуальной реальностью, робототехникой), однако такие изменения недостаточно активно проявляются в образовании в силу его консервативности, а также связаны с уровнем развития стран и доступом к новым технологиям для граждан. Анализ инвестиционной активности в образовательной сфере показывает, что инвесторы с осторожностью подходят к финансированию развития образования и, в частности, онлайн-образования, однако тенденции последних пяти лет показывают увеличение общего объёма инвестиций в четыре раза. Сделаны выводы, что: 1) несмотря на появление как универсальных, так и специализированных образовательных онлайн-платформ, они не могут создать индивидуальную траекторию получения знаний и освоения компетенций, как это можно всё ещё осуществить на базе классического университетского образования; 2) онлайн-платформы позволяют сделать выбор среди множества предлагаемых образовательных программ и курсов, однако этот выбор не всегда объективен, он может состояться под давлением работодателей или родственников, авторитетного мнения для будущего обучающегося, завышенными или наоборот заниженными ожиданиями результатов обучения, что создаёт необходимость разработки системы принятия решений задач обновления как электронного обучения, так и всей образовательной системы.

Ключевые слова: глобальная образовательная политика, справедливость, электронное обучение, образовательная онлайн-платформа, EdTech, образовательные технологии, доступность образования, цифровые технологии

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 15.02.2020 г.

Принята к публикации: 02.05.2020 г.

Насколько выбор в пользу *EdTech*¹ в рамках глобальной образовательной политики обеспечивает справедливость и равенство доступа к образовательным услугам? Этот выбор произошёл практически вынужденно из-за пандемии (Vlachopoulos 2020), но был подготовлен 25-летним периодом развития технологий электронного обучения (Weller 2020).

М. Веллер, систематизируя достижения электронного обучения начиная с 1994 г., сформировал перечень технологий предоставляющих возможности онлайн-контакта студента с преподавателем (электронная доска объявлений, *Web 1.0*, компьютерная коммуникация, *Wiki*, электронное обучение, объекты обучения, стандарты электронного обучения, система управления обучением, блоги, открытые образовательные ресурсы, видео, *Web 2.0*, технологии виртуальной реальности, электронные портфолио, Twitter и социальные сети, сеть, персональная учебная среда, массовые открытые онлайн-курсы, открытые учебники, цифровые бейджи, искусственный интеллект, блокчейн, антиутопии образовательных технологий) (Weller 2020). Полезность этой динамики технологий важна, для того чтобы охватить всю систему базовых технологий единовременно. Образовательные технологии совершенствуются постоянно растущими темпами, и экосистема *EdTech* – это сложный, в значительной степени концентрированный рынок, который сейчас составляя не более 5% общего рынка образования, как ожидается, к концу 2025 г. вырастет более чем в 2,5 раза по сравнению с 2019 г. и составит 404 млрд долл.² В экосистему *EdTech* входят сами поставщики образовательных технологий; их клиенты (школы и университеты, школьники и студенты); инвесторы; правительства, аналитические центры; разработчики программного обеспечения; исследователи в области развития образования (Cherner, Mitchell 2020).

В разных странах использовались различные технологии *EdTech*, как частично устаревшие, так и наиболее современные. Так, ЮНЕСКО как один из основных акторов глобальной образовательной политики, сформировал глобальную образовательную коалицию³. Эта коалиция представляет собой международное партнёрство, призванное помочь странам в мобилизации ресурсов и реализации новых решений для дистанционного обучения с использованием высокотехнологичных, низкотехнологичных и нетехнологичных подходов. Партнёрами ЮНЕСКО в этом вопросе являются Google, Microsoft, Facebook и Zoom.

Влиятельные международные организации, такие как ОЭСР и Всемирный банк, также присоединились к распространению онлайн-образования. Всемирный банк взаимодействует с национальными министерствами образования, от-

¹ EdTech (Educational technology) – использование новых технологий в образовании, в частности, развитие онлайн-образования.

² Global EdTech Market to reach \$404B by 2025 - 16.3% CAGR [Электронный ресурс]. URL: <https://www.holoniq.com/notes/global-education-technology-market-to-reach-404b-by-2025/> (accessed 23.10.2020).

³ Global Education Coalition. 2020. March 26. UNESCO. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/globalcoalition> (accessed 23.10.2020).

мечая, что дискуссия по *EdTech* сменилась с вопроса «если» на вопрос «как»⁴. Всемирный банк видит своей задачей улучшение обучения и содействие сокращению бедности во всём мире в рамках своей более широкой работы, связанной с образованием. Он работает в партнёрстве с правительствами и организациями по всему миру по обмену знаниями об эффективном и надлежащем использовании информационно-коммуникационных технологий в системах образования.

ОЭСР выбрала другую стратегию, понимая пандемию как угрозу развития человеческого капитала, с одной стороны, и, с другой, как возможность для экспериментов и поиска новых моделей обучения и новых способов использования времени очного обучения⁵. К позиции ОЭСР присоединились и исследователи, например, Дж. Циммерман⁶, считающие, что кризис в условиях глобального эксперимента дал возможность продемонстрировать важность электронного обучения.

В итоге *EdTech* стал глобальной нормой (Williamson, Eynon, Potter 2020), благодаря которой новые образовательные технологии способны изменять и совершенствовать классическое образование (Wright, Peters 2017). *EdTech* чаще всего ассоциируют с онлайн-образованием. Но на самом деле это понятие гораздо шире: оно объединяет все способы использования технологий в образовательном процессе – от интерактивных школьных досок до симуляторов виртуальной реальности. Но до настоящего времени вопрос полезности и эффективности *EdTech* остаётся весьма дискуссионным. В Китае *EdTech* является заменой традиционного обучения (Fairlie, Prashant 2020). Аналогичное исследование для российских условий показало, что *EdTech* может заменить традиционное обучение в ограниченной степени, и это позволило авторам сделать вывод об осторожности в его использовании в качестве полномасштабной замены традиционного обучения (Bettinger, Fairlie et al. 2020). Также исследование продемонстрировало, что на базовом уровне загруженности студентов результативность обучения повышается от более активного изучения материала с помощью *EdTech*, но при более высокой загрузке теряется положительный эффект.

Фактически оказывается, что ведущие акторы глобальной образовательной политики сделали ставку на неолиберализм и развитие частного глобального рынка образовательных услуг, не убедившись под давлением обстоятельств в эффективности принимаемых мер. И такая политика позволяет поставщикам

⁴ World Bank EdTech team. Digital Technologies in Education. *The World Bank*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/edutech> (accessed 23.10.2020).

⁵ Education Responses to Covid-19: Embracing Digital Learning and Online Collaboration. 2020. March 23. *OECD*. [Электронный ресурс]. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=120_120544-8ksud7oaj2&Title=Education%20responses%20to%20covid-19:%20%20Embracing%20digital%20learning%20and%20online%20collaboration (accessed 23.10.2020).

⁶ Zimmerman J. 2020. Coronavirus and the Great Online-Learning Experiment. *The Chronicle of Higher Education*. March 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chronicle.com/article/Coronavirusthe-Great/248216> (accessed 23.10.2020).

частных образовательных услуг расширять своё присутствие на ранее недоступных территориях.

По мнению экспертов исследования *EdMarket.Digital*⁷, посвящённого анализу российского рынка образовательных технологий, есть три сценария развития в России: 1) кластеризация и стратификация российского *EdTech* с формированием корпуса лидеров – нескольких крупных профильных компаний (как уже существующих, так и, возможно, новых); 2) консолидация российского *EdTech*, при которой ведущими лидерами рынка становятся промышленные, финансовые, технологические и интернет-корпорации (Сбербанк, МТС, «Яндекс», Mail.ru Group); 3) сохранение текущего положения вещей, то есть высокой фрагментированности рынка, острой конкуренции и постепенного снижения прибыльности в высококонкурентных сегментах рынка *EdTech*. Будут ли национальные компании лидировать на российском сегменте цифрового образования, покажет время, но в сейчас доля мировых игроков на российском рынке существенна.

Академический капитализм, по мнению М. Бальтодано, достаточно прочно удерживает позиции последние десять лет в вопросах развития высшего образования. Поэтому существенен вопрос о том, каковы последствия этого нового образовательного фундамента, усиленного электронным обучением, для целей образования и профессионального и личностного развития граждан? (Baltodano 2012).

Развитие коммерциализации образования, с одной стороны, создаёт возможности для бизнеса и роста инвестиционной привлекательности *EdTech* решений, а, с другой, – создаёт опасность формирования необоснованной (завышенной) цены за услугу, полученную потребителем в рамках онлайн-обучения. Несомненно, что этот вопрос не может быть решён самими технологиями, а находится в плоскости политических (государственных и надгосударственных) задач.

Во всём мире правительства, филантропы, заинтересованные в совершенствовании доступности образования, стремятся обеспечить доступ к технологиям, реализуя, в том числе, политику «национального посредничества» (Thomas, Nevada 2018) в надежде на то, что преодоление так называемого «цифрового разрыва» улучшит неблагоприятное положение и повысит уровень доступности образования во всех странах мира.

И всё же очевидно, что распространение цифровых технологий сегодня связано (возможно непреднамеренно) с усилением существующего социально-экономического неравенства (Macgilchrist 2018). Так, рассматривая виды цифрового образования, Дж. Санчо-Гил, П. Ривера-Варгас и Р. Миньо-Пьюсейкос ставят вопрос о том, что нужно подумать о том, как бороться с цифровым неравенством в *EdTech* (Sancho-Gil, Rivera-Vargas, Miño-Puigcercós 2020).

⁷ Исследование российского рынка онлайн-образования [Электронный ресурс]. URL: <http://research.edmarket.ru/> (дата обращения 23.10.2020).

Сами технологии не могут ликвидировать социальное неравенство и возникающие социальные риски. Наиболее существенным является риск противоречий между существенным расширением круга потребителей образовательных услуг, с одной стороны, а с другой, – недостаточной развитостью цифровых услуг, что порождает потерю качества передачи информации (Чмыхова 2020). Образовательные технологии, по мнению Е.В. Чмыховой, в той или иной степени интегрированы в международное образовательное пространство, связанное с образовательными информационными ресурсами других стран и корпоративными образовательными структурами, и несут риски, аналогичные для всех его участников.

Действительно, сейчас происходит так называемая всеобщая или тотальная цифровизация общества, когда данные и информация (как обработанные данные) становятся связующим звеном взаимодействий между людьми, между человеком и современными устройствами и машинами (включая роботов), между человеком и специально проектируемыми средами, такими как «умный дом» или «умный город». Всё это создаёт основу для пересмотра представления о человеке как о человеке мыслящем и человеке обучающемся, поскольку распространение и дальнейшее развитие технологий искусственного интеллекта, дополненной и виртуальной реальности, возможно, изменит представления о пределах человеческих возможностей и его умственного развития и способности к обучению.

При этом также следует отметить, что *EdTech* ведёт к возникновению этических проблем и подвергается конструктивной критике в силу давления на национальные системы образования (Regan, Jesse 2019). Государства неохотно принимают меры, которые могут помешать активному распространению новых технологических приложений, приносящих пользу для обучения студентов (Regan, Jesse 2019). Весь диапазон проблем, объединяемых словом «конфиденциальность», также становится препятствием на пути развития цифрового обучения.

Цель статьи заключается в исследовании современных аспектов обеспечения доступности образовательных услуг на основе развития *EdTech* как связующей образовательной технологии в силу наличия цифровых разрывов в странах с разным уровнем экономического развития, а также в связи с необходимостью модернизации национальных систем образования в условиях распространения инфокоммуникационных технологий.

EdTech рассматривается как исследовательская область, включающая совокупность цифровых возможностей в специально созданной среде для передачи знаний и навыков. Образовательные технологии, электронное обучение, онлайн-обучение, дистанционное обучение, *smart*-образование, искусственный интеллект в образовании и т.д. – все указанные словосочетания в зависимости от контекста описывают одно и то же явление. *EdTech* представляет собой сложное явление, которое не может рассматриваться в плоскости одного научного направления.

EdTech включает в себя образовательные, технологические, социальные, специальные знания конкретных областей применения, объединённых экономическими, так и политическими аспектами. В данной статье политические аспекты выбраны авторами как приоритетные.

Технологии рассматриваются не как нейтральное явление, которое приносит пользу, когда люди имеют к ним доступ, – это сложный социально-культурный артефакт. Поэтому современные технологии в образовании и проблемы их использования являются не столько педагогической проблемой или проблемой педагогического сообщества, сколько политической и социальной. Наиболее важно исследовать не столько технологии (хотя понимание их особенностей важно), сколько политические аспекты, поддерживающие и регламентирующие их применение. Следует выделить три различные модели образовательной политики: 1) государственно-патерналистская модель, которая обеспечивается ведущей ролью государства; 2) либеральная модель, основанная на доминировании рыночных отношений, и образование при этом рассматривается как вид бизнеса; 3) социально-корпоративная модель, которая разрабатывается и реализуется при приоритетной роли образовательных организаций и всего академического сообщества как модель предпринимательского университета.

Для понимания происходящих процессов в развитии образования мы используем культурологический подход, в рамках которого особое место выделяем созданию ценностей и новых норм в обществе.

Приёмы сопоставительно-институционального анализа нам необходимы для изучения связи между основными акторами образовательной политики, включая глобальную, в рамках взаимодействия образовательных организаций с новыми технологиями.

***EdTech* как модель глобальной доступности образовательных услуг**

Каждый человек сегодня должен обладать цифровыми навыками для полноценного участия в жизни общества. Если обратиться к архитектуре современных *EdTech*-проектов, то следует выделить четыре категории: обучающие сервисы и платформы различных типов; компании, занимающиеся доставкой контента и управлением образовательной средой (*learning environment*); создатели инструментов, применяемых в обучении (VR-систем, технологий прокторинга и пр.); разработчики инновационных методик и образовательных технологий в педагогике и андрагогике. Лидеры *EdTech* сегодня это именно образовательные компании, а не интернет-корпорации широкого профиля. Впрочем, цифровые лидеры продолжают укреплять позиции в онлайн-образовании, инвестируя в образовательные стартапы. Среди точек роста мирового *EdTech* – мобильное обучение, микрообучение, корпоративное образование.

Российские исследователи ситуации в *EdTech* также больше ориентированы на поиск эффективной бизнес модели и в большинстве своём не задумываются

о качестве образования и его результативности. Так, в сегменте дополнительного обучения для взрослых подтверждением этого вывода служит рекомендация *EdTech*-компаниям о «нахождении масштабируемой бизнес-модели и достижении успеха в виде лидерства на рынке» и ориентации на глобальный рынок (Чавкин 2020).

Рынок *EdTech* носит глобальный характер. При рассмотрении национальных интересов стран и экономических достижений компаний на этих рынках следует обращать внимание на следующие факты: а) любое, в том числе бесплатное предоставление услуг в сфере образования, обогащает эти международные компании; б) использование разнообразных источников финансирования; в) формирование общественной лояльности, чтобы в последующем потребитель предпочитал использование именно этих компаний.

Реализуя цифровой выбор, несомненно, следует придерживаться логики целостного дизайна обучения как части учебного процесса (McDonald 2020). Дизайн в использовании технологий образования, например, как в квинтет-модели *EdTech*, предложенной в работах Р. Пиентедуро⁸ и отражающей многозадачность онлайн-образования (рис. 1), помогает людям учиться или, другими словами, раскрывать некоторые аспекты их человеческого потенциала.

Сопутствующие решения в квинтет-модели <i>EdTech</i>	
Социализация	Коммуникации, коллаборация, совместное использование
Мобильность	Обучение «в любом месте и в любое время»
Визуализация	Сделать абстрактное понятие осязаемым
Повествование	Интеграция и передача знаний
Игра	Обратная связь и оценивание

Рис. 1. Квинтет-модель *EdTech*

Fig. 1. The *EdTech* Quintet

Источник: SAMR and the EdTech Quintet: Setting the Stage [Электронный ресурс]. URL: http://hippasus.com/rrpweblog/archives/2017/07/SAMREdTechQuintet_SettingTheStage.pdf (accessed 23.10.2020).

EdTech – это не просто онлайн-обучение на базе инфокоммуникационных платформ, но и многие другие современные технологии: планшеты и смартфоны, геймификация, дополненная и виртуальная реальность, искусственный интеллект становятся частью образовательного процесса. *EdTech* стали новой моделью в образовании, которая активно поддерживает концепцию становления личности поколения Z^9 и следом за ним ожидаемого поколения α с «цифровым ДНК», для которых интернет станет не просто технологией, а средой жизни, формирующей личность.

⁸ SAMR and the EdTech Quintet: Setting the Stage. [Электронный ресурс]. URL: http://hippasus.com/rrpweblog/archives/2017/07/SAMREdTechQuintet_SettingTheStage.pdf (accessed 23.10.2020).

⁹ Кондаков А. Цифровое образование: матрица возможностей [Электронный ресурс]. URL: <http://ito2018.bytic.ru/uploads/materials/2.pdf> (дата обращения 23.10.2020).

EdTech организационно – это стартапы, инвестиционные проекты, которые, несмотря на риски конкурентного рынка образовательных услуг, становятся привлекательными объектами для финансовых вложений и сделок по покупке бизнеса в сфере онлайн-образования¹⁰. Если обратиться к анализу глобальных статистических данных, опубликованных в отчёте *Global Startup Ecosystem Report* в 2019 г.¹¹, то:

- доля стартапов в онлайн-образовании составила 2,8% от общего числа функционирующих инновационных компаний в разных отраслях промышленности и услуг;
- ежегодно на протяжении последних 10 лет количество *EdTech*-стартапов увеличивается в среднем на 7,4% в год;
- усреднённое значение стоимости продажи бизнеса в формате *EdTech* составляет около 320 тыс. долл.

Объективно интерес к *EdTech* стартапам и онлайн-образованию в целом обусловлен следующими аспектами.

Прежде всего, в силу глобального прогноза роста народонаселения, ожидается, что и численность обучаемых тоже возрастет (не менее чем на 0,5 млрд чел. к 2025 г., из которых 350 млн выпускников школ и 150 млн выпускников университетов), причём данный рост будет более характерен для развивающихся стран, которые ограничены в бюджетном финансировании развития образования и перспективах инвестирования в собственные разработки – для них более ожидаемо использование эффективных, быстрых технологий обучения с гарантированным качеством обучения. Расходы на образование являются неотъемлемой частью развития интеллектуального потенциала общества и конкретной страны. Так, школьное и высшее образование, профессиональная переподготовка являются статьёй затрат со стороны правительств, корпораций и фирм, родителей, граждан – и очевидно, со временем они будут только увеличиваться, даже несмотря на технологический прогресс в данной сфере. Если общий объём мирового валового внутреннего продукта (ВВП) оценивается в 90 трлн долл., то расходы на образование составляют около 6 трлн долл. (6,7% мирового ВВП), расходы на здравоохранение 10 трлн долл. (11,1% мирового ВВП), а рост доходов в сфере образования может составить до 150 млрд долл. (0,2% общемировых доходов)¹². Учитывая, что для процессов государственного управления и решения социальных задач характерна ограниченность финансовых ресурсов, существует объективная необходимость разработки и/или поддержки проектов государственно-частного партнёрства, обеспечивающих будущий экономический рост, развитие инноваций и доступ к образованию для граждан.

¹⁰ Bainbridge D. *EdTech is the next fintech*. [Электронный ресурс]. URL: <https://techcrunch.com/2016/08/13/edtech-is-the-next-fintech/> (accessed 23.10.2020).

¹¹ *Global Startup Ecosystem Report (GSER)*, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://startupgenome.com/reports/global-startup-ecosystem-report-2019> (accessed 23.10.2020).

¹² 10 charts that explain the Global Education Technology Market. *Holon IQ*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.holoniq.com/edtech/10-charts-that-explain-the-global-education-technology-market/> (accessed 23.10.2020).

В этой связи нельзя не отметить, что инвесторы с осторожностью подходят к финансированию развития образования и, в частности, онлайн-образования, однако тенденции последних пяти лет показывают увеличение общего объёма инвестиций в четыре раза (рис. 2) (наиболее активная динамика отмечается в развитых странах).

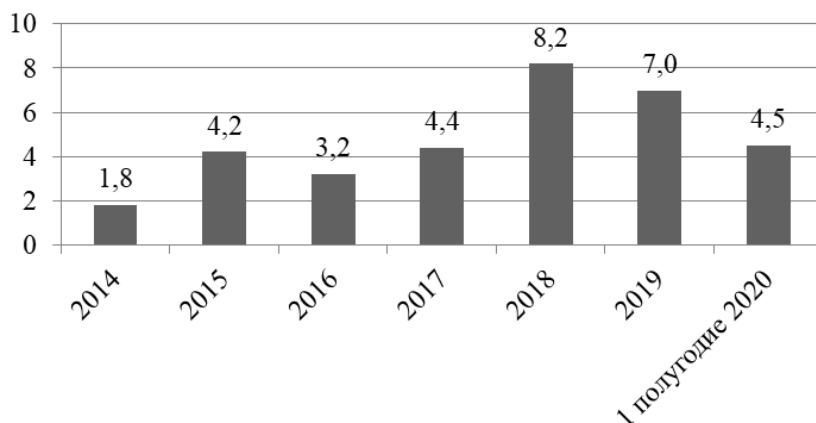


Рис. 2. Мировые инвестиции в сфере образования, млрд долл.

Fig. 2. Global investment in education, billion dollars.

Источник: \$4.5B Global EdTech Venture Capital for 1H 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.holoniq.com/notes/4.5b-global-edtech-venture-capital-for-q1-2020/> (accessed 23.10.2020).

В структуре венчурного инвестирования в сфере образования начинает доминировать Китай (более 50% всех мировых инвестиций в 2018 г.), обладающий крупнейшим в мире рынком образовательных услуг и крайне заинтересованный в его развитии и обеспечении доступного образования для огромного количества граждан. США обеспечивают около 20% всех мировых инвестиций, далее Индия (10%) и Европейский союз (8%)¹³ (рис. 3). Объём инвестиций в российские образовательные стартапы растёт, но составляет менее 1% в мировой структуре – ожидается, что к 2021 г. рынок увеличится до 2 трлн руб., а доля онлайн-образования – до 2,6%¹⁴. Действительно, Россия не входит в список мировых лидеров, однако российские проекты являются главным драйвером роста *EdTech*-рынка Восточной Европы – ежегодно объём российских инвестиций возрастает на 17-25%, тогда как американский рынок уже пережил пиковое состояние и растёт на 4% ежегодно. В соответствии с рейтингом

¹³ EdTech Startup Activity – Global Ecosystems Report. *Holon IQ*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.holoniq.com/global-edtech-activity/> (accessed 23.10.2020).

¹⁴ Кречетова А. Будущее онлайн-образования в России: рост и осторожные инвестиции. *Forbes*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/342961-budushchee-onlayn-obrazovaniya-v-rossii-rost-i-ostorozhnye-investicii> (дата обращения 23.10.2020).

РБК¹⁵, 32% сделок, совершенных в 2018 г. на российском рынке *EdTech*, приходятся на топ-35 крупнейших компаний, в число которых входят *SkyEng* (платформа для изучения английского языка), «Нетология» (обучение *digital*-профессиям), *iSpring* (разработка программного обеспечения для корпоративного обучения), *MAXIMUM Education* (онлайн-образование в сфере дополнительного образования школьников), «Умней» (портал дистанционного обучения в России и за рубежом) и др. Самыми востребованными у инвесторов *EdTech*-решениями являются образовательные программы и курсы в рамках онлайн-обучения, начинает развиваться сегмент проверки знаний и компетенций и модернизируются курсы по изучению иностранных языков, наибольший спрос на которые предъявляют представители азиатских стран

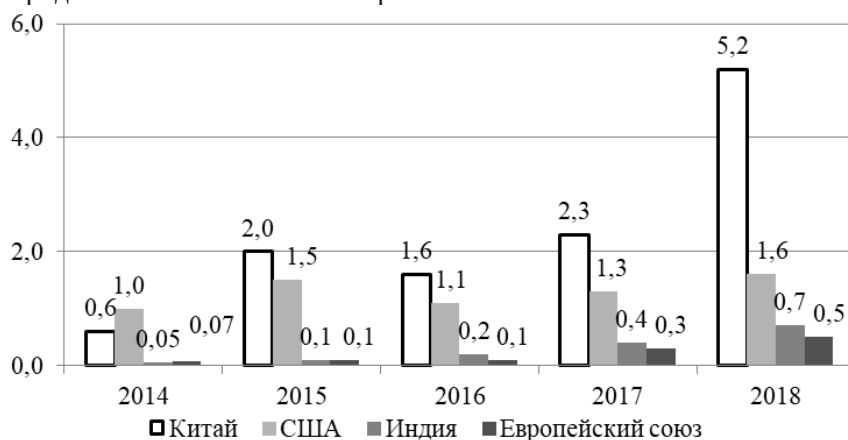


Рис. 3. Венчурные инвестиции в образование, млрд долл.

Fig. 3. Venture capital investments in education, billion dollars.

Источник: составлено автором на основе данных: HolonIQ. 10 charts that explain the Global Education Technology Market [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.holoniq.com/edtech/10-charts-that-explain-the-global-education-technology-market/> (accessed 23.10.2020).

В целом сфера образования не является достаточно инновационной, несмотря на большое число преобразований с учётом распространения инфо-коммуникационных технологий (особую роль в которых сыграло обеспечение сначала свободного и затем мобильного доступа в интернет) – это подтверждается тем, что в среднем не более 3% затрат в сфере образования направляется на технологическое развитие данной сферы. Так, расходы на технологическое развитие образования в 2018 г. составили около 152 млрд долл., ожидается, что к 2025 г. они возрастут более чем в два раза, при этом именно на цифровые технологии приходится не более 2,6% общего объёма затрат в 2018 г. и прогнозируется рост до

¹⁵ 35 крупнейших EdTech-компаний России: рейтинг РБК. РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5d68e8fb9a7947360f1e2e52> (дата обращения 23.10.2020).

4,4% затрат в 2025 г.¹⁶. Тем не менее, эксперты *HolonIQ* отмечают, что существует весомый потенциал внедрения новых прогрессивных технологий в образовательные процессы – это искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность, робототехника¹⁷. Скорее всего, это слишком революционно для такой консервативной сферы как образование, а также достаточно затратно, поэтому основными пользователями таких технологий станет корпоративный сектор (корпоративные университеты).

Глобальная поддержка и цифровая открытость как базовые факторы успешности и полезности электронного обучения

EdTech-рынки долгое время были в центре внимания мировой индустрии образовательных технологий, но пандемия, очевидно, предоставила замечательные возможности для бизнеса. Глобальный эксперимент в условиях пандемии дал и продолжает давать возможность получения очень больших объёмов, так как учащиеся и студенты вынуждены в беспрецедентных масштабах обучаться в онлайн-среде и активно использовать цифровые навыки в обучении.

В своём исследовании мы не можем не обратиться к анализу онлайн-образования как целой отрасли, поскольку практика показывает, что активное проникновение цифровых и сопутствующих технологий может значительно или практически полностью изменить сформировавшуюся к началу XXI в. систему образования – причём это касается как национальных систем (учитывая возможности развитых стран и потребности развивающихся стран в поддержке качественного образования для своих граждан как основы социально-экономического развития государства), так и способствовать переформатированию глобальных образовательных процессов. Такому тезису есть вполне объективное подтверждение примеров, как технологии изменили целые отрасли – развитие розничной торговли на основе технологий электронной коммерции, модернизация банковских операций на основе финтех, переформатирование телевидения в связи с развитием интернета и социальных сетей.

Справедливости ради, стоит отметить, что технологические прорывы в образовании в целом оказались несколько завышенными, и действительно революционных изменений не произошло. Так, мировые гиганты *IT*-индустрии (*Goggle*, *Microsoft*, *Intel*, *Microsoft*, *Rambler*, *Yahoo* и др.) достаточно активно начали внедряться на формирующийся рынок онлайн-образования на основе разработки глобальных программ компьютерной грамотности для разных категорий обучающихся, преподавателей и управленческого персонала вузов и школ,

¹⁶ *Global Education Technology Market to Reach \$341B by 2025* [Электронный ресурс]. URL: <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/global-education-technology-market-to-reach-341b-by-2025-1027892295> (accessed 23.10.2020).

¹⁷ *HolonIQ's 2019 Robotics & Global Education Report. Robotics in Education Report includes Market Maps and Segments, Growth and Key Players. Holon IQ.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.holoniq.com/notes/2019-robotics-report/> (accessed 23.10.2020).

а также продвижения своих операционных систем и компьютерных программ. Это дало зарождение инновационного подхода в образовании (в 2008 г.) – разработке многопользовательских онлайн-курсов *Massive Open Online Courses* (МООС), которые предполагают массовое интерактивное участие обучающихся и применение технологий электронного обучения через интернет (так называемое дистанционное образование). Из этих курсов практически выросли такие сегодняшние лидеры рынка онлайн-образования как *Coursera*, *Udacity*, *Udemy*, *Fiverr Learn*, *edX*.

Одним из самых сильных преимуществ онлайн-образования исследователи часто называют интерактивность (Piña, Huett 2016), т.е. возможность оперативного взаимодействия обучающихся и преподавателей, что является основой для обеспечения высокого уровня удовлетворённости обучением¹⁸. Если обратиться к опыту конкурирующих образовательных платформ в сфере университетского образования – *Coursera* (изначально разработчики из Стенфордского университета, проект поддерживает *Google*), *Udacity* (стартап Стенфорда, который поддерживают американские корпорации *IBM Watson*, *Mercedes Benz*, *Amazon*, *BMW*, *McLaren*, *Google*, *AT&T*) и *edX* (Гарвард и Массачусетский технологический институт при поддержке *Microsoft* и *GE*), то фактически они ориентированы на продвижение образовательных программ, которые эквиваленты университетским курсам, включая достаточно строгие правила по формализации методов оценки обучения (Scheg 2015; Orleans 2014). Здесь мы можем констатировать сохранение консервативности именно в подходах реализации образовательного процесса. Тем не менее, онлайн-образование рождает инновационные практики (Balula 2014): корректировка критериев оценки, смещение акцента с предоставления образовательного контента на возможности интерактивного обсуждения с преподавателями и обучающимися, экспертами, а также отработка вариативности мышления и взаимодействий на основе выполнения групповых заданий.

Исследователи и специалисты в области будущего для глобального образования (Hoxby, Stange 2019; Picciano 2017), отмечают, что именно технологической революции в образовании¹⁹ по-прежнему не произошло, хотя с началом распространения онлайн-платформ с платными и бесплатными образовательными курсами появились мнения об их предстоящем экспоненциальном росте. Это вызвано тем, что образование по своей сути традиционно, технологии отработаны, поэтому уже устоявшаяся образовательная система не спешит осваивать новое, а новые образовательные системы не настолько лидируют в

¹⁸ Knox J., Bayne S., MacLeod H., Ross J., Sinclair C. *MOOC pedagogy: the challenges of developing for Coursera* [Электронный ресурс]. URL: <https://altc.alt.ac.uk/blog/2012/08/mooc-pedagogy-the-challenges-of-developing-for-coursera/> (accessed 23.10.2020).

¹⁹ Лукша П., Кубиста Дж., Ласло А., Попович М., Ниненко И. и др. 2018. *Образование для сложного общества. «Образовательные экосистемы для общественной трансформации»: доклад Global Education Futures*. [Электронный ресурс]. URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshhestva.pdf> (дата обращения 23.10.2020).

конкурентной борьбе за обучающихся, чтобы трансформировать всю отрасль образования, а также саму парадигму образовательного процесса, включая влияние на национальные системы образования и их модернизацию.

Недостаточное влияние технологических достижений как на развитие образовательных процессов, так и в целом на доминирование конкретной парадигмы в образовательной политике раскрывается, по нашему мнению, в следующих аспектах.

Прежде всего, следует отметить отсутствие мягкого, эволюционного перехода от классического обучения к электронному обучению на основе использования интернет-технологий, что способствовало большему доминированию именно удалённого доступа к базам данным, библиотекам и минимизации взаимодействия преподавателей и обучающихся. При этом, несмотря на появление как универсальных образовательных онлайн-платформ, предлагающих разнонаправленные образовательные курсы и программы, так и специализированных образовательных онлайн-платформ, предлагающих получить знания и умения в конкретной области, тем не менее, эти образовательные онлайн-платформы не могут создать индивидуальную траекторию получения знаний и освоения компетенций, как это можно все ещё осуществить на базе классического университетского образования (Kasatkin, Kovalchuk, Stepnov 2019).

Внедрение технологических новшеств в сферу образования нельзя воспринимать исключительно как программное обеспечение и соответствующее оборудование (*high-tech*), т.к. в эпоху быстроменяющихся цифровых технологий и вообще среды жизнедеятельности от человека не просто требуется принять технологию, но и перестроить свою картину мира, т.е. развивать *high-hume* – технологии, направленные на саморазвитие и самоактуализацию человека с учётом сложности и многомерности его жизненного мира²⁰. Хороший пример этому – умение пользоваться поисковыми системами – это не просто поиск информации, а способность выделять главное. Это касается и выбора среди множества предлагаемых образовательных программ и курсов на онлайн-платформах. Он может произойти под давлением работодателей или родственников, авторитетного мнения для обучающегося, завышенными или наоборот заниженными ожиданиями результатов обучения, что создаёт необходимость разработки системы принятия решений задач обновления как электронного обучения, так и всей образовательной системы.

«Революционный потенциал новых образовательных технологий низок не из-за того, что новые решения плохи сами по себе, а в силу окружающих обсто-

²⁰ Галажинский Э. High-Tech вместе с High-Hume. *Ведомости* 17.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/18/649546-high-tech-vmeste-high-hume> (дата обращения 23.10.2020); Жаббаров Т. Эпоха *high-hume*: как гуманитарные технологии помогают нам меняться. [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/videos/1431-epokha-high-hume-kak-gumanitarnye-tekhnologii-pomogayut-nam-menyatsya> (дата обращения 23.10.2020).

ательств»²¹. Данные обстоятельства вызваны как субъективным восприятием новшеств в сфере образования, так и необходимостью формирования специальных социо-технических сред в образовании как элемента социальной инфраструктуры (Fischer, Sugimoto 2006), а также разработки новой глобальной образовательной политики с учётом объектов приложений венчурных инвестиций в сфере образования и изменением их структуры в мировом масштабе.

Наиболее показательным примером в этой области является развитие проекта Массачусетского технологического института *MIT OpenCourseWare* (*MIT OCW*), связанного с размещением в свободном доступе образовательных материалов (учебные планы, рабочие программы, лекции, самостоятельные контрольные задания, экзаменационные вопросы и т.д.) по всем образовательным курсам этого престижного университета. Первоначальное обоснование данного проекта было составлено в сотрудничестве с известным консалтинговым агентством *McKinsey & Company*, подтверждено аналитиками *Merrill Lynch* прогнозами о росте рынка дистанционных образовательных услуг и состояло в необходимости обеспечения непрерывного образования специалистов-инженеров и потенциале занять лидирующее положение на формирующемся рынке новых образовательных услуг и корпоративного обучения. Определённые проблемы при реализации проекта поставили его перед выбором – финансовая выгода или бесплатное распространение. Был выбран второй вариант, и так появилось *MIT OpenCourseWare*, в котором более 78% преподавательского состава участвовало добровольно (компенсирование затрат на создание контента обеспечивалось за счёт финансовой поддержки фонда *Hewlett Foundation* и грантов. Так, после 15 лет реализации проекта установлено, что около 35% поступивших в *MIT* студентов отмечают влияние *OpenCourseWare* на выбор университета для обучения, а свободное размещение делает необходимым более тщательную проработку размещаемых образовательных материалов. Странами, на которые приходится наибольшее количество посетителей сайта образовательных ресурсов *MIT*, за исключением США, являются Китай и Индия, что подтверждает стремление этих стран в своей национальной политике использовать технологические достижения для расширения сферы образования для своих граждан. Такие обстоятельства приводят к трансформации систем образования и формированию механизмов сотрудничества – поэтому был создан *OpenCourseWare Consortium*, объединяющий образовательные ресурсы институтов и университетов США и зарубежных стран. Следует отметить основную проблему проекта *MIT OpenCourseWare* – поскольку проект не ориентирован на получение прибыли (доходы в основном идут от размещения ссылок для покупки учебников

²¹ Лукша П., Кубиста Дж., Ласло А., Попович М., Ниненко И. и др. 2018. Образование для сложного общества. «Образовательные экосистемы для общественной трансформации»: доклад *Global Education Futures*. [Электронный ресурс]. URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshhestva.pdf> (дата обращения 23.10.2020).

на *Amazon.com*), встают вопросы его финансирования, которое может быть организовано в рамках развития глобальной образовательной политики, включая удовлетворение потребностей в обучении со стороны развивающихся стран, тем более учитывая возможности обучения инженерным профессиям, которые важны для укрепления потенциала социально-экономического роста.

Трансформация образовательных процессов для целей обеспечения глобальной доступности

Технологическую модернизацию в образовательных процессах можно измерить, используя прогнозные оценки роста *EdTech*-сектора образования – ожидается, что к началу 2025 г. он будет расти ежегодно на 17% (Eby, Yuzer, Atay 2016), что отражает не только заинтересованность в его развитии, но и определённые задачи, которые поставлены перед электронным образованием в международной повестке. Ведь новые прогрессивные образовательные технологии на основе электронного обучения способны как совершенствовать систему образования, так и обеспечить доступ к образовательным услугам для развивающихся стран, причём это справедливо как для профессиональных образовательных программ, так и для базовых знаний. Однако существует пять факторов, действующих в качестве барьера для эффективной оценки образовательных результатов *EdTech*, которые заключаются в следующем: преждевременность, неподходящие методы, скорость изменений, сложность контекста и неустоявшаяся терминология (King, Rothberg, Dawson, Batmaz 2016).

Развитие инфокоммуникационных технологий изначально несли возможности существенного снижения капиталовложений в сферу образования, так как фактически требовались затраты на программное обеспечение и устройства, а не на строительство и реконструкцию зданий и инфраструктурных сооружений для школ, колледжей, институтов или университетов. Особенно актуален данный подход был для развивающихся стран, которые фактически использовали все преимущества «догоняющего» развития, сформированные развитыми странами.

Промышленно развитые страны также сталкиваются с задачами трансформации системы образования, когда возникает срочная потребность в специалистах, обладающих новыми компетенциями в связи с быстрой сменяемостью технологий, непрекращающейся конкуренцией на товарных рынках. К специалистам нового времени предъявляются со стороны работодателей требования к формированию способностей к креативному мышлению и гибкости (особенно в рамках деятельности международных компаний, где могут пересекаться разные культуры и мировоззрение), а сами обучающиеся заинтересованы в форме обучения, предлагающем возможности обучения на протяжении всей жизни (*life-long learning*), что позволит им оставаться конкурентоспособными на рынке труда в изменяющихся технологических условиях современного экономическо-

го развития и совершенствоваться как личности. Такие задачи осознаются современными образовательными организациями, однако в силу инерционности развития, присущей сфере образования, они всё ещё придерживаются классических моделей образовательного процесса с отдельными элементами включения технологий электронного обучения.

В докладе «Будущее образования: глобальная повестка»²² предлагается выделить три международных формата развития сферы образования в рамках глобальной образовательной политики.

Первый формат представлен системой образования развитых стран (15% мирового населения; страны OECD), она ориентирована на использование новых методик обучения, развитие компетентностного проектного подхода к обучению, использование достижений технологического прогресса.

Второй формат охватывает систему образования быстро развивающихся стран (45% мирового населения; Китай, Индия, арабские страны, Юго-Восточная Азия). Здесь реализуется основной ориентир на формирование сквозной национальной системы от развития массового школьного образования, через спецшколы и техникумы, к массовому высшему образованию; приоритетно распространена концепция создания «больших университетов» и подготовка по квалификациям, востребованным на рынке труда и создающий потенциал развития экономики данных стран.

Третий формат представлен системой образования слабо развитых стран (40% мирового населения; Африка, Латинская Америка, Центральная Азия), она нацелена на формирование и развитие базовых моделей образования. Это касается, прежде всего, обеспечения массового базового школьного образования, далее организация деятельности технических училищ для формирования необходимых в работе профессиональных навыков, а высшее образование является привилегированной составляющей.

Наиболее интересны для изучения механизмы совершенствования образовательных процессов в быстро развивающихся странах, поскольку они стремятся использовать практику развитых стран в модернизации своей системы образования. Такие решения подвергаются критике, поскольку принципы развития в образовании не соответствуют складывающейся технологической среде по сравнению с возможностями использования технологических достижений в развитых странах. Поэтому вполне востребовано взаимодействие этих разных систем образования в части реализации единой глобальной политики, позволяющей одновременно развитым странам решать задачи по переходу к новой образовательной системе, быстроразвивающимся странам – эффективно выстраивать системы образования по моделям развитых стран и использовать лучшие практики, а слабо и медленно развивающимся странам создавать «с нуля» со-

²² Будущее образования: глобальная повестка: доклад *Global Education Futures*, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://rusinfo-guard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda_ru_full.pdf (дата обращения 23.10.2020).

временные образовательные институты при всеобщей глобальной поддержке. В конечном счёте, такое взаимодействие приведёт к быстрому распространению технологических подходов, а также будет способствовать наращиванию человеческого капитала как неотъемлемой составляющей современного социально-экономического развития каждой отдельной страны и мира в целом.

Образование, с одной стороны, призвано выполнять задачи развития человеческой личности и соответствующие социальные задачи, с другой стороны, образование не может рассматриваться отдельно от современных тенденций развития технологии и коммерциализации. В целом система образования в глобальном аспекте представляет собой сложный, многофункциональный механизм, с помощью которого можно не только транслировать знания, отбатывать навыки, но и влиять на будущее, мысли людей, их мироощущение и желания. Это создаёт не только необходимость разработки глобальной образовательной политики, отвечающей потенциалу и стратегиям развития в международном аспекте, но и создающей возможности социально ответственного инвестирования. Также значительные возможности имеет разработка глобально ориентированных образовательных онлайн-платформ, содержащих качественный и адекватный профессиональный контент знаний и отработки навыков, позволяющих сформировать индивидуальные траектории обучения без границ как инструмент поддержки карьеры и профессионального роста, способствовать реализации принципов непрерывного обучения на протяжении всей жизни человека как фундамента его самореализации и развития личности, с учётом национальных и культурных особенностей.

В данной статье проанализирован глобальный рынок *EdTech*, и как новые образовательные технологии меняют само образование и отношения в сфере образования. Общество стоит перед «реальным и трудным выбором между инвестированием в людей и инвестированием в технологии»²³. Само образование не может быть превращено в товар, но доступ к образованию может быть обеспечен – что уже и произошло.

Актеры глобальной образовательной политики сделали свой выбор. В момент кризиса решение о широком распространении *EdTech* было справедливо и обосновано. Теперь при регионализации полученных решений следует задуматься о последствиях такого выбора и найти меры и способы повышения доступности образования для различных слоёв общества. Существует различие между странами, когда одни стимулируют освоение всё новых ступеней познания, тогда как вторые разделяют элитарное и массовое образование, чем снижают доступность образования. При этом *EdTech* не устраняет эти процессы, а усиливает.

²³ Klein N. 2020. Screen new deal. *The Intercept*. [Электронный ресурс]. URL: <https://interc.pt/2WCdYLL> (accessed 23.10.2020).

Об авторах:

Екатерина Андреевна Антюхова – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Российская Федерация, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76; E-mail: e.antyukhova@gmail.com

Пётр Игоревич Касаткин – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Российская Федерация, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76; E-mail: pkas@mail.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31168.

Received: February 15, 2020
Accepted: May 02, 2020

Digital Vector in Global Educational Policy: Will it Ensure Social Justice and Access to Education?

E.A. Antyukhova, P.I. Kasatkin
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-331-351](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-331-351)

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: Ensuring the accessibility of education based on the development of online learning as one of the tasks of the global educational policy is acquiring key importance today. This task is complicated by different levels of economic development of countries and digital divide, problems of modernization of national education systems in the context of the spread of IT technologies. The development of education is closely related to technological advances (artificial intelligence, augmented and virtual reality, robotics), but such changes are not actively manifested in education due to its conservatism, and are also associated with the level of development of countries and access to new technologies for citizens. An analysis of investment activity in the education sector shows that investors are wary of financing the development of education and, in particular, online education, but trends over the past five years show a fourfold increase in total investment. The article concludes that: 1) despite the emergence of both universal and specialized educational online platforms, they cannot create an individual trajectory for acquiring knowledge and mastering competencies, as this can still be done on the basis of classical university education; 2) online platforms broadens the choice among the many offered educational programs and courses, however objectivity of this choice tends to be decreasing.

Keywords: global educational policy, fairness, e-learning, educational online platform, EdTech, educational technologies, education accessibility, digital technologies

About the authors:

Ekaterina A. Antyukhova – PhD (Political Science), Senior Lecturer, Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia; 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; E-mail: e.antyukhova@gmail.com

Petr I. Kasatkin – Dr. Habilitatus, Professor, Department of World Politics, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: pkas@mail.ru.

Conflict of interests: The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31168.

References:

- Baltodano M. 2012. Neoliberalism and the Demise of Public Education: the Corporatization of Schools of Education. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 25(4). P. 487-507. DOI: 10.1080/09518398.2012.673025.
- Balula A. 2014. *Evaluation Of Online Higher Education: Learning, Interaction And Technology*. New York: Springer. 316 p.
- Bettinger E., Fairlie R., Kapuza A., Kardanova E., Zakharov A. 2020. Does EdTech Substitute for Traditional Learning? Experimental Estimates of the Educational Production Function. *NBER Working Paper. National Bureau of Economic Research*. №26967.
- Cherner T., Mitchell C. 2020. Deconstructing EdTech Frameworks Based on Their Creators, Features, and Usefulness. *Learning, Media and Technology*. P. 1-26. DOI: 10.1080/17439884.2020.1773852.
- Connell R. 2013. The Neoliberal Cascade and Education: an Essay on the Market Agenda and its Consequences. *Critical Studies in Education*. 54(2). P. 99-112. DOI: 10.1080/17508487.2013.776990.
- Eby G., Yuzer V.T., Atay S., eds. 2016. *Developing Successful Strategies for Global Policies and Cyber Transparency in E-learning*. Hershey, PA: Information Science Reference. 180 p.
- Brand S. 2009. *Whole Earth Discipline: An Ecopragmatist Manifesto*. Viking. 240 p.
- Fairlie R., Prashant L. 2020. Schooling and Covid-19: Lessons from Recent Research on EdTech. *NPJ Science of Learning*. 5(1). DOI: 10.1038/s41539-020-00072-6.
- Fischer G., Sugimoto M. 2016. Supporting Self – Directed Learners and Learning Communities with Sociotechnical Environments. *International Journal Research and Practice in Technology Enhanced Learning (RPTEL)*. 1(1). P. 31-64.
- Hawken P. 2007. *Blessed Unrest: How the Largest Movement in the World. Came into Being and Why No One Saw It Coming*. Penguin Books. 198 p.
- Hoxby C.M., Stange K., eds. 2019. *Productivity in Higher Education*. Chicago: University of Chicago Press. 308 p.
- King M.R.N., Rothberg S.J., Dawson R.J., Batmaz F. 2016. Bridging the EdTech Evidence Gap. A Realist Evaluation Framework Refined for Complex Technology Initiatives. *Journal of Systems and Information Technology*. 18(1). P. 18-40. DOI: 10.1108/JSIT-06-2015-0059.

Macgilchrist F. 2018. Cruel Optimism in Edtech: When the Digital Data Practices of Educational Technology Providers Inadvertently Hinder Educational Equity. *Learning, Media and Technology*. 44(4). P. 1-10. DOI: 10.1080/17439884.2018.1556217.

McDonald J.K. 2020. The Design of Holistic Learning Environments. In J.K. McDonald, R.E. West (Eds.) *Design for Learning: Principles, Processes, and Praxis*. EdTech Books. 18 p.

Selwyn N. et al. 2020. What's Next for Ed-Tech? Critical Hopes and Concerns for the 2020s. *Learning, Media and Technology*. 45(1). P. 1-6. DOI: 10.1080/17439884.2020.1694945.

Orleans M., ed. 2014. *Cases on critical and qualitative perspectives in online higher education*. Hershey, PA: Information Science Reference. 204 p.

Picciano A.G. 2017. *Online Education Policy and Practice: the Past, Present, and Future of the Digital University*. New York: Routledge, Taylor & Francis Group. 186 p.

Piña A.A., Huett J.B. 2016. *Beyond the Online Course: Leadership Perspectives on E-Learning*. Charlotte, North Carolina: Information Age Publishing, Inc. 186 p.

Regan P.M., Jesse J. 2019. Ethical Challenges of EdTech, Big Data and Personalized Learning: Twenty-First Century Student Sorting and Tracking. *Ethics and Information Technology*. Vol. 21. P. 167-179. DOI: 10.1007/s10676-018-9492-2.

Sancho-Gil J.M., Rivera-Vargas P., Miño-Puigcercós R. 2020. Moving Beyond the Predictable Failure of Ed-Tech Initiatives. *Learning, Media and Technology*. Vol. 45. P. 61-75. DOI: 10.1080/17439884.2019.1666873.

Scheg A.G. 2015. *Critical Examinations of Distance Education Transformation across Disciplines*. Hershey PA: Information Science Reference. 268 p.

Neveda M. 2018. Broad Online Learning EdTech and USA Universities: Symbiotic Relationships in a Post-MOOC World. *Studies in Higher Education*. Vol. 43. P. 1730-1749. DOI: 10.1080/03075079.2018.1520415.

Weller M. 2020. *Twenty Five Years of Ed Tech*. AU Press. 208 p.

Williamson B., Eynon R., Potter J. 2020. Pandemic Politics, Pedagogies and Practices: Digital Technologies and Distance Education during the Coronavirus Emergency. *Learning, Media and Technology*. 45(2). P. 107-114. DOI: 10.1080/17439884.2020.1761641.

Wright N., Peters M. 2017. Sell, Sell, Sell or Learn, Learn, Learn? The EdTech Market in New Zealand's Education System – Privatisation by Stealth? *Open Review of Educational Research*. 4(1). DOI: 10.1080/23265507.2017.1365623.

Vlachopoulos D. 2020. COVID-19: Threat or Opportunity for Online Education? *Higher Learning Research Communications*. 10(1). P. 16-19. DOI: 2086/10.18870/hlrc.v10i1.1179.

Chavkin Z.V. 2020. Poisk biznes-modeli obrazovatel'nym startapom v segmente vzroslogo obucheniya na rossiiskom rynke [Search for a Business Model by an Educational Startup in the Segment of Adult Education in the Russian Market]. *Strategic decisions and risk management*. 11(1). P. 70-97. DOI: 10.17747/2618-947X-2020-1-70-97. (In Russian).

Chmyhova E.V. 2020. Sotsial'nye riski elektronnoy obucheniya v tsifrovom obshchestve [Social Risks of E-learning in a Digital Society]. *Digital sociology*. 3(1). P. 4-11. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-1-4-11 (In Russian)

Kasatkin P.I., Kovalchuk J.A., Stepnov I.M. 2019. Rol' sovremennykh universitetov v formirovaniy tsifrovoy povyshatel'noi volny dlinnykh tsiklov Kondrat'eva [The Modern Universities Role in the Formation of the Digital Wave of Kondratiev's Long Cycles]. *Voprosy Ekonomiki*. №12. P. 123-140. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-12-123-140 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Касаткин П.И., Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. 2019. Роль современных университетов в формировании цифровой повышательной волны длинных циклов Кондратьева. *Вопросы экономики*. № 12. С. 123-140. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-12-123-140.

Чавкин З.В. 2020. Поиск бизнес-модели образовательным стартапом в сегменте взрослого обучения на российском рынке. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 11(1). С. 70-97. DOI: 10.17747/2618-947X-2020-1-70-97.

Чмыхова Е.В. 2020. Социальные риски электронного обучения в цифровом обществе. *Цифровая социология*. 3(1). С. 4-11.



Кросстрановой анализ моделей финансирования медицинских организаций в условиях пандемии COVID-19

С.С. Бударин, Д.О. Ватолин, Ю.В. Эльбек

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы

Коронавирусная инфекция COVID-19 внесла значительные коррективы в управление системой здравоохранения как в России, так и в зарубежных странах. Разные модели финансирования систем здравоохранения по-разному среагировали на управление в экстренных ситуациях. По мнению специалистов, более эффективными оказались системы с государственной социально ориентированной моделью здравоохранения. При этом разделились мнения по вопросу результативности страховой модели финансирования медицинских организаций, оказывающих населению разные виды медицинской помощи. В статье проводится анализ мер по обеспечению медицинских организаций финансовыми и материально-техническими ресурсами в странах с разными экономическими моделями системы здравоохранения, а на примере амбулаторно-поликлинических учреждений города Москвы проводятся сравнение изменений основных финансовых показателей в первом полугодии 2020 г. и оценка финансовой устойчивости медицинских организаций в период действия ограничений по предотвращению распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Выдвигается гипотеза об улучшении финансового состояния поликлиник в период действия ограничений. Гипотеза основывается на предпосылках о снижении уровня расходов учреждений за счёт сокращения количества посещений населением медицинских организаций при сохранении объёма их доходов практически на неизменном уровне за счёт применения принципа подушевого финансирования медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь амбулаторно. По результатам анализа сделан вывод о сохранении устойчивости финансового состояния взрослых поликлиник и повышении финансовой устойчивости детских поликлиник.

Ключевые слова: финансовые показатели, финансовая устойчивость, ОМС, амбулаторно-поликлинические учреждения, коронавирусная инфекция, расходы учреждений, объёмы финансирования

Код УДК 338

Классификация JEL: I13, I15, H51.

Поступила в редакцию: 15.05.2020 г.

Принята к публикации: 05.09.2020 г.

Глобальная пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 испытывает многие системы здравоохранения в мире на прочность (SabatI et al. 2020). Решения, которые принимаются в разных странах, во многом схожи, но глубина и скорость принятия защитных мер отличаются, так как зависят от экономического положения и действующей в стране экономической модели системы здравоохранения (Ashraf 2020). Быстрый рост числа заболеваний значительно повысил нагрузку на медицинские учреждения (Itaya et al. 2020). В этих условиях возникла необходимость в перенастройке организации оказания медицинской помощи, которая также сопровождалась изменением финансового состояния медицинских учреждений (Бударин 2020).

В России на борьбу с коронавирусной инфекцией выделено более 50 млрд руб., которые направлены на строительство новых медицинских центров и перепрофилирование действующих медицинских организаций, на закупку автомобилей скорой помощи, медицинского оборудования, а также на оплату труда медицинского персонала, работающего в зоне риска.

Возникает исследовательский вопрос о способности медицинских учреждений оставаться платёжеспособными на фоне происходящих изменений и в новых условиях удовлетворять потребность населения в необходимой медицинской помощи (Беляев 2017), что объективно отражает способность экономической модели финансирования сферы здравоохранения в той или иной стране поддерживать не только качество оказываемых медицинских услуг, но и текущие функционирование медицинских организаций как экономических субъектов.

Чтобы ограничить распространение инфекции и снизить количество заболеваний, введены ограничения на посещение общественных мест, в том числе лечебных учреждений (Nicolaa et al. 2020). В этой связи возникают потенциальные угрозы финансовой устойчивости медицинских учреждений (Watkins 2020; Barbera 2020). В частности, это касается учреждений, для которых введённые ограничения по оказанию определённых медицинских услуг усилили существующие финансовые проблемы или привели к выпадающим доходам.

Целью данной статьи является оценка финансовой устойчивости в период пандемии медицинских организаций, оказывающих населению медицинскую помощь амбулаторно. Объект исследования – амбулаторно-поликлинические учреждения государственной системы здравоохранения в условиях пандемии и ограничений. Предметом исследования выступает финансовая устойчивость медицинских организаций, сопряжённая с устойчивостью экономической модели их финансирования в разных странах мира (государственной, коммерческой, социально-ориентированной, страховой и др.) в условиях пандемии COVID-19.

В рамках проведения исследования выдвинут ряд предположений о динамике финансовых показателей и финансовой устойчивости амбулаторно-поликлинических учреждений в период действия ограничений:

1. Доходы по всем источникам поступления средств снизились.
2. Доходы за счёт средств ОМС изменялись незначительно.
3. Доходы от оказания платных медицинских услуг (ПМУ) снизились.
4. Расходы за счёт средств всех источников финансирования снижались быстрее, чем доходы по всем источникам.

5. Финансовая устойчивость медицинских организаций, как способность медицинской организации исполнить свои обязательства по оплате труда сотрудников и по обязательствам перед поставщиками товаров и услуг в течение отчётного периода, в целом выросла.

При проведении настоящего исследования были использованы методы кросстранового сравнительного анализа, анализ кейсов, метод экспертных оценок. Выбор таких стран как США, Великобритания, Польша и Российская Федерация обусловлен различиями в сущности и реализации экономических моделей систем здравоохранения на национальном уровне, что позволило выявить существенные аспекты формирования финансовой устойчивости медицинских организаций в этих странах, а также то, как влияют чрезвычайные обстоятельства (пандемия) на их функционирование и финансовую деятельность с учётом принятой в той или иной стране модели финансирования в сфере здравоохранения.

Применение методов статистического анализа позволило в ходе исследования обработать и изучить аналитические материалы и статистическую информацию о мерах, принимаемых по предотвращению распространения коронавирусной инфекции в странах, использующих различные экономические модели систем здравоохранения. Методы экономического анализа, использованные в обработке данных бухгалтерской отчётности системы сбора сводной отчётности Департамента здравоохранения Москвы (ДЗМ) с использованием программного продукта ПП «ПАРУС – бюджет-8» позволили оценить показатели финансовой устойчивости российских медицинских организаций на примере г. Москвы (с учётом достоверности и доступности указанных данных).

Обзор действующих моделей финансирования и мер финансовой поддержки систем здравоохранения в условиях распространения пандемии на национальном уровне в отдельных странах

Официальной датой начала пандемии считается 11 марта 2020 г.¹. В ряде стран до объявления Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) введены ограничения на перемещения и посещения общественных мест. С начала распространения коронавирусной инфекции системы здравоохранения в разных странах в течение короткого времени переориентировались на оказание ме-

¹ <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (accessed 23.10.2020).

дицинской помощи в основном больным COVID-19 (Yu et al. 2020; Iqbal et al. 2020; Martin et al. 2020). В основном это выразилось в приостановлении оказания плановой медицинской помощи в стационарных условиях и ограничениях по приёмам в первичном амбулаторном звене. Перенастройка системы также потребовала дополнительной закупки оборудования, лекарств, средств индивидуальной защиты для медицинского персонала. Расходы, связанные с этими закупками, частично распределялись между органами управления здравоохранением и национальными правительствами стран (Pikoulisa et al. 2000). Далее кратко будут рассмотрены основные меры финансовой поддержки медицинских организаций в странах с различными экономическими моделями систем здравоохранения на национальном уровне: в США, Великобритании, Польше и Российской Федерации.

В таблице 1 представлены данные о численности населения, заражённого COVID-19, и смертности от коронавирусной инфекции.

Таблица 1. Данные о числе зарегистрированных случаев заражения коронавирусом и смертности от COVID-19 в разных странах мира по состоянию на 18 сентября 2020 г.²

Table 1. Data on the number of registered cases of coronavirus infection and deaths from COVID-19 in different countries of the world as of September 18, 2020

Страны	Число зарегистрированных случаев заражения	Число случаев заражения на 100 тыс. населения	Доля смертей в общем числе случаев заражения
Россия	1 103 399	753,2	1,76
США	6 765 435	2 097,1	2,95
Великобритания	392 845	599,0	10,65
Польша	78 330	203,5	2,91

Источник: составлено авторами.

Анализ информации, представленный *Boston consulting group*³ (BCG) позволяет оценить влияние ресурсных возможностей государственной системы здравоохранения Москвы и столиц ряда европейских государств, стран азиатского региона и США на показатель смертности от COVID-19. Например, наличие в Москве достаточного количества реанимационных коек (28 коек на 100 тыс. населения), что значительно выше, чем в большинстве европейских стран и США, отразилось на значениях показателя смертности населения на дому, которое в Москве составило около 1%, в то время как в Нью-Йорке – 9%. Москва значительно опережает другие страны и по такому важному показателю, как обеспечение аппаратами искусственной вентиляции легких (ИВЛ), что также повлияло на показатель смертности у граждан, заболевших коронавирусной инфекцией.

² Карта распространения коронавируса в России и в мире, <https://yandex.ru/maps/covid19?ll=143.229412%2C47.975654&z=2.87> (дата обращения 23.10.2020).

³ Москва и другие мегаполисы и страны в борьбе с пандемией. <https://media-publications.bcg.com/RUS-Fighting-COVID-19-Moscow-other-cities-countries.pdf> (accessed 23.10.2020).

В число ключевых мер, которые ограничили распространение COVID-19 и повлияли на снижение смертности, аналитики BCG включили тестирование (скорость и охват населения), отслеживание передвижений, изоляция/карантин (строгость, скорость, дисциплина), опыт и готовность системы здравоохранения работать в чрезвычайных условиях. Аналитический материал BCG позволяет сравнить готовность разных моделей систем здравоохранения к работе в экстремальных условиях, но не отражает оценку стоимости мероприятий, реализованных для сдерживания распространения коронавирусной инфекции.

Реализация ключевых мер требует значительных финансовых ресурсов и обеспечения эффективного управления ими, что в определённой степени зависит от действующей экономической модели системы здравоохранения.

В США действует модель предоставления медицинской помощи преимущественно на платной основе (частное медицинское страхование). При этом отдельные категории граждан имеют возможность получать ряд медицинских услуг за счёт государственных программ медицинского обслуживания: *Medicaid* (малообеспеченные слои населения) и *Medicare* (пенсионеры). Свыше 8% граждан США не имеют медицинской страховки, что послужило причиной решения вопроса оказания им медицинской помощи на основе внедрения системы *Obamacare*.

В середине января 2020 г. первый случай COVID-19 в США был зарегистрирован в округе Снохомиш, штат Вашингтон. Подтверждённое число случаев к 11 марта увеличилось до 1000, к 27 марта до 100 000 и к 28 апреля превысило 1 млн. Для предотвращения распространения коронавирусной инфекции была введена практика социального дистанцирования и предписаний оставаться дома, что в дальнейшем оказало влияние на психологическое состояние людей, которые длительное время были вынуждены находиться в самоизоляции (Manna 2020; Gouttea et al. 2020). Калифорния первой издала указ 19 марта о вводе ограничений, а к началу апреля в каждом штате были введены ограничения для смягчения условий распространения болезни. Центры услуг *Medicare* и *Medicaid* (*Centers for Medicare & Medicaid Services (CMS)*) 18 марта рекомендовали приостановить проведение плановых операций и необязательных медицинских, хирургических и стоматологических процедур на время вспышки COVID-19. Эти меры привели к снижению количества оказываемых услуг как в стационарном, так и амбулаторном звене на 13% по сравнению с предыдущим годом⁴.

По оценкам Американской ассоциации больниц (*American Hospital Association (AHA)*), общие потери медицинских организаций с марта по июнь 2020 г. составят более 202,6 млрд долл.⁵ Из них 36,6 млрд долл. – финансовый

⁴ Kaufman Hall. 2020. *National Hospital Flash Report Summary: April 2020* URL: https://www.kaufmanhall.com/sites/default/files/documents/202004/national_hospital_flash_report_april_2020_kaufmanhall_0.pdf (accessed 23.10.2020)

⁵ American Hospital Association. 2020. *Hospitals and Health Systems Face Unprecedented Financial Pressures Due to COVID-19*. URL: <https://www.aha.org/system/files/media/file/2020/05/aha-covid19-financial-impact-0520-FINAL.pdf> (accessed 23.10.2020).

результат от госпитализации больных COVID-19, рассчитанный как разница между стоимостью госпитализации пациентов и поступлениями от частных страховых компаний и компенсаций из государственного бюджета; 161,4 млрд долл. – общие выпадающие доходы медицинских учреждений из-за закрытия плановой госпитализации; 2,4 млрд долл. – закупка средств индивидуальной защиты; 2,2 млрд долл. – дополнительные расходы на обеспечение ухода за ребенком, коммунальных, транспортных расходов, затрат на медицинский осмотр и лечение медработников, занятых в оказании медицинской помощи больным COVID-19.

В Великобритании действует государственная экономическая модель системы здравоохранения и финансирование медицинских организаций осуществляется преимущественно за счёт бюджетных средств, в результате чего население получает медицинскую помощь бесплатно. В ответ на распространение коронавирусной инфекции в Великобритании правительство приняло пакет мер, состоящий из пяти направлений⁶. Согласно отчёту Национального управления аудита (*National Audit Office*⁷) по направлению «Здравоохранение и социальная политика», Департаменту здравоохранения и социальной защиты (*Department of Health & Social Care*) из бюджета было выделено 6,6 млрд фунтов стерлингов, а также с Национальной службы здравоохранения (*National Health Service*) списан долг в размере 13,4 млрд фунтов стерлингов (*Overview of the UK government's response 2020*).

Мероприятия по направлению «Здравоохранение и социальная политика» разделены на шесть групп: (1) увеличение мощностей медицинских организаций по обслуживанию пациентов с COVID-19; (2) социальная поддержка пожилых граждан; (3) закупка медицинского оборудования и средств индивидуальной защиты; (4) проведение тестирований; (5) другие меры. Основные расходы были запланированы по первой и третьей группе: покрытие расходов на восстановление пациентов после выписки из госпиталя – 1,3 млрд фунтов стерлингов и закупка средств защиты – 4 млрд фунтов стерлингов. Стоимостная оценка отдельных статей расходов не проводилась, однако, позднее по ним были уточнены данные. Так, на строительство дополнительных семи госпиталей (*Nightingale Hospitals*) по лечению пациентов, больных COVID-19, запланировано более 220 млн фунтов стерлингов⁸. По данным Казначейства, на закупку средств индивидуальной защиты было потрачено 15 млрд фунтов стерлингов, 10 млрд фунтов стерлингов на проведение тестов, 1 млрд фунтов стерлингов на оборудование, 5,5 млрд фунтов стерлингов на медицинские услуги, связанные с обе-

⁶ (1) Здравоохранение и социальная политика; (2) Поддержка социально-незащищённых групп населения; (3) Поддержка граждан; (4) Поддержка бизнеса; (5) Международная помощь и раскрытие информации общественности.

⁷ *National Audit Office*. 2020. Overview of the UK Government's Response to the COVID-19 Pandemic. URL: <https://www.nao.org.uk/press-release/overview-of-the-uk-governments-response-to-the-covid-19-pandemic/> (accessed 23.10.2020).

⁸ Согласно сообщению Department of Health and Social Care. URL: <https://www.whatdotheyknow.com/request/663081/response/1583624/attach/3/FOI%201223558.pdf>

спечением мощностей по лечению пациентов, больных COVID-19, с расходами по восстановлению пациентов, разработку вакцины⁹.

Это значительные суммы, если соотнести их с годовым бюджетом Национальной службы здравоохранения (*National Health Service England*) – 123,7 млрд фунтов стерлингов в 2020 г. и 129,9 млрд фунтов стерлингов в 2021 г.¹⁰, позволяющие обеспечить финансовую устойчивость медицинских организаций, входящих в государственную систему здравоохранения.

Однако исследователи отмечают, что увеличение внимания к пациентам с COVID-19 при одновременном вынужденном снижении доступности медицинской помощи для остальных граждан вызвало беспокойство у отдельных групп населения Великобритании, заговоривших о наличии гендерного и социально-экономического неравенства между мигрантами и коренным населением страны (Leunga et al. 2020; Hu 2020; Mikolai et al. 2020).

В Польше функционирует социально-страховая экономическая модель системы здравоохранения и её финансирование осуществляется через Национальный фонд здравоохранения (НФЗ), который распоряжается общественными средствами, полученными за счёт взносов работодателей и граждан, а также дотаций из бюджета и других, не запрещённых законодательством источников дохода.

В марте 2020 г. в Польше приняты решения о мерах по защите экономики и населения от последствий распространения COVID-19. В рамках «антикризисного щита» выделено 212 млрд злотых (около 50 млрд евро), из которых 67 млрд злотых составили бюджетные средства, средства фонда социального страхования и других целевых фондов, в том числе национального фонда здравоохранения.

В начале апреля в Польше принят закон, которым определён порядок принятия решений, связанных с расчётом и реализацией программ, обусловленных распространением в 2020 г. инфекционного заболевания COVID-19¹¹.

Специальных решений по выделению бюджетных средств для системы здравоохранения не принималось. В финансовом плане НФЗ на 2020 г. предусмотрены расходы на здравоохранение в размере 94,7 млрд злотых (около 21,5 млрд евро), однако, распространение коронавирусной инфекции значительно повлияло на деятельность медицинских организаций и возможности медицинского персонала оказывать гражданам плановую медицинскую помощь. В целях обеспечения финансовой устойчивости медицинских организаций в

⁹ HM Treasury. A Plan for Jobs 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/a-plan-for-jobs-documents/a-plan-for-jobs-2020#coronavirus-response> (accessed 23.10.2020)

¹⁰ HM Treasury. Budget 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/budget-2020-documents/budget-2020#budget-policy-decisions> (accessed 23.10.2020)

¹¹ O szczególnych rozwiązaniach wspierających realizację programów operacyjnych w związku z wystąpieniem COVID-19 w 2020 r. (о конкретных решениях, поддерживающих реализацию операционных программ в связи с возникновением COVID-19 в 2020 г.) URL: <https://dziennikustaw.gov.pl/D2020000069401.pdf> (accessed 23.10.2020)

августе 2020 г. был распределён имеющийся в НФЗ резерв в полном объёме – 1,1 млрд злотых (около 250 млн евро). Средства направлялись, прежде всего, в те регионы, где наблюдался высокий уровень заражения коронавирусной инфекцией.

Приостановка оказания плановой первичной медико-санитарной помощи в привычных для населения условиях и изменения в организации работы медицинских организаций вызвали увеличение вызовов гражданами скорой медицинской помощи по разным поводам, не требующим немедленного вмешательства врачей, что привело к дополнительной нагрузке на медицинский персонал и, соответственно, потребовало дополнительных финансовых средств на оплату их труда. Следует подчеркнуть, что вопрос профессиональной и эмоциональной нагрузки на медицинский персонал в период пандемии и последствий этого явления стал одним из важнейших предметов исследований социологов в разных странах мира (Amerio et al. 2020).

Руководители медицинских организаций в Польше сигнализировали о недостаточной подготовке своих учреждений ко второй волне пандемии в связи с нехваткой ресурсов, требовали изложения чётких правил тестирования пациентов на COVID-19 в больницах и привлечения к этой работе семейных врачей (врачей общей практики).

В результате работы группы экспертов при НФЗ в сентябре 2020 г. была подготовлена «Стратегия борьбы с пандемией COVID-19», целью которой является: увеличение эффективности использования инфраструктурных и кадровых ресурсов, увеличение возможностей для тестирования граждан и улучшение работы служб санитарной инспекции¹².

Необходимо отметить, что в феврале 2020 г. Высшая контрольная палата (ВКП) Польши приняла решение о проверке готовности системы здравоохранения к действиям в условиях распространения коронавируса в Европе. Особое внимание обращалось на мероприятия, связанные с транспортировкой и лечением лиц, подозреваемых в заболевании COVID-19.

Контрольные и экспертно-аналитические мероприятия, проведённые с целью оценки эффективности работы системы здравоохранения, в том числе с учётом пандемии, позволили ВКП в конце мая 2020 г. подготовить отчёт с 33 рекомендациями по улучшению функционирования системы здравоохранения Польши¹³. В августе 2020 г. Сейм, как высший законодательный орган Польши, принял поправки в законодательство, согласно которым укреплена вертикаль Национального фонда здравоохранения, внесены положения, касающиеся развития информатизации системы здравоохранения и ряд других изменений, на принятие которых повлияло развитие коронавирусной инфекции.

¹² Strategia walki z pandemią COVID-19 <https://www.gov.pl/web/zdrowie/strategia-walki-z-pandemia-covid-19>

¹³ <https://www.politykazdrowotna.com/45523,nik-przedstawia-33-zmiany-dla-ochrony-zdrowia-odwazny-i-kompleksowy-raport> (accessed 23.10.2020).

Сравнение мероприятий, принимаемых в сфере здравоохранения в странах с разными экономическими моделями системы здравоохранения, показывает, что в случае государственной (бюджетной) и социально-страховой экономической модели, медицинские организации получают необходимое финансирование в запланированном объёме независимо от объёмов и видов оказания медицинской помощи, а в случае платного, частного медицинского страхования, медицинские организации потеряли значительную часть планируемых доходов, которая не может быть возмещена за счёт государственных средств и/или средств социального страхования, что в значительной степени влияет на финансовую устойчивость медицинских организаций.

В Российской Федерации действует смешанная государственно-страховая модель финансирования медицинских организаций. В соответствии с программой государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи, источник финансирования зависит от вида оказываемой медицинской помощи и заболевания граждан.

Основная нагрузка в связи с коронавирусной инфекцией легла на медицинские организации, оказывающие населению первичную медико-санитарную и специализированную медицинскую помощь. Первичная медико-санитарная помощь финансируется на основе подушевого тарифа на прикреплённое к медицинской организации население, поэтому особый интерес представляет исследование финансовой устойчивости в период пандемии амбулаторно-поликлинических учреждений.

Обзор изменений в работе поликлиник Москвы и порядка их финансирования в период пандемии

В Российской Федерации первым субъектом¹⁴, в котором соответствующим Указом были введены ограничения, стал город Москва¹⁵. Впоследствии в данный Указ вносились изменения¹⁶ о дополнительных режимах ограничения на передвижение, что отразилось на частоте посещения гражданами амбулаторно-поликлинических учреждений.

В период самоизоляции изменился порядок работы поликлиник¹⁷, временно приостанавливалось проведение профилактических медицинских осмотров и диспансеризации¹⁸. Дополнительно на входах в поликлиники организованы

¹⁴ Позднее соответствующие указы о введении режима повышенной готовности были введены во всех 85 субъектах Российской Федерации. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349932/ (дата обращения 23.10.2020).

¹⁵ Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности».

¹⁶ Указ мэра Москвы от 29 марта 2020 г. № 34-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ».

¹⁷ Приказ МЗ РФ от 16.03.2020 № 171 «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»

¹⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 432 «Об особенностях реализации базовой программы обязательного медицинского страхования в условиях возникновения угрозы распространения заболеваний, вызванных новой коронавирусной инфекцией».

посты по измерению температуры пациентов (фильтр-боксы), организованы мобильные бригады медицинских работников для выездов к пациентам с подозрением на коронавирусную инфекцию. Одновременно на базе отдельных поликлиник были развёрнуты амбулаторные КТ-центры¹⁹, в которых проводились исследования на выявление заболеваний коронавирусной инфекции, с разделением на чистую и грязную зоны.

В части оплаты медицинской помощи вводились изменения, предусматривающие получение медицинскими организациями аванса в размере 100% от среднемесячного объёма средств, направляемых на оплату медицинской помощи за последние три месяца, либо с периода начала действия договора на оказание и оплату медицинской помощи (в случае периода действия договора менее трёх месяцев)²⁰.

Принципы финансирования системы здравоохранения Москвы (Антропов 2019) по-разному отразились на функционировании медицинских организаций в связи с существующими различиями в способах оплаты оказания медицинских услуг в системе обязательного медицинского страхования (Арыкбаев, Людоговская 2016).

Результаты исследования

Анализ динамики финансовых показателей проводился за первое полугодие 2020 г., основное внимание уделялось II кварталу (период самоизоляции в Москве длился с 29 марта 2020 года по 14 июня 2020 г.). Данные для анализа получены из системы сбора сводной отчётности Департамента здравоохранения Москвы (ДЗМ) с использованием программного продукта ПП «ПАРУС – бюджет-8». В исследовании финансовые показатели разделены на две части: за анализируемый период и на дату окончания анализируемого периода (таблица 2). Состав показателей определён исходя из задачи о подтверждении указанных во введении предположений.

Таблица 2 Список показателей, используемых для анализа

Table 2. List of indicators used for analysis

Показатели за период	Показатели на дату
поступления (доходы) по всем источникам финансового обеспечения	остатки средств на счетах по всем источникам финансового обеспечения
поступления (доходы) за счет средств ОМС	остатки на счетах для учета операций со средствами ОМС
поступления (доходы) по внебюджетной деятельности	-
выбытия (расходы) по всем источникам	-
фонд оплаты труда по всем источникам	-

¹⁹ Приказ Департамента здравоохранения города Москвы от 10.04.2020 № 385 «Об организации амбулаторных КТ-центров на базе медицинских организаций государственной системы здравоохранения города Москвы, оказывающих первичную медико-санитарную помощь взрослому населению».

²⁰ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 9 апреля 2020 г. N 299н «внесении изменений в Правила обязательного медицинского страхования, утвержденные приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 108н».

Базой для сравнения данных за II квартал 2020 года стали данные за I квартал 2020 г. (без учёта данных за январь 2020 г.²¹). Сравнение данных II квартала 2020 г. с аналогичным периодом предыдущего года не проводилось, так как данные не сопоставимы. С 1 июня 2019 г. амбулаторно-поликлиническим учреждениям был увеличен норматив подушевого финансирования с 6722,10 руб. до 7226,26 руб. (7,5%)²², а также вводились отдельные нормативы подушевого финансирования для поликлиник, в состав которых входят травматологические пункты и онкологические отделения²³, что искажает результаты сравнения.

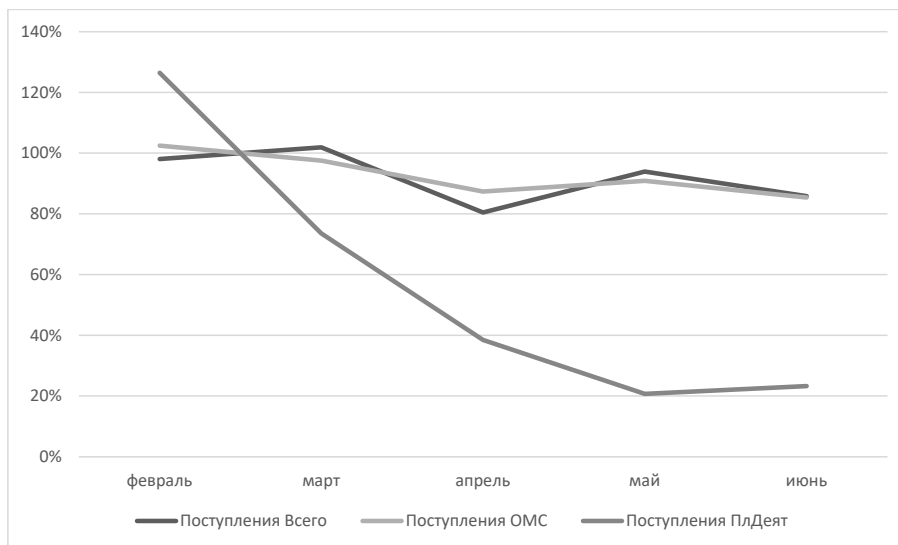


Рис. 1. Динамика поступлений (доходов) взрослых поликлиник

Figure 1. Dynamics of receipts (income) of adult polyclinics

Источник: данные ПП «ПАРУС – бюджет – 8»

Динамика финансовых показателей рассматривалась как в целом по сети взрослых и сети детских поликлиник, так и по отдельным учреждениям (Зверев, Габбасов и др. 2019). Оценка финансовой устойчивости учреждения рассматривалась по расчётному показателю: отношение остатков на счетах учреждения на начало текущего месяца к расходам в текущем месяце (Мурзаева 2015). Этот показатель отражает способность покрытия обязательств учреждения располагаемыми доходами. Дополнительно рассчитывался показатель: отношение остатков на счетах для учёта операций со средствами ОМС учреждения на начало

²¹ Исключение из расчётов января 2020 г. связано с особенностью финансирования амбулаторно-поликлинических учреждений. Согласно правилам оплаты медицинской помощи, в рамках ОМС учреждения вправе запрашивать аванс в декабре текущего года в размере 95%. В результате в январе следующего года доходы ОМС поликлиник резко снижаются.

²² Пункт 5 Дополнительного соглашения № 4 к Тарифному соглашению на оплату медицинской помощи, оказываемой по Территориальной Программе обязательного медицинского страхования города Москвы на 2019 г.

²³ Пункт 6 вышеназванного Дополнительного соглашения.

текущего месяца к расходам в текущем месяце. Аналитика данного показателя позволяет оценить «располагаемые средства» учреждения, так как средства отдельных источников финансирования – субсидии на государственное задание, иные субсидии носят целевой характер и не могут использоваться на исполнение всех обязательств учреждения (Максимова, Антохин 2017). В показатель не включались остатки по счёту для учёта доходов от оказания платных медицинских услуг (ПМУ), в связи с наблюдаемым снижением объёмов поступлений по этому источнику, однако, этот вид средств также, как и средства ОМС находится в более «активном» управлении учреждениями (Гончаров, Бойченко и др. 2017).

Финансовые показатели рассмотрены помесечно относительно среднего значения показателя в I квартале 2020 г., принятого за 100%.

На рисунках 1 и 2 представлена динамика поступлений (доходов) в целом и по отдельным источникам финансирования взрослых и детских поликлиник.

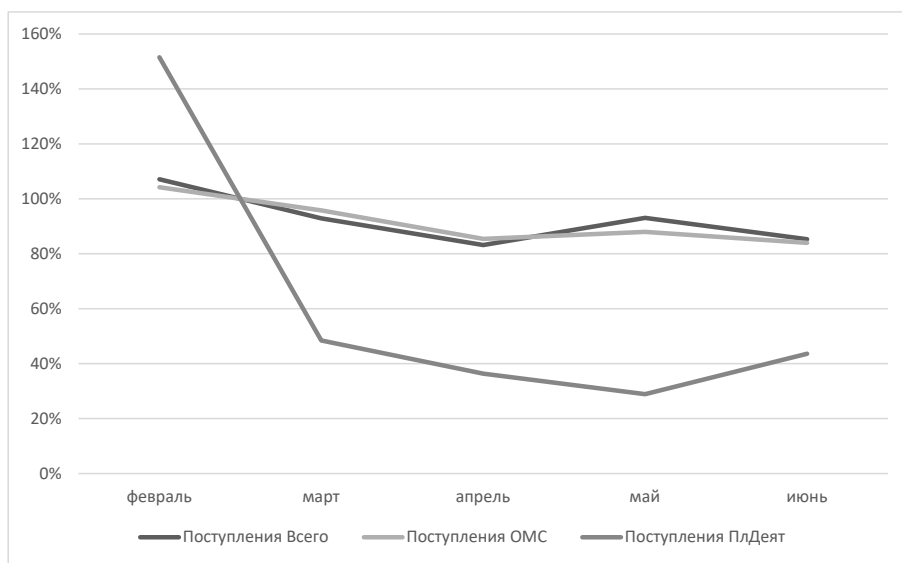


Рис. 2. Динамика поступлений (доходов) детских поликлиник

Figure 2. Dynamics of receipts (revenues) of children's polyclinics

Источник: данные ПП «ПАРУС – бюджет – 8»

Изменения объёма доходов во II квартале по сравнению с I кварталом 2020 г. систематизированы и представлены в таблице 3 в разрезе количества медицинских организаций, попавших в ту или иную группу.

В результате анализа наблюдается снижение общих поступлений (доходов) во II квартале 2020 г. у более 70% взрослых и детских поликлиник. В основном это объясняется резким снижением объёма поступлений по ПМУ (98% взрослых и 88% детских) и выпадающими доходами по ОМС за счёт оказания медицинских услуг иногородним пациентам. Вместе с тем нормативы подушевого

финансирования амбулаторно-поликлинических учреждений в 2020 г.²⁴ остались без изменений.

Таблица 3. Количество медицинских организаций в зависимости от степени изменения показателя «Отношение объема доходов во II кв. к доходам в I кв. 2020 г.».

Table 3. The number of medical organizations depending on the degree of change in the indicator "Ratio of revenue in the second quarter to revenue in the first quarter of 2020".

Изменения показателя	Количество взрослых поликлиник в группе			Количество детских поликлиник в группе		
	Доход, всего	Доход по ОМС	Доход, ПМУ	Доход, всего	Доход по ОМС	Доход, ПМУ
менее 90%	16	14	44	22	25	35
от 90% до 95%	6	3	0	7	4	0
от 95% до 100%	10	6	0	4	5	0
от 100% до 105%	6	9	1	2	2	0
более 105%	7	13	0	5	4	5
Всего	45	45	45	40	40	40

Источник: данные ПП «ПАРУС – бюджет – 8»

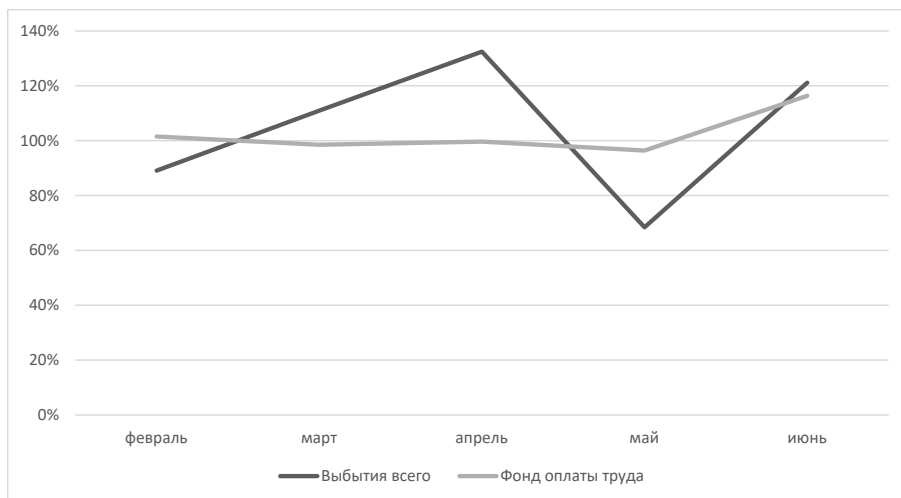


Рис. 3. Динамика выбытий (расходов) взрослых поликлиник

Fig. 3. Dynamics of expenses of adult polyclinics

Источник: данные ПП «ПАРУС – бюджет – 8»

Распределение поликлиник по группам также подтвердило общее снижение доходов как во взрослых, так и в детских поликлиниках. Таким образом, предположение о снижении поступлений из всех источников и по ПМУ подтверди-

²⁴ По состоянию на 17.07.2020 на сайте МГФОМС не опубликовано документов, вносящих изменения по подушевым нормативам, в Тарифное соглашение соглашению на оплату медицинской помощи, оказываемой по Территориальной Программе обязательного медицинского страхования города Москвы на 2020 г.

лось. Наблюдаемое снижение поступлений средств ОМС в отдельные месяцы не носит системный характер, и больше связано с особенностью процессов финансирования отдельных учреждений: колебаниями поступлений средств ОМС за предыдущие периоды (Садовникова, Тимейчук и др. 2019).

На рисунках 3 и 4 представлена динамика финансовых расходов (выбытия) взрослых и детских поликлиник, где за 100% принято среднее значение расходов в I кв. 2020 г.

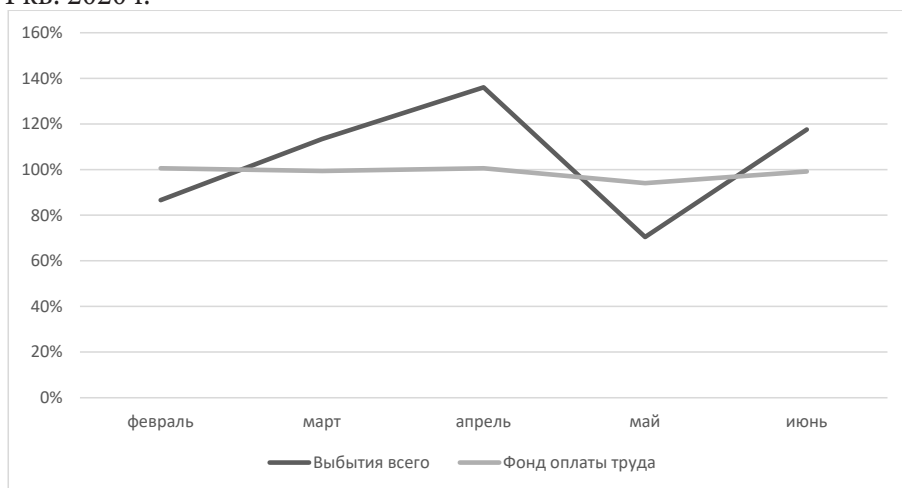


Рис. 4. Динамика выбытий (расходов) детских поликлиник
Figure 4. Dynamics of Disposals (expenses) of children's polyclinics

Источник: данные ПП «ПАРУС – бюджет – 8»

Изменения объёма расходов, включая фонд оплаты труда (ФОТ), во II квартале по сравнению с I кварталом 2020 г. систематизированы в зависимости от величины и представлены в таблице 4 в разрезе количества медицинских организаций, попавших в ту или иную группу.

Таблица 4. Количество медицинских организаций в зависимости от степени изменения показателя «Отношение объёма расходов во II кв. к расходам в I кв. 2020 г.»

Table 4. Number of medical organizations depending on the degree of change in the indicator "Ratio of expenditures in Q2 to expenditures in Q1 2020"

Изменения показателя	Количество взрослых поликлиник в группе		Количество детских поликлиник в группе	
	Выбытия всего	ФОТ (начисленный)	Выбытия всего	ФОТ (начисленный)
менее 90%	7	1	4	3
от 90% до 95%	0	6	4	10
от 95% до 100%	3	6	5	12
от 100% до 105%	7	9	9	10
более 105%	28	23	18	5
Всего	45	45	40	40

Источник: данные ПП «ПАРУС – бюджет – 8»

Результаты анализа показывают рост расходов во II квартале 2020 г. Резкий рост выбытий в апреле и снижение в мае связан с особенностями расчётов в учреждениях заработной платы работников, что отразилось на общих расходах²⁵. При этом начисленный ФОТ в I и II кварталах практически не изменился. Также на общее снижение расходов в мае повлияло снижение объёмов закупок материальных запасов и расходов на содержание медицинских организаций. По отдельным учреждениям можно отметить как увеличение общих расходов, так и увеличение расходов по оплате труда. Отличие в общей динамике и динамике отдельных учреждений демонстрирует способность сети взрослой и детской поликлиник балансировать в целом (Козыренко, Авдеева 2019). По результатам анализа установлено, что предположение о значительном снижении общих расходов по сравнению с общими доходами не подтверждается.

На рисунках 5 и 6 представлена динамика остатков средств на счетах взрослых и детских поликлиник.

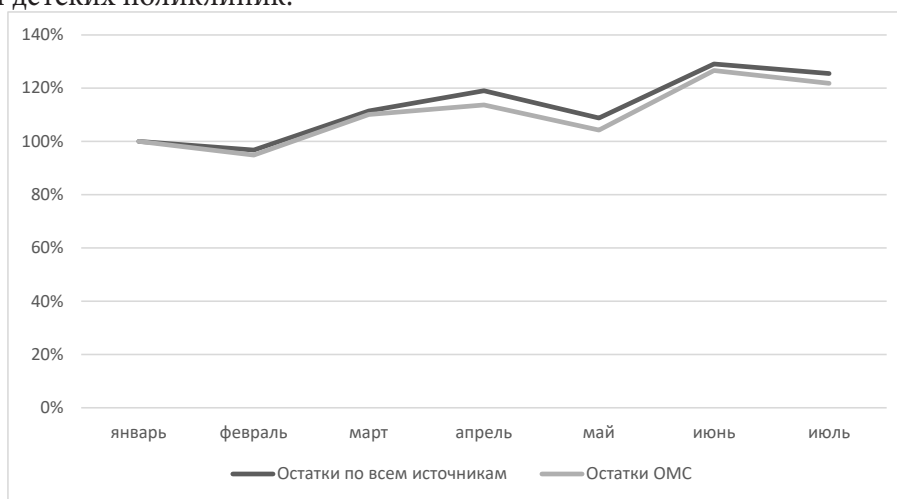


Рис. 5. Динамика остатков средств на счетах взрослых поликлиник

Figure 5. Dynamics of balances in the accounts of the adult clinic

Источник: данные ПП «ПАРУС – бюджет – 8».

Расчёт значения коэффициента обеспеченности, как показателя оборачиваемости остатков по отношению к расходам, позволяет определить сколько раз медицинская организация может покрыть свои расходы в течение месяца за счёт остатков. При этом 0,5 это мало, от 0,5 до 1 – свидетельствует о наличии рисков финансовой устойчивости, от 1 до 1,5 – устойчивое положение и свыше 1,5 – хорошая финансовая подушка.

²⁵ Досрочная выплата второй части заработной платы (окончательный расчёт) за апрель в апреле. По практике учреждений аванс по заработной плате оплачивается примерно 20 числа текущего месяца, окончательный расчёт за текущий месяц оплачивается 5 числа месяца, следующего за текущим.

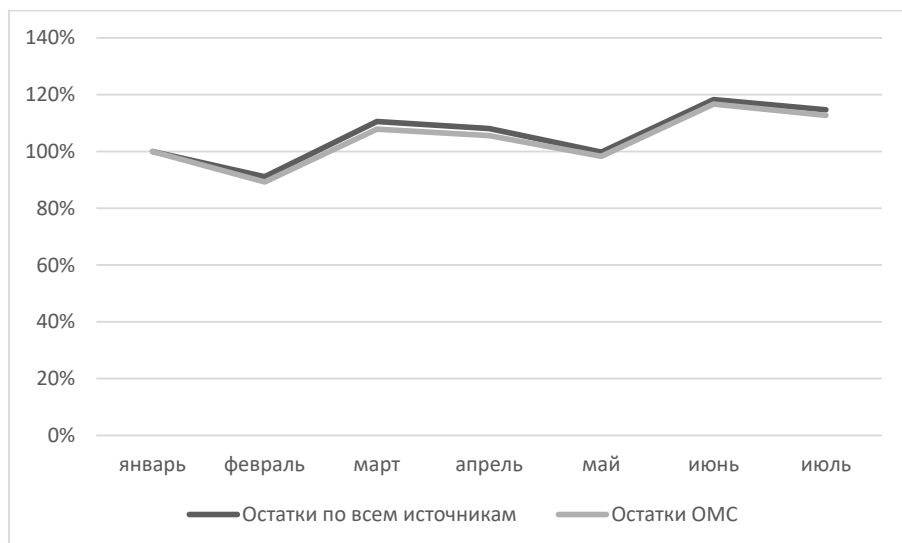


Рис. 6. Динамика остатков средств на счетах детских поликлиник

Figure 6. Dynamics of the balance of funds on the accounts of children's clinics

Источник: данные ПП «ПАРУС – бюджет – 8»

В таблицах 5 и 6 представлено распределение учреждений в зависимости от значения коэффициента обеспеченности за счёт общих доходов и за счёт средств ОМС.

Таблица 5. Распределение учреждений по уровню покрытия остатками на счетах (общий доход) расходов за месяц

Table 5. Distribution of institutions by the level of account balance coverage (total income) of expenses for the month

Период 2020 г.	Количество взрослых поликлиник в группе				Количество детских поликлиник в группе			
	менее 0,5	от 0,5 до 1	от 1 до 1,5	более 1,5	менее 0,5	от 0,5 до 1	от 1 до 1,5	более 1,5
февраль	1	6	7	31	3	6	6	25
март	0	2	9	34	0	6	3	31
апрель	2	3	9	31	2	7	11	20
май	1	5	7	32	2	4	3	31
июнь	0	2	8	35	1	5	1	33

Источник: данные ПП «ПАРУС – бюджет – 8»

Во II кв. 2020 г. наблюдается рост остатков финансовых средств у медицинских организаций, в том числе остатков средств ОМС. Отметим, что изменения остатков средств ОМС повторяет динамику общих остатков, так как средства ОМС – это наиболее крупный источник финансирования деятельности медицинских учреждений амбулаторного типа (Яшина и др. 2018).

Вместе с тем изменение коэффициента обеспеченности, т.е. покрытия общими остатками месячных расходов демонстрирует, что во взрослых поликли-

никах он сильно не изменился, в то время как у детских поликлиник значение показателя выросло. Покрытие расходов за счёт средств ОМС выросло и во взрослых, и в детских поликлиниках. Таким образом, результаты показывают, что, несмотря на незначительный рост расходов, взрослые поликлиники в целом за счёт остатков, прежде всего, средств ОМС сохранили свою текущую финансовую устойчивость, а детские поликлиники даже улучшили своё финансовое состояние. Одновременно рост коэффициента обеспеченности по всем поликлиникам предоставляет учреждениям больший манёвр в использовании финансовых ресурсов в будущие периоды.

Таблица 6. Распределение учреждений по уровню покрытия остатками на счетах (за счёт средств ОМС) расходов за месяц

Table 6. Distribution of institutions by the level of account balance coverage (at the expense of MHI funds) of expenses for the month

Период 2020 г.	Количество взрослых поликлиник в группе				Количество детских поликлиник в группе			
	менее 0,5	от 0,5 до 1	от 1 до 1,5	более 1,5	менее 0,5	от 0,5 до 1	от 1 до 1,5	более 1,5
февраль	3	7	11	24	5	10	5	20
март	0	9	7	29	1	7	7	25
апрель	4	7	12	22	3	13	6	18
май	6	7	2	30	3	7	2	28
июнь	2	7	3	33	2	7	1	30

Источник: данные ПП «ПАРУС – бюджет – 8»

Финансовое обеспечение системы здравоохранения и медицинских организаций, как центров оказания населению медицинской помощи, в период действия ряда ограничительных мер по передвижению граждан и оказания им плановых медицинских услуг из-за пандемии COVID-19 различается в разных странах и в значительной степени зависит от экономической модели системы здравоохранения. Как показал проведённый в данной статье кросс-страновый анализ моделей финансирования медицинских организаций в США, Великобритании, Польше и Российской Федерации, поддержание финансовой устойчивости медицинских организаций обеспечивается за счёт реализации государственной (бюджетной) и социально-страховой экономической модели, когда они получают необходимое финансирование в запланированном объёме независимо от объёмов и видов оказания медицинской помощи, в отличие от платного, частного медицинского страхования. При реализации в Российской Федерации смешанной государственно-страховой модели финансирования медицинских организаций, отмечен один из показательных примеров подтверждения реализации задач здравоохранения для населения и одновременно обеспечения финансовой устойчивости медицинских организаций – реализация соответствующей модели в г. Москва. В целом, установлено, что: 1) наибольшие финансовые потери понесли медицинские организации в странах, где медицинская помощь оказывается преимущественно на платной основе и/или частного

медицинского страхования; 2) наименьшие потери понесли медицинские организации, финансирование которых осуществляется на принципах подушевого тарифа за счёт бюджетных средств или средств обязательного медицинского страхования. Результаты анализа динамики финансовых показателей амбулаторно-поликлинических учреждений Москвы и оценки финансовой устойчивости учреждений в первом полугодии 2020 г. показали, что выдвинутые предположения подтвердились частично.

В сравнении с I кварталом 2020 г. во II квартале 2020 г. наблюдается снижение доходов по всем источникам доходов от оказания платных услуг, что соответствует выдвинутым предположениям. Также отмечается снижение доходов за счёт средств ОМС, что может объясняться выпадающими доходами за счёт оказания медицинских услуг иногородним пациентам, так как снизилось количество посещений ими поликлиник. По этой же причине во II квартале произошло резкое снижение доходов от оказания платных медицинских услуг.

Предположение о более резком снижении расходов по сравнению с доходами подтвердилось только в мае 2020 г. по всем типам поликлиник. В мае действия ограничений отразились сильнее, чем в другие месяцы периода самоизоляции. Рост расходов в апреле и сопоставимое снижение расходов в мае связано с выплатами по оплате труда сотрудников учреждений.

Гипотеза об увеличении финансовой устойчивости подтвердилась по детским поликлиникам, финансовая устойчивость взрослых поликлиник существенно не изменилась. Вместе с тем во всех исследуемых учреждениях наблюдается рост остатков финансовых средств, прежде всего, за счёт остатков средств ОМС, что предоставляет учреждениям возможность в будущем более свободно распоряжаться финансовыми ресурсами для оказания медицинской помощи. Таким образом, подушевой принцип финансирования амбулаторно-поликлинических учреждений за счёт средств ОМС способствовал финансовой устойчивости медицинских организаций в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

На фоне распространения коронавирусной инфекции COVID-19 в экспертном сообществе обсуждение модели финансирования медицинских учреждений получило новый импульс. Предлагаются разные варианты: от возврата к бюджетной (сметной) модели оплаты за оказанный объём медицинских услуг до реформирования системы ОМС. Предпосылками этой дискуссии служат риски возникновения дефицита средств финансирования медицинских учреждений. Предполагаемый дефицит связан с сокращением фонда оплаты труда работающего населения, с которого начисляются страховые взносы в федеральный фонд ОМС (ФФОМС). Независимо от дальнейших преобразований в России участие государства в системе финансирования медицинских учреждений будет возрастать. В контексте полученных результатов исследования, дополнительная настройка системы ОМС представляется более подходящим вариантом повышения устойчивости медицинских учреждений.

Об авторах:

Сергей Сергеевич Бударин – кандидат экономических наук, заведующий отделом методологии проведения аудита эффективности деятельности учреждений здравоохранения ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», 115088, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9.
E-mail: BudarinSS@zdrav.mos.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2757-5333>

Дмитрий Олегович Ватолин – аналитик ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», 115088, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9.
E-mail: VatolinDO@mos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4335-7697>

Юлия Викторовна Эльбек – научный сотрудник отдела методологии проведения аудита эффективности деятельности учреждений здравоохранения ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», 115088, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9.
E-mail: ElbekYV1@zdrav.mos.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8397-8327>

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: May 15, 2020
Accepted: September 05, 2020

Cross-Country Analysis of Funding Models of Medical Organizations in the Context of the COVID-19 Pandemic

S.S. Budarin, D.O. Vatolin, Elbek Iu.V.
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-352-374](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-352-374)

The State Budget Institution «The Research Institute of Health Care organization and Medical Management of the Moscow Health Care Department» (NIIOZMM DZM), Moscow, Russia

Abstract: The COVID-19 coronavirus infection has made significant adjustments to the management of the health care system, both in Russia and abroad. Different models of financing health systems in different ways responded to the management in emergency situations. According to experts, systems with a state-based socially oriented model of health care were more effective. At the same time, opinions were divided on the effectiveness of the insurance model for financing medical organizations that provide different types of medical care to the population. The article analyzes measures to provide medical organizations with financial and material and technical resources in countries with different economic models of the health system, and on the example of outpatient clinics in Moscow, compares changes in the main financial indicators in the first half of 2020 and assesses the financial stability of medical organizations during the period of restrictions on preventing the spread of

COVID-19 coronavirus infection. The hypothesis that financial condition of polyclinics during the period of restrictions has improved. It is based on the assumption that declining number of visits to medical organizations reduces the level of organizations' expenditures while maintaining the volume of their income at almost the same level due to the principle of per capita state financing of medical organizations that provide outpatient medical care. Based on the results of the analysis, it is concluded that the financial stability of adult polyclinics is maintained and the financial stability of children's polyclinics is increased.

Keywords: financial indicators, financial stability, OMI, outpatient clinics, coronavirus infection, expenses of institutions, funding volumes.

About the authors:

Sergey S. Budarin – Ph.D. in Economics, head of the Department of methodology for conducting performance audits of healthcare institutions, The State Budget Institution "The Research Institute of Health Care organization and Medical Management of the Moscow Health Care Department", Russia, 115088, Moscow, Podshipnikovskaya str. 9.
E-mail: BudarinSS@zdrav.mos.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2757-5333>

Dmitry O. Vatolin – analyst of The State Budget Institution "The Research Institute of Health Care organization and Medical Management of the Moscow Health Care Department", Russia, 115088, Moscow, Podshipnikovskaya str. 9.
E-mail: VatolinDO@mos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4335-7697>

Iulija V. Elbek – research associate of the Department of methodology for conducting an audit of the effectiveness of health care institutions, The State Budget Institution "The Research Institute of Health Care organization and Medical Management of the Moscow Health Care Department", Russia, 115088, Moscow, Podshipnikovskaya str. 9.
E-mail: ElbekYV1@zdrav.mos.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8397-8327>

Conflict of Interests: Authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Amerio A., Bianchi D., Santi F. et. al. 2020. COVID-19 Pandemic Impact on Mental Health: a Web-Based Cross-Sectional Survey on a Sample of Italian General Practitioners. *Acta Biomedica de l'ateneoparmense*. 91(2). P. 83-88. DOI: 10.23750/abm.v91i2.9619.
- Ashraf B.N. 2020. Economic Impact of Government Interventions During the COVID-19 Pandemic: International Evidence from Financial Markets. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 27(100371). DOI: 10.1016/j.jbef.2020.100371.
- Barbera, C., Guarini, E., Steccolini, I. 2020. How Do Governments Cope with Austerity? The Roles of Accounting in Shaping Governmental Financial Resilience. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 33(3). P. 529-558. DOI: 10.1108/AAAJ-11-2018-3739.
- Gouttea S., Péranc T., Porchere T. 2020. The Role of Economic Structural Factors in Determining Pandemic Mortality Rates: Evidence from the COVID-19 Outbreak in France. *Research in International Business and Finance*. Vol. 54. P. 101. DOI: 10.1016/j.ribaf.2020.101281.
- Iqbal M., Abid I., Hussain S. et al. 2020. The Effects of Regional Climatic Condition on the Spread of COVID-19 at Global Scale. *Science of the Total Environment*. Vol. 739. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.140101.
- Itaya T., Jindai K., Furuse Y. 2020. Does COVID-19 Infection Impact on the Trend of Seasonal Influenza Infection? 11 Countries and Regions, from 2014 to 2020. *International Journal of Infectious Diseases*. Vol. 97. P. 78-80. DOI: 10.1016/j.ijid.2020.05.088.

Hu Y. 2020. Intersecting Ethnic and Native–Migrant Inequalities in the Economic Impact of the COVID-19 Pandemic in the UK. *Research in Social Stratification and Mobility*. 68(100528). DOI: 10.1016/j.rssm.2020.100528.

Leunga T.Y., Sharmab P., Adithipyangkul P., et al. 2020. Gender equity and Public Health Outcomes: The COVID-19 Experience. *Journal of Business Research*. Vol. 116. P. 193–198. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.05.031.

Martin C.A. et al. 2020. Socio-Demographic Heterogeneity in the Prevalence of COVID-19 during Lockdown is Associated with Ethnicity and Household Size: Results from an Observational Cohort Study. *EClinical Medicine*. DOI: 10.1016/j.eclinm.2020.100466 *EClinicalMedicine* 000 (2020).

Manna F., Kruegera R., Vohsb K. 2020. Personal Economic Anxiety in Response to COVID-19. *Personality and Individual Differences* 167(110233). DOI: 10.1016/j.paid.2020.110233.

Mikolai J., Keenan K., Kulu H. 2020. Intersecting Household Level Health and Socio-Economic Vulnerabilities and the COVID-19 Crisis: An Analysis from the UK. *SSM – Population Health*. DOI: 10.1016/j.ssmph.2020.100628.

Nicolaa M., Alsafib Z., Sohrabic C. et al. 2020. The Socio-Economic Implications of the Coronavirus Pandemic (COVID-19): A Review. *International Journal of Surgery*. Vol. 78. P. 185–193. DOI: 10.1016/j.ijssu.2020.04.018.

Pikoulisa E., Puchnera K., Rizaa E. et al. 2020. In the Midst of the Perfect Storm: Swift Public Health Actions Needed in Order to Increase Societal Safety during the COVID-19 Pandemic. *Safety Science*. 129(104810). DOI: 10.1016/j.ssci.2020.104810.

Sabat I. et al. 2020. United but Divided: Policy Responses and People's Perceptions in the EU during the COVID-19 Outbreak. *Health Policy*. DOI: 10.1016/j.healthpol.2020.06.009

Watkins J., Maruthappu M. 2020. Public Health and Economic Responses to COVID-19: Finding the Tipping Point. *Public Health*. DOI: 10.1016/j.puhe.2020.05.025.

Yu J., Chai P., Ge S. et al. 2020. Recent Understandings Toward Coronavirus Disease 2019 (COVID-19): From Bench to Bedside. *Frontiers in Cell and Developmental Biology*. Vol. 8. No. Jun. DOI: 10.3389/fcell.2020.00476.

Arykbaev R.K., Lyudogovskaya S.P. 2016. Rol' medicinskogo strahovaniya v finansirovanii zdavoohraneniya v sovremennyh usloviyah [The Role of Health Insurance in Health Care Financing in Modern Conditions]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. №6. P. 11–14. (In Russian).

Antropov V.V. 2019. Finansirovanie zdavoohraneniya: evropejskij opyt i rossijskaya praktika [Healthcare Financing: European Experience and Russian Practice]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 12(2). P. 115–126. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-115-126. (In Russian).

Belyaev S.A. 2017. Ocenka rezervov uluchsheniya ekonomicheskoy deyatel'nosti medicinskogo uchrezhdeniya [Assessment of Reserves for Improving the Economic Activity of a Medical Institution]. *Karel'skij nauchnyj zhurnal*. 6(4(21)). P. 105–108. (In Russian).

Budarin S.S. 2020. Ustojchivostj funkcionirovanija mirovych system zdavoohraneniya v period pandemii COVID-19 [Sustainability of Global Health Systems during the COVID-19 Pandemic]. *Ekonomika i upravlenje: teorja i praktika*. 3(8). P. 105–114. (In Russian).

Goncharov N.G., Bojchenko Yu.Ya., Klochkov V.P., Luk'yanceva D.V., Moiseenko S.M., Pidde A.L., Pishchita A. N., Prosyani L.D., Preobrazhenskaya M.I., Rahimova O.Yu. 2017. Finansovoe obespechenie rossijskogo zdavoohraneniya iz sredstv Federal'nogo fonda obyazatel'nogo medicinskogo strahovaniya I byudzhetrov sub"ektov Rossijskoj Federacii [Financial Support of Russian Healthcare from the Federal Compulsory Medical Insurance Fund and the Budgets of the Constituent Entities of the Russian Federation]. *Mediko-social'naya ekspertiza i reabilitaciya*. 20(2). P. 100–103. (In Russian).

Kozyrenko E.I., Avdeeva L.O. 2019. Sovremennoe sostoyanie finansirovaniya zdavoohraneniya v Rossii [Current State of Healthcare Financing in Russia]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. №1. P. 153-164. (In Russian).

Maksimova T.G., Antohin YU. N. 2017. Sostoyanie i perspektivy finansovogo obespecheniya rossijskogo zdavoohraneniya: kratkij statisticheskij obzor [State and Prospects of Financial Support for Russian Healthcare: a Brief Statistical Overview]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 1-2(103). P. 173-178. (In Russian).

Murzaeva O. V. 2015. Analiz finansovogo obespecheniya zdavoohraneniya v ramkah territorial'noj programmy gosudarstvennyh garantij besplatnoj medicinskoj pomoshchi (na primere Respubliki Mordoviya) [Analysis of Financial Support for Health Care in the Framework of the Territorial Program of state Guarantees of Free Medical Care (on the Example of the Republic of Mordovia)]. *Mir nauki i obrazovaniya*. №4. (In Russian).

Sadovnikova Yu.Yu., Timejchuk L.N., Uvarova G.G. 2019. Ocenka upravleniya sistemoy zdavoohraneniya v Rossijskoj Federacii: sovremennye problem i trendy reformirovaniya [Assessment of Health System Management in the Russian Federation: Current Problems and Trends in Reform]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. №4. P. 55-63. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-55-63. (In Russian).

Soboleva E.A. 2019. Evolyuciya modeli finansirovaniya zdavoohraneniya v RF [Evolution of the Healthcare Financing Model in the Russian Federation]. *Ekonomika i Biznes: teoriya i praktika*. 12-3 (58). P. 67-75. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11519. (In Russian).

Yashina N.I., Emel'yanova O.V., Malysheva E.S., Pronchatova-Rubcova N.N. 2018. Metodologiya ocenki effektivnosti gosudarstvennogo finansirovaniya zdavoohraneniya v Rossii [Methodology for Evaluating the Effectiveness of Public Health Financing in Russia]. *Finansy i kredit*. 24(3). P. 693 - 708. DOI: 10.24891/fc.24.3.693. (In Russian).

Zverev V.V., Gabbasov F.F., Samedova E.N. 2019. Klasternyj podhod k razvitiyu regional'noj sistemy zdavoohraneniya [Cluster Approach to the Development of Regional Health Systems]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. N. 1. P. 76-87. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Антропов В.В. 2019. Финансирование здравоохранения: европейский опыт и российскийская практика. *Экономика. Налоги. Право*. 12(2). С. 115-126. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-115-126.

Арыкбаев Р.К., Людоговская С.П. 2016. Роль медицинского страхования в финансировании здравоохранения в современных условиях. *Экономика и бизнес: теория и практика*. №6. С. 11-14.

Беляев С.А. 2017. Оценка резервов улучшения экономической деятельности медицинского учреждения. *Карельский научный журнал*. Т. 6. №4(21). С. 105-108.

Бударин С.С. 2020. Устойчивость функционирования мировых систем здравоохранения в период пандемии COVID-19. *Экономика и управление: теория и практика*. 8(3). С. 105-114.

Гончаров Н.Г., Бойченко Ю.Я., Клочков В.П., Лукьянцева Д.В., Моисеенко С.М., Пиддэ А.Л., Пищита А.Н., Просяник Л.Д., Преображенская М.И., Рахимова О.Ю. 2017. Финансовое обеспечение российского здравоохранения из средств Федерального фонда обязательного медицинского страхования и бюджетов субъектов Российской Федерации. *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*. 20(2). С. 100-103.

Зверев В.В., Габбасов Ф.Ф., Самедова Э.Н. 2019. Кластерный подход к развитию региональной системы здравоохранения. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. №1. С. 76-87.

Козыренко Е.И., Авдеева Л.О. 2019. Современное состояние финансирования здравоохранения в России. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. №1. С. 153-164.

Мурзаева О.В. 2015. Анализ финансового обеспечения здравоохранения в рамках территориальной программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи (на примере Республики Мордовия). *Мир науки и образования*. №4.

Максимова Т.Г., Антохин Ю.Н. 2017. Состояние и перспективы финансового обеспечения российского здравоохранения: краткий статистический обзор. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 1-2 (103). С. 173-178.

Садовникова Ю.Ю., Тимейчук Л.Н., Уварова Г.Г. 2019. Оценка управления системой здравоохранения в Российской Федерации: современные проблемы и тренды реформирования. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. №4. С. 55-63. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-55-63.

Соболева Е.А. 2019. Эволюция модели финансирования здравоохранения в РФ. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 12-3(58). С. 67-75. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11519.

Яшина Н.И., Емельянова О.В., Малышева Е.С., Прончатова-Рубцова Н.Н. 2018. Методология оценки эффективности государственного финансирования здравоохранения в России. *Финансы и кредит*. 24(3). С. 693 - 708. DOI: 10.24891/fc.24.3.693.



Экономика благосостояния: ориентиры инклюзивного развития

М.Д. Симонова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на научное исследование ОЭСР *Экономика благосостояния: создавая возможности для повышения благосостояния населения и экономического роста*. ОЭСР. Париж. 2019.-55р. («The economy of well-being: creating opportunities for people's well-being and economic growth». OECD. Paris. 2019.)

Ключевые слова: ВВП, экономический рост, экономика благосостояния, инклюзивный рост, здравоохранение, образование, социальная защита, перераспределение благ, гендерное равенство.

Организация экономического сотрудничества и развития (далее ОЭСР) насчитывает 37 стран-членов. В целях устойчивого социального и экономического развития своих стран аналитическим аппаратом, в качестве одной из функций организации проводится мониторинг новейших тенденций мирового развития. На основе выявленных проблем разрабатываются исследования (*working papers*). Система подобных официальных документов имеет очень важное теоретическое, методологические и практическое значение, служит основой для развития, утверждения и, часто, пересмотра методологии множества международных организаций (ООН, ЕС, МОТ, ЕАЭС и др.) в области сферы их ответственности. Например, на официальном сайте ОЭСР публикуется система исследований по таким разделам как сельское хозяйство, занятость, энергетика, охрана окружающей среды, экономика, статистика, финансы, отрасли экономики, здоровье, наука и технологии, управление и пр.

Поэтому *целевой аудиторией* подобного рода документов являются, во-первых, официальные органы ОЭСР, поскольку положения таких исследовательских документов часто служат основой докладов заседаний Генерального

УДК: 339.97

Поступила в редакцию: 12.04.2020 г.

Принята к публикации: 15.10.2020 г.

секретариата, Министерского Совета, регулярных профильных заседаний министерских комитетов. На основе положений подобных исследовательских материалов принимаются официальные документы и решения ОЭСР, составляются годовые отчёты организации и пр. Во-вторых, правительственные органы стран ОЭСР, органы ЕС, все заинтересованные стороны, поскольку на основе разработанной теории и методологии, проведённого анализа, выявленных тенденций и проблем вырабатываются рекомендации, которые также может использовать данная группа пользователей.

Рецензируемый документ не является исключением. Понятие благосостояния (многомерного благосостояния) напрямую связано с экономическим развитием. Высокие темпы роста ВВП способствуют повышению материального благополучия населения, которое складывается из обеспечения страной своего населения социальными, материальными и финансовыми благами. В современных условиях усиления глобализации взаимосвязь экономического роста и благосостояния населения проявляется в других формах, чем раньше.

Поскольку благосостояние становится всё более актуальным статистическим и измерительным инструментом, то *целевой аудиторией работы* «Экономика благосостояния: создавая возможности для повышения благосостояния населения и экономического роста» являются не только исследовательские и аналитические подразделения ОЭСР, но и органы государственного управления, поскольку уровень благосостояния населения превращается в своеобразный «компас» для формирования мероприятий государственного регулирования, в том числе и в области инклюзивного роста. Всё большее число стран использует показатели благосостояния для формирования расходов бюджета.

Поэтому *актуальность* данного исследования заключается в разработке концепции «экономики благосостояния» как основы доказательства взаимозависимости показателей благосостояния населения и устойчивого экономического роста. Авторы его – эксперты ОЭСР А. Нозаль, Н. Мартин и Ф. Мартин¹. Документ представляет собой комплексное исследование социальных факторов, включаемых в концепцию многомерного благосостояния, которые влияют на экономический рост, т.е. на динамику ВВП.

Теоретическими источниками исследований на подобную тематику являются труды Д.М. Кейнса, С. Кузнец, Дж. Стоун, Дж. Стиглица, Ж.-П. Фитусси и М. Дюран, А. Сен, Т. Хирвиламми.

Во-первых, теоретической основой данного исследования являются труды Д.М. Кейнса, заложившего основы национального счетоводства и методологию расчёта ВВП (Keynes 2007). Во-вторых, исследуемая система социальных показателей, таких как состояние рынка труда и занятость, образование, здоровье, социальная защита, гендерное равенство, не относятся к показателям, прямо на-

¹ Ana Llena Nozal (OECD Directorate for Employment, Labour and Social Affairs), Neil Martin (OECD General Secretariat) and Fabrice Murtin (OECD Statistics and Data Directorate)

блюдаемым в целях СНС, что соответствует концепции Стиглица². Во-третьих, поскольку определение экономики благосостояния базируется на концепции «эффективного цикла», то это предполагает, что индивидуальное благосостояние и долгосрочный экономический рост взаимно усиливают друг друга, что соответствует теории Хирвиламми (Hirvilammi 2020). Важны характеристики экономики благосостояния и условия, при которых она может быть устойчивой.

Методология основывается на исследованиях экспертов ОЭСР³. Обзор этих работ демонстрирует, что организация сыграла заметную роль в развитии понятия «многомерное благосостояние» в качестве исследовательского, стимулирующего и политического инструмента. Сообществом были разработаны и приняты такие документы, как Рамочная программа ОЭСР по благосостоянию, Рамочная программа ОЭСР по принятию политических мер в отношении инклюзивного роста, инициатива «Лучшая жизнь» и инициатива «Новые подходы к решению экономических проблем»⁴. Поэтому потенциал для улучшения политических решений и результатов, основанных на многомерном понятии благосостояния, является значительным.

Информационной базой являются данные национальных статистических органов стран-членов ОЭСР и ЕС, директоров ОЭСР, Евростата, сотрудничающих стран. На основе обзора существующих эмпирических данных⁵ в документе содержится предложения о том, как можно построить экономику благосостояния. В нём даётся анализ нескольких важных каналов, по которым экономический рост и благосостояние поддерживают и усиливают друг друга, с упором на многомерное воздействие политики в четырёх областях, которые, как показали исследования, имеют важное значение для благосостояния: образование и профессиональные навыки; система здравоохранения; социальная защита и перераспределение; гендерное равенство.

Рецензируемый обзор важен с точки зрения его *научного и теоретического вклада*. В документе вводится понятие «экономики благосостояния». Авторы определяют её как экономику, которая: 1. расширяет имеющиеся у людей возможности для «восходящей социальной мобильности»⁶ и улучшения своей жизни по наиболее важным для них направлениям; 2. обеспечивает, чтобы эти возможности реализовывались у всех слоёв населения, включая группы, находящиеся в нижней части распределения; 3. уменьшает неравенство; и 4. способствует экологической и социальной устойчивости.

² Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. 2009. Report by the Commission on the Measurement of Economic and Social Progress. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report> (accessed 24.10.2020)

³ OECD. 2017. The Pursuit of Gender Equality: An Uphill Battle. *OECD Publishing, Paris*. DOI: 10.1787/9789264281318-en; OECD. 2019. How's Life in the Digital Age? Opportunities and Risks of the Digital Transformation for People's Well-being. *OECD Publishing, Paris*. DOI:10.1787/9789264311800-en.

⁴ *OECD Well-being Framework, the OECD Framework for Policy Action on Inclusive Growth, the Better Life Initiative and the New Approaches to Economic Challenges Initiative*. www.oecd.org

⁵ данные национальных статистических органов, директоров ОЭСР, Евростата.

⁶ *upwardsocialmobility* (термин MOT) - продвижение вверх по социальной лестнице

Изложенное выше даёт полные основания утверждать, что практическая значимость данного доклада для России, национальной теории и статистической практики весьма велика.

Поскольку человеческий потенциал является ключевым фактором инклюзивного роста, его уровень должен способствовать долгосрочному экономическому росту, социальной устойчивости и стабильности. Поэтому с точки зрения авторов концепция «экономика благосостояния» направлена на создание и поддержание «эффективного цикла», в котором оба элемента – устойчивый экономический рост и благосостояние – усиливаются в своей взаимозависимости на благо людей и общества.

Множество обзоров международных организаций и авторских концепций предлагают систему показателей многомерного индивидуального благосостояния, устойчивого развития благосостояния, которые стимулируют инклюзивный рост⁷. Индивидуальное благосостояние характеризуется индикаторами качества жизни и материальными условиями. Показатели системы национальных счетов и ВВП охватывают лишь малую часть блока материальных условий индивидуального благосостояния.

Критика исследования. Сторонники классических теорий полагают, что кейнсианство (Keynes 2007) определяет уровень экономического производства как результат спроса со стороны разных секторов экономики. Поэтому государственное регулирование должно быть направлено на поддержание полной занятости в стране. Экономисты Саймон Кузнец и Ричард Стоун (Stone 1984) были удостоены Нобелевской премии за свой вклад в создание системы национальных счетов (СНС), включающей макроэкономический показатель валовой внутренний продукт (ВВП), разработанный С. Кузнецом (Kuznets 1955).

ВВП является статистическим, макроэкономическим показателем, рассчитываемым по методологии международного стандарта национального счетоводства, принятого ООН в 1953 г. Последний усовершенствованный вариант СНС был адаптирован Статистической комиссией ООН в 2008 г.⁸, обеспечивающий дальнейшее развитие международной сопоставимости экономического развития стран. До настоящего времени главным показателем уровня жизни населения является ВВП на душу населения страны. Этот же индикатор на международном уровне является предметом международных сопоставлений. Глобальный раунд международных сопоставлений ВВП по паритету покупательной способности валют⁹ проводится периодически. Россия и страны СНГ, участвуя в данном мероприятии, вносят свой вклад в развитие международной методологии и получают важнейшую аналитическую информацию по многим

⁷ <https://www.oecd.org/sdd/OECD-stat-work-2013-well-being.pdf>; <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5jm3nptzwsxq-en.pdf?expires=1603121369&id=id&accname=guest&checksum=EBD5E2A2E9AEF56996B17C68F04B6AF6> OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. 20 Mar 2013. OECD. P.290

⁸ <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/sna2008russian.pdf>

⁹ <http://www.cisstat.com/icp/>

аспектам (учитывая уровень цен на сопоставимые группы товаров и услуг, их качество и прочее), крайне необходимую для детального совершенствования государственного регулирования социальной и экономической сферы своих стран.

С другой стороны, критики системы национальных счетов делают попытки выйти за рамки ВВП. Хорошо известны аргументы в пользу того, что можно измерить экономические показатели и общественный прогресс, не используя методологию СНС и её центральный макроэкономический показатель ВВП¹⁰. Сторонники этого подхода утверждают, что использование ВВП в качестве единственного измерителя не даёт органам государственного управления достаточно полной и точной картины того, насколько экономика функционирует в интересах граждан и воздействует на долгосрочную устойчивость (Stiglitz et al. 2010).

Авторы этой концепции предлагают кроме численного показателя ВВП применять дополнительные показатели. Описание и измерение неравенства населения, устойчивости, субъективного благосостояния, доверия и прочее не укладывается только в систему количественного изменения.

На практике сторонники этой концепции после доклада Стиглица в 2009 г.¹¹ осуществляют деятельность по сбору информации, конструированию и расчёту показателей, характеризующих уровень благосостояния населения стран ОЭСР в динамике и сравнении. С 2011 г. вышли пять изданий, последнее – в 2020¹². В этих сборниках публикуется практика отдельных стран по совершенствованию методологии и системы сбора информации.

Во-первых, *с методологической точки зрения*, недостатком этого процесса является само проведение выборочных наблюдений. Отсутствует административная система сбора данных, поскольку первичные данные не могут быть показателями анкет предприятий.

С точки зрения автора рецензии, для этого необходимо разрабатывать специальные статистические анкеты, определять признаки единиц совокупности. Качественные показатели, такие как различные индикаторы субъективного благосостояния, доверия и некоторые другие, подлежат сбору в результате специальных обследований. Поэтому далее их сложно подвергать статистической и эконометрической обработке и анализу, а также прогнозированию. Сконструировать один агрегированный показатель – помимо или включая ВВП – представляется проблематичным на данном этапе.

Во-вторых, *с организационной точки зрения*, во всех странах система сбора первичной информации должна быть принципиально перестроена, что требу-

¹⁰ Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. 2009. Report by the Commission on the Measurement of Economic and Social Progress. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report> (accessed 24.10.2020)

¹¹ Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. 2009. Report by the Commission on the Measurement of Economic and Social Progress. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report> (accessed 24.10.2020)

¹² How's Life? 2020. Measuring Well-being, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/93245fb7-en

ет специальных решений на государственном уровне и привлечения больших дополнительных финансовых средств. Не всегда сами государственные органы заинтересованы в мониторинге благосостояния и построения экономики благосостояния на постоянной основе, поскольку официальные данные подобного характера могут стать доказательством неэффективной политики правительства в исследуемой области.

С точки зрения автора данной рецензии, важным достоинством работы является широкое применение экономико-статистического и математического инструментария для расчёта, анализа и выявления степени воздействия изложенных факторов на всеобщий рост ВВП. Такая доказательная база является важным подтверждением необходимости выстраивания мер государственного регулирования в области социальной политики как системы, направленной на ускорение экономического развития конкретных стран и создания «экономики благосостояния».

Краткий обзор исследования «Экономика благосостояния: создавая возможности для повышения благосостояния населения и экономического роста».

Исследуемый доклад по структуре логичен, состоит из трёх разделов. Первый раздел является вводным. Содержательную нагрузку несут второй раздел под названием «Определение экономики благосостояния» (*Defining the economy of well-being*) и третий раздел «Обзор факторов влияния на ключевые направления политики» (*Multi-dimensional review of key policy impacts*).

Поскольку в настоящем документе ставится задача показать, как страны могут строить экономику благосостояния, то можно конкретизировать роль, которую государственное регулирование может играть в достижении этой цели. Авторы проводят анализ нескольких важных каналов, по которым экономический рост и благосостояние усиливают друг друга, сосредоточив внимание на ряде мероприятий госрегулирования, имеющих важное значение как для благосостояния, так и для экономического роста. Ими являются: 1) образование и профессиональные навыки; 2) система здравоохранения; 3) социальная защита и перераспределение; и 4) гендерное равенство.

В докладе, прежде всего, утверждается, что инвестиции в благосостояние людей закладывают основы для более сильного и устойчивого долгосрочного экономического роста. В частности, расширение возможностей доступа к высококачественному образованию и здравоохранению, а также поощрение инклюзивных систем социальной защиты, способствующих повышению устойчивости и продвижению вверх по социальной лестнице, являются мощными рычагами для активизации эффективного цикла, характеризующего «экономику благосостояния». Во-вторых, для получения полной отдачи эти инвестиции должны быть направлены на улучшение благосостояния всех слоёв населения. При этом подчёркивается важность устранения гендерного различия в доступе к достойным рабочим местам.

В разделе, касающемся *образования и квалификаций*, авторы утверждают, что «длительное и качественное» образование является показателем, выходящим «за рамки ВВП»¹³, не влияет на рост ВВП и охватывает многие другие аспекты благосостояния. Например, в странах ОЭСР высокообразованные люди живут в среднем на шесть лет дольше, чем люди с низким уровнем образования¹⁴. Занятость такого населения выше, они более защищены на рынке труда, в меньшей степени подвержены напряжённости на рабочем месте. Хотя при этом воздействие более длительного образования (регулярное повышение квалификации; высшее образование плюс регулярное повышение квалификации) на *баланс между работой и личной жизнью* может быть отрицательным. Попытки количественно оценить непосредственное влияние образования на благосостояние показывают, что отдача от образования более чем удваивается после учёта выгод от здравоохранения и занятости (Nozal et al. 2019: 24).

Важными рычагами в области государственного регулирования являются стимулирование более высокой посещаемости дошкольных учреждений, большей автономии школ и университетов, более низких показателей соотношения числа учащихся и преподавателей, уменьшение различий между академическим и профессиональным образованием, а также более низкие барьеры для финансирования студентов, получающих высшее образование.

Сокращение неравенства в доступе к начальному и среднему образованию и возможностей в школьном процессе образования имеет важное значение для содействия улучшению результатов обучающихся. Например, страны с высоким уровнем неравенства в образовании демонстрируют более низкую среднюю успеваемость обучающихся (низкие средние показатели в области образования). Аналогичным образом можно было бы значительно улучшить масштабы и эффективность профессиональной подготовки и обучения на протяжении всей жизни. Только около 40% взрослых в странах ОЭСР повышают квалификацию или получают дополнительное образование (Nozal et al. 2019: 25). Особенно это касается группы с низким уровнем образования – здесь население гораздо реже повышает квалификацию.

Анализируя влияние *здоровья* на экономический рост, авторы работы подчёркивают, что здоровье является одним из основных прав человека и ключевым фактором, способствующим благополучию. С другой стороны, улучшение состояния здоровья способствует экономическому росту за счёт увеличения инвестиций в образование, роста занятости (расширения участия на рынке труда) и увеличения сбережений. С другой стороны, плохое состояние здоровья налагает значительное экономическое бремя на общество, приводя к дополнительному государственному финансированию, к человеческим жертвам. Например,

¹³ Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. 2009. Report by the Commission on the Measurement of Economic and Social Progress. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report> (accessed 24.10.2020)

¹⁴ *Better life Index. OECD Better Life database*. URL: <https://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=BLI> (accessed 24.10.2020)

общие расходы на лечение психических заболеваний оцениваются более чем в 4% ВВП – или более 600 млрд евро в 28 странах ЕС (Nozal et al. 2019: 28). Около 550 000 человек трудоспособного возраста ежегодно умирают преждевременно в странах ЕС из-за неинфекционных заболеваний, и в сумме ежегодно теряется 3,4 млн лет человеческой жизни и 115 млрд евро экономического потенциала (Nozal et al. 2019: 30). Влияние состояния здоровья на другие аспекты благосостояния выходит далеко за рамки его влияния на рост ВВП. В наиболее значительной степени это проявляется в сфере образования, поскольку более высокая продолжительность жизни повышает пожизненную отдачу от инвестиций в образование, в то время как плохое здоровье снижает когнитивное развитие детей и успеваемость (образовательные результаты). Здоровье также является важным фактором, определяющим занятость и субъективное благополучие.

В этой сфере соответствующие эффективные меры государственного регулирования могут улучшить благосостояние населения и повысить экономические показатели путём обеспечения доступа к высококачественному медицинскому обслуживанию для всех слоёв населения, в частности за счёт расширения ассортимента товаров и услуг, охватываемых базовым (по национальному стандарту) медицинским обслуживанием. *Профилактические меры* и высокий уровень охраны здоровья являются важнейшими инвестициями, поскольку они зачастую являются более эффективными с точки зрения затрат, чем лечение заболеваний в последующем. Меры, способствующие улучшению психического здоровья, должны также представлять собой политические приоритеты, такие как разработка более систематических диагностических и вспомогательных программ (особенно в школе и во время беременности и перинатального периода), поощрение равноправия на работе и снижение стресса на рабочем месте. Аналогичным образом исследование 36 стран ОЭСР, 28 стран ЕС и G-20 показало, что общегосударственные стратегии по укреплению здоровья и профилактики заболеваний и программы по улучшению питания и физической активности могут помочь сэкономить до 58 млрд евро расходов на здравоохранение в общих бюджетах к 2050 г. (Nozal et al. 2019: 31). Сокращение неравенства в доступе к здравоохранению часто различается по экономическим, образовательным или профессиональным признакам. Например, неудовлетворённые потребности в медицинском уходе существенно выше для групп с низким уровнем дохода.

Анализируя содержание раздела «Социальная защита и перераспределение благ» необходимо выделить действия двух основных механизмов, на которых авторы делают акцент, поскольку социальная защита и перераспределение благ непосредственно влияют на благосостояние и экономический рост. Прежде всего, *социальные трансферты* защищают людей от экономической нестабильности и определённым образом от неблагоприятных потрясений. Во-вторых, трансферты могут предотвратить превращение фактического неравенства в настоящем периоде в неравенство возможностей для следующего поколения, особенно в области здравоохранения, образования и трудоустройства на рынке

труда. При этом социальная защита способствует повышению социально-экономической устойчивости и стимулирует инвестиции в физический и человеческий капитал, а также более высокий экономический рост. Недавние исследования ОЭСР¹⁵ подтверждают, что более *инклюзивные системы социальной защиты и перераспределения* могут быть связаны с более высокими темпами роста ВВП, в то время как более высокое неравенство доходов приводит к снижению экономических показателей. Влияние социальной защиты и перераспределения благ на благосостояние не ограничивается их воздействием на доходы населения. Имеются данные о том, что должная социальная защита и система перераспределения доходов приводят к более высокому субъективному благосостоянию.

Мероприятия и программы государственного социального и экономического регулирования могут быть направлены на рост благосостояния и повышение значений экономических показателей путём поощрения более инклюзивных систем социальной защиты и сокращения неравенства в возможностях и результатах. Например, новая стратегия ОЭСР в области занятости (*OECD Jobs Strategy*¹⁶) направлена на тщательно проработанные механизмы увязки социального страхования и помощи с активной политикой на рынке труда и политикой стимулирования спроса на рабочую силу. Такие меры могут быть эффективными с точки зрения защиты отдельных лиц в сочетании с обеспечением высокой занятости. Последствия могут быть важными, особенно для домохозяйств среднего класса, которые сталкиваются с более высокими рисками потери рабочего места (снижения мобильности). В странах ОЭСР, выделяющих больше бюджетных средств на Программы активных мер на рынке труда (*active labour market programmes (ALMP)*), как правило, регистрируется более низкая доля домохозяйств со средним уровнем дохода, у которых наблюдается его снижение. Инструментом в этой области может стать более *прогрессивная система подоходного налога*, применяемая, в частности, по отношению к наиболее обеспеченным слоям населения и являющаяся более справедливой для среднего класса.

В разделе «Гендерное равенство» уделено большое внимание мерам поощрения гендерного равенства, которое, помимо его внутренней ценности, приносит пользу обществу и экономике в целом по нескольким аспектам. Рост занятости женщин и количества отработанных ими часов приведёт к возрастанию производительности труда и ВВП. Это также может уменьшить неравенство доходов, поддержать доходы домохозяйств во время экономических спадов и консолидировать средний класс. Для ЕС, по расчётам автора, гендерное равен-

¹⁵ OECD. 2017. The Pursuit of Gender Equality: An Uphill Battle. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/9789264281318-en; OECD. 2019. How's Life in the Digital Age?: Opportunities and Risks of the Digital Transformation for People's Well-being. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/9789264311800-en.

¹⁶ www.oecd.org

ство может привести к увеличению общего ВВП до 9,6% к 2050 г.¹⁷ Нынешние тенденции в области ожидаемой продолжительности жизни и коэффициентов рождаемости усиливают необходимость расширения участия женщин в процессе производства. Кроме того, несмотря на рост удельного веса работающих женщин (коэффициент занятости женщин¹⁸), гендерное неравенство в плане доступа к качественным рабочим местам остаётся существенным. Женщины, имеющие работу, чаще работают неполный рабочий день, за меньшую плату и в менее прибыльных секторах.

Актуальна разработка мер регулирования и сокращения гендерного разрыва в *доступе к качественным рабочим местам*¹⁹. Это требует решения проблемы гендерного неравенства на рынке труда, а также в сфере образования и бесплатного медицинского обслуживания. Гендерные проблемы неразрывно связаны с политикой, учитывающей такие потребности семьи как *оплачиваемые отпуска, медицинское обслуживание, гибкие механизмы организации рабочего места*. Последнее важно, как мужчинам, так и женщинам для достижения благоприятного баланса между работой и личной жизнью и более высокого благосостояния. Необходимо принимать меры регулирования, позволяющие сочетать трудовую и семейную жизнь, в частности посредством качественного раннего образования и всех видов медицинского обслуживания. Равные условия компенсируют проблемы в семье, позволяя женщинам продвигаться по карьерной лестнице и предотвращая передачу этих недостатков детям²⁰. В частности, улучшение доступа к качественному медицинскому обслуживанию и дошкольным программам для детей имеет важнейшее значение для обеспечения гендерного равенства и предоставления детям наилучшего старта в жизни. Авторы исследования предлагают предпринять дальнейшие усилия по борьбе с насилием в отношении женщин. В масштабах всего ЕС, по их подсчётам, только 14% женщин сообщают о насилии со стороны партнёра в полицию по поводу самого серьёзного инцидента²¹.

Практическую значимость для России имеет разработанные авторами рекомендации по разделу по Стратегии благосостояния для Европейского союза. Основными её положениями являются сведение к минимуму пагубного воздействия социально-экономической политики на благосостояние и долгосрочный рост особенно в контексте *бюджетной корректировки*. Подчёркивается необходимость комплексного подхода правительств всех стран, поскольку неравенство, как правило, коррелирует со всеми аспектами развития общества.

¹⁷ OECD Gender Data Portal. URL: <http://oecd.org/gender/data/> (accessed 24.10.2020)

¹⁸ Female labour participation rates. Рассчитывается как соотношение работающих женщин к числу женщин в трудоспособном возрасте.

¹⁹ OECD. 2019. How's Life in the Digital Age? Opportunities and Risks of the Digital Transformation for People's Well-being. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/9789264311800-en.

²⁰ OECD. 2017. The Pursuit of Gender Equality: An Uphill Battle. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/9789264281318-en

²¹ OECD Gender Data Portal. URL: <http://oecd.org/gender/data/> (accessed 24.10.2020)

Важна роль также *частного сектора* в социально-экономическом развитии стран. Создание эффективных партнёрских отношений между государственным и частным сектором в целях содействия повышению благосостояния и мобилизации частного финансирования для инвестиций в социальную сферу может стать новаторским способом решения финансовых проблем.

Эксперты ОЭСР, являющиеся авторами рецензируемого документа, внесли теоретический вклад в развитие подходов к оценке роста благосостояния населения и экономического роста, сочетая положения концепции современного измерения уровня жизни населения (СНС) и концепцию «за рамками ВВП», предлагая понятие «экономика благосостояния». Европейский союз стал одной из первых международных организаций, признавшей актуальность данной проблемы. Важнейшей функцией в работе экономистов, статистиков, экспертов-аналитиков организации является сбор статистической информации, расчёт, моделирование и прогнозирование исследуемых явлений. На базе статистических данных о социальном и экономическом развитии стран ОЭСР проведены практические статистические расчёты, сделаны научные и практические выводы. Авторы выявили проблемы, характерные для современного этапа развития в области образования и развития профессиональных навыков, системы здравоохранения, социальной защиты и перераспределения, гендерного равенства. Результаты обоснованно вносят большой вклад в выработку рекомендаций правительственным органам стран своей организации с целью корректировки социальных программ и стимулирования инклюзивного развития и роста ВВП.

Важным достоинством работы является широкое применение экономико-статистического и математического инструментария для расчёта, анализа и выявления степени воздействия изложенных факторов на всеобщий рост ВВП. Такая доказательная база является важным инструментом и подтверждением необходимости выстраивания мер государственного регулирования в области социальной политики как системы, направленной на ускорение экономического развития конкретных стран и создания «экономики благосостояния».

С точки зрения автора рецензии, несмотря на большие преимущества российского здравоохранения, рекомендации доклада актуальны и для России, поскольку экономика и социальная сфера нашей страны развиваются в общемировом тренде. Практическое применение концепций инклюзивного роста и «экономики благосостояния» может стать важнейшим фактором устойчивого долгосрочного роста ВВП нашей страны.

Об авторе:

Марина Демьяновна Симонова – доктор экономических наук, профессор кафедры уч`та, статистики и аудита МГИМО МИД России, избранный член Международного статистического института, член IARIW. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: rusinamar@mail.ru

Received: April 12, 2020.
Accepted: October 15, 2020.

The Economy of Well-Being: Creating Opportunities for People's Well-Being and Economic Growth

M.D. Simonova
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-375-386](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-375-386)

Moscow State Institute of International Relations (university)

Abstract: Review of the paper by Nozal A.L., Martin N., Murtin F. *The economy of well-being: creating opportunities for people's well-being and economic growth*. OECD. 2019.

Keywords: GDP, economic growth, well-being, economy of well-being, health, education, skills, social protection, redistributive policies, gender equality

About the author:

Marina D. Simonova – Doctor of Science (Economic Sciences), Professor of Accounting, Statistics and Auditing Department of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation. Elected Member of International Statistical Institute. Member of IARIW. 76 Prospect Vernadskogo, room 3020, Moscow, Russian Federation, 119454. E-mail: rusinamar@mail.ru

References:

- Hirvilammi T. 2020. The Virtuous Circle of Sustainable Welfare as a Transformative Policy Idea. *Sustainability*. 12(1). DOI: 10.3390/su12010391
- Keynes J.M. 2007. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. 1936. Palgrave Macmillan. 472p.
- Kuznets S. 1955. Toward a Theory of Economic Growth. R. Lekachman (ed.). *National Policy for Economic Welfare at Home and Abroad*. Garden City (N.Y.). P. 12–77.
- Nozal A.L., Martin N., Murtin F. 2019. The Economy of Well-Being: Creating Opportunities for People's Well-Being and Economic Growth. *OECD Statistics Working Papers*. 55 p. DOI: 10.1787/498e9bc7-en
- Stiglitz J., Fitoussi J., Duran M. 2018. *Beyond GDP: Measuring What Counts for Economic and Social Performance* OECD Publishing. Paris. 148 p. DOI: 10.1787/9789264307292-en
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. 2010. *Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add up*. URL: <http://pdfalldogen.com/mismeasuring-our-lives-why-gdp-doesn-t-add-up-jean-paul-fitoussi-a-list-of-book-download-free.pdf> (accessed 24.10.2020)
- Stone J.R. 1984. Balancing the National Accounts: The Adjustment of Initial Estimates. In A. Ingham and A. M. Ulph, eds., *Demand, Equilibrium and Trade*. London: Macmillan.



«План Трампа» по урегулированию палестино-израильского конфликта

А.В. Крылов, А.В. Федорченко, Н.З. Шуминов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Данная статья является рецензией на доклад: *Peace to Prosperity: A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People*. Washington: The White House, January 29, 2020. 181 p.

Ключевые слова: Ближний Восток, США, Израиль, палестинские территории, палестинская проблема, палестино-израильский конфликт, ближневосточное урегулирование, «план Трампа», статус Иерусалима, палестинские беженцы, израильские поселения на оккупированных территориях, проблема палестинской государственности

Тотчас после того, как Д. Трамп официально стал 45-м президентом США, в одном из первых своих заявлений он недвусмысленно дал понять, что его администрация коренным образом пересмотрит и изменит политику в отношении урегулирования палестино-израильского конфликта¹. Вскоре появилась достоверная информация о том, что ближайшее политическое окружение нового американского президента активно занимается разработкой плана окончательного решения палестинского вопроса, который, по мнению самого Д. Трампа, должен стать беспрецедентной «сделкой века» («the ultimate deal»).

Изначально не было сомнений, что «план Трампа» будет иметь произраильскую ориентацию. Это подтверждалось тем, что Д. Трамп уже в декабре 2017 г. исполнил одно из наиболее эксцентричных своих предвыборных обещаний: от имени американского президента он объявил Иерусалим столицей Израиля и распорядился перенести посольство США из Тель-Авива в Иерусалим². Признание США Иерусалима столицей Государства Израиль по сути было грубейшим нарушением международного права, в том числе резолюции СБ ООН № 378 от

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 15.04.2020 г.

Принята к публикации: 10.10.2020 г.

¹ Remarks by President Trump and Prime Minister Netanyahu of Israel in Joint Press Conference. Washington: the White House, February 15, 2017.

² Statement by President Trump on Jerusalem. Washington: The White House, December 6, 2017.

1980 г., которая подтверждает, что «все законодательные и административные меры и меры, принятые Израилем, оккупирующей державой, которые изменили или подразумевают изменять характер и статус Святого города Иерусалима, и в особенности «основной закон» об Иерусалиме, не имеют законной силы и должны быть отменены немедленно»³. Ответная негативная реакция арабского мира и даже союзников США по НАТО склоняли администрацию Д. Трампа к тому, что нет смысла торопиться с презентацией «сделки века». Лишь спустя почти три года под давлением критики политических оппонентов, которые накануне предстоящих президентских выборов, называли «план Трампа» «обманом века» или «сделкой следующего века», долгожданный проект урегулирования по-американски затянувшегося палестино-израильского противостояния был опубликован.

В окончательном варианте новая ближневосточная инициатива Д. Трампа имела довольно привлекательный заголовок – «Мир, ведущий к процветанию. Видение лучшей жизни израильского и палестинского народов». Судя по внушительному объёму (181 страница), над подготовкой издания трудились десятки экспертов и советников президента по Ближнему Востоку. Ранее сообщалось, что в составлении «плана Трампа» участвовали зять президента и его главный советник Джаред Кушнер; посол США в Израиле Дэвид Фридман; спецпредставитель США на международных переговорах Джейсон Гринблатт, имеющий гражданство Израиля, а также бывший советник президента США по экономическим вопросам Дина Пауэлл. Иммигрантка из Египта была привлечена к работе, видимо для того, чтобы хоть как-то сбалансировать однородный национальный состав команды спичрайтеров американского президента⁴. Другие упомянутые выше авторы «плана Трампа» никогда не скрывали своей про-израильской ориентации. Тот же Д. Фридман поддерживает постоянные связи с главами израильских поселений на оккупированных палестинских территориях, публично называет «пособниками нацистов» всех, кто осуждает политику Израиля в отношении палестинцев, и крайне негативно относится к идее создания палестинского государства⁵.

Что касается самого «плана Трампа», то он состоит из двух основных разделов, которые заметно отличаются друг от друга по своим размерам: политический раздел уместается всего на 18 страницах; второй, внушительный по объёму раздел посвящён гипотетическому социально-экономическому развитию Западного берега и сектора Газа. Значительная часть политического раздела – это экскурс в историю переговорного процесса между израильской и палестинской сторонами, который завершается критикой соглашений «Осло-1» и «Осло-2», а

³ Security Council Resolution S/RES/378, October, 23 1975.

⁴ Д. Пауэлл объявила о своей отставке сразу после принятия Д. Тампом решения о трансфере посольства США из Тель-Авива в Иерусалим.

⁵ McGreal C. 2020. "'Don't talk about history': how Jared Kushner crafted his Middle East 'peace' plan". *The Guardian*, January 28. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/jan/27/jared-kushner-israel-palestine-peace-plan> (accessed 25.10.2020).

также иных двусторонних договорённостей, достигнутых при посредничестве США в период с 1993 по 2001 гг.⁶ «Соглашения Осло оставили нерешенными множество ключевых вопросов до завершения переговоров о постоянном статусе, в том числе вопросы о границах, безопасности, беженцах и Иерусалиме. Эти соглашения не смогли эффективно нейтрализовать те кризисы, которые возникли во время реализации соглашений Осло, включая волны террора и насилия», – подчёркивается в «плане Трампа» (с. 3). Отсюда делается следующий вывод: «Только реалистическое всеобъемлющее соглашение в сочетании с сильным экономическим планом развития для палестинцев и других лиц способно обеспечить прочный мир обеим сторонам. Такое реалистическое решение дало бы палестинцам власть управлять собой, но никак не полномочия угрожать Израилю. Это обязательное условие влечёт за собой ограничение некоторых суверенных полномочий в палестинских районах, таких как сохранение ответственности Израиля по обеспечению безопасности и сохранение израильского контроля над воздушным пространством к западу от реки Иордан». Проще говоря, речь идёт о сохранении нынешнего статус-кво, т.е. режима, позволяющего Израилю полностью контролировать границы, передвижение людей и товаров, водные ресурсы, воздушное пространство и коммуникации на палестинских территориях. Д. Трамп называет основное условие, на основании которого США будут готовы пойти на двугосударственное решение палестино-израильского спора – палестинское государство, включая Газу, должно быть полностью демилитаризовано (с. 49).

Д. Трамп не скрывает, что обеспечение надежной безопасности Израиля и его граждан является стержневой и приоритетной задачей его плана урегулирования палестино-израильского конфликта, и гарантии безопасности для Израиля превыше всех других ключевых вопросов постоянного статуса (с. 7-8).

Вопрос о статусе Иерусалима Д. Трамп считает полностью исчерпанным после переноса в этот город американского посольства. Иерусалим останется суверенной столицей государства Израиль, и он должен остаться неразделённым городом. Согласно плану, «столица государства Палестина должна быть создана в той части Восточного Иерусалима, которая расположена к востоку и северу от заградительного барьера, т.е. в районе, где находятся сейчас деревня Кафр-Акаб, часть Шуафата (лагерь беженцев) и Абу-Дис⁷. «Этот район может

⁶ Declaration of Principles on Interim Self-Government Arrangements S/26560, October 11, 1993; Agreement on the Gaza Strip and Jericho Area S/1994/727, June 20, 1994; Israeli-Palestinian Interim Agreement on the West Bank and the Gaza Strip S/1997/357 May 5, 1997; Protocol Concerning the Redeployment in Hebron, done at Jerusalem, 17-th day of January 1997, UNISPAL, January 17, 1997; Agreement - Wye River Memorandum (23 October 1998), UNISPAL, October, 1998; The Sharm el-Sheikh Memorandum on Implementation Timeline of Outstanding Commitments of Agreements Signed and the Resumption of Permanent Status Negotiations, UNISPAL, September 4, 1999; Israeli-Palestinian Joint Statement. UNISPAL, January 27, 2001.

⁷ Абу Дис – периферийный арабский посёлок, изолированный от Иерусалима железобетонной стеной. Жители Абу Диса не имеют права посещать Иерусалим без специальных разрешений.

быть назван «Аль-Кудс» или как-нибудь иначе, что зависит от властей будущего государства Палестина» (с. 17).

Проблему палестинских беженцев, по мнению Д. Трампа, надо рассматривать в контексте проблемы еврейских беженцев, пострадавших от арабо-израильских войн. В этой связи он предлагает вынести эту тему за рамки финального палестино-израильского соглашения и создать специальный автономный орган, который бы занимался исключительно делами палестинских и еврейских беженцев (с. 9). При этом предполагается, что Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам (UNRWA) будет распущено, а его обязанности и финансы переданы так называемому Фонду поддержки палестинских беженцев. Этот фонд будет содействовать интеграции палестинских беженцев в арабских странах. Гражданство государства Палестины будет предоставляться беженцам, которые сейчас находятся на территории лагерей, расположенных на Западном берегу и в секторе Газа. Предполагается, что в будущем эти лагеря будут демонтированы после того, как будут запущены в соответствии с планом экономического развития программы поддержки строительства нового жилья (с. 33).

Один из основных вопросов постоянного статуса – вопрос о границах между Израилем и палестинцами – Д. Трамп предлагает решать с учетом интересов еврейских поселенцев – граждан Израиля, которые сейчас живут в 150 поселениях на Западном берегу и составляют около 10% всего еврейского населения Израиля.

В представленной на 41 странице «плана Трампа» карте будущего палестинского государства на палестинской территории в радиусе 15 км. от муниципальных границ Иерусалима, сохраняются все основные еврейские блоки поселений. Ещё 15 изолированных израильских анклавов – Хермеш, Мево Дотан, Элон Море, Итамар, Браха, Ицхар, Атерет, Маале Амос, Асфар, Кармей Цур, Телем, Адора, Негохот, Бейт Хагай, Отниэль – тянутся сплошной цепочкой по всей территории Палестины с севера на юг. Почти полностью депалестинизированные ранее районы Иорданской долины и северная часть побережья Мертвого моря остаются под израильским контролем.

Таким образом, если бы «сделка века состоялась, то палестинцы потеряли бы около 40% своей территории. Д. Трамп намерен компенсировать эти утраченные палестинцами земли передачей им израильского пустынного и обезвоженного района Холот Халуца, где предполагается создать современные агро-промышленные зоны и предприятия «хай-тека» (с. 42). Также в качестве «компенсации» «план Трампа» не исключает реанимацию старой идеи израильских ультраправых о трансфере израильских 10 арабских общин «Арабского треугольника» – Кафр Кара, Арара, Бака эль-Гарбия, Умм эль-Фахм, Калансуа, Тайбе, Кафр Касим, Тира, Кафр Бара и Джальджулия (около 400 тыс. чел.) на Западный берег (с. 13). Кроме того, в целях обеспечения безопасности предлагается разбить территорию «палестинского демилитаризованного государства»

на 15 анклавов, которые будут сообщаться между собой контролируемыми израильскими коридорами. Один из таких коридоров должен соединить Западный берег и сектор Газа.

«План Трампа» подтверждает, что США отказались следовать в мирном процессе ближневосточного урегулирования одобренной всеми членами СБ ООН формуле «земля в обмен на мир». Эта формула подменяется асимметричной для палестинцев формулировкой «размен территориями в обмен на безопасность Израиля». Ближневосточная инициатива Д. Трампа – недвусмысленное свидетельство тому, что США отказываются от принципов, изложенных в известных резолюциях ООН № 242, № 338 и № 1397 которые утверждают, что установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке достижимо только при условии вывода израильских вооружённых сил с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 г. и на основе уважения и признания суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в данном районе⁸. Кроме того, положения «плана Трампа» торпедируют работу «квартета» посредников по ближневосточному урегулированию (Россия, США, ЕС и ООН), избранного международным сообществом и уполномоченного осуществлять свои посреднические функции на основе обозначенных выше резолюций СБ ООН.

Экономическая программа развития палестинских территорий названа её составителями «амбициозной и грандиозной по своему потенциалу и перспективам». За 10 лет предполагается увеличить ВВП Палестины в два раза, создать более миллиона новых рабочих мест и довести уровень безработицы до единичных значений, сократить на 50% показатель уровня бедности (часть 2, с.3). Для реализации этих действительно амбициозных и грандиозных задач предлагается создать международный инвестиционный фонд («Фонд процветания») в размере 50 млрд долл. для финансирования 179 инфраструктурных и бизнес-проектов, который будет управляться «многосторонним банком развития», а инвестиции защищены «гарантиями безопасности, подотчётности, прозрачности и мерами противодействия коррупции (часть 2, с. 1-2). В финансировании проектов примут участие в основном арабские государства, Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Япония и, возможно, некоторые страны Евросоюза, а также состоятельные частные инвесторы (ч. 2, с. 6). Большая часть из 50 млрд долл. будет потрачена на Западном берегу и в Газе, 9 млрд долл. – в Египте, 7 млрд долл. – в Иордании и 6,3 млрд долл. – в Ливане (ч. 2, с. 12). Программа социально-экономического развития палестинских территорий включает в себя ряд конкретных проектов, в том числе проекты, реконструкции электростанций, благоустройства инфраструктуры для развития туризма, модернизации палестинских больниц, поликлиник, школ, улучшения снабжения населения питьевой водой и

⁸ Security Council Resolutions: S/RES/242 (1967), November 22, 1967; S/RES/338 (1973), October 22, 1973; S/RES/1397, March 12, (2002).

очистки сточных вод, строительства нового палестинского университета, который войдёт в топ – 150 вузов мира (ч. 2 с. 7-21).

Следует отметить, что и политическая, и социально-экономическая программы Д. Трампа носят утопический характер. Во-первых, все государства, входящие в донорский комитет финансовой поддержки ПНА (Ad Hoc Liaison Committee (АНЛС)), давно определились с тем, сколько средств они будут выделять на институциональное строительство основ жизнеспособного палестинского государства. И вряд ли сейчас в нынешних неблагоприятных общемировых условиях выхода из пандемии Covid-19 будут готовы пересмотреть свои инвестиционные обязательства. До сих пор общими усилиями удавалось собрать для поддержки экономики палестинских территорий не более 3 млрд долл. в год, и эти деньги идут в основном на оплату труда государственных служащих ПНА.

Напомним также, что до появления «плана Трампа» Ш. Перес, бывший президент и дважды премьер-министр Израиля, ещё в 1990-х гг. активно поддерживал идею привлечения израильских инвестиций в развитие палестинской экономики, наивно полагая, что израильские капиталы, помноженные на дешёвую рабочую силу палестинцев, будут способствовать росту их благосостояния и станут важным элементом на пути к достижению стабильного мира в регионе (Перес 1994). С 2007 г по 2009 г. спецпредставитель «квартета» по ближневосточному урегулированию, бывший премьер-министр Великобритании Т. Блэйр попытался реализовать свою программу «На пути к палестинскому государству», которая предполагала строительство ряда совместных палестино-израильских промышленных зон на Западном берегу. Однако из-за негативной позиции, занятой израильскими властями по отношению к программе Т. Блэйра, тот вскоре был вынужден признать, что без прорыва на политическом направлении, решать какие-либо задачи по улучшению качества жизни палестинцев – задача абсолютно бесперспективная (Крылов 2009).

«План Трампа» ещё до его официальной публикации был встречен с негативной критикой большинством государств мира. Такая же реакция последовала после того, как он вышел в свет. Лига арабских государств единогласно отклонила «сделку века». Глава ПНА М. Аббас отказался от посреднических услуг США в палестино-израильском диалоге и официально объявил, что Палестина отныне считает недействительными все прежние договоренности, достигнутые между палестинской и израильской сторонами. Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш заявил, что «единственный план, который он может принять, – это такой план, который подразумевает полное соблюдение резолюций Совета Безопасности и международного права»⁹. Ключевые страны Евросоюза предупредили Израиль о возможных санкциях в случае, если будет аннексирована хотя бы часть Западного берега.

⁹ Press Conference by Secretary-General António Guterres at United Nations Headquarters, February 4, 2020.

В самих США «план Трампа» вызвал неоднозначную реакцию. Сенаторы-демократы направили коллективное письмо президенту, в котором указали, что «решения, предложенные Белым домом, нарушают право палестинского народа на самоопределение и подрывают безопасность Израиля». Госсекретарь США М. Помпео неожиданно заявил, что предложения Д. Трампа – предмет для размышления для палестинцев, рассчитанный на четыре года¹⁰.

И только в Израиле публикация плана была воспринята как сигнал к решительным действиям. При этом складывается впечатление, что представители израильского правящего руководства прочитали только те разделы, которые свидетельствуют о готовности администрации Д. Трампа признать правомерность распространения израильского суверенитета над отдельными районами Западного берега. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху отдал распоряжение к концу июня 2020 г. завершить подготовку плана по аннексии Иорданской долины и территорий, на которых находятся крупные поселенческие блоки. Он уже передал послу США Д. Фридману несколько вариантов карт предстоящей военной операции¹¹. Если будет получено одобрение из Вашингтона – вне всякого сомнения – Б. Нетаньяху в условиях продолжающегося правительственного кризиса может начать реализацию наихудшего сценария решения палестинской проблемы.

Об авторах:

Александр Владимирович Крылов – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Андрей Васильевич Федорченко – доктор экономических наук, профессор, директор Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Натан Заурович Шуминов – аспирант МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: 3natan@mail.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

¹⁰ Senators: A sustainable solution must support the legitimate rights, aspirations, and needs of both Israelis and Palestinians. Washington: United State Senate, January 20, 2020. URL: <https://www.vanhollen.senate.gov/imo/media/doc/Van%20Hollen%20Letter%20MidEast%20Peace%20Plan.pdf> (accessed 25.10.2020)

¹¹ Tuchfeld M. 2020. PM: Gov't will pass sovereignty next week, even if Blue and White opposes bid. *Israel Hayom*, June 18. URL: <https://www.israelhayom.com/2020/06/18/pm-govt-will-pass-sovereignty-next-week-even-if-blue-and-white-opposes/> (accessed 25.10.2020)

Received: April 15, 2020
Accepted for publication: 10.10.2020

Trump Plan for Settlement of Palestine-Israeli Conflict

A.V. Krylov, A.V. Fedorchenko, N.Z. Shuminov
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-387-394](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-387-394)

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia

Abstract: This article is a review of the talk: Peace to Prosperity: A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People. Washington: The White House, January 29, 2020. 181 p.

Keywords: Middle East, USA, Israel, Palestinian territories, Palestinian problem, Palestinian-Israeli conflict, Middle East settlement, Trump plan, status of Jerusalem, Palestinian refugees, Israeli settlements in the occupied territories, problem of Palestinian statehood

About the author:

Alexander V. Krylov – Doctor of Sciences. (History), Professor, Leading Researcher, Center for Middle East Studies, Institute of International Studies, MGIMO University. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Andrey V. Fedorchenko – Doctor of Sciences. (Economics), Professor, Director of Center for Middle East Studies, Institute of International Studies, MGIMO University. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Natan Z. Shuminov – PhD student in History of International Relations. MGIMO University. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: 3natan@mail.ru

Conflict of interests: The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Peace to Prosperity: A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People. 2020. Washington: The White House. 181 p.

Krylov A.V. 2009. Osnovnie napravleniya raboty spetspredstavatelya "kvarteta" bliznevoostchnogo uregulirovaniya Tony Blaira v Ierusalime [The Main Lines of Work of the Office of the Special Representative of the Quartet of the Middle East conflict solution Tony Blair in Jerusalem] *Analiticheskiye zapiski.* 6(46). 33 p. (In Russian)

Peres Sh. 1994. *Noviy Blijniy Vostok* [The New Middle East]. Moscow: Progress. 240 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Крылов А.В. 2009. Основные направления работы офиса спецпредставителя «квартета» ближневосточного урегулирования Тони Блэира в Иерусалиме. *Аналитические записки.* 6(46). 33 с.

Перес Ш. 1994. *Новый Ближний Восток.* Москва: Прогресс. 240 с.